

Әбдуәли Қайдар

ҒЫЛЫМДАҒЫ ҒҰМЫР

III - ТОМ

Мақалалар жинағы

*Алматы
«Сардар» баспа үйі
2014 жыл*

ӘОЖ 81. 373

КБЖ 81.2 Қаз – 3

**Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі
Тілдерді дамыту және қоғамдық-саяси жұмыс комитетінің
тапсырысы бойынша**

**«Қазақстан Республикасында тілдерді дамыту мен
қолданудың 2011- 2020 жылдарға арналған мемлекеттік
бағдарламасы» аясында шығарылды**

Жауапты редактор:

филология ғылымдарының кандидаты Ә.Ә.Өтебаева

Қ 23 **Ғылымдағы ғұмыр.** Мақалалар жинағы /Ә. Қайдар
– Алматы: «Сардар» баспа үйі, 2014. 512 – бет.

ISBN 978-601 – 7174- 42- 2 - Т.3.

ISBN 978-601 – 7174- 45- 3

Жинаққа белгілі тіл маманы, филология ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі Әбдуәли Қайдардың әр жылдары газет, журнал беттерінде жарияланған ғылыми мақалалар топтамасы берілді.

Кітап қазақ тілінің бай қазынасын тереңірек білгісі келетін миллиондаған оқушы, студент жастар мен зиялы қауым және қалың жұртшылыққа арналған.

ӘОЖ 81.373

КБЖ 81.2 Қаз – 3

ISBN 978-601 – 7174- 42- 2 - Т.3.

© Қайдар Ә., 2014

ISBN 978-601 – 7174- 45- 3

© «Сардар» баспа үйі, 2014

Апғысөз

Қазақ тілін түбегейлі, терең зерттеу арқылы ұлттың болмысын танытқан, ана тілінің қоғамдағы орнын анықтап, мемлекеттік тілдің мәртебесін жоғары деңгейге көтерген, аса көрнекті ғалым – ҚР Ұлттық Ғылым академиясының академигі, филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР еңбек сіңірген Ғылым қайраткері Әбдуәли Туғанбайұлы Қайдар.

Қазақ ғылымының қара шаңырағы – Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтында өтіп жатқан алпыс жылдан астам уақыт ішінде Ә.Т.Қайдар аспиранттан академикке дейінгі қызығы мен қиындығы мол жолды бастан өткеріп, іскер басшы, білікті ғылыми жетекші, ғылым болашағын болжай алатын талантты ұйымдастырушы ретінде танылды.

Ғалымның жалпы түркітану ғылымына, соның ішінде, әсіресе қазақ тіл білімі мен түркітану саласына қосқан нақтылы үлесі мен сіңірген еңбегі оның жариялаған 700-ден аса (жалпы көмегі 1000 б.т. астам) зерттеулерінен, оларда көтерілген сан алуан (50-ден астам) лингвистикалық проблемалардың қажеттілігінен де, тақырыбынан да айқын көруге болады.

Ғалымның «Қаңлы: тарихи шежіре» (Алматы, 2003) атты көлемді монографиясы мен «Қазақ қандай халық?» (Алматы, 2008) атты монографиясы және 3 томдық «Қазақтар: ана тілі әлемінде» атты этнолингвистикалық сөздігі (2009; 2013) келешек ұрпаққа ұлттық қасиеттерімізді басқа бұлақтардан емес, тек тіл бұлағынан ғана сусындай білудің нақты дәйегін көрсетеді. Соның бір нақты айғағы академик Ә.Қайдардың лексикография саласындағы еңбектері: «Ұйғырша-орысша лингвистикалық сөздік», «Қазақша-орысша бір буынды түбірлер сөздігі» (1986), «Уйгурско-русский словарь» (1961), «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі» (авт. бірі) (1966), «Тысяча метких и образных выражений: казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями» (Астана, 2003), «Халық даналығы (қазақ мақал-мәтелдерінің түсіндірме сөздігі және

зерттеу)» (Алматы, 2004), «Қазақ тіліндегі қос сөздер: зерттеу және сөздік» (Алматы, 2013) т.б.

Академик Ә.Қайдар өзінің үздік өнегесімен ғана емес ғылымда еліміздің рухани-мәдени, саяси-әлеуметтік, білім мен ғылым жүйесіндегі ғылыми зерттеу мен кадр дайындауды ұйымдастыру, тіл саясаты мен мемлекеттік тілдің қызметінің жүзеге асырылуы ісіне қоғам қайраткері ретінде де белсене араласып, азаматтылықтың жоғары деңгейінен көрініп келеді. Мұны ғалымның 60 жыл бойы атқарып келген, әлі де жалғастырып отырған еңбек жолы айқын көрсетеді.

Ә.Қайдардың түркітану, алтайтану проблемасына қосқан үлесі мол. Ғалым бұл мәселелерді зерттегенде ғылыми-теориялық және тарихи тұрғыдан жүйелеп зерттеу, тіларалық, құбылыстарды айқындау және алтай тобына енетін жапон, моңғол, корей, тұңғыс-манжур тілдерінің түркі тобындағы тілдермен тектік, тарихи жақындығы мен қарым-қатынасын айқындау мәселелеріне баса назар аударды.

Академик Ә.Қайдардың бұл саладағы зерттеулеріне түркология тарихын жүйелі зерттеуге арналған профессор М.Оразовпен бірігіп жазған «Түркітануға кіріспе» оқулығын, жалпы түркология проблемаларына, түркі тілдерінің өзара қарым-қатыстарына, ұйғыр мен қазақ тілдерінің кеңес дәуірінде дамуының ортақ заңдылықтарына және алтай тілдері тобындағы тілдердің өзара ұқсастығы мен жақындығына арналған еңбектерін атауға болады. Жеке монография, оқулық, сөздік, топтама-жинақ, мақала түрінде дүниеге келген бұл еңбектер, мәні мен маңызын айтпағанның өзінде, тек олардың ауқым-аумағының өзі-ақ ғалымның көп жылдар бойы тынбай жүргізген зерттеулерінің нәтижесі екендігі белгілі.

Қазақ, ұйғыр тілдерінің даму, қалыптасу тарихы ғалымның назарынан тыс қалған емес. Ұйғыр тіл білімінің қалыптасуы мен дамуына елеулі үлес қосқан Ә.Қайдардың еңбектері осы заманғы және көне ұйғыр тілін зерттеуге арналды. Ол совет ұйғыр әдеби тілінің қалыптасу заңдылықтары мен дамуын, оның

фонетикалық және диалектикалық ерекшеліктерін зерттеу жөнінде бірқатар құнды еңбектер жариялады, сонымен қатар ұйғыр әдеби тілінің грамматикалық құрылымы жете зерттелген екі томды монографиялық еңбектің авторларының бірі болды. Жинақта ғалымның ұйғыр тіл білімін зерттеуге арналған мақалалары топтастырылып берілді.

Бүгінгі таңда жастардың тәрбиесі, оларға жүйелі де терең білім беру – оқу-ағарту саласында қызмет етуші қауымды қатты толғандырып, ойландыратын күрделі де жауапты мәселелердің бірі. Осыған орай жинақта академик Ә.Қайдардың көтерген нақтылы мәселелерін, атап айтқанда: оқу-ағарту ісін баяндайтын мақалалары, жеке авторлардың еңбектері мен оқулықтарына жазылған сын-пікірлері берілді.

Бүгінде 90 жас жасап отырған ғалым Әбдуәли Туганбайұлы Қайдардың жарты ғасыр барысында жарияланған мақалаларын тақырыптық топтарға бөліп, бүгінгі оқырман назарына ұсынып отырмыз.

Сөз соңында осы еңбектің өз деңгейіне сай сапалы болып шығуына белсене атсалысқан А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтының басшылығы мен шәкірттері – филология ғылымдарының докторы, профессор Ж.Манкееваға, филология ғылымдарының кандидаты Э.Өтебаеваға, магистрлер Г.Тлегеноваға, М.Құсмолдановаға зор алғысымызды білдіреміз.

ТҮРКІТАНУ ЖӘНЕ АЛТАЙТАНУ

Түркітану (түркология) мен *алтайтану* (алтаистика) түркі тілдері мен алтай тобына жататын моңғол, тұңғыс-манжұр, жапон, корей тілдерінің туыстығын тарихи-салыстырмалы тәсілдер арқылы зерттейтін ғылым салалары десек, бұл салаларда да академик Ә.Қайдардың қосқан үлесі баршылық деп айта аламыз.

Айта кету керек, түркітану – өлі-тірі түркі тілдерінің өзара алыс-жақын туыстығын, дамуындағы ұқсас заңдылықтары мен өзіндік ерекшеліктерін айқындаудың бір тәсілі.

Бұл екеуі – астарлас, тамыры алыста жатқан, түп-төркіні мен өзара алыс-жақындығы әлі күнге дейін толық айқындала қоймаған қос-егіз проблема. Сондықтан да болар, жеке тіл табиғатын зерттеуші ғалымдардың көбі-ақ ол жөніндегі бір ауыз болса да өз пікірін ортаға салуға тырысады. Түркі тілдерін өзара салыстыра зерттеу екі айнаны қарсы қойып, бірін-бірін айқынырақ көру сияқты болса, алтай тобына жататын тілдері салыстыру – жат болып кеткен жұрттардың арасынан туысканын іздеумен барабар.

Академик Ә.Қайдардың бұл екі саланың екеуіне де қызығуының және бұл салалар бойынша пікір айтуға талпынуының басты себебі – зерттеп жүрген тілдерінің табиғатын тереңірек білу, олардың алып отырған орнын анықтап, ортақ, сәйкес, ұқсас заңдылықтарды зерделеу арқылы сөз тұлғаларына этимологиялық талдау жасау. Осы мақсаттарға орай ғалымның бұл салалардағы зерттеулерін үш топқа бөліп қарастыруға болатын сияқты, олар: 1) ғылыми-теориялық және тарихи тұрғыдан жүйелеп зерттеу; 2) тіларалық ортақ құбылыстарды айқындау; 3) алтай тобына енетін *жапон, моңғол, корей, тұңғыс-манжұр* тілдерінің түркі тобындағы тілдермен тектік (генеологиялық), тарихи жақындығы мен қарым-қатынасын айқындау мәселелеріне барып саяды.

Академик Ә.Қайдардың бұл саладағы зерттеулерін, міне, осы тұрғыдан қарастырғанда олар ең алдымен түркология тарихын жүйелі зерттеуге бағышталған (проф. М.Оразовпен бірлікте жазылған) мына еңбекті ((бірінші басылымы – *«Түркологияға кіріспе»* (Алматы, «Мектеп», 1985, 166 б.), жөнделіп, толықтырылған екінші басылымы – *«Түркітануға кіріспе»* (Алматы, «Қазақ университеті», 1992, 248 б.)) атай аламыз. Жер жүзі және отандық түркітану ғылымының пайда болу, қалыптасу тарихын жүйелі түрде баяндайтын бұл еңбек республикадағы университеттер мен

педагогика институттарының филология факультеттері студенттеріне арналған оқу құралы ретінде білім берудің бір бұлағы болып келеді.

Ғалымның жалпы түркология проблемаларына («Түркология»// Қазақ ССР, 4-томдық қысқаша энциклопедия. Алматы, 1988, 3-том, 552-554 б. т.б.) қатысты да, түркі тілдерінің өзара қарым-қатынасына бағышталған («Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках». // Советская тюркология, 1972, №2, С. 16-22. «Қазақ және ұйғыр әдеби тілдерінің совет дәуірінде дамуының ортақ заңдылықтары» // Вест. АН КазССР, 1973, №8, С. 51-58; «Некоторые аспекты взаимодействия уйгурского языка с казахским» // Местные особенности в казахском языке. Алма-Ата, «Наука», 1973, С. 24-31; «Фонетические факторы, приводящие к семантической дифференциации слов в тюркских языках» // Тюркское языкознание..., Ташкент, 1985, С. 262-268), т.б. еңбектерді атауға болады.

Алтайтану саласындағы ғалымның зерттеулері мен пікірлері негізінен алтай теориясына, әсіресе осы топтардың өзара ұқсастығы мен жақындық деңгейіне бағышталады. «Алтайстика»// ҚСЭ, Алматы, 1972. 1-том, 292 б. Бұл бағыттағы ізденістерінің біразын біз түркі-моңғол, ұйғыр-моңғол тілдік қатынастарына («О некоторых общих тюрко-монгольских однокорневых основах» // Якутский филологический сборник. Якутск, 1976, С. 23-30; «К характеристике однокорневых уйгурско-монгольских производных основ»// Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976, С. 125-137; «К проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов» // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, «Наука», 1988, С. 6-26, т.б.) бағышталған еңбектерден көреміз.

Қазақ және басқа да түркі тілдерімен жапон, корей, моңғол тілдерінің туыстығынан туындаған алтай теориясы (жобасы) туралы өз көзқарасы мен идеясын зерделей түсу мақсатымен академик Ә.Қайдар бұл іске осы тілдердің мамандарын тартып, тақырып беріп, бағыт-бағдар көрсетіп, диссертация қорғатып келеді. Осы орайда ғалымның шәкірттері *Базылхан Бұхатұлының* қазақ, моңғол тілдерінің, *Эрколь Әзербайевтың* қазақ және басқа түркі тілдері мен жапон, тұңғыс-манжур тілдерінің, ал *Чу Мин Хоның* қазақ және корей тілдері қарым-қатынастарына бағышталған арнайы зерттеулерін атауға болады.

Ғалымның әр жерде айтылып, жазылып жүрген идеяларына зерделеп қараған адам оның «Алтай болжамының» болашағына сенетіндігін, түркі-моңғол тілдерінің бір буынды байырғы түбір сөздер деңгейі мен

грамматикалық құрылым жүйесіндегі туыстығын мойындайтығын аңғарады.

Міне, осы аталған еңбектермен басқа да істеліп жатқан жұмыстардың аумағы мен салмағы, тақырыбы мен мазмұнын бағамдап қарағанда, ғалым Ә.Қайдарды тек екі – қазақ және ұйғыр тілі – шеңберінде ғана емес, сонымен, қатар жалпы түркітану мен алтайтану саласында да еңбек еткен түрколог – алтаист ғалым деп тануға толық негіз бар. Тіл білімі әлемінде ол солай танылып та жүр. Кезінде (1972) СССР Жоғары Аттестация Комисиясы «Түркі тілдерінің профессоры» атағын бергенде оның осы түркология саласындағы ғылыми-педагогтік еңбектерін ескергені мәлім.

Түркология

Түркология – Шығыстану ғалымының жеке саласы, түркі тілінде сөйлейтін халықтардың тілін, тарихын, әдебиетін, мәдениетін зерттейтін ғылымдар жиынтығы. Атаудың шығу тарихы ежелгі заманнан белгілі түркі тілінде сөйлейтін этникалық топтарды зерттеуге байланысты болды. Түркі атауы алғаш рет Орхон-Енисей (қ. *Орхон – Енисей жазба ескерткіштері*), ежелгі ұйғыр, манихей т.б. жазба ескерткіштерінен белгілі. 19 ғ-дың 2-жартысынан кейінгі ғылыми әдебиеттерде «түрік» сөзі кең мағынада, Түрік (Осман) империясында жасаушыларға да, жалпы түркі халықтарына да қатысты айтылып келді. Сонымен қатар түркі тілінің жалпы атауы «түркі-татар», «түрік-татар» тілдері деп бөлінді. Атаудың ғылыми-шығыстану әдебиетінде жүйеге келтіріліп, барлық түркі халықтарының тілдерін «түркі тілдері» деп, осман түріктерінің тілін ғана «түрік тілі» деп атауы соңғы 30–40 жылдың ішінде ғана жүзеге асырылды. Түркология саласы ғылыми пән ретінде Орхон – Енисей, ежелгі ұйғыр жазба ескерткіштерінің табылуына, әрі зерттелуіне байланысты дами бастады. Бұл жазбалар Орталық Азия, мен өзге де аймақтарды мекен еткен ежелгі түркі тайпаларының, алғашқы мемлекеттік бірлестіктерінің тарихын, олардың тілін, көркем-әдеби ескерткіштерін, рухани және материалдық мәдениетін зерттеу үшін аса бағалы деректеме болды. Бұдан кейін түркология орта ғасырдағы араб, парсы тілінде, түркі тілінде жазылған тарихи жылнамаларды, филологиялық және географиялық шығармаларды зерттеу негізінде дамыды. Түркологияның филологиялық пән ретінде дамуына 19–20 ғ-ларда көркем әдебиет трактаттары мен филологиялық шығармалардың жариялануының, әрі зерттелуінің зор маңызы болды. Оларға түркі тайпаларының лингвистикалық тарихи-этнографиялық фольклорлық деректері белгілі жүйеге келтіріліп

жазылған алғашқы ғылыми еңбек – *Махмұд Қашқаридың «Диуани лұғат ат-түрік»* (11 ғ-дың 2-жартысы) атты сөздігі, *Жүсіп Баласағұнидің «Құтадғу білік»* (1969 ж., «Құт негізі – білік») атты әдеби-дидактикалық шығармасы, Орта ғасырдағы түркі халықтарының тарихынан, шығу тегінен мәліметтер берген *Мұхаммед Хайдар Дулатидың «Тарихи Рашиди»*, *Қадырғали Жалаиридің «Жылнамалар жинағы»*, *Рашид ад-диннің «Жами ат-тауарих»* т.б. шығармалары жатады. Бұл еңбектердегі лингвистикалық, тарихи, этнографиялық, фольклорлық т.б. деректемелер түркі ғылымын зерттеуші ғалымдарға түркі халықтарының қалыптасуына дейінгі ежелгі және орта ғасырлық тарихын, түркі халықтарының көптеген ру-тайпалық одақтар мен бірлестіктердің тарихын белгілі дәрежеде толығырақ жазуға, қалпына келтіруге мүмкіндік берді. Мұның бәрі түркологияның қалыптасуына, орнығуына жағдай туғызған (19 ғ-дың 2-жартысы, 20 ғ-дың 1-жартысы) кезең болды. Оның ілгері дамуы түркі тілдеріндегі жаңа жазба әдеби деректердің табылуына, жекелеген түркі халықтарының мәдени-экономикалық процесін, олардың тіл ерекшелігін зерттеуге байланысты еді.

Беделді түркологтардың пікіріне қарағанда, ежелгі руникалық ескерткіштердегі жазулардан басталатын түркі тайпаларының, халықтарының жазба әдеби дәстүрлері бір жазудан бір жазуға (ежелгі ұйғыр, манихей, брахма, араб) алмасып, немесе қатар қолданыла отырып, олардың бүкіл тарихи өркендеу кезеңдерінде, бірде-бір үзіліске ұшыраған емес. Бұл дәстүрдің гүлденген кезі 13–17 ғ-лар болды. Сол кезеңде екі мәдени орталықта: батыста – Салжұқ әулетінің мемлекеттерінде, Түркия мен Әзербайджанда, ал шығысында – Қашқарияда, Хорезмде, Бұхара мен Самарқанда дамыды. Бұл орталықтардағы көптеген көркем-әдеби ескерткіштер көне түрік (көне осман), көне азербайджан және орта Азиялық классикалық түркі әдеби тілінде жазылды. Мұның соңғысына 14–17 ғ-лар аралығындағы түркі тілінің шығыс аймағында, Шыңғыс ханның ұлдары билеген өлкенің көптеген ескерткіштері жатады. Түркологияда қалыптасқан дәстүр бойынша Шағатай ұлысында жазылғандықтан шағатай жазбалары аталады. Сол кезде орта Азия мен Қазақстанның және Шығыс Түркістанның аймақтарындағы орта Азиялық түркі әдеби тілі көне өзбек әдеби тілінің ғана негізін қалап қойған жоқ, сонымен қатар белгілі аймақтардағы жергілікті тілдердің (татар, башқұрт, қазақ, ұйғыр т.б.) негізінде үйлесімді әдеби тілдің қалыптасуына ықпал жасады. Шығыста сондай-ақ Европада, түркі тайпалары туралы және филологиялық, географиялық т.б. мәліметтер түркология қалыптасқанға

дейін де белгілі болды, әрі ол ғылым ретінде де танылды. Бірақ та Шығыс елдерінде болған европалық саяхатшылардың, елшілердің, жер аударылғандардың, тұтқындардың жол жазбаларында, күнделіктерінде, әрі мәліметтері мен естеліктерінде түркі тайпалары туралы бірегей толық емес үзінді мәліметтер ғана келтірілген. Бұл жайында түркологиялық әдебиеттерде Европа түркілер туралы хунндардың басқыншылығы (4 ғ-дың ақыры) кезінде ғана білді деп айтылады. Бұдан кейін Европа ғылымы 11–13 ғ-ларда Византия мен кресшілердің салжұқтарға қарсы күресі кезеңінде түріктерге баса назар аударды. Ал Европа ғылымының түріктердің (осман) тарихын зерттеуге жіті көңіл бөлуі олардың Константинопольды (1553) жаулап, Европаға басып кіру қаупі туғаннан кейін басталды. Бұл кездің өзінде Византия мен грек тарихшыларының еңбектері арқылы Кіші Азиядағы Салжұқ мемлекеті және Түрік мемлекетінің ежелгі тарихы жайында жеткілікті деректерге ие болған еді. 14–16 ғ-ларда түрік тұтқынынан босап қайтқан европалықтардан: баварлық Ханс Шильтбергер, француз Бусико, славяндық В. Георгиевич, сондай-ақ көптеген елшіліктер мен саяхатшылардың: саксондық Адам Олеаридің, фламандық В.Рубруктің, венециандық Марко Полоның, австриялық О.Бусбектің, С.Герлахтың, чех Вратиславтың, ирландық Пьетро делл Валленың, поляк Старовольскийдің т.б. естеліктері жарық көрді. Шығыс елдерге саяхат жасаған Марко Поло, В.Рубрук т.б. этнографтік, лингвистік, географиялық құнды деректері бар еңбектері европалықтардың түркі халқы, жұрты жайындағы ұғымын кеңейтіп қана қоймады, олардың материалдық және рухани мәдениетін одан әрі тереңірек зерттеуге жағдай туғызды. Бұл жағынан салжұқтар мен османдар ұтымды болды. Мыс, бұл халықтардың тарихы туралы армян тарихшысы Г.Даранагеттің «Жылнама» аталатын топтама жинағын, Константинопольдегі флорентилік елшіліктің хатшысы Филипп Ардженти түрік үйренушілерге арнап шығарған (1533) оқулығын, Италия монағи Пьетро Феррагути құрастырған (1611 ж. Қолжазба) түрік тілінің грамматикасын (алғашқы ғылыми грамматиканы 1612 ж. Иеранимус Мегизер Лейпцигте басып шығарған) атауға болады.

Осман түріктердің тарихын, этнографиясын, тілі мен әдебиетін, материалдық және рухани мәдениетін, т.б. зерттеу 18-ғ-дағы батыстың шығыстанушыларының негізгі зерттеу негізгі нысанасы болды да, сол кездегі түркологияның бағытын анықтады. Бұл бағыт 18 ғ-дың 2-жартысында дүниежүзілік түркологияның қалыптасу кезеңінде ғылыми жұртшылыққа танылды да, Европадағы түркологиялық зерттеулердің

орталығы ретінде қызмет атқара бастады. Осы кезеңде түркі еліне деген ынта Россияда да етек ала бастады. Россия империясынан алыс-жақынды шет аймақтарда мекендейтін түркі тайпалары мен халықтары жайында мәлімет біртіндеп жинақтала берді. Түркі мен түрік жайындағы алғашқы дерек орыс жылнамасында («Повесть временных лет») және жеке шығармалар (Нестер – Искандердің «Царьгород туралы повесі»), Иван Пересветовтың түріктер жайындағы Иван Грозныйға тапсырған трактаты, Андрей Лызловтың «Скиф тарихы», молдаван ғалымы Дм. Кантемирдің екі томдық түркия тарихы т.б.

Түркологияның Россияда пайда болуы мен өркендеуіне екі жағдай себеп болды: біріншіден, барлық түркі халқы (түріктер мен ұйғырлардан өзгесі) негізінен Россияның территориясын және оның шет аймағын мекендеді; екіншіден, патшалық Россия озық мәдениетті елдерге әлі танымал емес, өзінің шығыстағы көршісін жіті тануға ынталы еді. Россияның шығыс аймағындағы жаңа жерді игеру, Орта Азия мен Қазақстан, Закавказье, Қытай мен Үндістан, Кіші Азияда экономикалық, мәдени және саяси ықпалын кеңейту мақсатымен Петр I-нің ұйғарымымен көптеген ғылыми барлау экспедициялары ұйымдастырылды және әр түрлі (дипломатиялық, миссионерлік діни т.б. миссиялар нысаналы тапсырмаларға қоса бұл өлкедегі шығыс халықтары, оның ішінде түркі халықтары туралы (тарихи-географиялық, лингвистік, географиялық т.б.) деректер жиналды. Петр I-нің осындай қызметінің арқасында 1696–99 жылдары С. Е. Релизов Сібір мен Қазақстанның нақтылы картасын құрастырды, онда тұңғыш рет Каспий мен Арал жеке көрсетілген. Соған қоса Тәуке ханның иелігі жайындағы қызықты материал жиналды. 1700 ж. Хиваның ханы Шах Ниязға, 1703 ж. Бұхардың ханы Араб Мұхамедке орыстың қоластына өткендігі жайында грамота тапсырылды. Үндістанға жол ашу үшін Петр I 1714 ж. Каспий мен Әмудария ойпатына Дәулеткерей (А. Б. Черкесский) бастаған экспедиция жөнелтті, мұны 1716 ж. Хиуа ханы жойып жіберді, бірақ кейіннен осы экспедицияға қатысып, тұтқыннан босаған шведтер мен немістердің айтуынша, кейінірек бостандық алған швед офицері Филипп Иоган Страленберг Каспий мен Арал теңізінің картасын құрастырып, бастырып шығарды. Сенаттың Указы бойынша Түркияны зерттеу үшін түрік, араб, парсы тілін білетін мамандар даярландырылды. Түркия және басқа шығыс мемлекеттерінің мәселесі бойынша Петр I-нің кеңесшісі шығыс зерттеуші ғалым Дм. Кантемир, (1673–1723) болды. Ол Түркия туралы 2 кітап жазып, оны араб әрпімен Россияда басып шығарды. 1722 ж. Петр I Иранға жасаған жорығы кезінде

жол-жөнекей бұлғар қаласының орнынан татар, армян тілінде жазылған жазба ескерткіш тауып, мұны орыс тіліне аударуға бұйрық берді.

Шығыс және түркі халықтарын жан-жақты зерттеу жөніндегі Петр І-нің белсенді hareketінің арқасында, 1729 ж. Россия Академиясының, академиялық гимназиялардың (Қазанда, Астраханда), университеттердің (Петербургте, Харьковте, Қазанда) ашылуына байланысты бүкіл елде орыстың шығыстану ғылымы, оның ішінде түркология едәуір дәрежеде бел алып, жүйелі де, белгілі бағытта ғылыми жұмыс жүргізді. Ғылым Академиясын ашу туралы (1724) Указда, жоғары дәрежелі ағзам Академия ашуға нұсқау бере отырып, онда тілдер, тағы басқа да ғылымдар үйретілсін, көркемсурет дамытылып, ғылыми кітаптар аударылсын деп көрсетті.

Сол нұсқау ішінде түркі тілдері де ескерілген. Мұны жүзеге асыру Россияның ғалымдарына (В. Н. Татищев, Г. Гмелин, К. А. Кондратьев, Г.И.Спасский, П. И. Рычков, И. Гиганов т. Б.), соның ішінде түркі тілдес халықтардың уәкілдеріне де (С Халфин, М. Абдурахманов) жүктеліп, Европа елдерінен еңбегімен аты шыққан белгілі шығыстану ғылымының зерттеушілері де (Г. С. Байер, Г. Я. Кер, Г. Ф. Миллер, Г. Клапрот, П.С.Паллас т. Б.) шақырылды. Бұлардың тыңғылықты зерттеулерінің арқасында 18 ғ-дың 2-жартысында Шығыстану ғылымының тармағы ретінде түркологиялық зерттеу комплексті сипат алып, көп салалы ғылымға айналды. Бұл кезеңде Россияның шеткі аймағындағы түркі халықтары бар тарапынан, тарих, этнография, тіл, әдебиет және география, экономика тұрғысын да зерттелді. Мыс, Россияда шығыстану ғылымының өркендеуінде Г. З. Байер үлкен рөл атқарды. Оны А. Н. Кононовтың пікірінше Россия Академиясын Шығыстану Академиясына айналдыру жөнінде жоба жасаған тұңғыш ғалым кезінде М. А. Ломоносов қолдаған. Петр І кезінде ҒА-сы ұйымдастырған көптеген экспедицияның ішінен Кавказ бен Волгаға жіберілген Г. Шюердің (1717–20) экспедициясын, Батыс Сібір, Даурия, Монғолияға жөнелтілген Д.Г. Мессершмид экспедициясын (бұған Н. И.Страленбергтің ат салысуымен «Ұлы Татарияның географиялық жаңа жазбасы», «Европаның солтүстік және шығыс бөлігі» атты кітап жазып, 32 шығыс тілінің салыстырмалы кестесінің қолжазбасын қалдырған) ерекше атап айтуға болады. А. Н. Татищев есімі «Россияның тарихы, географиялық, саяси және азаматтық лексиконы» (1–3-бөлім), Г. Ф. Миллер есімі «Сібір патшалығы және ондағы оқиғалар жазбасы» (1760), мұны И. Э. Фишеров қысқартып, «Сібір тарихы» (1774) деген атпен басып шығарған шығармаларымен танылды.

Түркі-орыс, орыс-түркі сөздігін құрастыру жөнінде үлкен жұмыс жасалған, мұның қолжазбасы бүгінде СССР Ғылым Академиясының Ленинград бөлімшесіндегі Аделунг архивінде сақтаулы.

18 ғ-дың ақырында Россия түркологиялық зерттеулердің екінші орталығына айналды да бірқатар проблемаларын алғаш зерттеп ғана қоймай, оның кейбір мәселелерін аумақты да терең зерттеу дәрежесіне көтерді. Осы кезеңде отандық және Европалық түрколог ғалымдардың арасында ғылыми творчестволық байланыс орнап, олардың ынтымақ-бірлестігімен жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстары елеулі нәтиже берді. Бұған дейін Россиядағы көптеген түркі халықтарының тарихы мен мәдениетін, тілі мен фольклорын және Орхон-Енесей мен Талас руникалық ескерткіштерін, ежелгі ұйғыр жазуын, манизей, брахма жаяуларын, орта ғасырдағы араб жазба ескерткіштерін зерттеген ғалымдардың ғылыми жұмысы бұдан кейін ғылыми таным дәрежесінде болса, енді 19 ғ-да бұл халықтар үшін практикалық, өмірге үйлесімді мәнге ие болды. Россия шын мәнінде түркологияның отанына айналды. 19 ғ-да түркология тарихы одан әрі өркендеу сипатта болып, Шығыстану ғылымынан дараланып, өз сүресіне түскенімен әлі де болса 18 ғ-да зерттеу жүргізіле бастаған салалары толық қамтылмады. Шығысты зерттеген орыс ғалымдарының еңбектеріне шолу жасай келіп, В.В.Бартольд: бұл тараптан орыс ғылымы, әсіресе 19 ғ-да едәуір табысқа қолы жетсе де, бірақ мүмкіндігінен деңгейі әлі де төмен, Россияның географиялық жағдайы, халықтардың құрамын Ұлы Петрден басталған сан ұрпақтың еңбегін ескергенде бұдан қомақты болса керек еді деп жазды.

Әрине, патшалы Россия жағдайында түркологияның жүйесінен жоспарлы зерттеуді күту мүмкін емес-ті, мұндай жағдайға түркі тілдес халықтардың қолы Советтік заманда ғана жетті. Дегенмен 19 ғ-да, одан кейін де, әсіресе түркі филологиясы саласында өте құнды зерттеу жүргізген орыс түрколог ғалымдарының еңбегін атамасқа болмайды. Бұл кезеңдегі (19 ғ.) Түркияның түркологиялық зерттеушілері орта ғасырдағы жазба ескерткіштері мен жылнамаларды (Ибн Биби, Ақсарайын, Ашықпашазаде, Нешури, Лютфи-паша, Эвлия Челеби, Кятиб Челеби, Васиф, Джевдет т.б.) зерттеп, жариялаумен көбірек айналысты. Бұл жұмыстарды Стамбул университетінде және «Осман тарихының қоғамында» (1910 ж. құрылған) түрік ғалымдары жүргізді. Мұнда түріктердің өз тарихы мен тілін зерттеумен қатар жалпы түркологияны зерттеу проблемасы да мақсұт етілді. Түркологияның тарихында түрік ғалымдарының 1 ғ-дағы тарихи-филологиялық зерттеуінің үлкен маңызы

бар. 1930 жылдан бастап Түркиядағы түркологияның орталығы «Түрік тарих қоғамы» (1930 ж.), лингвистикалық қоғамы», (1932, О. А. Аксой, А. С. Левенд, Х. Эрен, З. Коркмаз, В. Хатибоғлу, А. Дильчар т. б.) болып отыр. Сонымен қатар Стамбул университетінің әдеби факультеті, осы университеттегі түркология мен ислам зерттеу институты, Анкара университетінің тіл, тарих, география факультеті және соның жанындағы түркология институты, Эрузрум университеті де айналысады. Мұндағы ғылыми орталықтарда орта ғасырдағы мол қолжазбаларды, Түркияның жаңа тарихы, қазіргі тарихын да (И. Ұзынчаршылы, О. Л. Бархан, Т. Гёкбельгин, М. Агдаг, Х. Иналджик, Ю. Х. Баюр, Э. З. Карал т.б.) зерттеп, жариялауға зор мән берілді.

Түркияның тарихын, тілін, әдебиетін зерттеуде Еуропа ғалымдарымен қатар соңғы ғасырда отандық және советтік ғалым түркологтар да белсенді айналысуда. 19 ғ-да Россияда түркология ғылымының дамуының өзіне тән ерекшелігі Ғылым Академиясында және жоғары оқу орындарында зерттелуінде әрі мұнда сырттан шақырылған ғалымдар (Г. Клапрот, Х. Френ, Б. А. Дорн, А. О. Мухлинский, В. В. Радлов, С. Т. Церуннан, О.И.Сенковский, К. Г. Залемая т.б.) және де отандық ғалымдар (Г.И.Спасский, О. Н. Бетленг, В. В. Вельяминов-Зернов, И. Н. Березин; В.В.Григорьев, В. Д. Смирнов, Л. Э. Лазарев, Е. А. Крымский, В.А.Гордлевский, Н. И. Ильминский, Г. С. Саблуков, Н. И. Веселовский, Н.М. Ядринцев, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, Ф. Е. Корш, Э. К. Пекарский, Н. И. Ашмарин, С. В. Ястремский, В.В.Катаринский, К. Г. Бессонов, В. В. Бартольд, С. Е. Малов т.б.) ғалым – түркологтар, шығыс зерттеушілері, оның ішінде түркі тілдес халықтардың т.б. тағы өзге де халықтардың уәкілдері (Ибрагим Халфин, Александр Казембек, Н. Бичурин, Мұхаммед-Гали Махмұдов, Мырза Джафар Топчибашев, Хусаин Фаизханов, А. Абдуллахов, Магомед Османов, Ш.Ш.Уәлиханов, Ы. Алтынсарин, А. К. Насыров, Ф. А. Ахундов, Н.Ф.Катанов т.б.) болды. Бұлардың еңбектерінде Орта Азия мен Қазақстанның (өзбек, қазақ, түрікмен, қырғыз); Закавказьенің (азербайжан, қарашай-балқар, құмық, ноғай, қырым татары, гагауыз, қарайым); Сібірдің (хақас, алтай, шор, тува, якут т. б.) Волга бойының (татар, башқұр, чуваш), Шығыс Түркістанның (ұйғыр, сары ұйғыр, салар, лобнор т. б.) 20-дан астам түркі халықтарының бүгінде санатта бар тілдері зерттелді. Ол ғалымдар (В.Томсон, В. В. Радлов, С. Е. Малов) жаңадан табылған Орхон-Енисей, талас, көне ұйғыр («Алтуң ярук»), орта ғасырлық («Дивану луғат-ит түрік», «Құтадғу білік», «Бабырнама», «Кодекс куманикус», Ибн Муханнаның «Араб филологі», Рабгузидің «Қисас әл-әнбиясы» т.б.) жазбалар оқылып баспаға даярланды. Сонымен қатар, жеке түркі тілдерінің ғылыми грамматикалары жазылды

(О. Н. Бетлинг – якут тілі, В. В. Радлов – Шығыс түркі тілдерінің фонетикасы, Ф. Е. Корш – Жетісу жазбаларының тілі, бірнеше авторлар – алтай тілдері, А. Казембек – «Түрік-татар тілдерінің грамматикасы», Н. И. Ильинский – «Қырғыз тілін зерттеуге қажет материалдар», П. М. Мелиоранский – «Қазақ-қырғыз тілінің қысқаша грамматикасы», И. Н. Березин, И. Бичурин – «Татар грамматика, тілін зерттеу тәжірибесі...» т. б.). Сөздіктер (Н. И. Ашмарин чуваш тілінде, В.В.Радлов – түркі тілдерінде, В. В. Вельяминов – Зернов – шағатай-түрік тілінде, Л.З. Будагов – «Түрік-татар тілдерінің салыстырмалы сөздігі» т.б.) сонымен қатар өте құнды фольклорлық-тілдік материалдар мен бүгінгі бір түркі тілдер бойынша хрестоматиялар жинақталып басылды (Ф. В. Радлов – «Түркі тайпаларының халық әдебиетінің үлгілері», И. Н. Березин – «Түрік хрестоматиясы», В. М. Вербицкий «Түркі тілдерінің алтай, аладағ наречисег ерекшеліктерінің сөздігі», Ы. Алтынсарин – «Қырғыз (қазақ) грамматикасы», жекелеген түркі халықтары мен түркі тілдес аймақтардың азаматтық, генелогиялық, этникалық тарихы жазылды. Мәдени-этнографиялық материалдар мен ежелгі құнды заттар жиналды (И. Н. Березин, В.В.Григорьев, Н. Бичурин, Ф. М. Эрдман, О. И. Сенковский, В.Т.Тизенгаузен, В. В. Бартольд, Ш. Ш. Уәлиханов, А. Е. Алекторов, А. Диваев, А. Н. Харузин, Н. И. Гродеков, А. И. Добромыслов, Н. А. Аристов т. б.).

19 ғ-да одан кейінгі кезеңдерде де Россияда түркология ғылымының дамуына Қазан, Харьков, Москва, Санкт-Петербург университеттерінде, Лазаревтың шығыс тілдері институтында (қазіргі Шығыстану институты) түркі халықтарының тілін, тарихын, материалдық және рухани мәдениетін пән ретінде оқып, әрі зерттелуінің ерекше ролі болды. Жоғарыда атты аталған түрколог – ғалымдарының ғылыми-практикалық қызметі қалайда шығыс зерттеушісін түркологті және Россияның мәдени өмірінің сан-салалы тармағына, тіпті тілмаштық, аудармашылықтан бастап дипломатиялық қызметке дейін мамандар даярлауға тікелей байланысты болды. Бұл даярланған мамандардың ішінде отандық түркология саласында ғылымға үлкен үлес қосқан ғалымдар аз болмады. Шығыс тілдерін (араб, парсы), соның ішінде түркі тілдерін оқыту барысында университеттердің профессорлық-оқытушылық құрамынан қажетті оқулықтар мен оқу құралдарын ғана жазу, құрастыру емес, сонымен қатар, әр түрлі анықтамалықтар жазып, түркі тайпаларының тарихы және мәдениеті, тілі мен әдебиеті жайында күрделі ғылыми жұмыс жүргізу талабы да қойылды. Осы мақсатпен солардың тікелей қатысуымен көптеген экспедициялар (далалық, ғылыми барлау, лингвистикалық, этнографиялық, археографиялық, географиялық т.б.)

және ғылыми командировкалар, саяхаттар, зерттейтін халықтар тұратын аймаққа саяхаттар ұйымдастырылды. Мыс, түркология тарихында ғалымдардың кейін де ғылыми еңбектеріне арқау болған мына төмендегідей экспедициялар, саяхаттар, командировкалар ұйымдастырылды: О. Н. Бетлинг – Якутияға; А. Ф. Медлендорф – Сібірге, В. В. Радлов – руникалық ескерткіштерді (Орхон экспедициясы) зерттеуге Монғолияға; И.Н. Березин – Астрахань татарларына, А. Казембек – Сирия, Египет, Иран, Қырымда; О. И. Сенковский – Египет, Сирияға, А. О. Мухлинский – Литва татарларына, В. А. Максимова – Түркияға, Н. И. Ильминский – Константинополь, Дамаск, Каирге, Ш. Ш. Уәлиханов – Шығыс Түркістанға, ұйғырларға; Н. Ф. Катанов – Сібір мен Шығыс Түркістанға; Н.И.Мелиоранский – Қазақстанға; С. Е. Малов – Шығыс Түркістанға (2 рет); А. Н. Самойлович – Түркменияға; мисонерлер – Алтай халықтарына, А.Е.Алекторов – Қазақстанға т.б. әр тарапқа жөнелтілді.

Түркі тілінде сөйлейтін аймақтардан жинақталған бұл экспедициялардың, саяхаттардың, командировкалардың аса құнды материалдары түркология жазылған көптеген еңбектердің құнды деректемелері болды. Соның нәтижесінде 18-19 ғ-ларда отандық түркология ғылыми дүниежүзілік түркологияда алдыңғы шептен орын алды.

Отандық түркология әңгіме болғанда бүкіл Азия халықтары түркологтардың зерттеулеріне де тоқталған жөн. 19 ғ-дағы үлкен оқиға «Азиялық академияның жобасы» (1810) болды, жобаны жасаған Ғылым Академиясының президенті әрі оқу-ағарту министрі С. С. Уваров еді. Мұндай академия ашумен Азия халықтарын жан-жақты зерттеп, цивилизацияланған Европаға бұдан бұрын беймәлім, көбіне жұмбақ болып келген Азия халықтарының материалдық және рухани дүниесін көрсетпек болды. Патшалы Россия жағдайында С. С. Уваровтың жобасын жүзеге асыру мүмкін емес еді. Дегенмен Ғылым Академиясының президенті бұл бағыттағы біраз жоспарын жүзеге асырды. Мыс, ол Петров Кунсткамерасының шығыс кабинетін ашып, академик Х. Д. Френнің басшылығымен аз уақыттың ішінде өте құнды шығыс коллекцияларын, бағалы хаттар мен медальдарды, қолжазбалар мен кітаптарды жинастырды. Бұл кабинеттің негізінде Россиядағы шығыс зерттеулерінің алғашқы ғылыми орталығы болған Азиялық музей ашылды (1818 ж.) Азия музейі мен ондағы өте бай коллекциялар біраз университеттер мен гимназияда шығыс факультеттері мен бөлімшелерін ашуға негіз болды. Бұл жағдай Россия мен Орта Азияның, Қазақстанның,

Кавказдың байланысын күшейтті. «Сибирский вестник» (1818–1824), «Азиатский вестник» (1825–1827) т. б. ғылыми көпшілік журналдар шыға бастады.

Жоңғар басқыншылығын, «Ақтабан шұбырындыны...» басынан өткерген қазақ халқының жағдайын зерттеуде Азиялық музейдің ролі аз болған жоқ. 1731 ж. 10 октябрьде Кіші жүз ханы Әбілқайыр, Орта жүз батыры Бөгенбай, оның туысы Есет, Кіші жүздің бірнеше ру басшылары (27 старшын) Россияның қоластына өтуге ант берді. 1849 ж. Орта жүз ханы Абылай өз қарауындағы жұртын Россияның еркін азаматы деп жариялайды. Бұл жағдайлар Қазақстан халықтарының тарихында белгілі роль атқарды. Россияның Қытай мен Үндістанға жол ашуына, олармен мәдени-экономикалық сауда т.б. байланыстар орнатуына мүмкіндік берді. Бірақ ол үшін патшалық Россия Қазақстанның әлеуметтік экономикалық географиялық жағдайын, оның этникалық құрамын, бұл өлкенің аборигені болып табылатын қазақ халқының тарихын, этнографиясын, тілін, әдет-ғұрпын, дәстүрін жан-жақты зерттеу керек болды. Осы мәселелерде Азиялық музей аса бағалы роль атқарды.

19 ғ-дан бастап Азия халқын, оның ішінде түркі халықтарын зерттеуде Россиядағы этникалық топтардың хронологиялық коллекциялары мен антропологиялық білімді насихаттаумен айналысатын Петербург университетінің қасынан Орыс антропологиялық қоғамы (1888–1916); 1946 ж. Петербургте құрылған, 1924 ж. Материалдық мәдениет тарихының, Академиясының құрамына енген Орыс археологиялық қоғамы; Орыс географиялық қоғамы (1845 ж., бүгінде СССР География қоғамының республикаларда көптеген филиалдары мен бөлімшелері бар) П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, В. А. Обручев, Ш. Ш. Уәлиханов сияқты т. б. аса көрнекті талантты мүшелері болған бұл қоғам өткен ғасырда түркология ғылымының дамуына қомақты үлес қосты. Түркология проблемасымен үнемі совет түркологтері ғана айналысып қойған жоқ, бүкіл ірі шетелдің ғалым-түркологтері қатысты. Совет түркологтерінің бір ерекшелігі революцияға дейінгі түркологтердің зерттеулері жаңа жағдайға сай жүргізілді. Ғылыми жұмысын революциядан бұрын бастаған ғалымдар бұрынғы зерттеулерін жалғастыру ғана емес, сонымен қатар жаңа талапқа сай, бұрын-сонды болмаған еліміздегі әлеум.-экономик және мәдени өркендеуге сай жүргізді. Советтік түркология өркендеуінің 2-ерекшелігі – көп ұлтты Отанымыздағы түркі халықтарының тіл ғылымындағы заңдылықты жүйелі түрде жүзеге асырып, оның күнделікті тірлігіне қажетті талабын

орындау болып табылады. Революцияға дейінгі кезеңдегі түркология аздаған топ ғалымдардың өздерінің өресіне сай жүргізілетін жағдайда еді. Советтік түркологияның революциядан бұрынғы зерттеуден ерекшелігі – жаңа методологиялық негіз бен теориялық зерттеудің тиянақтылығымен ерекшеленеді. Бұл кезеңдегі ғылыми жұмыс түркі халықтарының тарих, этнография, тіл мен әдебиет, мәдениет және өнер саласындағы жалпы түркологиялық проблемаларды жеке деректемелер мен құбылыстарды жинақтау негізінде жүргізілді.

Советтік түркология СССР-дың түркі тілдес халықтардың ресми және облыстық орталықтарында көптеген ғылыми орталықтардың ашылуына байланысты бұрын-соңды болмаған өркендеу дәрежесіне жетті. Мұндағы ұлттық ғалымдар Москва мен Ленинградтағы түркологиялық орталықтармен тығыз байланыста қызмет атқарды. Совет дәуірінде түркологияда еңбек бөлісі де жолға қойылған. Мыс., жоғарыда көрсетілген орталықтарда түрколог-ғалымдар түркологиялық жалпы теориялық проблемаларымен, түркі тілдерінің кең мағынада алтайлық тіл фонетикасын, морфологиясын, лексикасын тарихи–салыстырмалы түрде зерттеумен, көне түрік және ортағасырлық жазба ескерткіштерді зерттеп, жариялаумен, тарихи-этимологиялық сөздік шығарумен, түркі халықтарының жалпы тарихының, этнографиясы мен әдебиетінің проблемасын шешумен айналысса, ал түркі тілдес республикалар мен СССР облыстарындағы ғылыми зерттеу институттары мен жоғары оқу орындарында сол аймақтары халықтардың ғылыми-тәжірибелік мәселелерімен айналысады. 1920 жылдардан бастап КПСС-тің лениндік ұлттық саясатының негізінде Советтік түркология советтік шығыс халықтарының тілі мен мәдени-экономикалық өркендеу жолындағы қажетті мәселелерді тиянақты шешіп келеді. Мыс, 20 жылдары тілші – түркологтар СССР-нің түркі тілдес барлық халықтары үшін ғылыми негізде жаңа алфавит жасалды (араб алфавиті латын алфавитіне, кейіннен кириллицаға ауыстырылды, жазуы болмаған тілдерге алфавит үйлестірілді). Сонымен қатар бұрын аз зерттелген, немесе мүлдем зерттелмеген түркі тілдерінің фонетикасын, грамматикасын, лексикасын зерттейтін ғылыми жұмыстар жүргізіліп, ғылыми-техникалық және саяси-қоғамдық терминдерді іріктеу, жүйелеу, ұлттық-орысша сөздіктер жасау, жергілікті ұлттық мектептерге оқу құралдарын шығару т.т. жұмыстар жүргізілді.

Біздің еліміздің түркологтері 40 жылдардан бастап бүгінгі түркі тілдері мен оның диалектілерін зерттеумен шұғылданумен қатар, тарихи және

салыстырмалы тарихи фонетикаға, грамматикаға, түркі лексикологиясы мен диалектологиясы, жазба ескерткіштерді зерттеуге баса назар аударып отыр. Бұл салада біздің елімізде және шетелдерде еңбектері кеңінен танымал болып отырған тіл ғылымын зерттеуші: С. Е. Малов, В. А. Богородицкий, Е.Д. Поливанов, А. П. Поцелуевский, Н. К. Дмитриев, Э. Н. Наджип, В.М.Насилов, Э. В. Севортян, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, А. П. Дульзон, И. А. Батманов, А.К.Боровков, В. В. Решетов, Б. А. Серебренников, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, И. З. Гаджнева, К.М.Мұсаев, Л. А. Покровская, Г. Ф. Благова, С. Н. Иванов сияқты т. Б. түркологтарды атауға болады. Нақтылы бір түркі тілі саласында еңбек еткен тіл білімі ғалымдарынан: Қ. Жұбанов, І. К. Кеңесбаев, Н. Т. Сауранбаев, М.Б.Балақаев, С. Аманжолов, А. Ысқақов, Ә. Т. Қайдаров, Р. Г. Сыздыкова, Ш. Ш.Сарыбаев, Р. С. Әміров, Т. Қордабаев, М. Томанов, А. Құрышжанов, Ғ.Айдаров, Н. Оралбаева, А. Қалыбаева, С. Исаев, Т. Сайранбаев, Т.Жанұзақов, т.б. (қазақ тілі бойынша); Б. М. Юнусадиев, Б.О. Орузбаева, Т.Ахматов, Т. К. Сартбаев т.б. (қырғыз тілі бойынша); Лагиф Заляй, М.З.Закиев, Д. Г. Тумашева, Г. Х. Ахматова, Ф. А. Гапиева, Г. Сагтаров т. Б. (татар тілі бойынша); Ж. Кигенбаев, А. А. Юлдашев, Н. Ишбулатов, З.Ураксин, С. Миржанова, А. Харисов т.б. (башқұрт тілі бойынша); Д.Насыров, Б. Бердімұратов, О. Доспанов (қарақалпақ тілі бойынша); С.Ибрагимов, Ф. Абдуллаев, А. И. Гулямов, Ш. Шаабдурахманов, Ғ.Абдурахманов, А. Шерматов, С. Муталибаев, Ш. Рахматуллаев т. Б. (өзбек тілі бойынша); М. Ширалиев, А. Демиарчизаде, А. А. Ахундов, Ф. Зейналов, А. А. Абдуллаев т.б. (әзербайджан тілі бойынша); П. Азимов, Б. Чарыяров, М. Хыдыров, Т. Тіджмұратов, З. Мұхаммедов т.б. (түрікмен тілі бойынша), С. М. Шопшал, К. М. Мұсаев (қарапайым тілі бойынша); Ю. Д. Джанмавов, А. Т. Базиев т. Б. (құмық тілі бойынша); А. М. Аппаев, У. Б. Алиев, М.А.Хабичев, М. Ахматов т.б. (қарашай-балқар тілі, бойынша); Э.Р.Тенишев, Ә. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов, А.Шамиева т.б. (ұйғыр тілі бойынша); А. А. Пальмбах, Д. А. Монгуш, З. Б. Арагачи т.б. (тува тілі бойынша); Т. М. Тошакова, А. Т Тыбыкова т.б. (алтай тілі бойынша); М.И.Боргояков, Д. Патачакова, О. Субракова (хакас тілі бойынша); Н.П.Дыренкова т.б. (ойрат тілі бойынша); Ш. С. Саг, М. Д. Биче-оол т.б. (шор тілі бойынша); Л. Н. Харитонов, Н. К. Антонов, Е. И. Коркина, Н.Д.Дьячковский т.б. (якут тілі бойынша); В. Г. Егоров, И. П. Павлов, И.А.Андреев, Л. П. Сергеев т.б. (чуваш тілі бойынша) т.б. үлес қосуда. Одақтас республикалар мен облыстардағы барлық ғылыми-зерттеу институттарында, жоғары оқу орындарында белгілі мамандық саласында түркология кадрлары даярланады.

Түркология 20 ғ-да шетелдерде негізінен тарихи-филологиялық аумақта зерттеледі. Бұрын территориясы толық немесе жартылай түріктердің қол астында болған қазіргі социалистік елдерде (Болгария, Венгрия, Румыния, Югославия) тарихтан түріктің жазба әдебиеттерінің зерттелінуіне мән берілген. Мұнымен шұғылданатын ғалымдар: Венгрияда – Л. Фекете, Д. Немет, Г. Хазай, Ж. Какук, Д. Кальди-Надь; Болгарияда – Г. Глыбов, Б. Недков, Н. Тодоров, Б. Цветкова, В. Муставчиева, Э. Боев; Румынияда – М. Губоглу, Вл. Дримба; Югославияда Г. Елехович, Х. Заджибегич, Х. Шабанович, Б. Джурдже, Н. Филиппович. Соңғы кездерде венгер ғалымдары венгер халқының және оның тілінің түркі халқы мен оның тілімен тарихына байланысын зерттеумен айналысуда (Л. Лигети, Д. Немет, Г. Хазай, А. Рона-Таш, Г. Кара, Ж. Какук, И. Мондаку Қоңыр. Түркология проблемасын зерттеуде Чехословакияда Я. Рыпка, И. Кабра, З. Веаела, В. Копчан елеулі үлес қосуда. Польша түркология қарайым тіліне половшы-армян құжаттарына, түркі әдебиетінің ескерткіштеріне, оның араб, парсы әдебиетімен байланысына, Түркия тарихына, польша-түрік мәдени байланысына көңіл бөлінді (А. Зайончковский, Я. Рейхман, Ә. Трыарский, В. Зайончковский, А. Дубинский т.б.

Түркология проблемасымен капиталистік елдерден айналысатыны: АҚШ (Колумбия университетінде – К. Г. Мендес, Халашикүн; Лос-Анжелес университетінде – А. Тице, Индиан университетінде – Д. Спнор, Сиэтлдегі Вашингтон университетінде – Илза Циртаугас); ФРГ (А. Фон Габен, Б. Шпулер, Б. Фелемнинг, Г. Дерфер); Финляндия (М. Рясанин, П. Аалто); Франция (Л. Юазен, Р. Мантрап, К. Казн, Дж. Гампльтон, И. Меликова); Италия (А. Бомбачи); Канада (Ниязп Беркес); Жапония (Широ Хатторн, Масао Мори, Нобуа Ямада, Мурояма т. б.). Совет түрколог-ғалымдары 1970 ж. СССР ҒА-ның Тіл әдебиет бөлімшесінің қасынан құрылған совет түркологтарының комитеті (председателі акад. А. Н. Кононов) біріктіреді. Дүниежүзі түркологтарының бас қосатын халықаралық ғылыми ұйымы – «Халықаралық тұрақты алтаистикалық конференция» (1959), және ГФР-дағы «Орал-алтай қоғамы» (1952). Түркологтардың мерзімді халықаралық форумы өткізіп келе жатқан «Түріктердің лингвистикалық қоғамы да» («Түрік діл гурумы», 1927 ж. ұйымдасқан) халықаралық ғылыми ұйымдар іспетті. СССР-дағы Түркологтардың бүкілодақтық конференциясы 1926 ж. Бакуде өтті. Онда түркі тілдеріндегі жазулар мен термин жасау проблемасы сөз болды. Түркологтардың бүкілодақтық 2 конференциясы 1976 ж. Алматыда өтті. Онда осындай конференция төрт жыл сайын үзбей өткізіп тұруға шешім қабылданды. Содан кейінгі

кезекті конференцияны 1980 ж. Ташкентте, 1985 ж. Ашхабадта өтті. СССР-дағы түркологияның мезгілді басылымдары: «Народы Азии и Африки» (1961 жылдан; 1955–58 ж. – «Советское востоковедение»; ал 1959–61 ж. «Проблемы востоковедения»); «Вопросы языкознания» (1952 жылдан); «Советская археология» (1957 жылдан), «Советская этнография» (1931 жылдан); «Советская тюркология» (1970 жылдан, Совет түркологтары комитетінің органы). Шетелдерде де мерзімді басылымдар бар.

Қазақ совет энциклопедиясы. 3 том. 1988.-552-554 б.

Алтайстика

Алтайстика – алтай тілдерінің шығу тегін арнайы зерттейтін тарихи-салыстырмалы тіл білімінің дербес саласы. Алтайстиканың негізгі мақсаты – алтай тілдері тобына жататын түркі, монғол, тұңғыс-маньчжур тілдерінің өзара жақындастығын, төркіндестігін анықтау. Алтайстика саласындағы арнайы зерттеулер түркі, монғол, тұңғыс-маньчжур тілдерінің кейбір типологиялық, структуралық ерекшеліктеріне сүйеніп, олардың арасында шынында да көптеген ұқсастықтарды, кейбір ұқсас грамматикалық тұлғалардың, фонетикалық заңдылықтардың және ортақ сөздердің бар екенін анықтап отыр. Бірақ бұл ұқсастықтардың себебін, мән-жайын түсіндіруде алтаист ғалымдардың арасында күні бүгінге дейін бір ауыздылық жоқ. Бірқатар ғалымдар (Б.Я.Владимирцов, Г.Рамстедт, Е.Д.Поливанов, М.Рясянен, Н.А.Баскаков, К.Г.Менгелс т.б.) алтай тілдері о баста бір тілден тараған, шығу тегі бір деп топшыласа, енді біреулері (Л.Лигети, В.Котвич, Дж.Клоусон, Г.Дерфер, Г.Д.Санжеев, А.М.Щербак т.б.) алтай тілдерінің арасындағы ұқсастық олардың тарихи ұзақ дәуірлер бойы өзара тығыз қарым-қатынаста болуының және бір-біріне күшті әсер етуінің нәтижесі деп жорамалдайды. Бірақ алтай теориясы осындай әртүрлі талас тудырып келе жатса да, тілші ғалымдар алтай тілдерінің арасында грамматикалық, лексикалық және фонетикалық ұқсастықтың бар екенін толық мойындайды. Бұл тілдерге тән ортақ заңдылықтың сыры тіл білімпаздарының назарын барған сайын көбірек аударып келеді. Осының нәтижесінде алтайстика ғылымы да жан-жақты дамып, алтай тілдерінің табиғатын ашуда белгілі нәтижеге жетіп отыр. Алтайстика проблемасымен совет ғалымдары да, шетел ғалымдары да шұғылдануда. Өйткені бұл проблеманың дұрыс шешілуі алтай тілдерінің тарихи даму заңдылықтарын әлі де болса терең, түбегейлі зерттей түсуді талап етеді.

Қазақ совет энциклопедиясы. 1 том. –Алматы. 1972. – 292 б.

Түркітанудың бүгіні мен ертеңі

Түркітану – Еуропа мен Азияның сайын даласына кеңінен тарап, Адамзат өркениетіне өз үлесін еселеп қосып келе жатқан түрік тілдес халықтардың барша болмысын зерттеп, зерделеуші және бұл үрдісінде көп табысқа ие болған, алдына қойған мақсаты игі, нағыз инсани (адами) ғылымдардың бірегейі. Оның дүниеге келгеніне де, міне, талай ғасыр өтті. Оның жаңаланып, жаңғырып, шарықтау шегіне жеткен үкілі кезеңдері де, тағдырдың тәлкегіне ұшырап, тынысы тарылған, мешеу дамыған дәуірлері де аз болған жоқ. Қалай болғанда да, отандық түркітану ғылымы өзінің ұзын сонар үрдісін бір сәт те тоқтатып, тоқыраған емес. Өйткені бұл ғылымның артында жалпы саны 150 миллионнан астам, 30 шақты ірілі-ұсақты тілде сөйлейтін “ТҮРКІ ӘЛЕМІ” деп аталып келген іргелі қауым тұр. Міне, сол қауымның алдағы дәуірде жаңаланып, жаңғырып, өркениет өріне көтерілетін жаңа бір дәуірі, арайлап атқан таң мен ал қызыл боп батқан күн шұғыласынан оның кең жатқан көгілдір көкжиегінің нышаны байқалатын сияқты. Ғалымдардың жобалауынша, міне, осы алдымыздағы ХХХ ғ. Аталмыш түркі дүниесін тереңнен танып, тәптіштеп зерттеудің, тарихын айғақтап, оның өркениеті мен мәдениетіне **Түркітану** ғылымының қосқан қомақты үлесіне де, әлі де қосары мол жаңа табысы мен жарқын болашағына да зор сеніммен қарайтын сәтті кезеңі болмақшы.

Қазақстанның “Рухани астанасы” деп аталатын қасиетті Түркістан қаласында Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің құзырында өткізіліп отырған бүгінгі (8.10.2002 ж.) халықаралық келелі мәжілісте түркі әлемінің әйгілі ғалымдары мен зиялыларының бас қосуы сол жарқын болашақтың сәтті қадамы болса екен деп тілеймін.

Түркітану ғылымының ұзақ тарихы бар. Ол бүгін өзінің сол даму тарихындағы жаңа бір кезеңін басынан кешіріп отырған сияқты. Ғасырлар бойы қалыптасқан, өз дәстүрі, өзіндік үрдісі бар отандық түркітану ғылымының “жаңа бір тарихи даму кезеңі басталды” дегенде біз жаңа ғасырдың басында осы ғылымның дүниеге келіп, қалыптасып, дамыған отаны – (бұрынғы Ресейдің) Советтер Одағының объективті себептерге байланысты күйреуінен кейінгі өмірімізде жүз беріп отырған зор тарихи, саяси-әлеуметтік өзгерістерді айтып отырмыз. Бұл өзгерістер отандық түркітану ғылымына да өз әсерін тигізбей қойған жоқ.

Мызғымас берік көрінген кешегі советтік құрылымның бір сәтте-ақ қабырғасы қақырап, іргесі сөгіліп шыға келуі, түркология

саласында тұрақтанған ғылыми-ұйымдастыру жүйе мен түрколог-ғалымдар арасында қалыптасқан ғылыми-шығармашылық қарым-қатынастарға нұқсан келтірген сияқты. Шынын айтсақ, поссоветтік дәуірдегі түркология саласында біз сезінген алғашқы өзгерістер міне, осы. Бір ортақ ғылым маңында ұзақ жылдар жіті араласып, көп мәселені ақылдасып шешуге дағдыланып қалған ғалымдар одағы ыдырап, олардың арасы бірден алыстап кетті. Орталықтардағы есімі әлемге әйгілі ғұлама ғалымдар мен жергілікті (“перифериялық”) ұлт кадрлары арасындағы байланыс үзілді, ғылымдағы нағыз “томаға-тұйықтық” басталғанды сезініп отырмыз. Әрине, бұдан “түркітану ғылыми үрдісінен жаңылып, өз дамуын тоқтатты, тоқырады” деген ұғым тумаса керек.

Жоқ, олай емес, қоғамдағы бұл өзгерістер нәтижесінде түркітану саласында жүз берген **жаңа кезеңнің** де жақсы жақтары мен қатар кемістік жақтары болды деп айтуға болады. Осы тұрғыдан, біз кезінде зор табыстарға қолы жеткен отандық түркітану ғылымының елеулі еңбектерін ауыз толтырып айта отырып, оның әсіресе түркі халықтардың ұлттық мүддесіне, өмірлік талабына, рухани талғамына қажетті еңбектердің жеткіліксіз болғанын да мойындағанымыз жөн. Және біз оның себебін де жақсы білеміз: ол зерттеуші ғалымдардың жеке басынан көрі, үстемдік етіп келген құрылымның тоталитарлық режиміне, ұстанған саяси-идеологиялық үрдісі мен ғылымға берген бағдар-бағытына байланысты болды. Ғалымдар: тіл саласында – “Ұлт тілдерін өзара жақындастырып барып, тоғыстыру” саясатын уағыздауға, әдебиет саласында – “социалистік реализм принципін” берік ұстануға, тарих саласында: “түркі халықтарында тарих болған жоқ” деген жалған ұғымды насихаттауға мәжбүр болды. Міне, осындай идеологиялық қыспақтың нәтижесінде ғылым нәтижелері қарапайым халықтың игілігіне айнала қойған жоқ. Ашық болмаса да, ретін тауып, ұзақ жылдар бойы астыртын жүргізіліп келген осы саясаттың салдарынан қалың жұртшылық түркі әлемінің әлем өркениетіне қосып келген келелі үлесі мен жарқын болашағын ойлау тұрмақ, ана тілінің болашағының жоқтығына, “жазуы жоқ сауатсыз ел”, “өз тарихы жоқ жетесіз ел”, “өзіндік салт-дәстүрі, рухани байлығы болмаған надан жұрт” деген қауесетке де сене бастағандай еді.

Атап айту керек: түркітану ғылымының біз көрсетіп отырған тарихи дамуының **жаңа кезеңінде** қол жеткен елеулі табыстары тоталитарлық қоғамға тән осы бір жақты идеологиялық үрдістің бағыт-бағдарын өзгертіп, демократиялық арнаға ауыстырудан басталды деп айта аламыз.

Бұл тек Қазақстанда ғана емес, басқа түркі мемлекеттерінде де байқалатын ортақ құбылыс. Түркі әлемінде байқалып отырған бұл жаңа үрдістің бір айқын айғағы ретінде біз Қазақстан бойынша, мәселен, ғасырлар бойы қағажу көріп, шетқақпай болып, қоғамдық өмірден аулақтай бастаған қазақ тілінің мемлекеттік биік мәртебеге (статусқа) ие болуын, әдебиет, мәдениет саласындағы ұлан-ғайыр рухани байлығымыздың толық күйінде (100 томдық ауыз әдебиетін айтып отырмыз) халқымен қайта қауыша бастауын, қалың жұрттың тарихи санасы оянып, ұлттық болмысының қайнар бұлақтарының көзін кең ашып, терең тани бастауын атаған болар едік.

Түркітану – әлемдік ғылым. Ғалымдары онымен шұғылданбайтын жер жүзінде өзін-өзі сыйлайтын бірде-бір ірі мемлекет жоқ десе де болады. Ол өзінің құнарлы бір бастауын өткен ғасырда Ресейде болған швед офицері Иоган Стрален бергінің алғаш көзіне ілігіп, ғылым дүниесіне белгілі болған және Вильгельм Томсен, В.В.Радлов тарапынан құпия сыры ашылып, дүниені дүр сілкіндірген көне түркі жазба ескерткіштерінен алды десе де болады. Бұл игілікті істі В.В.Радловтың шәкірті С.Е.Малов және оның ондаған, жүздеген шәкірттері жалғастырып келеді. Соның нәтижесінде “*Орхон-Енисей*”, не “*көне түркі жазба ескерткіштері*” деп аталатын бұл ғылымның мәнді де маңызды зерттеу нысандары айқындалып, көптен бері-ақ отандық түркітанудың үлкен бір саласына айналып отыр.

Бұл салаға бүгінгі барша түркі халықтарының қатысы бар. Қазақ халқы болса, ол ескерткіштерге “мұрагерлік еншіміз бар” деп қарайды. Өйткені үш топтан – *Орхон, Енисей, Талас* – тұратын бұл руникалық жазба ескерткіштердің үлкен бір тобы – **Талас тасжазбалары** – қырғыз бен қазақ жерінен табылған дүниелер.

Сондықтан да болар, 50-жылдардың басында С.Е.Маловтың “*Памятники древнетюркской письменности*” атты іргелі еңбегі (ол Алматыда жазылған) жарияланғаннан кейін түркі республикаларында көне жазба ескерткіштерін зерттеу істері жандана түсті. Бұл әрекет Қазақстанда да, міне, сол кезден басталған болатын. Ол ескерткіштер тілін зерттеуші ғалымдар (Қ.Айдаров, А.Аманжолов т.б.) өсіп жетілді.

Алайда, бұл игілікті іс Қазақстанда өз кезінде кең етек жайып кете алмады. Проф. Ғ.Мұсабаев бастаған топ көп жылдар бойы руникалық жазулар мен петроглифтерді іздеумен шұғылданды.... Бұл істің нәтижелі болмауының объективті себептері де жоқ емес еді.

Түркітанудың біз айтып отырған **тарихи жаңа кезеңінде** бұл мәселеге жұртшылықтың көңілі қайта ауа бастады деп айта аламыз. Оның ең басты себебі – егемендік алып, еңсесін көтеріп, есін жиған халық

алдымен өзінің кім болғанын, өткен өмірін, рухани қазынасын білгісі келуге талпыну болса, соның алғашқы қадамы Еуразия даласының сүбелі аймағы саналатын Дешті Қыпшақта құрылған жер жүзіндегі ең ірі мемлекет – Түрік қағанатының (империясының) негізін салып дәуірлеген ата-бабаларымыздың өз қолымен тасқа шегіп жазған, өз аузымен келешек ұрпаққа арнап айтқан даналық сөздері мен тарихи шежірелерінің бірегейі – Күлтегін бабамызға бағышталған тас мүсінді ескерткіштің көшірме нұсқасының Қазақстанға келіп орнауынан басталады деп айта аламыз. Әрине, бұл ескерткіштің араға 13-14 ғасыр салып өз ұрпағымен қайта қауышуы оңай болған жоқ. Ол ескерткіштің өзі тұрған жері – МХР-нан емес, сонау жер түбіндегі Жапония елі арқылы алынып, Қазақстанға әкелінуі елбасы Н.Назарбаевтың ыстық ықпалы мен мемлекет қайраткері әрі түрколог-ғалым Иманғали Тасмағамбетов мырзаның қызу араласуы арқылы жүзеге асқандығын түркология тарихы есінде сақтап, түрколог ғалымдардың біле жүргені жөн.

“Күлтегін” ескерткішінің Жапониядан әкелініп, республикамыздың байтақты – Астана қаласындағы Л.Н.Гумилев атындағы университеттің құзырына қойылу салтанатына бағышталған халықаралық түркітану құрылтайда бұдан кейін “Көне түркі жазба ескерткіштеріне” бағышталған арнаулы ғылыми зерттеулердің ең үздіктері үшін берілетін В.Томсен мен Л.Н.Гумилев атындағы екі алтын медаль тағайындау туралы шешім қабылданған болатын.

Өкімет тарапынан қабылданған бұл шешімді кезекті бір шара емес, Қазақстанда бұдан кейін де түркітанудың құнарлы бір саласы – “Көне түркі жазба ескерткіштерін” тұрақты түрде зерттеудің негізі салынуының кепілдігі деп санаған жөн.

Айта кету керек, зәулім биік көк тасқа даналық сөздер жазылған “Күлтегін” ескерткіші орнатылған университеттің кең залында ескерткіштің екі жағына қойылған екі “Алтын адам” (біреуі Жетісудан, екіншісі Атыраудан табылған) бейнесі, сондай-ақ ертеден сақталып келген басқа да жазба ескерткіштер, қалың жұрттың көз алдына бір сәт болса да, көне заманның көзайым бір көрінісін елестеткендей еді. Оларды көріп әсерленген ырымшыл, сенімшіл жұрттың біразы бұл көне дүниелерді қолымен сипап көріп, тәу етіп жатты.

Бұл әрекеттердің бәрін түркітануға тікелей қатысы бар, оның даму тарихындағы жаңа бір кезеңнің рухына сәйкес істеліп жатқан игіліктістер деп таныған жөн.

Алайда, түркология тек көне дүниені ғана зерттейтін ғылым емес. Тіл білімі, соның ішінде қазақ тіл білімі де – бүгінгі түркологияның бір

кара шаңырағы. Бұл басқа түркі тілдеріне де қатысты ортақ жағдай. Енді сол қазақ тілінің бүгінгі жағдайы туралы бір-екі ауыз пікірімізді айта кетейік.

Түркологияның біз айтып отырған тарихи жаңа кезеңіне байқалатын қазақ тілінің, демек қазақ халқының да, қол жеткен елеулі табыстарының бірі, біз жоғарыда көрсеткендей, оның мемлекеттік мәртебеге ие болуы.

Біздің пайымдауымыз бойынша: бүгінгі қазақ тіл білімінде тіл құбылыстарынан, тілдің өз табиғатынан жаңалық іздейтін, оның даму заңдылығын ашатын теориялық ізденістерден көрі, сол мемлекеттік тілдің атқаратын қоғамдық-әлеуметтік қызметтеріне (функциясына) қажетті ғылыми-практикалық, оқу-әдістемелік проблемаларымен шұғылдану басымырақ.

Екінші бір байқалатын құбылыс: тіл мамандарының кейінгі кезде қазақ тілінің грамматикалық, фонетикалық және лексикалық құрылымына тән жеке-дара категориялардың жаңа түрлерін айқындап, оларды тереңдете зерттеуі көп байқалмайды. Мұның есесіне, кейінгі 15-20 жыл бедерінде теориялық негізін неміс ғалымы Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) қалаған этнолингвистикалық бағыттағы зерттеулердің кең етек алып отырғанын көреміз. Бұл теория бойынша қазақ тілін зерттеушілер сол этнос тілінің коммулятивтік қызметіне, яғни ғасырлар бойы қалыптасқан оның асыл қазынасын өз бойында сақтап, атадан балаға, ұрпақтан нәсілге ауыстырып отыратын сирек қасиетіне сүйене отырып, сол байлық негізінде этностың бүгінгі болмысын, әдет-ғұрып, салт-дәстүрін, дүниетанымын т.б. ұлттық қасиеті мен ментальдық ерекшеліктерін танып-білуге байланысты түркология саласына елеулі үлес қосып келе жатқанын айта аламыз (М.М.Копыленко. Основы этнолингвистики. Алматы, 1995. С.180; Ә.Қайдар. Қазақ этнолингвистикасы. // Қазақ тілінің өзекті мәселелері. Алматы, “Ана тілі”, 1998. 8-29 бб.). Халықтың өзін-өзі танып-білуге деген ынтасына сәйкес бұл бағытты бүгінгі таңның талабына сай деп атауға болады.

Қазақ тілінің тарихына байланысты зерттеулер де түркологияның өзекті мәселелеріне жатады. Дәл бүгінге дейін түркі тілдерінің жалпы тарихы жазылмағандықтан жеке түркі әдеби жазба тілдерінің тарихын анықтау да түркітану үшін аса қажетті мәселе. Бұл салада да қазақ тілшілерінің табысы мол деп айта аламыз. Алайда, тіл тарихының бір негізі – қазақ халқының этникалық негізі саналатын ру-тайпалардың тілінде жатыр десек, диалектолог ғалымдардың көп жылдық қажырлы еңбектерінің нәтижесі осы тарихтан өз орнын әлі таба алмаған сияқты.

Ұзақ жылдар бойы жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде айқындалып, сұрыпталған деректер негізінде тілші ғалымдар “Қазақ тілінің академиялық грамматикасын” аяқтап, жариялауға даярлап отыр.

Міне, айта берсек, осы тәрізді тіл саласында басталған, жалғасын тапқан, жоспарланған істер баршылық. Алайда, осы істердің жаңа кезеңге сай бағасы баспа бетінде беріле қойған жоқ. Өйткені қазіргі жағдайда дүниеге келіп жатқан жаңа еңбектерге объективті ғылыми пікір айту жоқтың қасы, ал үлкен түрколог ғалымдар бұл істерге араласуын қойды. Қазақ тіліне байланысты тіл мамандарының алдына қойылып отырған міндеттер де аса зор, әрі қиын. Себебі қазақ тілінің өткендегі өміріне байланысты жіберілген кешірілмес кемістіктер мен идеологиялық қыспақтардан көрген құқайы көп болды. Сондықтан да ең алдымен оны мүшкілдік халінен, басқа тілге бағынышты жағдайынан құтылдыру, одан соң мемлекеттік тіл ретінде қорғау, (жазу-емле, сөйлеу, стильдік, грамматикалық т.б.) нормаларын қалыптастыру, оларды дамыту т.б. сол сияқты саяси, ғылыми-практикалық және теориялық проблемаларын мүмкін болғанынша тез шешу міндеті тұр. Қазақ тілінің әлі реттеле, жүйелене, мағына-мәні ашылып, қолданыс аясы айқындала қоймаған ұлан-ғайыр сөз байлығын бір жерге жинақтап, компьютер жадына жазып, ең асыл қазына ретінде мемлекет қамқорлығына алу да алдағы зор міндеттердің бірі.

Айта берсек, тіліміздің мұндай проблемалары өте көп. Түркі халықтары үшін тілдің (сондай-ақ әдебиет, өнер, этнографияның да) кез келген мәселесі түркологиялық зерттеу нысанына жатады.

Қалай болғанда да, істің тетігі маман-кадрға байланысты екендігі рас. Басқаша айтқанда, сөз жүзінде біз қандай жоспар, қандай бағдарлама жасамайық, оларды іс жүзінде орындау, сайып келгенде, өз ісін, өз кәсібін жіті меңгерген білікті де білімдер маман – тілші ғалымдарды дайындығына байланысты.

Ал, бұл салада айтылар әңгіме көп. Бұрыннан қалыптасқан дәстүр бойынша тіл мамандарын бізде аспирантура, докторантура арқылы және ізденуші ретінде дайындалатыны және олардың жұмыстары ЖАК тарапынан ресми бекітілетіні де белгілі.

Ал, осы жүйе бұрыннан келе жатса да, бүгінгі таңда үлкен өзгеріске (деформацияға) ұшыраған сияқты. Бүгінде тілден (басқа салалардан да солай) диссертация қорғау байсалды да пайымды ғылым жолымен емес, қаурыт та қарбалас науқан түрінде өтіп жатқан сияқты. Ал, бұл жағдайдың бірнеше себебі де жоқ емес: *біріншісі* – республикада атақ-лауазымды тіл мамандарына мұқтаж жоғары оқу орындарының саны бұрынғыдан 3-4 есе

асып кетуі, *екіншісі* – атақ-дәрежелі маман оқытушылардың, ғалымдардың жалақысы басқаларға қарағанда көтеріңкі; *үшіншісі* мұғалімдерді көбірек ұстау университет, институттар деңгейінің бір көрсеткіші болып саналуы. Асығудан туатын қарбалас себептері, міне, осылар. Ал, бұл объективті жағдайдан туындап отырған ғылымдағы бәсеке-жарыс, қарбалас атақ-дәрежелі жас ғалымдардың деңгейін сан жағынан бұрынғыдан көп есе асырып жібергенімен, сапа жағынан сол мөлшерде төмендетіп отырғанын байқау қиын емес. Демек, бұл процес белгілі дәрежеде түркология деңгейіне де, оның бүгінгі мен болашағына да қатысы бар. *“Қойшы көп болса, қой арам өледі”* дегеннің кері келуі де мүмкін.

Тіл саласындағы түркологияның жаңа кезеңдегі дамуына ерекше назар аударатын бір мәселе, міне, осы.

Түркологиялық конференциялар бұрынғыдай емес, қазір ТМД елдерінде өте сирек өтеді. Осындай жоғарыда әлемдік деңгейде түрколог-ғалымдардың басын жиі қосып, бұл ғылымның дамуына ерекше қамқорлық жасап келе жатқан Түркия елінің үкіметі мен ғалымдарына ерекше ризашылығымызды білдіреміз. Бүгінгі конференцияға да олардың тікелей қатысы бар деп ойлаймыз.

Түркологтардың бүгінгі кең түрде бас қосуын пайдалана отырып, мен бұл ғылымның тарихи жаңа кезеңде атқаруға тиісті сан алуан көп те, күрделі міндеттерінің қатарына мынандай нақтылы шараларды (бұл ұсыныстардың біразы бұрын да айтылған) қосқым келеді:

1. А.Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті құзырында құрылған Түркологиялық ғылыми-зерттеу институтының ғылыми-техникалық базасын дамыта түсіп, соның негізінде Халықаралық түркологиялық музей-кесене құру шараларын қарастыру.

2. Болашақта түркітану ғылымының тарихын жасауға, оны жан-жақты дамытуға, табыстарын барша түркі әлеміне уағыздауға қажетті көптомдық “Түркітану библиографиясын” жасауды жоспарлап, оны әр саладан мамандар шақырып орындату.

3. Түркі халықтары тілінің бір буынды ортақ түбірлерінің (моносиллабтарының) академиялық нұсқау корпусын жасауды жоспарлау.

4. Қазақстанның, жалпы мұсылман әлемінің рухани астанасы болып саналатын Түркістан қаласындағы А.Ясауи университетінің құзырында Түркологиялық орталық ашылса деймін.

«Алыс сапар да алғашқы қадамнан басталады» дегендей, Түркітану ғылымының ХХІ ғасырдан басталатын алыс сапарына, жарқын болашағына бағышталған алғашқы қадам – бүгінгі игілікті істеріміз құтты болғай!

Қыпшақтанудың бір бұлағы — тіл

Түркі әлемін танып-білуге, яғни түркология ғылымының қалыптасуына **үш рухани бұлақ** негіз болды десек, соның бірі – барша түркі халықтарының өлі және тірі тілдері, екіншісі – сол халықтардың бай ауыз әдебиеті, үшіншісі – этнографиясы мен этнологиясы.

Міне, осы бір үш бұлақтың тұңғыық сыры тереңдей зерттеліп, бір арнаға тоғысуынан пайда болған тұтас бір ғылым саласының үш тағанды іргетасы қаланып, дүниежүзілік гуманитарияның өзіндік бір үрдісі мен дәстүрі бар дербес қара шаңыраққа айналғаны баршаға мәлім.

«Түркітану» деп аталатын ғылымды жер бетінде (әртүрлі құрылықта, әртүрлі мемлекет құрамында) жасайтын бүгінде жалпы саны 130 миллионнан астам ірілі-кішілі түркі халықтарының (этностарының) өткен тарихы мен бүгінгі болмысын және болашағын зерттеуге бағышталған төл ғылымы деп санауға әбден болады. Өйткені, ғылымды тек «ғылым» деп атау үшін ғана емес, тұтас бір этникалық топтың, жер жүзі өркениетіне өз үлесін қосып келе жатқан халықтардың тарихи-элеуметтік тағдырын, рухани, мәдени байлығын, адамзат қоғамындағы алып отырған орнын анықтауды мақсат ететін игілікті іс деп қараған жөн.

Айта кеткен жөн: түркітанудың өз алдына дербес ғылым саласы болып қалыптасуындағы ең басты ерекшеліктерінің бірі – шығу тегі, салт-дәстүрі ортақ, тілдері төркіндес бүгінде миллиондап (шамамен 130 миллиондай) саналатын түркі нәсілдес халықтардың осынау ортақ қасиеттерін көптен бері жан-жақты, әрі үздіксіз зерттеп, зерделеу нәтижесінде өзін жержүзілік деңгейде таныта білуінде болып жатыр¹.

Міне, осы ғылымның қайнар көзі саналатын үш өзекті бұлағының бас бұлағы болып отырған үш тағанды іргетасының бел ортасында жатқан қомақты да құнарлы құрамына түркі тілдерінің еншісіне тиетіні, басты элементтерінің біріне жататыны сөзсіз. Өйткені тіл феноменін айқындап алмай тұрып, түркі тектес халықтарының ауыз әдебиеті саласындағы рухани байлығы мен этнографиясы және этнологиясы туралы көп нәрсені айта қою қиын. Баршаға белгілі мұның себебі: этностың этнос болып қалыптасуы, дамуы, өркениет әлемінен өз орнын алуы оның тілі болмаса мүмкін емес. Айта берсек, кез келген этностың мәңгі-бақи бірегей этнос болып қалуы да, эволюциялық (заңды) процесс барысында ру, тайпа, ұлыс, халық, ұлт кезеңдерін бастан кешіріп, дамуы да, сайып келгенде, **тіл факторынан тыс болмайтын құбылыс.**

¹ Қайдаров Ә. Түркология // Қазақ ССР. 4-томдық қысқаша энциклопедия. Алматы, 1988. 3-том. 552-554 б.

Сондықтан болар, түркітанудың қалыптасуына негіз болған және оның құнарлы да күрделі саласы саналатын **қыпшақтанудың** өзекті де келелі проблемаларын шешуде де тіл факторын атап өтуге болмайтынын мойындаған жөн. Түптеп келгенде: әлемдік мәні бар қыпшақтанудың бір сыры – біздің пікірімізше: «**тарихи қыпшақ тілінің**» (?) немесе «**қыпшақ тілдері**» (*қазақ, қарақалтақ, ноғай, татар, башқұрт, қарашай, балқар, қырымшақ, құмық*, сондай-ақ жартылай – *өзбек, қырғыз* т.б.) **тобының** пайда болу, қалыптасу процестерін айқындай түсуге байланысты.

Міне, сондықтан да, қыпшақтануға арналып отырған бүгінгі ғылыми-практикалық конференцияда тіл мәселелерін, атап айтқанда, қыпшақ тілдерінің тағдырын тарихи тұрғыдан сөз етілуін, өз басым, орынды деп білемін. Бұл тәрізді күрделі мәселені, әрине, бір бас қосумен шеше салуға болмайды. Алайда, қыпшақтану проблемасын алғаш рет осылай кең түрде сөз етіп, халықаралық деңгейде шешуге шақырып отырған Қазақстан тарихшы-ғалымдарының бұл бастамасын құптамауға болмайды. Біле білсек, қыпшақтанумен шұғылданду – қыпшақ әлемінің заңды қарашаңырағы – Қазақстанның тарихи миссиясы, демек, қазақ ғалымдарының төл ісі, перзенттік парызы.

Қыпшақтану проблемаларына байланысты әңгімеге шақырылып отырған тілші ғалымның айтары да, әрине, тіл туралы болмақшы. Осыған орай мен бір-ақ мәселеге, атап айтқанда, **қыпшақ проблемасының этнолингвистикалық фоны** (негізі) жөнінде тоқталмақшымын.

Жұмыр жер бетін мекендейтін миллиондаған этностардың аз да емес, көп те емес, шағын бір тобын түркі тілді, түрік нәсілді халықтар құрайды десек, нақтылы сөз болып отырған қыпшақ әлемі, **қыпшақ** проблемасы сол бір үлкен дүниенің көп проблемасының бір бөлшегі, тармағы ғана. Алайда, түркітанудың бір құнарлы саласы ретінде ол өз алдына жеке-дара тұрған, басқалардан бөлініп, томаға-тұйық жатқан дүние емес. Бұл – генеологиялық (төркіні), этнологиялық (этностық болмысы), тарихи, географиялық, этнолингвистикалық т.б. жағынан тамыры тым тереңде жатқан кең де күрделі проблема.

Сондықтан да болар, **қыпшақтанудың** ең басты міндеттерінің бірі – оның ар жағы жалпы **алтайтану**, бер жағы **түркітану** әлеміндегі адамзат тарихының табиғи даму заңы еншілеп, меншіктеп берген орнын, тарау шеңберін, даму кезеңдері мен деңгейін анықтап алу болса керек.

Бұл міндеттің бір саласы «тарихи қыпшақ тілі» мен «қыпшақ тілдерінің» табиғатын зерделей түсіп, оның қойылып отырған жалпы проблемамызға қатыстығын айқындау болса керек.

«Тарихи қыпшақ тілі» және «қыпшақ тобына жататын түркі тілдері» (яғни «қыпшақ тілдері») деп отырғанымыз не? Түркітануда «қыпшақ тілі» деген де, «қыпшақ тілдері» деген де ұғым бар. Бұл заңды да. Өйткені белгілі бір этностың, не этностық тайпаның, ұлыстың о баста бір-ақ тілі болған, себебі көп тілде, тіпті екі-үш тілді бірдей «ана тілім» деп санайтын этнос бір тұтас, бір текті этнос бола алмайды. Бұл – қоғам дамуының объективті заңдылығы. Осыған байланысты түркі әлемінде кезінде «қыпшақ тілі» деген тіл болған деп есептесек, онда біз бүгінгі таңда «қыпшақ тілдерінде» сөйлейтін этностардың (ұлыстар мен халықтардың) қайсысы маңдайы жарқырап, «алғашқы қыпшақ тілі» деген құрметті де тарихи мәртебеге, сондай-ақ оның «мұрагері», «жалғасы» деген атақтарға ие бола алады? Деген заңды сауалға да жауап беруіміз қажет сияқты. Бұл мәселенің бір жағы. Оның екінші жағы – бүгінде этнолингвистикалық факторға айналып отырған құбылыс – өзіндік тарихын басынан кешіріп, өзінше өріс тауып, өзіндік үрдісімен дамып, «*дербестік*» деңгейіне көтерілген қыпшақ тобындағы көптеген (10-нан асады) этностардың өзара туыстығы, тілдік жақындығы...

Міне, осындай мәселелерге назар аудармай, оған жете мән бермей, қыпшақ проблемасын жалпы түрде сөз ету – көлдің айдынын қызықтап, оның терең түбінде тұнып жатқан «тұнбаларға», оның қойнау-қолтықтарында қордаланып жатқан тарих құпияларына мән бермеумен барабар.

Біз айтар әңгіменің бір түйіні, міне, осында. Оны зерделей түсіп, зерттеудің тәсілі, жол-жорығы тағы бар. Енді осы мәселені өз білгенімізше таратып, талдап көрейік.

1. Біздің байқауымызша: қыпшақтану саласында жемісті еңбек етіп жүрген тамаша ғалымдардың іс әдістеріне тән және солай қалыптасқан бір дәстүр: 1) өзі зерттеп отырған мәселені бір не екі қыпшақ этносының шеңберімен ғана шектеп, қыпшақ әлеміндегі жалпы процестерге мән бермеу; 2) тарихшысы қыпшақ тарихымен, этнолог – этнологиясымен, географ – географиясымен, тілші – тілімен ғана бір жақты кету бар да, оларды өзара байланыстыра қарау жоқ, не өте аз. Мәселен, араб, парсы тілдеріндегі бұлақтар негізінде дүниеге келген Қазақстан ғалымдарының (Б.Көмеков, Пищулина, М.Әбусейітова т.б.) тамаша зерттеулерін Еділ бойын жайлаған қыпшақ тайпаларының тіліндегі ортақ лексикалық қордың өзіндік ерекшеліктерін зерттеуші башқұрт, татар (Т.Ғарипов, Р.Ахметьянов т.б.) тіл мамандары біле бермейтін сияқты. Мұның ең басты бір себебі – бұрынғы Советтік кеңістікте де, бүгінгі ТМД елдерінде

де қыпшақтану проблемасы әр жерде жеке сөз болды да, келелі де ортақ бағдарлама бойынша барлық мамандарды қатыстыра отырып бір ортадан басқарылып, ғылыми-зерттеу жұмысы жүргізілген емес.

2. «Қыпшақтану» проблемасына, ол күн тәртібіне қойыла қалған күнде, тілші ғалымдардың қандай үлесі болуы мүмкін? Деген сұрақ та қойылуы мүмкін ғой. Менімше, бұл салада қазақ тілші-ғалымдарының да айтар пікірі, жазар ғылымы аз болмаса керек. Бізде тек Қазақстанда ғана емес, одан тыс жерлерде де қыпшақ тіліне қатысты жазба ескерткіштерді зерттеген қабілетті ғалымдар (Ә.Құрышжанов, Ә.Ибатов, Б.Сағындықов т.б.) баршылық. Тек осыларды игілікті іске тартып, ұйымдастыра білуде.

3. «Қыпшақ» феноменінің түркі дүниесінде қашан, неден басталып, немен біткенін, не бітуге тиістілігін өз басым «білемін» деп айта алмаймын. Менің түсінігімде ол қазірше «басы жоқ, аяғы жоқ» проблема болып көрінеді де тұрады.

Бұл проблеманың басқа жағын былай қойып, тек тілге қатысты жағын ғана алып қарасақ та біз осы жағдайды көретін сияқтымыз.

Енді осы пікірімізді сәл таратыңқырап айтып көрейік. «Қыпшақтану проблемасы ең алдымен қыпшақ этносына және оның тіліне байланысты» деген логикалық тұжырымды мойындасақ, оның түркі (о баста – «түрк», орысшасы «тюрк») тілдер санатына жататынын да мойындағанымыз жөн. Ал «түрк» («тюрк») деген атау түркітану ғылымында ресми түрде алғаш («түрк бұдұным») Түрік қағанаты (V-X ғ.ғ.) дәуірінен бастап түркі дүниесінде белгілі бола бастады. Алайда, бұл айтқаннан жалпы түркі тілдес этностардың жер бетінде пайда болуы V ғасырдан басталды деген ұғым-түсінік тумаса керек. Өйткені жер бетінде әр тілді этностар қаншама көп болса да, олардың әрқайсысының дүниеге келуі сирек кездесетін тарихи оқиға, ерекше құбылыс. Этностың пайда болуы туралы Лев Гумилев былай деп жазады:

«**Этнос** – долгоидущий процесс, определяемый тремя параметрами: **пространственным** (географическим ландшафтом), **временным** (изменением пассионарности от рождения до распада через определенную последовательность фаз) и **контактным** (взаимодействием с другими этническими системами, которое называет смещение, нарушение прямого процесса)².

Жалпы «Түрк» этносы да, соның құрамдас бір бөлігі «қыпшақ» этносы да осы тағдырды басынан кешіргені даусыз. Олай болса, «қыпшақ» туралы айту үшін бер жағы – «түрк», ар жағы – «алтай» проблемасын

² Гумилев Л. Меня называет евразийцем. Алма-Ата, 1991, с.5.

айтудың да қажеті бар сияқты. Өйткені «қыпшақ» феномені алдымен «түрк» (тюрк), ал ол «алтай» феноменімен сабақтас екені белгілі.

«Алтай» атауы географиялық ұғым да, «қыпшақ» пенен «түрк» (тюрк) этнонимдерінің тілдік табиғаты ғылымда осы күнге дейін айқын емес. Оны біз акад. А.Н.Кононовтың шолуынан айқын көреміз³.

Алтайтану (Алтаистика) ғылымы «түркі тілдерінің түп-төркіні алтай тілдеріне» барып саятынын әлдеқашан дәлелдегені белгілі. Бұл теория бойынша: өз алдына мемлекет құрып, тарихи аренаға V ғасырда шыға бастаған түркі тайпалары өз тарихын тым арыдан (б.д.д. V ғ.) бастап, күні бүгінге дейін үзілмей келе жатқан Алтай өңірінен тараған тектес, тілі ортақ, салт-дәстүрі, тіршілік тәсілі бір халықтар деп қарайды. Алтай теориясы ұлан-ғайыр бұл өлкеде тым ерте замандарда, тек түріктер ғана емес, басқа да тектес бір-біріне ұқсас тайпалардың жасағандығын айта келіп, олар бара-бара 5 түрлі: 1) түрік, 2) моңғол, 3) тұңғыс-манжұр, 4) жапон, 5) корей – тілдері тобын қалыптастырғанын, бұл тілдердің басын қосып, ұйытқы болып тұрған 10 шақты ортақ заңдылықтардың (жалғамалылық, үндестік (сингармонизм), сөз басында 2 дауысты дыбыстың бірден келмеуі, грамматикалық родтың жоқтығы т.т.) барлығын дәлелдеумен келеді⁴.

Түркі тілдерінің (демек, сол тілдерде сөйлеуші этностардың) Алтай тобына енетін аталмыш тілдермен төркіні, тарихи құрылымы, географиясы т.б. жағынан байланысын зерттеу жеке мәселе болса да, **түркі>қыпшақ** проблемаларына алыста болса да қатысы бар екендігін ұмытпаған жөн.

Енді түркі тілдерінің өздеріне келсек, зерттеушілер (Н.А.Баскаков т.б.) олардың тарихи даму кезеңдерін: 1) **Алтай дәуірі** (б.д.д. ғасырлар), 2) **Хун дәуірі** (V ғ.дейін), 3) **Көне түркі дәуірі**, 4) **Орта ғасыр дәуірі** немесе негізгі түркі тайпаларының қалыптасу дәуірі деп, төрт кезеңге бөліп қарайды⁵. Сол сияқты, түркі тілдері таралу шегіне қарай 6 ареалға топтастырылып жүр: 1) **Батыс аймақ** (Европа, Балтық жағалауы), 2) **Кавказ**, 3) **Еділ-Жайық**, 4) **Орта Азия мен Қазақстан**, 5) **Сібір**, 6) **Орталық Азия**.

Түркі тілдерінің жалпы саны: кейінгі зерттеулерге қарағанда⁶ – диалектілерін қоса есептегенде жалпы саны – 450-ден астам. Бұлардың ішінде жеке-дара дербес тіл болып саналатыны – 60, олардың тірілерінің саны – 35-те, өлісі – 25 тіл, ал бұлар іштей бірнеше топқа бөлінеді. Қыпшақ тобына (жоғарыда көрсетілген) 10 тіл жатады. Бұл тілдердің

3 Кононов А.Н. Опыт анализа термина «түрк»// «Советская этнография», 1949, №7, С. 40-47

4 Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981, С.109.

5 Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, С.148.

6 Языки мира // Тюркские языки. М., 1997.

бәрі бүгіндегі тірі тілдер, дербес халықтардың тілі. Бұлардың табиғатына тән ерекшеліктер де ортақ әрі бір-біріне жақын. Демек, сан жағынан да (шамамен 40 миллиондай), таралу ареалы жағынан да бүгінгі түркі тілдер ішіндегі ең ірісі де, қолданысы кеңі де, сан жағынан ең көбі де қыпшақ тобындағы тілдер болып саналады. Яғни этносқа тән Л.Гумилев айтқан үш фактордың (уақыт, кеңістік, контактылық) үшеуі қыпшақ тілдеріне тән болған. Соның нәтижесінде орта ғасырдың өзінде-ақ Еуразияның кең жазирасында, Дешт-й Қыпшақ даласында **«қыпшақ»** феномені ұйытқы болып, этногенетикалық, этнолингвистикалық, этнографиялық, этносоц. зор қауым қалыптасты. Ол қауымды тілшілер **«Қыпшақ тілі қауымы»** («Кыпчакская языковая общность») деп атайды⁷. Бұл қауымның аумағына түркі тайпалары бірден емес, біртіндеп, бірінен кейін бірі, өзара іштей жақындасып барып енгені белгілі. Мәселен, қыпшақ тобына жататын тілдердің көпшілігі түркі тілдер картасында *Батыс хун* тармағынан табылып, олардың өздері алдымен үш топқа – 1) **Қыпшақ-бұлғар тобына** (оған татар, башқұрт тілдері жатады), 2) **Қыпшақ-ноғай тобына** (қазақ, қарақалпақ, ноғай т.б. тілдер) және 3) **Қыпшақ-половец тобына** (қарашай, балқар, қарайым, қырымтатар, половец – «Кодекс Куманикус» ескерткішінің тілі т.б.) – жіктеліп барып, кейін тілдік одақ құрғаны белгілі. Айта кету керек: орта ғасырдағы *«Қыпшақ тілдері қауымдастығы»* өзінің тарихи миссиясын тамаша атқарған болатын. Қыпшақ тобына жататын 10-шақты тілдердің ортақ тілдік заңдылықтар негізінде өзара жақындаса түсуі, міне, осының нәтижесі болса керек. Осы ортақ заңдылықтардың бәрі де бүгінде бір тұтас, монолит тілдер санатына жататын **қазақ тілінің** бойынан табылуы да оның кезінде сол қауымдастыққа ұйытқы болуынан деп қараған жөн. Қыпшақтардың бір кезде дәуірлеп жасаған жазира даласының қара шаңырағының мұрагері де сол қазақтар (Мағжан). «Қыпшақ» атанған тайпа, не тайпалар бірлестігі, одағының жеке топтары кезінде басқа этнос, ұлыс, халықтардың қалыптасуынан қалыптасқаны белгілі. «Қыпшақ тілдері» деген ұғымның шығуы осыған байланысты. Ал «тарихи қыпшақ тілін» «Кодекс Куманикус» тілі иелеріне қатысты айтуға болатын сияқты (бұл зерттеле түсуге тиісті пікір).

Сонымен, қорыта келгенде айтарымыз: қыпшақ әлемінің ірге тасының бір тағаны – қыпшақ тобын құрайтын тілдер тарихы, қыпшақтану проблемасының сусындайтын көп бұлақтарының бірегей бір бұлағы, қыпшақ қасиетін толық бойына сіңірген, көне де байырғы, таза да тұтас, бай да құнарлы рухани көзі қазақ тілі болатынына кепілдік бере аламыз.

ҚР БҒМ ҰҒА-ның Хабарлары. 2002. № 3. 13-18 б.

⁷ Қайдаров Ә. Қазақ тілі // Қазақстан тарихы. Алматы, 1998. 2 т.

Түркітанудың жаңа көкжиектері

Барша адамзат баласына қызмет ететін сан алуан ғылымдардың алыс-жақын мақсаты ортақ болғанымен, алдына қойған нысаны мен даму барысы әр алуан болса керек. Сол ғылымдардың ішінде алдына қойған мақсаты игі, жер бетінде ерте жаралып, құнарлы құрылық саналатын Еуропа мен Азияның сайын даласына кеңінен тарап, адамзат өркениетіне өз үлесін еселеп қосып келе жатқан түркі тілдес халықтардың болмысын зерттеп, зерделеуші және бұл үрдісінде көп табысқа ие болған нағыз адами ғылымдардың бірегейі – **түркітанудың** дүниеге келгеніне де, міне, талай ғасыр өтті. Оның жаңаланып, жаңғырып, шарықтау шегіне жеткен үкілі кезеңдері де, тағдырдың тәлкегіне ұшырап, тынысы тарылған, мешеу дамыған дәуірлері де аз болған жоқ. Қалай болғанда да, отандық түркітану ғылымы өзінің ұзын сонар үрдісін бір сәт те тоқтатып, тоқыраған емес. Өйткені бұл ғылымның артында жалпы саны 150 миллионнан астам, тірісі мен өлісін қоса есептегенде 60 шақты ірілі-ұсақты тілде сөйлеген және сөйлейтін, **«түркі әлемі»** деп аталып келген іргелі қауым тұр. Міне, сол қауымның алдағы дәуірде жаңаланып, жаңғырып, өркениет өріне көтерілетін жаңа бір дәуірі, арайлап атқан таң мен ал қызыл боп батқан күн шұғыласынан оның кең жатқан көгілдір көкжиегінің нышаны байқалатын сияқты. Ғалымдардың жобалауына қарағанда, міне, сол алдымыздағы ХХІ ғасыр аталмыш түркі дүниесін тереңнен танып, тексерудің тарихын айғақтап, оның өркениеті мен мәдениетіне қосқан қомақты үлесі мен әлі де қосары мол **Түркітану** ғылымының да өсіп, өркендейтін үкілі кезеңі болмақшы.

Үстіміздегі 2001 жылдың 23-24 қарашасында елбасымыз Нұрсұлтан Назарбаевтың өз аузымен «Рухани астана» деп аталған қасиетті Түркістан қаласында болып өткен Қазақстанның тәуелсіздігі мен Қ.А.Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің ашылуының 10 жылдығына арналып өткізілген **«Қазақстан 10 жыл ішінде: экономиканың, білім және ғылымның өзекті мәселелері»** атты Халықаралық ғылыми-теориялық конференцияның күн тәртібіне қойып, кең түрде пікір алысқан және күрделі шешім қабылданған мәселелердің біріне біз сөз еткелі отырған **түркітанудың** да келелі проблемалары жатады.

Айта кететін бір жағдай: *біріншіден*, Түркі дүниесінің 5 тәуелсіз мемлекет пен 7 автономиялық республикасынан келген мемлекет және қоғам қайраткерлері, ірі-ірі ғалымдар мен білім саласының мамандары

қатынасқан бұл конференцияны шын мәнісіндегі халықаралық құрылтай (форум), ғылыми-теориялық мәні зор келелі бас қосу деп атай аламыз; *екіншіден*, конференцияның үш ғасыр бойы қазақ Мемлекетінің астанасы болған, 1500 жылдық тойын өткізіп, жаңғырып, жаңалана бастаған, ірі оқу-білім ордасына айналған, ислам дінін уағыздаған ойшыл да ақын бабамыз Қожа Ахмет Ясауидің кесенесі орналасқан қасиетті Түркістан жерінде, екі үлкен мемлекеттің Қазақстан мен Түркияның ортақ білім ордасы – Қ.А.Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің құзырында өткізілуі – бәрі-бәрі бұл құрылтайға халықаралық сипат қана емес, тарихи мән берген сияқты. *Үшіншіден*, бұл конференцияны өткізуге Қазақстан және Түркия үкіметінің ерекше мән беруі; (мәселен, ҚР Премьер-министрінің орынбасары, проф. И.Н.Тасмағамбетовтің баяндамасының қойылуы; өкінішке орай, ол белгілі себептермен конференцияға келе алмай қалды; Облыс әкімі Б.Сапарбаев мырзаның конференцияға қатысып, сөз сөйлеуі т.т.; сондай-ақ конференцияны өз деңгейінде өткізілуі университеттің жаңа президенті академик, проф. О.С.Сәбден мырзаға да, университеттің өкілетті кеңес төрағасы проф. Н.К.Зейбек мырзаға да, сондай-ақ жалпы ұйымдастыру Комиссия мүшелеріне де үлкен сын болатын. Бұл сыннан олар мүдірмей өтті деп ойлаймын. Өзі басқарып, оның қоғамдық өміріне белсене араласып отырған Түркістан қаласының әкімі Ө.Әметов мырза да осы бір дүбірлі жиынның дәл ортасында жүрді. Бұл, әрине, қуанышты жағдай.

Бұл айтып отырғаным әдеттегі қонақ білдірер «сарт мезірет» емес. Менің бұл жолы көргенім – Түркістан өңіріндегі өркендей бастаған өркениетті өзгерістердің бірі, оны рухани, мәдени өміріміздің жаңа бір бетбұрысы ма деп қалдым.

Әңгіменің негізгі желісі – осы конференциядан туындаған ойлар мен конференция қабылдаған шешімдер. Қазақта: *«Алыс сапар да алғашқы қадамнан басталады»* деген сөз бар ғой. Біздің пайымдауымызша, осы конференция барысында және ол қабылдаған ұсыныс-шешімдерде **түркітану ғылымының** кейбір жаңа белестері мен көгілдір көкжиектері де байқалып қалған сияқты. Конференция соңында бірауыздан ресми қабылданған шешімде **түркологиялық зерттеу саласында** жақын жылдарда жүзеге асырылуға тиіс міндеттері ретінде ұсынылған шаралардың кейбіреулері мыналар:

«1. Әлемдік түркологияның тіл, әдебиет, тарих және басқа гуманитарлық салалары бойынша нәтижелерін жинақтай отырып, оның жаңа дәуірге лайықты басым бағыттарын анықтау»...

«4. Университетте қазақ, түрік, орыс және ағылшын тілдерінде шығарылатын халықаралық «Туркология» журналын 2-3 айда бір рет шығару ісін қолға алу»...

«6. Түркі халықтары тілдеріндегі бір буынды ортақ түбірлердің (моносиллабтардың) академиялық нұсқа корпусын жасау»...

«7. Қ.А.Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті құзырында құрылған Түркологиялық ғылыми-зерттеу институтының ғылыми-техникалық базасын дамыта түсіп, соның негізінде **Халықаралық түркологиялық музей-кесене** құру шараларын қарастыру» т.б.

Ұсынылған шаралардың ішінен бөліп алып, қарастырғалы отырған бұл мәселелердің біразы конференцияға қатысып, арнайы баяндама жасаған біздің өз ұсынысымыз болғандықтан, әңгімені естіген және түркітану мәселесімен қызығатын жұртшылыққа да және осы мәселелерді түбінде жүзеге асыратын Университет құзырындағы Түркология ғылыми-зерттеу институты ұжымына да түсінікті болу үшін біз оларды сәл кеңінен қарастырып өз ойымызды ортаға салып, талдап-таратып айтуды жөн көрдік.

1-тармақ бойынша. Әлемдік түркітануды дамыту – бүгінгі саналы ұрпақтың, зиялы қауым, мамандардың ардақты борышы болмақшы.

Түркі әлемінің бай да асыл рухани, мәдени мұраларын түгел қамтып, жаңғыртып, жаңалап, қалпына келтіру, ұрпаққа оның тұтастығын, ауқымдылығын, мән-мәнісін таныту, уағыздау, паш ету бүгінгі түркі қауымының ХХІ ғасырдағы алдында тұрған ең абзал, инсани парыздарының бірі болмақшы.

Алтай аймағындағы бір ұядан біздің есімізде жоқ сонау бір ерте заманда түлеп ұшқан бес алып қыран құстан тарап, бес тайпа ел болып, өз алдына мемлекет құрып, кең әлемде өсіп-өнген *түркі, монғол, тұңғыс-манжур, жапон, корей халықтарының* ең үлкені де, ұлығы да *түркілер* саналады. Ғасырлар бойы ғалымдардың басын ауыртып келген алтай жобасы мен түркітану тарихы жер жүзі ғалымдары, соның ішінде Түркітану отаны Ресей ғалымдары қаншама атсалысып келе жатса да, мәселенің бәрі түгел шешілді, айғақталды деп айту қиын. Бірақ бұл салада аса мол, қымбат деректер жинақталды. Ал, басталған игілікті істермен қатар, аяқталмаған, тіпті қолға да алынбаған істер қаншама? Сондықтан да, Конференция шешімінің **1-тармақтағы** нұсқау өте дұрыс көрсетілген деп білеміз. «Гуманитарлық сала бойынша зерттеу нәтижелерін жинақтай отырып, оның жаңа дәуірге (әрі замана талабына... – Ә.Қ.) лайықты

паритетті бағыттарын анықтау» деген ұсыныс, менің пайымдауым бойынша, түркітанушы ғалымдардың мойнына көп міндет артатын сияқты. Егер бұл игілікті идеяларды орындауға қажетті қаржы, мамандар табылса және ұйымдастырушы Орталықтың ісі жолға қойылса, Отандық түркітану ғылымында басталып, қалыптасқан дәстүрді жалғастырып, түркі халықтарының рухани өміріне қатысы бар ең қажетті бір топ іс-шараларды жүзеге асыруға да болар еді.

Мәселен, Отандық түркітану саласында күні бүгінге дейін атқарылған кешенді (комплекті) істердің біріне профессор Васильевтің Орхон-енисей жазба ескерткіштерінің бұрын-соңды табылған нұсқаларының корпусын (жиынтығын) жатқызуға болады. Қазақстан (Астанаға) жеріне Тасмағамбетов Иманғали мырзаның қызу араласуымен әкелінген Күлтегін ескерткішінің құрметіне байланысты өткізілген Халықаралық түркітану конференциясы (18-19 мамыр 2001ж.) қаулысында да профессор Васильев бастаған зерттеуді түркі әлеміне тән басқа да жазба ескерткіштер (көне ұйғыр, әрмен, араб т.б.) бойынша жалғастыру қажет делінген. Бұл Қазақстан жерінде болашақта өз жалғасын табатын іргелі істердің бір бастамасы болмақшы.

Дәл осындай басым бағытта жүргізілуге тиіс келелі зерттеулердің енді бір саласына Орталық және Орта Азия, Шығыс Еуропа мен Жақын Шығыс халықтарына ортақ орта ғасыр жазба ескерткіштері нұсқаларын қайта қарап, жаңғыртып, топтама жинақ ретіндегі сериясын басып шығаруды жатқызуға болар еді. Бұл, әрине, ұлан-ғайыр мол жұмыс. Бұлар әр кезде, әр түрлі (шетел, Ресей, түркі аймақтарындағы жергілікті) мамандар тарапынан зерттеліп, әр түрлі ғылыми деңгейде жарияланып, бірақ әлі күнге дейін басы бір жерге қосылып, түркі әлеміне тән бай рухани мұра екендігі танытылмай келе жатқан мол қазына. Егер Қазақстан мен Түркия мемлекеті және ірілі-кішілі 30-ға жуық түркі халықтары бір бағыт, бағдарламаға ұйымдасып, тізе қосып, бірігіп әрекеттенсе, бұл салада да адамзат өркениетіне қосатын үлесі мол болмақшы.

Мен бұл салада істеуге тиісті ұлан-ғайыр істің алғашқы қадамы ретінде бастауға, серия ретінде баспаға дайындап, шығаруға болатын Орта Азия мен Қазақстан халықтарына ортақ орта ғасырлық бір шоғыр жазба ескерткіштерді атағым келеді. Олар – түркітану әлемінде аты әйгілі, өзінің барша саналы өмірін орта ғасыр түркі жазба мұраларының тілін, тарихын зерттеумен өткізген, олардың біразын жарияласа да, біразын көзі тірісінде жариялап үлгіре алмаған, ұлы Мұхтар Әуезовпен Семейде бірге оқыған жерлесіміз, бүгінде марқұм филология ғылымдарының

докторы, профессор **Әмір Нәжіпұлы Нәжіптің** артында қалған, өмірінің соңғы сәтінде аманат етіп бізге (осы мақала авторына) тастап кеткен бай мұрасы. Олар Махмұт Қашғари, Қожа Ахмет Яссауи, Жүсіп Баласағұни, Ахмет Йгуники, Хорезми, Сейф Сараи, Рабғузи, Құтба, Сағди, Бұрханаддин Севаси сияқты әлем руханиятына баға жетпес үлес қосқан түркі ойшылдары, ғұлама ғалым, ұлағатты ұстаздар болатын.

Міне, осы асыл дүниелердің ғалым **Әмір Нәжіп** зерттеп, зерделеген нұсқалары мен транслитерацияланып, орысшаға аударылған, жеке-жеке очерк ретінде жазылған қолжазбалары біздің қолымызда сақтаулы. Әр түрлі себептерге, әсіресе қаржы мәселесіне, байланысты тоқтап қалған бұл жұмысты қайта қолға алу, яғни қолжазбаларды қажетті деректермен толықтырып, түп нұсқамен тағы бір рет салыстырып шығып, жүйелеп, баспаға дайындау, **«Түркі халықтарының рухани мұрасы»** деген атпен (зерттеу, текст, сөздік ретінде) серия түрінде жариялау түркітану ғылымының жаңғыру дәуіріндегі зор міндеттерінің бірі болса керек деп ойлаймыз.

4-тармақ бойынша. Түркітану ғылымының өзіне ғана еншілес одақтық ғылыми журналдың «Советская тюркология» деген атпен Баку қаласында шыға бастағанына, міне, 30 жылдан астам уақыт өтті. Советтер одағы ыдырағаннан кейін ол журнал біраз тоқтап қалып, «Түркология» деген атпенен халықаралық басылым болып қайта шыға бастады, бірақ бұрынғыдай емес, таралымы аз, көтеріп жүрген мәселелері аймақ, өлке тілдерімен ғана шектеулі. Біз осы журналдардың екеуінің де редакция алқасында болдық. Сондықтан да, «Советская тюркология» журналы кезінде бүкіл түркі әлемінің рухани өмірін айғақтаушы, жер жүзіндегі түрколог ғалымдардың ой-санасын тоғыстырып, сараптап өткізіп, даму үрдісін, ортақ мақсатын бағдарлаушы бір орталыққа айналғанын мойындауымыз керек. Дегенмен, еліміздегі тоталитарлық жүйе талабына байланысты түркітану ғылымының теориялық мәселелері көбірек көтеріліп, журналда түркі әлемінің тегі бір, бір тұтас өзіндік мол дүниесі көп айтыла бермейтін.

Түркия елінде түркологиялық бағытта шығатын журналдар да бар: мәселен, «Түріксој» тарапынан шығарылатын «Түрік дүниесі» (түрікше аты: Anayurttan Atayurda. Türk dünyasi), «Шығыс Түркістан» (түрікше аты: «Dodu Türkistan»); «Түрік елі» (түрікше: «Turk eli») т.б. Түрік әлемі туралы көптеген ғылыми, саяси-әлеуметтік мағлұматтар беретін бұл тәрізді журналдар мен тұрақты жинақтар жалпы түрік әлеміне таралуы, тек түрік тілінде ғана шыққандықтан шектелген, оларды елдің бәрі біле бермейді.

Міне, осы бір объективті жағдайларды ескере отырып, Халықаралық қазақ-түрік университеті құзырындағы Түркітану институты (орталығы)

тарапынан, қаулы бойынша, «Түркология» (дұрысы – «Түркітану») атты журнал шығарылатын болса, ол, біріншіден, халықаралық мәртебеге ие болуы шарт және төрт (қазақ, түрік, орыс, ағылшын) тілде бірдей дәлмедәл қайталанып, алдыңғы бір-екі жыл ішінде-екі айда бір, одан соң – үш айда бір номерден шығып, жер жүзіне, әсіресе барша түркі әлеміне, түгел таратылатын болса ғана конференцияда көтерілген бұл игілікті идеяның орындалғаны.

б-тармақ бойынша: «Тегі бір түркі тілдерінің – түбірі де бір» деген идеяны біздің көптен бері-ақ айтып, оны іс жүзінде дәлелдеудің қамқаракетін жасап жүргенімізді біраз жұрт біледі. Олай дейтін себебіміз: жалғамалы (агглютинативті) түркі тілдері үшін түбір (сөз) проблемасы күрделі проблема және оны тиянақты зерттеу түркі тілдерінің баршасын (тірісі – 35-тей, өлісі – 25-тей) түгел қамтып, негізгі сөздік қорының ұйытқысы саналатын, бір буынды ілкі түбірлердің тамырын тап басып, індете терең қарастыруды әрбір тілдің өз маманын қатыстырып, талдап-тарату арқылы төркінін анықтауды талап етеді. Біздің көптен бері шұғылданып жүрген бұл проблема төңірегінде бүгінде өзіндік зерттеу дәстүрі бар бір ғылыми мектеп қалыптасып келе жатқан сияқты. Бүгінде, қазақ, қырғыз, татар, башқұрт, хакас, қарашай, балқар, түрік, ұйғыр, шуаш т.б. түркі тілдеріндегі бір буынды түбірлердің (С, ГС, ГСС, СГ, СГС, СГСС) табиғатын зерттеуші бір топ ғалымдардың (Ә.Қайдар, К.Мұсаев, Е.Қажыбеков, К.Ш.Хұсайынов, А.Ғ.Шайқұлов, Ж.Манкеева, Б.Сағындықов, Ч.Дыйханова, Е.Г.Васильева, А.Кызласов, М.Ескеева, Қ.Аронов, Э.Әзербайев т.б.) арнайы еңбектері жарық көріп, бұл құбылыстың ауқымы айқындала бастады.

Түркі тілдерінің негізін құрушы көне де байырғы бір буынды ортақ түбірлер онша көп те емес. Олардың бір сыпырасы атамзаманнан келе жатқан түркі тілдерінің өз табиғатына ғана тән төл ілкі түбірлер болса, олардың біразы эволюциялық даму салдарынан бір тілде мағынасы айқын болса, екінші бір тілде мағынасы күңгірттеніп, не «өлі» түбірге айналып үлгерген, бір түбірлердің шығу тегі тіпті алтай тобына жататын моңғол, тұңғыс-манжұр, жапон, корей т.б. тілдермен төркіндес болып келсе, енді біреулері көршілес тұрған басқа жүйедегі тілдерден еніп, етене сіңісіп кеткен ауыс-түйістер болып келеді. Мәселен, қазақ тілі бойынша біздің бір арнайы зерттеуімізде («Структура односложных корней и основ в казахском языке». Алма-Ата, «Наука», 1986, стр. 183-311) айқындалған бір буынды түбірлердің (моносиллабтардың) жалпы саны 2704 бірлік (единица) деп көрсетіледі. Оның тең жартысы (1352)

жеке-дара қолданылатын, бірқатары басқа тілдерден де табылатын, бір-бірімен тұлғалық ұқсастығы бар, не фонетикалық вариант түрінде кездесетін ортақ, әрі мағыналас, не синкретикалық түбірлер.

Қандай болмасын, бүгінгі түркі тілдерінің тектестігі де, бір-бірінен жақын-алыстығы да, сайып келгенде, міне осы ортақ бір буынды түбір қорында сақталады. Сондықтан да, алтай теориясы тұрғысынан да, түркітану тұрғысынан да бұл тілдердің төркінін айқындау сан ғасыр бойы қалыптасқан негізгі сөздік қор ұйытқысы осы бір буынды түбірлер негізінде жүзеге асырылмақшы. Әрбір тілде қалыптасқан лексикалық байлық, әдетте, екі үлкен арна бойынша – біреуі осы ортақ түбірлер негізінде туындап, толассыз толығу арқылы болса, екіншісі көрші т.б. тілдерден жоқ сөздерді қабылдау арқылы жүзеге асады.

Конференция тұғырынан ұсынылып, оның шешіміне еніп отырған шаралардың бірі – «Түркі халықтары тіліндегі бір буынды ортақ түбірлердің (моносиллабтардың) академиялық нұсқа корпусын жасау» болса, оны орындау – ғасырлар бойы зерттеліп, зерделеніп келе жатқан «түркі тілдері» деп аталатын сирек құбылыстың мызғымас, берік іргетасын қалау болып саналады. О бастағы Алтайдағы алтын ұясынан түлеп ұшқан 5 алып құстың біреуін, бейнелі түрде, «түрік тілінің құдіреті» деп санасақ, сол бүгінде өніп-өсіп 150 млн. адам сөйлейтін туыстас көп тіл болып, түркі әлеміне кең тарап отыр. Олардың бір-бірімен етене жақын жүріп, ұқсастығын сақтағандары да, қиян көшіп, шет жайлап, арасы алыстап кеткендері де бар. Түркі халықтарының басып өткен қат-қабат, қарбалас ғұмыры, аласапыран тарихы осы құбылыстардың айғағы болса, ал Конференция ұсынып отырған іс-шаралар, сайып келгенде, «тегі бір түркі тілдерінің – түбірі де бір» деген идеяны дәлелдеу жолындағы игілікті әрекеттердің бірегейі болмақшы.

7-тармақ бойынша пікірлерім: «Халықаралық түркітану музей-кесене құру» идеясы дәл бүгін емес, бұрыннан келе жатқан, көптеген ұлт азаматтарының басын ауырттып, жүрегін сыздатып келе жатқан асыл арман. Шынында да, тарих пен аңыздарға сенсек, бүгінгі түркі халықтары жаратылысынан Еуразияның ұлан-ғайыр кең даласында бытырап өскен бытыраңқы ел емес еді. Түркі тайпаларының өз өлкелерінде мамыражай бейбіт өмірін алғаш бұзып – батысқа қарай қоныс аударып (б.д.д. I ғасырда) үдере көшкен қалың ғұн тайпаларының «ұлы күші» болды. Осы әрекетіне байланысты түркі тайпалары да Еуразияның төрінен етегіне дейін жайылып, жалпақ даланың жанға жайлы өлкелерін жайланып тарап кетті. Бір кезде қыпшақ, үйсін, қаңлы тайпалары мен қатар жасаған

шуаштар Еділ бойымен өрлеп, Ресейдің төсіне барып орналасты. Сахалардың біразы бүгінгі жеріне Сыр бойынан көшіп барса, Кіші Азия түріктерінің көбісі өздерін Қазақстаннан барғанын мойындайды.

Осындай бір тарихи себептермен өрісін кеңейтіп, өзінше өмір сүре бастаған түркі тайпалары енді кең түркі әлемінде дамып өсудің өзіндік жолын тапты. Тілі өзгерді, діні өзгерді, салт-дәстүрі өзгерді... бірақ біржола, түгел өзгеріп кеткен жоқ. Баршаға ортақ түрік болмысы сақталды; тегі бір тілдің түбірлері сақталды, әдет-ғұрып, салт-сананың түріктік ұйытқысы сақталды, түрік этносына тән рух, менталитет сақталды т.т. Олардың музыкасында да, әнінде де ортақ сарын бар; сонау бір өтіп кеткен көне өмірдің нышандарын әр түріктің бойынан байқауға болады.

Қысқасы, түркі халықтарының осы бір ортақ мұрасын тұтас бір жерге жинап, рухани, материалдық мәдениетінің байырғы нұсқаларын бір орынға топтастыру, жалпы түркі этносы туралы жер жүзі түркологтарының ғасырлар бойы зерттеп келе жатқан ғылыми-этнографиялық деректерін бір ортаға жинап, ең алдымен басы қосылмай келе жатқан сол түркі халықтардың өздеріне таныстыру, түркі әлемінің өзіндік өркениетін барша әлемге паш етуге бағышталған түріктану мұражайын құру көптен бері-ақ саналы азаматтардың асыл арманы болып келеді.

Міне, осындай бір игілікті істі этникалық, географиялық, діни, мәдени, моральдық, экономикалық т.б. тұрғыдан бүкіл түркі әлеміне рухани орталық болып саналып отырған Түркістан қаласында жүзеге асырудың бір оңтайлы сәті келіп тұрған сияқты.

Түркологиялық мұражай құру, әрине, барша түркі халықтардың өкілдері қатысып, ақылдаса, кеңесе отырып, мемлекеттер ара келісім бойынша шешілетін мәселе. Дегенмен, осы мәселенің ұйымдастырылуына байланысты бір-екі нақтылы ұсынысымызды айта кетудің артықтығы болмаса керек. Олар: 1. Түркологиялық мұражай құруға байланысты ең алдымен оның ғылыми-практикалық тұжырымдамасы мен бағдарламасын жасау үшін мамандардан арнайы комиссия құру керек.

2. Мұражайдың орны анықталып, онда орнатылуға тиісті арнайы ғимараттың, сәулеттік-құрылыстық жоспары, керекті қаржы, оны бөлетін бұлақ көздері айқындалуы керек.

3. Бұл жай этнографиялық мұражай ғана емес, кесенелі рухани, мәдени, ғылыми орталық; онда түркі халықтарына қатысты барша деректер мен зат-бұйымдардың (киім-кешек, саз аспаптары, үй мен үй жиһаздары, ер-тұрман,

аңшылық-саяткерлік жабдықтары, ас-тамақ аспаптары т.б.) көрнекі үлгі-нұсқалары т.б. көрсетілуі керек.

4. Түркі әлемі туралы жер жүзінде жазылған әдебиеттің баршасы жиналып, компьютерлік жүйемен реттеліп, өте зор кітапхана жасалуын ойластыру керек.

Айта берсек, бұл тәрізді «керектер» көп-ақ.

Қысқасы, «Түркітану мұражайына» бір келіп қайтқан адам (түркі бауырларымыз) түркі әлемін түгел араламаса да, аралағандай болып, оның бай мұрасын өз көзімен көріп, өз қолымен ұстағандай әсерленіп, өзінше ғибрат алып, ұлттық сезімі оянып, жан дүниесі өзгеріп қайтатын орын болуы керек.

Иншалла, осындай жақсы күндерді көруге бұйырсын!

А.Ясауи университетінің Хабаршысы. 2002. №1. 3-8 б.

Түркітану тұғыры биік ғылым

Әлем халықтары ішінде түркі халықтары өзіндік тіл, тарих, мәдениет, салт-дәстүр ерекшеліктерімен өзіндік орын алады. Түркітанудың дараланып, өз алдына жеке ғылым саласына айналуының ең басты себебінің бірі өткен XVIII ғасырда *Орхон, Селінгі, Енисей, Талас* т.б. өзендерінің алқаптарынан сан алуан жазу тасқа шегілген (руникалық) жазулар, мүсін тастар мен ұстындар, арнайы жасалған жазба ескерткіштердің бірінен кейін бірі табылып, олардың сыры ашылып, құпиясы айқындала бастауына байланысты болды.

Осы тарихи фактілерге байланысты орхон-енисей-талас тас жазулары оқуға келіп, ірілі-ұсақты көптеген түркі тайпалары мен ұлыстарының тарихы айқындалып, өзіндік мәдени мұрасы ашыла бастады. Көне орхон-енисей руналық тас ескерткіштерін алғаш оқып, сырын ашқан В.Томсен, В.В.Радлов т.б. ғұлама ғалымдардан кейін түркітану ғылымының мерейі өсіп, беделі шарықтай түсті. Өткен XIX-XX ғғ. жасқа т.б. заттарға жазылған ескерткіштердің ауқымы мен таралу шеңбері кеңейе түсті. Бұл ескерткіштер зерттеуші ғалымдарды түркі әлемін танып-білуге құлшындыра түсті.

Соның нәтижесінде бұрын жалпылама түрде танылып, айтылып келген жазба ескерткіштер кейінгі кездері үлкен үш топқа бөлініп, әрқайсысының өзіндік ерекшеліктері айқындала бастады. Жазу – бір, дәстүр – ортақ, бірақ олар бір әдеби тілдің үш түрлі варианты ретінде: 1) Орхон жазба ескерткіштері; 2) Енисей жазба ескерткіші; 3) Талас жазба ескерткіші деп бөлінетін болды.

Енисей жазба ескерткіштерінің басын құрап, бір жинақ етіп жариялаған ғалым – **Васильев Д.Д.** (144) ескерткіштің ішінен 109-ның суретімен жариялап, көне ескерткіштер атласын жасап, жариялағаны белгілі (**Д.Д.Васильев**. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея.

Л., 1983, 128 стр.). Талас өзенінің алқабынан табылған тастарға шегіп жазылған естеліктерді көптен бері жинастырып, жазуын оқып, суретін салып, жариялап жүрген қырғыз ғалымдары да баршылық. Проф. И.А.Батманов пен оның шәкірттері тарапынан осы талас ескерткіштерінің екі үлкен жинағы (*қар.* 1) Эпиграфика Киргизии. Вып. I. Фрунзе, 1963; 2) **Ч.Жумагулов**. Эпиграфика Киргизии. Вып. II, Фрунзе, 1982) және көптеген арнайы зерттеулер жарық көргені белгілі. Айта кету керек, қырғыз ғалымдарының бұл тас жазба ескерткіштерін өзіне тартып, иелену үрдісі де байқалады.

Рухани құндылықтарымыздың үш саласының ең көлемдісі – **Орхон, Сэлэнгі** және **Тогула (Тула)** өзендерінің бойларынан табылып, түркі дүниесінің бұл саладағы тарихи-мәдени бастауларынан саналатын аса бай жазба ескерткіштерінің бас-аяғын жинақтап (корпусын жасап) жариялау тағдырының бұйрығымен қазақ ғалымдары – **М.Жолдасбеков** пен **Ә.Сартқожаұлының** үлесіне тиіп отыр.

Бұл игілікті істі керемет етіп жариялаудың қаражатын былай қойғанда, күрделілігінің өзі не тұрады. Бұдан бұрын жарияланған Енисей ескерткіштерін жинақтауға, атсалысып жәрдемдескен Советтер Одағының ірі-ірі ғылыми орталықтары мен ғылыми-зерттеу мекемелеріне кейбір жергілікті республикалардың біразы жәрдем бергені де белгілі. Ал, біз атап отырған жұмыс – негізінен тек екі азаматтың қайсарлығымен дүниеге келген құндылық. Оның өскелең ұрпақ үшін де, түркітану ғылымының болашағы үшін де берерін айтып жеткізу мүмкін емес. Қысқасы, бұл мұралар Орталық Азия аймағында орналасқан түркілердің мекені болған Қазақстан, Монғолия, Шығыс Түркістан, Қытай, Сібір (Алтай, Хакас, Тува), Қырғыз жерінде мол сақталған, басқаша айтқанда Еуразияның шығысы – Кянган жотасынан, батысы – Қырым, Қытайдың оңтүстік шығысы – Аққорғаннан, түстігі – Лена өзенінен Алатау алқабына дейінгі ұлан-байтақ аймағын алып жатқан жерге тараған Орхон-Енисей-Талас руналық жазба ескерткіштерінің ең ірілері де күрделілері де осылар. Қазақ халқының өткен тарихына қатысы бар деп санап, Күлтегіннің тас көшірмесінің Гумилев атындағы университеттің залына қойылуы да осыған байланысты болса керек.

Сонымен, түркі әлемінде жүз берген оқиғалар қайсы деп сұрайтын жан болсақ, осы ХХІ ғасырдың 5-жылының соңында Қазақстанда, оның ғалымдары тарапынан жарияланған “Орхон ескерткіштерінің толық атласы!” жарық көрді деп жар салуға боларлық. Оның екі түрлі себебі жұртқа мәлім. *Біріншісі* – күні бүгінге дейін Орхон-Енисей, Талас ескерткіштерін арнайы зерттеу тұрмақ, жалпы ғылыми мағлұматы да өте аз еді. *Екіншіден*, 1950-жылдары қалмақ ғалымы И.Д.Номинхонов бастаған дәстүрді, Ғ.Айдаров, Мәскеуден оқып келген Алтай Аманжолов т.б. бір-екі ғалым болмаса, жіті жалғастырушылар болған жоқ еді. Соның салдарынан Қазақстанда орхон-енисейтану ғылымы дами алмай келгені белгілі.

Осы мәселе үкімет басына келген ұлтжанды И.Тасмағамбетов тарапынан қолға алынып, небір қиындықтарды жеңіп, сонау Жапон елінен “*Күлтегін*” ескерткішінің көшірмесінің Астанаға алынуы, университет жанынан Орхон ескерткіштерін зерттеуші топ ұйымдастырып, конференция өткізіліп, бұл саладан білікті азаматтар шақырылып (солардың бірі – *Қаржаубай Сартқожаұлы* – Монғолиядан, *Мырзатай Жолдасбеков* – Орхон-енисей ескерткіштерінен кезінде диссертация қорғаған маман) бұл игілікті іс жолға қойыла бастаған еді. Түркітанушы ғалымдардың қолына тиіп, біз сөз етіп отырған қомақты еңбек, міне, сол екі азаматтың жариялап отырған атласы. Бұл еңбек Қазақстанда рунологияның Азия аймағындағы бір орталығын қалыптастырудың игілікті бастамасы болмақшы, бұл – үлкен істің алғашқы қадамы болып саналады.

Еңбекті жариялаушы ғалымдарға Түркі дүниесі атынан рахмет айтып, бұл саладағы келешектегі істеріне табыс тілейміз!

Қазақ тілінің қара шаңырағы және түркітану

«Қара шаңырақ» деген ұғымның мәні мен мәнісін қара қазақ баласы білсе керек ... Осы орайда біздің сөз етіп отырған «қара шаңырағымыз» – ғылым академиясы құзырындағы Ахмет Байтұрсынов есімімен аталатын Тіл білімі институты. Біріншіден, осы бір мекеменің отыздан астам ірілікшілі түркі тілдерінің ішінде «серкесі» болып саналатын қазақ тілінің табиғатын тереңнен танып, тәптіштей зерттеуші жер жүзіндегі (осыған сеніңіз!) бір де болса бірегей, ресми де ғылыми орда болып танылуында. Екіншіден, бұл мекеме академиядан дүниеге 10 жылдай (1933 ж.) бұрын келген, қазақ топырағына себілген ғылым ұрығынан бүршік жарған, ұлт тағдырының өзекті мәселесі – тілге бағышталған тұңғыш та төл ғылым саласы бола білді. Үшіншіден, «сабақты ине сәтіммен» дегендей, жұлдызы жанып, бұл орданың «Қара шаңыраққа» айналуына ат салысып, ана тіліміздің қоғамдағы орнын анықтап, құдіретін таныта білген бір топ ғұлама ғалымдарымыздың өз топырағымыздан табылуында. Егер қазақпен терезесі тең басқа түркі халықтары тілді ғылымға айналдыру үрдісі басталған сонау 20-30 жылдарда айтулы тіл мамандарын сонау орталықтан (Мәскеу, Ленинград) шақырып (мәселен, өзбектер – Е.Д.Поливанов пен В.В.Решетовты, қырғыздар – К.К.Юдахин мен И.А.Батмановты, түркімендер – Н.К.Дмитриевті, шуаштар – Н.И.Ашмаринді, сахалар (яқұттар) – Э.К.Пекарский мен Е.И.Убрятованы т.т.) шақырып, солардың ақыл-кеңесімен, тікелей араласуымен іс бастаған болса, қазақтар бұл мәселені «нар тәуекелге!»

салып, өз күшімен шешуге кіріскен болатын. Сол кезде күш бастаушы ретінде Ахмет Байтұрсынов пен Құдайберген Жұбановтар көзге түссе, қоштаушылар Телжан Шонанов, Халел Досмұхамбетов, Қажым Басымов, Сейіт Жиенбаев, Шамғали Сарыбаев, Ғали Бегалиев, Жұмат Досқараев, Сәрсен Аманжолов, Ісмет Кеңесбаев, Нығмет Сауранбаев, Мәулен Балақаев, Ғайнетдин Мұсабаев, Ыбырайым Маманов, Ахмеди Ысқақов т.б. ғалымдар үлкен ғылымның іргесін қалауға ат салысып, тыңға түрен тартқандай, соны ізденістермен «қара шаңырақтың» іргесін бекітіп, сәнін кіргізуге кірісті.

Сөз арасында ескерте кететін бір жәйт: «қазақ тілін қазан төңкерісінен бұрын да зерттеушілер болды ғой» деушілер де, әрине, табылады. Ол рас, қазақ тілін ертеректе В.В.Радлов, П.М.Мелиоранский, В.Катаринский, Н.И.Ильминский тәрізді отандық түркітанушы ғалымдардың зерттегені белгілі және біз оларды жалпы тіл тарихына байланысты ілтипатпен атап отырмыз. Алайда, бұл зерттеулердің, түптеп келгенде, отаршылдық мүддесіне, танымдық-миссионерлік мақсатына бейім болғандығын біз жақсы білеміз. Олар тіл мамандарын да дайындаған емес. Жаңа қалыптаса бастаған қазақ тіл білімінің мақсат-мүддесі мүлдем басқаша болды: ол енді ғылыми жүйеге салынған тілтанымды халықтың өзіне қызмет етуге бағыштады.

«Қара шаңырақтың» тағы бір қасиеті – алдыңғы толқын ағалардың игілікті істері мен өнегелі дәстүрін кейінгі буын – жақсы ғалымдардың жалғастыра білуінде, қол жеткен табыстарын еселей түсіп, ілгері дамытуына ұйытқы болуы еді. Егер шындықты мойындасак, 60-70-жылдардан кейін қаулап өсіп, ғалымдар сапына қосылған ондаған ғылым докторлары мен жүздеген кандидаттардың бәрі болмаса да көбі осы «қара шаңырақтың» құзырында болғандар: қызмет істегендер, оқып, білімін көтергендер, диссертация қорғағандар, ондағы ғұлама ғалымдардың ұстаздық қамқорлығы мен шапағатын көріп өскендер. Бүгінгі таңда Қазақстанның түкпір-түкпірінде, тіпті, одан тыс ТМД елдерінде де игілікті қызмет атқарып, қазақ тіл білімін дамытуға ат салысып жүрген 60-тан астам ғылым докторлары мен көп жыл бойы ұстаздық еткен профессорлар осының айқын айғағы. Реті келіп тұрғандықтан біз олардың есімін (алфавит тәртібімен) атап өтуді артық көрмедік (жұрттың да біле жүргені абзал):

Ғылым докторлары: Айғабылов А., Айдаров Ғ., Айтбаев Ө., Аманжолов А., Ахметжанова З., Ахметов Ә., Әбілқасымов Б., Әміров Р., Базылхан Б., Базарбаева З., Байжанов Т., Бүкетова Н., Гаркавец А.Н., Есенғалиева В., Жанұзақов Т., Жанпейісов Е., Жүнісов М., Жүнісбеков Ә., Ибатов Ә., Исабеков С., Исаев С., Керімбаев Е., Қажыбеков Е., Қайдаров Ә., Қалиев Б., Қалиев Ғ., Қалыбаева А., Қордабаев Т., Құнанбаева С. Құрысжанов

Ә., Манкеева Ж., Мергенбаев Е., Мұсаев К., Мырзабеков С., Нақысбеков О., Нұрмұханов Х., Омарбеков С., Оразов М., Оралбаева Н., Сағындықов Б., Сайранбаев Т., Сарыбаев Ш., Смағұлова К., Серғалиев М., Сұлтаниязов., Сүлейменова Ә., Сыздықова Р., Талипов Т., Хасанов Б., Хұсайынов К.

Профессорлар: Бектұров Ш., Жақыпов Ә., Хасенов Ә. (марқұм) т.б.

Осы топтың дәл ортасында жүруге тиісті, алайда, өкінішке орай, арамыздан тым ерте кетіп қалған (рухы жәннатта болғырлар) марқұмдарды, докторларды атасақ, олар: Аханов К., Айдаров Т., Әбдірахманов А., Әблақов Ә., Бектаев Қ., Болатов Ж., Болғанбаев Ә., Есенов Қ., Қоңыров Т., Мұсабекова Ф., Нұрмағамбетов Ә., Нұрмақанова Ә., Садвақасов Ғ.

Бір ғажабы, осы аталған ғалымдардың бәрі болмаса да, басым көпшілігі, қайталап айтамыз, ерте ме, кеш пе, әйтеуір, сол баяғы «қара шаңырақтың» құзырында болғандар, соның жемісі, соның өрісі және соның алтын қоры болып саналады. Біле білсек, олардың әрбірі өз саласы бойынша көрнекті ғылыми тұлға, еңселі еңбегімен еліне, түркітану әлеміне танылған ғылым қайраткері, ізбасар шәкірт тәрбиелеген ұстаздар. Аға буын орта буынға, орта буын жас буынға жасаған ұстаздығы арқасында өз жалғасын тауып, қаумалап өсіп-өнген тілшілер қауымы бүгінде – бір қыруар ел. Бұл, әрине, ұзақ жылдардың жемісі, «Шәкіртсіз ұстаз тұл» деген қағиданы қатал ұстанған көптеген ұстаз-ғұламалардың ішінде (докторы мен кандидаты аралас) шәкірт санын 50 мен 40-тан (Қ.Кеңесбаев, М.Балақаев, Ә.Қайдар), 20-дан (Р.Сыздықова), 10-нан (Ш.Сарыбаев) асырғандары да баршылық.

Бұл үрдіс, әрине, жалғаса бермекші.

Алайда, осыған байланысты «қазақ тілі бойынша, не оған қатысты саладан дайындалған 60-тай ғылым докторы мен 300-дей ғылым кандидаты бір Қазақстан үшін көп пе, жок, аз ба?» деген құйтырқы сұраудың болуы да мүмкін ғой.

Бұған біздің берер үзілді-кесілді жауабымыз: жоқ, бұл аз болмаса көп болмайды. «Тіл тағдыры – ел тағдыры» деп біліп, ана тіліне мемлекеттік мәртебе беріп, мерейін үстем етіп отырған Қазақстандай егеменді ел, тәуелсіз мемлекеттің болашағы тұрғысынан бұл өте төмен тұрған меже. Жоғары білімді, ғылыми атақ-дәрежесі бар білгір мамандарға деген сұраныс, құдайға шүкір, жыл санап арта түсуде. Ондай мамандар арнайы колледждер мен лицейлерден тартып, күн санап қаулап, саны көбейіп жатқан алуан түрлі (мемлекеттік, мемлекеттік емес, коммерциялық, халықаралық, жекеменшік т.б.) университеттер мен институттардың бәріне қажет-ақ.

Алайда, мәселе олардың санында ғана емес, сапасында да болса керек.

«Қара шаңырақтың» тағы бір тағылым алар игілікті ісі болды. Ол – өз қазанында ғана қайнап, тек қазақ тілінен ғана емес, сонымен қатар ұзақ жылдар бойы басқа түркі тілдері бойынша да жоғары дәрежелі (доктор, кандидат) мамандарды дайындауға белсене ат салысып келеді. Тек кейінгі 30-35 жыл беделінде осы «қара шаңырақ» құзырындағы кеңестің, демек ғалымдарының пәтикасымен 20 шақты түркі (мәс, Татар, башқұрт, шуваш, қарашай-балқар, қарақалпақ, әзербайжан, өзбек, қырғыз, ұйғыр, хакас, тува, саха (якут), шор, алтай, қырымтатар, түркімен т.б.) тілдері бойынша, сондай-ақ оларға ортақ мұра – көне жазба ескерткіш тілін, түркі тілдерін өзара салыстыра, басқа тілдермен (мәс., Орыс, араб, моңғол, жапон т.б.) салыстыра зерттеушілердің еңбектеріне әділ бағасын беріп, 30-дан аса докторлық, 100-ге тарта кандидаттық диссертация қорғатуын ілтипатпен атауға болады. Жылдар болса жылжып өтіп жатыр, түркітану үрдісі бәсеңдеген жоқ. «Қара шаңырақтан» қанаттанып, Қазақстанның кандидаттық, докторлық дипломдарын алып, елдеріне оралған бұл туыстарымыз (мың да бір алғысы өз алдына!) – бүгінде өз халқына еңбегімен танымал ғылым қайраткерлері, өздері де шәкірт дайындайтын ұлағатты ұстаздар. Сөзіміз дәйекті болуы үшін біраз докторлардың аттарын атап өткеніміз артық болмас. Мәселен, татар тілі бойынша аталмыш кеңесте көрсетілген мерзім ішінде алты докторлық диссертация (Сибатагов Р.Г., Хақов В.Г., Ахунзянов Э.М., Хақимзянов Ф.С., Амиров Г.С. Юсупов Ф.) қорғалса, башқұрт тілі бойынша (Садуақасов Ғ., Талипов Т., Абдуллаев С.Н.), шуваш тілі бойынша (Чернов М.Ф.), хакас тілі бойынша (Боргояков М.И.), қарашай-балқар тілі бойынша (Аппаев А.М.), қырымтатар тілі бойынша (Мемедов А.), саха (якут) тілі бойынша (Тыбыкова А.Т.), қырғыз тілі бойынша (Құдайбергенов С., Даулегов А., Садықов Т., Жаппаров Ә. Т.б.), тыва (тува) тілі бойынша (Кунаа А.И.), қазақ-моңғол тілдері бойынша (Базылхан Б.), түркі-моңғол тілдері бойынша (Жевлов А.) т.т. – барлығы 30-дай адам докторлық диссертация қорғаған екен. Кандидаттарын қоса атасақ, бұл тізім үш есе көбейе түскен болар еді.

«Қара шаңырақтың» осы бір игілікті ісі кеңестік тіл білімінде, жалпы түркітану әлемінде ескерілмей қалған жоқ. Ұлттық тілдерге тән беріле бермейтін кешегі тоталитарлық заманның өзінде ол түркі тілдері бойынша диссертация қорғатудың Кеңес Одағындағы үш орталығының (Москва, Баку, Алматы) бірі болып, аталмыш «қара шаңырақтың»

танылуы осының айғағы болса керек. Бұл сонымен қазақстандық тілші ғалымдарға деген үлкен сенім еді. Осы сенімнен біз күні бүгінге дейін арыла қойғанымыз жоқ. Айта кету керек, Республикада тіл мамандарын дайындау, аттестациялау жүйесі ылғи дамумен, жетілдірумен көзге түседі. Мәселен, Ұлттық ғылым академиясы құрылғаннан кейін (1946 ж.) Қоғамдық ғылымдар саласында жұмыс істей бастаған біріккен кеңесте тіл мен әдебиеттен де, өнер мен тарихтан да қорғай беруге болатын. Одан кейін бұл кеңес ықшамдалып, тек тіл мен әдебиеттен (филология саласынан) ғана қабылдайтын болды. 1967-1980 жылдар аралығында Тіл білімі институты құзырында «Түркі тілдері» бойынша кандидаттық диссертация, ал 1981 жылдан бастап бүгінге дейін (2001 ж.) – докторлық (әрі кандидаттық) қорғаудың мамандандырылған кеңесі (10.02.06 мамандығы – «Түркі тілдері» бойынша) өз қызметін атқарып келеді және бұдан кейін де атқара беретіндігіне сеніміміз мол.

Енді, тіл мамандарын дайындау проблемасына «қара шаңырақ» дәстүріне қайта оралсақ, оның түркітану саласындағы үш орталықтың бірі болып саналуында, екі түрлі фактордың барын мойындаған жөн. Оның бірі – Қазақстанда өсіп жетілген білікті де білгір, өресі биік, тегеурінді тіл мамандарының басым көпшілігінің осы «қара шаңырақ» Кеңесінің астына шоғырлануында. Екіншісі, бұл қиын да қыруар мол жұмысын дұрыс ұйымдастыруға байланысты деп білеміз. Кеңестің жұмысына тек оның мүшелері ғана емес, қорғалатын диссертация ғылыми жетекшіден бастап, тақырып таңдау, оны мақұлдау, мақала жазып, жариялау, емтихан тапсыру, диссертацияны талқылау, оны қабылдау, жетекші мекеме мен ресми оппоненттердің пәтикасын алу мен және қорғаумен бітетін осынау бір ұзақ та қиын процесті басынан өткеру жас талапкерлер үшін өзін қоршаған ғалымдардың қатал талабы мен әділ сыны ғана емес, қамқорлығы да аса қажет.

Кеңес жұмысын ұйымдастыру мәселесі ең алдымен осы бір игілікті іске қатысты ғалымдардың өзара түсінісуін, ынтымақ-бірлігін, ықылас-ниетін талап ететіні сөзсіз.

Біз мұны бекер ескертіп отырғанымыз жоқ. Әлі есімізде, ғылымның әрбір саласы сараланып, белгілі мамандықтар бойынша кеңес құрылып, әріптестердің қорғалып жатқан әрбір диссертацияға ықылас-ынтасы өсіп, берілетін баға да, сын да ашық айтыла бастаған кезеңге (1960-1970 жж.) дейін, әсіресе, докторлық диссертация қорғау, өте қиын болатын. Талай адамдардың «қорғай алмай», омақасып жатқанын, қорғаса да, сіңіріне ілініп, бір-екі дауыспен әрең өткендерін өзіміз де талай көрдік. Кеңестің осындай «құқайынан» қорыққандар өз кеңесіміз бола тұрса да, Қазақстаннан кетіп,

басқа жерлерде қорғауға мәжбүр болатын. Мәселен, өз диссертацияларын Т.Қордабаев – Бакуде, К.Аханов – Тбилисиде, В.Есенғалиева – Қазанда, А.Ысқақов – Ташкенде т.т. шетке барып қорғағаны әлі есімізде.

Демек, ғұлама ғалымдар арасындағы творчествалық атмосфераның сақталуы ғылыми кадр дайындаудың бірден-бір шарты болып саналады. Сонда ғана талапкердің аяғын шалып, жетекшісін мұқату, домалақ арыз ұйымдастырып құлату т.т. болмайтынын біз жақсы білеміз.

Бүгінде егеменді де тәуелсіз ел болып отырған Қазақстанда ғылым салаларын дамытуда, ғылыми кадрларды тәрбиелеп, аттестациядан өткізуге жаңа құрылған Мемлекеттік Жоғарғы Аттестация Комиссиясы (ЖАК) маңызды қызмет атқаруда.

Бұл мекеме саласында көптеген қалыптасып қалған кейбір жақсы дәстүрді жалғастыра отырып, өз ісін заман талабына сай, ғылымның бүгінгі өрелі үрдісіне сәйкес қайта құруға талаптануда. Өмірдің өзекті мәселелерін тап басып, ғылыми-педагогикалық кадрларды саралап, сұрыптауда, еңбегін бағалап, әділ шешім қабылдауда қыруар іс тындыруға тырысуда.

Алайда, бір Комиссияның, ондағы бір топ мамандардың ғылымның сан алуан саласы бойынша құрылып жатқан диссертациялық кеңестердің бәрін бірдей, бір кезде төрт аяғынан тік тұрғызу, төрт құбыласын тең етіп, сомдай салуы оңай болмаса керек. Диссертациялық кеңестерді қалың том болып шыққан «Ережелердің» негізінде қайта құруға байланысты ЖАК-тың тоғыз толғанып, он ойланып, зиялы қауымның пікірін күтіп отыруының бір себебін де біз бұл істің оңай еместігінде деп білеміз.

Шынында да құрылған және құрылмақшы диссертациялық кеңестер жөнінде ақылдасар жайттар аз емес. Осы орайда, біз де, аталмыш «қара шаңырақтың» құзырында құрылып, күні бүгінге дейін біраз игілікті іс тындырып келе жатқан Кеңестің көптен бері басы-қасында жүргендіктен, осы мәселе төңірінде ой қозғап, өз пікірімізді ортаға салуды жөн көрдік.

Қазақстанды көпұлтты мемлекет деп жүрміз ғой. Шынында да солай. Қазақстанда басқа ондаған түркі тілдес халық өкілдері жасап келеді. Ал, сол түркі тілдері мен соның бірі қазақ тілі бойынша Алматыда докторлық және кандидаттық диссертация қорғайтын үш Кеңес жұмыс істеп келеді. Олардың жайы, статусы, мақсаты, міндеті, жауапкершілігі т.б. толып жатқан ұйымдастыру мәселелері, әрине, бәрімізді де ойландыруда.

Осы мәселелерге байланысты біз де ең алдымен сол аталмыш **«Қара шаңырақ»** құзырындағы 10.02.06 – «Түркі тілдері» бойынша докторлық диссертация қорғау жөніндегі Кеңестің ау-жайына тоқталып өтейік.

Біздің ойымызша: тіл бойынша жұмыс істейтін диссертациялық Кеңестерді ашуға байланысты ЖАК тарапынан қатты ескерілуге тиісті мәселелердің бірі – осы саладағы жоғары дәрежелі (доктор, кандидат) мамандарға жалпы республиканың қажеттігі мен мұқтаж-ділгерлігінің анықтала алуы. Пайымдап қарасақ, «мұндай қажеттілік пен ділгерлік бізде жоқ» деп ешкім де айта алмайтын сияқты. Өйткені, дәл қазіргі кезде республикамызда қазақ тілі және оған тікелей қатысты жалпы түркітану салалары бойынша 60-тай ғылым докторы, 300-ге жуық ғылым кандидаттары бар екен. Ал, күн санап қаулап өсіп келе жатқан мемлекеттік емес (коммерциялық, жекеменшік т.б.) оқу орындары мен арнаулы колледж, есептемегенде, мемлекеттік университеттер мен институттардың жалпы саны 170-тен асып кетіпті. Бұлардың әрқайсысында бірден (кейбіреулерінде екі-үштен) қазақ кафедрасы бар десек, аталған 60 шақты доктор-профессорлар олардың жұмырына жұқ та болмайтыны белгілі. Және олардың 90 пайызы Алматыда шоғырланған ғылыми-зерттеу мекемелері мен университеттерде қызмет етеді екен. Ал, сонда қалай, облыстардағы жоғары оқу орындарының жағдай не болмақ? Олар тоқалдың балалары емес қой! Байқап қарасақ, 14 облыстың тек үшеуінде ғана (Қарағандыда – 2, Шымкентте – 2, Көкшетауда – 1) 5 доктор-профессор бар екен. Көптеген облыстарда кандидат, доценттердің өздері бірден, екіден ғана.

Демек, тіл мамандарына деген қажеттілік те, ділгерлік те бізде бар. Ал, енді ең болмаса, доктор-профессоры және оның төңірегінде жүрген бірнеше кандидат-доценті, ассистенттері болмаған кафедраны толыққанды маман тәрбиелеу орталығы деп айту қиын-ау.

Мұның бәрін, сайып келгенде, бұрынғы тоталитарлық режим кезіндегі ұлт тілдеріне деген қыңыр көзқарастың салдары деп қараған жөн. Бұл мәселені жоспарлы түрде зор табандылықпен жолға қоюдың бір тетігі ЖАК-тің қолында.

Осыған орай, қайта құрылуға, не жаңадан ашылуға тиісті Кеңестердің алдына қойылатын талаптар мен шарттар да аз болмаса керек. Өйткені, мәселе жоғары дәрежелі тіл мамандарының тек санын көбейтуге емес, сапасын арттыра түсуде болып отыр.

Ол шарттар мен талаптарға біз төмендегілерді жатқызған болар едік.

Біріншіден, Кеңес ғылым-білім саласында өзіндік дәстүрі бар, беделді де іргелі ғылыми-зерттеу орталығының (институттың), не қазақ тілі кафедрасының құзырында құрылғаны жөн.

Екіншіден, Кеңес мүшелерінің 3/2 сол мекеменің (институт не кафедраның) тұрақты қызметкерлері (доктор, профессор, доцент,

ғылыми кадр дайындауда тәжірибесі бар мамандар болуға тиіс. Ал, әр жерден шақырып, әр түрлі мамандардың басын қосып, топтастырылған жасанды кеңестің аттестация процесіне қаншалықты пайдалы екенін айту қиын. Өйткені, Кеңес те кадр дайындаушы мекеменің алдында белгілі жауапкершілігін, өз міндетін сезінетін табиғи бір бөлімшесі іспетті. Жас талапкерлердің бірінші қадамынан бастап, соңына дейін (ғылыми жетекшісін бекіту, тақырыбын құптау, диссертациясын алдын ала талқылау, мақаласын баспаға ұсыну, емтихан тапсыру, қорғау т.т.) қадағалап отыруға оның сонда ғана мүмкіндігі болады, ал, әр жерден келетін Кеңес мүшелерінің айында бір, жылында бір-екі сағат көрсетіп, формальді түрде дауыс беруінің, не бермеуінің моральдық фактор екенін ұмытпаған жөн. Бұл – ойланатын нәрсе. Кейбір облыс орталықтарында, не үлкен қалаларда, республикадағы мамандардың басын қосып, тұрақты жұмыс істейтін бірнеше Қазақстанның «ит арқасы қиян» – әр түкпірінен жас талапкерлердің артынып-тартынып, ғылым іздеп, бір ортаға шұбыруын тоқтатар еді.

Үшіншіден, мекеме жанынан Кеңес құру үшін ғылыми-техникалық база болуы қажет. База дегеніміз – ол тәжірибелі мамандар, аспирантура мен докторантура, ғылыми журнал, жинақ шығаратын баспа орны, ғылыми кеңес және тұрақты өткізілетін лингвистикалық, не әдістемелік семинар, әр түрлі тіл проблемаларына бағышталған республикалық, аймақтық, отандық, не халықаралық ғылыми-практикалық мәжілістер мен симпозиумдар өткізіп тұратын мүмкіншілік. Кадр дайындауға қажетті, ғылыми база боларлық осы мүмкіншіліктердің бәрі, мәселен, Ахмет Байтұрсынов атындағы Тіл білімі институтында бар деп айта аламыз.

Бұл Кеңестің кейінгі 30-35 жыл беделінде «Түркі тілдері» – 10.02.06 деген мамандық бойынша 100-ге тарта ғылым докторын, 400-дей ғылым кандидатын қорғатқаны туралы жоғарыда айтылды. Демек, 20-дан астам түркі тілдері бойынша ТМД елдерінен диссертация қорғаған докторлар мен кандидаттардың әрбір үшіншісінің қолындағы дипломына осы Кеңестің аты жазулы тұр деген сөз.

«Түркі тілдері» деген мамандықты бұрын да, қазір де түсінбейтіндер баршылық. Оны біреулер «түркі тілдерінің бәрінің басын қосып зерттеу» деп шатасса, енді біреулер «бұл Кеңесте жеке-дара түркі тілдері (қазақ, ұйғыр, татар, қырғыз т.т.) бойынша да диссертация қорғауға болмайды» деп түсінетін көрінеді.

Бұл түсініктің екеуі де қате түсінік.

Жер жүзіне тарап кеткен түркі тілдері қанша болса да, олардың тегі бір, тарихи даму жолы ұқсас, тағдырында да көптеген ортақтық бар. Сондықтан

да, әрбір түркі тілін жеке-дара зерттеуші ғалым, шын мәнісінде оның табиғатына тереңірек үңілгісі келсе, бұл факторларды аттап өте алмайды. Түркі тілдерінің тарихын, құрылымын, даму процесін зерттеу нәтижесінде қалыптасып, тиімді тәсілге айналған тарихи-салыстырма әдіс те, міне, осы фактордан туындаған. Бұл бір.

Екіншіден, бүгінгі түркі тілдері өзара классификациялық топтарға жіктелгенімен, ортақ көне де ескі жазба ескерткіштеріне бай. Ал, бұларды белгілі бір тілге телуге болмайды. Сондықтан мұндай еңбектер «Түркі тілдері» деген Кеңесте ғана қаралуға тиіс, «Қазақ тілі» – 10.02.02. мамандығын бойынша да, 10.02.02 мамандығы бойынша да жіберуге болады.

Міне, «Түркі тілдері» бойынша Кеңестің қажеттігі осында. Бұл саладан атап айтқанда орхон-енисей, көне қыпшақ, оғыз, бұлғар ескерткіштерінің тілі бойынша, біздің Кеңесте қорғалған (А.Айдаров, Ә.Құрысжанов, Ф.С.Хақимзиянов, Ә.Ибатов т.б.) докторлық диссертациялар осының айқын айғағы болса керек.

Үшіншіден, жалпы түркі тілдері, оның ішінде әрбір жеке тіл, тек өз қазанында қайнап, дамыған емес. Олар өздерінің ұзақ тарихында көптеген басқа тілдермен тығыз қарым-қатынаста болып, оларға әсер етті, әсерін қабылдап келгені белгілі. Олардың кейбіреулері (мәс, монғол, тұңғыс, манжұр, угро-фин, жапон, корей т.б.) алтайтану жорамалы бойынша түркі тілдерімен шығу тегі, не тарихы бір, туыс тілдер деп қаралса, енді біреулері (қытай, санскрит, араб, иран, славян т.т.) олардың тарихи дамуына белгілі әсерін тигізген тілдер ретінде салыстармалы-типологиялық зерттеу объектісі болып келеді. Міне, қазақ және басқа түркі тілдеріне қатысты бұл мәселелерге бағышталған бұрынғы КСРО жағдайында тек төрт-ақ Кеңесте (Москвада, Бакуде, Тбилисиде және Алматыда) қабылданып, қорғатылып келді. Мәселен, Б.Базылханның «Қазақ және монғол тілдері бойынша зерттеулер» атты (1993 ж.), Ц.Д.Номинхановтың «Түркі және монғол тілдері бойынша зерттеулер» атты (1978 ж.) т.б. докторлық диссертациялары осының айғағы. Бұлардан басқа жапон, қытай, корей, араб т.б. тілдерінің түркі тілдерімен қатынасына байланысты кандидаттық диссертациялардың жазылғаны (Б.Бафин, Э.Әзербәев, Л.Рүстемов т.б.) да белгілі. Ал қазақ тағы басқа түркі тілдерімен орыс, ағылшын, неміс, француз т.б. Еуропа тілдерін салыстыра-салғастыра зерттеудің өзіндік ерекшелігі бар, өз алдына бір төбе мәселе. Бұл проблемаға бағыштап арнайы Кеңес ашу қажет сияқты.

Төртіншіден, «Түркі тілдері» бойынша Кеңестің, жоғарыда аталған мақсат-міндеттері бола тұрса да, негізгі объектісі жеке-жеке түркі тілдері болып қалмақшы. Көпұлтты Қазақстанда мемлекеттік мәртебе алып отырған қазақ тілі бас болып, әрбір түркі тілінің табиғаты жеке де, өзара қатынасу процесінде де зерттелуі, олар бойынша ғалымдардың дайындалуы қажет.

Бесіншіден, ағалмыш Кеңестің болашағына байланысты айтарымыз: жоғары дәрежелі ғылыми кадрлар – тіл мамандарын дайындауда қалыптасқан игі дәстүрімізді жалғастыра бергеніміз жөн. Қайта құру үрдісімен әйтеуір бір аунап тұру керек, әйтеуір бір «жаңалық» жасау керек деген науқаншылыққа бой алдырмай, ғылымның жаңа үрдісі мен талабына сай қарымды қадам жасағанмыз жөн.

Әрине, бұл мәселе бір күнде, бір сәтте шешіле қоймас. Санға мән беріп, сападан төмендеп кетпеу керек. Мемлекеттік тіліміздің қоғамда өз қызметін толық атқара алмай келуі атақ-лауазымды тіл мамандарына да үлкен сын.

Енді тіл мамандығы бойынша құрылған, құрылуға тиісті Кеңестердің құрылымы, ұйымдастыру жұмысы, ғылымға, диссертанттарға қойылатын талабы, жәрдемі т.б. мәселелер туралы кейбір ойларымызды да кетейік.

1. Кеңестің мамандығы туралы. Кеңестердің бірыңғай бір мамандық бойынша құрылғаны жөн. Салыстырмалы типологиялық зерттеулердің жөні бір басқа. Мұндай Кеңестің біреуі Қазақстан үшін керек. Ал, қазақ тілі мен орыс тілдерін «Қазақстан халықтарының тілдері» деген профиль бойынша біріктіріп қоюға болмайтын сияқты. Мұндай жағдайда өзара түсінісу, творчествалық атмосфера, нақтылы пікір таласы бола бермейді.

2. Кеңес мүшелерінің саны бұрын 21-25-ке дейін барушы еді. Енді олар қысқартыла келе, 11-15-ке түсті. Бұл «ықшамдылық» қажеттіліктен туған. Диссертация профилі бойынша айқындау мүмкіншілігі шектелді. Сондықтан кеңес мүшелерінің санын мамандар бар жерде 17-21-ге дейін көбейту дұрыс сияқты.

3. Кейінгі кезде диссертацияға қойылатын талап кей жерлерде тым төмендеп кеткен сияқты. Проблема көтере алмаған докторлық, диплом жұмысы дәрежесіндегі кандидаттық диссертациялар да кездесіп қалады. Бұл көбінесе белгілі Кеңесте қалыптасқан дәстүрге, ондағы творчествалық, коллегиялық атмосфераға байланысты. Осыған орай, көптен бері айтылып жүрген «кандидаттық диссертация бойынша Кеңестің шешімін ЖАК бірден бекітуі керек» деген ұсынысты ережеге

айналдыру әлі ерте сияқты. Мұндайда саралау (экспорт) комиссиясы диссертация қорғалған Кеңестің статусына да, ғылыми жетекшісінің тәжірибесіне де, ал докторлық диссертацияларда проблема көтеруіне де қараған жөн.

4. Жоғары дәрежелі тіл мамандарын дайындауда күрделі де реттелмеген мәселелердің бірі – диссертациялық тақырыптарды белгілеу, бекіту. Бұл біле білсе, республикадағы тіл білімінің жалпы бағыт-бағдарын, нақтылы проблемалары мен салаларын айқындауға, оларды бағдарлап, бақылап отыруға байланысты. Бұл істің бәрі Ұлттық академия құзырындағы Қоғамдық ғылымдар бөлімінің басты міндеті болып саналады. Осы нақтылы міндетті ғылым саласы бойынша нақтылы ғылыми-зерттеу институттары атқарып келді. Ахмет Байтұрсынов атындағы Тіл білімі институтында профессор Ш.Ш.Сарыбаев басқарып келген Бағдарлау (координациялау) кеңесі күні бүгінге дейін ұсынылған диссертация тақырыптарын тіркеп, олардың қайталанбауын, орындалуын бақылап келді.

Алайда, кейінгі кезде бұл дәстүр бұзылды. Әсіресе, жоғары оқу орындарында істейтін профессорлар мен доценттер ойына келген тақырыптарын ұсынып, координациялық ортаның пікір-кеңесімен санасуды қойды. Соның нәтижесінде ғылым үшін актуальдығы жоқ, бір-біріне ұқсас, тіпті тақырыбы қайталанатын жұмыстар қаптап кетті. Біз тәжірибелі профессорлардың тақырып ұсыну құқын шектегіміз келмейді, кешегі шәкірттеріміздің енді өзіне шәкірт дайындау ниетіне де қарсы емеспіз. Бірақ біз сонда да жаңа тақырып ұсынуды қалар едік. Ал, ол тек зерттеп жүрген үлкен проблемадан, жазып жүрген еңбектің мақсатынан, өзінің мектебі бар ғалымдардың келелі бағдарламасынан туындайтын дүние. Әрбір жаңа ұсынылған тақырып машықтық емес, ғылымның дамуына, оның артында тұрған адам тағдырына да жауапты қадам.

Осы мәселеге байланысты ЖАК-ның «қорғалуға тиісті диссертация алдын ала белгілеу» деген ұсынысы бар көрінеді. Принципі дұрыс, ол – ғылым саласының даму бағытын, болашағын анықтау. Бірақ тіл білімі саласы бойынша нақты тақырыптарды тізіп шығудан көрі, қазірше бұл ғылымның ең басты проблемаларын, оның жақын жылдарда шешуге тиіс мәселелерін айқындап тұрсақ та жеткілікті болар еді. Мәселен, проблема етіп мемлекеттік тілдің статусын айқындап, оның қоғамдық өмірдің талабына сай дамытудың тетіктерін ашуды, қазақ тілінің грамматикалық, стильдік, фонетикалық т.б. жүйелерін айқындай түсуді, тілдің лексика-фразеологиялық байлығын этностың рухани-мәдени өмірімен байланыстыра зерттеуді күн тәртібіне қоюға болар еді.

1. Ең соңғы бір мәселе. Тіл мамандарын дайындау, аттестациядан өткізу, әрине, жеке адамның мүддесі емес, аса маңызды мемлекеттік мәселе. Бұл мәселеге басшылық ету, бақылау, бағыт-бағдарын айқындау үшін ЖАК-тің құрылуы да содан. Алайда, қоғамдағы осы бір жаңа үрдістің ауанымен ашылып жатқан кейбір Кеңестердің ұйымдастыру ісінде (тәжірибесіздіктен бе, жоқ, әлде басқа себептері бар ма, белгісіз!) орашолалық, «Кеңес» аты мен затына (бұл сөз «өзара кеңестен» шыққан ғой) сай келе бермейтін «өзімбілемдік», кеудемсоқтық, «ғылыми мектеп» болып саналатын диссертация қорғау барысында моральдық, этикалық, педагогикалық әдептердің сақтала бермеуі қауырт та қарбалас тіршіліктер т.б. байқалып қалады. Мұндайларға жол берілмеуі керек.

Тіл тағылымы басқа ғалымдардан өзгешелеу, оның табиғаты нәзік болса да, танымдық мәні зор, ұлттың тағдырымен тікелей байланысты. Оның ашқан жаңалығы мен қол жеткен табысын, техникалық ғылымдардай емес, дүниежүзілік стандартпен өлшеуге келмейді. Қазақ тілінің мәні де, сәні де тек қазақ топырағында ғана, осы саладағы білікті де білімді ғалымдар тарапынан ғана бағаланбақшы. Президентіміз Нұрсұлтан Назарбаев айтқандай, қанша экономикалық қиыншылық болса да, республикамызда доктордың аты – доктор, кандидаттың аты – кандидат, олар ерекше құрметке ие болып қала бермекші.

Міне, осынау бір игілікті істе қазақ тілінің **«Қара шаңырағы»** Ахмет Байтұрсынов атындағы Тіл білімі институты қазақ тіл білімінің дамуына, қазақ тіл мамандарының өсіп-жетілуіне, сондай-ақ түркітану саласына да өз үлесін қосып, дәстүрін жалғастыра беруі бәріміздің абзал міндетіміз!

Тілтаным. 2001. №1. 5-14 б.

Культ слова у тюркских народов

(на материале казахского языка)

В системе воззрений и представлений тюркских народов особое место занимает культ слова, который своими корнями уходит в глубокую древность. Культовые воззрения древних тюрков, в том числе и почитание слова, тесно переплетались с их мифологическими и многими другими представлениями, что нашло свое отражение в традициях и обрядах отдельных народов.

Надо полагать, что наши далекие предки на более ранних этапах своего развития видели в явлениях природы и вокруг себя много непонятого, таинственного и сверхъестественного. Несомненно,

в числе подобных явлений была и человеческая речь, при помощи которой они не только общались между собой, добиваясь взаимного понимания в совместной борьбе против природной стихии, но и пытались определенным образом воздействовать на окружающую их среду. Люди верили в магическую силу человеческой речи, сакральное значение слов и усматривали в них, как и в любом явлении природы, олицетворение добра и зла. По словам И. М. Тройского, «для архаического мышления *слово* как имя нераздельно связано с вещью и является носителем его свойства, магическим заместителем»¹ (курсив наш. – А. К.). Как «магический заместитель» обозначаемых предметов и явлений слово в сознании древнего человека, того или иного этноязыкового коллектива запечатлевается чем-то многоликим, универсальным, способным творить и преобразовывать буквально все: убивать живое и оживлять мертвое, излечивать больного и навлекать недуг на здорового, защищать от беды и угрожать бедствием, возвышать и унижать человека, оберегать и губить, презирать и уважать, идеализировать и рассеивать иллюзии и т. д.

Култ слова – общее достояние многих тюркских племен и народностей, чем и объясняется наличие у них общих сакральных значений многих слов, традиционных обрядов и ритуалов, связанных со словом, а также сходных и идентичных словесных формул, штампов и устойчивых выражений, наполненных этнографическим содержанием. Вместе с тем в каждой этнокультурной среде со временем выработались собственные представления о культе слов и связанные с ним поверия, предрассудки, ритуалы, обычаи. Они, может быть, не в столь значительном количестве, но все же сохранились в пословицах, поговорках, фразеологизмах современных тюркских (шире – алтайских) языков.

Нами рассматриваются факты в основном казахского языка.

1. Большинство этих фактов, связанных с культом слова, указывает на разрушительную силу слова. Приводя казахскую пословицу (в дальнейшем ПС) *Тіл тас жарады, тас жармаса, бас жарады* «Язык может раздробить камень, а если не камень, то голову человека», выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов отмечал: «Язык человека через слова ...имел разрушительное влияние»², и оно, по его мнению, считается остаточным явлением шаманизма среди казахов.

В этом примере довольно четко выражена вера в отрицательное (разрушительное, смертельное и др.) воздействие слова, общетюркский характер которой подтверждается наличием аналогичной ПС в ряде

1 Тронский И. М. Из истории античного языкознания // Сов.языкознание. 1936. Т. 2.

2 Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

других тюркских языков, напр.: узб. Тил тош яради, тош ярмаса, бош яради; уйгур. Яхши сөз ташни яриду, яман сөз башни «Доброе слово камень точет, злое – голову»³. Ясно видна дифференциация «хороших» и «плохих» слов.

Казахская ПС Атқан оқ бір кісіні өлтіреді, айтқан сөз мың кісіні өлтіреді⁴ «Выпущенная стрела убивает одного человека, а сказанное (недоброе, злое) слово поражает тысячу» подчеркивает силу слова, способного истребить множество существ. Конечно, здесь налицо гиперболизированная форма передачи смысла. Но всякий перенос рождается на основе вполне реальных гфедметно-образных представлений носителей языка. В данном случае показана вера наших предков в могучую силу слова⁵. И в этом представлении слово довольно часто отождествляется то со стрелой лука особой пробивной силы (ср.: Тілі мірдің оғындай «Слово его словно стрела эмира»)⁶, то с пулей винтовки (Ауыздан шыққан сөз – атылған оқ «Сказанное слово – пущенная пуля»), то с наконечником копья, с жалом змеи или с острием клинка (ср.: уйгур. Тил тиғдин өткүр «Язык острее лезвия клинка») и др.

2. Сила слова трактуется и в положительном смысле, подчеркивая его благоприятное воздействие на окружающих. Наши предки были уверены, что в языке есть слова, не только несущие людям добро, но и творящие чудеса; очень часто благоприятный исход зависит от умелого использования этих слов. Так, казахская ПС гласит: Жақсы сөз – жарым ырыс «Доброе слово – это уже полсчастья» или: Жылы-жылы сөйлесе, жылан інінен шығады «На ласковую речь и змея из норы выползает»; ср.: уйгур. Яхши сөз иланни одисидин чиқирар «Доброе слово и змею из норы выманит» и др.

3. Слово и язык часто предстают как источник зла, причина всевозможных бедствий (неудач, несчастных случаев, недугов и болезней); напр.: каз. ПС: Басқа бәле – тілден «Все беды – от языка»; Ойламай сөйлеген ауырмай өледі «Кто говорит необдуманно, тот умрет не своей смертью»; ср.: уйгур. Миң еғиз сөздин адам өлиду «Кто произнесет тысячу слов, тот умрет» и др.

³ Уйгурские примеры приводятся по [4.С. 158].

⁴ Все казахские примеры приводятся по [6].

⁵ В тюркских языках *сөз* «слово» и *тіл* «язык» или «речь» довольно часто функционируют как синонимы. Поэтому в составе казахских ПС и поговорок они воспринимаются как семантические дублеты.

⁶ Данное фразеологическое выражение получило у казахских языковедов двойное толкование: в одном случае компонент *мір* воспринимается как «мир», а в другом — как «нитка, шнур для нанизывания бус».

4. Иногда слово и язык символизируют собой вечность и долголетие, иначе говоря, человеческая речь и слова переходят от поколения к поколению как выразитель духовной и материальной ценности: каз. Жақсының өзі өлсе де, сөзі өлмейді «Добрый человек может умереть, но его добрые слова живут вечно»; ср.: уйгур. Чиш төкүлүп, тил калиду «Зубы искрошатся, а язык останется»; каз. Адам жүз жыл жасаса, сөзі мың жыл жасайды «Если человек живет сто лет, то слово его – тысячу» и др.

5. Слово и язык выражают мудрость и благородство человека, духовную щедрость души: Жақсы сөз – жан азығы «Доброе слово – духовная пища»; Аталар сөзі – ақылдың көзі «Слова дедов – кладезь ума»; ср.: уйгур. Яхши сөз һәсәлдин татлик «Доброе слово слаще меда» и др.

6. Слово и язык передают красоту человеческой души, духовное богатство человека, соответствующее его внешней красоте: Ишімдегінің бәрі тілімде, тілімдегінің бәрі түрімде «Все то, что во мне, видно на языке, а язык мой – говорит за мою внешность». Классическим примером этой особенности слова и языка может служить широко распространенное в тюркских языках изречение, восходящее к периоду Махмуд Кашгари (в уйгурском звучании): Адәм көрки йүздур, йүзниц көрки – көз; Еғиз көрки тилдур, тилниц көрки – сөз «Человека красит лицо, лицо красят глаза, уста красит язык, а язык – слова»; каз. Адамның ісін көріп, өзін ал, өзін көріп, сөзін ал «Выбери человека по его дела: а узнав самого, – внемли его словам» и др.

7. Слово и язык свидетельствуют о собственной неприкосновенности: Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ «Отрубать голову можно, но отрезать язык не принято». Одновременно слово и язык выступают в *защиту* человека, облагораживают его и остерегают от возможных бед; уйгур. Тилиңни сән сақлисаң, тилиң сени сақлайду «Береги свой язык он тебя сбережет» и др.

В культовых воззрениях тюркских народов на могучую силу слов и языка есть и другой взгляд, связанный непосредственно с их содержательной стороной и отражающий целый комплекс теонимических представлений.

Как известно, слово (*сөз*) и язык (*тіл*) – это основа речевой деятельности человека, наибольший интерес представляющая в контексте с духовным и социальным развитием той или иной этнической общности⁷.

Семантика слов и словосочетаний, употребляемых древним человеком, всегда согласовывалась с его мироощущением.

В так называемый магико-мифологический период развития этноязыковых общностей люди глубоко верили в чудодейственную силу слова, они или с благоговением или со страхом говорили о теонимических,

⁷ Кучкартаев И. К. Обозначение речевой деятельности в контексте этнокультурного развития // Тез. докл. 29-й сессии ПИАК (Ташкент, сентябрь 1986). М., 1986. Т. 2: Лингвистика.

мифологических понятиях и усматривали в названиях предметов и явлений нечто таинственное. В силу этой веры любой мог обратиться к верховному божеству Тәңір (Тангри) и просить, чтобы тот даровал ему, например, достойного наследника или сразил молнией противника, а к Зәңгібабу (покровителю рогатого скота), Ойсылқару (покровителю верблюдов), Камбарату (покровителю лошадей), Шопанату (покровителю овец), Шекшекату (покровителю коз) с просьбой оберегать его скот от падежа и других стихийных бедствий; роженица могла слезно умолять покровительницу женщин – Бибіпатиму об облегчении ее родов. Родители невесты, обращаясь с просьбой, сопровождавшейся соответствующими ритуальными действиями (подливание масла в огонь и др.), к покровительнице домашнего очага Ұмай (или Ұмай ана⁸, верили, что она будет благосклонна к ним и поддержит огонь в очаге молодоженов, пошлет им счастье и покой.

Интересно, что в каждой этноязыковой среде культовые слова постепенно становились составной частью ритуальных обрядов. В этом отношении характерен обряд «Бәдік» казахов, сохранявшийся до недавнего прошлого. Бәдік⁹, по объяснению казахских фольклористов, – это кличка демонического существа злой силы, приносящего человеку или домашнему скоту разные болезни. Избавление больного от этих болезней сопровождалось исполнением обрядовой шуточной песни, пародирующей заклинание баксы¹⁰. Молодежь, собравшись вечером в доме или ауле больного, словами обрядовой песни в шуточной форме просила Бәдік покинуть этот аул и уйти восвояси или, в худшем случае, переселиться в соседний аул¹¹. Вежливая просьба постепенно принимала угрожающий тон, при этом допускалось употребление оскорбительных и даже неприличных слов, якобы обладающих магической силой, перед которой должен был отступать сам Бәдік.

Примеры обрастания культовых слов различными местными обрядами и ритуалами можно найти в любом из тюркских языков.

Еще одна сторона проявления культа слова связана с верой далеких предков не только в карающую силу проклятий, заклинаний, причитаний, молитв шаманов, бахши, колдунов, ворожей, народных врачей, народных целителей,

8 Этимология Ұмай и связанные с нею обряды тюркских и нетюркских народов рассматриваются многими авторами.

9 Бәдік в казахском языке имеет несколько значений: 1) болезнь человека или животных; 2) покровитель этой болезни; 3) фольклорный малый жанр — словесное состязание, направленное против болезни *бадик*; 4) дурковатый, ненормальный (о человеке); 5) ненормальное, бессмысленное слово.

10 Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.

11 Исқақов М. Соқыр сенім және діни ғұрыптар. Алматы, 1968.

знахарей и других представителей культа, но и в защитную, благотворную силу их доброжеланий, благословений. Утвердившиеся в народе слова қарғыс «проклятие», «зложелание» и алғыс «доброжелание», «благожелание», будучи олицетворением добра и зла по отношению к человеку, и сейчас наводят на многих страх, – так велика сила традиции! Вера в силу проклятий и зложеланий выработала у людей старшего поколения мгновенную ответную реакцию. Так, например, у казахов на недоброе слово или весть принято тут же отреагировать выражением тілің тасқа! (досл.: «Пусть твое злое слово обернется в камень»), что соответствует русскому «Типун тебе на язык!», или более эмоционально насыщенным Жағыңа жылан жұмыртқаласын! (досл.: «Пусть за такие слова во рту твоём гнездятся змеи!»). Боязнь возможного осуществления одиозного содержания слова в реальности, пожалуй, на лицо и здесь.

Говоря о добром слове, мы имеем в виду не только нечто лестное, хвалебное, приятное, сладострастное в нем, но и его глубокое содержание, логичность, находчивость, меткость и образность. Добрые слова, как и в доброжеланиях, отражали этические нормы и нравственные устои того или иного народа. Неудивительно, что лишь одно мудрое слово, кем бы оно не произносилось, могло остановить батыра, ринувшегося на врага с обнаженным клинком.

Слово и по сей день в большом почете у казахов: Өнер алды – қызыл тіл «Вершина искусства – это красноречие» – гласит народная мудрость.

Удивительная возможность самовыражения слова воспринимается носителями языка как нечто живое, многоликое, олицетворяющее самого человека со всеми его положительными и отрицательными чертами. Ср. следующие параллели: қарапайым адам «простой, бесхитростный человек» // қарапайым сөз «простое слово», байсалды адам «солидный, сдержанный человек» // байсалды сөз «обдуманное, сдержанное слово», дарақы адам ‘беспардонный человек’ // дарақы сөз «бахвальство», қызба адам «несдержанный, ретивый человек» // қызба сөз «ретивое слово» и др.

Язык и слово наделяются, казалось бы, самыми невероятными функциями. Так, в стихотворении талантливого казахского поэта К.Салыкова «Бір ауыз сөз» («Лишь несколько слов») – этом своеобразном философском трактате о силе и возможности слова – говорится, что только одно слово, произнесенное человеком, может¹²: «утешить горе», «навлечь на человека неизлечимую болезнь», «прославить его на весь мир», «навсегда опозорить человека», «пронестись над миром как

12 Нами приведен сокращенный перевод этого стиха.

боевой клич», «соединить океаны», «взлететь ввысь птицей счастья», «бессовестно обмануть человека», «достать с неба Венеру», «обласкать человека как родная мать», «сообщить радостную весть о появлении наследника», «поведать о смерти отца», «найти ключ к сердцу», «навести на человека тысячу бед», «прозвучать предсмертным словом прощания»...

И, наконец, с культом слова связаны различные формы словесно речевых запретов – табу, широко бытовавших не только у тюркских но и у многих других народов мира, о чем пишут известный английский ученый-социоантрополог Джеймс Фрезер¹³ и русский ученый-этнограф Д.К.Зеленина¹⁴. Огромный языковой материал по табу эвфемизмам убеждает нас в том, что древние люди, особенно в магимифологическом периоде своей истории, совершенно серьезно верят в возможность предотвратить гнев богов и тотемов, обмануть нечистую силу, умиловить святых, задобрить страшного зверя, усмирить успокоить различные предметы культа путем *запрета* произносить их наименования и названия¹⁵.

У тюркских народов была выработана целая система табуирования. Под табуирование попадали самые различные аспекты религиозно-анимистического, мифологического, астрологического и других верований. Нам хорошо известен, например, ритуал лечения у казахов при укусе змей, когда знахарь-лекарь вступает в «словесное состязание с укусившей человека змеей, если она была поймана в момент укуса. Смысл этого «состязания» заключается в том, что каждый из «состязющихся» пытается отгадать имя или кличку своего «партнера». «Состязание» заканчивается смертельным исходом для одного из них в тот момент, когда называется чье-то имя, т. е. раскрывается секрет табуирования. Именно поэтому строго запрещалось произносить имя знахаря, лекаря вслух в момент проводимого им сеанса «лечения».

Подобные словесные запреты в прошлом налагались казахами и на наименования хищных зверей и диких птиц, признанных тотемами, а так же предметы охоты и ремесла, различных теонимических персонажей (албасты, шайтан, марту, жезтырнак, жалмауыз кемпір, пері и. др.) болезней, на названия природных явлений и небесных тел (нажағай,

13 Frazer J. G. Golden bough. Taboo and the perils of the Soul third edition. London, 1922. P. 2.

14 Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии: Запреты в домашней жизни//Сб./Музей антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 9, гл. 9.

15 Самойлович А. Н. Запретные слова казах-киргизской замужней женщины // Живая старина. Пг., 1915. Т. 14, вып. 1—2.;

кемпіркосақ, ай, күн, жұлдыз) и даже на собственные имена старших почтаемых людей, что основывалось на общественном этикете.

Время изменило прежнюю остроту потребности в подобном роде речевой деятельности. Тем не менее культ слова не мог исчезнуть сознания коллектива бесследно: он как реликт далекого исторического прошлого постоянно проявляется то в обычаях и традициях, то в устойчивых словесных выражениях (поговорки, пословицы, фразеологизмы). И изучение этого уникального явления во всем его комплексе совместными усилиями языковедов и этнографов дало бы, на наш взгляд, весьма ценные сведения, проливающие свет на этнолингвистическую и этнокультурную историю тюркских (шире – алтайских) народов.

Тюркология. 1992. №3. с. 74-79.

Көне түркі жазба ескерткіштері кімге ортақ, кімге тән?

Бұдан XIII-XIV ғасыр бұрын дүниеге келіп, барша түркі әлеміне мәңгілік рухани мұра болып қалған көптеген көне түркі ескерткіштерінің ішінде бірегейлерінен саналатын дана бабамыз Күлтегіннің (732 ж. қайтыс болған) Түркі қағанатын (империясын) қалыптастырып, халықтарының басын қосып, бір тұтас ел еткен игілікті істерін оның немере ағасы Йольтегіннің келесі ұрпаққа рухани мұра етіп тасқа жаздыртып қалдырған тарихи дастанының қазақ топырағына оралып, оның рухани мұрагерлерінің бірі – бүгінде егемен ел болып, өз шаңырағын көтеріп отырған қазақ халқымен қайта қауышуы тарихи, саяси, мәдени мәні зор елеулі оқиға. Өйткені ұлан-ғайыр Еуразия даласының сүбелі аймағы саналатын Дешт-и-кыпшақта кезінде дүние жүзіндегі ең ірі мемлекет – түрік (империясын) қағанатын құрып, дәуірлеген ата-бабаларымыздың өз қолымен тасқа шегіліп, өз аузымен баяндалған даналық сөздері мен тарихи шындық, шынайы шежіресі мұрагерлеріне қайта оралып отыр. Бүгінгі ұрпақ бұдан талай ғасыр бұрын дүниеге келген көптеген жазба ескерткіштерінің ішіндегі ең ірісі, әрі негізгілерінің бірі саналатын Күлтегін бабамызға бағышталып, аса құнды тарихын қайта оқуға мүмкіндік алып отыр.

«Күлтегін», «Тоныкөк», «Мойын Шора», «Талас» т. б. көптеген көне ескерткіштерді бүгінгі ұрпақ қиналмай-ақ оқып, білуіне мүмкіндігі бар. Оның бір себебі – бұл ескерткіштердің көпшілігі табылып, ғылым дүниесіне белгілі болған, жазуының сыры ашылып, ғалымдар тарапынан көп зерттелген дүниелер. Екінші себебі, бұл ескерткіштер бөлек-бөлек тілде

емес, бір тұтас тілде, ғалымдардың (мысалы, Э.Р.Тенишев, И.А.Батманов т.б.) зерттеуі бойынша, бүкіл түркі тайпа бірлестіктеріне ортақ, мемлекет деңгейіндегі жазба әдеби тілде қалыптасып, барлыққа келген дүниелер. Күлтегін туралы оның қалың жұртына бағышталып айтылған бұл сөздерді төл нұсқадан оқысаңыз, осыны аңғарасыз.

Ал бүгінгі ұрпақтың бұл ескерткіштерді сәл мүдіріп, бір сөзіне түсінсе де, екінші бір сөзіне түсіне алмай жатуының себептері де жоқ емес. Оның бірі – арамзды айырып отырған XIII ғасыр болса, екіншісі – сол кездегі мемлекет құрамында болған ру-тайпалардың (түркі, қарлұқ, түргеш, қырғыз, оғуз, тардұш, татабы, шүп, кенгерес, соғды, тоғызбағыз, оноқ, т. б.) содан бері тілі өзгермей, бір орында тұрмауы; үшіншіден, сайын даланың түкпір-түкпірінде, әр кезде, әр тайпа аумағында жазылған бұл ескерткіштер тілін жалпы алып қарасақ, ол әлі бір тұтас болып қалыптаса қоймаған түркі ұлыстары мен тайпа бірлестіктерінің өзара айырмашылығы бар тіл еді, демек жергілікті ерекшеліктердің сақталғаны белгілі; төртіншіден, ескерткіштер жазуында (әріп таңбаларының бірыңғай болмай, емлесінің негізінен консонантты принципке сүйенуі т. т.) және, бесіншіден, бұл ескерткіштерді В.Томсен, В.Радловтардан бастап, күні бүгінге дейін оқып, аударып келе жатқан зерттеушілердің өз тұсынан қосып-алғандары да аз емес еді.

Міне, осы фактілерге байланысты ескерткіштер тілінде, соның бірі – «Күлтегін» тілінде де барша түркі тайпаларына ортақтығымен қатар, бүгінгі түркі тілдерінде сөйлеушілердің біреуіне түсінікті, енді біреуіне түсініксіз элементтер де аз емес. Бұл өз алдына үлкен мәселе.

Солай бола тұрса да, бүгінгі түркі халықтарының арасында көне тіл мұраларына қатысты «мұрагерлікке таласу» сияқты әдеттің көптен бері келе жатқаны белгілі. Біздің жерімізге келген жазба ескерткіш «Күлтегін» туралы да осыны айтуға болады. Оны «өз ескерткішіміз» дегенді қырғыздар да, хакастар да, түріктер де, татарлар да, өзбектер де – бәрі жарыса айтып та, жазып жүргенін біз білеміз. Мұндай пікір қазақтар арасында да жоқ емес. Мәселен, осы жақын арада жазыла бастаған көп мақалалардың бірінде: Күлтегінді түркі тектес халықтарға ортақ әдеби мұра санасақ та, оның нақ мұрагері – бүгінгі қазақтар екеніне дау жоқ, – депті Нұрлыбек Сафин мырза (Ана тілі. 2001. 9 мамыр).

Әрине, ұлттық сезіммен айтылған мұндай пікір үшін ешкімді де айыптауға болмас. Бірақ «Күлтегіннің нақ-мұрагері» деп үзілді-кесілді пікір айту үшін оған көптеген дәлел, ғылыми негіз керек. Бұл ескерткіштерді бүгінгі қазақтың жалпақ тіліне салып аударып алып (ол, әрине, қажет іс,

түсініп тұрсақ, неге аударамыз!!!), сол бойынша оларға мұрагерлерін айқындауға болмайтын сияқты.

Әңгіме сол жайында.

Бүгінгі түркі тілдері мен көне түркі жазба ескерткіштері тілінің жақын-алыстығын айқындауда олардың «қайсы тілдермен ортақ» және «қайсы тілдерге тән» деген мәселені шешуде кең түрдегі тарихи-салыстырмалы зерттеулердің қажет екендігі айтпаса да түсінікті болар.

Бұл салада қолға алынған кейбір жақсы бастамалардың Қазақстанда да кейінгі кездерде жалғаспай, тоқтап қалғаны белгілі. Осы орайда, С.Е.Маловтың «Памятники древнетюркской письменности» (М. – Л., 1951) атты соғыс жылдары Алматыда жазылып, кейін Ленинградта жарияланған еңбегінен кейін акад. И. А. Батмановтың басшылығымен қолға алынған зерттеулер мен оның нәтижелерін ерекше атауға тура келеді. Неміс фашистерінің бейбіт елімізге басып кіріп, Ленинград (бүгінгі Санкт-Петербург) қаласын қоршап алып, оған қауіп төндіргенде ленинградтық аса ірі ғалымдардың арасында проф. С. Е. Малов, И. И. Мещанинов т. б. болып, Алматыға көшірілген болатын. Міне, сол бір қиын-қыстау жылдарда С.Е.Малов «Памятники древнетюркской письменности» (М. – Л., 1951.) атты еңбегін Алматыда тұрып аяқтаған еді. Ол кісі ұлы түрколог, әрі ұйғыр тілінің маманы ретінде (өзінің бәйбішесімен) сол жылдары (1943-1944) ұйғыр халқының ақыны Қадыр Хасановтың (оның әйелі белгілі ғалым – тілші Айша Шамиева) үйінде тұрыпты. Таза ақ қағаздың жоқтығынан аталған еңбектің көп жерін ол газеттің ашық жиегіне жазып бітірген екен. Кейін, 1951 ж. мен ұйғыр тілі мамандығы бойынша академияның аспирантурасына түсіп, ғылыми жетекші етіп, проф. С.Е.Маловты бекітуіне байланысты 1952 жылдың басында онымен кездесу үшін Ленинградқа (Площадь «Труда», № 6 барғанымызда Хасанов пен Шамиевалар оған «естелік» ретінде менен бір орам газет бетіне түсірген қолжазбасын жіберген болатын. Оны менің қолымнан алып, аман сақталғанына таңдана қарап, С. Е. Маловтың балаша қуанғандығы әлі көз алдымда. Ұлы адамнан туындап, дүниеге келген ұлы еңбектің де, міне, осындай тарихы бар екенін зиялы қауым біле жүрсін деп айтып отырғаным ғой бұл.

«Число объектов исследования можно было бы значительно расширить, вплоть до охвата всех тюркских языков, так как в них в той или иной степени сохраняется немало соответствий языку памятников древнетюркской письменности. Но рамки их обзора значительно сужены, исходя из того соображения, что тувинский, киргизский, хакасский, шорский и алтайский языки более, чем другие, были генетически связаны между

собой и языком енисейских памятников. Они исторически составляют енисейскую группу тюркских языков», – деп жазған болатын.

Бұл зерттеулерде ескерткіш тілінің жалпы түркі тілдерімен ортақтығынан көрі, бұл тілдердің өзара жақындығы мен алыстығын айқындайтын деректер сөз болады. Мәселен, осы еңбектің авторлары үлкенді-кішілі жүздеген түркі жазба ескерткіштерінің ішінен ең негізгілері деп «Күлтегін», «Тоныкөк», «Күли Шора», «Моюн Шора», «Могилян», «Суджи» мен «Талас» ескерткіштерінің тілдік деректеріне сүйене отырып, ш-с, б-м, е-и, т-д, т-д, з-й, й-ж-ч, ғ-й-у, у-ү-ө-о, қ-х т. б. толып жатқан тілара фонетикалық сәйкестіктер мен басқа да тұлғалық, мағыналық ауытқуларды, олардың түбір және туынды түбір құрамында әр түрлі (басы, ортасы және соңғы) позицияларында қолдануына қарай, бүгінгі түркі тілдерін сол кездегі «наречие», «диалект», «говор» және «подговор» деңгейіндегі 5 классификациялық топқа бөліп қарайды. Олар: 1) қырғыз бен таулы алтай тілдері; 2) қазақ пен қарақалпақ тілдері; 3) татар мен башқұрт тілдері; 4) саха (якут) мен хаеет тілдері; 5) шуаш диалектісі деп топтастырылып, олардың аталмыш заңдылықтарға сәйкес, мәселен, қазақ тілінің ерекшелігіне тән: бас, тас, қас, бес немесе жыл, жер, жаз, жалаң, жара, ел, екі т. б. сөздерді, башқұрт, қырғыз т.б. тілдерінде: баш, таш, қаш, беш немесе йыл, йер, йаз, йалаң, йара, ил, ики, ийі түрінде қолданылуы негізінде қалыптасқандығын айқындайды.

Аталмыш жазба ескерткіштері тіл қорына тән сөз байлығының бір тобы бұдан басқа да тұлғалық, мағыналық ерекшеліктерімен өзара тоғысып, іштей жақындасып, ортақтық сипатқа ие болып жатса, енді бір тобы бір-бірін қайталамайтын, өзара «жаттық» сипатқа ие элементтерден тұратындығын көруге болады. Ондай элементтер көбінесе арғы дәуірлерден архаизм ретінде жалғасып келе жатқан болса, түркі тілдері шеңберінде қолданысы сиректеу, мағынасы бүгінгі түркі этносына беймәлім, күңгірт болып келетін көрінеді.

Оларды бүгінгі қазақ тілі тұрғысынан қарастыратын болсақ, үш топқа жіктелетін сияқты: 1) бүгінгі қазақтарға мүлдем белгісіз, жеке дара қолданысында да контекст қоршауында да бейтаныс, байланысы жоқ (түбір һәм туынды сөз түріндегі) лексемалар; 2) жоғарыда көрсетілген заңды түрдегі дыбыстық (фонетикалық), тұлғалық (морфологиялық) және мағыналық (семантикалық) өзгерістерге сәйкес төркіндете қарастырғанда тілдік интуициясы бар адамның танып-білуіне болатын, басқа сөз модельдерімен салыстыру арқылы ұғуға болатын элементтер; 3) бүгінгі қазақ тілінің әдеби нормасында не жалпы халықтық сөз қолданысында қалыптасқан, олармен тұлға, мағына, жазылу жағынан бірдей ұқсас, ортақ элементтер.

Біз сілтеме жасап отырған еңбекте жоғарыда аталған 6-7 негізгі ескерткіштер тілі бойынша жүргізілген талдауда 1680 сөз айқындалып, олардың сөздігі (гlossариясы) беріледі. Осы сөздерді қазақ тілінің бүгінгі қалыптасқан, тұрақты сөз байлығы тұрғысынан қарастырсақ, аталмыш үш топтың біріншісіне сол қордың (1680 сөздің) шамамен 3/1 (үштен бірі) жатады деуге болады. Мысалы: бөгү, бүке («герой»), бөд («трон»), бүнтүг («бездельник»), бисүк («потомство, родство»), адын («другой, иной»), шад//сад («высокий титул»), үкүс//үкүш («много, большинство»), ыд//=ыт//=ит= («посылать»), қабай («колыбель»), қамук//қамуғ («весь, все»), қот («оставлять»), әң («добыча»), тапа= («служить», «почитать»), түш («источник»), өг («сын»), оқ («род»), ұрун («знамя»), йотаз («жена, женщина»), қашаш («сподвижник»), қадыр («суровый, жестокий»), қан («отец»), қат («тесть»), әк («хороший»), күзүнч («желание»), мар («наставник»), түс («польза») т.б. Бұл алшақтықтың тағы бір себебі Орхон-Енисей жазуының консонанттық принципке негізделуінде және таңбалардың варианттылығына байланысты болса керек.

Осы топқа жатқызуға болатын лексемалардың біразы қазақ тілінің жалпы халықтық тіл байлығында кездесіп, әдеби тіл деңгейіне көтеріле алмай, перифериялық (шет-пұшпақ) тіл дерегі ретінде де сақталуы мүмкін. Екінші топқа жататын бүгінгі қазақ тілі (кез келген түркі тілдерінің бірі десе де болады) мен көне түркі ескерткіштер тілі арасындағы ортақ лексика көлемін, біздің жобалауымыз бойынша, аталмыш санның (1680 единица) 3/1-не балауға болады.

Бұл лексикалық топ бүгінгі жанды тілдердің біреуінде болмаса, біреуінде кездесетін, біреуінде тұтас тұлғасы сақталса, енді біреуінде түбірі, не түбірлес туынды тұлғалары сақталуы мүмкін. Сондықтан бүгінгі нақтылы бір тіл үшін бұл топтағы лексикалық байлықтың ортақтығын, әрі түбір тектестігін (гомогендігін) айқындау үшін міндетті түрде ғылыми ізденіс, этимологиялық талдау жүргізу керек. Басқаша айтқанда «мәселе ортақ дүниеден өз еншінді тауып, танып ала білуде».

Бұл тәсілдің бірден-бір дұрыс нәтижелі жолы – жобалау, жорамалдау емес, түркітілдерінетән даму заңдылықтарына сүйену. Ол заңдылықтардың түрі көп-ақ. Солардың кейбіреулеріне ғана тоқталайық. Мәселен, бүгінгі тілдер мен түркі ескерткіштері арасында тұлғасы өзгеріп, бір-бірімен қабағтаса айтылып жүрген параллельдердің қатарына, мысалы, [й] мен [т, д] сәйкестігі жатады. Осы заңдылықты ескеретін болсақ, қатар жүрген биік пен бедук («высокий»), қой~қод= («оставлять»), бой-бод («рост», «тело», «существо»), той~тод («насыщаться, быть

сытым»), айрыл~адырыл= («отделиться»), айғыр~адғыр~азғыр («жеребец»), аяқ~адақ~азақ («нога», «конечности»), кій~кед= («одевать», «одеваться»), игі~ізгі~әдгү («добро», «доброта») параллель сөздерінің төркіні де, түбірі де бір екенін аңғарамыз. [г-й-у] сәйкестігін ескерсек, ауыл~айыл~ағыл сөздерінің, тағ~тау~тоо~тай («гора») сөздерінің қазақ тілінде төркіндес екендігін білеміз. Кейбір сөздер тек туынды тұлғасы ғана сақталып, түбірі көне түркі ескерткіш тілінде дербес қалпында қалғандығын көруге болады: са=>сана= («считать»), сы=>сын= («ломаться»), әд//иг>игі//ізгі= («благо»), сығ=>сығыт=>жыла («плакать»), бор=>борлау, бордақылау («вино», «брожение»), бан=>байла= («привязывать»), мағ= («хвала») мақта= («хвалить») т. б. Бірқатар түбірлер түркі тілдерінде әрі есім, әрі етістік (синкретизм) ретінде дамидығы белгілі. Мыс.: топ~топ= («складывать слоями», «группа, слой»), коч~көш= («кочевье», «кочевать») т. б.

Бұл тәрізді мысалдардың тізімін жалғастыра түсуге де болады. Алайда, осының өзінен-ақ бұл топтың түркі тілдерінің (ауызша да, жазбаша да) ғасырлар бойы толассыз даму, өзгеру, жаңалану арқылы өресін кеңейтіп отыратын жанды құбылыс екенін көрсететіндігін аңғарамыз.

Үшінші топқа жоғарыда аталған ортақ лексемалардың (1680 ед.) үшінші бөлігінің жататынын ескерткіміз келеді. Бұл топқа қазақ тіліндегі (сондай-ақ, кез келген басқа тілдердегі) сөздердің аталған ескерткіштер тобының тіліне жататын лексемалармен әрі тұлға, әрі мағына жағынан сайма-сай ұқсас, бірін-бірі дәлме-дәл қайталайтын элементтер жатады. Мысалы, **ай** («месяц», «луна»), **арқа** («спина»), **ас** («пища»), **ат** («имя»), **бай** («богатый»), **бек** («начальник»), **бұз** («портить», «побеждать»), **бас** («давить»), **бат** («погружаться»), **боз** («серый, белый»), **бұқа** («бык»), **бол** («быть»), **бес** («пять»), **бел** («поясница»), **қызыл** («красный»), **күн** («рабыня»), **аз** («погрешать»), **аз** («мало»), **өз** («сам»), **қыз** («дочь»), **қайғы** («печаль»), **қыл** («делать»), **қал** («оставаться»), **қалың** («много», «толстый»), **қар** («снег»), **қара** («черный»), **қан** («хан»), **қатұн** («госпожа», «жена»), **орда** («орда»), **өрт** («пожар») т.т.

Бұл келтірілген деректерден шығатын қорытынды мыналар:

Біріншіден, Еуразияның сайын даласының түкпір-түкпірінен табылған және әлі де табыла бермекші «Орхон-Енисей жазба ескерткіштері» атымен белгілі бұл рухани байлығымыз барша түркі тайпалары мен халықтарына төл мұра, бөлшектеп-бөлісуге болмайтын ортақ қазына.

Екіншіден, тарихи, мәдени, саяси, рухани жағынан аса маңызды саналатын бұл ескерткіштердің тілі өткен дәуір тұрғысынан да, бүгінгі заман мен келешекте де бөліп-жаруға болмайтын ортақ құбылыс, сирек феномен.

Үшіншіден, түркі жазба ескерткіштерінің тілін отыздан астам ірілі-кішілі, көне де жаңа түркі тілдерінің бірде-біреуінің «атасы» деп те, жеке басына тән «меншігі» деп те, даму үрдісін анықтайтын «жалғасы» деп те санауға болмайды. Осы орайда мен Отандық түркітанудың, әсіресе оның руника саласының негізін қалаушы академик В. В. Радловтан кейінгі көшбастары саналатын С. Е. Маловтың ғасырлар бойы зерттеліп келе жатқан көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі жөніндегі пікірлері мен жанды түркі тілдеріне қатыстығы жөнінде шегелеп айтқан мына бір тұжырымын өте құнды деп есептеймін:

«Памятники эти только отчасти можно отнести к непосредственной истории того или иного языка (например, уйгурского); многие памятники (например, тюркских рун), т.е. языки их, трудно представить пока по нашему недостаточному знанию как предовали того или иного определенного современного нам тюркского языка», – деп жазған еді ол кезінде (С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. С. 1).

Төртіншіден, бұл пікір С.Е.Маловтың өзі ұсынған өлі, тірі түркі тілдерінің табиғатына терең бойлап, таныған даму үрдісіне сүйеніп, 1) өте көне түркі тілдері, 2) көне түркі тілдері, 3) жаңа түркі тілдері және 4) жаңаланған түркі тілдері деп, 4 топқа жіктеп қарауында қандай сыр жатқандығын айқындай түсу ескерткіш тілі мен жанды тілдерді салыстыра зерттеушілердің ендігі бір жаңа міндеті болмақ.

Бұл «тым жаңа тілдердің» қатарына енген қазақ тілінің қалыптасу, даму тарихына ерекше назар аударуды талап етеді.

Бесіншіден, Орхон-Енисей жазба ескерткіштері мазмұны жағынан ұлы түркі мемлекеті мен оның халықтарын іштей ру-тайпа ретінде топтастырса да, оның тұтастығын, елдігін сақтап қалуға жар салатын, бірінші қолдан ұрпағына мұра болып қалған, тасқа жазылған тарихымыз. Сондықтан да ол барша түркі әлеміне ортақ.

Алтыншыдан, бұл ескерткіштің тілін зерттеудің, көп жолының тиімді де нәтижелі бір жолы – ол түбі бір түркі тілінің түбіріне тереңірек үңілу. Бір ұядан ұшып, жер жүзіне тарап кеткен алтай түлектерінің бес тармағын табыстыру да, туыстық (генеологиялық) алыс-жақын қатысын да, кімге ортақ, кімге тәндігін айқындау да, міне, содан кейін айтылатын шындық. Бұл жөніндегі бірден-бір сенімді бұлақ – осы ескерткіштер тілі.

Ал, Қазақстан топырағында Орхон-Енисей ескерткішінің нұсқасының әкелініп, сақталуы да заңды, ол – бүгінгі қазақ халқының да сол мұраның бір мұрагері екендігін айғақтай түседі.

Халық аузында «Тасқа қашалып, тозға жазылмағанның бәрі тарих емес» деген сөз бар екен. Астанамызға келіп орналасқан Күлтегін бабамыздың осы рухани мұрасы ғасырлар бойы өзінің биік тұғырында тұрып, бүкіл түркі әлеміне шынайы тарихи сыр шертер шежіре болмақшы.

Көне түркі өркеніеті: жазба ескерткіштер (Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 10 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары, Алматы, 2001. 14-21 б.

ҰҒЫР ТІЛІНІҢ ЗЕРТТЕУЛЕР

К вопросу о частицах в уйгурском языке

Вопрос о частицах в уйгурском языке почти не был предметом специального исследования¹. В тюркологической литературе мы имеем лишь общее суждение об этой категории языка; освещение природы частиц в научных и нормативных грамматиках сводится в основном к их семантической классификации². Что же касается школьной грамматики уйгурского языка³, то в ней о частицах (уланмилар) даются крайне скудные сведения, а порою и неверное их толкование. Между тем, практическая необходимость систематизации уйгурских частиц, их углубленное изучение уже назрели, настало время коренным образом пересмотреть освещение этого вопроса в существующих учебных пособиях.

В данной статье мы делаем лишь первые попытки по выявлению существующих частиц в уйгурском языке и дифференциации их в разряде служебных элементов, а также характеристике свойственных им черт и всевозможных семантических оттенков.

Общая характеристика частиц, как одной из разновидностей служебных элементов языка, сводится в основном к следующему:

1. Частицы характеризуются, прежде всего, своей несамостоятельностью, т. е. они не могут жить самостоятельной жизнью, а употребляются лишь в сочетании с знаменательными словами,

¹ В последнее время вышла небольшая брошюра И. Мусазаева («Уйгур тилиднки уланмилар», Алмута, 1958.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948, стр. 129-131; Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954, 354-355 бб; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Ч. 1, кн. 2. М., 1952, стр. 477 и др.

³ А. Шәмиева, И. Әхмәтов. Уйгур тили грамматикиси. Алмута, 1957.

поэтому их иначе называют «сопроводителями» или «грамматическими помощниками» знаменательных слов.

2. Частицы не выражают реальное предметное значение или значение признака предмета, т. е. они никаких вещей не называют, а их номинативная потребность обращена на те понятия, которые выражаются самостоятельными словами с тем, чтобы придать им дополнительные [вопросительный, утвердительный, ограничительный, исключительный, противительный, усилительный, временной, императивный и др.] оттенки.

3. Частицы не способны самостоятельно выступать в качестве члена предложения, хотя их присутствие обнаруживается всюду: и в составе предложения, и в составе словосочетаний, и в составе отдельных слов. Наряду с этим, отдельные частицы имеют свойство в диалогической речи образовывать целостное высказывание.

Этими особенностями обладают не только частицы, но и другие разряды служебных слов. Между тем, частицы могут быть выделены из других служебных слов присущими только им свойствами. Это говорит о том, что к разряду частиц можно отнести не всякий служебный элемент. Прежде всего, природа частиц должна соответствовать своему названию. Это значит, что частица – не слово и не обладает ни его формой, ни его свойством. Частица – это такой грамматический элемент, который выполняет в языке чисто служебную функцию и исторически восходит к самостоятельному слову. В этом отношении частицы имеют некоторые общие черты с аффиксами, которые также генетически восходят к самостоятельным словам. Но аффиксы – это такой грамматический элемент, который в результате длительного развития языка резко дифференцировался от самостоятельных слов и четко определил свою словообразовательную или словоизменяющую функцию в области определенных морфологических категорий, тогда как частицы – сравнительно мало дифференцированный грамматический элемент, выполняющий функцию, в основном, синтаксического порядка, не связывая при этом свою принадлежность с определенной морфологической категорией слов. Другими словами, аффиксы, будучи морфологическим элементом, могут стоять при какой-нибудь одной части речи, частицы же, как синтаксический элемент, могут стоять при нескольких, если не при всех, частях речи.

Эту общую характеристику частиц можно дополнить некоторыми дополнительными данными, полученными в результате их функционально-семантического анализа на материале уйгурского языка.

Весь комплекс частиц, выполняющий чисто служебную роль в уйгурском (как письменно-литературном, так и в живом разговорном) языке, можно рассмотреть в четырех семантических группах.

1. Частицы, вносящие в речь различные модальные оттенки.

2. Частицы, выражающие различные смысловые оттенки значений слов и речи.

3. Частицы, вносящие в речь эмоционально-экспрессивные оттенки.

4. Частицы, функционирующие в качестве словообразовательных и формообразовательных элементов. Они имеют некоторое сходство с морфемами (например, қай: қай тәрәптин? – с какой стороны?).

Значительная часть уйгурских частиц выражает различные модальные отношения, т. е. отношения говорящего или автора, а иногда и действующего лица к сообщаемому или обозначаемому. Но, как известно, отношение высказываемой мысли к действительности в языке может быть передано и при помощи специальных слов.

Именно на этой основе во многих научных грамматиках частицы рассматриваются в одной категории с модальными словами. Однако и эта общая черта, объединяющая модальные слова и частицы, – лишь одна сторона вопроса. Модальные слова и модальные частицы имеют много других особенностей, которые уже не позволяют ставить их на одну доску. Так, например, модальное слово қени (Қени, моку ишни тугутиветэйли.– Ну-ка, давайте закончим эту работу), помимо модальности, может функционировать как самостоятельное слово с вопросительным значением: қени – где? (Қени сениң китавик? – Где же твоя книга?). Такие самостоятельные слова, которые выражают также модальное значение, мы не можем назвать частицами в полном смысле этого слова. Частицам не свойственна такая функциональная параллельность, т. е. они никогда не выступают в качестве знаменательных слов, они отошли от формы и свойства слов гораздо дальше, нежели модальные слова.

Таким образом, частицы в уйгурском языке, выражающие модальные значения, следовало бы рассматривать отдельно от модальных слов, а модальные слова дифференцировать как собственно модальные и функционально модальные.

Не все частицы уйгурского языка выражают модальные отношения. Имеются частицы, которые не выражают волеизъявления говорящего или отношения его к действительности, а лишь вносят в общий тон повествования некоторые эмоциональные, экспрессивные

окраски. Не менее важную роль играют частицы как выразители всевозможных дополнительных оттенков мысли. Эти дополнительные оттенки весьма различны, а попытка провести между ними четкую грань осложняется тем, что они зачастую бывают обусловлены тем или иным контекстом.

Одной из особенностей тюркских частиц общепринято считать наличие в них звуковых вариантов. Но факты уйгурского языка говорят о том, что вариантность частиц тесно связана с фонетической структурой того или иного языка. В уйгурском же языке частицы отличаются маловариантностью, т. е. их основная масса не имеет никаких фонетических вариантов. Но зато в уйгурских частицах мы наблюдаем явление омонимичности, т. е. частицы, однородные в фонетическом звучании, обладают несколькими семантическими значениями. С другой стороны, мы наблюдаем совпадение фонетических форм частиц, союзов и аффиксов. Например, вопросительная частица **-му** (Ишикни қаққан сәнму? – Ты ли стучался в дверь?) фонетически совпадает с формой повторительного союза **-му** (Мәнму, сәнму, Розахунму шәһәргә баридиған болдуқ. – Решено, что и я, и ты, и Розахун поедем в город).

Подобного рода внешнее сходство может носить иногда случайный характер, но зачастую может быть объяснено некоторыми историческими связями этих грамматикализованных элементов: частицы по своему происхождению могут быть связаны с союзами, наречиями, местоимениями, глаголами или глагольными формами, а также междометными словами. Некоторое внешне формальное сходство и семантическая связь между частицами, с одной стороны, и союзами, аффиксами, с другой, могут быть объяснены их общим происхождением, результатом дифференциации.

По своему звуковому составу частицы уйгурского языка большей частью односложны (**-ла**, **-му// -ма -ду**, **-чу**, **-ғу// -қу**, **-зә**, **һеч**, **-миш**, **-а// -ә** и др). Имеются частицы, состоящие из двух (**-қидә**, **-қинә**, **-екән**) слогов, трехсложных почти нет (**әйтәвир**).

По положению в речи частицы уйгурского языка бывают трех типов: препозитивные, постпозитивные и реже факультативные. Препозитивные частицы стоят всегда впереди того слова, к которому они относятся. Например: **һеч**, **ән**, **қай**. Постпозитивные частицы, составляющие преобладающее большинство частиц, находятся обычно в конце того слова, с которым они употребляются. Например: **-миш**, **чу**, **-ғу** и др. К факультативным следует отнести такие частицы, которые способны переставляться из одного места на другое внутри одного предложения. Например: Мә, алғинә! – На, возьми-ка! Алғинә, мә! – Возьми-ка, на!

Необходимо отметить, что иногда в конце того или иного слова или словосочетания наблюдается скопление двух частиц или реже удвоение одной и той же частицы. Причем, когда две различные частицы стоят рядом, то передаваемый оттенок последней выражается более акцентированно, чем оттенок предпоследней частицы. В системе слов, получающих по принципу агглютинации, множество морфологических наслоений, частицы занимают самое последнее место, т. е. в основе тех или иных слов они являются замыкающим элементом. В случаях, когда удваивается одна и та же частица, предпоследняя подвергается обычно соответствующему фонетическому изменению.

Ниже рассматриваются нами наиболее характерные частицы уйгурского языка; при этом особое внимание уделяется их семантической природе и по возможности дифференцируются всевозможные их оттенки, в том или ином текстовом окружении.

Частица **-ла**

Частица **-ла** является наиболее распространенной и часто употребительной в современном уйгурском языке. В зависимости от того, в каком контексте и с какой категорией слов употребляется, она может выражать весьма различные оттенки мысли, модальности, эмоционально-экспрессивности и др.

1. Частица **-ла** придает слову, к которому она относится, усилительный оттенок. Причем этот оттенок, в зависимости от значения присоединяемых слов, может носить двоякий характер. Когда частица употребляется со словами с положительным значением, она усиливает положительное качество или признак данного предмета или явления. Когда же она находится при словах с отрицательным значением, усилительный оттенок носит отрицательный характер, подчеркивающий отрицательную сторону предмета или явления и указывающий на плохое их качество.

Так, например, частица **-ла**, употребляясь с наречием, привносит в его значение усилительный оттенок, который ощутим при следующем сопоставлении: У чапсан йетип кәлди. – Он вернулся быстро. Ср.: У чапсанла йетип кәлди. – Он так быстро вернулся. Точно такой же оттенок придает частица **-ла** наречиям повторной конструкции. Ср.: У бизниц өйгә пат-пат келип туратти. Он часто приходил к нам домой. У бизниц өйгә пат-патла келип туратти. – Он приходил к нам домой частенько, так часто.

Усилительный оттенок частицы **-ла** хорошо прослеживается и тогда, когда она находится при качественных и относительных прилагательных. Например: Қизикла параң қилидикәнсиз! –

Очень интересные разговорчики у Вас! һәжәпла бир адәм экән у. – Очень странный он человек. Йокла нәрсигә хапа болман. Не расстраивайтесь из-за пустяковины. Убданла иш экәнғу бу. – Хорошенькое это, оказывается, дело.

2. Частица **-ла** очень часто употребляется при подражательных словах и придает значению подражаемого действия или звука оттенок мгновенности, неожиданности и интенсивности. Например: Бир нәрсә тарсла қилип қалди. Что-то вдруг хрустнуло, грохнуло. Булут арисидин ай валла қилип көрүнди. – Между тучами вдруг блеснула (показалась) луна. Частица **-ла**, находясь при образно и звукоподражательных словах с удвоенной основой, выражающей по своей природе сложный комплекс образных и звуковых представлений, также указывает на быстроту и неожиданность проистекания последних. Например: Қомуш араси шалдур-шулдурла қилип қалди. – В камышах что-то вдруг зашелестело. Оттенок мгновенности и неожиданности на русский язык может быть передан с помощью дополнительных слов «вдруг», «так неожиданно», что является, конечно, лишь смысловым эквивалентом, а не грамматическим.

3. Частица **-ла**, находясь при некоторых категориях слов, выражает оттенок категоричности, исключения и ограничения. Например: Худайим бизнила шундақ яраттимикин?... (ӨМүһ.). – Неужели бог создал таким только нас. Өз ағинәннила сән тонуйсән... – Только своего друга ты и знаешь... Ойлисам шуниңғила ичимдә бир йерим көюду (ӨМүһ.). – Как подумаю, и только из-за этого чувствуешь в сердце горькую обиду.

В тех случаях, когда частица **-ла** присоединяется к различным местоимениям, оттенок ограничения как бы переходит в оттенок выборочного выделения того или иного лица, предмета; при этом подразумевается также оттенок, выражающий исключение других лиц и предметов⁴. Например: шула – только он (и больше никто); мәнла, өзәмла – только я один (никто другой); сәнла – только ты (и больше никто) и т. д.

Таким образом, частица **-ла** придает словам, при которых она находится, дополнительный оттенок, выделяющий, конкретизирующий лицо или предмет и к тому же исключаящий возможности других лиц или предметов. Это видно из следующего примера: Пионерлар арисидин «Артекқа» Рисаләтла баридиған болди. – Решено, что из пионеров в «Артек» поедет только Рисалят (и никто другой). Оттенок категоричности и конкретизации может быть особо подчеркнут и усилен путем введения в речь наречия «пәкәт» – только: Бу тоғрулуқ пәкәт Тайирла билиду. – Об этом знает только Таир. Конструкция **-пәкәт** и **-ла**, таким образом, образует семантическое

⁴ Перевод последнего сопутствующего оттенка указывается в скобках.

удвоение «только и только». Частица **-ла** в этом значении соответствует в других тюркских языках **-ғана** или **-ақ**⁵.

4. Частица **-ла**, употребляясь с формой глагола, выражает вежливое, уважительное отношение говорящего к собеседнику. Например: Өзлири келип алмамдила? – Не угодно ли Вам прийти и взять самому? Қарисила мону балицизга. – Смотрите же на своего ребенка.

В подобных случаях для частицы **-ла** небезразлична форма глагола, она стоит обычно после аффикса условного наклонения **-са** и показателя III лица будущего времени **-ду**. Например: алсила – возьмите, пожалуйста; турсила – встаньте, пожалуйста; маңсила – отправляйтесь, пожалуйста; болдила – да хватит же и др. Следует добавить, что форма **-са** в данном контексте не выражает оттенка условности. Употребление формы условного наклонения III лица по отношению ко II лицу в уйгурском языке считается своеобразным приемом выражения вежливого тона. Поэтому форма **-са** (в этой позиции принимающая форму **-си**) как бы усиливает оттенок вежливости, снисходительности, выраженный частицей **-ла**⁶.

Аналогичное явление мы имеем с показателем III лица будущего времени **-ду//ди**, который, употребляясь по отношению ко II лицу, выражает оттенок вежливости и тем самым усиливает значение частицы **-ла**.

Раст дәйдила,
Мәшүр ака,
Лайиқ тепилса,
Баш қошқанға нема йәтсун...
(И.Сат. Уәх. – 323).

– Вы правы, Машур-ака,
было бы лучше
жениться,
если подходящая
пара найдется.

Қаримамдила,
Қерғанда ялғуз жүрмәк
Тәс екән тола...
(И.Сат. Уәх. – 323).

– Представьте себе, очень
трудно, оказывается,
быть
одиноким в
старости...

⁵ Частица **-ақ** в значении, которое она имеет в пословице: «Өз екилим екилак киши екили чокунак» («Шиңжәң гезити»), 3 апреля, 1957) не характерна для уйгурского языка.

⁶ Совершенно другое значение выражает частица **-ла** с такой же формой условного наклонения **-са**, если последняя функционирует в своем собственном значении, т. е. указывает на условие, при котором совершится действие. Например: Мундак күнләр кәлсила, анам ядимга чүшәтти... (ӨМүһ.). – Как только наступали такие дни, я вспоминал во сне свою мать. Ишик ечилсила шамал кириду. – Как только открывается дверь, дует ветер. В этом случае частица **-ла** не придает речи говорящего вежливый тон, как это имело то выше, а как бы сближает условие с действием, т. е. характеризует действие, которое последует сразу же, как только будет обеспечено условие, необходимое для этого. На русский язык этот оттенок передается оборотом «как только», «сразу же после» и т. д.

Обороты «раст дэйдила», «каримамдила» можно выразить и «раст дэйсиз», «каримамсиз», где **-дила** передается формой **-сиз**. Но последняя в уйгурском языке является первичной формой вежливости, тогда как **-дила** оттеняет более вежливое отношение говорящего, чем **-сиз**. Отсюда всем очевидна усилительная функция показателя III лица будущего времени в сочетании с частицей вежливости **-ла**.

В таких примерах, как: немә дэйдилә, качан келидила, қаяққа баридила, нәдин кәлдила и т. д., где глагол с формой **-ди+ла** стоит после слов с вопросительным значением и выражает в целом идею вопроса, частица **-ла** по-прежнему привносит в значение последних оттенков вежливости.

5. Своеобразное модальное отношение выражает частица **-ла** в сочетании с глагольной формой будущего времени I и III лица ед. и мн. числа изъявительного наклонения. Например:

Мән барайла. – Мне бы идти.

Биз барайлила. – Нам бы идти.

У (улар) барсинла. – Пусть идет он (они).

В этом случае частица **-ла** изъявленному желанию придает оттенок убедительной просьбы: Бизму берип келәйлила театрға. – И нам бы сходить в театр.

6. Несколько дифференцированное значение, но все же близкое к указанному оттенку модальности, может быть выражено частицей **-ла** в таких сочетаниях, как: мәйлила – да пусть; боптила – да ладно; ятивәрсинла – да пусть лежит (ложится); орнида туривәрсинла – да пусть стоит на своем месте. Здесь убедительная просьба говорящего переходит в его снисходительное согласие, позволение и допущение.

7. Оттенок интенсивности передается частицей **-ла** в сочетании со словами с временным значением. Так, если она находится при словах с значением будущего и настоящего времени (этә – завтра, этөгүн – в ближайшее время, һазир – сейчас, бүгүн – сегодня и т. д.), то привносит в их значение оттенок интенсивности, указывающий на сравнительно быстрое протекание действия во времени. На русский язык передается частицей «же» и «только что». Например: Мән этила йетип баримән. – Я завтра же приду. Иштин һазирла кәлдим. – Только что я пришел с работы, һазирла окуветәй. – Сейчас же я прочту. Бүгүнла түгүтиветимән. – Сегодня же я закончу и т. д.

Если частица **-ла** находится при словах с значением прошедшего времени, то она указывает, что действие произошло не совсем давно по отношению к данному моменту и что оно совсем еще свежо в памяти говорящего. Например: Түнгүнла у бизниц өйгә

келип кәткән еди. – Он только вчера приходил к нам домой. Әтигәнла йенип кәпсәнғу? – Что так рано вернулся?

8. Частица **-ла**, находясь при глагольных повторных образованиях типа: чика-чикмайла, кача-качмайла, ичә-ичмәстинла, обычно извещает о немедленном совершении второго действия, которое в обязательном порядке должно последовать за первым, до его полного совершения. Например: ...чай ичә-ичмәстинла, егинап татлиқ уйқиға кетисән (ӨМүһ.). – ...не успеешь выпить чайку и тут же, завалившись, уснешь крепким сном. Или:

Чүнки әву оттуз кәдәм	– Потому, что тот не успел
Кача-качмайла,...	убежать и на расстояние
– «Тохта!» –деди чин ун	тридцати шагов, как (вдруг)
билән	остановил его какой-
Бир чегаричи (И. Сат.).	то пограничник, властно
	крикнув «Стойте!».

Атам маңа жавап бәрмәйла, һөкүрәп жиғлавәтти (ӨМүһ.). – Отец, не ответив мне, заплакал навзрыд. Как видно, частица **-ла**, помимо этого значения, одновременно выполняет определенную синтаксическую функцию в системе сложного предложения.

Итак, частица **-ла** является таким служебным элементом, который способен выражать множество модальных, семантических и др. оттенков в зависимости от того, с какой категорией слов она употребляется.

Частица **-му// -ма**

К разряду семантически и грамматически дифференцированных частиц в уйгурском языке следует отнести частицу **-му// -ма** (других фонетических вариантов не имеет).

1. Частица **-му// -ма**, присоединяясь к словам самой различной категории, выражает идею вопроса; ее грамматическим эквивалентом в русском языке является частица **ли**. Например: Адәмдинму улуө нәрсә барму, билмәймән? (И. Сат.). – Не знаю, есть ли величественнее [существо], чем человек? Чүшүмдимү, өңүмдимү...? (ӨМүһ.). – То ли во сне, то ли наяву..? Бу кәлген Әхмәтму, Савутму? – Пришедший Ахмет или Савут? Яркәттә аман барму, бизни тукқан анимиз? (фольк.). – Благополучна ли в Джаркенте родившая нас мать? Әнди мени ишләтмәкчимү силәр? – дәп вақирдим (ӨМүһ.). – Вы хотите теперь заставить работать меня? – кричал я.

Частица **-му// -ма**, употребляясь с глагольной формой, обычно является замыкающим элементом. Например: Мән алдимму? – Я что ли взял? Сән бардинму? – Ходил ли ты? У кәлдимү? – Пришел ли он? Мән

баримәнму? – Я что ли пойду? и др. Однако в формах глагола II, III лица будущего и настоящего времени вопросительная частица **-му// -ма** ставится непосредственно перед личными глагольными окончаниями, при этом, ввиду ударности предшествующего этой частице слога, гласный звук ее исчезает и получает орфографическое оформление как **м**. Например: Бизниң өйдә қаламсиз? – Останетесь ли у нас дома? Йолдашлириндин қаламсән әнди? – Отстанешь ли ты теперь от своих товарищей?

Надо заметить, что эта частица в некоторых других языках, например в казахском (**ма//ме, ба//бе, па//пе, мы//мі**), в аналогичной позиции сохраняется полностью: Үйге барамысың? (в уйгурском: өйгә барамсән?). – Пойдешь ли ты домой? В связи с этой формой уместно также отметить, что в казахском допускается перестановка вопросительной частицы и личного окончания. Например: вместо «барамысың» можно употребить и «барасыңба». Точно также в уйгурском языке, вместо обычной формы «барамсән» (>бар+ар+му + сән) допустима и форма «барасәнму» (>бар+ар+сән+му). Однако перестановка вопросительной частицы на последнее место в уйгурском языке влечет за собой и некоторое семантическое изменение в значении того глагола, с которым она употребляется, т. е. идея вопроса получает оттенок сожаления. Например: Шундақ ишниму қиласәнму? – Как же ты такое дело мог сделать?

Оттенок сомнения и неуверенности в выполнении того или иного действия другими лицами может передать также глагол в причастной форме на **-ар// -әр** с вопросительной частицей **-му**. Например: У бизниң ейтқинмизни ишләп берәму? – Сделает (выполнит) ли он то, что мы сказали?

2. Частица **-му** может выражать усилительный оттенок. Например: Қийип кәткән пүрүм чоруғум һелиму бар өйимдә (ӨМүһ.). – Все еще имеются дома лапти, которые я, уходя, надел. Өйгә янсам, өй көзүмгә яманму соғ көрүнди (ӨМүһ.). – Когда вернулся домой, он показался моим глазам страшно холодным. «Дәм ал бовай!» – дәпму бирдәм ухлатмидуқ (ӨМүһ.). – Не дали поспать, сказав даже «отдохни, дед!». Көңлимгә техиму коркунч салиду (ӨМүһ.). – Вселяет в мою душу еще больше страха.

В отличие от других усилительных частиц, частица **-му** оттенок усиления привносит в значение глагола, наречия, прилагательного и может служить иногда смысловым эквивалентом некоторых усилительных слов или аффиксов. Например: Униң билән урданму сөзлишәмидим. – Не мог с ним даже хорошенько поговорить.

«Убданму» является как бы смысловым эквивалентом «убданрак». Надо также отметить, что эта частица не универсальна в смысле употребления с той или иной категорией слов: она имеет определенный круг своего употребления. Очень часто она находится, например, при таких словах, как: **хелиму**, **техиму**, **хойму** (или **хойма**), **толиму**, **көпму**.

Элемент **-му** в этих двух указанных значениях выступает как частица, которую необходимо дифференцировать от аналогичного по своему фонетическому облику элемента **-му**, функционирующего в одном случае (Чайдин кейин дадамму, анамму... үгидәшкө башлайду (ӨМүһ.). – После чая и отец и мать... начинают дремать) как повторительный союз, а в другом – энклетика (**өйму-өй**, **қолму-қол**), выполняющая грамматическую роль. Когда элемент **-му** выступает как частица, то ударение обычно падает на предшествующий ей слог, а в других двух случаях она принимает его на себя.

Частица **-ду// -ту**

Грамматический элемент **-ду**⁷ в уйгурском языке выражает идею вопроса, обращенного к III лицу, с некоторым оттенком вероятности, неуверенности и неубежденности в совершаемом или совершившемся факте, о лице, качестве или признаке предмета, о которых шла речь или будет идти. Поэтому частицу можно было бы назвать предположительно-вопросительной. Например: Ярқәтниц базирига кәлгәнду улақ саман? (фольк.). – Вероятно, поступил на базар Джаркента воз соломы? Мениң бу сөзүмгә чоңанамниц жени чикқанду, мән уни көрмидим (ӨМүһ.). – Видимо, эти мои слова взбесили мою старшую тетку, этого я сам не видел. Китапни алған Шавдунду? – Видимо, Шавдун взял книгу? Хошал болғиниға қариғанда бир яшхи хәвәр барду? – Судя по тому, как [он] радуется, наверно, имеется хорошая весть? Бизниц балилар һазир биллиду? – Наши дети сейчас, вероятно, вместе. Синип ичи йорукту? – В классе, наверно, светло?

Для особого подчеркивания оттенка сомнительности, вероятности как неделимой семантической части идеи вопроса зачастую слово с частицей **-ду** сопровождается такими вводными словами, как: **бәлким** (Шәпрәнду, бәлким? – деди у, Көңли бәқарар. И.Сат. – Летучая мышь это, может быть? – сказал он, успокаивая себя); **әтималим** (Шуниц үчүндү, әтималим, өймиз көзүмгә яманму соғ көрүнәтти? ӨМүһ.: – Видимо, поэтому дом наш казался моим глазам страшно холодным?); **мүмкин** (У кочида жүргәнду, мүмкин? – Может быть, он на улице ходит?); **тайлиқ** (Тайлиқ, у өйидә олтурудиғанду? – Наверно, он дома сидит?) и др. Как видно, все эти обороты передаются на русский язык с помощью соответствующих слов со

⁷Ду в слове буду кетим (на этот раз) не имеет ничего общего с рассматриваемым элементом -ду. Надо полагать, что оно связано со словом до – черед: мениң дойим – мой черед.

значением вероятности, предположения: по всей вероятности, вероятно, наверно, может быть и т. д.

В своем употреблении частица **-ду** постпозитивна. Лишь в двух случаях она допускает употребление после себя других грамматических форм. 1) **Өйгә кәтмәмдила?** – Не соизволите ли Выидти домой? Здесь после частицы **-ду (-ди)**⁸ стоит частица вежливости **-ла**. 2) **Мәнму шәһәргә баридиғандимә?** – Вероятно, я тоже поеду в город? Здесь частицу **-ду (-ди)** замыкает усеченная форма личного окончания глагола I лица ед. числа.

В генетическом отношении предположительно-вопросительная частица **-ду// -ту**, а также и показатель III лица будущего времени восходят к глагольной форме **-дур // -тур**, которая в далеком прошлом звучала как **-дурур // -турур**. Форма **-дур // -тур** в современном уйгурском языке употребляется сравнительно реже, чем **-ду// -ту**, тогда как в памятниках уйгурской классической литературы прошлых веков (XVII -XIX), наоборот, она была часто употребительной.

Частица -чу

Частица **-чу** в уйгурском языке выполняет три грамматические функции.

1. **-Чу** функционирует как вопросительная частица и, в отличие от других вопросительных частиц, она ограничивает свое употребление рамками имен существительных местоимений. К тому же, идея вопроса в ней выражается в некотором обратно-сопоставительном плане. А поэтому частица **-чу**, главным образом, появляется в таких вопросительных, вопросительно-повествовательных предложениях или в диалогических речах, где говорящий, сообщая о своих действиях или действиях других лиц (или предметов), осведомляется о намерении других в форме контрвопроса. Например: **Мән бүгүн сәт алтиғичә ишләймән, сәнчу?** – Я сегодня работаю до шести часов, а ты?

- Студентлар «Бирлик» колхозға ярдәмгә баридиған бопту.
- Бизчу?
- Студенты едут помогать колхозу «Бирлик».
- А мы?

В передаче оттенка контрвопроса или обратного вопроса небезучастна и интонация, с которой произносится слово с частицей **-чу**. Как правило, в таких случаях интонационное ударение падает на

⁸ Переход **-ду** в **-ди** последовал не из-за твердости или мягкости присоединяемой основы, а из-за взаимных влияний соседних звуков. Отсюда, естественно, **-ди** – не есть фонетический вариант **-ду**, а ее измененная форма.

слог, предшествующий частице. Например: мәнчу, өзәнчу, Әхмәтчу, силәрчу. Перенос ударения на самую частицу **-чу** (сәнчү, мәнчү) придает совершенно другой смысловой оттенок.

2. Частица **-чу** выразит уточнительно-побудительный оттенок и своим присутствием придает речи некоторую эмоциональную окраску. Большой частью она употребляется в живом разговорном языке и языке детей. Например: Мәнчу бүгүн киноға берип кәлдим. – Я-то сегодня в кино ходил. Һезимахун, сән өйгә берипчу дадаңға қаришип бәргин, мақулму? – Һезимахун, иди-ка ты домой и помоги папе, ладно? Иногда эта частица в одном предложении может повторяться несколько раз, что не является нормой языка.

Как уже говорилось, в этом случае частица принимает ударение на себя.

3. Частица **-чу** в другом своем значении выражает утверждение с подчеркнутым тоном уверенности. Она обычно находится при словах, которые являются как бы прямым ответом на поставленный вопрос. Например:

– Сән чапсан окуп берәләмсә?

– Отрицательной форме глагола на **-май// -мәй**. Она встречается также при именах:

– Ким ишләп берә бу ишни?

– Өзәмчу...

– Кто сможет сделать эту работу?

– Почему же не мне самому.

4. В своем более дифференцированном императивном значении **-чу** относ бәрмәйчу.

– Ты сможешь быстро прочитать?

– А почему же нет.

Бақи: Назугум халамду?

Назугум: Халимайчу (К. Хас.).

Бақи: Пожелает ли Назугум?

Назугум: Как же не пожелать.

Примеры показывают, что частица **-чу** большей частью находится к разряду модально-волеизъявительных частиц. Императивно-побудительное значение этой частицы сопровождается просьбой, упрощением. Например: Сән болсаңму су әкелип бәрсәнчу? (ӨМүһ.). – Хоть и ты принеси мне воду? Соримаяк қойсиличу, қийин екән... – Что уж там говорить (или не спрашивайте, пожалуйста), очень трудно, оказывается.

В отличие от такой же императивной частицы **-а// -ә**, частица **-чу** императивное значение выражает гораздо яснее, тогда как у первой частицы оттенок просьбы и умоления выступает на передний план, а императивность выражается лишь в общих чертах.

Частица **-а// -ә**

1. Императивная частица **-а// -ә**, употребляясь обычно при глаголе-сказуемом с формой повелительного наклонения (**-гин// -гин**, **-қин// -қин**, **-иң// -иң**), привносит в его значение дополнительный модальный оттенок, выражающийся в упрощении, уговаривании и убедительной просьбе. Например: Қолуңға алгина. – Возьми-ка, пожалуйста, на руки. Өйгә берип кәлгинә. – Сходи-ка, пожалуйста, домой. Кол қоюп бериңа. – Будьте любезны, подпишите. Бешимни катурмана. – Не морочьте, пожалуйста, мне голову.

2. При глаголах, имеющих вдвойне вежливую форму личного окончания **сили>сизли>сизлири**, частица **-а// -ә** также указывает на вежливую убедительную просьбу, причем последний гласный личного окончания опускается. Например: Бүгүн әтигәнрәк кәсилира (кәсила – разг.). – Сегодня приходите, пожалуйста, пораньше.

3. Частица **-а// -ә** иногда придает усилительный оттенок заданному вопросу. Например: Ялғуз ишләватамсиза? – Вы одни что ли работаете?

Что касается «-ә» в таких сочетаниях, как «ухлимаймизә?», «окуп болимизә?» и т.д., то она генетически восходит к частице «-һә».

Частица **-ғу// -қу**

1. Частица **-ғу// -қу** указывает на отношение говорящего, в котором выражается его собственное убеждение и осведомленность о том или ином факте, о том или ином лице или предмете. Например: Бу келиватқан Һаширғу. – Ведь это идет Хашир. Көрмәйватәмсән, анлиндики ерикқу. – Не видишь что ли, перед тобой же – арык.

Эта частица употребляется почти при всех категориях слов. Иногда она допускает перестановку от подлежащего к сказуемому, в связи с чем меняется и интонация в предложении. Например: Өзәнғу бармаймән дегән. – Сам же, ведь, сказал, что не пойдешь. Өзән бармаймән дегәнғу (перевод тот же). На русский язык этот оттенок частицы **-ғу// -қу** переводится частицами «ведь», «же». Ее грамматическим эквивалентом в других языках, в частности казахском, является частица **-ғой**, видимо генетически родственная с **-ғу// -қу**.

2. Второе значение частицы **-ғу// -қу** имеет оттенок конкретизации, уточнения. Например:

Кизил сақчиғу
 Бунин бәрлиқ сирлирини
 Билип қойған у (И. Сат.).
 Ярқәтниц балилирини...
 Нажи тоңғузғу сатти... (фольк.).

– Краснй пограничник-
 то уже узнал все его тайны.
 Что же касается Хаджи-
 подлеца [свиньи], то он
 продал джаркентских ребят.

Әхмәтқу һелиғичә йетип барди. – Ахмет-то, навөрняка, уж доехал.
 Бу теһи яхшиғу. – Это еще ничего. Бу китапни окуп чиқишқиғу болуду...
 – Эту книгу прочитать-то уж можно.

К особенностям частицы **-ғу// -қу** можно отнести то, что она в системе одного предложения может стоять и при подлежащем и при сказуемом. В этом случае она носит характер повторного уточнения и конкретизации как действующего лица, так и его действия. Например: Хизмәтқу жиғинға баридиғу. – Хизмет-то на собрание пойдет уж.

Как видно из примеров, оттенок, привносящийся частицей **-ғу// -қу**, передается на русский язык частицами «уж», «то». Что же касается вышеуказанной частицы **-ғой** в казахском языке, то она является ее грамматическим эквивалентом.

3. Частица **-ғу// -қу** при некоторых формах глагола выражает побудительно-желательный оттенок. Например: Чанамни берип турсаммуғу болаттикән. – Можно было бы, пожалуй, дать (на время) сани. Шәһәрдә ишләп турсаңмуғу боптукән (болупту екән). – Можно было бы поработать и в городе.

4. Частица **-ғу// -қу** дифференцированно выражает оттенок сожаления, что передается на русский язык частицей «бы» при «если». Например: һазир, ақчам болсиғу, мону китапни сетивалаттим. – Если сейчас были бы у меня деньги, я купил бы эту книгу. Әтигәнрәк кәлсәнғу, киноға бараттук. – Если пришел бы ты пораньше, то мы сходили бы в кино.

Частица -зә

Частица **-зә** как по своему звучанию, так и по своей семантике носит оригинальный характер. Эта или подобная ей частица в других тюркских языках нами не обнаружена.

Частица эта чаще всего встречается в речи уйгуров старшего поколения и является таким служебным элементом, при помощи которого

передается логическая пауза, что в свою очередь подчеркивает особую манеру говорящего. Например: Шуни ейтивзэ, у бир пэс чонкур ойлуноп калди. – Сказав, таким образом, это, он некоторое время глубоко задумался.

В речи отдельных людей частица **-зэ** может повторяться несколько раз, а иногда она проскальзывает и в вдвойне повторной форме. Например: Мэнзэ бүгүн базарға беривзэ... Или: беривзизэ, еливзизэ, әңгизизэ, дэвзизэ и т.д. Однако чрезмерно частое употребление частицы **-зэ** не является нормой литературного языка, а скорее всего приобретает характер слов-паразитов.

Частица -миш//-емиш

В разряде модальных частиц **-миш//-емиш** является более дифференцированной и по своему образованию имеет общее с частицей **-екән**. «-Емиш» (как и «-екән») образовалась от недостаточного глагола **е-** и причастной формы **-миш**. В своем историческом развитии **-емиш** в уйгурском, казахском и др. языках приобрела также усеченную форму **-миш**.

Частица **-миш//-емиш** в уйгурском языке имеет модальное значение, указывающее на то, что говорящий, ввиду личной неосведомленности и за неимением точных сведений, констатируя факт, высказывает о нем лишь свое предположительное отношение. Например: Бизниц колхозға чәтәл делегатлири кәлгидәк**миш**. – Говорят, что в наш колхоз приедет иностранная делегация.

Отенок предположительности и неопределенности иногда переплетается с оттенком пренебрежения и иронии.

Частица **-миш//-емиш** зачастую употребляется с причастной формой глагола будущего времени **-гидәк//-гидәк** или универсального аффикса **-дәк//-тәк**, которые сами по себе имеют значение предположительности, поэтому их совместное употребление (**гидәк + миш**, **дәк + миш**) лишний раз подчеркивает оттенок предположительности и неопределенности смысла. Например: **атгәкмиш** – якобы как лошадь; **китаптәкмиш** – вроде как книга. Частицу **-миш//-емиш** в уйгурском языке принято писать вместе с глагольной основой.

Частица -екән

Частица **-екән**, как и **-миш**, образована из недостаточного глагола **е-** и причастной формы **-кән**. Отличительной чертой «-екән» является то, что она может находиться и при глагольных, и при именных формах.

Частица **-екән** имеет значение, констатирующее факт, совершенный в различное время, и большей своей частью встречается в фольклорном жанре – сказках, сказаниях и т.д. Например:

Бар **екэн**, йок **екэн** өтмүш заманда.

Инсаилар йәнчилгән зулмэт жаһанда.

Уйғурлар шәһридә бар **екэн** бир шаһ,

Тәкшүрүш қиләркән кочилар ара («Гадай билән шәһ»).

Частица **-екэн** в уйгурском языке имеет двойное написание – раздельное и слитное. При слитном произношении «**-екэн**» с основой глагола и имен наблюдается некоторое изменение в ее фонетическом облике (чередование «е» с «и»), выпадение «е» ит. д.). Например: **барикэн**, **йокикэн**, **ачикэн**, **тоқикэн**... (екэн<икэн). Или калдимик**ин**, йәтмидимик**ин**, дадаммик**ин**, биллимик**ин**. В последних примерах «**-екэн**» приобрела форму **-кин**. Подобное явление в других тюркских языках почти не наблюдается, и эта частица во всех случаях сохраняет свою полную форму.

Частица -эй

Частица **-эй** употребляется обычно в вопросительных предложениях для большего усиления оттенка вопроса и придания речи особой эмоциональной окраски – непосредственности, побудительности. Например: Сән нәгә барисәнэй? – Куда же ты идешь, а? Качан келисиләрэй? – Когда же вы придете, а?

Частица эта свойственна живому разговорному языку⁹ и отнюдь не является признаком культурной речи, поэтому в обращениях к старшим почти не допускается. Отсюда надо полагать, что частица **-эй** в своем происхождении связана с междометным словом **-һэй**, которым обычно окликают людей младшего возраста, т.к. по отношению к старшим опять-таки она звучит грубо; для этого есть **-һай**. Например: **һай**, балиларниң дадиси. На русский язык частица **-эй** передается частицей «-а».

Частица -уй

Побудительно-восклицательный оттенок придает речи частица **-уй**, однородная по своей природе с частицей **-эй**. Надо полагать, что она восходит также к междометному слову **-һуй** (һуй, сән нәдин чиктиң? – О, откуда ты вышел?), которое первоначально служило в целях побуждения и привлечения внимания собеседника, но постепенно перешло в разряд частиц. Например: Кәлсәңчуй биз тәрәпкә. – Приходи, слушай, в наши края. Немә дәйсәнуй. – О чем ты, слушай, говоришь. Абдулмуй бу келиватқан. – Неужели этот Абул идет. Тартқинәуй бешиңни. – Убери, слушай, голову. Немә(р)уй?! – Что такое?!

⁹ Элемент **-эй** также употребляется в песнях, где играет роль восполнителя недостающего слога или звуковой рифмы: Вайэй Насирған. Жанэй Насирған... (*фольк*).

Частица **һә**

«**һә**», связанная по своему происхождению с междометными словами, как частица выполняет двоякую функцию.

1. Частица **һә**, употребляясь (отдельно) в конце предложения, привносит в его общее значение побудительно-утвердительный оттенок, т.е. говорящий при ее помощи как бы желает получить положительное подтверждение об излагаемом им факте, побуждает другое лицо ответить на его вопрос. Поэтому эта частица вносит и некоторый вопросительный оттенок. В русском языке ей соответствует частица «да». Например: Сән теһи бармидинғу дэймән, **һә**? – Ты, наверно, еще не ходил, да? Сән һазир иштин кәлдин, **һә**? – Ты сейчас с работы пришел, да?

2. Частица **һә**, находясь в препозитивном положении, придает предложению некоторый эмоциональный оттенок, положительность или отрицательность которого определяется тем или иным контекстом. Например: **һә**, яхши бопту кәлгиниңла! – Что же, хорошо, что пришли! В этом случае говорящий, констатируя факт, подчеркивает свое положительное отношение к нему. Или: **һә**, немо болуп калди яна? – Что, опять что-нибудь случилось? **һә**, немә демәкчи единиңиз? – Так что же вы хотели сказать? В этих примерах частица **һә** выражает некоторую настороженность и недоброжлательное отношение говорящего к излагаемому факту. Надо думать, что тон упрека и иронии, заключенный в общем смысле этих предложений, также связан с эмоциональным оттенком частицы **һә**.

Частица **-дә// -тә**

Частица **-дә// -тә** придает словам модальный оттенок, выражающийся в констатации и уточнении факта. Например: Шундақ һерип кәттимдә. – (Представьте себе), я так устал. Сенің кәлгиниң яхши болдидә. – Как хорошо, что ты пришел. Униңға қарығанда бу чирайликтә. – Это красивее, конечно, чем то. Сени рас алдавалдимдә. – Я сумел как следует тебя обмануть. В этом случае частица **-дә// -тә** указывает на утвердительно-одобрительное, а также оценочно-определяющее отношение говорящего к сообщаемому факту. Или: Буни қилған Бавдундә. – Это сделал, конечно, Бавдун. Институттин өзәң кетіп қапсәндә. – Из института ушел, оказывается, сам. В этих примерах отношение говорящего к фактам выражается в плане предположительно-уточнительном, т.е. говорящий далек от прямого утверждения, он лишь уточняет и подтверждает свое интуитивное предположение об исходе того или иного факта.

Частица йә

Частица **йә** относится к разряду таких служебных элементов, которые играют как бы сопутствующую, дублирующую роль; она, как правило, находится при вопросительной частице **-му** и тем самым особо подчеркивает, уточняет идею вопроса. Например:

Униң кәстлик мудайнға, Кетилдинму йә ?	– Иль причастен ли ты к его злому умыслу, иль проданся
Полға селип, пул елишқа Сетилдинму йә ? (И. Сат.).	ли ты за деньги, указав ему дорогу?

Частица **йә** генетически связана с противительным союзом **йә//я** – «или». Например: Я сән барисән, я мән баримән. – Или ты пойдешь, или я.

Частица мә

Частица **мә** как грамматически, так и семантически дифференцирована и в своем употреблении носит относительно самостоятельный характер, т. е. она не связана с какой-либо формой слов, а употребляется отдельно во всех позициях речи. Ее грамматическим адэкватом в русском языке может быть частица **на**. Например: **Мә**, алгинә балаңни. – На, возьми-ка ребенку. Алғинә, **мә**, балаңни. – Возьми-ка, на, ребенка. Алгинә балаңни, **мә!** – Возьми-ка ребенка, на. Частица **мә**, как и русская **на**, иногда приобретает производную форму: **мән, мәңа** – нате, нате-ка.

Частица ва//вай

В целях придания речи некоторой эмоциональной окраски употребляется частица **ва//вай**, которую можно назвать частицей одобрения. Например: **Ва**, бәлли! – Bravo! Вот здорово! **Вай**, баркалла! – О, благодарю! **Вай**, яшап кәт, кизим! – Да будет радостной твоя жизнь, дочка!

Частица **ва//вай** по своей природе связана также с междометными словами. Поэтому в отдельных контекстах можно их различить только по значению; определенную роль играет в этом и ударение. Например: **Ва**, бу немо дегән паранц!? – О, что это за разговоры!? **Вай**, шор пешәнәмэй! – О, моя несчастная участь! В этих примерах **ва, вай** – междометно-восклицательные слова, и в речи они произносятся с особой интонацией, принимая ударение на себя, тогда как частица **ва//вай** произносится с меньшей интонацией.

Частица -(к)ида, -(к)идә

Частица **-(к)ида, -(к)идә**, употребляясь в основном при именах прилагательных, наречиях и подражательных словах, выражает различные семантические оттенки. Так, например, находясь при таких словах, как **жиқ** – много, **лиқ** – полно, **тик** – прямой и т. д., она привносит

в их значение усилительный оттенок. Например: мандийидин сөйдиде, көзинә жикқидә яш алди (Ө.Мүһ.). – Поцеловав в лоб, прослезилась обильными слезами. Клубниң ичи кишигә ликқидә толди. – Клуб переполнен людьми. Ләгләк асманға тикқидә көтүрүлүп чикти.– Змейка прямо поднялась вверх. Находясь при образной звукоподражательных словах, частица эта указывает на интенсивность и мгновенность протекания образных действий и звуковых представлений. Например: У олтарған жайидин ликқидә сәкрәп туруп кәтти. – Он со своего места быстро (и с особой легкостью) соскочил на ноги. У йәргә покқидә чүшти. Он (слетел) упал наземь. Таш келип бешимға такқидә қилип калди. – Камень (вдруг) стукнулся об мою голову и т. д.

При детальном рассмотрении нетрудно заметить, что данная частица фактически имеет форму **-идә//ида**, а **қ** и **к** являются фонетическим удвоением последнего звука слов, к которым она присоединяется: так+**қ**+э жик+**қ**+қидә и т. д. Подтверждением этого могут служить, например, следующие слова: зич**ч**идә (зич+**ч**+идә), вач**ч**идә (вач+**ч**+ида), ғач**ч**идә (ғач+**ч**+ида), гач**ч**идә (гач+**ч**+ида), лассида (лас+**с**+ида), валлида (вал+**л**+ида) и др., где в качестве фонетического удвоения выступает именно тот звук, на который оканчивается корень слов, (**-ч**-, **-с**-, **-л**-).

Частица -қина

Частица **-қина** (с фонетическими вариантами **-қинә**, **-гинә//ида**, **-гина**), употребляясь при именах прилагательных, существительных, наречиях, привносит в их значение усилительный оттенок. Например: Иссиққина бир чини чай ичивалдим. – Выпил чашку горяченького чайку. Чирайликқина олтуруп параң селиштүқ. – Побеседовали в весьма приятненькой обстановке. Таң нахшисини хошалғина машиниләр ейтар (Ө.Мүһ.). – Песню утренней зари веселенько запоют машины. Женимгинә шу атам Қайқа үстидә ялғуз (*фольк.*). – Родненький мой отец одинок на (перевале) Кайка. Қосақ ачқанда кирип, бәхудикқинә нан елип йәләлмәйсән (Ө.Мүһ.) – Когда захочешь кушать, то не сможешь преспокойненько достать хлеб, чтобы поесть. Кичикқинә пиннас, әләмни кезип тинмас (заг.). – Маленький «сверчок», облетая весь мир, не устает.

Как видно из примеров, частица **-қина**, смысловым эквивалентом которой являются «весьма», «очень», «особенно» и т.д., передается на русский язык аффиксами **-енько**, **-онько**, **-пре**, **-пере** и т. д. В слове с частицей **-қина** обычно ударение падает не на саму частицу, а на предшествующий ей слог. В других тюркских языках, в частности в казахском, частица **-ғана** имеет несколько иной семантический оттенок.

Частица қай

В разряде препозитивных частиц **қай-** характеризуется некоторой, свойственной только ей, особенностью. Обладая всеми свойствами частиц, она может иметь иногда относительную самостоятельность, функционируя при этом как вопросительное местоимение. Например: **Қай** мәлиниц балисисән? – Из какой ты деревни, парень? Другой ее характерной чертой является то, что она, как самостоятельное слово, способна подвергаться морфологическому изменению. Например: қайсиси, қайсисидин, қайсиниңға, қайсииндин, қайсилирин, қайсинда и др. Все это говорит о том, что «**қай-**» претерпевает стадию перехода от самостоятельного слова к формам частицы, но в некоторой степени она успела уже вполне дифференцироваться как частица, выполняя при этом только служебную роль. Например: **Қаяқтин** – откуда, **қай** тәрәптин – с какой стороны и др. Как служебный элемент **қай-** служит также основой образования новых слов: **қайси** – который, **қайда** – где, куда, **қаян** – куда, **қайдин** – откуда и др. Во всех случаях **қай**, имеющая уточнительно-вопросительный оттенок, выступает как частица, но частица, связанная с формой словообразования.

Частица һеч

Частица **һеч**, употребляясь в основном при именах, привносит в их значение отрицательный оттенок, а в словах с отрицательным значением – усиливает это значение. Например: **һеч қачан** – никогда; **һечбир** – никакой; **һечким** – никто; **һеч** вәқәси йок – ничего зазорного нет; **һеч** хапа болмаң – нисколько не огорчайтесь и др. Частица **һеч**, так же, как и **қай-**, обладает некоторой словообразовательной способностью. Грамматическим эквивалентом **һеч** в русском языке является отрицательная частица **ни**. В уйгурском языке наиболее целесообразным следует признать раздельное написание частицы **һеч**.

Частица әң

Частица **әң**¹⁰ относится к числу грамматически дифференцированных препозитивных частиц. Она никогда самостоятельно не употребляется, во всех возможных сочетаниях, функционируя как служебный элемент качественного определения, выражает интенсивную степень прилагательных. Например: **әң** яхши – самый хороший, **әң** тазиси – чистейший, чистый из чистых; алминиң **әң** убдини апорт – наилучший из яблок – апорт.

Таким образом, среди служебных элементов уйгурского языка по совокупности формальных и семантико-функциональных признаков четко выделяются так называемые частицы.

10 **Әң** в сочетании: әң болмиганда – хотя бы выступает как один из компонентов устойчивого сочетания и лишена прямого значения.

К разряду частиц уйгурского языка обычно относятся те служебные слова, которые характеризуются прежде всего своей несамостоятельностью и неизменяемостью форм, способностью присоединяться к разным частям речи и разным их формам, входить в состав различных членов предложения, но не менять их синтаксической позиции, а вносить в высказывание различные дополнительные смысловые эмоционально-экспрессивные или модальные оттенки: выделения, ограничения, усиления, уточнения, умоления, просьбы, неопределенности, категоричности и другие.

Однако языковые факты требуют более дифференцированного подхода к разряду частиц. По ряду формально-функциональных и семантико-структурных признаков и свойств следует разграничивать собственно частицы от модальных и прочих служебных слов, выступающих в роли частиц.

В нашей статье рассматриваются в основном собственно частицы современного уйгурского литературного и живого разговорного языка, которые характеризуются следующими особенностями.

1. В фонетическом отношении собственно частицы выделяются односложностью и реже двусложностью своего состава, а также, тем, что они не принимают на себя специального ударения.

2. В генетическом отношении собственно частицы, как и аффиксы восходят к самостоятельным словам. Причем, наиболее вероятным путем превращения самостоятельных слов в частицы следует признать фонетическую деформацию (выпадение отдельных звуков, стяжение и т.д.), происходящую в результате их постепенного развития. Процесс фонетического изменения структуры слов и их семантического перерождения достигает такого предела, что отдельные частицы трудно связать с природой какого-нибудь слова, с его номинативным значением.

3. К семантическим особенностям собственно частиц следует отнести то, что их дополнительные оттенки не замыкают в рамки значения лишь одного слова, к которому они примыкают, а имеют более широкое распространение, влияют на всю семантику целого предложения или высказывания.

4. Наконец, собственно частицы как синтаксический элемент носят тотальный характер распространения и применения по отношению к ряду морфологических категорий слов.

В разряде служебных слов выделяются такие элементы (**эмисэ//-эмсэ, эмди//энди, теги, эйтэвир, чеги, һэтта, элвэттэ, пәкэт. болушму, кени, худди** и др.), которые в формально-структурном отношении относятся к самостоятельным словам, но в функционально-семантическом отношении

представляют собой частицы. Эти так называемые функциональные частицы уйгурского языка требуют специального исследования.

АН КазССР

Сектор востоковедения. Том I, 1959.

Орфография уйгурского языка

На современном уйгурском (новоуйгурском) языке в настоящее время говорят уйгуры, основная масса которых – 4 200 000 чел. – живет в Сияьцзян-Уйгурском автономном районе КНР¹, а незначительная их часть – 95 200 чел. – на территории Советского Союза². Из них в пределах Казахской ССР живет 59 800 чел., в Киргизской ССР – 13 800 чел., в Узбекской – 19 400 чел., в Туркменской ССР – 800 чел., в Таджикской ССР – 400 чел. Из числа советских уйгуров 85% считают своим родным языком уйгурский.

Современный уйгурский литературный язык, в одинаковой степени обслуживающий как синьцзянских, так и советских уйгуров, базируется на живых диалектах единого разговорного общенародного языка. Но развитие уйгурского литературного языка, который условно можно дифференцировать как «литературный язык советских уйгуров» и «литературный язык «синьцзянский уйгуров», в настоящее время происходит в разных условиях и на основе двух письменностей: арабской графики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и русской графики в СССР, что, естественно, отражается не только на тенденции их развития, но и на орфографических нормах.

Арабский алфавит, которым пользовались уйгуры и на котором издавались некоторые религиозно-дидактические, историко-филологические и художественно-поэтические произведения уйгурских авторов, не мог полностью отразить специфические особенности строя уйгурского языка. При таком положении о каком-то последовательном развитии и усовершенствовании орфографических норм литературного языка, естественно, не могло быть и речи. Поэтому реформа и возможная унификация арабско-уйгурского алфавита стали одним из актуальных вопросов в языковом строительстве советских уйгуров в послеоктябрьский период. Этот вопрос, вызывавший живой интерес у уйгурской интеллигенции и учительства, стал предметом широкого обсуждения на страницах первой уйгурской газеты («Голос бедняков»), а в 1925 г. на совещании работников просвещения в Казахстане был одобрен значительно реформированный вариант арабско-уйгурского алфавита, состоящего из 27 букв, вместо прежних 35. Эта

1 «Численность и расселение народов мира». Под ред. С.И.Брук. М., 1962, стр. 176.

2 Там же, стр. 85-89.

унификация и реформа в основном коснулись количественной стороны алфавита, т.е. из функционировавшего до сих пор арабского алфавита были исключены восемь буквенных знаков, которыми обозначались специфические звуки арабского языка, а в уйгурском – употреблявшиеся лишь по традиции и фактически не выполнявшие никаких орфографических нагрузок.

К практически важным моментам реформы следует отнести введение дополнительных знаков (из арабско-персидского алфавита) для передачи некоторых специфических (согласных и гласных) фонем уйгурского языка.

Реформированный арабско-уйгурский алфавит в усовершенствовании письменности литературного языка советских уйгуров считался в свое время значительным шагом вперед. На этом алфавите издавались первые уйгурские газеты, учебные, пособия и художественные произведения уйгурских авторов. Однако он тоже имел свои серьезные недостатки. К ним прежде всего относится передача одним графическим знаком нескольких самостоятельных гласных фонем уйгурского языка. Всё это составляло значительную трудность как в выработке прочных орфографических норм литературного языка, так и в повышении грамотности широкой массы трудящихся уйгур. Поэтому вскоре после принятия реформированного арабско-уйгурского алфавита на повестку дня встал вопрос о создании новой письменности на основе латинской графики.

I Уйгурская лингвистическая конференция, состоявшаяся в 1928 г. в Самарканде, одобрила проект нового уйгурского алфавита на основе латинской графики из 31 буквы. Впоследствии в данный алфавит дополнительно была введена буква f для передачи соответствующего звука в русско-интерноциональных терминах.

Таким образом, с мая 1930 г. в практику литературного языка советских уйгуров была введена новая письменность на основе латинского алфавита из 32 букв: a, b, c, ç, d, e, ə, t, g, h, i, j, k, l, m, n, ŋ, o, ɵ, p, q, r, s, ş, u, v, x, y, z, z, f.

Переход уйгуров на латинский алфавит продолжался в течение шести-семи лет. Даже в 1936 г., например, значительная часть материала уйгурской газеты «Шәрк һақиқити», выходившей в Ташкенте, печаталась на арабско-уйгурском алфавите.

Уйгурский алфавит на основе латинской графики по сравнению с реформированным арабско-уйгурским алфавитом не только относительно точнее отражал специфические особенности звуковой системы уйгурского языка, но и благоприятствовал унификации и усовершенствованию системы орфографии и повышению грамотности широких масс трудящихся.

Однако и этот алфавит имел свои недостатки, которые выявились главным образом при передаче огромного количества советско-интернациональных слов и терминов. Эти трудности, естественно, выдвинули на повестку дня вопрос о пересмотре письменности. В 1947 г. советские уйгуры перешли на русский алфавит.

Проект нового алфавита на основе русской графики был разработан А.Ш.Шамиевой³ при активном участии С.Шакирджанова и К.Хасанова. В обсуждении проекта непосредственное участие принимали И.И.Мещанинов, С.Е.Малов, А.К.Боровков, С.К.Кенесбаев, Н.Т.Сауранбаев и другие ученые.

Новый уйгурский алфавит был утвержден Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 4 февраля 1947 г. Он состоял из 41 буквы: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я, қ, ң, ғ, ү, ө, ж, ә, һ.

Этот алфавит уже 20 лет успешно обслуживает литературный язык советских уйгуров. За это время изменению подвергся лишь его порядок. Изменения были официально утверждены Президиумом Академии наук и Коллегией Министерства просвещения Казахской ССР в 1960 г. вместе с ныне действующими правилами орфографии современного уйгурского литературного языка⁴.

Вопросы орфографии уйгурского литературного языка всегда рассматривались и решались в связи с созданием и усовершенствованием письменности и письменных норм. Так, впервые этот вопрос более или менее последовательное освещение получил в специальной работе уйгурского языковеда А.Мухаммади. Автор объясняет наиболее сложные моменты правописания на основе реформированного арабско-уйгурского алфавита, в частности, особенности чередования, звуковых соответствий, выпадения и слияния звуков. Однако, несмотря на это, многие практические стороны уйгурской орфографии в тот период все же остались до конца не решенными.

Создание письменности и ее усовершенствование, разработка орфографических норм и принципов терминовтвора в 20-30-х годах явились практически неотложными вопросами языкового строительства среди советских уйгуров. Решение этих вопросов потребовало неоднократного созыва специальных лингвистических конференций и совещаний.

Несмотря на некоторые предпринятые в этот период шаги многие вопросы уйгурской орфографии оставались нерешенными и спорными.

3 А.Шамиева. Рус графикиси асасида түзәлгән уйгур әдәбий тилиниң еңи әлипбә һәм имлә қайдилири (лайинһә). Алмута, 1946, стр. 10-11.

4 См.: *Ғ.Садуақасов*. Уйгур әдәбий тилиниң имлә қайдилири. Алмута, 1961, стр. 10.

Поэтому в 1935 г. Центральный комитет нового алфавита и терминологии Узбекистана поручил К.Ашурову, разработать проект новой уйгурской орфографии. По рекомендации совещания уйгуроведов проект был опубликован в сентябре 1936 г. в уйгурской газете «*Şarq haqıqiti*»⁵, а уже в 1937 г. – издан отдельной брошюрой⁶. Узаконение этого проекта первоначально предполагалось на III Уйгурской лингвистической конференции, проведение которой планировалось осенью 1936 г.⁷.

В феврале 1937 г. в Алма-Ате была созвана конференция работников культурного строительства среди трудящихся уйгуров СССР, на повестке дня которой также стоял вопрос об уйгурской орфографии. Подготовкой проекта к утверждению занималась специальная комиссия под руководством С.Е.Малова. Таким образом, утверждению в 1937 г. проект новой орфографии уйгурского литературного языка на основе латинской графики без унификации и изменения обслуживал язык до принятия уйгурами новой письменности на основе русской графики в 1947 г.

В связи с переходом советских уйгуров на русскую графику в 1947 г. был разработан новый проект уйгурской орфографии⁸, который официально утвержден Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 4 февраля 1947 г. В 1957 г. Ч.Г.Сайфуллин делает попытку пересмотреть функционирующие орфографические правила и внести в них некоторые изменения⁹. Тем временем этот вопрос специально разрабатывался в секторе уйгурско-дунганской культуры АН КазССР Г.Садвакасовым. В результате чего на суд общественности были представлены два новых варианта орфографических правил, авторы которых по разному подходили к решению спорных моментов действующей орфографии. Обсуждение их происходило на страницах уйгурской газеты «Коммунизм туғи»¹⁰.

Неотложность практического решения спорных вопросов уйгурской орфографии, естественно, привела к созыву специального совещания, которое состоялось 25-28 ноября 1958 г. в Алма-Ате. На этом совещании обсуждались два последних проекта новой уйгурской орфографии

5 *Q. Ashurov. Jeñi ujur adibij tili va imlasiniñ اساسliir (1936 nei jil Kyzda boludugan III ujur til-imla konferensijisiga material). «Şarq haqıqiti», 9, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24 sentabr 1936 jil.*

6 *Q. Ashurov. Jeñi ujur adibij tili va imlasiniñ اساسliiri. Proekt, Taşkant, 1937.*

7 См.: «*Şarq haqıqiti*», 9 sentabr 1936 jil.

8 См.: *А.Шәмиева. Рус графикиси асасида түзэлгән уйгур әдәбий тилиниң еңи әлипбә һәм имл қандилири (лайиһә).*

9 *Ч.Г.Сайфуллин. Уйғур имласиниң асаслири. Алмута, 1957.*

10 См.: например: *Ф.Садвақасов. Уйғур тили имласиниң бәзи мәсиллири. «Коммунизм туғи», 5 мая 1957.; Он же: Уйғур имласиниң асаслири һәққида. «Коммунизм туғи», 30 января 1958 г. и др.*

– Г.Садвақасова¹¹ и Ч.Г.Сайфуллина¹². Одобрение получил проект, представленный Г.Садвақасовым. Окончательный вариант новой уйгурской орфографии¹³ после предварительного обсуждения в секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР в 1955 г. был официально утвержден совместным решением Президиума Академии наук и Коллегии Министерства просвещения Казахской ССР в 1960 г. и введен в практику уйгурского литературного языка.

Новые правила орфографии уйгурского языка от правил орфографии 1947 г. отличаются прежде всего полнотой охвата орфографических явлений, что способствует устранению орфографического разнобоя и ничем не оправданного параллелизма в письменной практике.

Орфографические нормы уйгурского языка, таким образом, имеют свою историю. Среди специалистов, более или менее постоянно занимавшихся вопросами уйгурской орфографии, – Л.Ансари, А.Мухаммади (20-е годы), К.Ашуров (30-е годы), А.Ш.Шамиева (40-е годы) и Г.Садвақасов (50-е годы).

По орфографии уйгурского языка за последнее время появился ряд новых работ¹⁴.

Современные орфография и алфавит

Действующий ныне алфавит полностью отражает специфические особенности фонетического строя современного уйгурского литературного языка. Из 41 буквы алфавита семь – **ё, ы, э, ь, ф, ц, щ** – употребляются только в заимствованных русско-интернациональных словах (ёлка, сыр, элеватор, ноль, фабрика, цех, щетка), восемь – **ә, ғ, ж, к, ң, ө, ү, һ** – передают только специфические фонемы уйгурского языка.

11 *Г.Садвақасов*. Уйгур әдәбий тилиниң имла қайдилири. «Коммунизм туғи», 13, 17, 20, 24, 27 июля 1958 г.

12 *Ч.Г. Сайфуллин*. Уйгур тилиниң имласи билән елипбәсигә бәзи бир өзгиришләрни киргизүш тоғрилик. Алмута, 1958.

13 См.: *Г.Садвақасов*. Уйгур әдәбий тилиниң имла қайдилири. «Коммунизм туғи», 18 мая 1960 г.

14 *Г.Садвақасов*. Уйгур әдәбий тилиниң имла қайдилири. Алмута, 1961; *Илиев, Г.Садвақасов*. Уйгур тилиниң имла лугити. Сәккиз вә он бир жиллик мәктәпләр үчүн. Алмута, 1963; *А.Қайдаров*. Имла қайдилири таблицалиридин пайдилиниш һәккидә көрсәтмә. Сәккиз жиллик мәктәп муәллимлири үчүн. Алмута, 1967; *Н.А.Басқакөв*. Узловые вопросы уйгурской орфографии. «Просвещение национальностей», 1965, №3; *А.Шамиева, Х.Махмудов*. Вопросы орфографии современного уйгурского литературного языка. «Изв. АН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры», 1950, вып.1; *С.К.Кенесбаев, А.Т.Қайдаров*. О новой уйгурской орфографии. «Изв. АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения», 1960, вып. 2; *Г.Садвақасов*. Қошумчилар арқилиқ ясалған исимларниң имласи. «Халық мұғалімі», 1955, № 2; *Он же*. Уйгур тилидики совет-интернационал сөзлириниң имласи һәккидә. «Халық мұғалімі», 1956, № 7; *Т.Таштов*. Йәр-су аталғулириниң орфографиясы һәккидә. «Коммунизм туғи», 14 марта 1957 г.

В передаче сочетаний звуков [й + а], [й + у], встречающихся во всех позициях уйгурских слов, разумно используются соответствующие графемы русского алфавита **я** и **ю** (яңю «картофель», бояк «краска», сия «чернила», юлтуз «звезда», оюн «игра»), которые четко отличаются от звукосочетаний ([й + а] и [й + у]: йәкшәмбә «воскресенье», маһийәт «сущность, смысл»; йүз «сто»; «лицо», көйүк «ожог»; «обгорелый»),

Однако этот принцип соблюдается далеко не последовательно; аналогичное сочетание звуков [й + о], встречающееся в уйгурских словах, не передается уже соответствующим знаком русского алфавита **ё** как этого надо было ожидать, а пишется через **йо**: йолдаш «товарищ», йол-йорук «указание, наставление»¹⁵. По этой же причине сфера употребления графемы **ё** [й + о] в уйгурском языке оказалась весьма ограниченной: в начальной позиции она встречается только в одном заимствованном слове **ёлка**.

Основной принцип действующей орфографии

Существующие правила орфографии уйгурского литературного языка базируются на основе фонетического и морфологического принципов, при этом доминирующая роль принадлежит последнему.

Механическое воспроизведение на письме всего того, что мы слышим, неминуемо привело бы нас к хаосу, особенно в уйгурском литературном языке, который переживает процесс своего становления и уточнения своих письменных норм, когда еще далеко не изжиты различия в произношениях носителей отдельных говоров, составляющих его диалектную основу. Поэтому при разработке орфографических норм уйгурского языка основной упор был сделан не на фонетический, а на морфологический принцип, согласно которому всегда учитывается морфологическая структура слова к словообразовательных, словоизменительных формантов. Ср. атақ «доброе имя, слава», – атақлиқ в.м. атағлиқ «знаменитый, прославленный» и др.

Говоря о более разумном использовании морфологического и фонетического принципов, нельзя также не учитывать роли традиционно-исторического принципа, который «берет под свою защиту» все то, что не может быть оправдано действующими фонетико-морфологическими законами литературного языка, но вполне объяснимое теми же законами в ретроспективном плане или путем реконструкции некоторых архаичных

¹⁵ В проекте правил орфографии, разработанных на основе русской графики в 1946 г. (автор А.Шамиева), предполагалось написание звуковочетания [й+о] в уйгурских словах через русский ё: ёлвас «тигр», ёган «большой», ёлдаш «товарищ» (см. §3), а узкий вариант этого звукосочетания передавался через е [й+э]: еза в.м. йеза «село», етәкчи в.м. йетәкчи «преподаватель»; русское оборотное э было использовано вместо е: элипбә в.м. елипбә «алфавит».

и диалектных явлений. К такого рода фактам можно отнести написание слов: тағақ (< тара + ғақ) «гребенка, ресчёска», өдәк (<өр + дәк) «утка», жут (<журт) «родина; родные места», жунда (<жуй + унда) «помои», кокат (<көк + от) «трава», чегара (<чәк + ара) «граница», аппақ (<ап + ақ) «белый-пребелый», өзәм (<өзүм) «я сам», немишкә (<немә + ишкә) «почему? по какому делу? для чего?» и др.

В сфере действия традиционно-исторического принципа также следует отнести наличие в языке лексических параллелей, употребление которых в известной степени оправдывается выполняемыми ими стилистическими нагрузками: мәлә//мәһәллә «деревня, село; квартал», банә//баһанә «повод, причина», батур//баһадур «богатырь, храбрый», оханмақ/ ойғанмақ «просыпаться» и др.

Отражение в орфографии фонетических явлений

В орфографии последовательно отражается закон обратного влияния узких гласных на широкие гласные предшествующего слога: широкие гласные **а, ә** в односложных словах при присоединении к ним аффиксов, к начинающихся с гласных **и, ә** как правило, переходят в **е, и** фонетический облик корня претерпевает изменения: ат «лошадь» – ет + и «его лошадь», мал «скот» – мел-им «мой скот», ал – «возьми» – ел-иш «взятие», кәт «уходить» – кет+ имән «я уйду», кет + әр «он уйдет» и др.

Но это своеобразное явление в уйгурском языке происходит, в основном, в результате переноса ударения с корня на аффикс. Поэтому в тех случаях, когда первослоговые **а, ә** произносятся долго, либо когда в них сохраняется постоянное ударение, не переходящее на аффиксы, регрессивная ассимиляция теряет свою силу и подобное изменение на стыке слов и морфем уже не происходит: саз «музыка, «мелодия» – саз-им «моя музыка, мелодия», тар «струна» – тәр-и «его струна», тәр «физиономия, лицо» – тәр-и «его физиономия и т.д.

Редукция гласных в уйгурском языке наблюдается в следующих случаях:

а) широкие гласные основы, попадая в позицию между слабым и сильным ударением, редуцируются и переходят, в зависимости от качества гласных основы, либо в узкий негубной **и** или полуширокий **е**, либо в узкие губные **у, ү**; в орфографических же правилах, как мы уже говорили, сила лабиальной гармонии на редуцированный негубной гласный не учитывается и во всех случаях пишется узкий негубной **и**: кала «корова» – кали-лар «коровы», жүрәк «сердце» – жүри-ги «его сердце» (а не жүрүги), байқа «замечать» – байқи-дим «я заметил»,

қал «оставаться» – кел-ип «оставаясь», кэл «приходить» – кел-ин «приходите» и др.;

б) в двухсложных основах при наращении некоторых аффиксов, начинающихся с гласных звуков, гласный последнего слога основы обычно претерпевает полную редукцию, т.е. выпадает, что последовательно отражается на письме: бурун «нос» – бурн-и «его нос», сиңил «младшая сестра» – сиң-им «моя младшая сестра», қарығай «сосна» – қарғий-и «его сосна» и др.

Орфографические правила, связанные с явлением редукции, имеют и свои исключения:

а) двусложные и многосложные слова (преимущественно арабо-иранского происхождения) редукции не подвергаются, если последний слог таких слов имеет более устойчивое ударение: дала «степь» – дала-си «его степь», падиша «царь, падишах» – падиша-си «его царь», дутар (муз. инструмент) – дутар-и «его дутар», Москва – Москва-ни «Москву», Зия (соб. имя) – Зия-нин, «у Зии», Хасанова – Хасанова-ни «Хасанову» и др.;

б) редуцированный узкий гласный **и**, встречающийся в некоторых односложных, двусложных, а также в начальном и конечном слогах производных основ (бир «один», бирак, «однако», чирай «лицо, облик», шәрик «восток», вақира «кричать» и др.), в новых правилах отражается строго последовательно, тогда как этот вопрос в прежних орфографиях не получал соответствующего решения, а в орфографических правилах, разработанных К.Ашуровым в 1936 г.¹⁶, редуцированный гласный **и** не писался даже в тех случаях, когда он употреблялся между двумя согласными начального слога (ср. олән вм. билән «с, вместе с», кзил вм. кизил «красный» и др.).

Гармония гласных представляет собой объединение гласных звуков по принципу небности и ненебности. Следует заметить, что гармония гласных, носящая в отдельных тюркских языках абсолютный характер, в уйгурском языке проявляется непоследовательно. По степени ее реализации уйгурский язык занимает промежуточное положение между сингарманическими (например, киргизским) и несингарманическими (например, узбекским) языками. Поэтому здесь, наряду с твердыми правилами орфографирования можно встретить и ряд исключений, которые также соответствующим образом нашли в этих правилах свое отражение.

16 Q.Ashurov. Jeñi ujuur adibi tili va imlasiniñ asasliri. – «Şarq həqiqiti», 12 sentbr 1936 jil.

Обычно гармония гласных реализуется благодаря наличию в языке трех противопоставленных по мягкости-твердости пар гласных: **а – о, о – ө, у – ү**. На мягкость и твердость гласного звука последнего слога основы не реагируют аффиксы, образованные при помощи нейтрального гласного **к** (по отношению к другим гласным): доп «мяч» – доп-ни «мяча», қар «снег» – род.п. қар-ниң, бәш «пять» – вин.п. бәш-ни, бала «ребенок» – бали-си «его ребенок», түлкә «лиса» – түлки-си «его лиса» и др. В нарушение закона сингармонизма иногда к словам с гласным переднего ряда присоединяются аффиксы с гласным заднего ряда: тил «язык» – тил-га «языку» (вм. ожидаемого **мил-гә**), иш «работа» – иш-қа «работе» (вм. ожидаемого **иш-кә**) и др. Видимо, здесь сказывается не столько последовательное нарушение закона сингармонизма¹⁷, сколько дисгармонирующее влияние индифферентного узкого гласного и в основе слова, для которого совершенно безразлично качество окружающих гласных. Этими же обстоятельствами, пожалуй, объясняется написание целого ряда глагольных форм типа: оқи «учись» – оку-дум «я учился, я читал» – оку-ш «чтение, учеба», қори «сохраняй, оберегай» – қору-мақ «оберегать, охранять», тоши «тащи» – тошу-дуқ «мы таскали» и т.д., где второй слог глагольного корня в повелительной форме (**и**), под воздействием предшествующего губного гласного, меняет свой облик и переходит в соответствующий губной гласный того же ряда. Таким образом, переход узкого гласного второго слога этих глагольных основ в губной гласный (против ожидаемого: оқи-дим, оқиш, қоримақ, тошимақ) оправдывается не морфологическим, а фонетическим принципом.

В правилах орфографии приводятся все основных виды *чередования согласных*, фиксируемых в живой разговорной речи уйгуров. Но в целях нормализации орфографии и облегчения ее усвоения звуковые чередования сознательно регулируются и, где это возможно, приводятся в строго последовательную систему. К таким чередованиям, например, относятся **қ/ғ**: атақ – атиғи, қаймақ – қаймиғи, патқақ – патқиғи; **к/г**: челәк – челиги, биләк – билиги, чөкәк//чөниги; **ғ/к**: тағ – таққа, бағ – баққа, яғ – яққа; **г/к**: бәг – бәккә, чиг – чиккән, түг – түккән; **п/в**: мәктәп – мәктиви, тәләп – тәливи; **ч/ш**: яғач – яғашчи, қомуч – қомушчи. Во всех остальных случаях чередования согласных в соответствии с морфологическим принципом на письме не отражаются, например:

¹⁷ См.: *Н.Н.Наджит*. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 36.

Основа слова	Произношение	Орфография
жирак	жира [x] тин	жирактин «издалека»
«далеко»	керә [h] лик	керәклик «нужный»
керәк «нужно»	жири [ɣ] димәк	жирикдимәк
жирик	а[с] сам	«отбирать крупных»
«крупный»	а [ш] қуч	атсам «если буду
ат «стрелять»	бу [p] ук	стрелять»
ач «открывай»		ачқуч «ключ,
буйур		отмычка»
«прикажи»		буйурқуч «приказ»

Подобные явления иногда имеют свое фонетическое оправдание. Так, например, сонорные **р, л, м**, не имеют своих глухих пар. Поэтому они могут сочетаться как со звонкими, так и с глухими согласными. Ср.: яш-лик «молодость», ат-лар «лошади», жүп-лә «удваивать» и др. Но наряду с ними имеются факты, которые трудно объяснить одними лишь фонетическими закономерностями. Здесь больше всего оказывается языковая традиция. К ним относятся следующие примеры: оқ «пуля» – оқ-и «его пуля», чак «колесо» – чек-и «его колесо», көк «синий»; «зелень» – көк-и «его зелень» и т.д.

Выпадение звуков **р, л, н, в, һ** – одна из характерных особенностей уйгурского языка. Однако это явление, за исключением некоторых традиционно сложившихся словоформ (өдөк, тағак, ома, жут), не отражается на письме. Выпадение звуков иногда, особенно в структуре сложных глагольных образований, приводит к слиянию или стяжению звуков и звуковых комплексов. Все это, естественно, осложняет орфографию и создает определенные трудности в языковой практике.

Правописание сложных слов

Написание сложных слов – менее разработанная область орфографии уйгурского литературного языка. В этом отношении в новых правилах орфографии предприняты некоторые шаги по дифференциации самых сложных слов и регулированию их написания; чувствуется тенденция к разделительному написанию сложных слов на основе морфологического принципа. Однако говорить о последовательном проведении этого принципа не приходится: правописание сложных слов все еще имеет много исключений.

Сложные имена. Раздельное и слитное написание сложных имен определяется семантикой слагаемых компонентов или же сложившейся

языковой традицией. Так, например, сочетание двух и более слов пишется слитно, если один или оба из слагаемых компонентов на данном этапе развития языка не имеют самостоятельного, конкретного значения: ашпузул «столовая», «трактир, харчевня», каримуч «черный перец», лэйликазақ «дикорастущий мак», қарикат «черная смородина», алликачан «давным-давно», жиңмома «сорт парового хлеба» и др.. В этих примерах пузул, муч, қазақ, қат, алли, жиң, мома являются этимологически затемненными словами.

Все географические названия (кроме составных и определительной конструкции) и имена собственные пишутся слитно: Маралбеши, Ақсу, Тоққузтара, Әхмәтҗожа, Ғожахмәт, Турсунмәһәмәт, Һамрабүви и др.

В тех случаях, когда словосочетание употребляется и в прямом, и в переносном значениях, оно имеет соответствующее написание: раздельное написание при свободном сочетании слов, употребленных в своем номинативном значении (ақ сақал «белая борода», қизил гүл «красный цветок», текә сақал «козлиная борода», көк таш «синий камень»; слитное написание, когда словосочетание представляет собой название определенного предмета или понятия (ақ + сақал «аксақал, почтенный старик», қизил + гүл «роза», теки + сақал «додарция восточная», көк + таш «медный купорос»).

Более или менее последовательно проводится принцип раздельного написания сочетаний служебных слов с самостоятельными словами, в том числе таких часто употребительных местоимений как **һеч, һәр, бәзи, гайи, бир**: һеч ким «никто», һәр бир «каждый», бәзи бир «некоторый», гайи бир «некоторый», бир мунчә «несколько».

В орфографировании сложных имен все еще много нерешенных вопросов. Фонетические особенности уйгурского языка, выражающиеся в постоянном тяготении к слиянию и стяжению звуков и звукосочетаний, в структуре сложных образований, в отличие от некоторых других тюркских языков, больше благоприятствуют принципу слитного, нежели раздельного написания, что хорошо иллюстрируется орфографией сложных глаголов.

Сложные глаголы. Во всех тех случаях, когда на стыке сочетающихся (основного и вспомогательного) глаголов происходят фонетические изменения (чередование, выпадение и стяжение звуков), эти глаголы пишутся слитно. К вспомогательным глаголам, которые при сочетании регулярно сливаются с основными, относятся эт-, ал-, ят-, ө- (еди, екән, емиш): кара – «смотреть» – қаравет (<кара-п-эт) «посмотри», қаравал

(<кара-п-ал) «возьми, осмотрев», караведи (<кара-п-еди) «он смотрел», «он взглянул», қараватиду (<қара-п-ят-а-ду) «он смотрит», көр – «смотреть» – көрүват (<көр-ип-эт) «смотри-ка», көрүвал (<көр-үп-ал) «бери, посмотри», көрүведи (<көр-уп-еди) «он видел», көрүватиду (<көр-уп-ят-а-ду) «он смотрит» и др.

Слитно оформляются также сочетания: а) основного глагола в деепричастной форме на -й, -а, -э с вспомогательным глаголом **бәр-, ал-**: ал – «взять» – аливәр- (<ал-а-бәр) «возьми», келивәр- (<кәл-э-бәр) «приходи, каравар- (<кара-й-бәр) «смотри», төләвәр- (<төлә-й-бәр) «да, заплаги»; б) основного глагола в форме будущего и прошедшего времен с вспомогательным глаголом **екән**: бол- «быть» – болидекән (<бол-а-ду-екән) «так бывает, будет», сөзлә- «говорить» – сөзләйдекән (<сөз-лә-й-ду-екән) «он будет говорить», бәр- «давать» – бериветиптекән (<бәр-ип-эт-ип- ту-екән) «он, оказывается, отдал», оқи «читать» – оқуветиптекән (<оқи-п-эт-ип-ту-екән) «он читал»; в) основного глагола в причастной форме на -ар, -эр, -р со вспомогательным глаголом еди: бар- «идти» – баратти (бар-ар-еди) «он ходил», бил- «знать» – биләтти (<бил-эр-еди) «он знал», сора- «спрашивать» – сораттим (<сора-р-еди-м) «я спрашивал»; г) сложного глагола в прошедшем времени со вспомогательным глаголом **екән**: чик- «выходить» – чикаттикән (<чик-ар-еди-екән) «он выходил, тур «стоять» – тураттекан (<тур-ар-еди-екән) «он стоял»; д) основного глагола в вопросительной форме с вспомогательным глаголом **с-** (**еди, екән**): кәл- «приходить» – келипмеди? (<кәл-ип-му-еди) «он разве пришел?», келиптимекән? (<кәл-ип-ту-му-екән) «пришел ли он?», кәлгәнмеди (<кәл-гән-му-еди) «приходил ли он?», кәлгәнмекән? (<кәл-гән-му-екән) «приходил ли он уже?»; е) производных глагольных форм со вспомогательным глаголом **е-** (**миш**): келиптәкмиш (<кәл-ип-ту-дәк-емиш) «говорят, что он пришел», кәлгидәкмиш (<кәл-гу-дәк- емиш) «говорят, что он придет» и др.

Во всех остальных случаях сочетание основного глагола с другими глаголами (жүрмәк «ходить», турмақ «стоять», олтармақ «сидеть», қилмақ, «делать», қалмақ «оставаться», бәрмәк «отдавать», көрмәк «видеть», кәтмәк «уходить», кәлмәк «приходить», қоймақ «ставить», чикмақ «выходить», чүшмәк «сходить» и др.) пишется раздельно, а фонетические изменения, происходящие на стыке слагаемых компонентов, не получают отражения на письме: ойнап жүрмәк «играть, поигрывать», қарап турмақ «смотреть», оқуп олтармақ, «читать», туруп қалмақ «остановиться», апирип бәрмәк «отнести», жүрүп кәтмәк «тронуться», «пойти», қарап бақмақ «смотреть», берип кәлмәк «сходить» и др.

В орфографии сложных глаголов имеются трудности, много моментов, требующим дальнейшего усовершенствования, особенно в части параллельного употребления кратких стяженных форм сложных глаголов с их полными развернутыми формами, что часто имеет место в языковой практике: бопқапту//болуп қапту «так случилось», апчикип (эчикип) бәр//елип.чикип бәр «вынеси», немә қилидеқинтан//немә қилиду екин таң «что же он хочет сделать», апириwәт//елип беривәт «огнеси ты» и др. Но из тех, практически оправданных правил орфографии, видно, что в уйгурском языке сильна развита тенденция к слитному написанию сложных глаголов.

Парные и парно-повторные слова. Все разновидности парных и парно-повторных слов в уйгурском языке имеют дефисное написание и оно в языковой практике вполне оправдывает себя: бала-жақа «дети», «домочадцы», тоху-туман «всякого рода домашние птицы», татлиқ-турум «сладости», қери-чүра «пожилые», мевә-чевә «фрукты», мал-варан «скот», қача-қомуч «посуда», егиз-пәс «возвышения», улук-қичик тинмақ «глубоко, неровно дышать», еғир-бесиқ «выдержанный», бара-бара «постепенно», аран-аран «еле-еле», чай-пай «чай и прочие напитки», қип-қизил «очень красный», колму-қол «из рук в руки», асирап-емүдәп «задыхаясь», елиш-бериш «взаимоотношение» и др. К таким парным словам примыкают так называемые парные выражения или парные сочетания, каждый из компонентов которых, в свою очередь, состоит из раздельнооформленных сочетаний и пишется через дефис: у яқ-бу яқ «та и эта сторона», у чәт-бу чәт «края», у йәр-бу йәр «там и тут», у ян-бу ян «та и эта сторона», он төрт-он бәш «четыренадцать-пятнадцать», ич қоюн-таш қоюн «панибратски» и др.

В орфографическом оформлении парных и парно-повторных слов, а также парных выражений обычно не отражаются фонетические изменения, происходящие между компонентами при их произношении. Среди парных и парно-повторных слов некоторые по традиции пишутся слитно и воспринимаются как слитные слова: коқат (<көк-от) «трава», ағина (<аға-ини) «приятель, друг», чегара (<чәк-ара) «граница», чакчак (<чак-чак) «шутка, насмешка, каккук (<как-кук) «кукушка», аппақ (<ап-ак) «белый-пребелый» и др. Есть и такие, которые в практике языка все еще имеют двойное написание: тәң-туш//тәңтуш «сверстники», от-яш//отяш «зелень» или неправильно воспринимаются как парные (ср. хәтир-жәм болмақ «быть вполне спокойным», восходит к иранскому хатерижәм «спокойный, успокоенный; хәтирици жәми қил «будь спокойным, уверенным»).

Правописание заимствованных слов

Заимствованные слова – арабские, иранские, китайские и русско-интернациональные – в процессе освоения их уйгурским языком претерпевают определенные изменения в соответствии с его фонетическими закономерностями. Но эти изменения, в зависимости от пути проникновения (через устную или письменную речь) и источника заимствования, а также продолжительности бытования, имеют разный характер и по-разному отражаются в письменной традиции. До последнего времени, например, в «орфографировании арабских и иранских заимствований значительное влияние имела арабописьменная традиция, согласно которой эти заимствования писались в форме, приближенной к орфографии языка-источника.

В новых правилах орфографии в отношении арабских и иранских заимствований сделаны следующие поправки; а) заменить **ф** в арабских и иранских словах звуком **п** (пәкәт вм. фәкәт «только», пән вм. фәнн «наука», мувапик вм. мувафик «соответствие»; б) использовать арабский аффикс прилагательного в форме -ий, -вий не только в словах арабо-иранского происхождения, но и при образовании некоторых советско- интернациональных слов (тарихий «исторический», әдәбий «литературный», ижадий «творческий», идеявий «идейный»); в) из трех сосуществующих вариантов персидско-таджикского префикса (бә-, би-, бе-), указывающего на отсутствие какого-либо качества или признака, употребляется лишь один вариант бе- (бекар «напрасный»; «напрасно», бетәрәп «нейтральный»; «нейтрально», бемәна «бессмысленно»; «бессмысленный»); г) в соответствии с особенностями уйгурского языка односложные арабские и иранские слова типа СГСС¹⁸, за некоторым исключением (например: шәрт «договор», дост «друг», мәрт «щедрый»), принято писать как двусложные, образуя второй слог при помощи узких **и**, **у** (хәлиқ вм. хәлқ «народ», пәриқ вм. пәрқ «разница», шәриқ вм. шәрқ, «восток», мүлүк вм. мүлқ «имущество»).

Орфографирование арабских и реже персидских слов, в которых встречаются буквы (айн) и (гайн), считается далеко не решенным вопросом: в одних случаях эти звуки передаются через гласные, в других – через согласные, а в третьих – просто опускаются; дуга «молитва», илим «наука», «учение», бәзи «некоторой», «некий», али «великий», «верховный», шаир «поэт», қайдә «правило» и др. Если же они соседствуют с гласным, то иногда оформляются через гласный **аа**, **әә** (саат

18 С – согласный, Г – гласный.

«часы», таам «пища», паалийәт «деятельность», тәәллуқ «относящийся, принадлежащий», тәәсуп «сожаление»). Арабские слова о (хамзой), прежде обозначавшейся апострофом, в новой орфографии передаются через **ь** (твердый знак): сурьәт «скорость», «темп», сәнъәт «искусство», сүнһий «искусственный», мәшгәл «факел», үнһәнә «традиция» и др.

В основу орфографии русско-интернациональных заимствований в уйгурском языке начиная с 1936 г.¹⁹ был положен принцип сохранения их орфографического начертания в русском литературном языке. Но этот принцип практическое осуществление получил только в новых орфографических правилах. Особого внимания заслуживают русско-интернациональные слова, оканчивающиеся на двойные согласные: а) слова, оканчивающиеся на согласные **нк, нг, мб, ск**, при дальнейшей аффиксации, как правило, принимают после себя протетический гласный **а**, в силу редукиции переходящий в узкий гласный **и** (танк – танкиға – танкиси; митинг – митингиға – митингидин; киоск – киоскиға – киоскида); б) слова съезд, поезд и др., в которых при дальнейшей аффиксации выпадает конечный согласный **д** (съез-и, съез-ға; поез-и, поез-ға, поез-дин); в) слова, оканчивающиеся на двойные согласные **сс, лл, мм**, где при присоединении к ним аффиксов, начинающихся с таких же согласных, последний согласный основы (**с, л, м**), во избежание скопления трех одинаковых согласных, опускается (процесс – процес-сиз, металл – метал-лар, грам – грам-му, ватт – ват-тин); г) при присоединении аффиксов, начинающихся с гласного, конечный **ь** (мягкий знак) слога в советско-интернациональных словах обычно опускается (руль – рул-и – рул-и-дин, токарь – токир-и – токир-и-ни). Во всех остальных случаях советско-интернациональные слова, подчиняясь лишь закону редукиции в конечных слогах, сохраняют свое русское произношение. Исключение из этих правил составляют слова, заимствованные в дореволюционный период и усвоенный уйгурами в устной форме. Они пишутся в той форме, в какой были заимствованы прежде: сот (<суд), облус (<область), гезит (<газета), пут (<пуд), үстәл (<стол), сәрәңгә (<серанка), дога (<дуга), божа (<вожжи), йермәнкә (<ярмарка), авақта (<гауфвахт), мәш (<печь) и др.

Правописание аббревиатур

Образование сокращенных терминов в уйгурском языке – явление новое, и в структуре сокращений все еще наблюдается разноречие: в одних случаях они сокращаются на основе уйгурского языка (АҚШ – Америка

¹⁹ См.: *Q. Aşurov*. Указ. соч.

Қошма Штатлири, БМТ – Бирлэшкән Милләтләр Тәшкилати), а в других – заимствуются из русского языка как готовые термины (КПСС, СССР, колхоз; партком). Определенная часть сокращенных терминов, заимствованных из русского языка, по своему составу совпадает с уйгурским языком: МТС – Машина-трактор станцияси, РСФСР – Россия Совет Федератив Социалистик Республикаси, партбилет – партия билети, пединститут – педагогикалик институт и др.

Принцип орфографирования сокращенных терминов и слов ничем не отличается от принципа принятого в русском языке: а) сокращения по первым буквам слов пишутся прописными буквами (МХР – Моңғул Хәлик, Республикаси, ТАСС – Советләр Союзиниң Телеграф Агентлиғи); б) в буквенно-слоговых сокращениях только первая буква слога пишется с заглавной буквы КазТАГ – Қазақ Телеграф Агентлиғи, КазПИ – Қазақ, педагогикалик институти); в) слоговое сокращение или смешанное сокращение «слог + слово» и наоборот пишутся строчными буквами (совхоз, комсомол, райсовет, партбилет).

Ко всем этим сокращенным словам словообразовательные и словоизменительные аффиксы присоединяются непосредственно, а к сокращенным названиям единиц измерений – посредством дефиса: **кг-ни** (вин.п.) «один кг.», **м-дин** «по одному метру», «из (от) одного метра».

Прописные буквы

Орфография прописных букв соответствует орфографии русского языка. Как указывается в новых орфографических правилах, с заглавной буквы пишутся: а) первое слово в предложении; б) все собственные имена и топонимические названия: Москва, Алмута, Волга, Омақ, Маһинур, Малик; в) первое слово названий книг, периодических изданий («Майимхан», «Коммунизм туғи»), государственных учреждений и министерств («Ават» колхози, Вагон ремонтлаш заводи «Вагоноремонтный завод», Геология млинистрилиғи «Министерство геологии»); г) первые слова официально употребляемых сложных терминов (СССР Али Советиниң Президиуми «Президиум Верховного Совета СССР», КПСС Мәркизий Комитети «Центральный комитет КПСС», Социалистик мғэк Қәһримани «Герой Социалистического Труда», д) названия планет (Ай «Луна», Күн «Солнце», Чолпан «Венера», Марс); е) некоторые нарицательные имена для выражения уважительного отношения: Сиз «Вы», Вәтән «Родина», Ана «Мать», Партия и др.

Структура свода орфографических правил

Новые правила орфографии уйгурского языка состоят из 13 основных разделов: 1. Правописание гласных звуков; 2. Чередование гласных звуков; 3. Правописание согласных звуков; 4. Чередование согласных звуков; 5. Правописание корневых слов; 6. Правописание слитных слов; 7. Правописание сложных глаголов; 8. Правописание парных слов; 9. Правописание сокращенных слов; 10. Правописание аффиксов: а) правописание некоторых падежных аффиксов, б) правописание притяжательных аффиксов, в) правописание аффикса множественного числа, г) правописание некоторых аффиксов словообразования; 11. Правописание служебных слов; 12. Правописание прописных букв; 13. Правила переноса слов.

Свод орфографических правил, довольно полно освещающий основные моменты правописания, на наш взгляд, нуждается в небольшом дополнении. Следовало бы добавить раздел, дифференцированно рассматривающий вопросы выпадения звуков, столь характерные для уйгурского языка, и раздел, посвященный правописанию советско-интернациональных слов.

Актуальные вопросы орфографии

Новые правила орфографии, отвечающие практическим требованиям языка, сыграли положительную роль в дальнейшем усовершенствовании письменных норм уйгурского литературного языка.

Однако было бы ошибочным думать, что проблема орфографической нормализации уйгурского литературного языка уже решена. Дальнейшее развитие литературного языка, наоборот, настоятельно требует постоянного его усовершенствования. Уже назревает необходимость в научном обосновании ряда орфографических правил, практически удобных, но теоретически далеко не отражающих специфические особенности фонетической системы современного уйгурского языка. В данном случае имеется в виду степень отражения в орфографии губной и лабиальной гармонии, последовательность проведения закона редукции, чередование и выпадение звуков. Усилия уйгурских лингвистов должны быть направлены на то, чтобы усовершенствовать орфографию с наибольшим теоретическим обоснованием, чтобы в ней было меньше исключений, какими изобилуют действующие орфографические правила.

При учете сложности уйгурской орфографии крайне необходимо дальнейшее изучение соотношении фонетического, морфологического и традиционно-исторического принципов. Определенный практический

интерес представляет проведение специальных исследований по орфографическим ошибкам учащихся.

К частным вопросам действующей орфографии, требующим уточнения, на наш взгляд, относятся: а) написание слова **тәрәккий** в сочетании **тәрәккий әтмәк** «развиваться» (окончание -ий формально совпадает с производительным аффиксом -ий (-вий), образующим прилагательные); б) научная аргументация письменного оформления слова **сәвәви** «потому что» вм. ожидаемого **сәви** (закон редукции здесь не теряет свою силу); в) обоснование различия в написании таких слов, как **қайдә** «правило», **айлә** «семья» к др., с одной стороны, и слов **лайиһә** «проект», **гайида** «иногда» – с другой; г) написание слов **бәдий** «художественный», **тәбий** «естественный», с одной стороны, и **қәтий** «категорически» – с другой, относящихся к разным частям речи (они в уйгурском звучат одинаково и, следовательно, должны иметь одинаковое написание: или как **тәбий**, **қәтий**, или как **тәбий**, **қәтий**); д) одинаковое написание таких словоформ, как **тонурум** – **тонури**, **нори** – **норуң** и **кинори** – **киноруң**, **польтори** – **польторуң**.

Вопросы пунктуации в уйгурском литературном языке разработаны далеко недостаточно. Первая попытка создать систематические правила пунктуации предпринята только в последнее время²⁰.

Опубликованные правила все еще находятся в процессе обсуждения, и выносить о них окончательное суждение преждевременно.

АН СССР Институт языкознания

Орфографии тюркских литературных языков СССР. (отдельный оттиск). Москва. Наука. 1973. с. 236-256.

О новой уйгурской орфографии

Развитие общелитературного языка прежде всего предполагает разработанную орфографию. Поскольку орфография опирается на существующую систему письма, то вопрос об ее пересмотре или усовершенствовании обычно ставится в тесной связи с письменностью. Так были разработаны «Правила» орфографии литературного языка уйгуров Советского союза в 1947 году¹, при переходе их с латиницы к русской графике.

С тех пор прошло около 15 лет. Указанный свод орфографических правил, хотя и сыграл значительную роль в формировании и стабили-

²⁰ См.: *И.Семетов*. Уйгур пунктуациясиниң қайдилири. «Коммунизм туғи», 4 марта 1960 г.

¹ *А.Шәмиева*. Рус графикиси асасида түзүлгән уйгур әдәби тһлиниң йени елипбә һәм имла қайдилири. Алматы, 1947.

зации литературной нормы уйгурского языка, в настоящее время во многом устарел. Немотивированность и непоследовательность отдельных правил, недифференцированность принципов, неполнота охвата всех случаев правописания привели к практическим затруднениям, которые с каждым годом становились ощутимыми. Это вполне естественно, так как с развитием грамматического строя языка и лексического состава усложняется и его орфография, появляются новые закономерности, обнаруживаются ранее неизвестные факты, требующие своего обобщения, уточнения и нормализации. Этими обстоятельствами вызвана необходимость существенного пересмотра действующих правил правописания уйгурского литературного языка.

В настоящее время вступили в свою силу новые «Правила орфографии уйгурского литературного языка»²; разработанные научным сотрудником отдела уйгурской филологии Института языка и литературы АН КазССР, кандидатом филологических наук Г. Садвакасовым. До официального утверждения в соответствующих правительственных органах эти «Правила» подвергались неоднократному обсуждению с привлечением широкого круга уйгурской интеллигенции, учительства, студенчества, а также ученых-тюркологов Казахстана и Москвы.

Таким образом, рассматриваемые новые «Правила орфографии уйгурского литературного языка» представляют собой теоретическое обобщение практических наблюдений как самого уйгурского языка, так и ряда родственных с ним языков.

В «Правилах», кроме основных вопросов правописания, рассматривается вопрос о порядке расположения букв уйгурского алфавита.

Многонациональные республики, принимавшие в 40-х годах новую письменность на основе русской графики, уже внесли соответствующие изменения в алфавитный порядок, по которому буквы, выражающие специфические фонемы того или иного национального языка, были расположены после основных графических знаков, на базе которых образованы диакретические (различительные) знаки (например, в казахском: қ, н. ұ).

В уйгурском же языке графемы специфических фонем до последнего времени оставались в том же порядке, в котором они были приняты

2 *Г. Садвакасов. Уйгур әдәбий тилиниң имла қайдилери. Алматы, 1960.*

раньше, т. е. в самом конце русского алфавита. Тем не менее, эти специфические фонемы уйгурского языка, как и в других тюркских языках, в артикуляционном отношении относительно близки к соответствующим фонемам русского языка. Например, фонемы а и ә – обе открытые, точнее, максимально нижнего подъема, но отличаются лишь по рядам: а – гласный заднего ряда, ә – переднего ряда; или фонема һ отличается от х придыхательностью, но обе они фрикативны, заднеязычного образования. Поэтому относительная фонетическая близость этих фонем вполне позволяет ставить выражающие их буквы в соседстве даже в том случае когда отсутствует между ними графическое сходство (имеется в виду здесь ә – образованная на основе е и һ – заимствованная из латиницы). Таким образом, следует признать правильным принятый новый алфавитный порядок уйгурского языка, где за а следует ә, и соответственно; г – ғ, ж – ж, к – қ, н –ң, о – ө, у – ү, х – һ. Подобные коррективы оправдываются как с точки зрения унификации национальных алфавитов, так и в смысле практического удобства.

Необходимо также отметить, что вопросы орфографии находят свое правильное решение только тогда, когда правильно определяются ее научные принципы. В этом отношении считаются вполне оправданным выбор фонетико-морфологического принципа применительно к правописанию в уйгурском языке. Однако к такому решению вопроса пришли не сразу.

В процессе обсуждения проекта указанных «Правил» по этому вопросу были высказаны различные мнения: одни, например, считали необходимым придерживаться чисто фонетического принципа, тогда как другие – морфологического или даже традиционно-исторического³. После неоднократных обсуждений этого вопроса признана необходимость совмещения фонетического и морфологического принципов, так как любой научный принцип правописания не может не исходить из специфических особенностей и общих закономерностей развития конкретного языка. Надо иметь в виду, что орфографические нормы должны быть установлены главным образом на основе учета действующих языковых фактов, а не спорадических явлений.

Сочетание двух (фонетического и морфологического) принципов, на которых базируется правописание уйгурского языка, как показывает практика многих родственных языков, считается вполне закономерным,

³ См. «Материалы совещания по вопросам орфографии и терминологии современного уйгурского литературного языка, состоявшегося в г. Алма-Ате, 28–30 ноября 1958 г.» (Рукопись хранится в Отделе уйгурской филологии ИЯЛ АН КазССР).

хотя определение ведущей роли одного из них вызывает споры. Правописание, основанное только на фонетическом или только на морфологическом принципе, привело бы ко многим затруднениям.

Так, фонетический принцип правописания, требующий от нас «писать так, как говорим», на первый взгляд кажется легким и потому заманчивым. Однако нельзя ограничивать себя его строгими рамками, потому что, во-первых, письменное оформление языковых единиц в точном соответствии с их реальным произношением считается фактически невозможным, во-вторых, нормы произношения уйгурского языка, в силу действующих в нем фонетических закономерностей (выпадение, сращение и др. звуковые модификации), не всегда отражают морфологическую суть слова, словосочетаний. Например, бар (есть; идти) произносится как ба, а бәр – как бә (дать, давать), төрт – төт (четыре), икки – шикки (два), буйрук – бурук (повеление, приказ), әкәлгинә – әкәнә (принеси-ка), елип бәр – епә (достань) и т. д. Эти моменты обычно способствуют дестимологизации языковых единиц и неправильному пониманию их морфологической природы, что безусловно, нежелательно в деле практического изучения языка. И, в-третьих, наблюдаемые в индивидуальных произношениях отклонения у представителей различных диалектов (и нередко одного и того же диалекта) уйгурского языка привели бы к разнобою в правописании. Например: жутурмак – жүтүрмәк – уштурмак (потерять, терять), утмак – уштмак; (выиграть, обыграть), бараттим – барайттим (я пошел бы) и т. д.

Надо заметить, что фонетический принцип правописания в уйгурском языке имеет большее распространение. Всевозможные изменения, происходящие в корне слов, производных основах и грамматических формах; последовательно отражаются на письме соответственно фонетическому принципу: кәл – келип (приходя), ат – ети (его имя, лошадь), бурун – бурни (его нос), бала – балилир-и (их дети), бол – бол-у-ду (будет) и т. д. По этому принципу сохраняет свое традиционное написание значительная часть простых и слитных слов: тағак (>гара-ғак) – расчески, оғак (>ор-ғак) – серп, өдәк (>ордәк) – утка, көмәч (>көммә аш) – лепешка, спеченная в золе, көмүконак (көммә конак) – кукуруза, тахтуш (>тахта беши) – полочки на стене, кокат (>көк от) – зеленая трава. Некоторые сочетания слов благодаря этому принципу получают слитное оформление; иначе говоря, наряду с полной, развернутой формой они имеют и стяженные формы: келип+ятиду – келиватиду (идет), чикип+ятиду – чикиватиду (выходит), көрүп болупту – көрүп бопту (уже посмотрел), шәһәрдә келипту – шәһәрдә капту (он остался в городе), турар еди – туратти (он бы жил), келәр едим –

келәттим (я бы пришел) и т. д. Подобное дублирование универбационных и синтагматических сочетаний наблюдается и в других языках.

В соответствии с морфологическим принципом, как известно значащие части слова (морфемы) пишутся всегда одинаково, благодаря чему сохраняются исходные морфологические формы, независимо оттого, как они произносятся. Этот принцип позволяет дифференцированно подойти к исходным формам тех или иных основ и грамматических показателей, что даст возможность устранить существующий разноречивой и орфографической параллелизм в их правописании. Например:

Исходная форма основы	Произношение	Написание
<i>атақ-лиқ</i>	<i>атағлиқ</i>	<i>атақлиқ</i>
<i>жирақ-тин</i>	<i>жирахтин</i>	<i>жирақтин</i>
<i>қуруқ-димақ</i>	<i>қуруғдимақ</i>	<i>қуруқдимақ</i>
<i>қар-и</i>	<i>(не қери)</i>	<i>қари</i>
<i>бар-имни</i>	<i>(не беримни)</i>	<i>баримни</i>
<i>керәк-лик</i>	<i>керәглик</i>	<i>керәклик</i>
<i>көк-ләм</i>	<i>көһләм</i>	<i>көкләм</i>
<i>ач-қуч</i>	<i>ашқуч</i>	<i>ачқуч</i>
<i>күч-лүк</i>	<i>күшлүк</i>	<i>күчлүк</i>
<i>көрүн-гән</i>	<i>көрүңгән</i>	<i>көрүнгән</i>
<i>бара-мән</i>	<i>баримә</i>	<i>баримән</i>

Или: *жасап* (а не *жаваб*), *бап* (а не *баб*), *азат* (а не *азад*), *жуган* (а не *жуван*), *жуга* (а не *жува*), *қайча* (а не *қача*), *хелә* (а не *хели*), *түлкә* (а не *тулки*), *бөрә* (а не *бөри*) и т. д.

Наличие в уйгурском языке ряда стабилизированных аффиксов (-и, -ни, -ниң, -ду, -сиз, -мән) играет определенную роль в проведении морфологического принципа правописания. Тем не менее, и этот принцип, подобно фонетическому, не всегда находит свое последовательное применение на письме. Например: не *мәктипим*, а *мәтивим* (моя школа), не *мишкапим*, а *мишкавим* (мой мешок), и наоборот, не *живи*, что следовало бы ожидать, а *жипи* (его нитка), не *кеви*, а *кепи* (его мешок, футляр), не *қулуви*, а *қулупи* (его замок), не *чевип*, а *чепип* (бегая, скача).

В связи с анализом новых «Правил уйгурской орфографии», необходимо остановиться еще на одном общем вопросе. Указанные

«Правила» составлены в соответствии с особенностями и состоянием развития языка уйгурского населения Советского Союза. Это видно из приведенных примеров в «Правилах», которые в фонетическом и, особенно, лексическом отношении отражают некоторые своеобразия языка советских уйгуров, претерпевающих благотворное воздействие со стороны русского и других народов нашей страны.

Известно, что язык уйгурского населения СССР в общем структурном отношении не отличается от языка уйгурского народа, компактно представленного в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР. Поэтому спорадически встречающиеся между ними языковые явления (диалектальные, терминологические) не могут отрицательно отозваться в общности и научных принципах орфографического кодекса, призванного быть вполне доступным и для зарубежных уйгуров, независимо от того, каким алфавитом они пользуются. Другими словами, вопрос об учете общих закономерностей и тенденции развития современного уйгурского общелитературного языка имеет немаловажное значение при разработке и дальнейшем усовершенствовании его орфографических правил. В новых правилах неплохо отражены эти общие моменты фонетико-морфологических законов уйгурского языка. Нельзя не отметить, что любая система рациональной орфографии, даже, так сказать, идеальные правила, ставящие целью фиксировать нормы литературного языка, не могут претендовать на полноту охвата всех случаев литературных явлений, не говоря уже о диалектальных различиях в языке. Вследствие этого новые, уточненные правила уйгурской орфографии не могут быть всеобъемлющими по той простой причине, что современный уйгурской литературный язык, как и многие литературные языки народов СССР, находится в стадии своего дальнейшего развития и всемерного обогащения, а по ряду грамматических и фонетических явлений – в стадии его становления. Поэтому правописание слов, оказавшихся за пределами «Правил», должно быть обусловлено лишь специальным орфографическим словарем.

Принятые «Правила» предусматривают правописание гласных и согласных звуков, корневых, слитных, парных, сокращенных и служебных слов, а также сложных глаголов и заглавных букв. Нет надобности останавливаться на характеристике всех этих вопросов, рассматриваемых в «Правилах». Мы хотим из них выделить наиболее существенные моменты, представляющие собой, на наш взгляд, определенный лингвистический интерес.

Следует отметить, что вопрос о позиционных взаимоотношениях и закономерностях чередований гласных и согласных звуков, по сравнению с прежней практикой, в данном своде орфографических правил получил свое освещение и дальнейшую детализацию, что, безусловно, способствует устранению существующего разнобоя в этой области. Укажем лишь на два-три случая. Так, например, благодаря строгой дифференциации позиционных положений звуков и их употребления выгодно отличаются правила о написании гласных е, о, ө. Ясно оговорено что, во-первых, в собственно уйгурских словах дальше первого слога они не встречаются (егә – обладатель, хозяин, отун – дрова, келәм – объем), поэтому вместо слышимого о или ө во втором и третьем слогах в обязательном порядке пишутся и или ү, что, в свою очередь, исключает существовавший донныне орфографический параллелизм тоху (не тохо) – курица, *тону* (не тоно) – тандырь, туму (не тумо) – грипп, насморк, полу (не поло) – плов, төмүнә (не төмөнә) – большая игла, төмүрчи (не төмөчи) – кузнец и т. д.; во-вторых, гласные е, о, ө дальше первого слога встречаются исключительно в производных основах (слитных и сложных образованиях, а также в заимствованных иноязычных словах): язвериң – пишите дальше, продолжайте писать, қариғожа – скворец, өпчәрә – кругом, вокруг, сода-сетиқ – торговля; или: чирко – церковь, шаңхо – шутка, насмешка, электрон – электрон и т. д.

Обычно звонкие согласные б, в, г, д, (за исключением: чиг, кув) в конце собственно уйгурских слов не встречаются; этой закономерности подчиняются все арабо-иранские заимствования: азап (не азаб) – мучение, ижат (не ижад) – творчество. Исключение составляют интернациональные слова и термины, но к ним присоединяются аффиксы, начинающиеся с глухого звука: клуб-қа – в клуб, клубу, завод-тин – из завода, педагог-қа – педагогу, архив-тин – из архива и т. д. При этом следует иметь в виду, что аффиксальные гласные являются гласными заднего ряда.

Вопрос о чередовании гласных и согласных в «Правилах» рассматривается в связи с такими характерными для уйгурского языка фонетическими явлениями, как регрессивная ассимиляция, редуция, лабиальная и губная гармония звуков, так как отдельные затруднения в правописании связаны с этими явлениями. Так, в силу обратного влияния индифферентного и гласные а, ә чередуются с е. Например: баш – беши (его голова, начало), әл – елим (моя страна). Но как показывают факты языка, этот закон не всегда последователен, т. е. есть и такие слова, в которых слогообразующие а, ә не подвергаются обратному влиянию

и: саз – сази – его музыка, мелодия, тар – тарим – мои струны, тәр – тәри – его лицо, облик, бәш – бәши – пять из них. Этот случай в «Правилах» обуславливается постоянством ударения, что считается теоретически мотивированным. Передупрощенность гласного *a*, *ә* последнего слога в двухсложных основах также объясняется наличием постоянного ударения на нем. Ср.: балá – ребенок, балисú – его ребенок, но балá – беда, балáси – его беда; аналогично этому: талáға (а не талиған – на улице, во двор, тохтáми (а не тохтими) – его решение, заключение, қалэгә (а не қалигә) – в город, городу, қәралi (а не қәрили) – его срок, Москвáдин (а не Москвидин) – из Москвы, кандидатi (а не кандидатити) – его кандидат и др.

Одним из спорных вопросов уйгурской орфографии является непоследовательность проведения губной и палатальной гармонии. В прежних «Правилах» вопрос о гармонии гласных был решен несколько паллиативно, т. е. в виду недифференцированности и уточненности границы действия этого закона часто нарушалась гармоничность гласных в общей морфологической структуре слов по их палатальному и лабиальному рядам. В новых «Правилах» мы находим несколько иное практическое решение этого вопроса. Так, к односложным словам с губным слогаобразующим гласным присоединяются аффиксы (за исключением стабилизированных) с губными согласными: қол-ум – моя рука, көз-үм – мои глаза, бур-ул – повернуться, толук – полный и т. д. Так же по палатальному ряду: бар – берипту – он сходил, ходил, там-тегим – капля, бил – билим – знание.

Закон губной и лабиальной гармонии значительно осложняется в многосложных словах и при дальнейшем изменении их морфологической структуры. Если в первом слоге многосложной основы имеется один из губных гласных, но замыкающий его последний слог состоит из негубного гласного, то к ним присоединяются аффиксы лабиального ряда, хотя в произношении, в силу прогрессивной ассимиляции, последний слог подвергается губному влиянию, например: кулақ – кулиғим (а не кулуғум) – мои уши, жүрәк – жүриғим (а не жүрүғүм) – мое сердце, сөзлә – сөзлимак (ане сөзлүмак) – говорить, ойлан – ойлиниш (а не ойлунуш) – имя действия от ойланмақ, бол-а – болиду (а не болуду) – будет, төгә – төгигә (а не төгүгә) – верблюд и т. д. Влияние губного гласного первого слога на качество гласного в замыкающем слоге фиксируется, когда последним является индифферентный *и*. Например: оқи – оқудум (а не оқидим) – я читал, тоши – тошудум (а не тошидим) – я переносил, қори – қоруйду (а не қорийду) – он охраняет и т. д. Таким образом, надо признать, что подобное решение вопроса по части гармонии гласных, даже при наличии некоторых погрешностей против

фонетической истины, находит свое практическое оправдание и фактически устраняет существующий разнобой в правописании.

В «Правилах» более детально представлено правописание советско-интернациональных слов и терминов; наблюдается новизна и в части написания заимствованных слов из других языков.

Принцип правописания интернациональных слов в их точном соответствии с формой именительного падежа русского литературного языка практически оправдал себя. Но не совсем гладко обстоит дело с правописанием этого ряда слов при их дальнейшем изменении на почве уже грамматического закона уйгурского языка. Поэтому в новых «Правилах» этот вопрос нашел свое конкретное отражение. Так, советско-интернациональные слова, а также топонимические названия, оканчивающиеся на двойные согласные нк, нг, мб, ск, мб, при присоединении к ним аффиксов принимают после себя «вставочный» беглый и: танк-и-дин – из танка, митинг-и-ға – на митинг, ромб-и-си – его ромб, Мурманск-и-дин – из Мурманска и др. И, наоборот, в словах, оканчивающихся на двойной сс, лл, мм, тд, последний звук (с, л, м, т, д) выпадает, когда к ним присоединяются аффиксы, начинающиеся с аналогичных звуков (-сиз, -си, -лар, -ма, -му, -тин, -та и т. д.). Например: процесс – процес-сиз – вне процесса, металл – метал-лар – металлы, грамм – бир грам-му – ни одного грамма, ватт – он ват-тин – по десяти ватт. Как видно, подобные правила вызваны в целях избежания стечения трех одинаковых гласных звуков (ллл, ссс).

Таким же образом определяется правописание усвоенных русско-интернациональных слов, как съезд, поезд, в которых при присоединении аффиксов опускается конечный д: съези (а не съезди) – его съезд; поезға (а не поездға) – поезду, Или: руль – рули (не рульи) – его руль, но роль-ни – роля, артель – артелиң (не артельиң) – твоя артель, но артель-дин – из артели. Таких конкретных правил достаточно много. Среди них некоторые выгодно отличаются и своей гибкостью. Имеется в виду здесь правописание таких русских слов, как облус – область, сот – суд, гезит – газета, үстэл – стол, йәрмәңкә – ярмарка, чөлмәк – челнок, сәрәңкә – серанка, которые вошли в уйгурский язык устным путем далеко до Октябрьской революции и претерпели значительные фонетические изменения.

В отношении правописания арабских, иранских, китайских и других заимствований в «Правилах» придерживается преимущественно фонетический принцип, отражающий устное произношение этих слов. Но эта вполне правильная тенденция иногда сталкивается с вековыми устоями письменной традиции, сложившейся на основе арабской

графики. В связи с этим мы часто наблюдаем большой разницей в написании, в частности, арабских слов с особым гортанным согласным (айн) и гортанным взрывным согласным, изображающимся в арабской графике специальным значком («хамза»). В одном случае эти произносимые арабские согласные заменяются, например, долготой на письме (маарип – просвещение, мэнпээт – выгода, интерес, таам – пища, трапеза, саат – часы, паалийэт – деятельность, тээллуқ – свойственный), в другом, в соответствии с нормой произношения языка, передаются беглым гласным и (хам эшия – сырье; миқияс – масштаб, пеил – глагол, қайдэ – правило, вәқиэ – случай, событие, муражиэт – обращение, шеир – стих), а в третьем случае обозначаются графически, разделительным твердым знаком (сүрзят – темп, сүний – искусственный, кәтий – категорический, сәнзят – искусство, мәшзәл – факел).

Определенную сложность до сих пор представляло правописание арабской⁴ формы прилагательного на -ий, -вий. Конечный й, являющийся «немым» признаком этой формы, в прежних «Правилах» обычно не фиксировался, хотя наличие его в произношении было вполне очевидным. Это положение привело к омонимическому совпадению двух грамматических форм, к смешению -и, -ви (фактического -ий, -вий) с формой местоименно-притяжательного аффикса 3-го л. и. Ср.: тарихи материализм – исторический материализм, и дөлэт тарихи — история государства.

Узаконение этой формы в уйгурском языке новыми «Правилами» должно быть принято одобрительно. Однако следовало бы научно мотивировать и уточнить границы ее употребления. Известно, что в арабском языке форма прилагательных на -ий^{юн}, -ви^{юн}, обозначает не понятие качества, а принадлежность, отношение к предмету, выраженному существительным, и т. д. Но в уйгурском, как и в некоторых тюркских языках⁵, этой форме придается расширенное значение суффикса образования относительных прилагательных, причем не только от существительных арабского происхождения, но и от усвоенных иранских советско-интернациональных слов: шәхсий – личный, частный, йдевявий – идейный, партиявий – партийный. Поэтому подлежит уточнению формулировка § 46 «Правил». Было бы целесообразнее дифференцировать случаи, когда указанная форма образует относительное прилагательное от самостоятельных корневых слов (типа: тарих – тарихий, ижат – ижадий, роһ – роһий, хусус – хусусий, мәнэ – мәнэвий, идея – идеявий) и случаи, когда она является неотделимой частью формы слова, где выделение -ий, -вий как аффикса возможно только

4 Это форма имеется и в иранских языках.

5 А.К.Боровков. К вопросу узбекской орфографии. Сб.: «К вопросам узбекской орфографии и терминологии». Ташкент, 1952, стр. 10–11.

искусственно. Например; сиясий (а не сияс-ий) – политический, миллий (не милл-ий) – национальный.

Некоторую оговорку требует употребление этой формы с такими основами, как мадда – мадий – материальный, адди – аддий – простой, а также написание собственных имен и фамилий в форме: Махмут Қашқәрий, Лутфий, Рози Қадирий и др. Едва ли можно уложить все эти случаи в одно правило, не учитывая особенности каждого из них.

Наиболее спорным вопросом уйгурской орфографии следует признать вопрос о правописании сложных слов. Все споры и разногласия в этой области в конечном счете связаны с теоретической неразработанностью самого принципа раздельного или слитного написания сложных слов. Этот вопрос по существу является предметом изучения лексикологии. Однако мы часто сталкиваемся с ним на почве их правописания. Но «Правила» орфографии не есть теоретическое исследование, поэтому они чаще удовлетворяются практическим решением вопроса.

Следует констатировать, что в письменной практике многих тюркских языков до последнего времени имело место стремление к слитному написанию самых различных форм сложных слов. В одном случае оно мотивируется, оправдывается семантическими или фонетическими соображениями, а в другом – просто-напросто ориентацией на русские правила правописания сложных слов. Безусловно, подобное механическое, ничем не оправданное, перенесение правил одного языка в правила другого языка не дало положительных результатов. Ср. каз.: темір жол (раздельно) – железная дорога, но теміржолшы (слитно) – железнодорожник.

В указанных же «Правилах», главным образом учитывается тенденция раздельного написания сложных слов. Например: һеч ким – никто, һеч қандақ – никакой, һәр дайим – всегда, бир аз – немного, чүть, гайи бир – некоторый и др. Несмотря на это, нельзя было не учитывать и такие факты, как отсутствие номинативного значения и самостоятельности отдельных компонентов сложных слов, об их идиоматичности, а также фонетической спаянности и цельнооформленности, достигнутые в результате исторического развития. Все это служит мотивом для слитного написания определенного разряда сложных слов. Например: ләйлиқазак – степной мак, қарикат – черная смородина, ақсақал (не ақсақал – белая борода) – старший, почетное лицо, текисақал (ане текә сақал – козлиная борода) – молочай, көкташ (не көк таш – зеленый камень) – медный купорос, арай (из ара ай) – старое название месяца; немишкә (из немә ишкә) – почему и др. Сюда относится и написание личных имен и топонимических названий типа: Тохтибақи, Һәмра-бүви, Ярқәнт, Ақсу и др.

Итак, следует отметить, что новые «Правила орфографии современного уйгурского литературного языка» вносят определенный вклад в дело развития уйгурского языкознания. В то же время они не претендуют на полноту охвата всех случаев уйгурского правописания и всех закономерностей, вытекающих из него, радикальное решение которых в настоящее время нельзя требовать, так как оно связано со всесторонним исследованием и детальным описанием фонетики, морфологии и синтаксиса уйгурского языка, как в плане его литературного, так и в плане диалектального бытования.

*АН КазССР Серия филологии и искусствоведения
Выпуск 3(15) (отдельный оттиск)
Алма-Ата, 1960. с. 86-93.*

Краткий грамматический очерк уйгурского языка Алфавит

Алфавит языка уйгуров Советского Союза, разработанный на основе русской графики и принятый в феврале 1947 года, состоит из 41 буквы: А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я, Қ, Ң, Ғ, Ү, Ө, Ж, Ә, Һ.

Буквы **қ, ң, ғ, ү, ө, ж, ә, һ** обозначают звуки, которые отсутствуют в русском языке и употребляются в собственно уйгурских, а также фонетически усвоенных заимствованных словах из арабского (дөләт «государство»), персидского (гөш «мясо»), китайского (чэйзә «баклажан»), русского (үстәл «стол») и других языков. Буквы **ё, ф, ц, щ, ь, ы, ь, э** встречаются лишь в словах, заимствованных из русского языка или через него (ёлка, фабрика, цех, щетка, ноль, сыр, съезд, элеватор).

Фонетическая структура звуков

Гласные

В современном уйгурском языке имеются 10 гласных звуков, которые могут быть классифицированы по трем основным признакам:

- а) по степени раскрытия рта или подъема челюсти на широкие: **а, е, о, э, Ө, ә**; узкие: **и, у, ы, ү**;
- б) по положению языка на передние: **у, Ө, ә**; задние: **а, о, у, ы, э**; индифферентные: **е, и**;
- в) по степени участия губ на губные: **о, у, ү, Ө**; негубные: **а, е, и, ы, э, ә**.

Согласные

В уйгурском языке имеется 26 согласных звуков: б, в, г, д, **ж**, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, **ф**, х, ц, ч, ш, щ, **қ**, **ң**, **ғ**, **ж**, **һ**.

Все согласные по месту и способу образования составляют следующие разряды:

а) по месту образования:

губно-губные: **б**, м, п;

губно-зубные: в, ф;

переднеязычные: **н**, л, д, т, з, р, с, **ж**, ч, ш, щ, ц, **ж**;

среднеязычные: **г**, к, й;

заднеязычные: **қ**, х, **ң**;

велярно-гортанные: **ғ**, **һ**.

б) по способу образования:

сонорные 1) носовые: м, н, **ң**;

2) плавные: л;

3) дрожащие: р;

шумные 1) смычные: **б**, п, д, т, г, к, қ;

2) проточные: **в**, **ф**, з, с, **щ**, **ж**, ш, й, **ғ**, х, **һ**;

3) аффрикаты: ц, ж, ч.

Фонетические закономерности уйгурского языка

Сингармонизм

Закон гармонии гласных в уйгурском языке представляет собой объединение гласных звуков по принципу небности и огубления. Этот закон, носящий в отдельных родственных языках абсолютный характер, в уйгурском языке отражен непоследовательно. По степени реализации небной и губной гармонии он занимает промежуточное положение между сингармоническими (напр., киргизским) и не сингармоническими (напр., узбекским) языками.

Небная (**палатальная**) **гармония** представляет собой согласование гласных звуков корня и аффикса по признаку их небности. Например: бил-им «знание», пәләмпәй «лестница», «ступеньки», тала-ға «на улицу», хәлиқ-ләр-ниң «народов».

Однако закон палатальной гармонии гласных в уйгурском языке носит неустойчивый характер, о чем свидетельствует двойное произношение таких слов, как әхлақ-ахлақ «нравственность», әһвал-аһвал «положение», адәм-эдәм «человек», әһаң-аһаң «мелодия» и т.

Одной из характерных особенностей фонетики уйгурского языка является то, что под влиянием узкого ударного и второго слога широкие гласные а, ә основы переходят в е. Например: ат «лошадь», етим «моя лошадь», баш «голова», беш-и «его голова», ал «возьми», ел-иң «возьмите». В много сложных словах обратное влияние узкого гласного и распространяется только на предшествующий ему слог основы (бала – бали-си, а не бели-си, тәләп – тәлив-и, а не телив-и, көргәзмә – көргәзми-си, а не көргизми-си, кәт – кет-ип, кетив-атимән, тағақ – тағиғ-им, тағиғим-ниң).

Однако обратное влияние узкого гласного и на широкие а, ә нейтрализуется в тех случаях, когда между ними образуется барьер-стечение согласных. Например: ал-ди «он взял» (а не ел-ди), кәт-кин «уходи» (а не кет-кин), аст-и (а не ест-и) «его нижняя сторона», шәрт-и (ане шерт-и) «его условие». Обратное влияние узкого гласного и не распространяется также на гласные а и ә некоторых односложных слов: сан «число», сан-и (а не сен-и) «его число», шан «величие», шан-и (а не шен-и) «его величие». Наличие в языке таких исторически сложившихся лексем, как белиқ «рыба», терик «просо», ерик «арык», серик «желтый», и двойственных форм, как әқил и еқил «ум», нәтижә и нетижә «результат», ағиз и еғиз «рот», следует рассматривать как результат обратного влияния узкого гласного и.

Губная (лабиальная) гармония проявляется в уйгурском языке в том, что при присоединении некоторых простых словообразовательных, словоизменительных аффиксов к односложным словам с корневым губным гласным или к двусложным и многосложным словам, где во всех слогах или в последнем слоге имеются губные гласные, гласные у последних огубляются. Например: күн-лүк «зонт», көз-үң «твои глаза», йол-уқ «встречаться», тур-уң «встаньте», жүр-үң «пойдемте», комуч-лук «заросли камыша», тоху-рум «моя курица», янчуғ-ум «мой карман».

Прогрессивное влияние губных о, ө, ү начального слога распространяется и на широкие а, ә в последующих закрытых слогах. Например: кулак-қулуғум «мои уши», булак-булуғум «мой родник», бола-болуду «будет», тура-туруду «стоит», укма-укмудум «не понял».

При присоединении к односложным глаголам с корневым губным гласным словообразовательных глагольных аффиксов **-дар, -дәр, -тар, -тәр, -газ, -гәз, -каз, -кәз** гласные у последних часто произносятся дво-яко: могут огубляться и не огубляться: например сун-дар (и сун-дур)

¹ Регулярный переход «ә» в «е» в односложных основах глагола следует рассматривать как одну из разновидностей явления обратного влияния широкого «ә» аффикса. Например: кәл-әр – кел-әр, бәр-әмсән – бер-әмсән.

«сломать», күлдөр (и күл-дүр) «смешить», тол-тар (и тол-тур) «наполнять», өс-тәр (и өс-түр) «выращивать», көч-әр (и көч-үр) «переписать», тур-ғаз (и тур-ғуз) «поднимать».

Огубляющее обратное влияние губных гласных «у», «ү» в уйгурском языке мы встречаем в двусложных словах, принявших уже стабилизированную форму. Например: хатун-хотун «жена», «женщина», яруқ-йорук² «свет», «светлый», арук-орук «худой», азуқ-озуқ «пища», «провизия», «продовольствие», тәшүк-төшүк «дыра».

Уйгурскому языку не присуща строгая последовательность действия губной гармонии, вследствие чего не может быть образован единый звуковой комплекс, абсолютно выдержанный по лабиальному ряду, что имеет место, например, в киргизском языке: тоолорго «горам», түлкүнү «лисицу» (сравн. уйг. түлкүни, гүлниц, көрүкниц).

Редукция гласных

Закон редукции гласных в уйгурском языке прослеживается в трех случаях:

а) в значительно кратком произношении узкого гласного «и» водносложных, двусложных словах или в начальном и конечном слогах производных основ: б^нр³ – (один), т^нз – (расставь). с^нз «вы», б^нрақ «но», б^нлим «знание», ч^нрай «лицо», шәр^нқ «восток», пәр^нқ «разница», «различие», вақ^нра «кричать», алд^нра «торопиться»;

б) широкие гласные **а, ә** последнего слога основы, попадая в позицию между слабым и сильным ударением, редуцируются и переходят, в зависимости от качества гласных основы, либо в узкий негубной и либо в узкие губные **у, ү**: байқа «замечать» – байқи-дим «я заметил», әйлә «дубить» – әйли-ди «дубил», ойна «играть» – ойнудум «я играл», сөзлә «говорить» – сөзлү-дүң «ты говорил», жүрек «сердце» – жүрүгүм «мое сердце». Беглый гласный **и** в позиции между двумя и при экспрессивном произношении слова обычно выпадает, что не отражается на письме: балла (балилар) «дети», калла (калилар) – «коровы»;

в) присоединение к некоторым двусложным словам аффиксов, начинающихся с гласного звука, приводит узкие гласные **н, у, ү** к редукции и выпадению: сиңил-сиңлим «моя младшая сестра», орун-орни «его место», бурун-бурни «его нос», көңүл-көңли «его настроение».

2 Это явление рассматривается как следствие ретроспективного влияния слогообразующих «у», «ү» в аффиксах -ук; -үк, которые, кстати, в этой форме встречаются в древнейуйгурских письменных памятниках.

3 петитный **и** означает редуцированный гласный **и**.

Ассимиляция

Ассимиляция (уподобление согласных) в уйгурском языке наблюдается лишь на границе двух соседних согласных, не оказывая, за редким исключением, влияния на другие ряды согласных слова. Ассимиляция прослеживается как на стыке замыкающего согласного корня и начального согласного аффикса производных основ, формирующихся на наших глазах, так и внутри звуковых комплексов, исторически оформившихся в виде цельных лексем. Например: асқак «хромой», учқун «искра», тахтай «доска», буғдай «пшеница», тәскәй «северный склон горы», патқақ «болото», «грязь», гәвдә «грудь», чакқан «живой», «энергичный», азгал «лог», «ложбина». В этих примерах соседствующие согласные **ск, чк, хт, ғд, ск, тк, вд, кк, зг** составляют или глухую или звонкую пары.

В зависимости от различных фонетических условий одни согласные оказываются сильнее других, уподобляя их себе по своему звучанию, другие же согласные остаются слабыми, пассивными и ассимилируются. В этой связи ассимиляция согласных может действовать как в *прогрессивном*, так и *регрессивном* направлениях, а по степени уподобления согласных она может быть *полной* и *частичной*.

Поскольку сонорные **р, л, м, н** не имеют своих глухих пар, то они могут сочетаться как со звонкими, так и с глухими согласными. Например, аффиксы с начальным сонорным согласным и в одинаковой степени могут присоединяться к основам, оканчивающимся как на звонкий, так и на глухой согласный. Сравним:

(казахские)

жас-тық
ат-тар
бес-тік
жүп-те

(уйгурские)

яш-лиқ – молодость
ат-лар – лошади
бәш-лик – пятерка
жүп-лә – удваивать

Согласные **к** и **г** стоят при гласных переднего ряда (керәк «нужно»), **қ** и **ғ** – при гласных заднего ряда (қамча «кнут»). Подобное явление в уйгурском языке имеет частичное нарушение: кор «слепой», канн «рудник», кархана «мастерская», кодаң «яма», кам «недостаточно», суғак «штукатурка», қәдәм «шаг», қәләм «ручка», қәмбәгел «бедняк».

Чередование согласных

Наиболее характерным условием чередования согласных в уйгурском языке является соседство узких **и, у, ү**, а иногда и широких **а, ә**. Укажем на следующие характерные типы чередования согласных:

қ – ғ: атак-и – атиғи «его слова», аяқ-им – айғигим «моя нога»;

к – г: эмгэк-им – эмгигим «мой труд», өтүк-и – өтүги «его сапоги», жәйнәк-им – жәйнигим «мой локоть»;

п – в: китап-им – китавим «моя книга», сәвәп-и – сәвәви «причина», мәктәп-и – мәktivимиз «наша школа».

п – б: равап-и – раваби «его равап», әсвап-и – әсваби «его инструмент».

В односложных словах чередование **қ – ғ, к – г**, а также **п – б** – в почтине наблюдается: оқи «его пуля», көзницә қи «бельмо на глазу», көкүч «синеватый», бөкүм «мой головной убор», гепи «его слова».

Выпадение согласных

Выпадение согласных – характерное явление для фонетики уйгурского языка и считается нормой литературного произношения. К числу выпадающих согласных относятся сонорные **р, л, н**, менее регулярно выпадают **й, п, в, т**.

Выпадение **р** наблюдается во всех слогах (кроме начальной позиции) корневых и производных основ: база(р)⁴ «базар», төмү(р) «железо», балнла(р) «дети», ә (р) кәк «мужчина», тө (р) т «четыре», қа (р) ға «ворона», ба(р)му «есть ли», тә(р)лимәк «потеть». «Р» не пишется лишь в тех немногочисленных словах, фонетическая структура которых стабилизировалась исторически. Например: тағак (тарғак) «расческа», ома (орма) «жатва», оғак (орғак) «серп», мажан (маржан) «бусы», қосак (қорсак) «живот».

Выпадение **л** наблюдается во всех слогах (кроме начальной позиции) корневых и производных основ. Например: кә(л) «приходи», бо(л)саңчу «скорее же», тапа (л) мидим «не нашел», «не мог разыскать».

Систематическое выпадение **н** наблюдается в парадигме категории сказуемости и реже – в исходе слова, завершающегося на -нт. Например: мән алимә(н) «я возьму», сән барисә (н) «ты пойдешь», кә(н)т «сахар», Йәркә(н)т «Джаркент».

Выпадение **й** происходит, главным образом, перед сонорным «р». Например: саримақ (сайримақ) «петь (о птицах)», қаримақ (қайримақ) «сгибать», қуруқ (қуйруқ) «хвост», буруқ (буйруқ) «приказ», «повеление», Һола (һойла) «двор».

4 На письме не отражается.

Выпадение согласных иногда затрагивает и соседствующие гласные звуки и происходит как бы сложное фонетическое изменение в структуре слова и словосочетания. Например: евагин (еливалгин) «забери», где выпало **ли, л**; епагин (елип бәргин) «подай», где выпало **ли, р**; кокма (қорукма) «не бойся», где выпало **ру**; хәк (хәлиқ) «люди», «народ», где выпало **ли**; мәлә (мәһәллә) «село», «деревня», где выпало **һәл, бөк** (бөрүк) «тубетейка», «головной убор», где выпало **рү** и др.

Слог

Система слогов уйгурского языка представлена группами открытых и закрытых слогов. Каждая из этих групп, в свою очередь, имеет несколько разновидностей:

I. Открытые слоги:

- а) г⁵: а-па «мама», а-ка «старший брат», и-ни «младший брат»;
- б) с – г: ча-на «сани», ка-ла «корова», та-ла «поле», «степь».

II. Закрытые слоги:

- в) г – с: өз «свой», ал-тун «золото», ақ-ча «деньги»;
- г) с – г – с: таш «камень», қил «делай», пай-пақ «носок», «чулок»;
- д) г – с – с: арт- «навьючить», өрт «пожар», ейт – «рассказать».
- е) с – г – с – с: шәрт «соглашение», қайт – «вернуться», «возвращаться», тарт – «тянуть».

Ударение

Ударение в уйгурском языке различается как динамическое, фиксируемое в словах, и тоническое (или музыкальное), фиксируемое во фразах.

Динамическое ударение в многосложных словах имеет два силовых полюса: слабый и сильный. Слабое ударение, фиксируемое на первом слоге слова, является постоянным, тогда как сильное ударение, фиксируемое на последнем слоге, является подвижным и, по мере нарастания слога путем аффиксации, переходит на последний слог. Например: һәрә – һәри-дә – һәри-ди-мәк – һәри-ди-мәк-чи – һәри-ди-мәк-чи-миз.

Однако в уйгурском языке имеются некоторые слова, заимствованные из арабо-иранских языков, ударение в которых является постоянным. При присоединении к таким словам аффиксов ударение не переходит на конечный слог слова.

В некоторых заимствованных словах, например, ввиду постоянности ударения, последний слог обычно не подвергается редукции, что

5 с – обозначает согласные, г – гласные.

находит свое отражение и на письме. Например: бала «беда», бала-ға «беде», падиша «царь», падишә-ға «царю», худа «бог», худа-ға «богу», Москва – Москваға «Москве», Москвадин «из Москвы».

В уйгурском языке также наблюдается **квантитативное ударение**, длительность которого достигается выпадением, главным образом, сонорных согласных **р, л, н**. Например: ба(р) «иди», экә(л) «принести», бә(р)мидим «я не дал», ойна(й)вәр «играй себе».

Служебные элементы языка (послелого, модальные слова, частицы), в зависимости от того, принимают ли на себя самостоятельное ударение или же обслуживаются ударением самостоятельных слов, находятся в положении или энклитики или проклитики. Например: әң яхши «самый хороший», кәлди-му? «пришел ли?» мән-ғу билмәптимән, сән-чу? «я то не знал, а ты что?», сап-серик «желтый-прежелтый».

Тоническое **ударение** служит средством логического выделения как отдельного слова, так и группы слов. Как известно, не все слова динамической речи наделяются самостоятельным слоговым ударением. В зависимости от грамматических функций, а также акцентуационной специфики два, три и более членов предложения иногда объединяются одной общей ритмической мелодией. К таким акцентуационным комплексам относятся: а) парные и парно-повторные слова (өй-варан, пат-пат); б) сложные топонимические названия (Иманбайтоқай, Тәшкәнбайсаз); в) идиомы (дәхил йәткүзмәк, покандәк қизирип кәтмәк, тутуш қилмақ); г) определительные сочетания самостоятельных слов с послелогоми (барған сири, шунуң үчүн, һәр дәм).

Тоническое ударение, с другой стороны, тесно связано с экспрессивными оттенками отдельных слов и фраз, с интонациями утвердительно-повествовательных, вопросительных и восклицательных предложений.

Грамматический строй уйгурского языка

Морфология

В уйгурском языке, как и в других тюркских языках, формообразование происходит путем последовательного присоединения к основе словообразовательных и словоизменяемых аффиксов. Ему не свойственно префиксальное словообразование.

Структура уйгурских слов

Но своему морфологическому составу уйгурские слова делятся на первичные, производные и сложные.

Первичные, состоящие только из корня, большей частью бывают односложными и двусложными: ат «лошадь», са «коршун», йә «кушать», маң «идти», «ходить», ара «вилы», аяқ «нога», йәттә «семь».

Производные, образующиеся путем присоединения к основе различных словообразовательных элементов, пат-как «грязь», «трясина», йолдаш «товарищ»; бил-им-чан «ученый», «знающий»; кара-қ-чи-лик «разбойничество», кур-аш-тур «составлять».

Сложные слова в уйгурском языке представлены в трех структурных группах: **слитных, парных и сокращенных слов.**

Слитные слова, представляющие собой определительное сочетание двух и более слов, превратившиеся в одну семантически цельную лексическую единицу. Процесс формирования слитных слов обычно сопровождается фонетическими изменениями компонентов.

Например: көкташ «медный купорос» (из көк-таш – голубой камень), кизилгүл «роза» (из кизил-гул – красный цветок), айпалта «секира» (из ай-палта – луна-топор), төгикуш «страус» (из төгә-куш – верблюд-птица), бүгүн «сегодня» (из бу-күн – этот день), тохсэн «девяносто» (тоққуз-он – девять), кокат «трава» (из көк-от – зеленая трава).

Парные слова по своим структурно-словообразовательным признакам делятся на:

1) собственно парные, например: ата-ана «родители», егичә-сиңил «сестры», аман-есән «благополучно», хошна-холум «соседи», дап-дум-бақ «ударные музыкальные инструменты», әски-түски «старье», уш-шак-чүшәк, парчә-пурат «мелочь», «шурум-бурум»;

2) парно-повторные, например: пат-пат «частенько», қатар-қатар «рядом», зиң-зиң «стрекоза», аран-аран «еле-еле», китап-митап «книга и тому подобное», мевә-чевә «разного рода фрукты», вараң-чураң «шум и гам», бара-бара «постепенно», «со временем», аз-аздин «понемножку», йәкму-йәк «один на один», қап-қара «черным-черно», яп-йешил «очень зеленый».

Сокращенные слова. В уйгурском языке сокращенные слова заимствуются из русского языка: СССР, КПСС, ВЛКСМ, ЦК, колхоз, совхоз, профсоюз и т. д.

Части речи

По своим лексико-грамматическим значениям, морфологическим особенностям и синтаксическим функциям все слова уйгурского языка делятся на две большие группы: знаменательные и служебные.

Знаменательные слова делятся на:

а) имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, наречия, междометия и подражательные слова.

б) глаголы.

Глаголы, кроме лексических разрядов (глаголов бытия, движений, деятельности лиц во времени и т. д.), имеют также свои функционально-грамматические формы: а) субстантивные (имена действия), б) атрибутивно-определительные (причастия), атрибутивно-обстоятельственные (деепричастия).

К служебным словам относятся: а) частицы, б) модальные слова, послелого и г) союзы.

Способы словообразования

Основными способами словообразования в современном уйгурском языке являются: а) морфологический – образование новых слов путем аффиксации; б) синтаксический – образование новых слов путем словосложения, удвоения и повторения основ.

Имя существительное

Морфологический способ. Имена существительные могут быть образованы от основ различных частей речи при помощи словообразовательных аффиксов.

Имена существительные образуются от именных основ посредством поледующих основных аффиксов:

-чи: өтүк «сапог» – өтүк-чи «сапожник», ялған «ложь» – ялғанчи «лжец», чақчак «шутка» – чақчак-чи «шутник»;

-лик (-лик, -лук, -лүк): баш «голова» – баш-лик «руководитель», бәш «пять» – бәш-лик «пятерка», яхши «хороший» – яхши-лик «доброта», ай «месяц» – ай-лик «зарплата»;

-чилик (чилик): ипәк «шелк» – ипәк-чилик «шелководство», декан «дехканин» – дехан-чилик «земледелие», эрзән «дешёвый» – эрзәнчилик «дешевизна»;

-даш (-дәш): заман «время, эпоха» – заман-даш «современник», вәтән «родина» – вәтән-даш «соотечественник», йол «дорога» – йолдаш «товарищ», пикир «мнение» – пикир-даш «единомышленник»;

Следующие аффиксы являются непродуктивными:

-лак (боти-лак «годовалый верблюжонок», тай-лак «двухгодовалый верблюжонок»), -хор (чай-хор «любитель чая», қанхор «кровопийца»); -ваз (тамаши-ваз «любитель веселья», кәклик-ваз «любитель боя куро-

патоқ»); -дар (тэрэп-дар «сторонник», кэриз-дар «должник»); -мэн, -вэн (һүнэр-мэн «ремесленник», бағ-вэн «садовник»); -кар, -гэр (пахти-кар «хлопкороб», хизмэт-кар «служащий», соди-гэр «торговец», жоди-гэр «колдун»); -шунас (тил-шунас «языковед», шэриқ-шунас «востоковед»); -пэрвэр (инсан-пэрвэр «гуманист», вэтэн-пэрвэр «патриот»); -хана (китап-хана «библиотека», аш-хана «столовая»); -стан (Өзбэк-стан «Узбекистан», кэбир-стан «кладбище»): **-дан** (шам-дан «подсвечник», күл-дан «пепельница»); -зар (гүл-зар «цветник»).

Имена существительные образуются от глагольных основ посредством следующих основных аффиксов:

-ғуч (-гүч, куч, күч): ач «открывать» – ач-куч «ключ», бөл «делить» – бөл-гүч «делитель», қир «скоблить» – қир-ғуч «скребок»;

-ғучи (-гүчи, -кучи, -күчи): яз «писать» – яз-ғучи «писатель», оқут «учить» – оқут-қучи «учитель»;

-ум (-үм, -им, -м): боғ «завязывать» – боғ-ум «слог», өл «умереть» – өл-үм «смерть», тиз «поставить в ряд» – тиз-им «список», тохта «остановиться» – тохта-м «постановление»;

-ук (-үк, -иқ, -ақ, -эк, -к, -к): ут «выиграть» – ут-ук «выигрыш», қат «твердеть», «сгущаться» – қет-иқ «простокваша», ят «ложиться» – ят-ақ «общежитие», боя «красить» – боя-қ «краска», тирэ «подпирать» – тирэ-к «подпорка»;

Следующие аффиксы являются непродуктивными: **-ка**, **-ға**, **-кә**, **-гә** (ас-қа «вешалка», күл-кә «смех», сүпү-гә «веник»); **-ма**, **-мә** (тарт-ма «выдвижной ящик стола», қоллан-ма «руководство», бөл-мә «комната», сүз-мә «творог», көргәз-мә «выставка»); **-мақ**, **-мәк** (куй-мақ «оладьи», терик-кәк «злюка»); **-қун**, **-күн** (уч-қун «искра», кәл-күн «наводнение»); **-муш**, **-мүш**, **-миш** (тур-муш «житьё», «быт», өт-мүш «прошлое»).

Синтаксический способ. Имена существительные, образованные этим способом, делятся па слитные, парные и парно-повторные.

Слитные существительные большей частью образуются путем сочетания:

а) двух существительных: бәлбағ «пояс» (из бәл «талия» и бағ «перевясло»), ташпақа «черепаша» (из таш «камень» и пақа «лягушка»), айпалта «секира» (из ай «луна» и палта «топор»);

б) прилагательного и существительного (и наоборот): ақсақал «аксакал» (из ақ «белый» и сақал «борода»), ақсүйәк «аристократ» (из ақ «белый» и сүйәк «кость»), қарөрүк «слива» (из қара «черный» и өрүк «вудюк»);

в) существительного и глагола (и наоборот): башкесәр «головорез» (из баш «голова» и кесәр причастие от кәс «резать»); янартағ «вулкан» (из янар причастие от ян «гореть» и тағ «гора»), учарқанат «пернатые» (из учар причастие от уч «летать» и қанат «крыло»);

г) числительного и существительного, числительного и глагола: тоққузкөз «крестец» (из тоққуз «девять» и көз «глаз»), онбеши «десятник» (из он «десять» и баш «голова»), бәшатар «пятизарядная винтовка» (из бәш «пять» атар причастие от ат «стрелять»), алтатар (из ал тәатар «револьвершестизарядка»);

д) двух глаголов: елипсатар «спекулянт» (из елип деепричастие от ал «брать» и сатар причастие от сат «продавать»), бесивалди – название одного из сортов дыни (из бесип деепричастие от бас «повалить» и вспомогательный глагол ал (брать)).

Парные имена существительные образуются путем удвоения двух существительных и делятся на:

а) синонимные парные существительные: чарә-гәдбир «мера», «мероприятие», тоху-туман «домашние птицы», урум-жураг «родичи», чөлбәяван «пустыня», «безводная степь»;

б) антонимные парные существительные: оғул-қиз «молодежь», келим-кетим «посетители», алғу-бәргү «взаимообмен»;

в) парные существительные, выражающие определенную группу, класс предметов: өрүк-мейиз «сухофрукты», пистә-бадам «фисташка и миндаль», аяқ-қол «конечности», «ноги и руки», от-су «пастбищное уголье», отун-яғач «топливо», «дрова».

Некоторые из компонентов парных слов в современном уйгурском языке самостоятельного значения и употребления не имеют, например: бала-жақа «детвора», «домочадцы», талан-тараж «ограбление», «рахищение», хәт-чәк «корреспонденция», «письма», «весточка», оймандош «пересеченная местность».

Парно-повторные имена существительные имеют ряд структурных разновидностей: 1) идентичные повторы: қора-қора қой «отары овец», ғулач-ғулач «в несколько размахов рук»; 2) повторы – редупликации (рифмованные повторы): мөгә-чөгә «разные фрукты»; кисти-кистан «толкотня», «теснота»; (деформированные): тарақ-туруқ «стукотня» и др.

Изменения имен существительных

Категория числа

Единственное число в уйгурском языке выражается самой основой имен существительных без каких-либо формально-грамматических форм.

Формально-грамматическим показателем множественности имен существительных является аффикс **-лар** (-ләр): колхозчилар «колхозники», эмгәкчиләр «трудящиеся», утуқлар «достижения», балилар «дети».

Категория принадлежности

Категория принадлежности в уйгурском языке выражается притяжательными аффиксами: **-м, -им** (-ум, -үм, -рим, -рум) (ед. число 1 лица), **-имиз** (-умиз, -үмиз, -римиз) (мн. число 1 лица), **-ң, иң**, (-уң, үң, -риң, -ңиз, -иңиз, -үңиз, -риңиз) (ед. число 2 лица), **-и, -си, -ри** (ед. и мн. число 3 лица), например: анам, кизим, қолум, пальторум; анаң, кизиң, қолуң, пальторуң; аниси, қизи, қоли, пальтори; анимиз, кизимиз, қолумиз, пальторумиз, алмилирим, алмилириң, алмилири, алмилиримиз, амилириңлар, алмилири.

Для выражения принадлежности также употребляются аффиксы **-нин, -ники**: китапниң теши «обложка книги», акамниң оғли «сын моего старшего брата», бу китап Садикники «эта книга принадлежит Садыку».

Склонение имен существительных

Система склонения в уйгурском языке охватывает шесть падежей, характеризующихся соответствующими морфологическими формами и синтаксическими функциями:

1. Именительный (или безаффиксальный) падеж отвечает на вопросы: ким? (кто?) немә? (что?).

2. Родительный (или притяжательный) падеж выражает собой соотнесенность одного предмета с другим или принадлежность одного предмета другому, отвечает на вопрос: кимниң? (чей?) неминиң? (чего? чей?). К существительному, которое ставится в родительном падеже, присоединяется аффикс **-ниң**. Слово, стоящее в родительном падеже, обычно ставится впереди определяемого им слова, которое оформляется притяжательным аффиксом **-си** (после гласного) и **-и** (после согласного), например: кочиниң кәңлиги «ширина улицы», мәктәпниң китапханиси «библиотека школы».

Иногда существительное может стоять в неоформленном родительном падеже, например: колхоз беги «колхозный сад», тошқан териси «заячий мех», совет яшлири «советская молодежь».

3. Дательный (или направительный) падеж указывает предмет или лицо, на которое направлено действие, т. е. конкретизирует объект действия, отвечает на вопросы кимгә? (кому?) немигә? (чему?) нәгә? қаяққа? қәйәргә? (куда?). Существительное, стоящее в дательном падеже, оформляется аффиксом **-қа** (-кә, -ға, -гә), например: таққа «в горы», мәктәпкә «в школу», «школе», кочиға «на улицу».

4. Винительный падеж – указывает предмет или явление, на которое обращено (направлено) то или иное действие, т. е. уточняет имя, управляемое переходными глаголами, как их прямое дополнение, отвечает на вопросы: кимни? (кого?) немини? (что?). К существительному, которое ставится в винительном падеже, присоединяется аффикс -ни, например, Мухпулни чакирдуқ «мы позвали Мухпула»; өз күчүмизни билемиз «мы знаем свои силы».

5. Местный падеж указывает место, условие и время, при которых совершается или совершится действие, отвечает на вопросы: қайәрдә? недә? (где?) кимдә? (у кого?) немидә? (у чего?). Существительное, которое ставится в местном падеже, оформляется аффиксами -да (-дә), -та (-тә), например: бағда «в саду», сандукта «в сундуке», мәктәптә «в школе».

6. Исходный падеж указывает место, предмет, лицо, времени, откуда начинается или ведется действие и отвечает на вопросы: қайәрдин? нәдин? (откуда?), кимдин? (от кого? у кого?), немидин? (от чего?). Исходный падеж оформляется аффиксами -дин, -тин, например: Алмутидин «из Алма-Аты», өйдин «из дома», иштин «с работы».

Различение предметов по принадлежности их к тому или иному полу в уйгурском языке распространяется только по отношению к одушевленным предметам – людям и животным и выражается это различие лексическим и синтаксическим приемами: а) употреблением различных названий, имен, в семантике которых заключено значение биологического пола: киз «девушка», оғул «сын», «юноша», бовай «дед», момай «старушка», сийир «корова», буқа «бык», байтал «кобыла», айғыр «жеребец»; б) употреблением имен существительных со словами, обозначающими мужской или женский пол, например: киз бала «девочка», эр киши «мужчина», эркәк қой «баран-производитель», чиши мөшүк «кошка».

Имя прилагательное

Прилагательные в уйгурском языке, как и в других тюркских языках, по своей грамматической форме слабо дифференцированы с существительными и наречиями. Являясь определениями, они не согласуются с определяемыми словами ни в числе, ни в падеже.

Имена прилагательные имеют следующие грамматические признаки: а) *прилагательные располагают* своими аффиксами, при помощи которых они могут быть образованы от других частей речи, например: пәм «соображение», пәмлик «сообразительный», оза «прошлый год»,

озаки «прошлогодний», уял- «стесняться», уялчак «стеснительный», «застенчивый», үс- «бодать», үскәк «бодливый»; б) *прилагательные* имеют степени сравнения: кизил «красный», кизилрак «краснее», әң яхши «самый хороший», көкүч «чуть синий», кип-кизил «очень красный», а также образуют парные (ала-йешил «пестрый», «разноцветный») и парно-повторные (аппак-аппак «белый-пребелый») конструкции слов.

Словообразование имен прилагательных

Морфологический способ. Словообразовательные аффиксы имен прилагательных могут быть рассмотрены в двух группах: а) аффиксы, посредством которых образуются прилагательные от других частей речи и б) аффиксы, служащие для образования степени сравнения прилагательных.

Прилагательные могут быть образованы путем присоединения к существительным, глаголам, наречиям следующих основных аффиксов:

-лик (-лик, -луқ, -лүк): таш «камень» – таш-лик «каменистый», шәһәр «город» – шәһәр-лик «городской», гүл «цветок» – гүл-лүк «цветастый»;

-чан: иш «работа» – иш-чан «работающий», сөз «слово» – сөз-чан «словоохотливый»;

-чақ (-чәк, -чүк, -чүк) уял «стесняться» – уял-чақ «стеснительный», қизған «ревновать» – қизған-чүк «жадный, ревнивый», көңүл «душа» – көңүл-чәк – «сердобольный».

-қ (-к, -ик, -ик, -ук, -үк): қайна «кипеть» – қайна-қ «кипяченый», соз «растягивать» – соз-ук «продолговатый», үз «рвать» – үз-үк «оторванный»;

-қур (-күр, -ғур, -гүр): тап «находить» – тап-қур «находчивый», өт «проходить» – өт-күр «острый», сәз «чувствовать» – сәз-гүр «чувствительный»;

-қақ (-кәк, -ғақ, -гәк): уруш «скандал» – уруш-қақ «скандальный», «драчливый», үс «бодать» – үс-кәк «бодливый», тейил «скользить» – тейил-ғақ «скользкий»;

-қи (-ки, -ғи, -ги): ахшам «вечер» – ахшам-қи «вечерний (вчерашнего дня)», булту «в прошлом году» – булту-қи «прошлогодний», ич «внутренность» – ич-қи «внутренний», бүгүн «сегодня» – бүгүн-қи «сегодняшний», өтмүштә «в прошлом» – өтмүшти-қи «прошлый».

-сиз²: су «вода» – су-сиз «безводный», орун «место» – орун-сиз «неуместный», тәртип «дисциплина» – тәртипсиз «недисциплинированный»;

1 Наряду с «-лик» в уйгурском языке употребляется также аффикс -ик; социалистик «социалистический».

2 Префиксы отрицания бе-, на- употребляются только со словами арабского, иранского происхождения: бехвәр-хәвәрсиз, бехәтәр-хәтәрсиз, бегәм-гәмсиз.

-и (реже -ви): тарих «история» – тарих-и «исторический», илим «наука» – илим-и «научный», мәдәнийәт «культура» – мәдән-и – «культурный», мәна «смысл» – мәна-ви «смысловой», идея-ви «идейный».

Небольшая группа прилагательных образована с помощью таких непродуктивных аффиксов, как: -мту, -ңғу (-ңғу), **-қин** (-кин, -ғин, -гин), -чил: қарамту «черноватый», «темноватый», қараңғу «темный», көтрәңғу «приподнятый», әпчил «ловкий», изчил «последовательный» и др.

Синтаксический способ. Образованные этим способом прилагательные имеет следующие разновидности:

1) прилагательные, образованные сочетанием двух прилагательных, первое из которых как бы усиливает или уточняет значение второго: тум қара «очень черный», кеник қизил «темно-красный», тоқ қизил «ярко-красный», ач серик «бледно-желтый»; 2) прилагательные, образованные путем удвоения или повторения основ прилагательных: калтә-қулта «коротенький», қиңғир-сиңғир «кривой», ала-була «пестрый», «разноцветный», түрлүк-түмән «разнообразный»; 3) прилагательные, образованные путем сочетания: а) «прилагательное+существительное+аффикс **-лик** (-лик, -лук, -лүк): ширин сөзлүк «сладкоречивый», ақ үзлүк «белолицый», хуш пурақлик «ароматный»; б) «числительное+существительное+аффикс **-лик** (-лик, -лук, -лүк): төрт жилик «четырёхлетний», он сомлук «десятирублевый», бәш күнлүк «пятидневный»; в) «существительное+существительное+аффикс **-лик** (-лик, -лук, -лүк): өшкә сақаллик «с козлиной бородой», бугдай өңлүк «цвета пшеницы», қойкөзлүк «кареглазый»; г) «прилагательное+существительное»: ачкөз «жадный», «алчный», көккөз «синеглазый», қаңша бурун «горбоносый», ақкөңүл «с открытой душой»; д) «существительное с притяжательным аффиксом III лица+прилагательное или причастная форма глагола на -ған (-гән,-қан, -кән)»: пәйли бузук (адам) «(человек) с плохим намерением», бурни пучук «курносый», үзи қелин «бесстыжий», көзи чәкчәйгән «пучеглазый».

Степени сравнения прилагательных

Прилагательные имеют три формы степеней сравнения: сравнительно-уподобительная, превосходно-усилительная, уменьшительно-оценочная.

Сравнительно-уподобительная степень образуется:

а) присоединением к прилагательным аффикса -рақ (-рәк): қиммәт «дорогой», қиммәтрәк «дороже», қара «черный», қарирақ «чернее», егиз «высокий», егизрәк «выше»;

б) присоединением к прилагательным аффикса -қуч (-күч, -ғуч): ақ «белый» – ақуч «беловатый», көк «синий» – көкүч «синеватый», – серик «желтый» – сағуч «желтоватый», – қизил «красный» – қизғуч «красноватый»;

в) присоединением к существительным аффиксов уподобления -дэк, -тэк, которые выражают качество или свойство предмета путем уподобления другому предмету: от «огонь» – өттэк «подобный огню», «как огонь», таг «гора» – тагдэк «подобный горе», «как гора».

Превосходно-усилительная степень образуется:

а) путем синтаксического сочетания наречий степени с прилагательными: эң күчлүк «самый сильный», хойма убудан «лучший», таза келишкэн «великолепный», наһайити чирайлик «очень красивый», интайин кизик «очень интересный», кэвэт татлик «очень сладкий», яман тар «очень тесный»;

б) посредством синтаксического сочетания основы прилагательного, оформленного аффиксом родительного падежа, с прилагательным, оформленным аффиксом принадлежности III лица: яхшиниң яхшиси «хороший из хороших», гөзэлниң гөзили «красивый из красивых», «красивейший»;

в) путем повторения основы прилагательного с усечением первого компонента до одного слога с последующим замыканием его звуком «п»: сүп-сүзүк «очень прозрачный», қап-қаптик «очень твердый», он-очук «очень ясный», «совсем открытый».

Уменьшительно-оценочная степень образуется с помощью частицы -қина (-кина, -ғина, -гина): аққина «беленький», кичикқина «маленький», «малюсенький», татлиққина «вкусненький».

Имя числительное

По своей семантике и грамматическим признакам числительные делятся на количественные, порядковые, собирательные, приблизительные, дробные.

Количественные числительные по своей структуре делятся на *простые*, состоящие из одной основы, и *составные*, образованные посредством сочетания простых количественных числительных.

Простые: 1 – бир, 2 – икки, 3 – үч, 4 – төрт, 5 – бәш, 6 – алтә, 7 – йәттә, 8 – сәккиз, 9 – тоққуз; 10 – он, 20 – жигирмә, 30 – отгуз, 40 – кирик, 50 – әллик, 60 – а(л)тмиш, 70 – йәтмиш, 80 – сәксән, 90 – тохсән, 100 – йүз, 1000 – миң.

Составные: 14 – он тө(р)т, 21 – жигирмә бир, 35 – отгуз бәш, 110 – йүз он, 1155 – (бир) миң бир йүз әллик бәш и т.д.

Порядковые числительные образуются присоединением к количественным числительным аффикса -нчи (-инчи): биринчи «первый», алтинчи «шестой», сәксининчи «восемьдесятый», йүз он бәшинчи «сто пятнадцатый».

Собирательные числительные образуются присоединением к некоторым (напр., икки, уч, тө(р)т, бәш) количественным числительным

аффикса **-лән** (-үлән, -илән), который выражает общее число совместно действующих лиц: иккилән «мы вдвоем»; үчүлән «мы втроем», тө(р)тилән «мы вчетвером».

Приблизительные числительные образуются:

а) посредством присоединения к количественным числительным аффикса **-чә**: ончә адәм «около десяти человек», жигирмичә китап «около двадцати книг»;

б) путем присоединения к количественным числительным аффикса **-лиған** (-лигән): онлиған заводлар «десятки заводов», юзлигән фабрикалар «сотни фабрик», миңлиған студентлар «тысячи студентов»;

в) путем парного употребления количественных числительных, где меньшее число обычно предшествует большему: бәш-алтә «около пяти – шести», он-он бәш «в пределах десяти – пятнадцати», кирик-әллик «в пределах сорока – пятидесяти», бир-икки миң «одна – две тысячи»;

г) с помощью слов **кәдәр**, **йеқин** при исходном падеже количественного числительного: әлликкә кәдәр «около пятидесяти», миңға йеқин «около тысячи»;

д) с помощью аффикса множественного числа **-лар** (-ләр) и аффикса местного падежа **-да** (-дә) для выражения приблизительного возраста людей или приблизительного времени совершения действия: һашир һазир отгуз бәшләрдә «Хаширу сейчас около тридцати пяти (лет)», у кирикларға келип қалди «ему около сорока (лет)», биз саәт бәшләрдә кәлдуқ «мы пришли около пяти».

Дробные числительные образуются посредством:

а) сочетания знаменателя в основном падеже с числителем, оформленным аффиксом исходного падежа **-дин** (-тин): бәштин бир «одна пятая», ондин төрт «четыре десятых»;

б) сочетания знаменателя в притяжательной форме III лица един. числа и числителя, оформленного родительным падежом: иккиниң бири «одно из двух», «одна вторая», алтиниң иккиси «две шестых».

Счетные слова

Для обозначения счета предметов употребляются так называемые *счетные слова*:

а) для счета людей (лиц) употребляются: нәпәр «особа», «персона», йүз нәпәр адәм «сто персон»;

б) при счете неодушевленных предметов чаще употребляются: данә, тал, түп, еғиз, баш: икки данә чай «две штуки (пачки) чая», бәш

тал алма «пять штук яблок», бир баш пияз «головка лука», үч еғиз өй «три комнаты», он түп алма «десять корней яблонь».

Местоимения

В зависимости от значения и грамматических форм местоимения в уйгурском языке делятся на личные, указательные, притяжательные, возвратные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные.

К личным местоимениям относятся:

единственное число	множественное число
I мән – я	биз – мы
II сән – ты (сиз-вы)	силәр – вы
III у – он	улар – они

Основными формами указательных местоимений являются: у «тот», бу «этот», шу «тот самый», энә «вон тот», мана «вот этот».

Все остальные формы указательных местоимений являются производными. Например, мону восходит к «мана бу» – «вот этот», мошу – к «мана шу» «вот этот самый», эшу – к «әйнә шу» «вон тот», әву – к «әнә бу» «тот самый».

Притяжательные местоимения образуются присоединением к личным местоимением аффикса родительного падежа –**ниң** или аффикса –**ники**, например: мән «я» – мениң «мой», у «он» – униң «его», биз «мы» – бизниң «наш», силәр «вы» – силәрники «ваш».

Возвратные местоимения в уйгурском языке имеют одну основную форму өз «сам», «свой», а все остальные формы образуются с помощью притяжательных аффиксов: өзәм «я сам», өзән, «ты сам», өзиңиз «вы сами» (вежливая форма), өзи «он сам», өзимиз «мы сами», өзәнлар «вы сами», өзлири «они сами».

Группу определительных местоимений в уйгурском языке составляют такие слова, как барлиқ, бәри, барчә, һәммә «весь», пүткүл, пүтүн «весь», «целый», һәр «каждый», һәрбир «каждый», һәрким «всякий», «каждый», һәрқандақ «всякий», һәрқайсиси «каждый (из них)» и т. д.

В состав вопросительных местоимений входят такие слова, как немә «что», нәччә, қанчә «сколько», нәччинчи, қанчинчи «какой», «который», қайсу «который», қайсиси «который из них», кимниңки «чей», «чья», «чье» и др.

Неопределенные местоимения в уйгурском языке обычно образуются сочетанием слова «бир» с другими именами: бирнемә, бирнәрсә

«что-то», бирқанчә, бирнәчә «несколько», бирмунчә, бирқатар «некоторый», бирталай «порядочный», гайбир, бәзибир «некоторый», бирәв, бирси «кто-то», кимду «кого-то», немиду «что-то».

Отрицательные местоимения образуются сочетанием вопросительных местоимений с препозитивной отрицательной частицей һеч-, соответствующей русскому ни-, например: һечким «никто», һечнемә «ничто», һечқандақ «никакой», һечнәрсе «ничто», һечқайси «никто», һечбир «никакой» и др.

Наречие

Морфологический способ. Этим способом наречия образуются путем прибавления к именам, глаголам и наречиям следующих аффиксов:

-чә (-ичә): кәч «вечер» – кеч-ичә «весь вечер», «всю ночь»; мениң «мой» – мениң-чә «по-моему», рус «русский» – рус-чә «по-русски», һазир «сейчас» – һазир-чә «пока», башка «другой», «иной» – бәшқи-чә «по-другому», «иначе»;

-лиғи (-лиғи, -луғи, -лүғи): яз «лето» – яз-лиғи «летом», күз «осень» – күз-лүғи «осенью»;

-ликқә (-ликкә, -луққә, -лүққә): киш «зима» – киш-ликқә «зимой», чүш «полдень» – чүш-лүққә «к полудню»;

-ун (-үн): йошур «скрывать» – йошур-ун «тайно», «тайком», үст «верх» – үст-үн «поверхностно»;

-ғин (-кин): қиз «нагреваться» – қиз-ғин «горячо», ғәм «печаль», «горесть» – ғәм-кин «печально», «горестно»;

-ғичә (-гичә, -қичә, -кичә): кәч «вечер» – кәч-кичә «до самого вечера», өл «умереть» – өл-гичә «до самой смерти»;

-лап (-ләп): тағар «мешок» – тағар-лап «мешками», миң «тысяча» – миң-лап «тысячами».

ән: асас «основа» – асас-ән «в основном»; һәқиқәт «действительность» – һәқиқәт-ән «действительно».

Наречия также образуются при помощи аффиксов падежей: **-дин** (-тин): бир «один» – бир-дин «сразу», -ға (-гә, -қа, -кә): алд «перед» – алди-ға «вперед», зор «большой» – зор-ға «с трудом», «еле», -да (-дә, -та, -тә): чүш «полдень» – чүш-тә «в полдень», күн «день» – күн-дә «ежедневно».

В современном уйгурском языке встречается много наречий, не поддающихся этимологизации: әтгәй – нарочно, аран – еле, илдам – быстро, бая – недавно, оза – в позапрошлом году, нери – дальше, туда, бурун – раньше, булту – в прошлом году и т. д.

Синтаксический способ. Посредством сложения (удвоения, повторения, слияния) и сочетания различных по своей морфологической природе слов образуются сложные наречия. Сложные наречия по структурно-словообразовательным признакам делятся на а) *парные*: анда-санда «иногда», «изредка», үзүл-кесил «категорически», кечэ-күндүз «круглосуточно», андамунда «там-сям»; б) *парно-повторные*: аран-аран «еле-еле», сэл-пэл «чуть-чуть», алман-талман «впопыхах», «второпях», сөзмү-сөз «дословно», башму-баш «баш на баш», бэзи-бэзидэ «иногда», «временами»; в) *слитные*: бүгүн (от «бул күн») «сегодня», бийил (от «бу жил») «нынче», «в этом году», түнөгүн (от «түн ол күн») «вчера», бурнакүн (от «буниц нерики күни») «позавчера», мэшэдэ (от «мошу йэрдэ») «здесь», эйэдэ (от «эву йэрдэ») «там»; г) *наречия*, выраженные словосочетаниями: йекин арида «на днях», ближайшее время», һәркүни «ежедневно», бирпәс, бирдәм «немного» (о времени), дәрһал «сразу», «моментально», өзара «между собой», кунара «через день», туюксиз «внезапно», үзлүксиз «бесперебойно», чакқанлик билән «ловко», «с ловкостью», дүшмәнлик билән «враждебно», «злоумышленно».

Классификация наречий

По своей семантике наречия делятся на:

а) *наречия времени*: бурун «раньше», ахшам «вчера вечером», һазир «сейчас», кейин «после», «потом», «позже», этигәнликкэ «утром», өтмүштэ «в прошлом», һечқачан «никогда», һемишәм «всегда», биркүни «однажды»;

б) *наречия места*: эшэдэ «там», мэйэдэ «здесь», йенида «рядом», жиракта «далеко», жукури «вверх», «наверх», кәйнидин «сзади»;

в) *наречия образа действия*: тез «быстро», дәрру «сразу же», аран дегәндэ «еле», «с трудом», бирдәмдэ «моментально», уйғурчэ «по-уйгурски», бир-бирләп «по-одному», йәкму-йәк «один на один», кайтидин «снова»;

г) *наречия цели и причины*: этәй «нарочно», «специально», шунлашқа «поэтому», зо билән «нарочито», байкимастин «не заметив», укмай «не поняв»;

д) *наречия степени*: аз «мало», бираз «немного», жик, һуррун «много», тәһминән «приблизительно», анчила «не очень», аз-маз «чуть-чуть», пүтүнләй «целиком», лик «полно».

Междометия

Междометия уйгурского языка делятся на следующие семантические группы:

1. *Эмоциональные междометия*, выражающие положительные и отрицательные (иногда одновременно те и другие) эмоции. Например:

паһ-паһ! (восхищение, удивление), ура! (радость, ликование), еһ! (радость, удовлетворение), Барикалла! (одобрение), хәп! әтигинәй! (сожаление), вайәй! (тревога, боль), вай-вай (недовольство), уһ! (усталость), бәлли! (восторженное одобрение или укоризненно-отрицательное отношение), ваһ! (недоумение), паһ! (восхищение, а также пренебрежение с оттенком иронии) япирай! (боязнь, беспокойство).

2. *Императивные (волевые) междометия*, выражающие волевые изъявления и побуждения. Они употребляются в целях призыва, запрещения, приглашения, приказа, требования по отношению к людям и животным. Например: хәпшүк! бәс! (призыв к тишине), теч! (призыв к прекращению нежелательных действий), кеңи! (побуждение собеседника к речи или действию), моһ-моһ! куру-куру! маһ-маһ! (возглас, которым подзывают собак), һав-һав! Чув! (понуkanie лошадей), тирт! (понуkanie ослов), күш таһ! (отпугивание кур), һөш! (отпугивание коров) и т. д.

3. *Междометия бытовой обрядности*, выражающие благодарность, вежливость нормы, этики людей при встрече, провожании и приветствии и т. д. Например: барикалла! «спасибо!», хош! «до свидания!», рәхмәт! «спасибо», ләббай! «я вас слушаю!».

Подражательные слова

По своей семантике все подражательные слова уйгурского языка делятся на звукоподражательные и образно-подражательные.

1. *Звукоподражательные слова* выражают подражание различным звукам природы, голосу человека и крику животных. Например: шалдур-шулдур (подр. шелесту), тарс (подр. стрельбе), дүкүр-дүкүр (подр. топоту, хождению), хир-хир (подр. смеху), вичир-вичир (подр. щебетанию, чириканию птиц), тақ (подр. стуку), чаң (подр. звону металла), жириң-жириң (подр. звону колокольчика), мияв-мияв (подр. мяуканию), гуппу-гуппаң (подр. барабанному бою) и т.д.

2. *Образно-подражательные слова* выражают образное представление о действии, например: топур-топур (беспорядочное, хаотическое движение), вал-вул (блеск полированного предмета), ялт-юлт (сверкание огня), алақ-жалақ (поблескивание глаз).

По своей структуре подражательные слова бывают простыми и сложными. Сложные образуются повторением (варьированием) одной и той же основы и делятся на *идентичные* (тарс-тарс, чарс-чарс) и *деформированные* (вал-вул, ялт-юлт, ваң-чун).

Глагол

Глагольная основа

Глагольные основы по своей морфологической структуре делятся на *собственно глагольные и отыменные*.

Основы собственных и отыменных глаголов по своей структуре могут быть **односложными** (йэ- «кушать», бэр «давать»), двусложными (ишлэ «работать») и многосложными (мидирла «шевелиться», алдира «торопиться»).

Словообразование глаголов

Глаголы по своей структуре могут быть *простыми*, состоящими только из одного корня (например: ур- «бить», «ударить», кэл- «приходить»), *производными*, образованными посредством присоединения к корню глагола или имени аффиксов словообразования (например: чик- «выходить» – чик-ар- «исключать», ой «мысль» – ой-ла – «думать») и *сложными*, образованными путем синтаксического сочетания нескольких основ (например: сетивалмак «купить», житивэлмак «порвать»).

Образование производных глаголов

Производные глаголы в зависимости от принадлежности их основ в той или иной части речи распадаются на *отглагольные* и *отыменные*.

1. *Отглагольные производные* формы глагола образуется посредством присоединения к основе глагола следующих аффиксов:

-дур (-дүр, -тур, -түр): кутул- «спасаться» – кутул-дур- «вызволить», «спасти», уқ- «понимать» – уқ-тур- «объяснить», күл- «смеяться» – күл-дүр- «смешить»;

-куз (-күз -ғуз, -гүз): ят- «ложиться» – ят-куз- «уложить», ич- «пить» –ич- күз- «напоить», кир- «входить» – кир-гүз- «впускать», маң-ғуз- «заводить», «привести в движение»;

-ар (-эр, -ур, -үр): чик- «выходить» – чик-ар- «выводить», «исключать», көч- «перекочевать» – көч-эр- «переселить», «переписать», кач- «убежать» –кач-ур- «обратить в бегство»;

-уш (-үш, -иш, -ш): ур- «бить» – ур-уш- «ссориться», көр- «видеть», көрүш- «здороваться»;

-ул (-үл, -ил, -л): ут- «выигрывать» – ут-ул- «проиграть», ач - «открывать» – еч-ил- «открываться», қара- «смотреть» – қара-л- «рассматриваться»;

-ун (ун, -ин, -н): жуй- «мыть» – жуй-ун- «мыться», бөл- «делить» →бөл- үн- «делиться», кий- «надевать» – кий-ин- «одеваться», боя- «красить» – боя-н- «краситься».

2. *Отыменные производные* глаголы образуются присоединением к именным основам-следующих аффиксов:

-ла (-лә): май «масло», «мазь» – май-ла- «мазать», «смазывать», баш «голова» – баш-ла- «начинать», сөз «слово» – сөз-лә- «говорить», иш «работа» – иш-лә- «работать»;

-а (-ә): сан «число» – сан-а- «считать», от «трава» – от-а- «полоть», оюн «игра» – ойна- «играть», түн «ночь» – түн-ә- «ночевать»;

-ай (-әй): аз «мало» – аз-ай- «убавляться», «уменьшаться», күч «сила» – күч-әй- «усиливаться»;

-ар (-әр, -р): ақ «белый» – ақ-ар- «белеть», яш «молодой» – яш-ар- «молодеть», көк «синий» – көк-әр- «синеть», әски «старый» – әски-р- «стареть»;

-ик (-ик, ук, -үк): бир «один» – бир-ик- «объединяться», көч «поздно» – көч-ик- «опаздывать», йол «дорога» – йол-ук- «встретить», өч «злоба» – өч-үк- «питать злобу»;

-сира (-сирә): су «вода» – су-сира – «жаждать», ялғуз «одинокий» – ялғуз-сира- «скучать в одиночестве», житим «сирота» – житим-сира- «сиротеть»;

-ика (-икә, -қа): ят «чужой» – йет-ика- «чураться», таң «удивление» – тең-ика- «удивляться», ач «голодный» – еч-ика- «проголодаться», тумо «насморк» – тумо-қа – «болеть гриппом»;

-ғар (-гәр, -қар, -кәр): су «вода» – су-ғар «поить», «орошать», баш «голова» – баш-қар «руководить»;

-ал (-әл, -л): йоқ «нет» – йоқ-ал «исчезать», тирик «живой» – тири-л «оживиться»;

-сит: тәң «равный» – тәң-сит: у мени тәситмәйду – «он меня считает хуже себя», кам «недостаточный» – кам-сит «относиться пренебрежительно»;

-син: аз- «мало» – аз-син- «считать маловатым», көп «много» – көп-син – «считать многоватым», ят «чужой» – ят-син- «чураться».

Встречается также довольно большая группа глаголов, у которых корни в современном уйгурском языке самостоятельного значения и употребления не имеют, например: қомур- «корчевать», түкүр- «плевать», морла- «царапать», чапла- «лепить», «клеить», қоғла- «гонять», өмүлә- «ползать», титирә- «трястись», «дрожать», алдира- «торопиться», «спешить», пеқира- «кружиться», вақира- «кричать», тарқа- «расходиться», йөткә- «переставить», тилә- «просить», чана- «копать», яра- «быть пригодным», қақал- «поперхнуться», ярал- «появиться на свет»,

йөтәл- «кашлять», чири- «гнить», қери- «стареть», жөли- «бредить», силжи- «двигаться», алжи- «выжить из ума», охша- «походить», тиңша- «слушать», өлчә- «мерить».

Глаголы образуются также посредством присоединения к глаголам или именам двух и более аффиксов, например:

-лан-дур (-лән-дүр): хавупсиз «безопасный» – хавупсизландур- «обезопасить», электр «электричество» – электр-лән-дүр- «электрифицировать», өй «дом» – өйлән-дүр- «женить».

-лаш-тур (-ләш-түр): иплас «грязный», «поганый» – иплас-лаштур- «загрязнить», «опоганить» жүп «пара» – жүп-ләштур- «спаривать», аяк «конец» – аяк-лаштур- «завершить»;

-ла-н (-лә-н): яхши «хороший» – яхши-лан- «хорошеть», ой «мысль» – ой-лан- «задуматься», өй «дом» – өй-лән – «жениться»;

-ик-тур (-ик-түр, -ук-тур, -үк-түр): бир «один» – бириктүр- «объединять», өч «злоба», «ненависть» – өч-үктүр- «вызвать ненависть».

Сложные глаголы

Сложные глаголы уйгурского языка могут быть дифференцированы в зависимости от а) принадлежности своих компонентов к той или иной части речи, б) количества входящих в сочетание слов и в) формы вспомогательных глаголов.

1. Сложные глаголы образуются сочетанием глагола с глаголом которые в свою очередь делятся на сочетание *собственно глаголов* (челип бәр «сыграть», туруп тур «постоять», «подождать», өтүп кәт «пройти») и сочетание *отмыненного глагола с глаголом* (ишләп чиқармақ «производить», башлап бәрмәк «начать»). Одним из приемов образования сложных глаголов является сочетание именных основ с различной формой глагола (раван болмақ «отправиться в путь»), арзу килмақ «мечтать», «желать», яд әйлимәк «вспоминать»).

2. В структурном отношении сложные глаголы бывают в основном двухсоставными. Но в зависимости от сложности передаваемой семантики, состав сложного глагола доходит иногда до трех, четырех и более компонентов. Например: чиқа алмай ятиду – не может выйти, ейтип берә алмай қалди – не мог рассказать.

Компоненты сложных глаголов между собой сочетаются в основных формах деепричастия (-а, -ә, -п, -ип, уп, -үп, -ғаш, -гәш, -қаш, -кәш, -й) и причастия (-ған, -гән, -қан, -кән, -р, -ар, -әр). Причем, на стыке основного и вспомогательного глагола при наличии известных фонетических условий происходит своеобразная фонетическая деформация и

слияние звуков. Например, кетәлмидим (кетә алмидим), келиватиду (келип ятиду).

Носителем основного значения сложных глаголов является первый компонент. Вспомогательная часть призвана (когда основным глаголом выступает собственно глагол) выражать всевозможные дополнительные оттенки, необходимые для полной передачи смысла тех или иных действий, а в сочетаниях, где основным глаголом выступает отыменная форма глагола, вспомогательный глагол служит для превращения имени в действие.

Вспомогательные глаголы

По своим семантико-морфологическим признакам вспомогательные глаголы могут быть дифференцированы как собственно вспомогательные и функционально вспомогательные.

1. *К собственно вспомогательным глаголам* относятся производные формы недостаточного глагола е: еди, экән, емиш и глаголы этмәк, әйлимәк, которые в основном выполняют функцию вспомогательных глаголов и характеризуются максимальной идиоматичностью, т.е. полной семантической изоляцией, например: беривәт (из берип эт) «отдать», зар әйлимәк «рыдать», «горько плакать»; ейтаттим (из ейтар едим) «сказал бы» и др.

2. *К функционально вспомогательным глаголам* относится значительное число глаголов, функционирующих и как вспомогательная часть сложных глаголов.

Функционально вспомогательные глаголы, в свою очередь, могут быть дифференцированы по степени отклонения от основного номинативного значения. Например, одни вспомогательные глаголы почти сохраняют свое лексическое значение (сетивалмак «купить», чикип кәтмәк «выйти»), другие же имеют весьма отдаленную с ним связь (от алмак «завестись», көйдүрүвәтмәк «сжечь», таяк йемәк «быть избитым»)

Вспомогательные глаголы имеют разнообразную семантику, множество переходных смысловых оттенков, трудно уловимых вне определенного контекста, что и осложняет возможность проведения семантической классификации. Несмотря на это, их можно группировать по некоторым общим значениям. Так, вспомогательные глаголы **олтармак**, турмак, яткак, жүрмәк выражают состояние, положение действия основного глагола: саэт меңиватиду «часы ходят», окуп жүрүду «онучится», йезип олтардим «я записывал».

Вспомогательные глаголы бакмак, қаримақ, көрмәк выражают стремление, попытку совершить действие, выраженное основным глаголом:

байқап бақ, көрүп бақ «посмотреть», кирип бақ, «попробовать зайти», кийип қара «попробовать надеть».

Изменение глаголов

Положительное значение глагола в уйгурском языке срaжается самой его формой. Например: ал – «братъ», ишлэ – «работатъ», бар – «идти».

Отрицательная форма глагола образуется двумя способами: путем непосредственного присоединения к глаголу частицы отрицания -ма, -мэ, за которой следует обычно аффиксы сказуемости, деепричастия, причастия (мэн кэт-ми-дим «я не ушел», сэн кэт-мэп-сэн «ты, оказывается, не ушел») и путем сочетания причастной формы глагола на **-ған, -гән** со словами «йок», «эмэс» (мэн у йэргэ барған эмэс «я туда никогда не ходил», уни көргиним йок «я его не видел»). К последнему следует отнести и сочетание глагола с аффиксом -мас, -мэс (состоящего из отрицательной частицы **-ма, -мэ** и причастной формы на -с), с глаголами **болмақ, керэк, еди** и др. Например: у бизникигэ кэлмэс болди «он не стал ходить к нам»; андақ болмас керэк еди «так не должно было быть».

Переходные и непереходные глаголы

К разряду *переходных глаголов* в уйгурском языке относятся такие глаголы, значение которых связано с определенным объектом действия, отвечающим на вопрос «немини?» «кимни?». Переходный глагол в обязательном порядке требует постановки «объекта» в оформленном и неформальном винительном падеже:

тазилимақ «чистить» – өтүк тазилимақ «чистить сапоги»; суғармақ «напоить» – атни суғармақ «напоить коня»; язмақ «писать» – хэт язмақ «писать письмо»; япмақ «закрывать» – ишикни япмақ «закрывать дверь».

Непереходные глаголы характеризуются тем, что их значение не связано с определенным объектом действия и не требуют прямого дополнения, оформленного винительным падежом. Например: бол – «быть», қайна – «кипеть», өт – «переходить», «проходить», қал – «оставаться»; йэт – «достигать», олтар – «садиться», сәкрә – «прыгать».

При залоговых аффиксах наблюдается взаимопереход переходных и непереходных глаголов. Например: оқи – «читать», окут – «учить», или: тазила – «чистить», тазилаң – «очищаться».

Категория залога

Действительный залог. В действительном залоге могут выступать все производные и непроизводные глаголы, являющиеся, в свою очередь,

переходными и непереходными глаголами. Например: чик «выходить», кәт «уходить», көр «смотреть», сайла «выбирать», «избирать».

Возвратный залог. Возвратный залог образуется путем присоединения к глаголам аффиксов -н, -ин, -ун, -үн. Например: тара-н «причесываться», ора-н «закутываться», кий-ни «одеваться», жуй-ун «умываться», көр-үн «показываться».

Страдательный залог. Страдательный залог образуется путем присоединения к глаголам аффиксов -л, -ил, -ул, -үл. Например: чайка-л «плескаться», еч-ил «открываться», айда-л «быть вспаханной», төк-үл «выливаться», «высыпаться». При некоторых глаголах аффикс возвратного залога **-н, -ин, -ун, -үн** одновременно выражает страдательный залог (жигни башла-нди – собрание началось, тавуз тил-инди – арбуз был разрезан на куски, өй сел-иниватиду – дом строится) и тем самым выступает общей недифференцированной формой возвратно-страдательного залога.

Взаимно-совместный залог. Взаимно-совместный залог образуется посредством присоединения к глаголам аффиксов -ш, -иш, -уш, -үш. Например: сөzlә-шмәк «разговаривать», ойлашмак «обдумать совместно», тала-шмак «спорить», сөһбәтләшмәк «беседовать».

Понудительный залог. Понудительный залог образуется путем присоединения к глаголам аффиксов -дур, -дур, -тур, -түр; -ғуз, -ғүз, -куз, -күз, -т. Одновременное употребление двух, трех аффиксов понудительного залога при некоторых глаголах образует так называемый *вдвойне понудительный залог*, указывающий на то, что действие совершается через третье лицо. Например: алдур-ғуз – понуд. от ал- «взять», «брать», түплә-т-түр-ғүз – понуд. от түплә- «переплетать», яз-дур-ғуз – понуд. от яз – «писать».

Наклонения и времена глаголов

В общей системе спряжения глагола уйгурского языка грамматически дифференцированы личные формы изъявительного, повелительного, условного и желательного наклонений.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение обозначает действие, воспринимаемое говорящим как реальное, причем это действие выражается в формах трех основных времен.

Прошедшее время

Прошедшее время изъявительного наклонения имеет несколько семантико-морфологических разрядов.

1. *Прошедшее определенное время* образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов **-ди, -ти, -ду, -ту**, которые в системе

спряжения сочетаются с краткими личными окончаниями (**-м, -ң, -ңиз, -к, -ңлар**). Например: кәлди-м «я пришел», кәлди-ң «ты пришел», кәлду-к «мы пришли» и т. д.

2. *Прошедшее причастное время* по своему значению близко к прошедшему определенному времени, однако оно употребляется тогда, когда речь идет о событиях, с момента совершения которых прошел уже значительный промежуток времени. Например: мән көргән «я видел», у ыйтқан «он говорил».

3. *Прошедшее предположительное время* образуется посредством присоединения к причастной форме глагола на **-ған, -гән, -қан, -кән** аффикса **ду (р)**. Например: кәлгәнду «наверное пришел», аңлигәнду «наверное слышал».

4. *Прошедшее повествовательное время* образуется путем присоединения к деепричастной форме глагола (**-п, -ип, -уп, -үп**) аффикса предположения **-ту**, который во II лице опускается. Например: окуптүмән, көрүптүмән, берипту, жүрүптү.

Прошедшее повествовательное время образуется также сочетанием глагола деепричастной формы (**-ип**) или же глагола деепричастной формы **-ту** со вспомогательным глаголом **е-** (еди, экән). Например: мән келиведим, сән келиведиң, биз келиведүк, сән кәптикәнсән, у кәптикән, силәр кәптикәнсиләр, улар кәптикән.

Прошедшее повествовательное время с оттенком предположения может быть выражено сочетанием деепричастной формы глагола на **-ип, -уп, -үп, -п+ту** с аффиксом сравнения **-дәк**. Например: мән берип- тәкмән (берип-ту-дәк-мән), у бериптәк (берип-ту-дәк).

5. *Многokrатно-длительное прошедшее время* употребляется для обозначения действий, которые в прошлом были обычными, регулярными. Образуется сочетанием причастия будущего времени с вспомогательным глаголом **еди**. Глагол в форме многократно-длительного прошедшего времени произносится и пишется как одно слово, например: язатти (язар еди), келәтти (келәр еди), ыйтатти (ей тар еди).

Настоящее время

В уйгурском языке различаются два вида настоящего времени изъявительного наклонения: настоящее время данного момента, настоящее-будущее.

1. *Настоящее время данного момента* образуется посредством присоединения к деепричастной форме глагола на **-п, -ип, -уп, -үп**, четырех вспомогательных глаголов состояния: жүр, тур, олтур, ят. Например:

йезиватимән (от яз-ип-ят-а-мән), көрүп турусән, ойнап жүрүдү, карап олтуруду и т.д.

Настоящее время данного момента образуется также путем присоединения к инфинитивной форме глагола аффикса -та (-тә), например: шәһәрдә нурғунлиған йеңи биналар селинмақта – в городе строится много новых зданий, хэлкимизниң мәдәнийәт дәрижиси өсмәктә – повышается культурный уровень нашего народа. Эта форма настоящего времени данного момента употребляется преимущественно в литературном языке.

2. *Настоящее-будущее время* образуется посредством присоединения к деепричастной форме глагола на -а, -ә, -й аффиксов сказуемости. Конкретное временное значение этой формы глагола определяется в связной речи. Например, в предложении мән мәктәптә окуймән «я учусь в школе» глагольная форма «окуймән» включает в себе значение и настоящего и будущего времени, а в предложениях мән баримән, сән барисән, у бариду эта форма выражает будущее время.

Будущее время

Будущее время изъявительного наклонения делится на будущее неопределенно-предположительное и будущее определенное.

1. *Будущее неопределенно-предположительное время* образуется: а) посредством присоединения к основе глагола аффиксов причастия будущего времени -ар, -әр и местоименных аффиксов³. Например: алармән, аларсән, келәремән, келәремиз и т. д.; б) при помощи аффиксов: -ди **-ған** -ду, присоединяющихся к деепричастной форме глагола на -а, -ә, **-й**, которые при спряжении замыкают местоименные аффиксы; например: мән бар-и-ди-ған-ди-мән, у бар-и-ди-ған-ду, мән бол-у-ди-ған-ди-мән и т. д.; в) посредством присоединения к основе глагола сложного аффикса -ғидәк (гидәк), состоящего из древней формы причастия -ғу (-гү) и аффикса уподобления -дәк, -тәк, например: мән барғидикмән, у кәлғидәк;

2. *Будущее определенное время* образуется: а) присоединением к деепричастию настоящего времени местоименных аффиксов, например: яз-а-мән – язимән, кел-ә-мән – келимән, ишлә-й-мән – ишләймән, яз-а-миз – язимиз, бар-а-ду – бариду; б) посредством присоединения к основе глагола сложного аффикса -мақчи (-мәкчи), например: мән ейтмақчимән, сән ейтмақчисән, у ейтмақчи и т. д.; в) сочетание основного глагола со сложным аффиксом -мақчи (-мәкчи) с вспомогательным глаголом еди

3 В 3 лице аффикс не прибавляется.

также выражает будущее определенное время; например: мән бар-мақ-чи едим, сән бар-мақ-чи едиң, у бар-мақ-чи еди.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение глагола во 2 лице ед. числа выражается:

а) основой глагола, например: яз «пиши», ишлэ «работай», ейт «скажи»;
б) присоединением к основе глагола аффикса **-ғин** (-гин, -қин, -кин), например: язғин «пиши», ишлигин «работай», ейтқин «скажи», кәтқин «уходи».

Повелительное наклонение 2 лица вежливой формы образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов **-ң, -иң, (уң, -үң)**-сила, например: балшаң «начинайте», келиң «приходите», олтасила «садитесь».

Повелительное наклонение 2 лица мн. числа образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов **-ңлар, -иңлар** (уңлар, үңлар), например: башлаңлар «начинайте» келиңлар «приходите», олтуруңлар «садитесь».

Повелительное наклонение 3 лица ед. и мн. числа образуется путем присоединения к основе глагола аффикса **-сун**, например: кәлсун «пусть придет», сөзлүсун «пусть говорит».

Условное наклонение

Будущее время условного наклонения образуется от основы глагола посредством присоединения к ней аффиксов **-са** (-сә) и личных окончаний **-м** (1 л. ед. ч.), **-ң** (2 л. ед. ч.), **-к, -к** (1 л. мн. ч.), **-ңиз** (2 л. вежливой формы); условное наклонение в 3 л. личных окончаний не имеет, например: барсам «если я пойду», ейтсақ «если скажем», язсаң «если напишешь», алса «если возьмет», кәлсә «если придет», күтсәңлар «если будете ждать», оқисниңиз «если будете читать».

Будущее время условного наклонения образуется также путем сочетания причастия будущего времени (**-ар, әр, -р**) с вспомогательным глаголом **еди**. Стяженная форма этого сочетания в современном уйгурском языке утвердилась как норма литературного языка, например: бараттим «поехал бы», келәттим «пришел бы».

Эта форма условного наклонения может иметь также другие смысловые значения, т. е. может выражать просьбу или пожелание, а при присутствии частицы **-чу** (в 1 и 2 л.) желание это приобретает оттенок убедительной просьбы. Например: мән ятсам «я полежал бы, (мне хочется полежать)»; сән кәлсәң «приходи ты», сән кәлсәңчу «приходи-ка ты, пожалуйста».

Прошедшее время условного наклонения образуется путем сочетания причастия прошедшего времени глагола с настояще-будущим временем

условного наклонения глагола болмақ, например: мән аңлиған болсам «если бы я слышал», сән аңлиған болсаң «если бы ты слышал», у аңлимиған болса «если бы он не слышал» и т.д.

Желательное наклонение

Желательное наклонение образуется посредством присоединения к основе глагола аффикса -ай (эй), -й в 1 лице единственного числа, -айли (-эйли), -йли в 1 лице множественного числа, например: мән барай «пойду-ка я»; қени, ишлэйли «давайте, поработаем».

Инфинитив

Инфинитив в уйгурском языке образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов **-мақ**, (-мәк).

Инфинитив, как одна из форм глагола, выражает действие, состояние предмета, сохраняет свойство переходности и непереходности. Инфинитивная форма на **-мақ** (-мәк) в изолированном виде почти не употребляется, но к ней могут присоединяться различные аффиксы (-чи, **-та** и т. д.), например: бармақчимән «я намерен идти», бизниң йезида клуб селинмақта «в нашем селе строится клуб».

Имя действия

Имя действия образуется при помощи аффикса -ш, -иш (-уш, -үш) и выполняет в уйгурском языке двоякую функцию. В сочетании со словами **керәк**, **үчүн** и т. д., а также с некоторыми аффиксами данная форма переводится на русский язык инфинитивом, например: ишлэш керәк «надо работать», билиш үчүн «чтобы знать», ейтишқа болуду «можно говорить».

Имена действия в уйгурском языке функционируют как отглагольные имена существительные. Если инфинитив больше отражает в себе свойство глагола, то в именах действий преобладают черты, присущие именам существительным: склоняются, управляются, принимают притяжательные аффиксы. В процессе развития языка определенное число имен действий окончательно перешло в разряд имен существительных (окуш «учение», «учеба», қурулуш «строительство», жүрүш-туруш «манера», «поведение», елиш-бериш «взаимообмен», челиш «борьба», чепиш «соревнование» и т. д.).

Причастия

Причастие прошедшего времени образуется от основы глагола посредством присоединения к ней аффиксов **-қан**, **-кән** (после глухих согласных), **-ған**, **-гән** (после гласных и звонких согласных), например: ейтқан «говоривший», көчкән «перекочевавший», язған «писавший», йәнген «победивший».

Страдательное причастие прошедшего времени образуется путем присоединения аффиксов **-ған, -гән** к страдательным глаголам, например: йезилған «написанный», берилгән «данный».

Причастие настоящего времени данного момента образуется от деепричастной формы глагола на -п, -ип, (-уп, -үп) путем присоединения к нему одного из вспомогательных глаголов ят, тур, жүр, олтар, осложненного аффиксом -қан (-ған, -кән, -гән), например: йезиватқан «пишущий», ишләп жүрген «работающий», окуп олтарған «читающий».

Страдательное причастие настоящего времени образуется от деепричастия страдательного глагола на -п, -ип, (-уп, -үп) по такому же правилу, например: окулуватқан «читаемый», селиниватқан «строющийся».

Причастие настояще-будущего времени образуется присоединением к деепричастной форме глагола на -а, -ә, -й аффикса **-диған**, например: баридиған, көрүдиған, ишләйдиған.

Причастие настояще-будущего времени употребляется как и в значении причастия настоящего неопределенного времени (например: өй акартидиған аял «женщина (вообще) белящая комнату», жүк тошуйдиған машина «машина (вообще) доставляющая грузы», так и в значении причастия будущего времени (например: селинидиған өй «дом, который будет построен», Горькийдин келидиған кэмә «пароход, который приходит из Горького».

Деепричастия

Деепричастие образуется с помощью следующих аффиксов: **-п, -ип, (-уп, -үп)**, которые присоединяются к основе и к залоговым формам глагола: кара – кара-п, каран – карин-ип, карат – карит-ип, карат-куз – караткуз-уп, күл – күл-үп и т. д.

-а, -ә, **-й, -ай, -эй**, которые присоединяются к основам и залоговым формам глагола: баралмидим (от бара-алмидим) «не мог сходить», бара-бара «постепенно», у йетип келәй дәп қалди «он вот-вот подъедет».

-ғач, (-гәч, -қач, -кәч), который присоединяется только к первичной основе глагола: алғач кәлмәк «захватить с собой».

-ғили, (-ғили, -қили, -кили), который присоединяется к основам и залоговым формам глагола: көрғили «чтобы посмотреть», көрүңғили «чтобы показаться», көрсәткили «чтобы показать».

Служебные части речи

Послелог. Будучи служебными словами, послелог

всегда находятся в прямой (семантической и синтаксической) зависимости от

знаменательных слов. Они способствуют более полному выражению различных отношений между предметами или между действиями и предметами. Грамматическая роль послелогов почти аналогична с ролью падежных аффиксов.

Послелогои по своему происхождению могут быть дифференцированы как: а) *собственно послелогои* билән «с», «вместе», «вместе с»; үчүн «ради», «для», «за», «из-за»; -ғичә, (-ғичә, -қичә, -қичә) «до», -сири «по мере», «по мере того как»; б) *отыменные послелогои* образованные при помощи падежных аффиксов (башқа «кроме», «помимо», «за исключением»; биллә «вместе с»), словообразовательных аффиксов (арқилик «через», «при помощи», «посредством»; сәвәплик «из-за», «в силу»; бойичә «по», «поэтому», «смотря»), а также от корневых и исторически производных форм имен (бурун «раньше», «тому назад»; мувапик «в соответствии с»; қарши «против», «напротив», «навстречу»; бери «с», «с тех пор как», «в продолжение»; ташқири «вне», «помимо», «сверх», «за»; кейин «после», «спустя», «через»; қәдәр (около)); в) *отглагольные послелогои*, образованные от деепричастных и других форм глагола (көрә «чем», «по сравнению с»; бола «ради», «для»; тарта «около»; қарап «к», «по», «смотря», «в соответствии с»; дегән «под названием», «по кличке»; қариганда «судя по»; «по сравнению с»).

Весьма разнообразная семантика послелогов (отношения совместности и соучастия, сравнения и сопоставления, временные, количественно-определятельные, целевые, причинные отношения, отношения противопоставления, приблизительности, ограничения и т. д.) определяется в сочетании с именами, отглагольными именами и причастиями. В этих сочетаниях имена оформляются падежами: а) *именительным*: қәләм билән язмақ «писал ручкой»; орунлаш үчүн «чтобы выполнить»; қанун бойичә «по закону»; радио арқилик «по радио»; барғансири «постепенно»; бәш жил илгири «пять лет тому назад»; б) *дательно-направительным*: күзгә қарши «к осени»; йүзгә йеқин «около ста»; мойрәмгә қарши «накануне праздника»; әхиткә яриша «к счастью»; в) *исходным*: биздин башқа «кроме нас»; сөзләштин бурун «перед тем как говорить»; узақтин бери «с давних пор»; һәддидин ташқири «сверх меры».

Частицы. Все частицы уйгурского языка, выделившиеся в самостоятельную группу служебных элементов, характеризуются абстрактностью семантики, несамостоятельностью употребления, отсутствием функциональной параллельности (как это имеет место

в модальных словах) и приобретением формы энклитики. Частицы выражают в речи различные модальные отношения, смысловые оттенки значений слов, придают речи говорящего различную эмоционально-экспрессивную окраску. Они могут функционировать и в качестве формообразовательных элементов. В генетическом отношении все частицы восходят к самостоятельным словам или формам слов. Но в результате развития одни частицы превратились в обыкновенные грамматические форманты, а другие сохранили еще свойства самостоятельных слов. Поэтому частицы могут быть собственные и функциональные.

1. **Собственные частицы** имеют следующие семантические разряды:

-му, -ма – вопросительная форма имени и глагола: китаплириндларни экэлдиндларму? принесли ли вы свои книги?

-ла – универсальная частица, выражающая усилительный оттенок при качественных к относительных прилагательных, наречиях: патпатла «очень часто», «частенько»; кизикла адәм екән «странный он человек»; при подражательных словах передает значение интенсивности, мгновенности протекания образных действий и звуковых представлений: валла қилип көрүнмәк «блеснуть»; при именах – оттенок категоричности, исключения: сәнла «только ты»; бирла күн қалди «остался всего-навсего день»; при глагольной форме будущего времени I и III л.един. и мн. числа изъявительного наклонения выражает убедительную просьбу говорящего или снисходительное его согласие и позволение: мән барайла «мне бы идти»; барсунла «да пусть идет»;

-ду, -ту – предположительно-вопросительная частица, выражает идею вопроса, обращенного к III лицу (с некоторым оттенком предположения и вероятности): улар хелиғичә йетип барғанду «наверное, они уже доехали»; мәнму баридиғандимән? «и я, надеюсь, поеду?».

-чу – вопросительная частица, которая при именах существительных и местоимениях выражает идею вопроса, но в обратно-сопоставительном плане, в форме контрвопроса: биз баримиз, силәрчу? «мы едем, а вы?» При именах и глаголах выражает: 1. уточнительно-побудительный оттенок: сәнчу, бармиғин «а ты, знаешь не ходи»; 2. утверждение с подчеркнутым тоном уверенности: ейтмайчу? «а почему бы и не сказать?», күчүн йетәмду? –йәтмәйчу!? «справишься ли? – а почему же нет!?» 3. императивно-побудительное значение с оттенком просьбы: өйгә кәтсәнчу «иди-ка ты домой».

-а, -ә. При глаголе – сказуемом с формами повелительного наклонения выражает модальное отношение, т.е. придает императивному значению оттенок убедительной просьбы, а иногда идею вопроса: алғина «возьми-ка, пожалуйста»; койсиңиза «да бросьте, пожалуйста»;

-ғу, -қу выражает модальное значение – собственное убеждение или осведомленность говорящего о том или ином факте, действии, предмете, о котором идет речь: әву келиватқан Һаширғу «это ведь идет Хашир»; айлиндики ериқку «арық же перед тобой»; привносит оттенок уточнения: Әмирдинғу бу хәвэрни аңлиди... «Амирдин эту новость (безусловно) слышал уже»; бәрибир силәр тәйяр әмәску «вы же все равно не готовы»; при глагольных формах выражает условность, причинность, а также подчеркивает общий тон повествования: чанамни берип турсаммуғу болаттикән «можно было бы, пожалуй, дать мне (на время) свои сани»; этигәнрәк кәлсәнғу киноға бараттук «если пришел бы ты пораньше, то мы сходили бы в кино».

-әй, -үй служит для придания оттенка усиления, удивления: нәғә барисәнәй? «куда же ты идешь, а?», билидикәнәй «он, оказывается, знает».

-дә, -тә указывают на оценочно-определяющее отношение говорящего к сообщаемому факту: буни қилған шудә «это сделал, конечно, он»; ишлядуктә! «ну и работали мы!»

-зә передает логическую паузу или особую манеру говорящего: шуни ейтивизә, у бирпәс ойлунуп қалди – сказав это, он на некоторое время задумался.

-қина (-ғина, -кинә, -гинә) при именах существительных, прилагательных, наречиях привносят в их значение усилительный оттенок: иссиққина чай «горяченький чай»; омаққина «приятенький», женимғина кизим «родненькая дочь моя»; кичиккинә «маленький», «малюсенький».

-ида, -идә, обязательно удваивая последний звук присоединяемого слова, привносят в значение имен прилагательных и наречий и звукоподражательных слов оттенок интенсивности и мгновенности: жикқида «очень много»; ликқида «полным-полно»: тикқидә «ввысь»; покқида чүшмәк «трахнуть».

2. Функциональные частицы, т. е. слова или формы слов, в той или иной степени обладающие самостоятельностью или факультативностью:

-һә а) в вопросительном предложении привносит в его общее значение утвердительный оттенок: сиз русчә яхши билисизғу дәймән, һә?

«вы, кажется, по-русски хорошо знаете, да?»), б) выражает положительное или отрицательное отношение говорящего к сообщаемому факту: һә, яна немә болди? «что, опять что-нибудь случилось?», һә, немә демәкчи едиңиз? «так, что же вы хотели сказать?»

-мә выражает модальное отношение – одолжения, уступка, дозволения: мә, алғина китивиңни «на, возьми-ка свою книгу»;

-һәч препозитивная частица отрицания, большею частью служит для образования местоимений, наречий: һечқачан «никогда», һечбир «никакой», һечким «никто», һеч вәкәси йоқ «ничего».

Модальные слова

По своей семантике модальные слова могут быть рассмотрены в двух группах:

а) *модальные слова*, выражающие реальность, положительность мысли: һәқиқәтән «в действительности»; әлвәттә «конечно»; шубһисиз «несомненно»; сөзсиз «безусловно», «категорически»; әслидә «в самом деле», «фактически»; һемишәм, дайимән «постоянно» и др.;

б) *модальные слова*, выражающие нереальность, неопределенность или сомнительность мысли: еһтимал «возможно», «быть может»; бәлким, бәлки «возможно» и др.

Союзы

Союзы в уйгурском языке по своим функциям имеют следующие разновидности: а) *соединительные союзы*: һәм, вә, билән, яна; б) *противительные союзы*: бирақ, лекин, амма, амма-лекин; в) *разделительные союзы*: йә, яки, нә, йәни; г) *повторительные союзы*: һәм; д) *сравнительно-сопоставительные союзы*: қанчилик... шунчилик; кандақ... шундақ; е) *союзы причины*: сәвиви, чүнки, болғач; ж) *союзы следствия*: шунлашқа, шу сәвәплик, шуниң үчүн, һәттаки; з) *союз времени*: һели, теһи, әңгизә, шу арида, шуниндин кейин, шу чағда; и) *условно-уступительные союзы*: әгәрдә, әгәр, һәтта, ...болса, ...тәғдирдә, ...һалда и др.

Краткие сведения из синтаксиса

Члены предложения

Подлежащее

Подлежащее может быть выражено различными частями речи: баһар кәлди «пришла весна»; яхши иши билән яхши «человек хорош своей работой», төрт – жүп сан «четыре – четное число»; ишлигән чишләйду «кто работает, тот и ест» (посл.); ейтиш оңай, ишләш қийин «сказать легко, а сделать трудно», оқумақ – билим алмақ «учиться – знание приобретать».

Сказуемое

Сказуемое может быть глагольным или именным. Глагольное сказуемое выражается простыми и сложными глагольными формами. Например: биз шәһәргә баримиз «мы идем в город»; таң етип кәтти «уже рассвело»; у кетип қалғанға охшайду «он, вероятно, ушел».

Именное сказуемое в основном выражается именем (существительным, прилагательным, числительным, местоимением) или определительным сочетанием слов. Например: бизниң нишанимиз – коммунизм «наша цель – коммунизм»; турмушимиз яхши «жизнь наша хороша»; мән һазир оттуз бәштә «сейчас мне тридцать пять лет»; уни ейтқан мән «это сказал я».

Согласование подлежащего со сказуемым

Подлежащее со сказуемым согласуется в лице и числе: мән ишләймән «я буду работать»; сиз окуватисиз «вы учитесь»; у бариду «он пойдет»; улар келиду «они придут».

Если подлежащее выражено однородными членами предложения в форме единственного числа, то именное сказуемое с ним согласуется во множественном числе: ат, қала, кой – өй һайванлири, «лошадь, корова, овца – домашние животные».

Определение

Определение может быть выражено любим именем, а также причастиями. Определения, в зависимости от их способов связи с определяемыми словами делятся на примыкающие и изафетные.

1. *Примыкающие определения*: төмүр сандуқ «железный сундук»; қизил туғ «красное знамя»; тоңлуған су «замерзшая вода».

2. *Изафетные определения*: мениң дадам «мой отец»; язниң күни «летний день».

Приложение – особый тип определения, который характеризует или уточняет определяемые слова предметными или обстоятельственными понятиями: биз, коммунизмниң яш қурулушчилири, һәр дайим алдинки сәптә болушимиз керәк «мы, молодые строители коммунизма, всегда должны быть в передовых рядах».

Дополнение

Дополнение бывает прямое и косвенное: бу тоғрулуқ мән униңға һевдемә демидим «я об этом ему ничего не говорил»; айрилғанни оғри алар, бөлүнгәнни бери йәр «отделившегося вор возьмет, отбившегося волк съест».

Обстоятельство

Обстоятельства могут выражаться наречиями, качественными прилагательными, существительными и некоторыми формами глагола.

1. Обстоятельство места: яхши сөз йәрдә қалмас «хорошее слово не останется без внимания» (посл.).

2. Обстоятельство времени: биз әгә кетимиз «мы завтра уезжаем».

3. Обстоятельство образа действия: тиришип ишлидук «мы работали старательно».

4. Обстоятельство цели: мән бу йәргә оқуғили кәлдим «я сюда приехал учиться».

5. Обстоятельство причины: бу уқушмасликтин болди «это случилось по недоразумению».

Порядок слов в предложении

В уйгурском предложении существует определенный порядок расположения членов предложения:

а) определение находится всегда перед определяемым;

б) дополнение – перед дополняемым;

в) подлежащее – перед сказуемым;

г) сказуемое – всегда в конце предложения;

д) второстепенные члены, относящиеся к подлежащему, а также сказуемому, обычно предшествуют им.

Обычный порядок слов может быть нарушен и подвергаться инверсии в некоторых экспрессивных предложениях (Яшисун Биринчи май! «Да здравствует Первое мая!»), а также в разговорной речи и повествовании (нәгә берип кәлдинлар силәр бүгүн? «куда ходили вы сегодня?»).

Однородные члены предложения

Однородные члены предложения бывают нераспространенными и распространенными.

Однородные члены предложения оформляются сочинительной связью, которая осуществляется: а) бессоюзным сочетанием – интонацией перечисления: бу йәрдә қаригай, кейин, қарияғач өсүдү «здесь растут ель, береза, карагач»; б) различными союзами; бу йәрдә һәм қаригай, һәм кейин, һәм қарияғач өсүдү «здесь растут и ель, и береза, и карагач». Если однородные члены требуют грамматических показателей, то этими показателями оформляется последний из них завод, фабрика, қурулушларда нурғунлуған аяллар ишләйду «на заводах, фабриках, стройках работает много женщин».

Типы предложений и их классификация

В современном уйгурском языке различаются два типа предложений: *простые предложения* и *сложные предложения*. Уйгурские предложения могут быть также классифицированы:

- а) по характеру составных частей: распространенные, личные и безличные, полные и неполные;
- б) по цели высказывания: повествовательные и побудительные, вопросительные и восклицательные.

Простые предложения

1. *Простое нераспространенное предложение* может состоять: а) из одного слова, т. е. из законченной глагольной формы, представляющей собой простое сказуемое, например: ишлидим «работал», кэтти «ушел»; б) из двух слов – подлежащего и сказуемого, например: Зунун кэлди «пришел Зунун», түн караңғу «ночь темна»; в) из трех и более слов, например: Бүгүн Һезимниң дадиси келиши мүмкин «Возможно, сегодня придет отец Хезима».

2. *Простое распространенное предложение* может быть:

а) с развернутым подлежащим, например: Өхмэтниң кичик қизи Равийәм фабрикада ишлэйду «младшая дочь Ахмета Равиям работает на фабрике»;

б) с развернутым сказуемым, например: униң акиси агроном болуп ишлэйду «его брат работает агрономом»;

в) с развернутым обстоятельством, например: йетәрлик вақтимболмиғанлиқтинмәнтүгүтәлмидим «из-за отсутствия достаточного времени я не смог закончить»;

г) с развернутым дополнением, например: биз униң билән телефон арқилиқ сөзләштүк «мы говорили с ним по телефону»;

д) с развернутым определением, например: мән дәрияниң у четадики йезида турумән «я живу в расположенной по ту сторону реки деревне».

Сложные предложения

В уйгурском языке различаются два типа сложных предложений: *сложносочиненные* и *сложноподчиненные*.

Сложносочиненные предложения

Сложносочиненные предложения могут состоять из двух или нескольких равноправных предложений. Входящие в состав сложносочиненных предложений простые предложения могут быть связаны посредством союзов и без них, в бессоюзных сложносочиненных предложениях связь между простыми предложениями может

осуществляться также посредством оформления сказуемого первого предложения аффиксом деепричастий: у чакирди, лекин биз бармидук «он приглашал, но мы не пошли»; куз калди, кушлар иссиқ яқларға учуп кетишкә башлиди «пришла осень, птицы стали улетать в жаркие страны»; ишни түгүтүп, у өйгә кәтти «закончив работу, он ушел домой».

Сложноподчиненные предложения

Придаточное дополнительное предложение может стоять перед и за главным предложением: һәммә билидуки, радиони рус алими Попов ойлап тапқан «все знают, что радио было изобретено русским ученым Поповым».

Придаточное определительное предложение обычно стоит после главного: ким тиришип окуса, шу билимгә егә болуду «кто старательно будет учиться, тот овладеет знаниями».

Придаточное предложение подлежащее предшествует главному предложению: ким халиса, шу чикип сөзлүсүн «кто хочет, пусть тот выступит».

Придаточное предложение времени стоит впереди главного: күн олтурай дәп қалғанда, биз шәһәргә йетип кәлдүк «когда солнце было близко к закату, мы прибыли в город».

Придаточное предложение причины стоит впереди главного: кечикип қалмас үчүн, биз машинаға олтуруп бардук «чтобы не опоздать, мы отправились на машине».

Придаточное предложение цели может стоять впереди или в середине главного предложения: колхозчилар жуқури һосул елиш үчүн, йәрни яхши оғутлуди «колхозники, чтобы получить высокий урожай, хорошо удобрили землю».

Придаточное условное предложение может стоять впереди или в середине главного предложения: эгәр у чакирған болса, мән бараттим «если он пригласил бы, я бы пошел».

Придаточное предложение места стоит впереди главного предложения: кәйәрдә тәртип күчлүк болса, шу йәрдә иш алға басиду «где крепкая дисциплина, там и дело пойдет на лад».

Придаточное предложение образа действия может стоять впереди или в середине главного предложения: у, маңа һеч немә демәй, өйдин чикип кәтти «он, не сказав мне ничего, вышел из дома».

Придаточное предложение следствия стоит впереди главного: у шундақ хошал болдики, һәтта немә қилишини билмәй қалди «он так обрадовался, что не знал даже, как поступить».

Придаточное уступительное предложение может стоять впереди и в середине главного предложения: йол тәс болсима, биз сәяһәтни давам килдук «хотя путь был трудным, мы продолжили свое путешествие».

Придаточное сравнительное предложение может стоять впереди и в середине главного: у маңа, худди нәччә жидлин бери көрмигәндәк, тикилип қарап қапту «он на меня уставился, будто несколько лет не видел».

Таблицы склонения имен и спряжения глаголов

Простое склонение

Таблица 1

Аффиксы простого склонение⁴

Название падежей	После гласных основы	После сонорных согласных м, н, ң	После звонких согласных	После глухих согласных
Именительный падеж	-	-	-	-
Родительный	-нин	-нин	-нин	-нин
Дательный	-ға, -гә	-ға, -ге	-ға, -ге	-ка, кә
Винительный	-ни	-ни	-ни	-ни
Местный	-да, -дә	-да, -дә	-да, -дә	-та, -тә
Исходный	-дин	-дин	-дин	-тин

Таблица 2

II. Склонение имен, оканчивающихся на гласные

Название падежей	Слова с конечным широким гласным		Слова с конечным узким гласным	
	кала, така	гәми, текә	гәми-нин, теки-нин	гәми-гә, теки-гә
Именительный	кала, така	гәми, текә	гәми-нин, теки-нин	гәми-гә, теки-гә
Родительный	кали-нин, таки-нин	гәми-нин, теки-нин	гәми-нин, теки-нин	гәми-гә, теки-гә
Дательный	кали-ға, таки-ға	гәми-гә, теки-гә	гәми-ни, теки-ни	гәми-ни, теки-ни
Винительный	кали-ни, таки-ни	гәми-ни, теки-ни	гәми-ни, теки-ни	гәми-ни, теки-ни
Местный	кали-да, таки-да	гәми-дә, теки-дә	гәми-ни, теки-ни	гәми-ни, теки-ни
Исходный	кали-дин, таки-дин	гәми-дин, теки-дин	гәми-дин, теки-дин	гәми-дин, теки-дин

Таблица 3

III. Склонение имен, оканчивающихся на согласные

Название падежей	Сонорные		Звонкие		Глухие	
	твердые	мягкие	твердые	мягкие	твердые	мягкие
Именительный	тон	күн	кол	көл	баш	мәш

⁴ Имена с аффиксом множественного числа склоняются так же, как обычные имена, оканчивающиеся на звонкие согласные.

Родительный	тон-ниң	күң-ниң	қол-ниң	к ө л - ниң	баш-ниң	мәш-ниң
Дательный	тон-ға	күн-гә	қол-ға	көл-гә	баш-қа	мәш-кә
Винительный	тон-ни	күн-ни	қол-ни	көл-ни	баш-ни	мәш-ни
Местный	тон-да	күн-дә	қол-да	көл-дә	баш-та	мәш-тә
Исходный	тон-дин	күн-дин	қол-дин	к ө л - дин	баш-тин	мәш-тин

Таблица 4

Аффиксы принадлежности

I

Лицо	После гласных		После гласных о, у, а в некоторых словах		Число
	Аффиксы	Примеры	Аффиксы	Примеры	
1 2 (Вежл.) 3	-м	ана-м	-рум, -рим	Һо-рум, сия-рим	Един.
	-ң	ана-ң	-руң, -риң	Һо-руң, сия-риң	
	-ңиз	ани-ңиз	-руңиз, риңиз	Һо-руңиз, сия-риңиз	
1 2 3	-си	ани-си	-ри	Һо-ри, сия-ри	Множ.
	-имиз	ани-лир-имиз	-умиз, -имиз	Һо-лир-имиз, сия-лир-имиз	
	-иңлар	ани-лир-иңлар	-уң, -иң	Һо-лир-иң, сия-лир-иң	
1 2 3	-и	ани-лир-и	-и	Һо-лир-и, сия-лир-и	Множ.

Таблица 5

II

Лицо	После слов с конечными слогаобразующими губными о, у, ө, ү		После слов с конечными слогаобразующими негубными а, ә, е, и		Число
	Аффиксы	Примеры	Аффиксы	Примеры	
1 2 (Вежл.) 3	-ум, -үм	қол-ум, көз-ум	-им	(ат)ет-им, (бәл)бем-им	Един.
	-умиз, -үмиз	қол-умиз, көз-үмиз	-имиз	ет-имиз, бел-имиз	
	-уң, үң	қол-уң, көз-үң	-иң	ет-иң, бел-иң	
1 2 3	-уңиз, -үңиз	қол-уңиз, көз-үңиз	-иңиз	ет-иңиз, бел-иңиз	Множ.
	-и	қол-и, көз-и	-и	ет-и, бел-и	
	-умиз	мол-луримиз, көз-лүрүмиз	-имиз	ат-лиримиз, бәл-лиримиз	
1 2 3	-үмиз	қол-луруңлар, көз-лүруңлар	-иңлар	ат-лириңлар, бәл-лириңлар	Множ.
	-уңлар	қол-лири, көз-лири	-и	ет-и, бел-и	
	-үңлар				

Таблица 6

Склонение имен существительных с притяжательными аффиксами

Название падежей	1 лицо, единственное число			
	Последний слог с широким гласным		Последний слог основы с узким гласным	
Именительный	ака-м	тоху-рум	көл-үм	(әл) ел-им
Родительный	акам-ниң	тохурум-ниң	көлүм-ниң	елим-ниң
Дательный	акам-ға	тохурум-ға	көлүм-гә	елим-гә
Винительный	акам-ни	тохурум-ни	көлүм-ни	елим-ни
Местный	аками-да	тохурум-да	көлүм-дә	елим-дә
Исходный	акам-дин	тохурум-дин	көлүм-дин	елим-дин

Таблица 7

Название падежей	2 лицо, единственное число			
	Последний слог основы с широким гласным		Последний слог основы с узким гласным	
Именительный	дадаң	йолуң	сөзүң	белиң
Родительный	дадаң-ниң	йолуң-ниң	сөзүң-ниң	белиң-ниң
Дательный	дадаң-ға	йолуң-ға	сөзүң-гә	белиң-гә
Винительный	дадаң-ни	йолуң-ни	сөзүң-ни	белиң-ни
Местный	дадаң-да	йолуң-да	сөзүң-дә	белиң-дә
Исходный	дадаң-дин	йолуң-дин	сөзүң-дин	белиң-дин

Таблица 8

Название падежей	3 лицо, единственное число			
	С широким гласным слогом в предпоследнем слове		С узким гласным в предпоследнем слове	
Именительный	китави	ачкучи	һәдиси	сөзи
Родительный	к и т а в и - ниң	ачкучи-ниң	һәдиси-ниң	сөзи-ниң
Дательный	китави-ға	ачкучи-ға	һәдиси-гә	сөзи-гә
Винительный	китави-ни	ачкучи-ни	һәдиси-ни	сөзи-ни
Местный	китави-ни	ачкучи-да	һәдиси-дә	сөзи-дә
Исходный	китави-да	ачкучи-дин	һәдиси-дин	сөзи-дин
	к и т а в и - дин			

Таблица 9

Название падежей	Множественное число		
	1 лицо	2 лицо	3 лицо

Именительный	балилиримиз	тавузлириңлар	эвлатлири
Родительный	балилиримиз-ниң	тавузлириңлар-ниң	эвлатлири-ниң
Дательный	балилиримиз-ға	тавузлириңлар-ға	эвлатлири-ға
Винительный	балилиримиз-ни	тавузлириңлар-ни	эвлатлири-ни
Местный	балилиримиз-да	тавузлириңлар-да	эвлатлири-да
Исходный	балилиримиз-дин	тавузлириңлар-дин	эвлатлири-дин

Таблица 10

Местоименное склонение
Единственное число

Название падежей	Аффиксы склонения	Личные местоимения			
		1 лицо	2 лицо	2 лицо вежл.ф.	3 лицо
Именительный	-	мән	сән	сиз	у
Родительный	-иң, -ниң	мен-ниң	сен-иң	сиз-ниң	у-ниң
Дательный	-а, -гә, -ға	маң-а	саң-а	сиз-ге	у-ниңға
Винительный	-и, -ни	мен-и	сен-и	сиз-ни	у-ни
Местный	- и ң д ә , -иңда,	мен-иңдә	сен-иңдә	сиз-дә	у-ниңда
Исходный	-да, -дә -индин, -ниңдин, -дин	(мән-дә) мен-индин (мән-дин)	(сән-дә) сен-индин (сән-дин)	сиз-дин	у-ниңдин

Таблица 11

Множественное число

Название падежей	Аффиксы склонения	Личные местоимения		
		1 лицо	2 лицо	3 лицо
Именительный	-	биз	силәр	улар
Родительный	-ниң	биз-ниң	силәр-ниң	улар-ниң
Дательный	-гә, -ға	биз-гә	силәр-ге	улар-ға
Винительный	-ни	биз-ни	силәр-ни	улар-ни
Местный	-дә, -да	биз-дә	силәр-дә	улар-да
Исходный	-дин	биз-дин	силәр-дин	улар-дин

Таблица 12

Единственное число

Название падежей	Указательные местоимения				
	Аффиксы склонения	Примеры			
Именительный	-	бу	мону	шу	эву
Родительный	-ниң	бу-ниң	мону-ниң	шу-ниң	эву-ниң
Дательный	-ниңға	бу-ниңға	мону-ниңға	шу-ниңға	эву-ниңға
Винительный	-ни	бу-ни	мону-ни	шу-ни	эву-ни
Местный	-ниңда	бу-ниңда	мону-ниңда	шу-ниңда	эву-ниңда
Исходный	-ниңдин	бу-ниңдин	мону-ниңдин	шу-ниңдин	эву-ниңдин

Таблица 13

Множественное число

Название падежей	Указательные местоимения				
	Аффиксы склонения	Примеры			
Именительный	-	булар	монулар	шулар	эвулар
Родительный	-ниң	булар-ниң	монулар-ниң	шулар-ниң	эвулар-ниң
Дательный	-ға	булар-ға	монулар-ға	шулар-ға	эвулар-ға
Винительный	-ни	булар-ни	монулар-ни	шулар-ни	эвулар-ни
Местный	-да	булар-да	монулар-да	шулар-да	эвулар-да
Исходный	-дин	булар-дин	монулар-дин	шулар-дин	эвулар-дин

Таблица 14

Спряжение глаголов. Изъявительное наклонение. I. Прошедшее определенное время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	ал-	ишлэ-сөзлө	ал-бол-	ишлэ-сөзлө
1	ал-дим	ишли-дим	ал-дук	ишли-дук
	бол-дум	сөзлү-дум	бол-дук	сөзлү-дук
2	ал-дин	ишли-дин	ал-динлар	ишли-динлар
	бол-дун	сөзлү-дун	бол-дунлар	сөзлү-дунлар
3	ал-дибол-ди	ишли-ди	ал-ди	ишли-ди
		сөзлү-ди	бол-ди	сөзлү-ди

Таблица 15

II. Прошедшее причастное определенное время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	тэр-	тони-	тэр-	тони-
1	тэр-гэн	тону-ган	тэр-гэн	тону-ган
2 (Вежл.)	тэр-гэн	тону-ган	тэр-гэн	тону-ган
	тэр-гэн	тону-ган	-	-
3	тэр-гэн	тону-ган	тэр-гэн	тону-ган

Таблица 16

III. Прошедшее предложительное время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	бар-	төлө	бар-	төлө-
1	б а р -	т ө л ү -	бар-гандимиз	т ө л ү -
2 (Вежл.)	гандимэн	гэндимэн	бар-гансилэр	гандимиз
	бар-гансэн	төлү-гэнсэн	-	т ө л ү -
3	бар-гасиз	төлү-гэнсиз	бар-ганду	гэнсилэр
	бар-ганду	төлү-гэнду		-
				төлү-гэнду

Таблица 17

IV. Прошедшее повествовательное время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	яз-	оки-	бар-	оки-
1	йез-иптимэн	оку-птумэн	йез-иптимиз	оку-птумиз
2 (Вежл.)	йез-ипсэн	оку-псэн	йез-ипсилэр	оку-псилэр
	йез-ипсиз	оку-псиз	-	-
3	йез-ипту	оку-пту	йез-ипту	оку-пту

Таблица 18

V. Многократно-длительное прошедшее время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	қош-	чана-	қош-	чана-
1	қош-аттим	чана-ттим	қош-аттук	чана-ттук
2	қош-аттиң	чана-ттиң	қош-аттиңлар	чана-ттиңлар
(Вежл.)	қош-аттиңиз	чана-ттиңиз	-	-
3	қош-аттиң	чана-тти	қош-атти	чана-тти

Таблица 19

VI. Настоящее время данного момента со всп.гл. «ятмақ»

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	В послед. слоге губной гласн.	В послед. слоге негубной гласн.	В послед. слоге губной гласн.	В послед. слоге негубной гласн.
1	тур-уватимән	сора-вәтимән	т у р -	с о р а -
2	тур-уватисән	сора-вәтисән	уватисиләр	ватисиләр
(Вежл.)	тур-уватисиз	сора-ватисиз	т у р -	сора-ватимиз
3	тур-уватиду	сора-ватиду	уватимиз	-
			-	сора-ватиду
			тур-уватиду	

Таблица 20

VII. Настоящее-будущее время

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	бил-ә	жүр-ә	бил-ә	жүр-ә
1	бил-и-мән	жүр-ү-мән	бил-и-миз	жүр-ү-миз
2	бил-и-сән	жүр-ү-сән	бил-и-силәр	жүр-ү-силәр
3	бил-и-ду	жүр-ү-ду	Бил-и-ду	жүр-ү-ду

Таблица 21

VIII. Будущее неопределенно-предположительное время

Лицо	Единственное число		
	кал-а-р	ейт-дииган-ду	бар-ғи-дәк

1	қал-армән	ейт-идиғандимән	бар-ғидәкмән
2	қал-арсән	ейт-идиғансән	бар-ғидәксән
(Вежл.)	қал-а (р) сиз	ейт-идиғансиз	бар-ғидәксиз
3	қал-ар	ейт-идиғанду	бар-ғидәк

Таблица 22

IX. Будущее неопределенно-предположительное время

Лицо	Множественное число		
	қал-ар	ейт-иди-ған-ду (р)	бар-ғидәк
1	қал-армиз	ейт-идиғандимиз	бар-ғидәкмиз
2	қал-арсиләр	ейт-идиғәнсиләр	бар-ғидәксиләр
3	қал-ар	ейт-идиғанду	бар-ғидәк

Таблица 23

Условное наклонение

(спряжение условной формы)

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	После гласных	После согласных	После гласных	После согласных
1	ойли-сам	кәт-сәм	ойлу-сақ	кәт-сәк
2	ойли-саң	кәт-сәң	ойлу-саңлар	кәт-сәлар
(Вежл.)	ойли-сиңиз	кәт-сиңиз	-	-
3	ойли-са	кәт-сә	ойлу-са	кәт-сә

Таблица 24

Желательное наклонение⁵

(спряжение желательной формы)

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	ал-ар	ал-са еди	ал-ар еди	ал-са еди
	еди алатти		алатти	
1	ал-аттим	ал-сам елим	ал-аттук	ал-сақ еди
2	ал-аттин	ал-сан един	ал-аттинлар	ал-сан единлар
(Вежл.)	ал-аттиниз	ал-синиз еди	-	-
3	ал-атти	ал-сиди	ал-атти	ал-сиди

*Краткий грамматический очерк уйгурского языка,
Уйгурско-русский словарь, отдельный оттиск,
Алма-Ата, 1961. с. 289-328.*

⁵ Форма желательного наклонения -ай, -әй, -й, -айли, -әйли, -йли употребляются только в 1 лице единств. и множ. числа: мән барай, биз бар-айли.

Уйгурское языкознание за 40 лет

До XIX в. наука располагала очень скудными сведениями об Уйгурстане и его основном населении – уйгурах. Достаточно сказать, что до известных путешествий Н.М.Пржевальского, М.В. Певцова, И.В.Мушкетова и других русских исследователей на географических картах огромные пространства Центральной Азии оставались белыми пятнами, ибо не было даже известно, что находится на этой территории – пустыни или горы, моря или реки, степи или леса. Мало того, в науке господствовало мнение о том, что на современной территории Синьцзяна и пограничной Джунгарии будто бы находятся огнедышащие горы – вулканы. Такого мнения, в частности, придерживался один из ученых XIX. в. Александр Гумбольдт, выдвинувший свою теорию образования гор и поверхностей Средней и Центральной Азии. «... До этого времени, – пишет также В.А.Обручев, – Центральная Азия составляла для географии страну немногим лучше известную, чем внутренние части Африки...»¹

Таким образом, до указанного периода об уйгурах и их богатейшей культуре можно было судить только по отдельным разрозненным свидетельствам китайских (Фа Сянь, Сюань Цзянь), арабских (Ал-Фатых, Ибн-Тамим), европейских (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло) путешественников и историков.

В начале XIX в. появились отдельные историко-филологические труды, в которых в основном ставились вопросы о происхождении уйгуров, их языковой принадлежности и т. д. В числе такого рода специальных исследований следует указать работы Клапрота «О языке и письменности уйгуров» (1812) и Бичурина «Записки о монголах» (1828). Но это были лишь первые, научно не проверенные сведения. Они получили свое дальнейшее уточнение и развитие в трудах других русских востоковедов, в частности проф. Казем-бека – «Исследование об уйгурах» (1841).

С этого момента начинается постепенное накопление сведений и фактов по истории, культуре и языку уйгуров, выявляются и привлекаются в научный обиход новые и новые источники самого различного характера, и во всем этом мы видим величайшую заслугу русских ученых-историков, филологов, этнографов. В формировании и развитии уйгуроведческой науки большую заслугу имели не только историки и

¹ В.А. Обручев. Краткий обзор экспедиций, снаряженных Императорским Русским Географическим Обществом для исследования материка Азия с 1846 по 1896 год. «Известия Вост.-Сиб. Отд. РГО», 1897, т. 27, №1, стр. 7.

филологи, но и специалисты самых различных профилей. Для ученых того времени был характерен так называемый комплексный метод исследования, сущность которого заключалась в том, что ученые не ограничивали себя целью изучения лишь одной отрасли знания, а вели параллельное исследование смежных и несмежных дисциплин. Так, и Н. М. Пржевальский, и М. В. Певцов, и Г.Е.Грумм-Гржимайло наряду с археологическими, географическими и другими исследованиями, проведенными в Синьцзяне, ревностно собирали и материалы по истории и этнографии уйгуров, литературные памятники, производили записи уйгурских песен², сказаний, легенд, пословиц, поговорок и различных исторических преданий. Все эти материалы и высказывания их по языку³, истории и литературе уйгуров в известной мере явились определенным вкладом в уйгуроведение.

Таким образом со второй половины XIX в. исследования по истории и этнографии, языку и фольклору уйгуров, ранее носившие эпизодический характер, постепенно переходят на более прочные научные рельсы, что и благоприятствует формированию самостоятельной отрасли науки – уйгуроведения, задача которого определилась в комплексном изучении всей материальной и духовной культуры уйгурского народа.

Благодаря усилиям и неутомимым трудам русских ученых во второй половине XIX в., уйгуроведческая наука получает свое дальнейшее и более интенсивное развитие как по глубине научных изысканий, так и по разнообразию тематики. Это объясняется, прежде всего, проявлением большого интереса к уйгуроведению не только русского, но и всего

2 Г.Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. Т. I. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896, стр. 439-441 и др.

3 Так, например, о лобнорском наречии *Н.М.Пржевальский* пишет: «Язык обитателей Лобнора и нижнего Тарима тот же тюркский язык, как и во всем Восточном Туркестане, отличается лишь значительной примесью монгольских слов. Впрочем, слова эти теперь понемногу выводятся и заменяются словами хотанских поселенцев, живущих в Чархалыке. Ныне лобнорцы нас уверяли, что понимают говор жителей Курля, нежели хотанцев. С своей стороны могу заметить, что наш переводчик родом таранчинец из Кульджи, свободно объяснялся как на Лобноре, так и в Хотане. Кроме того, у лобнорцев есть собственный язык, которым они объясняются между собой и которого не понимал наш переводчик. Мы слышали, что этот язык тот же тюркский, но только исковерканный, как бывает искаженный русский говор у наших офеней. Всегда лобнорцы говорят громко и скоро». (*Н.М.Пржевальский* Четвертое путешествие в Центральной Азии от Кяхты на истоке Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 4888, стр. 313).

Аналогичные высказывания мы встречаем у М. В. Певцова (Путешествие по Восточному Туркестану. «Труды Тибетской экспедиции 1839-1890 гг.», ч. 1, 1895 г., СПб., стр. 311, 328-329) и у *Г.Е.Грумм-Гржимайло* (Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948, стр. 319-320) и др.

европейского ученого мира, как к новому и более перспективному объекту исследования, и, во-вторых, организацией многочисленных экспедиций в пределы Восточного Туркестана.

«В конце XIX в., – пишет А. Н. Бернштам, – складываются благоприятные условия, способствовавшие обогащению уйгуроведения. Русские исследователи Чокан Валиханов, Петровский и Клименц открыли неисчерпаемые сокровища Восточного Туркестана – родины уйгур. По стопам русских первооткрывателей шли экспедиции англичан, французов, немцев, японцев, финнов и итальянцев. За Валихановым (1858-1859) последовал Шоу (1868-1889) и Форсайт Беллью (1870-1873). Вслед за Петровским, начавшим свою деятельность в Кашгаре в 1882 г., последовало открытие Бозром (1890) санскритской рукописи в Куче. После поездки русского врача Регеля (1879) и Клименца (1898) в Турфан последовали Штейн (1900), Грюнведель и Лекокк (1902), Пелльо (1906), Отани (1908), Филиппо де Филиппини (1913) и др.»⁴.

В результате этих экспедиций был собран ценнейший материал о уйгурах. Уйгуроведение намного обогатилось литературно-письменными памятниками⁵, историческими сведениями и археологическими и другими находками.

Русским ученым принадлежит честь не только первооткрывателей многочисленных письменных памятников в Восточном Туркестане, но и честь активных исследователей открытых памятников. В этом особенно большую заслугу имеют уйгуроведы-филологи. «Русская наука, – пишет А.Н.Бернштам, – первой заложила основы широкого филологического знакомства с уйгурской литературой и языком»⁶. Филологическая работа в этот период проводится, главным образом, по линии обработки, изучения и публикации богатейшей коллекции памятников уйгурского письма. С этой большой по своему масштабу исследовательской работой по истории письменности и письменных памятников уйгуров тесно связаны имена многих русских и зарубежных ученых: проф. А.Казембека, проф. Н.И.Ильминского, акад. В.В.Радлова, акад. С.Ф.Ольденбурга, проф. Н.Ф.Катанова, проф. С. Е. Малова, Н.Н. Пантусова, Мюллера, Лекокка, Банга, Габэна, Рахмати, Р. Шоу, Витакер, Р. Ракетт и многих других.

4 А.Н.Бернштам. Русская и советская уйгуристика. «Известия АН КазССР», серия уйгуро-дунганской культуры. 1950, вып. 1, стр. 78.

5 С.Е.Малов. Уйгурские рукописи XVII-XVIII вв. «Записки Восточного Отделения РАО», год XXI, 1911. вып. 1. стр. XV; *его же*. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. «Записки Коллегии востоковедов АН СССР». Л., 1932, т. I, стр. 129-149 и др.

6 А.Н.Бернштам. Указ. работа, стр. 78.

Указывать труды всех авторов, которые когда-либо занимались в этой области уйгуроведения, в данном случае не имеет никакой надобности. Однако следует отметить, что исследования ориенталистов буржуазных стран отличались от исследований отечественных тюркологов не только в трактовке тех или иных принципиальных вопросов, но и в самой методологии исследований. Так, например, при характеристике языка уйгуров Восточного Туркестана европейские ученые, главным образом, базировались на факте книжного «чагатайского языка» с ориентацией на османско-турецкий литературный язык. К такого рода работам, в частности, можно отнести грамматические исследования по уйгурскому языку Р. Шоу (1861) и Витакера, а также «Граматику языка Восточного Туркестана» (1913) Р. Ракетта.

Отечественные же тюркологи-уйгуроведы, особенно представители Казанской тюркологической школы, наоборот, наряду с изучением письменных памятников в их отношении к современным языкам большое внимание уделяли и исследованиям живых форм разговорного языка в их динамическом развитии. При этом освещение фактов родственных языков в сравнительном аспекте выдвигалось как основной метод научного исследования. Примером этого могут служить исследования А. Казембека, Н.М. Ильминского, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова и др. Особый интерес к живым тюркским языкам в свою очередь расширил сферу исследуемых языков: изучению подвергались языки народов не только внутри России, но и народов, живущих за ее пределами – в Восточном Туркестане и отдельных провинциях Китая.

Отечественными тюркологами в этот период проводится большая филологическая работа: лингвистическая запись фольклорных материалов по самым различным диалектам и наречиям уйгурского языка, их обработка и публикация. Наряду с лингвистическими записями параллельно велась и исследовательская работа в области лексикологии и лексикографии, диалектологии и фонетики, грамматики и истории уйгурского языка. В этом отношении фундаментальные труды акад. В.В.Радлова⁷ являются неоценимым вкладом в уйгурское языкознание. По линии сбора, записи и публикации наследия устного народного творчества уйгурского народа, а также образцов уйгурской классической письменной литературы

⁷ В.В.Радлова. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Т. VI (наречие таранчей). СПб...1886; *его же*. К вопросу об уйгурах. «Из предисловия к изучению Кутадгу-Билик. Приложение к XXI тому «Записок Императорской Академик наук». СПб., 1893, №2; *его же*. Турфанские тексты в лингвистическом отношении «Записки Восточн. Отд. РАО». СПб., 1913, т. XXI, вып. IV и др.

прошлых веков после Ч.Валиханова, Н. Пржевальского, В.В.Радлова и других зарубежных ученых огромную работу проделали⁸ Н. Ф. Катанов⁹, Н.Н.Пантусов¹⁰ затем С. Е. Малов¹¹.

Таким образом, значительная работа по уйгурской филологии была проделана до Октябрьской революции нашими отечественными тюркологами-уйгуроведами. Однако несмотря на это, а также на заметную дифференцированность в изучении уйгурского языка, говорить об уйгурском языкознании, как о самостоятельном предмете уйгуроведения, каким его представляем мы сейчас, в дооктябрьский период, конечно, не приходится. Весь предоктябрьский период развития уйгурского языкознания, на наш взгляд, характеризуется как серьезный подготовительный период, где вся языковедческая работа проходила под девизом большего выявления и накопления фольклорно-лингвистического материала, сплошной публикации письменных памятников с соответствующей их научной обработкой.

Развитие уйгуроведческой науки, особенно уйгурской филологии, в советский период характеризуется значительной общей интенсификацией, вся исследовательская работа по уйгурскому языку, в отличие от дореволюционных спорадических исследований, носит плановый и систематический характер. Усовершенствована и углублена сама методология исследований, заметные изменения наблюдаются и в тематике научных работ, с таким их направлением, при котором общая разработка вопросов языка отвечает практическим потребностям жизни – обновлению и демократизации литературного языка, созданию и улучшению алфавита, правописания и терминологии, а также составлению учебников и учебных пособий.

Значительный успех исследователей уйгурского языка за истекшие 40 лет можно показать не только аргументацией цифр, т. е. совокупностью всей печатной продукции, но и глубиной научной разработки ряда практически актуальных вопросов.

8 Об этом подробнее см: *Қ.Хасанов. Ұйғыр әдебиетін зерттеу мәселелері. «Қазақ әдебиеті», 1955, 19 август.*

9 Большой фольклорный материал (4444 страницы, в том числе и уйгурский фольклор), собранный Н. Ф. Катановым во время научной командировки в Восточном Туркестане и Сибири (1888–1892), еще не опубликован и хранится в ЦГА ТатАССР в Казани.

10 *Н.Н.Пантусов. Образцы таранчинской народной литературы, собранные и переведенные Н.Н.Пантусовым. «Известия общ. археол., истории и этногр.», 1909, т XXV, вып. 2–4; его же. Материалы к изучению наречия таринчей Илийского округа. Казань, 1897–1907. вып. 1–IX.*

11 О трудах С.Е.Малова несколько ниже.

В подобном всестороннем развитии уйгурская филология, прежде всего обязана русским ученым и ученым других братских народов, которые сыграли огромную роль как своими непосредственными исследованиями в этой области, так и квалифицированным научным руководством и воспитанием многочисленных национальных кадров-лингвистов. Так, например, за последние годы под научным руководством наших известных тюркологов С. Е. Малова, В. М. Насилова, К. К. Юдахина, Н. А. Баскакова, А. К. Боровкова, С. К. Кенесбаева, И. А. Батманова и др. подготовлены к научно-исследовательской работе десятки специалистов по уйгурской филологии. Среди них можно назвать имена кандидатов филологических наук Э. Наджиба, А. Ш. Шамиеву, Р. Ф. Тарасенко. Л.А. Аганину, Э.Р.Тенишева, И. Исмаилова, Г. Садвакасова, Ч.Г.Сайфуллина, Қ. Мелиева, Е. И. Ушакова, Т. Талипова и др., которые сейчас плодотворно работают в системе академий наук Союза ССР, Казахстана и Узбекистана, а также в вузах Москвы, Ташкента и Алма-Аты.

Говоря о развитии уйгурской филологии, в особенности уйгурского языкознания, за прошедшие 40 лет, мы не можем не отметить огромную заслугу одного из крупнейших представителей советской тюркологии ныне покойного члена-корреспондента АН СССР профессора С.Е. Малова.

Как известно, в кругу научных интересов С. Е. Малова предмет уйгуроведения занимал центральное место. Начав свой первый серьезный научный шаг с изучения уйгурского языка и фольклора, С. Е. Малов провел в этой области весьма ценные исследования¹². Достаточно отметить, что из ста пятидесяти трудов, от фундаментальных исследований до небольших научных заметок, принадлежащих перу С. Е. Малова, около 60 непосредственно посвящено тем или иным вопросам уйгурского языка. Но наиболее последовательное освещение получили, пожалуй, проблемы, связанные с изучением памятников уйгурского письма.

Изучением древнетюркских письменностей и письменных памятников С. Е. Малов интересуется еще в студенческие годы. Но его, по существу, первое серьезное занятие в этой области было начато совместно с его учителем акад. В. В. Радловым с изучения и подготовки в печать ценной в лингвистическом отношении рукописи памятника уйгурского

12 О научной деятельности С. Е. Малова более подробные сведения можно получить в следующих работах: *Е.И.Убратова*. О научной и общественной деятельности С. Е. Малова. Тюркологический сборник, т. I. М.–Л., 1951, стр. 5–30; *Н. Т. Сауранбаев*. Тюркология ғылымының ірі қайраткері. «Вестник Казахского филиала АН СССР», 1945, янв.-февр., № 1 (4), стр. 43–45; 40-летие научной деятельности доктора филологических наук С. Е. Малова. «Казахстанская правда». 1945, 21 января, № 15; *А. Гәйдаров*. Совет уйғуршунаслигиниң атиси. «Коммунизм туғи», 1960, 7 января и др.

языка «Алтун ярук»¹³, найденной им же в буддинских кумирнях желтых уйгуров Ганьсу во время первой поездки в Китайский Туркестан. С тех пор, продолжая лучшие традиции своих предшественников, С. Е. Малов сделал весьма ценный вклад в тюркологическую науку в изучении письменных памятников. Исследованиями С.Е.Малова охвачены почти все памятники уйгурского языка, начиная от различных надмогильных и наскальных надписей и кончая письменными памятниками манихейского («Покаянная молитва манихейцев»), буддийского («Золотой блеск») и христианского («Поклонение волхвов») религиозного толка¹⁴ и уйгурскими юридическими документами¹⁵, которые вошли в общеизвестный фундаментальный труд «Памятники древнетюркской письменности» (1951).

Нельзя не отметить и то, что в изучении языка письменных памятников С. Е. Малов не замыкал себя в рамки уже известных положений, не успокаивался на достигнутых результатах, а, наоборот, развивая эту отрасль тюркологии, добивался наибольшей научной точности существующих утверждений. Для этого он постоянно прибегал к широкому сопоставлению языка памятников с фактами современных языков. О том, как он постоянно вносил свои коррективы, уточнения и исправления в чтения и переводы тех или других памятников, красноречиво свидетельствуют, в частности, данные им лингвистические комментарии к книге В.В. Радлова «Памятники уйгурского языка», которые в то же время говорят о различии в методе научно-исследовательской работы В. В. Радлова и С. Е. Малова, В.В.Радлову было присуще проникновенно схватывать общее содержание памятника, не особенно заботясь о выяснении всех частных моментов, тогда как С. Е.Малов обстоятельно изучал весь возможный материал, вникая в каждую деталь языка и письма. В этой связи проф. Е. И. Убрятова отмечает: «Если правильна та характеристика, которую образно дает С. Е. Малов академику В.В.Радлову как ученому-художнику больших полотен, крупных мазков, то о нем самом следует сказать, что он мастер тщательно отделанной миниатюры, поражающей блеском и тонкостью своей работы»¹⁶.

13 В.В.Радлов, С.Е.Малов. Издание текста *Suvarnaprabhasa* (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции, вып. I-II. СПб., 1913; вып. III-IV. Пг., 1914; вып. V-VI. Пг., 1915; вып. VII-VIII. Пг., 1917.

14 С. Е. Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. «Записки Коллегии востоковедов АН СССР». Л., 1932, т. 1, стр.: 129-149 и др.

15 С. Е. Малов. Предисловие, дополнения, исправления и словарь. В кн.: В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. Вып. 1928, стр. III-VIII и 217-305.

16 Е.И.Убрятова. О научной и общественной деятельности С. Е. Малова.

Исключительно большая заслуга С. Е. Малова и в области исследования многочисленных живых диалектов и наречий языка уйгуров. Этому способствовали двукратные поездки С. Е. Малова в Западный и Центральный Китай (в 1909–1911 и 1913–1915 гг.), целью которых было изучение живого языка тюркоязычного населения этих провинций. Во время поездок С. Е. Маловым был собран поистине огромный фольклорно-лингвистический материал по самым различным диалектам и наречиям уйгурского языка¹⁷. Уместно отметить, что частичная публикация этих материалов и первые научные сведения, данные им на основе предварительного исследования языка желтых уйгуров, еще в то время сделали имя С. Е. Малова известным всему тюркологическому миру. Из серии научных трудов С. Е. Малова такие книги, как «Язык желтых уйгуров» (1957), «Лобнорский язык» (1956), «Уйгурский язык. Хамийское наречие» (1954), «Уйгурские наречия Синьцзяна» (1961), изданные за последние годы, являются, по существу, результатом его долголетней кропотливой работы над собранным им большим языковым материалом во время двух указанных поездок и ценным вкладом в уйгурское языкознание. В трудах С. Е. Малова находят свое освещение и многие другие вопросы лексики и грамматики современного уйгурского языка. В его многочисленных научных статьях, заметках и рецензиях¹⁸ высказываются оригинальные мысли и выводы. Но какими значительными они ни были, как правило, они передаются в самой простой и лаконичной форме изложения, которую принято называть «маловским стилем». Эту черту крупного ученого С. Е. Малова можно было бы охарактеризовать словами А. П. Чехова: «Всегда так бывало, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее».

Работа советских уйгуроведов-лингвистов по изучению лексики и грамматического строя, а также в области создания письменности, орфографии и терминологии ведется главным образом в соответствии с практическими требованиями. Открытие специальных уйгурских отделений при ряде вузов нашей страны, а также общеобразовательных уйгурских национальных школ в Казахстане и Узбекистане в первую очередь потребовало создания необходимых учебников, грамматик и хрестоматий по уйгурскому языку, рассчитанных на студентов и учащихся. Создание

Тюркологический сборник, т. I. М.–Л., 1951, стр. 16–17.

17 С. Е. Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. «Восточные записки», т. I. Л., 1927, стр. 163–172 и др.

18 С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. «Известия АН СССР», Отд. ЛЯ, 1952, № 2, стр. 135–143; *его же* К изучению турецких числительных. В сб.: «Академик Н Я. Марру». М.–Л., 1935, стр. 271–277; *его же*. A. V. Gabain. Turkische Turfantexte, VIII. Berlin, 1954. «Вестник АН КазССР», 1956, № 11, стр. 103–104 и др.

первых вузовских учебников¹⁹, грамматик²⁰ и хрестоматий по уйгурскому языку²¹ относится к 30–40 гг. Аналогичные работы выходят и в последующие годы²². В стабилизации и нормализации грамматических и орфографических норм уйгурского языка определенную роль сыграли школьные грамматики, учебники и учебные пособия²³, которые создавались в основном уйгурскими национальными кадрами.

Следует отметить, что в этих вузовских и школьных грамматиках и учебниках, по существу, нашел свое первое систематическое изложение грамматический строй уйгурского языка. Однако это было лишь начальной стадией исследования грамматической и фонетической структуры современного уйгурского литературного языка, которая носила описательно-обобщающий характер. Поэтому вполне естествен растущий интерес к уйгурскому языку не только в нашей стране, но и в Китайской Народной Республике, где находится основная масса уйгурского народа, который настоятельно требует ныне более углубленного, изучения и создания нормативного курса грамматики уйгурского языка, отражающего современное состояние его развития. Эта задача выпала на долю небольшого коллектива научных работников Отдела уйгурского языка ИЯЛ АН КазССР, который является, по существу, единственным научным центром в республиках Средней Азии и Казахстане. Научное описание грамматического строя уйгурского языка в настоящее время облегчается тем, что, во-первых, многие частные вопросы фонетики²⁴, морфологии и синтаксиса²⁵, а также

19 *А.К.Боровков*. Учебник уйгурского языка (под ред. и с предисл. С.Е.Малова). М – Л., 1935. 247 стр.; *В.М.Насилов* и *Е.Салиев*. Учебник уйгурского языка, курс I–II, ч.1. М., 1953, 65 стр. (МИВ).

20 *Н.А.Баскаков*. Очерк грамматики уйгурского языка. См.: «Уйгуро-русский словарь» (составл. Н.А.Баскаковым и В.М.Насиловым). М., 1939. стр. 173–243; *В.М.Насилов*. Грамматика уйгурского языка (под ред. С.Е.Малова). М., 1940. 152 стр. (МИВ).

21 *К.К.Юдахин*. Хрестоматия по уйгурскому языку (под ред. Н.А.Баскакова). М., 1948. 171 стр. (МИВ).

22 *Э.Н.Наджиб*. Уйгурский язык. Учебник для II и III курсов. Ч. II (под ред. Н.А.Баскакова). М., 1946. 240 стр. (Военный ин-т ИЯ); *его же*. Современный уйгурский язык. М., 1960. 134 стр. (АН СССР. Ин-т народов Азии) и др.

23 *А.Мунһәмәдий*. Уйгур тили. I–II бөлүм. Ташкән, 1931. Ана тили дәрислиги. Ташкән, 1933; действующими ныне учебниками являются: *А.Шәмиева, И.Әхмәтов*. Уйгур тили грамматики, I кесим. Алмута, 1960; *А.Шәмиева, И.Әхмәтов, Ю.Цунвазо*. Уйгур тили грамматики, II кесим. Алмута, 1960;

24 *Н.А.Баскаков*. Уйгурский вокализм. В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч.1, фонетика. М., 1955 стр. 116–121; *Л.А.Аганина*. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. «Вестник АН КазАССР», 1954, №3, стр.30–37. *Т.Талинов*. Об одной особенности узких гласных современного уйгурского языка. «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, 1957. вып. 1, стр. 80–87 и др.

25 *В.М.Насилов*. Типологические черты уйгурского языка. «Труды Московского ин-та

словообразования в той или иной степени исследованы и изучены в ряде научных статей и отдельных диссертационных работах²⁶, и, вторых, имеется определенный опыт по созданию аналогичных курсов в других родственных языках.

Значительная работа проделана также в области уйгурской лексикологии, особенно лексикографии. Помимо многочисленных текстуальных словарей-вокабул²⁷, можно перечислить ряд двуязычных словарей, изданных в Советском Союзе. Так, например, в 1939 г. был выпущен «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1200 слов), в 1946 г. стеклографическим способом издан «Уйгурско-русский словарь», составленный студентами МИВ под общей редакцией К.К.Юдахина. В 1955 г. в Алма-Ате был издан «Русско-уйгурский словарь» под редакцией Ю. Цунвазо и А. Шамиевой, причем уйгурский текст словаря (существующая письменность синьцзянских уйгуров) был набран арабским шрифтом. Этот же словарь, но значительно дополненный (30 000 слов), под редакцией Т. Рахимова переиздан в 1956 г. в Москве. В 1961 г. вышел из печати новый «Уйгурско-русский словарь» (16 000 слов), подготовленный научными сотрудниками Отдела уйгурского языка. Кроме того, уместно отметить и те словари, которые изданы за пределами нашей страны. Это «Уйгурско-русско-китайский словарь» Бурхана Шахида (Пекин, 1952 г.), в основу которого лег вышеуказанный «Уйгурско-русский словарь» Н.А.Баскакова и В. М. Насилова. Весьма ценным вкладом в уйгурскую историческую лексикографию является изданный китайскими учеными (фотомеханическим способом) в 1957 г. Пятиязычный (маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский) словарь по сохранившейся уникальной анонимной рукописи, датированной XVIII в.²⁸

востоковедения», 1946, вып. 3; *его же*. Роль сказуемого в уйгурском предложении. «Труды Московского ин-та востоковедения», 1939, вып. 1; *Р.Ф.Тарасенко*. Примыкание в уйгурском языке. Автореферат к/д. М., 1950. 16 стр.; *Е.И.Ушаков*. Синтаксические функции формы на *-ган* в современном уйгурском языке. Автореферат к/д. М., 1956 и др.

26 *А.Кайдаров*. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата. 1958. 168 стр; *К.М.Мелиев*. Имена действия на *-гу* в современном уйгурском языке. «Труды САГУ», кн. 12, 1957 стр. 84-95; *Г.Садвакасов*. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. Автореферат к/д. Алма-Ата, 1956. 16 стр. и др.

27 Например, словари-вокабулы, составленные Маловым к книге В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка» (1928), к своим книгам; «Памятники древнетюркской письменности» (1951), «Язык желтых уйгуров» (1957) и др. Или, см. приложение к «Хрестоматии по уйгурскому языку» (1940) К.К.Юдахина. к «Уйгурскому языку» (1951) Э. Наджида и др.

28 ²⁸ Подробнее см.: *А.Кайдаров*. Уникальный лексикографический труд. «Вестник АН КазАССР», 1960, №2, стр.109–111.

В области лексикологических исследований уйгурского языка следует отметить весьма ценную монографию В. И. Новгородского²⁹, а также диссертационные работы И. А. Исмаилова³⁰, Ч. Г. Сайфуллина³¹.

Безусловно, указанные работы освещают – лишь частные вопросы уйгурской лексикологии. Поэтому перед уйгурскими языковедами стоит задача дальнейшего углубленного изучения и создания фундаментальных трудов, обобщающих достижения как исторической, так и современной уйгурской лексикологии.

Как уже было отмечено выше, в первые годы советской власти в языковом строительстве уйгуров большое внимание уделялось практическим вопросам: созданию алфавита, установлению нормы орфографии и принципов терминотворчества, усовершенствованию учебников и школьных программ и т. д.

Однако решение этих актуальных вопросов проходило далеко не гладко. Особенно большой спор возник вокруг вопроса о путях и принципах формирования уйгурского письменного литературного языка. Речь шла о единстве и общенародном характере нового литературного языка советских уйгуров, являющихся представителями двух крупных («кашгарского» и «таранчинско-кульджинского») диалектов. На основе этих диалектальных различий в языке уйгуров некоторые националисты пытались доказать невозможность создания единого уйгурского литературного языка и тем самым поддерживали раскольническую позицию. Выходившие в то время две уйгурские газеты («Кутулуш» и «Кэмбэгәлләр авазы») почти до 1930 г. отражали в себе особенности двух диалектов одного и того же языка, что явилось фактическим выражением подобных тенденций в области языкового строительства уйгуров. Однако, против такой вредной и научно необоснованной тенденции встала вся лингвистическая сила. В защиту создания единого литературного языка для уйгуров выступали не только национальные кадры³², но и крупнейшие советские тюркологи. Принимавший участие в обсуждении этого

29 В.И.Новгородский. Китайские элементы в уйгурском языке (под ред. и с предисл. Н.А. Баскакова). М., 1951, 95 стр. (МВО СССР, МИВ).

30 И.А.Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в современном уйгурском языке. Автореферат к/д. Л., 1953. 16 стр.

31 Ч.Г.Сайфуллин. Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке. Автореферат к/д. Л., 1953. 16 стр.

32 А.Розбақиев. Биздә тил, әдәбиәт, мәтбуат мәсилилири. – «Кэмбэгәлләр авазы», 1927, 1 июнь; *его же*. Уддул йол. «Кэмбэгәлләр авазы», 1930, 14 май; А.Мухаммадий. Мәсилә чин. «Кэмбэгәлләр авазы», 1927, 21, 28 март, 1 апрель и др.

вопроса³³ С. Е. Малов писал: «...считаю вполне возможным создание для всего уйгурского населения единого литературного языка. Другого пути нет»³⁴.

Вопросы разработки единой орфографической нормы и выработки принципов терминотворчества в уйгурском языке также были предметом постоянной лингвистической дискуссии. Практическое решение этих вопросов потребовало неоднократного созыва специальных совещаний и конференций. Так, было организовано совещание уйгурских учителей в июле 1925 г. в Алма-Ате, в 1928 г. созывалась I уйгурская лингвистическая конференция в Самарканде, а в 1930 г. в Алма-Ате работала II уйгурская научно-лингвистическая конференция. Подобные совещания были организованы и в 1937, а также в 1957 и в 1958 гг. по инициативе Минпроса и Академии наук КазССР.

Следует отметить, что многочисленные выступления и доклады на конференциях, научные сообщения и статьи авторов по указанным выше вопросам уйгурского языка, опубликованные на страницах уйгурских газет и журналов (например, «Кәмбәғәлләр авазы», затем «Қолхозчилар авазы» «Кугулуш», «Қизил таң», «Йнқилапчи Шәрик», «Шапик һәқиқити», «Қазақ ели», затем «Йеңи һаят»), а также в отдельных сборниках и брошюрах, хотя и не претендуют на научную глубину освещения вопроса, но представляют собой огромный материал, наглядно показывающий весь процесс формирования уйгурского литературного языка и практического развития уйгурского языкознания.

Однако это ни в коей мере не дает нам основания думать, что проблема уйгурского литературного языка считается уже решенной. Наоборот, в научном освещении этого вопроса сделано очень мало. Все еще недостаточно изучены диалектальные различия, а потому не определена роль опорных диалектов современного уйгурского литературного языка.

Как известно, изучение диалектов уйгурского языка было начато еще до революции акад. В. В. Радловым, проф. Н. Ф. Катановым, С.Е. Маловым и некоторыми зарубежными учеными. Однако в их исследованиях, а также в работах современных авторов мы, к сожалению, не находим строго последовательной научной линии и единого взгляда на этот вопрос. По отношению к уйгурским диалектам прежде всего наблюдается недифференцированное употребление терминов «диалект», «наречие», «говор». Нет единого мнения о количестве «диалектов» или «говоров» уйгурского языка.

33 На II уйгурской конференции, состоявшейся в мае 1930 г. в Алма-Ате.

34 С.Е.Малов. Уйгур тили конференцияси алдида. «Кәмбәғәлләр авазы», 1930, 6 апрель, № 18.

Так, например, проф. Н. И. Ильминский в свое время предполагал, что на всей территории Китайского Туркестана существует одно наречие. Это мнение разделял и С. Е. Малов: «Вывод этот, по нашему мнению, можно вполне принять, сделав только небольшую оговорку для лобнорского наречия»³⁵. В тюркологической литературе существуют и другие мнения. Некоторые авторы выделяют как диалекты уйгурского языка, например, кашгарско-яркендский, илийский, аксуйский, хотанский, турфанский и лобнорский³⁶. К этим диалектам иногда присоединяются хамнийское и кучарское наречия³⁷. В противовес указанным утверждениям, по существующей традиции до последнего времени считали, что основой формирующегося нового уйгурского литературного языка является кашгарский диалект. Несколько иной точки зрения придерживались дореволюционные ученые. Абель Ремюза, например, в основе общенародного уйгурского литературного языка видел язык уйгуров, населяющих южную часть провинции Синьцзян от Кашгара до Курля, Ракетт – кашгарский и яркентский диалекты, В. В. Радлов – «таранчинское наречие» или илийский диалект и т. д.

Безусловно, подобные противоречивые мнения лишний раз свидетельствуют о малоизученности диалектов уйгурского языка.

По исследованию диалектов и говоров современного уйгурского языка значительная работа проделана учеными Китая. На основе материала по уйгурским диалектам, собранного специальными экспедиционными отрядами (в 1956–1957 гг.), уже сделаны предварительные выводы, где как диалект выделяется лишь язык хотанцев и лобнорцев. Что же касается языка кашгарских, яркентских, аксуйских, хамийских и илийских уйгуров, то они, отличаясь между собой лишь по некоторым фонетическим признакам, составляют так называемый «центральный диалект» уйгурского языка. На совещании лингвистов, состоявшемся в августе 1956 г. в Урумчи, было высказано и такое мнение, что формирование и дальнейшее развитие уйгурского литературного языка происходит на основе трех – кашгарского, турфанского и илийского – диалектов с кульджинским произношением последнего.

Каким бы категорическим ни было подобное утверждение, оно заслуживает дальнейшего изучения. Выделение трех диалектов, как наиболее

35 С.Е.Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. «Восточные записки», т. I. Л., 1927, стр. 133–163.

36 Н.А.Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. См.: «Уйгуро-русский словарь» (сост. Н.А.Баскаков. В. М. Насилов). М., 1939, стр. 173.

37 С.Е.Малов. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна. В сб.: «Сергею Федоровичу Ольденбургу». Л., 1934, стр. 311.

характерных среди других диалектов, на наш взгляд, оправдывает себя как в лингвистическом отношении, так и по своей исторической тенденции развития. Турфанский «диалект», например, характеризуется древней чертой своей лексики, наличием большого иноязычного напластования (кит., монг. и т. д.), тогда как кашгарский «диалект» – особенностями фонетического строя. Илийский же «диалект» представляет собой консолидацию множества крупных и мелких говоров уйгурского языка, которые в силу определенных исторических условий подверглись нивелировке и перемололись в одном «диалекте»³⁸. Поэтому, вполне естественно, язык советских уйгуров, являющихся представителями всех этих трех диалектов, в одинаковой степени служит основой для формирования развития современного уйгурского литературного языка.

Изучение древнейуйгурской письменности и письменных памятников имеет большое значение для истории уйгурского языка.

Древнейуйгурская письменность уже давно является объектом исследований. О ней написаны сотни больших и малых трудов как отечественных, так и советских тюркологов. Однако о ее происхождении до сих пор судят по-разному. Так, например, акад. В. В. Радлов³⁹ в свое время считал, что она произошла от несторианской письменности и изменена в результате написания китайским пером. Другие же авторы считают, что эту письменность уйгуры заимствовали в IV в. у согдийцев, населявших тогда территорию Зарафшана и Кашкадарьи. Так, чешский ученый Ч. Лоукотка об этом пишет: «Из старого согдийского алфавита они (уйгуры. – А. К.) создали уйгурское письмо, которое, таким образом, является оригинальным тюркским письмом. Им писали почти все тюркские и монгольские племена Туркестана и Монголии; исчезло оно лишь после того, как турецкие племена приняли ислам»⁴⁰. В исследованиях же советских ученых, в частности С.Е.Малова, этот вопрос получает более детальное освещение. В частности, он указывает на широкую сферу его распространения не только на территории Туркестана и Монголии, но и далеко на востоке – в Японии, Корее. Причем уйгурское письмо исчезло не сразу и не было заменено арабским; как об этом пишет Лоукотка, а долгое время употреблялось с арабским параллельно. В некоторых буддийских кумирнях желтых уйгуров в провинции Ганьсу оно имело свое

38 Л.А.Азанина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Автореферат к/д. М., 1954. 16 стр.; *его же*. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. «Вестник АН Каз ССР», 1954, № 3. Стр. 30–37.

39 В.В.Радлов. Турфанские тексты в лингвистическом отношении. «Записки БОРАО», т. XXI, вып. IV. СПб., 1913.

40 Ч.Лоукотка. Развитие письма. М., 1950, стр. 137.

широкое применение вплоть до XIX в. Подобные сведения по истории уйгурской письменности получили некоторое освещение в кандидатской диссертации А. Шамиевой и работах других авторов.

Лучшие традиции дореволюционных тюркологов по изучению письменных памятников, которыми особенно богат уйгурский язык, в советский период были продолжены, как уже говорилось, С. Е. Маловым и его учениками Э. Тенишевым, А. М. Щербак, а за границей А. Габэн и др. Из больших исследований в этой области следует отметить диссертацию Э.Тенишева «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск» (1953), монографию А. Габэна «Язык рунических и древнеуйгурских письменных памятников» (1950), а также вышедшую из печати работу А. М. Щербака «Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана» и др.

Наряду с изучением фонетических, лексических и грамматических особенностей языка памятников большое значение имеет также их соби́рание и публикация с соответствующими историческими и научно-лингвистическими комментариями. В этой области большая работа была проделана до революции. Экспедициями С. Ф. Ольденбурга, А. Штейна, В.И.Роборовского и многими другими был собран поистине огромный материал по уйгурским письменным памятникам. Но, к сожалению, он еще полностью не опубликован и не является достоянием уйгуроведения.

Говоря об уйгурских письменных памятниках, следует отметить, что, несмотря на определенные успехи в этой области, изучение их после С.Е.Малова оставляет желать много лучшего. Работа по письменным памятникам в данное время ведется не интенсивно. Это объясняется, на наш взгляд, малочисленностью подготовленных специалистов по этому профилю. Тем не менее славная традиция, идущая от отечественных тюркологов и получившая свое дальнейшее развитие в трудах С. Е. Малова, должна быть продолжена и молодыми учеными-уйгуроведами.

Итак, как показывает наш краткий обзор, советские уйгуроведы достигли определенных успехов в изучении уйгурского языка⁴¹. Но уйгурское языкознание – еще молодая наука, она находится в стадии своего формирования и развития. Его успехи в разработке как практических, так и теоретических проблем были бы гораздо больше, если своевременно были бы объединены все силы лингвистов-уйгуроведов в одном научном центре, а также не отошли бы от уйгуроведения такие крупные тюркологи,

41 См. также: Ю.Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958. стр. 96–98; А.А.Коклянова. Уйгурский язык. В кн.: «Младописьменные языки народов СССР». М.–Л., 1959. стр. 170–181.

как В.М.Насилов, Н. А. Баскаков, К. К. Юдахин, А. К. Боровков и др., которые в свое время так много сделали по изучению уйгурского языка.

Создание Отдела уйгурского языка при Институте языкознания АН КазССР, в задачу которого входит систематическое исследование языкового строя главным образом советских уйгуров, является одним из условий для дальнейшего развития уйгуроведческой науки в Казахстане, где находится основная масса советских уйгуров. Усиление работы Отдела уйгурского языка путем приглашения специалистов и подготовки молодых кадров через аспирантуру даст возможность уйгурскому языкознанию в Казахстане занять свое достойное место в ряду советской тюркологической науки.

Известия АН КазССР

Серия филологии и искусствоведения

Выпуск 3 (19), (отдельный оттиск).

Алма-ата, 1961. с. 22-33.

Ұйғыр әдеби тілінің дамуына орыс тілінің ықпалы

Коммунистік қоғам орнатып жатқан совет халқының материалдық әлаукағ дәрежесі көтеріліп, мәдениеті өскен сайын ұлт тілдерінің қатынас құралы ретіндегі қоғамдық рөлі де арта бермек. Ұлт тілдері атқарып отырған қоғамдық қызметтің, олардың қолданылу шеңберінің кеңеюі, сөз жоқ, тілдің құрылым жағынан дамуына, лексикасының байып, мольға түсуіне, грамматикалық құрылысының шындалып, өңделе түсуіне жағдай жасайды.

Совет мемлекетіндегі әрбір ұлт тілінің тарихи қысқа мерзім ішінде тез жетіліп, жан-жақты дамыған әрі бай, әрі көркем әдеби тіл дәрежесіне көтерілуінің шынайы сырын, ең алдымен, өзіміз жасап отырған жаңа қоғамның табиғатына тән объективтік заңдылықтардан іздеу керек. Бұл – бәрінен бұрын лениндік ұлт саясатын жүзеге асырып отырған Коммунистік партияның халық мәдениетіне деген зор қамқорлығының жемісі.

Тіл майданында қазір қол жеткен табыстарымыздың мәнісін түсіну үшін өткенге көз жібермей болмайды. Революциядан бұрынғы патшалық Россия халықтарының бірде-бірінің тілі тап қазіргідей дамыған емес. Бұдан, әрине, ол халықтардың өз ана тілі болмады деген теріс қорытынды шықпаса керек. Белгілі қоғамда жасап келген халықтың қай-қайсысында да қатынас құралы ретінде қолданған тілінің болғаны өзінен-өзі түсінікті.

Бірақ мәселе сол тілдің қалай дамуы жөнінде болып отыр. Орта Азия мен Қазақстан жерін қоныстанған халықтардың тілі дамуының революцияға дейінгі жай-жапсарына көз жіберсек, олардың әрқайсысының қоғамдық даму

шама-шарқының әр түрлі дәрежеде болуына орай, тілінің дамуы да әр түрлі сипатта, әр түрлі сатыда болғанын көреміз. Мысалы, қырғыз, қарақалпақ, түрікмен сияқты халықтардың қолында бұрын өзінің төл жазу-сызуы мүлдем болмаса, өзбек, әзірбайжан, тәжік тәрізді ертеден жазба дәстүрге ие халықтардың өз тілін халықтық негіздегі жазба әдеби тіл дәрежесіне көтере алмағаны мәлім. Орта Азия мен Қазақстандағы бірқатар халықтардың қолындағы араб алфавиті негізінде жасалған жазбаның ол кезде көбіне-көп ат төбеліндей оқыған молда-қожалардың кәдесіне ғана жарап, сауатсыз қалың бұқараның игілігіне айнала алмағаны белгілі.

Ұлттық әдеби тілдердің революциядан бұрынғы дәуірде қалыптасып, өрістірек дамуына, бір жағынан, кейбір халықтың (мысалы, шор, тува, тофалар, камасиндер) аздығы, сондай-ақ бірсыпыра тілдің (өзбек, тәжік және басқалар) құрамында өзіндік ерекшеліктері күшті, алшақ диалектілер мен говорлардың өмір сүріп келгені де тосқауыл болмай қалған жоқ.

Міне, осындай толып жатқан әлеуметтік және таза тілдік факторлардың салдарынан Орта Азия мен Қазақстанды мекендеуші ірілі-уақты халықтардың көпшілігінде революцияға дейін нағыз халықтық сипаттағы жазба әдеби тіл болмады десек, қателеспейміз. Бұл аймақта қоныс тепкен ұйғыр халқының тілі де дәл осындай болды. Ұйғыр тілі белгілі әдеби дәстүрі бар көне жазу тілі бола тұрса да, революцияға дейін қоғамдық функциясы солғындап, дамудың орнына тоқырай бастаған тілдердің бірі болатын.

Ұлы Октябрь революциясы, Коммунистік партия ұлт тілдерінің дамуына кең жол ашты. В.И.Ленин, Коммунистік партия тіл мәселесіне үлкен саяси мән беріп, бұрын жазу-сызуы болмаған, қоғамдық дамудан кенже қалған халықтардың рухани мұң-мұқтажына ерекше ілтипатпен көңіл аударды. Олардың әрқайсысының өз мәдениетін жаңа заман талабына сай тез өркендетуі үшін мәдениет атаулының пәрменді бір құралы – жазу өнерін игеруіне жағдай туғызды. Мінекей соның нәтижесінде Совет Одағы халықтарының туысқандық семьясына кіретін үлкенді-кішілі 130 ұлт пен этнолық топтың қазір 70-ке жуығы өз ана тілі негізінде жасалған әдеби тілге қолы жетіп отыр.

Партиямыз ұлт тілдерінің келешегі жайындағы мәселені өзінің программалық міндеттерінің бірі деп қарап, бұл саладағы өзінің келешектегі ұстайтын принципін бағыт-бағдарын белгіледі. Бұл жөнінде партияның жаңа Программасында былай делінген: «Бұдан былай да СССР халықтары тілдерінің еркін дамуына, СССР-дің әрбір азаматының

өзі қалаған тілінде сөйлеуіне, балаларын тәрбиелеп, оқытуына толық еркіндікті қамтамасыз ету, сөйтіп қандай да бір тілді қолдануда ешбір артықшылыққа, шек қоюға немесе күштеуге жол бермеу».

Ұлт тілдері дамуын, әсіресе олардың Совет дәуірі тұсындағы даму заңдылықтарын жан-жақты зерттеу ғылым үшін де, теория үшін де маңызы айрықша зор. Мұндай зерттеу әрбір тілдің ішкі даму заңдылықтарын ашуға түрлі объективтік факторларға байланысты оның қоғамдық қызметінің кеңеюін, құрылымдық жағынан өсіп-жетілу жолдарын танып-білуге мүмкіндік береді.

Еліміздегі өзге де көптеген ұлт тілі сияқты совет үкіметі жылдарында қайта туып жаңарған жаңа әдеби тілдің бірі – социалистік ұйғыр ұлтының тілі. Ұйғырлар – шығыс әлеміне ежелден әйгілі болған, мәдени де әдеби бай мұраға ие көне халықтардың бірі.

Жазба деректерде ұйғыр деген атты тұңғыш рет – VIII–IX ғасырларда Монғолия жеріндегі Орхон өзені бойынан табылған құлпы тастардың бетіндегі көне түркі жазуларынан, сол сияқты ұйғыр деген этнонимді одан кейінгі дәуірдегі көптеген қытай және араб қолжазбаларынан жиі ұшырастырамыз. Бертін келе, XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап ұйғыр деген жалпы этнолық атаумен қатар қашқарлық, тұрпандық, жаркенттік, ақсулық, ілелік деген тәрізді, мекендейтін қаласының, тұрған жерінің атымен атайтын дәстүрдің ірге тепкені мәлім. Сол сияқты Іле бойы ұйғырларының өздерін күні кешеге дейін тараншы деп атап келгенін де білеміз. Бұл ат «таран» (егін) деген монғол сөзіне «шы» жұрнағының жалғануы арқылы «егінші» деген мағынаны аңғартады.

Ұйғыр халқының дені қазір Қытай Халық Республикасындағы Шыңжаң өлкесінде тұрады. 1953 жылғы дерек бойынша Шыңжаң ұйғырларының саны 3 миллион 640 мың адам. Совет еліндегі ұйғырлар да сан жағынан едәуір (95,2 мың адам).

Россия жеріне ұйғырлар өткен ғасырдың екінші жартысында қоныс аударған. Феодалдық езгінің тепкісінде азап шеккен ұйғыр халқы өзін билеп-төстеушілерге қарсы көтеріліске шығып, мұнысы сәтсіздікке ұшырағаннан кейін XIX ғасырдың екінші жартысында атамекені Шыңжаңды тастап, іргелес ел Қоқан хандығының қол астына қоныс аударуға мәжбүр болады. Мұнда Ферғана алқабына алғаш келіп қоныстанғандар Шыңжаңның оңтүстік-шығысында тұратын Алтышар ұйғырлары болатын. Қытай мен Россия арасындағы саяси жағдайға байланысты Шыңжаң ұйғырларының тағы бір бөлігі 1881–1884 жылдар арасында Қазақстанның оңтүстігіндегі Жетісу өлкесіне келіп орналасады.

Тілдік ерекшелігі тұрғысынан алғанда, ұйғыр тілі түркі тілдерінің қарлұқ-хорезм деп аталатын тобының оңтүстік-шығыс бұтағына жатады. XI–XII ғасырларға тән «Құтадғу білік» тәрізді жазба ескерткіші бар бұл тіл қазір ол замандағысынан көп өзгеріске ұшыраған. Ұйғыр тілінің ертедегі жазба нұсқаларда сақталған үлгісін бұл күнде ғылымда көне ұйғыр тілі деп атайды. Қазіргі ұйғыр тілі осы бір көне тілдің табиғи жалғасы есепті. Орта ғасырдағы бүкіл түркі халықтарының ортақ жазба әдеби тілі – шағатай тілінің қалыптасуына елеулі үлес қосқан тілдердің белді біреуі де осы көне ұйғыр тілі¹.

Орта ғасырдан бергі дәуірдегі, әсіресе XVII ғасырдан кейінгі кездегі ұйғыр тілінің дамуында жазба ескерткіштерде сақталған бұрынғы классиктік жазба тілдегі әдеби дәстүрден бірте-бірте қол үзіп, халықтық арнада дамуға қауырт бет бұрғаны байқалады. Бұл бағыт, әсіресе XVII–XIX ғасырларда өмір сүрген Хирқытий (XVII), Нобитий, Велилий (XVIII), Абдрейім Назарий, Молла шәкір, Молла Билал (XIX) тәрізді ақын-жаузылар қалдырған әдеби мұралардың тілінен айқын елес береді.

Бірақ қаншалықты халықтық арнада дамып келген тіл десек те, үстіміздегі ғасырдың бас шамасына дейінгі жазба ұйғыр әдеби тілінің түркі тілдері ішіндегі орта ғасырлық әдеби дәстүрі басым, кітаби элементі мол сақталған тілдердің бірі болып келгенін айту керек. Міне, сол үшін де Октябрь революциясын жеңген алғашқы жылдардың өзінде-ақ ұйғыр халқы өзінің қолтума мәдениетін дамытудың басты бір түйіні етіп халықтық негіздегі әдеби тілді нормаға түсіру мәселесін қолға алған болатын. Мұның айғағы ретінде 20–80 жылдары ұйғыр тілі туралы дүркін-дүркін өткізілген конференцияларды атауға болар еді.

Совет ұйғырлары өзінің жаңа жазба әдеби тілін жасауда нағыз демократиялық принциптерге сүйенеді. Олар өздерінің бұрыннан келе жатқан орнықты дәстүрі бар жазба әдеби тілінің прогресшіл жақтарын толық игере, кітаби тілдің халық арасына әбден сіңіскен элементтерін кеңінен пайдалана отырып, барша ұйғыр халқына, оның ішінде совет ұйғырларына жаппай ортақ халықтық сөйлеу тілінің, бай фольклор тілінің негізінде жаңа жазба әдеби тілдің іргесін қалауға кірісті.

Өзбекстан жерінде тұратын ұйғырлардың негізінен Шыңжаң провинциясының оңтүстік-шығысынан, ал Қазақстан жеріндегі ұйғырлардың Іле өлкесі мен Құлжа төңірегінен келуі, осыған орай олардың әрқайсысының бір-бірінен ерекшелігі бар екі түрлі диалектіде

¹ *А.К.Боровков*. Әлішер Навои – өзбек әдеби тілінің негізін қалаушы. «Әлішер Навои» деген жинақ, Москва, 1946 жыл, 92–120 беттер.

сөйлеуіне байланысты ұлттық жаңа әдеби тіл қай диалектінің («тараншы» немесе «қашқар») негізінде жасалуы керек деген мәселе кезінде көптеген пікір таласын тудырған еді. Бірақ ұйғыр халқының мәдени жұршылығы бұл мәселені халықтың қалың тобының тілегін ескере, тіл зерттеуші мамандардың (С.Е.Малов, К.К.Юдахин, А.Розыбакиев, А.Мұхәммәди т.б.) көмегіне сүйене отырып ойдағыдай шешті де.

Жаңа ұйғыр әдеби тілінің совет үкіметі жылдарында дамуы туралы сөз еткенде, біз оның бұғанасы бекіп, қанатын кең жаюына ұлы орыс тілі тигізіп отырған игілікті ықпалды, әрине айтпай отыра алмаймыз. Олай болатын себебі, ұйғыр тілінің қазынасына бұл дәуірде орыс тілінің есесінен келіп қосылған үлес қомақты да мол.

Басқа тілдің әсерінен мүлдем пәк, тіл атаулыдан оқшау тұрған бірде-бір тілді тарих әлі күнге кездестірген емес. Әлбетте, тілдердің дамуында байқалатын бір тілден бір тілге ауыс-түйіс жайларды, сондай-ақ ол жайлардың белгілі бір тілдің дамуында алатын орнын танып-білмей тұрып, ешбір тілдің өткені мен бүгінгісін ғылыми тұрғыдан зерттеу мүмкін емес. Себебі, тілдердің өмірдегі қолданылу өрісінің ұлғайып, грамматикалық жүйесінің жақсара түсуі немесе керісінше тоқырап өсе алмай қалуы сияқты процестердің кейде әр түрлі тарихи, мәдени, экономикалық қарым-қатынаста болған халықтардың бір-біріне өзара тіл тұрғысынан етер ықпалына байланысты болуы әбден заңды нәрсе.

Тарихта өзге тілдердің дамуында прогресшіл қызмет атқарған тілдердің де, сондай-ақ ассимиляциялаушы қызмет атқарған тілдердің де талай мысалы бар. Біздің социалистік қоғамда орыс тілінің барлық таптық қоғамда бұрын-соңды болған ұлт аралық қарым-қатынас тілінен түбірлі айырмашылығы бар. Ол қазір еліміздегі барша ұлт тілінің, оның ішінде ұйғыр тілінің дамуы мен келешегіне игілікті ықпал жасауда. Партиямыздың Программасында көрсетілгендей, орыс тілі – біздің еліміз үшін «іс жүзінде СССР-дің барлық халқының ұлтаралық қатынасы мен ынтымағының тілі» болып отыр. Социалистік құрылыстың қай саласында болсын ұлттардың өзара ұғынысып, пікір алысуында, бір-бірімен достасып, араласуында орыс тілінің атқарып отырған қызметі орасан зор.

Жақында болып өткен Партияның Орталық Комитетінің июнь Пленумы орыс тілінің интернационалдық тәрбиедегі маңызын атап көрсетті.

Орыс тілі – дүние жүзіндегі дамыған тілдердің бірі. Ол қазір Біріккен Ұлттар Ұйымының мәжілісінде басты бір тіл ретінде қолданылады. Орыс тілінің қоғамдық қызметінің өрісі де мейлінше кең. Біздің елде орыс тілі

араласып, орыс тілі қатынаспайтын қоғамдық өмірдің саласы жоқ деуге болады.

Күнделікті өмірде, социалистік құрылыстың барлық саласында орыс халқымен қоян-қолтық араласа, бірлесе істеуінің нәтижесінде совет халқының төрттен үш бөлігі қазірдің өзінде-ақ орыс тілінде еркін сөйлейді. Орыс тілін ерікті түрде үйрену арқылы еліміздегі әрбір халық ұлы орыс халқының ғана емес, сонымен бірге басқа да халықтардың ұлттық мәдениетімен, дүние жүзілік мәдени қазынаның байлығымен танысуға толық мүмкіндік алып отыр. Орыс тілінің ұлт аралық тілге айналуы орыс халқының Россия топырағында бірінші болып социалистік революция жасап, езілген халықтарды азат еткен ұлы күрестегі тарихи рөліне де байланысты. Ұлы Ленин өзінің мәңгі жасағыш, данышпандық шығармаларын орыс тілінде жазды.

Орыс тілінің осындай игілікті әсерін ұйғыр әдеби тілінің барлық саласынан – фонетикасы мен лексикасынан да, грамматикасы мен стилистикасынан да айқын көруге болады. Өйткені, ол – күнделікті өмірімізде, біздің көз алдымызда болып жатқан тілдік құбылыс. Мұны екі тұрғыдан қарастыруға болады. Біріншіден, ұйғыр тілі орыс тілінің лексикалық байлығынан өзіне қажетті сөздерді тікелей қабылдау арқылы толығып отырса, екіншіден, ол орыс тілі негізінде жасалып жатқан жаңа сөздерді, сөз тіркестерін, фразеологизмдерді, басқа да морфологиялық тұлға, синтаксистік модельдерді беруде өзінің ішкі мүмкіншіліктерін сарқа пайдалану арқылы дамып келеді. Бұл айтылған бірінші жол негізінен ұйғыр тілі лексикасының сан жағынан үздіксіз байып, кемеліне келуіне қолайлы жағдай жасаса, екінші жол оның сан жағынан да, сапа жағынан да дамуына итермелейді, яғни тілдің сөз қазынасындағы асылдарды саралап алып, пайдаланады, сөйтіп, тілдің қайнар бұлағының көзін аршып, еркін тыныс алуға ықпал жасайды; орыс тілінің әсерімен кейде бұрын-соңды тілде болмаған жаңа құбылыстар (сөз қолдану, сөз жасау, грамматикалық тіркес т.б.) бой көрсетіп отырады.

Пікіріміз дәлелді болу үшін бірнеше мысал келтірейік. Совет дәуірінде ұйғыр әдеби тілінің лексикасы, әсіресе оның терминологиялық қоры орыс тілінен еніп жатқан (*партия, коммунизм, социализм, колхоз, совхоз, фабрика, самолет, вертолет, физика, химия, капрон, цемент, ракета, комонавт, гектар, тонна*) жүздеген, мыңдаған жаңа сөз, термин есебінен дамып отыр. Бұл сөздер – ұйғыр тілінде тұрған оқшау сөздер емес, керісінше, әрбір ұйғырдың ауызекі тілінде байырғы сөздер тәрізді жиі қолданылатын актив сөздер.

Ал енді ұйғыр тіліндегі *туғутхана* (родильный дом), *йәттижилик* (семилетка), *шиләпчиқириши* (производство), *артуқ шиләп чиқириши* (перепроизводство), *изчиллик* (последовательно), *йәкшиәмбилик* (воскресник), *әдәбилишунас* (литературовед), БМТ – *Бирләшкән милләтләр Тәшкент* (ООН), *ХХР – Хитай Халиқ Республикаси* (КНР), *етиз мәликиси* (королева полей), *нухтәй нәзәр* (точка зрения), *диққәт мәркизидә* (в центре внимания), *китап үстидә шилимәк* (работать над книгой), *өз ичисә алмақ* (включать в себя), *бәхитигә яриши* (к счастью), *өткән число билән* (задним числом), *мәйрәм билән* (с праздником), *иәхсигә сизгиниш* (культ личности) және осы сияқты көптеген жаңа сөздерді, сөз тіркестерін, қысқарған сөздерді, идиомалық тізбектерді алсақ, бұлар орыс тілінің әсерімен жасалған модельдер, сөзбе-сөз аударудың нәтижесінде шыққан лексикалық калькалар. Мұны фразеология, мақал-мәтел саласынан да байқауға болады. Мысалы, *калачқа олтуруп қалмақ* (сесть в галоши), *факт алдида бәш әгмәк* (преклоняться перед фактом), *жүжјини күздә санимақ* (цыплят по осени считают), *немә тәрсәң, шуни аларсән* (что посеешь, то и пожнешь) тағы басқалары.

Сыртқы әсерге көп бойсұнбайтын, лексика мен морфологияға қарағанда әлдеқайда тұрақты категориялардың бірі – тілдің дыбыстық жүйесі мен грамматикалық құрылысы. Дегенмен, ұйғыр әдеби тілінің бұл саласында да орыс тілінің кейбір әсері айқын көрініп отыр. Оған мысал ретінде орыс тілінен еніп, халық көпшілігі өзінің тіліне үйлестіре менгеріп келе жатқан кейбір **ф, ц, ш** тәрізді аффрикат фонемаларды, ұйғыр тілінің дыбыс жүйесіне жат, орфоэпиялық нормасында бұрын болмаған **бр, тр, тнг, нк** сияқты толып жатқан дыбыстық тіркестерді атаған дұрыс. Егер жиырмасыншы-отызыншы жылдарда көпшіліктің сөйлеу тілінде *набирик, пунтам, семәнт, чотка, бригадир, тирәктир, митинга, танка* түрінде айтылса, қазіргі уақытта мұндай сөздерді орыс тілі нормасына сай дұрыс айту тенденциясы басым, олар *фабрика, фундамент, цемент, щетка, бригадир, трактор, митинг, танк* түрінде жазылып жүр.

Орыс тілінің осы тәрізді әсерін біз ұйғыр тілінің синтаксистік құрылысынан да кездестіреміз. Егер ұйғыр тілінің өткен дәуірдегі дамуына көз жіберсек, ол негізінен әдебиеттің поэзия жанры арқылы көрінеді. Проза жанрының мешеу қалуы, әрине тілдің синтаксистік құрылысына, әсіресе құрмалас сөйлем жүйесінің дамуына белгілі кеселін тигізді. Сондықтан қазіргі әдеби тілде қалыптасып, тілдік нормаға айналып отырған құрмалас сөйлемнің біраз түрі орыс тілінің ықпалымен дамып отыр. Мысалы, *мән шуни яхиш билімәнки, у өзи қилған ишинің*

бәддисидин чиқалайду (я одно хорошо знаю, что он выполнит то дело, за которое взялся).

Ұйғыр тілінде байқалатын сөз қолданудың кейбір стильдік нақыштарынан, жаңа теңеу, эпитеттер жасау тәсілдерінен орыс тілінің игілікті ықпалын аңғару қиын емес. Ондай әсем де өткір теңеулер, тігісі жатық сөйлемдер, алғыр оймен ұштасып келетін фразеологиялық тіркестер көркем сөз шеберлерінің қолдануында шығарма тілін нәрлендіріп, оған ерекше өң, жаңаша өрнек салып отырады. Ондай орынды, шебер жаңашылдықтан қашқақтау, бойкүйездікке салыну – тілдің даму заңдылығын түсінбеу деген сөз.

Орыс тілі ұлт тілдеріне, соның ішінде ұйғыр әдеби тіліне келешекте де игі әсер ете бермекші. Өйткені, коммунистік қоғам орнатып жатқан көп ұлтты совет халқы үшін оның ұлт аралық қатынас құралы ретіндегі рөлі барған сайын арта бермек.

«Қазақстан коммунисті», 7 шілде 1963.

Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминотворчества

Необходимость изучения терминотворческого процесса в целях выяснения вопроса формирования и совершенствования литературных норм диктуется тем, что именно в данном процессе, наряду с общими закономерностями, свойственными языкам различной системы или одной родственной группы, больше всего отражаются специфические особенности каждого языка, выявляются его возможности и перспектива. Поэтому исследование основных этапов разработки принципов научной терминологии, с учетом всех положительных и отрицательных моментов, практических и теоретических успехов и промахов, даст нам возможность иметь более ясное представление не только о постепенном пополнении и обогащении словарного фонда языка за счет терминологической лексики по самым различным отраслям знаний, но и об общих процессах становления и развития конкретного литературного языка, в которых терминотворчество играет немаловажное значение.

Исходя из этого, в данной статье мы попытались охарактеризовать весь практический путь создания терминологии и разработку основных его принципов в современном уйгурском литературном языке. Необходимость в такого рода работе объясняется еще и тем, что в процессе формирования и развития современного уйгурского литературного языка, являющегося единым для синьцзянских, так и

советских уйгуров, наметились некоторые своеобразные тенденции в области терминотворчества, которые, безусловно, требуют самого тщательного и всестороннего анализа и критической оценки. В связи с этим мы остановимся на вопросах о нормах литературного языка, об их усовершенствовании и стабилизации.

Из истории современного уйгурского языка

Современный уйгурский язык, принадлежащий по существующей классификации¹ к карлукской группе тюркских языков, образовался «в эпоху Караханидского государства в результате взаимодействия западных и восточных тюркских языков, с одной стороны, и таджикских и других иранских языков Средней Азии, с другой»². На последующих этапах своего исторического развития, особенно в период XIII–XVI вв., он наряду с другими тюркскими языками выступает как один из основных слагаемых компонентов так называемого среднеазиатского «чагатайского» языка, о чем свидетельствуют, помимо исторических фактов, данные таких произведений, как «Сказания о пророках» Рабгузи (XIV в.). «Мухаббатнамэ» Хорезми (XIV в.) и произведений других предшественников³ Навои, Лутфи, Атаи, Саккаки и др. В этих памятниках обнаруживается много общих фонетических, лексико-грамматических особенностей с уйгурским языком⁴.

Наиболее характерным периодом в истории развития уйгурского языка как языка, обособившегося от других родственных ему среднеазиатских языков собственными чертами фонетической системы и грамматического строя, является период после XVII в., в котором получает свое развитие не только общенародный разговорный язык уйгуров, как совокупность ряда диалектов и говоров, но и его письменно-литературная форма, о чем свидетельствуют обнаруженные материалы за последнее время⁵.

Найдены также рукописи – художественно-литературные и историко-филологические произведения на уйгурском языке,

1 *Н.А.Баскаков*. Тюркские языки. М., 1960, стр. 181–184.

2 Там же.

3 *А.М.Щербак*. Грамматика староузбекского языка. М.–Л., 1962, стр. 25–36.

4 *А.К.Боровков*. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Алишер Навои. Сб.ст., М.–Л., 1916. стр. 92.

5 Выявление и изучение рукописей литературных памятников в СУАР началось примерно с 1953 года. Не в организованном порядке путем экспедиционных выездов работа проводилась в 1955–1956 гг.

определенная часть которых уже изучена и опубликована⁶. Среди этих памятников арабописьменного уйгурского языка XVII–XVIII вв. имеются творения таких поэтов, как Мухаммед Имин Хирхити («Мухәббәтнамә по мейнәткам»), Залили («Тәзкираи чилтән»), Навбити («Ғәзәлләр»), Абдурахим Низари («Рабъиә Сәъдин»), Молла Шакир («Зәпәрнамә»), Молла Билал («Ғәзәт-дәр мүлки Чин»), а также поэтов-историков Мухаммеда Садыка Кашгари («Тизкираи әзизан»), Моллы Мусы Сайрами («Тарихий әмәнийә») и др. Эти произведения в общей сложности составляют огромный лингвистический материал, позволяющий определить характер и степень развития как общенародного, так и письменно-литературного языка уйгуров.

Этот весьма сложный и пока еще никем не разработанный вопрос требует специального комплексного исследования. Поэтому нашу попытку охарактеризовать историческое прошлое (XIX в.) уйгурского языка можно считать предварительной.

При рассмотрении уйгурского языка в соответствии с социально-экономической и культурно-политической историей его носителей прежде всего обращает внимание тот факт, что язык не всегда имел непрерывное поступательное развитие, и наоборот, наряду с бурным расцветом наблюдались и моменты деградации. Причем эти общие объективные явления в одном случае приводили к образованию письменного литературного языка с последующим расширением его сфер, тогда как в другом – способствовали развитию общенародного живого языка путем объединения и консолидации диалектов и говоров на всей или на определенной территории. Как всегда, при таких исторических ситуациях, в частности при перемещении культурных центров, в литературном языке исходили соответствующие изменения: сужение или расширение его общественных функций, отход или сближение литературных норм с нормой общенародного живого языка, изменение диалектной основы и т. д.

Наиболее характерные особенности истории развития уйгурского языка в дооктябрьский период были следующие:

1. Несмотря на то, что он объединял ряд говоров и диалектов, был единым для всего уйгурского народа.

2. Он имел свою письменно-литературную норму, которая в соответствии с изменениями в социально-экономической и культурной

6 Астәп Маматомунов. Уйгурлари. Тәшкент, 1960, 80 стр. Әсирләр садаси. Топлитератур. М.Һәмраев, В.Юдин, С.Моллаудов, Ю.Мухлисов. Алмута, 1963, 337 стр. Һилал Назим. Талланған әсәрләр. Топлиғучи. Савут Моллаудов. Алмута. 1961, 168 стр.

жизни народа, то развивалась до уровня общелитературного языка, то, суживая сферу своего употребления, оставалась в рамках книжного языка («китабий тил»),

3. Письменно-литературный язык не имел определенную и вполне устойчивую диалектную базу. Она менялась в зависимости от историко-экономических положений тех или иных районов страны, а также от частого перенесения культурных центров. Так, в одном случае опорным диалектом письменно-литературного языка выступали юго-западные диалекты, тогда как в другом – северо-западные. До второй половины XVIII в. наиболее важные в экономическом и культурном отношении центры находились на юге страны, и поэтому кашгарский и яркендский диалекты сыграли ведущую роль в развитии уйгурского литературного языка. Но в связи с образованием илийского султаната во второй половине XIX в. и перенесением административных центров на север Синьцзяна, в дальнейшем развитии письменно-литературной нормы-уйгурского языка значительную роль сыграли северные диалекты, наиболее характерным компонентом которых являлся язык уйгуров Илийской долины.

Все это хорошо прослеживается на материале языка художественных произведений уйгурских поэтов. Так, например, произведения А. Низари, поэта первой половины XIX в., выходца из Кашгара⁷, в языковом отношении наилучшим образом характеризуют уйгурский письменно-литературный язык указанного периода. В известных его произведениях «Сказания угнетенных» («Гериплар Некайти») и др. прослеживается ряд характерных для кашгарского диалекта фонетических и лексико-грамматических особенностей. В произведениях же Моллы Билала, поэта второй половины XIX в., выходца из Кульджи⁸, наоборот, встречаются элементы языка илийских уйгуров, хотя в них мы иногда наблюдаем отдельные языковые элементы, свойственные южным диалектам (напр.: рифмуются булбул «соловей» с гул (<гүл) «цветок»; а палатализуется в первом слогe: бала>бәла «беда»; наблюдается нерегулярность закона обратного влияния узкого и: *башимни*, *қулақимға*. *адашимдин* *вм.*: *бешимни*, *қулуғимға*, *адишимдин* *идр.*

4. В своем развитии письменно-литературный язык уйгуров сохранил не только художественно-стилистические и языковые приемы прошлых времен, но и, постепенно демократизируясь, сблизился с

7 Әсирләр *садаси*. Топлигучилар: *М. Гамраев, В.Юдин, С.Молгаудов, Ю.Мухлисов*. Алматы. 1963. стр. 204.

8 Там же стр. 333.

нормой общенародного живого языка. Поэтому мы сталкиваемся с такими фактами, когда в произведениях одного и того же поэта, с одной стороны, обнаруживаются пестрая смесь арабо-иранских слов и тюркских архаичных элементов, чуждых для общенародного языка синтаксических конструкций и морфологических форм и т. д., а с другой – самые простейшие и общепринятые языковые элементы и приемы, характерные языку устного народного творчества.

Так, поэт Молла Билал (Назим) в своих газелях, бейтах и дастанах соблюдает «высокий поэтический стиль», характерный языку своих предшественников, в других же произведениях («Чанмоза Юсупхан», «Назугум» и др.) обращается к фольклору и живому разговорному языку. Благодаря доходчивости многие из произведений этого поэта нашли путь к широкому массам народа и превратились в тексты популярных народных песен и задушевных мелодий.

Для характеристики такой двойкой тенденции в развитии письменно-литературной нормы уйгурского языка можно сравнить следующие отрывки из газелей Моллы Билала:

*Бу назакэт ә һ л и г ә у л г у н ч ә в ә ш султан емиш,
 Һәм мал а һ ә т кәшвиргә шәһәр ичрә хан емиш.
 Һәм л а т а п ә т гулиәнидә барчә гулниң бә һ т и р и ,
 Һәм саадәт ә х т ә р и ичрә мәһтабан емиш.
 Әй, Билал, хоп аңлидиң ул м ә һ л и қ а н н и ң вәспини,
 Өзи жаллад, кирпиғи н ә ш т ә р , йүзи хәндан емиш⁹.*

Наряду с подобными строками, где, как видно, изобилуют арабо-персизмы и другие архаичные элементы (подчеркнутые нами), у Моллы Билала есть произведения, которые в языковом отношении ничем особым не отличаются от произведений современных авторов или фольклора:

*Териган бирлән елип болмас сайниң ташини,
 Дәрт кәлгәндә елип болмас көзниң яшини.
 Суға салсам, су көтәрмәс миққал төмүрни,
 Алтун бирлән елип болмас қалған көңүлни.
 Ярим бизгә бақмай жүрүп дилгә гәм салди.
 Шәпқәт бирлән сорған барму көңли мәлулни.
 Бәхтим қара болған үчүн яр бизгә бақмас,
 Жиглатқили яхиш әмәс биздәк оғулни.
 Ярим бизгә бақяас болди, байлар – намратқа,*

9 Билал Назим. Талланған әсәрләр. Топлиғучи Савут Моллаудов. Алмута. 1961, стр. 67.

Әрәнләр һәм йоқлимаслар ери йоқ тулни.

Ая ярим, қәһқә күлүп, егиң көңлүмни,

*Яман болмас, йоқлисиңиз Назимий қулни*¹⁰

Как видно из этих примеров, одной из особенностей развития уйгурского письменно-литературного языка во второй половине XIX в. является процесс демократизации и сближения его с языком устного народного творчества. Этот процесс в известной степени был связан с активизацией народно-освободительного движения народных масс против своих угнетателей. Ибо борьба народа за свою национальную независимость, его думы и чаяния о светлом будущем в наиболее доступной форме и ярче всего находили свое выражение в устном народном творчестве, нежели в произведениях письменной литературы, которая при сплошной неграмотности уйгурского населения имела весьма ограниченную сферу своего распространения. Поэтому, естественно, боевые песни легендарного народного героя Садыра Палвана, созвучные устным поэтическим произведениям – кошками и беитами, – как по своим идейным мотивам, так и в языковом отношении нашли самое широкое распространение в народе.

С другой стороны, письменно-литературная традиция, берущая свое начало от классической уйгурской литературы раннего средневековья, постепенно теряет под собой почву, в связи с чем мастера художественного слова: Молла Шакир, Молла Билал, Сеид Мухаммед и др., в поисках изобразительных средств (метафор, сравнений, идиоматических выражений т. д.) очень часто обращались к неисчерпаемым живым источникам народного разговорного языка.

5. Письменно-литературная норма уйгурского языка указанного периода базировалась и развивалась главным образом на основе поэтического языка, так как прозаических произведений в то время почти не было. Отсутствие прозаического жанра в литературе, а следовательно, и «прозаического языка», как известно, характеризует неполнокровность и неразвитость литературного языка.

Итак, уйгурский литературный язык дооктябрьского периода имел весьма узкое употребление в письменно-поэтической форме и ввиду сплошной неграмотности населения долгое время оставался достоянием лишь небольшой кучки грамотных людей (поэтов, служителей религиозного культа и др.). Поэтому не имеем достаточных оснований

¹⁰ Билал Назим. Талланган әсәрләр. Топлигучи Савут Моллаудов. Алмута. 1961, стр. 113.

считать, что современный уйгурский литературный язык является прямым продолжением и органическим развитием норм письменно-литературного языка предшествующего периода, хотя определенную преемственность в нем нельзя отрицать.

Общая характеристика современного уйгурского литературного языка

Современный уйгурский литературный язык, отличающийся от письменно-литературного языка уйгуров прошлых столетий как по своему богатству и развитости, так и по широте употребления, был создан в послеоктябрьский период на базе общенародного живого разговорного языка, объединяющего различные его диалекты и городские говоры. Вместе с тем современный уйгурский литературный язык в процессе своего формирования и постепенного развития, вобрав в себя наилучшие языковые элементы, стилистические приемы мастеров художественного слова предшествующих времен, продолжает развивать некоторые положительные традиции письменно-литературного языка.

Всесторонний научный анализ и изучение как внутренних языковых процессов, так и внешних факторов языкового строительства играют первостепенную роль в оценке, наиболее правильных тенденций и выявлении закономерностей дальнейшего развития уйгурского литературного языка. Этот вопрос особую актуальность приобретает именно в настоящее время, когда происходит в литературном языке процесс постоянного усовершенствования, уточнения и стабилизации письменных и устных, орфографических и орфоэпических, лексико-грамматических и стилистических норм.

Несмотря на это, вопрос о формировании и развитии современного уйгурского литературного языка до сих пор не был предметом специального изучения, а попутные замечания ученых о частных моментах этой большой проблемы далеко недостаточны для каких-либо серьезных научных обобщений и выводов по данному вопросу.

В этой связи нельзя не упомянуть о существующих в настоящее время мнениях о характере и нормах уйгурского литературного языка, о диалектах вообще и о диалектной базе литературного языка в частности. Так, проф. Н.А. Баскаков считает, что «Современный уйгурский язык представлен, с одной стороны, двумя литературными языками: 1) литературный язык советских уйгуров, в основе которого лежат северные диалекты уйгурского языка... и 2) литературный язык уйгуров

Синьцзяна, который основан на южных диалектах, хотя окончательная его стабилизация еще не закончилась...; и с другой – разговорным языком с множеством диалектов, которые в основном распадаются на четыре группы»¹¹ Далее указывается, что первую группу составляют южные диалекты: 1) кашгаро-яркендский диалект с янги-гисарским говором, 2) хотано-керийский диалект с черченским говором и 3) аксуйский диалект; вторую группу – северные диалекты: 1) куча-турфанский диалект (Карашар, Куча, Турфан, Комул-Хами) и др.; 2) илийский, или кульджинский, диалект; третью группу – лобнорский диалект, а четвертую группу – ганьсуйские диалекты, куда относятся саларский и сары-уйгурский диалекты. Приводя основные и общие признаки каждой из этих групп, Н. А. Баскаков указывает, что уйгуры Советского Союза говорят на илийском диалекте¹².

Следует отметить, что за последнее время диалектные особенности уйгурского языка путем экспедиционных выездов изучались в Китае при участии советских ученых¹³.

На основе этих материалов вопрос о диалектной основе уйгурского литературного языка получил несколько иную научную интерпретацию. Так, например, Э. Н. Наджип в своем последнем труде по языку уйгуров Синьцзяна¹⁴ утверждает, что «... можно выделить как диалекты лишь язык хотаицев и лобнорцев; остальные «диалекты» (кашгарский, илийский, хамийский, аксуйский, яркендский) отличаются друг от друга главным образом фонетически, грамматических же и лексических расхождений, как правило, обнаруживается очень мало; поэтому все они могут рассматриваться в качестве говоров одного так называемого *центрального диалекта* (подчеркнуто нами, – А. К.), который сейчас и лежит в основе литературного языка»¹⁵

По мнению же Э. Р. Тенишева, который сам непосредственно участвовал в экспедициях, проходивших по Синьцзян-Уйгурскому автономному району, и вел диалектологические

11 Н.А.Баскаков. Тюркские языки. М., 1960. стр.182–183.

12 Там же.

13 Э.Р.Тенишев. Отчет о поездке к уйгурам, сары-уйгурам и саларам. «Известия АН СССР» ОЛЯ. Т. XX, вып. 2. 1960.

14 Э.Н.Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960.

15 Там же. стр. 9.

записи языка у населения¹⁶, «Современный общенародный уйгурский язык Синьцзяна существует в двух основных формах: в форме литературного языка (в его письменной и устной разновидностях) и в виде совокупности местных диалектов и говоров. При этом большинство элементов грамматического строя и лексики являются общими для всех диалектов и для литературного уйгурского языка. Но вместе с общими явлениями народные уйгурские говоры и диалекты обнаруживают частные особенности, отличающие их друг от друга и от литературного языка. Не будет особым преувеличением сказать, что общего в уйгурских диалектах больше, чем частного»¹⁷.

Исходя из основных фонетических и лексико-грамматических особенностей Э. Р. Тенишев намечает три диалекта уйгурского языка: 1) северо-западный, или центральный, который, в свою очередь, объединяет языки уйгуров всей северо-западной части страны в ряд городских говоров (яркендский, кашгарский, аксуйски, кучарский; кульджинский, карашарский, урумчинский турфанский, корлинский и комульский); 2) южный, или хотанский с границей на западе – Гума, а на востоке – Чарклык и 3) восточный, или лобнорский, с границей на юге – Чарклык, на севере – Чонг-Кель¹⁸.

Аналогичной точки зрения по вопросам о диалектах общенародного, языка в их отношении к литературному языку придерживаются и языковеды Синьцзяна. Они, конкретизируя указанное положение, выдвигают в качестве диалектной основы литературного языка кульджинский, турфанский и кашгарский говоры центрального диалекта. Так, например, Имин Турсун отмечает, что «...в силу близости с литературным языком некоторые говоры потеряли свою особенность и в настоящее время они каких-либо серьезных различий не имеют... Современный уйгурский литературный язык, базирующийся на кашгарском, илийском и турфанском говорах («шевэ»), функционирует в качестве общелитературного языка»¹⁹.

Это положение нашло себе подтверждение и в последующих исследованиях языковедов СУАР. Так, в одном из докладов лингвистической конференции (1959 г.) отмечалось, что «По данным

16 Э.Р.Тенишев. О диалектах уйгурского языка. Синьцзяна В сб. «Тюркологические исследования», М. – Л., 1963, стр. 136.

17 Э.Р.Тенишев. Указ. работа, стр.137.

18 Там же.

19 Там же, стр. 6. (Здесь и в дальнейшем цитаты из уйгурских источников будут приводиться нами в их русском переводе).

исследований уйгурских диалектов было определено, что уйгурский литературный язык формируется на основе кульджинского, турфанского и кашгарского говоров. Формирование уйгурского литературного языка именно на основе говоров центрального района страны объясняется тем, что этот район и в прошлом, и в настоящее время является центром политического, экономического и культурного развития Синьцзяна». Касаясь литературного произношения, А.Гаппарова отметила, что произношение кульджинских уйгуров, в котором как бы нашли свое преломление все говоры северо-западных районов, должно лечь в основу произносительной нормы всего литературного языка.

Таким образом, из приведенных нами высказываний и мнений языковедов вытекает вывод: в качестве опорного диалекта современного уйгурского литературного языка выступает т. н. центральный диалект, объединяющий языки уйгуров северо-западного района Синьцзяна. Несколько обособленными от литературной нормы стоят лобнорский и хотанский диалекты²⁰, а языки сары-уйгуров и саларов, некогда считавшиеся диалектами уйгурского языка, в настоящее время представляют собою как самостоятельные языки.²¹

Как мы видим из приведенной классификации, множество городских говоров, которые раньше рассматривались как самостоятельные диалекты, теперь объединяются в одну общую диалектную группу. В связи с этим напрашивается один вопрос: по какому принципу и на основании каких общих признаков объединены эти говоры; произошли ли в диалектной системе уйгурского языка какие-либо серьезные сдвиги в связи с формированием и быстрым темпом развития литературного языка?

Во-первых, нельзя отрицать, что общенародный уйгурский язык существовал как совокупность множества местных диалектов и говоров: причем, как нам думается, диалектов, имеющих свои отличительные особенности, было меньше, чем говоров. Последние же, являющиеся результатом оседлого образа жизни уйгуров еще в раннем средневековье, разобщенности городов и отсутствия повседневной тесной связи между различными оазисами, естественно, тоже имели свои определенные особенности. И эти их особенности, за некоторым исключением, ввиду различного подхода ученых с разными лингвистическими критериями, в

20 Э.Н.Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 9.

21 Э.Р.Тенишев. Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сары-уйгурам. «Известия АН СССР» ОЛЯ. Т. XX, вып. 2. 1960. стр.181.

одном случае принимались за диалектные, в другом – за специфические черты говоров или наречий. В результате этого, в научной литературе часто допускалось смешение понятий диалект, говор и наречие. Это в известной степени является оправданием тому, что при последних классификациях многие наречия и диалекты, как это квалифицировалось в прежних исследованиях, признаются говорами.

Во-вторых, в связи с внешними историческими факторами (создание единого государственного управления или его последующий распад, перемещение культурно-административных центров и т. д.) действительно происходили определенные сдвиги в диалектной системе уйгурского языка. В одном случае они выражались в локализации и изолированной дифференциации говоров, в усугублении диалектных различий и местных языковых особенностей, а в другом – в постепенной консолидации и объединении мелких городских говоров вокруг крупного диалекта. Иногда же самостоятельный язык, в силу длительного и тесного территориального контакта с наиболее развитым языком, превращался в один из его диалектов. Так произошло, например, с языком лобнорцев. «В прошлом это был самостоятельный язык...», теперь же он, растворившись в уйгурском языке, стал одним из его диалектов²².

Итак, то что мы обнаруживаем в системе диалектов уйгурского языка, следует рассматривать как закономерный процесс ее развития, приводивший к значительному стиранию границ диалектных различий, консолидации и объединению ряда городских говоров в одну общую диалектную группу. Но было бы ошибочно связывать это только с начальным периодом формирования и развития современного уйгурского литературного языка. Начало этого процесса, конечно, следует искать в прошлой истории языка.

Данное положение находит себе подтверждение в трудах некоторых отечественных тюркологов, где неоднократно говорилось о большом единообразии народно-разговорного языка уйгуров. Так, один из исследователей уйгурского языка в 60-х годах прошлого столетия профессор Казанского университета Н. И. Ильминский писал, что на всей территории Синьцзяна «существует одно наречие, только быть может с небольшими разностями»²³. Аналогичного мнения придерживались С. Е. Малов²⁴, Н.Ф. Катанов²⁵, а также В. А. Богородицкий, который, кстати, писал,

22 Э.Р.Тенишев. Указ. работа, стр. 81.

23 Н.И.Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, с приложениями. Казань, 1962, стр. 43–48.

24 С.Е.Малов. Изучение Живых турецких наречий Западного Китая. – «Восточные записки». 1927. т. 1, стр. 165.

25 L.XXIII тому. Записки ИАН. СПб., 1893. стр. 95.

что «Уйгурский язык здесь (т. е. в Синьцзяне. – А. К.) однороден по типу, представляя небольшие диалектные различия и лишь в некоторых местностях более значительные; прежде эти диалекты объединялись под названием кашгарского наречия»²⁶.

Из этого следует, что еще в недалеком прошлом общенародный уйгурский язык, несмотря на наличие ряда говоров и диалектов, имел сравнительно единообразный, однотипный характер.

Сравнительное единообразие общенародного разговорного языка уйгуров и общность основных, наиболее важных элементов грамматического строя и лексики существующих диалектов и говоров не только послужили причиной успешного образования литературного языка, но и обусловили быстрейший темп его развития. Теперь уйгурский литературный язык в своем развитии пользуется двояким источником: с одной стороны, он все необходимое черпает из общенародного живого разговорного языка, с другой – перенимает все положительные элементы как опорного диалекта, так и диалектов вообще.

Чем быстрее развивается литературный язык и происходит уточнение и стабилизация его норм во всех ее разновидностях, тем быстрее протекает процесс нивелировки диалектных различий, с одной стороны, и стирания граней между отдельными диалектами (говорами) и литературным языком – с другой.

Между тем для правильной ориентации и определения тенденции развития литературного языка большое теоретическое и практическое значение имеют выявление и анализ специфических черт и различий каждого из говоров опорного, т. н. центрального, диалекта, наиболее характерными из которых, как уже отмечено, выступают кашгарский, кульджинский (илийский) и турфанский говоры. Этому вопросу посвящена указанная уже работа Э. Р. Тенишева («О диалектах уйгурского языка Синьцзяна»), а также ряд статей и докладов уйгурских языковедов. Как показывает первый предварительный анализ диалектных особенностей указанных трех говоров, наиболее характерные моменты, расхождения в них обнаруживаются главным образом в области фонетики, а в области грамматики и лексики они незначительны.

Так, Э. Р. Тенишев²⁷ для выявления диалектов уйгурского языка выдвигает шесть основных, носящих системный характер признаков:

16 В.А.Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-ое, испр. и доп., Казань, 1953, стр. 94.

17 Э.Р.Тенишев. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. В сб.: «Тюркологические исследования», М.–Л., 1963, стр. 136–151.

1) вариантность фонемы, 2) прогрессивная гармония гласных, 3) регрессивная гармония гласных, 4) ассимиляция согласных, 5) форма 1-го лица будущего времени и 6) форма 3-го лица будущего времени. Рассматривая под этим углом зрения все диалекты и говоры, он отмечает следующие характерные особенности турфанского говора, отличные от нормы литературного языка: 1) в начале слова перед узкими гласными стоит, тогда как в литературном языке и – ж (йигин «собрание», лит. жиҕин; йил «год», лит. жил); 2) широкий э первого слога сужается и произносится как е, а в лит. сохраняется ә (деп «сказав», лит. дәп; мешрәп «вечеринка», лит. мәшрәп); 3) в речи людей старшего поколения литературное в чередуется с ғ, г (һаға «погода», лит. һава; дуға «молитва», лит. дува); 4) сравнительная степень прилагательных образуется при помощи аффиксов -арақ// -әрәк, -ерек, которые отличаются от форманта литературного языка добавочным звуком -а// -ә, -е (чоң-арақ «больше», лит. чоң-рақ; көп-ерек//көп-рәк, лит. көпрәк)²⁸; 5) форма будущего предположительного времени имеет губные варианты (туғ-ур «родит», лит. туғ-ар; қар-ур «посмотрит», лит. қар-ар).

Отличительными от литературного языка особенностями кашгарского говора являются следующие: 1) нарушение прогрессивной губной гармонии в конечном ударном слоге, т. е. появление негубных а//е вместо губных (көңәл «сердце», «чувство», лит. көңүл; бүгән «сегодня», лит. бүгүн; олтурап «сев», лит. олтуруп; көзәм «мой глаз», лит. көзүм); 2) в начале слова смычный к перед узкими гласными, смягчаясь, звучит как аффриката ч (чим? «кто?») лит. ким?; чигән «вошедший», лит. киргән); 3) глухие согласные қ, к между гласными часто остаются глухими (қусаки «его живот», лит. қосуғи); 4) в некоторых случаях узкий у в середине слова приобретает твердость (йүз – «сто», лит. йүз); 5) дрожащий р, как правило, становится шумным ж (бир «один» лит. бир; қижқивәтти «он побрил», «постриг», лит. қирқивәтти).

Некоторые из этих диалектных особенностей кашгарского, илийского и турфанского говоров приводятся И. Турсуном. Он, в частности, отмечает следующие особенности:

1) широкий гласный заднего ряда а в отдельных словах турфанского говора (*чүкән* «молодая женщина», *чока* – «палочки») (для еды) в

28 До введения в практику новых «Правил орфографии современного уйгурского современного литературного языка», разработанных канд. филолог. наук Г. Садвакасовым, данная форма в лит. языке советских уйгуров употребилась двойко -арақ//әрәк, -рақ//рәк (чоң-арақ, кичиг-әрәк). Сейчас приняты и узаконены ее четыре варианта: -рақ// -рәк (после слов, оканчивающихся на широкие и узкие гласные: *тола-рақ, тәләв-рәк*) и -ирақ//ирәк. См. Ә.Илиев, *Ғ.Садвақасов. Уйғур тилиниң имла луғити*. Алматы. 1963, стр. 289.

кашгарском и илийском говорах произносится как широкий гласный переднего ряда *ә* (*чүкән, чүкә*). Однако этот факт в отдельных словах представлен наоборот, т.е. в турфанском и илийском – *нахша* – песня; *авал* «раньше», *һайдаш* – им. д. от *һайдимақ* «гнать», «погнать», тогда как в кашгарском – *нәхшә, әввәл, һәйдәш*;

2) в отличие от литературного языка, а также илийского и турфанского говоров, в кашгарском наблюдается замена губных гласных переднего ряда соответственно губными гласными заднего ряда (чогун «чугун», лит. чөгүн; гош «мясо», лит. гөш; гул «цветок», лит. гүл);

3) как уже отмечалось выше, в противовес литературному языку, в турфанском говоре ж чередуется с й (йирақ «далеко», лит. жирақ; йүк «груз», лит. жүк);

4) в кашгарском дрожащий *p* во втором, третьем и последующих слогах произносится как шумный *ж* (*қиж* «уничтожай», «брей», лит. *қир*; *ғиждә* (нан) «круглая лепешка», лит. *ғирдә*), но не всегда последовательно;

5) в кашгарском говоре глухие *қ, к* как и в литературном языке, не подвергаются озвончению (*аяқи* «его ноги», лит. *айиғи*; *челәки* «его ведро», лит. *челиғи*);

6) вариантность отдельных наложных аффиксов (в кашгарском тил-гә «языку», лит. тилға; иш-кә «делу», «работе», лит. иш-қа) и аффикса множественности (киз-ләр «девушки», лит. қизлар);

7) своеобразной особенностью кашгарского говора является выпадение конечного *p* в аффиксе множественного числа с последующей редукцией слогообразующего *-a//-ә* (*қиз-ли-ға* «девушкам», кадр-ли-ға «кадрам»);

8) в кашгарском говоре иногда встречается широкий вариант аффикса уменьшительности *ғина//-кина* (аз-ғина «немножко», лит. аз-гинә; кичик-кина «малюсенький», лит. кичик-кинә);

9) в турфанском говоре имеются отличные от литературной нормы варианты местоименных форм (өзлә «сами», лит. өзэнлар; өзләниц «самих», лит. өзэнләрниц; өзләдин «от вас», лит. өзэнлардин; өзлүрлә «вы сами», өзлирила);

10) в турфанском и частично илийском говорах деепричастная форма имеет вариант *-ғини//-қини, -ғини//-қини*, в литературном же языке: *-ғили//-қили, -ғили//-қили*;

11) в турфанском говоре употребляется, например, следующее сочетание форм глагола: *бар-мақ-чи-дәк-мән* – «я, как будто, должен

пойти»; *кәл-мәк-чи-дәк-мән* – «я, как будто, должен пойти», вместо литературного: *барғидәкмән, кәлғидәкмән*.

Для наглядности приводим общую сравнительную таблицу, в которую сведены все наиболее характерные особенности трех говоров центрального диалекта уйгурского языка.

Кашгарский	Илийский	Турфанский	Перевод
<i>кижғақ</i>	<i>қирғақ</i>	<i>қирғақ</i>	край; возвышенность
<i>ғиждә</i>	<i>ғирдә</i>	<i>ғирдә</i>	круглая лепешка
<i>чокан</i>	<i>чокан</i>	<i>чүкән</i>	молодая женщина
<i>чока</i>	<i>чока</i>	<i>чүкә</i>	палочки (для еды)
<i>әввал</i>	<i>авал</i>	<i>авал</i>	прежде
<i>һәйдәш</i>	<i>һайдаш</i>	<i>һайдаш</i>	тонение
<i>чогун</i>	<i>чөгүн</i>	<i>чөгүн</i>	чугун
<i>гәш</i>	<i>гәш</i>	<i>гәш</i>	мясо
<i>гул</i>	<i>гул</i>	<i>гул</i>	цветок
<i>жуң</i>	<i>жуң</i>	<i>юң</i>	шерсть
<i>жирақ</i>	<i>жирақ</i>	<i>йирақ</i>	далеко
<i>мәктап</i>	<i>мәктәп</i>	<i>мәктәп</i>	школа
<i>зилча</i>	<i>зилчә</i>	<i>зилчә</i>	коврик
<i>аяқ – аяқи</i>	<i>аяқ – айиги</i>	<i>аяқ – айиги</i>	ноги – его ноги
<i>челәк – челәки</i>	<i>челәк – челиги</i>	<i>челәк – челиги</i>	ведро – его ведро
<i>болапто</i>	<i>болупту</i>	<i>болупту</i>	так было
<i>бүгән</i>	<i>бүгүн</i>	<i>бүгүн</i>	сегодня
<i>қол-ләр</i>	<i>қол-лар</i>	<i>қол-лар</i>	руки
<i>дост-ләр</i>	<i>дост-лар</i>	<i>дост-лар</i>	друзья
<i>бизлиму</i>	<i>бизләрму</i>	<i>бизләрму</i>	и мы
<i>оқуватиттим</i>	<i>оқувататтим</i>	<i>оқувататтим</i>	я читал
<i>қандағ?</i>	<i>қандақ?</i>	<i>қандақ?</i>	как?
<i>уруғ</i>	<i>уруқ</i>	<i>уруқ</i>	семья
<i>жуваз</i>	<i>жуваз</i>	<i>жугаз</i>	маслобойка
<i>сувақ</i>	<i>сувақ</i>	<i>суғақ</i>	штукатурка
<i>чим?</i>	<i>ким?</i>	<i>ким?</i>	кто?
<i>чирди</i>	<i>кирди</i>	<i>кирди</i>	зашел

При сопоставлении лексики кашгарского и илийского говора выявлено, что 58,7% словарного состава имеют абсолютное совладение, 32,5% составляют слова, выступающие в виде орфографических дублетов и фонетических вариантов, 5,7% – слова, совпадающие внешне, но имеющие разные значения, и, наконец, 3,1 % – слова, встречающиеся

в одном говоре и отсутствующие в другом. В илийском и турфанском говорах первая группа слов соответственно составляет 71,5%, вторая – 24,3%, третья – 3,3%, четвертая – 0,9%; а в кашгарском и турфанском говорах, соответственно, первая группа слов составляет 54,8%, вторая – 35,6%, третья – 6,6% и четвертая – 3%.

Исходя из указанных фактов Ли Син приходит к заключению, что общий словарный состав сопоставляемых трех говоров, включая сюда как абсолютно тождественные, так и слова, выступающие в виде орфографических дублетов и фонетических вариантов, составляет следующее процентное соотношение: в кашгарском и илийском говорах – 91,2%, в илийском и турфанском – 95,8%, в кашгарском и турфанском – 90,5 %²⁹.

Таким образом, указанные языковые данные говорят о том, что турфанский, илийский и кашгарский говоры, как основные компоненты центрального диалекта уйгурского языка, отличаясь между собою лишь незначительными, главным образом фонетическими особенностями, больше других диалектов (например, лобнорский и хотанский) отражают в себе элементы литературного языка.

Поэтому литературный язык в дальнейшем развитии и усовершенствовании своих норм в основном будет опираться на эти говоры. Но это не значит, что другие говоры и диалекты уйгурского языка будут изолированы и не могут участвовать в процессе его формирования. Вместе с тем он, опираясь на центральный диалект, будет постоянно обращаться к богатому источнику общенародного языка и черпать из него все необходимое для своего развития. В связи с этим, подобно живому организму, будут приведены в движение все говоры и диалекты, из которых собственно и состоит сам общенародный язык. Однако их участие в создании нормы литературного языка будет далеко не одинаково.

Что же касается существующих фонетических различий между говорами опорного диалекта, то они, при наблюдаемой интенсивности развития литературного языка, будут претерпевать процесс постепенной нивелировки. Причем в этом и процессе, как нам думается, решающую роль сыграет уже принятая и оправдавшая себя на языковой практике

29 О фонетической характеристике особенностей указанных говоров в их отношении к норме литературного произношения. См. Т. Талипов. Уйгур шевилириниң әдәбий тәләппузга нисбәтән фонетикалик умумий характеристикиси. «Известия АН КазССР», серия филологии искусствоведения, вып. 3 (13), 1959, стр. 59–69.

норма литературного произношения, в основу которой легло произношение кувльджинских уйгуров³⁰.

Следует также отметить, что о постепенной стабилизации фонетических и произносительных норм литературного языка свидетельствует относительное их единообразие, наблюдаемое в печатной продукции (художественной и периодической, научно-политической литературе), выпускаемой как в Синьцзяне, так и в СССР. Особенно характерен в этом отношении язык таких местных газет, как («Кашгарская газета»), («Илийская газета»). В указанных газетах, хотя и проскальзывают иногда некоторые фонетические и лексические элементы местных говоров, в основном выдерживается общелитературная норма во всех ее звеньях. Это происходит прежде всего в силу расширения сфер общественных функций литературного языка, а практически – в результате того, что тот или иной представитель, например, кашгарского говора, хотя и говорит төт қонап бешинчи күни Қәшқәгә чиридикән, но пишет: төрт қонуп бәшинчи күни Қәшқәргә киридикән, соблюдая при этом принятую норму литературного языка. О сравнительном единообразии, наблюдаемом в языке периодической печати, можно говорить и применительно к языку газеты («Синьцзянская газета») и художественно-литературного журнала («Тарим»), с одной стороны, и межреспубликанской уйгурской газеты «Коммунизм туғи» («Знамя коммунизма»), выходящей в Алма-Ате, – с другой. Наблюдаемые расхождения в этих газетах и журналах главным образом относятся к терминологической лексике, а не к фонетической природе слов (при учете, конечно, разных письменно-орфографических традиций) и грамматической структуре языка вообще.

В аспекте изучения характерных особенностей и норм современного уйгурского литературного языка, а также определения тенденции его развития, большой практический смысл и принципиальное теоретическое значение имеет вопрос: является ли современный уйгурский литературный язык общим и единым как для синьцзянских, так и для советских уйгуров, или же мы должны дифференцировать его как два самостоятельных литературных языка?³¹

Приведенные нами выше факты и высказывания многих языковедов

30 Г.Сердюченко. О письменности для нацменьшинств. «Дружба», 1957, 23 августа. Т.Талипов. Уйгур шевирилириниң әдәбий тәләпүзгә нисбәтән фонетикалик умумий характеристикаси. «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, 1959, вып. 3 (13), стр. 66.

31 Н.А.Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 182–183.

говорят в пользу того, что на всей огромной территории Синьцзяна функционирует единый общелитературный уйгурский язык. Если это так, то остается нам теперь выяснить вопрос, какое отношение к указанному литературному языку имеет язык советских уйгуров, в чем заключается их общность и расхождения.

Как известно, уйгуры Советского Союза, живущие в основном в Казахстане (в Уйгурском, Чиликском, Эмбекши-Казахском, Панфиловском, Нарынкольском районах Алма-Атинской области, в г. Алма-Ате и частично в г. Чимкенте), в Киргизии (в Ошском, Араванском, Каракольском районах, в городах Фрунзе, Токмаке, Пржевальске и Оше), в Узбекистане (в отдельных селениях Андижанской обл., в Ленинском, Избаскентском, Пахтабадском районах и в г. Ташкенте), в Туркмении (вг. Байрам-Али) и Таджикистане составляют по данным переписи 1959 г. 95,2 тыс. человек³² и по своему территориально-экономическому положению делятся на две группы: *семиреченскую*, к которой относятся уйгуры, живущие более компактно, непрерывными полосами вдоль Заилийского Алатау от Алма-Аты до государственной границы КНР, и *ферганскую*, куда входят уйгуры среднеазиатских республик, расселившиеся небольшими «гнездами» среди сплошного массива узбекского, киргизского, туркменского и таджикского населения³³.

Как свидетельствуют исторические данные, первоначальное переселение уйгуров в Ферганскую долину началось еще в I половине XVIII в.,³⁴ затем оно повторялось во второй половине XVIII и начале XIX вв.³⁵ Главной причиной массового переселения уйгуров из юго-восточных районов Синьцзяна в Ферганскую долину явилось создавшееся в стране трудное социально-экономическое и политическое положение. Против невыносимого двойного гнета местных феодалов – маньчжурских завоевателей неоднократно вспыхивали восстания народа, и каждый раз они терпели поражения. Разоренный народ, боясь мести и преследования военно-административной власти маньчжуров, покидал свои родные места и бежал в соседние ханства. Так, например, известный в истории Синьцзяна «бунт семи ходжей» и его последующее поражение «...повлекли за собой эмиграции до 20 000 семейств, т. е. до 100 000 человек из городов Кашгара, а отчасти Яркенда и Аксу»³⁶. В результате таких событий на

32 Но учесть число переселившихся уйгуров из заграницы за последние годы, то эта цифра может быть значительно увеличена.

33 Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, М., 1963, стр. 488.

34 Ч.Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, т. II, Алма-Ата 1962, стр. 317–324.

35 Там же.

36 А.Н. Куропаткин. Кашгария. СПб., 1879, стр. 121.

территорию Кокандского ханства к 1860г. переселилось около 250 000 уйгуров³⁷ что намного превышает число уйгуров Ферганской долины, засвидетельствованное переписью 1959г. Уменьшение числа уйгуров в указанных районах, как пишет И. В. Захарова, объясняется главным образом тем, что в процессе консолидации узбекской социалистической нации часть уйгуров, живущих в Узбекистане, слилась с соседним узбекским населением и стала относить себя к узбекам. Протекавший весьма интенсивно процесс слияния облегчался восходящей к глубокой древности этнической, языковой и культурной общностью предков уйгуров и узбеков»³⁸.

Вторую, семиреченскую, группу составляют уйгуры, переселившиеся в 1881–1883 гг. из Илийской долины³⁹ в пределы Семиречья. Процесс эмиграции и реэмиграции семиреченских уйгуров имел место до последнего времени. Причиной первоначального массового переселения илийских уйгуров в пределы России явились события 60-х годов XIX в. и известные их последствия⁴⁰. Так, в пределы Семиречья до начала 1884 г. «переселилось 9572 уйгурской семьи, насчитывавших 45 373 чел...»⁴¹.

Таким образом, уйгурское население, переселившееся на территорию России, оказалось в различном языковом окружении (в одном случае – казахском, в другом – узбекском и киргизском), что в известной степени отразилось не только на экономической и культурной жизни народа, но и на дальнейшем развитии его литературного языка.

Из приведенных выше исторических данных видно, что уйгуры Ферганской долины, являясь выходцами из юго-восточных районов Синьцзяна, в языковом отношении представляют кашгарско-яркендский говор, который в настоящее время выступает одним из основных компонентов т. н. центрального диалекта – опорного диалекта современного уйгурского литературного языка. Семиреченские же уйгуры, будучи выходцами из северных районов Синьцзяна, в основной своей массе, являются носителями илийского говора, так же ставшего впоследствии одним из основных говоров опорного диалекта уйгурского литературного языка.

37 Там же.

38 Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, М., 1963, стр. 488

39 М.Н.Кабилов. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951.

40 Ю. Баранова. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881–1883 гг. В кн.: «Труды Сектора востоковедения», т. I, 1959, стр. 33–52.

41 М.Н.Кабилов. Указ. соч., стр. 82.

Несмотря на это, создание литературного языка, общего и единого для всего уйгурского населения Советского Союза, было делом далеко не из легких. Этому препятствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, к моменту переселения уйгуров в пределы России уйгуры не имели единого литературного языка с общей диалектной основой, а письменно-литературный язык с узкой сферой употребления базировался в основном на кашгарском диалекте.

Во-вторых, различия диалектов уйгурского языка, в том числе кашгарского и илийского, в тот период были значительно большими, чем они имеются в настоящее время.

В-третьих, компактность расселения семиреченских уйгуров способствовала сохранению не только национальной самобытности культуры, но и чистоты своего языка, тогда как уйгуры Ферганской долины в культурном и языковом отношениях значительно сблизились с узбеками^{32, 42}.

В четвертых, в силу исторической традиции, уйгуры Ферганской долины (т.е. «кашгарлыки») и илийские уйгуры (т.е. «таранчи») ⁴³ ошибочно относили себя к двум народам, различным как в этническом, так и в языковом отношениях⁴⁴.

Все эти обстоятельства в известной степени мешали созданию в послеоктябрьский период единого литературного языка уйгуров Советского Союза. Они послужили причиной постоянных лингвистических дискуссий и острых дебатов между специалистами уйгурского языка по вопросам создания общелитературного языка и определения его диалектной основы.

Первоначальный спор был о существовании «двух» наций «двух» языков – «кашгарского» и «таранчинского». Выдвигая подобный вредный тезис, незначительная часть уйгурской интеллигенции, вроде Кадырхаджи⁴⁵, руководствовалась узкоместнической тенденцией. Она

42 О языковых особенностях ферганских уйгуров см. статью канд. филологических наук Г. Садвакасова, публикуемую в данном сборнике.

43 С. Шакиржанов. «Или шәккиз миң» вә «таранчи» сөзлириниң келип чикиши. – «Шәриқ һәқиқити», 1948, № 1, стр. 7.

44 В 1921 г. на съезде представителей уйгурской интеллигенции в Ташкенте по инициативе С.Е.Малова и при общем одобрении участников съезда был восстановлен издавна бытовавший этноним «уйгур» как общее название для всего уйгурского народа.

45 В этом отношении любопытен факт, приведенный в статье А. Мухаммади: «24 жили Тәшкән уйгур окугучилири башлиғи Бурһан Қасимов маһа (Москваға) язған хетида «биз 10–15 окуғучи группа болуп Пәргәнә уйғурлири арисифа ишләп кәлгили (йәни тил материаллирини жиқкили. – А. Қ.) тәйярликәтизимиз» дәгән. Шуниндин бир ай кейин язған хетиди. «Биз Пәргәниға тәйярланған едук, ләйкин һазире планлиримиз йимирилди. Қадирһажилар «бизни

требовала языкового размежевания и создания двух литературных языков. Когда эта крайне вредная тенденция в языковом строительстве все же получила окончательный отпор, спор перешел на тему: какой же диалект («кашгарский» или «таранчинский») должен лечь в основу общелитературного уйгурского языка?⁴⁶

Подобные споры, несмотря на принятое решение объединенным съездом уйгуров – представителей Алтышара (т. е. ферганских уйгуров) и Семиречья, состоявшимся в Ташкенте в 1921 г., по вопросу упразднения названий «*кашкарлык*» и «*таранчи*» и признания общего названия «*уйгур*» и единого уйгурского языка, продолжались примерно до 1935 г. Множество полемических выступлений по этому вопросу опубликовано на страницах таких уйгурских газет и журналов, выходивших в 20–30 годах, как «Кэмбэгэллэр авазы» («Голос бедняков»), «Кутулуш» («Освобождение») «Күн чикиш һәқиқити» («Правда Востока»), «Қизил таң» («Красная заря»), «Инқилапчи шәрик» («Революционный Восток»), «Ленин йолида» («По ленинскому пути») и др.

Так, С. Шакиржанов⁴⁷ утверждал, что язык «кашгарлыков» и «таранчинцев» – суть разных языков. Его статья нашла многочисленные отклики и опровержения. Один из известных в то время уйгурских языковедов Абдулхай Мухаммади по поводу этого мнения писал: «Уйгурский язык», «кашгарский язык», «таранчинский язык» – вот те основные вопросы, впервые видвинутые перед нами. По этому вопросу сейчас существуют самые различные мнения. ...Вопрос этот очень серьезный. Для правильного его решения недостаточно, одного лишь понимания уйгурской речи. Крайне необходимо нам вникнуть в существо каждого предложения и каждого слова, надо нам разобраться в деталях и изучить каждую мелочь звукового строения этого языка»⁴⁸.

Далее он, подвергая анализу отдельные фонетические явления и грамматические формы, свойственные языкам «кашгарлыков» и «таранчей», в качестве литературной нормы выдвигает элементы того и другого «диалектов». Например, вместо «кашгарских» вариантов *аммайдо* – не берет, *боланто* – так было, он предлагает «таранчинские»

таранчилар езип кәтти, янчип кәтти» деп толаһанәт килди, биз һәйран қалдук... (Мәсилә чиң. – «Кэмбэгэлләр авазы». 1927, 21, 28 март, 1 апрель).

46 А.Розибақиев. Биздә тил, әдәбият, мәтбуат мәсилилири. – «Кэмбэгэлләр авазы», 1927. 1 июнь, 1 август (Кутлук Т. – псевдоним). *Его же*. Тилимиз тоғрисидин чатақлар. – «Кэмбэгэлләр авазы», 1926, 8 февраль, и др.

47 С.Шақиржанов. Уйгурларда тил, шевә мәсилиси. – «Кэмбэгэлләр авазы», 1926, 17 май.

48 А.Мухәммәди. Мәсилә чиң. – «Кэмбэгэлләр авазы», 1927, 21, 28 март, 1 апрель.

варианты: *алмайду*, *болупту*, и, наоборот, вместо «таранчинских»: *өтүги* – его сапоги, *қулуғи* – его уши – «кашгарские»: *өтүки*, *қули қи*⁴⁹. В результате подобного лингвистического анализа А.Мухаммади приходит к заключению: «...мы допустим серьезную ошибку, если наша литература и все книги впредь будут выходить только на чисто «кашгарском» или на чисто «таранчинском» языках. Необходимо нам создать единый и общий по орфографическим нормам литературный язык для всего уйгурского народа в Китае и Советском Союзе»⁵⁰.

Вопрос о создании единого литературного языка неоднократно ставился на повестку дня многих научно-лингвистических конференций, в которых принимали участие также ученые Москвы, Ленинграда и др. городов. В этой связи велика заслуга С. Е. Малова, который, неоднократно принимая участие в работе этих конференций (1921, 1925, 1930, 1937 гг.), как и многие другие боролся за создание единого уйгурского литературного языка и доказал правомерность своих положений научными данными⁵¹.

Борьбе за создание единого уйгурского литературного языка придавалось большое политическое значение. Поэтому в дискуссиях принимали участие и политические деятели. Так, один из организаторов установления советской власти в Семиречье А. Розыбакиев накануне II Всеуйгурской лингвистической конференции, состоявшейся в Алма-Ате в 1930 г., писал: «Одной ли нации «кашгарлыки» и «таранчи»? Ставить этот вопрос снова в 1930 г. по крайней мере смехотворно. Но еще смехотворнее дискуссировать о наличии двух наций под предлогом того, что в языке кашкарлыков и таранчинцев имеются некоторые лексические различия. Но нет более позорного кичиться и хвастаться, говоря, что мы создадим разные «литературные языки» только на том основании, что в языке одной нации имеются вполне естественные местные особенности»⁵².

Разоблачая таким образом вредные тенденции в языковом строительстве. А Розыбакиев указывал, что «Борьба за общелитературный язык – есть классовая борьба, так как сопротивление против создания единого уйгурского литературного языка означает ослабление языкового средства и усложнение пути культурного развития... Чем мы скорее кончим эти споры, тем быстрее мы продвинемся вперед»⁵³.

49 А.Мухәммәди. Указ. работа.

50 Там же.

51 С.Е.Малов. Уйгур әдәбий тили тоғрилик. – «Кәмбәгәлләр авазы», 1930, 9 май; *Его же*. Уйгурларниң әдәбий тили. – «Кәмбәгәлләр авазы», 1930, 12 апрель. Уйгур тили һәккидики С.Е.Маловниң сөзи – «Шәрик һәқиқити», 1937, 12 апрель, и мн. др.

52 А.Розыбакиев . Уддулийол.– «Кәмбәгәлләр авазы», 1930, 14 май.

53 Там же.

Надо отметить, что в ходе этих дискуссий была признана необходимость создания единого литературного языка для всего уйгурского населения СССР, основу которого должны были составить как илийский, так и кашгарский «диалекты». Однако в практике языкового строительства, т.е. в становлении и формировании нормы общелитературного языка участие указанных «диалектов» носило неодинаковый характер. Не будет преувеличением, если скажем, что в этом процессе все же доминирующую роль сыграл язык семиреченских уйгуров.

Это и естественно. Помимо того, что илийские уйгуры в большей степени сохранили самобытность и чистоту своего языка, они в известной мере являются носителями не только илийского говора, но и всего северо-западного диалекта. Это мнение прежде всего находит себе оправдание в историческом аспекте, при учете того факта, что уйгуры Илийской долины, частью которых являются и уйгуры советского Казахстана, в период 1760–1767 гг. были переселены⁵⁴ в эти края из таких, например, городов, как Учтурфан, Хотан, Яркенд, Аксу и др. Поэтому многие свои особенности язык илийских уйгуров, как нам думается, приобрел после переселения и при определенном смещении элементов различных говоров. Эти элементы, кстати, обнаруживаются и поныне в языке уйгуров Казахстана⁵⁵.

Таким образом, незначительные различия между указанными «диалектами» не оказались серьезным препятствием в создании единого общелитературного языка для всех советских уйгуров.

Быстрые темпы развития уйгурского литературного языка, как и темпы всего экономического и культурного прогресса народа, не только способствовали преодолению и значительной нивелировке диалектных особенностей, но и привели в действие все лексико-грамматические ресурсы общенародного языка.

Современный уйгурский язык, вобравший в себя все лучшие элементы общенародного языка и значительно пополнивший свой словарный запас за счет новообразований и заимствования советско-интернациональных слов и терминов, а также постоянно совершенствуя свою грамматическую структуру, становится одним из развитых литературных языков, народов СССР. На базе этого языка в настоящее время развивается многожанровая уйгурская советская литература, издается художественно-политическая

54 Э.Надайэтов. Или уйгурлариниң 1864 жылдики козгулици. «Известия АН КазССР», серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып.1, стр. 63–64.

55 Л.А.Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Автореф. канд. дисс., Москва. 1954, 16 стр.

и научно-популярная литература, учебники и газеты, организуются радиопередачи, работают национальный театр и более 60 школ.

Следовательно, рассмотренные нами объективные процессы становления и формирования литературного языка советских уйгуров, учет и сравнительное изучение основных данных общенародного уйгурского языка в отношении к существующей норме литературного языка, дают нам полное основание утверждать, что уйгуры, как советские, так и синьцзянские, на данном этапе развития своей истории пользуются общим и единым уйгурским литературным языком, имеющим одну общую диалектную базу, в качестве которой выступает *северо-западный* или *центральный* диалект.

Вопросы разработки научных принципов терминотворчества в языке советских уйгуров

Изменения во всех сферах жизни и деятельности советских уйгуров находят свое отражение также в их языке. В результате бурного роста экономики, культуры и науки в нашей стране словарный состав уйгурского языка, как и языков других народов СССР, значительно обогатился и продолжает пополняться новыми словами, терминами и выражениями за счет огромного количества новообразований и путем заимствования слов из русского и других языков. Этому благоприятствует сама жизнь. Советские уйгуры находятся в тесном общении с русским народом во всех областях социалистического строительства: в армии, в школе и высших учебных заведениях, на производстве, в быту и т. д.

Издание на уйгурском языке газет и журналов, создание национальных школ, составление учебников на родном языке, перевод с русского на уйгурский язык политической и художественной литературы, а также изучение уйгурской интеллигенцией, рабочими и крестьянами произведений классиков марксизма-ленинизма и научно-технической литературы на русском языке – все это способствует все большему проникновению в уйгурский язык русских, а через него и интернациональных слов и терминов.

Однако мы не можем не видеть, что, наряду с консолидацией диалектов и говоров в сфере общенародного уйгурского языка и интенсивным процессом стабилизации и усовершенствования норм общелитературного языка в послеоктябрьский период, в языке синьцзянских уйгуров, с одной стороны, и в языке советских уйгуров – с другой, за последнее время наметились некоторые своеобразные тенденции в области орфографического кодекса и системе письменности и т. д. В этой связи к наиболее серьезным

и принципиальным моментам этих тенденций, пожалуй, можно отнести научные принципы терминотворчества и дальнейшие пути обогащения терминологической лексики литературного языка. Этот вопрос, на наш взгляд, должен занимать особое место в кругу общих проблем, связанных с исследованием закономерностей развития литературного языка.

Проблема обогащения языка новыми терминами, создания научной терминологической системы и выработки принципов терминотворчества в соответствии с особенностями каждого конкретного языка с первых же лет социалистических преобразований в нашей стране стала не только вопросом чисто практической необходимости, но и государственной и политической важности.

Поистине огромное значение имело терминотворчество в языковом строительстве тех народов нашей страны, которые ранее не имели не только письменного литературного языка, но и самой письменности. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделили исключительно большое внимание и проявили отеческую заботу при создании народами собственных национальных литературных языков. Ярким свидетельством этой заботы является колоссальная по своему масштабу культурная революция в нашей стране: многочисленные научно-лингвистические конференции, проведенные в 20–30 годах во всех союзных республиках, а также учреждение большого количества специальных периодических изданий (журналы: «Письменность и революция», «Просвещение национальностей», «Революция и нация», «Революционный Восток» и др.) и научной литературы, посвященной вопросам языка и письменности, орфографии и терминологии языков народов Советского Востока.

Для советских уйгуров, как и для других народов СССР, с первых же лет советской власти была признана необходимой разработка основ научной терминологии, и этот вопрос всегда ставился в органической связи с проблемой создания общелитературного языка и практических вопросов письменности и орфографии.

Так, например, еще в 1921 г. на страницах первой уйгурской газеты «Кэмбәгәлләр авазы» («Голос бедняков»), выходившей в Алма-Ате, была открыта дискуссия по вопросам уйгурской терминологии и орфографии. Ход этих дискуссий показал первостепенную важность и практическую значимость вопроса терминотворчества и фактически привел к созыву ряда специальных совещаний и конференций. 18 июля 1925 г. в г. Алма-Ате впервые было созвано совещание уйгурских учителей; затем

в мае 1928 г. в г. Самарканде состоялась I Научно-лингвистическая конференция уйгурской интеллигенции Средней Азии и Казахстана, в повестке дня которой стоял, наряду с вопросом о переходе уйгуров с арабской графики на латинскую, вопрос о создании терминологии в уйгурском языке.

В 1930 г. в Алма-Ате состоялась II Научно-лингвистическая конференция, на которой было принято решение о переходе советских уйгуров на латинский алфавит. На повестке дня этой конференции стояли также вопросы орфографии и терминологии.

Вопросы, связанные с разработкой и усовершенствованием терминологической системы и с устранением существующих разногласий и терминологического разнобоя в практике языка, были предметом специального обсуждения съезда, посвященного развитию культуры уйгуров Казахстана и Средней Азии, состоявшегося в марте 1937 г. в г. Алма-Ате. Вопросы терминологии и орфографии современного уйгурского литературного языка снова становятся объектом широкого обсуждения уйгурской интеллигенцией и учительством: им посвящается также совещание, созванное 25–28 ноября 1958 г. по инициативе Сектора востоковедения АН КазССР и Министерства просвещения КазССР⁵⁶.

Следует отметить, что обсуждение вопросов терминологии и разработка ее основных принципов всегда ставились в тесной связи с нормой общелитературного языка, но зачастую они проводились или накануне перехода, или после перехода уйгуров на новую письменность (например, с арабской графики на латинскую, с латинской на русскую).

По характеру и особенностям проведенную работу можно разделить условно на два периода, к которому можно отнести дискуссии, состоявшиеся в 20–30 годах, которые в общих чертах характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, социалистические преобразования в нашей стране породили большое количество новых понятий, явлений и предметов, которые требовали своего выражения в каждом национальном языке. Это поставило многие народы СССР, не имевшие прежде литературного языка с развитой терминологической лексикой, перед весьма сложной проблемой.

Так обстояло дело и в уйгурском языке. Ввиду малоопытности лингвистических кадров, терминологическая работа, проведенная в 20–

⁵⁶ Материалы этого совещания по терминологии в частности доклад «Основные вопросы и принципы терминологии уйгурского литературного языка», сделанный автором данных строк, еще не опубликованы (см. архив Сектора уйгуроведения при ИЯЗ АН КазССР).

30 годах, наряду с положительными моментами имела и свои промахи. Причина недочетов заключалась не только в указанных объективных обстоятельствах – отсутствии подготовленных лингвистических кадров, но и в сложности вопроса, связанного с разработкой общелитературных норм уйгурского языка. При решении того вопроса, уже отмечалось выше, возникали различные споры, отвлекавшие специалистов от разработки научных основ терминоворчества.

Определенные отпечатки на терминологическую работу наложили также узкоместнические и националистическо-пуристические тенденции в языке, которые выражались не только в сплошной замене русских и интернациональных терминов созданными на скорую руку искусственными терминами типа: йоксул – пролетариат (досл. неимущий); йеңи турмуш социализм (досл. новая жизнь); гүлдүрқош – трактор (досл. гремучая соха, плуг); йэр йеғи – керосин (досл. земляное масло); төмүр куш – аэроплан (досл. железная птица) ; оқ чачар – пулемет (досл. метатель пуль) и др., но и в навязывании языку элементов определенного диалекта или давно забытого народом древнеуйгурского и средневекового уйгурского языков типа: будун, вместо хэлик – народ; жиғай, вм. кэмбэгэл – бедняк; өзләк, вм. заман – эпоха, эра: балик, вм. шәһәр – город.

Подобное воскрешение древних языковых элементов и ненужное «новаторство», как характерное явление для первого периода терминологической работы в уйгурском языке, имели своей основной целью воспрепятствовать проникновению в язык советско-интернациональных терминов, а также вытеснению из него давно усвоенных слов арабо-персидского происхождения, что делалось под лозунгом «За чистоту языка!».

Во-вторых, несмотря на такие тенденции и попытки отдельных консервативно настроенных лиц среди уйгурской интеллигенции во что бы то ни стало отгородить язык от всего нового, терминотворческий процесс в уйгурском языке постоянно регулировался и совершенствовался, хотя его основные принципы, разработанные на совещаниях, конференциях и съездах, не всегда носили научный и последовательный характер.

Всеэтиположительныеиотрицательныемоментытерминологической работы в 20–30 годах хорошо прослеживаются, например, в опубликованных материалах и решениях указанных конференций и совещаний. Так, в проекте терминологии, представленном на II Уйгурской лингвистической конференции по вопросам орфографии и терминологии,

состоявшейся в г. Алма-Ате в 1930 г. (автор А. Мухаммади), были предложены следующие 6 принципов терминоведения в уйгурском литературном языке:⁵⁷

«1. При образовании слов из собственной лексики надо учитывать особенности родного языка.

2. Образованные термины должны быть доступными широкой массе.

3. Если некоторые термины в родном языке отсутствуют, то их следует брать из других тюркских языков.

4. Термины, вошедшие из арабского и персидского языков, должны подчиняться законам (правилам) нашего языка.

5. Впредь не должны быть приняты арабские термины.

6. Корни европейских терминов должны браться без изменений, а аффиксальная часть должна быть уйгуризирована»⁵⁸.

В этих принципах интересны два момента, характерные не только собственно уйгурскому языку, но и многим другим тюркским языкам данного периода. Во-первых, стремление прекратить доступ арабизмов и фарсизмов в уйгурский язык, хотя практически этого нельзя было осуществить, так как определенное влияние родственного узбекского литературного языка на уйгурский прежде всего наблюдалось в части использования арабизмов и фарсизмов в качестве терминов. Во-вторых, вопрос о заимствовании русских и интернациональных терминов был отодвинут на второй план, а вместо них предпочтение отдавалось элементам тюркских языков, а морфологическая форма заимствований из европейских языков подвергалась соответствующим изменениям.

Методологическая порочность и научная несостоятельность подобных принципов терминоведения были подвергнуты в свое время резкой критике со стороны уйгурской общественности. Уже в составленном уйгурским языковедом К. Ашуровым проекте «Основы терминоведения в новом уйгурском литературном языке»⁵⁹ накануне

57 «II Уйгур тил-имла конференциясинин тохтамлири», Қизил-Орда, 1932.

58 В оригинале:

Өз тилимиздин лугәт ясиғанда, тилимизниң өз хусусийәтлири көз алдида тутлусун.

Ясалған аталғулар әмгәкчи пухраға укумлуқ болсун.

Аталғуларниң қайси бирлири башка түрүк хәлиқлирдин елинсун.

Әрәп, парис тиллиридин кирип кәткән аталғулар өз тилимизниң қайдилиргә бойсунсун.

Буниндин кейин әрәп аталғулири елинмисун.

Европа аталғулириниң түви шу бойичә елинип, кошумчилири уйгурлаштурусун.

59 *Қадир Ашуров*. Йени уйгур әдәбий тилиниң термин ижадилиқ. Ташкент, 1997, 32 б. Первоначальный вариант этой работы был опубликован на страницах газеты «Шәриқ һәқиқити» в 1936 г. (№ 182, 187, 191 и 204) и предварительно одобрен участниками совещания по вопросам языка и орфографии, состоявшегося весной 1936 г. в Алма-Ате (см. об этом газ. «Қизил туг»).

III Уйгурской лингвистической конференции, состоявшейся в 1937 г., с учетом допущенных выше ошибок, были разработаны новые принципы терминологии, отражающие в себе основные пути развития уйгурского литературного языка. Достоинство данного проекта заключалось в том, что в нем источником создания и обогащения терминологической лексики в языке автор считает прежде всего собственные возможности языка и широкое использование международного терминологического фонда, чего не наблюдалось в ранее принятых принципах терминологии. Так, автор проекта указывает, что «...мы в дальнейшем должны пользоваться в целях терминотворчества в новом уйгурском литературном языке двумя основными источниками: 1) лексическим богатством живого уйгурского языка, 2) интернациональными терминами, употребляющимися в советской действительности»⁶⁰.

Надо отметить, что в указанном проекте все приемы создания терминов изложены в 40 пунктах, которые полностью базируются на этих двух принципах и являются как бы их органическим развитием; они охватывают большой круг вопросов, связанных с конкретизацией и уточнением каждого случая терминотворческого процесса языковой практики, и в своих основных положениях принципиально отличаются от ранее принятых (в частности от проекта, представленного А. Мухаммади) и предлагавшихся на страницах периодической печати принципов терминотворчества в уйгурском языке.

Так, например, автор, ставя на первый план возможности живого уйгурского языка, требует в создаваемых терминах точности передачи тех или иных научных понятий, практическую необходимость, теоретическую обоснованность, полное соответствие грамматическим особенностям языка и отсутствие отпечатков искусственности.

В этих принципах автор рекомендует: а) использовать в качестве терминов все иноязычные элементы (арабские, персидские, китайские, русские, калмыцкие, индийские, афганские и др.) в языке, давно заимствованные и усвоенные уйгурами; б) отказаться от некоторых архаичных элементов «периода Махмуда Кашгарского», введенных в качестве терминов некоторыми националистически настроенными лицами под лозунгом «чистка языка от иноязычных напластований»; в) в случае отсутствия в собственном языке необходимых слов смело заимствовать советско-интернациональные термины, причем в такой форме, в какой они обычно употребляются в русском литературном

1936, №8).

60 Там же, стр. 8

языке; г) при создании терминов необходимо привлекать наиболее употребительные уйгурские слова, а не узкодиалектные; д) аббревиатуры должны быть заимствованы на основе русского сокращения (СССР, РСФСР); е) аффиксы и другие морфологические форманты в составе интернациональных терминов (-ист, -изм, -стан, -ум, -граф, -фон и др.) не подлежат переводу или «уйгуризации» как это имело место в принятых ранее принципах уйгурской терминологии.

Безусловно, предложенный К. Ашуровым проект терминоведения в свое время был принят как единственное практическое руководство и сыграл положительную роль. Данный труд оберегал язык от вредных влияний националистов, пуристов и разного рода «новаторов» терминоведения, как бы направлял его по правильному пути, определяя его основные тенденции развития.

Однако наряду с этим проект имел и свои недостатки, которые в общей сложности сводятся к следующему. Во-первых, в нем не были охвачены все случаи терминоведческого процесса. Во-вторых, отдельные правила носили непоследовательный характер. В-третьих, предлагались такие приемы и условия терминоведения, которые зачастую не получали своего практического применения в языке. Например, не нашло распространения такое положение, как: термины, образующиеся из собственно уйгурских слов, должны быть по возможности односложными или корневыми словами». В-четвертых, в приемах передачи на уйгурский язык грамматических форм, заимствованных советско-интернациональных терминов не всегда учитываются специфические особенности родного языка (ср. с одной стороны, *партия-вий* «партийный», *идея-вий* «идейный», а с другой, *турмуш-авий мәсилә* «бытовой вопрос») и мн.др.

Эти недостатки в известной степени сказались на последующих этапах терминологической работы и послужили причиной терминологического разнобоя, отсебятины и непоследовательного употребления терминов в языке, что настоятельно требовало дальнейшей разработки и постоянного усовершенствования терминологической системы. Поэтому в 50-х годах снова возобновляется терминологическая работа⁶¹, которая на наш взгляд, как бы ознаменует начало второго периода в истории разработки терминологии уйгурского литературного языка.

61 И.А.Исмаилов. Русско-советско-интернациональная лексика в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс.. Л., 1953; А.Кайдаров. К вопросу об уйгурской терминологии. «Учитель Казахстана». 1953. 9 октября; О.Хасанова. Уйгур тили терминологиясиниң бази мәсиллири һәққидә. «Труды Сектора востоковедения», т. 1. Алма-Ата. Изд-во АН КазССР, 1959, стр. 164–171 и др.

Характерной особенностью второго периода является то, что вопросы терминоворчества решаются на основе научных анализов и обобщений конкретных языковых фактов и использования многолетнего опыта народов СССР в этой области, а также изучения большого количества теоретической литературы, имеющейся в распоряжении советского языкознания.

Одним из основных практических шагов в области разработки и дальнейшего усовершенствования уйгурской терминологии следует рассматривать уже указанное выше специальное совещание уйгурских учителей и творческой интеллигенции, созданное в 1958 г. в г. Алма-Ате по инициативе Сектора востоковедения АН КазССР и Министерства просвещения КазССР.

Представленный нами доклад «Об основных принципах терминоворчества в уйгурском литературном языке на этом совещании был посвящен не только анализу действующих в терминологической практике языка положений и выяснению причин, имеющих в ней недочетов, но и изложению основ более или менее усовершенствованных принципов терминоворчества и приемов заимствования советско-интернациональных терминов по всем отраслям знаний.

Основные положения доклада сводятся к тому, что терминология в современном уйгурском литературном языке⁶² должна создаваться и постоянно обогащаться прежде всего на базе собственного словарного состава, т.е. путем исчерпывающего использования всех его ресурсов и возможностей. При этом в качестве новых терминов в самых различных областях знаний могут быть употреблены, наряду с собственно уйгурскими словами, и усвоенные уже народом иноязычные элементы из общенародного лексического фонда.

В тех случаях, когда в языке отсутствуют слова, правильно и точно передающие смысл и значение новых терминологических понятий, возникает вполне закономерная необходимость в заимствовании советско-интернациональных терминов непосредственно из русского языка и через него.

Преимущество этого общего для всех народов СССР методологически правильного принципа терминоворчества заключается в том, что он дает каждому народу возможность, с одной стороны, исчерпывающим образом реализовать все ресурсы родного языка, а с другой – обогащать

62 Некоторые моменты этого доклада изложены в нашем выступлении на Всесоюзном терминологическом совещании. См. «Вопросы терминологии». Материалы Всесоюзного терминологического совещания, М., 1961, стр. 128–131.

его интернациональной лексикой, что, несомненно, обусловит взаимное языковое сближение народов не только нашей страны, но и народов всего мира, ибо терминологическая проблема – «...это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории культурных взаимодействий и группировок народов»⁶³.

Однако в практической реализации этих принципов в соответствии со спецификой каждого конкретного языка, его лексико-грамматическими возможностями и т. д. мы сталкиваемся с рядом трудностей. Многообразие семантических разрядов и грамматических форм советско-интернациональных терминов и терминов, создаваемых в языке впервые, требует дифференцированного в каждом конкретном случае подхода, что намного расширяет как сферу самой терминологической деятельности языка, так и приемов их создания, не всегда укладывающихся в рамки существующих и утвердившихся в языке моделей словообразования. Отсюда эти общие принципы в практической деятельности языка имеют много частных и далеко непоследовательных моментов.

Исходя из этого, мы отметим лишь некоторые основные положения терминотворчества в уйгурском литературном языке.

1. В создании новых терминов по всем отраслям знаний решающую роль играет лексический фонд уйгурского языка. Причем богатством этого фонда языка мы рассматриваем не только собственно уйгурские слова, но и большое количество ранее заимствованных слов из арабского, персидского, монгольского и др. языков: хәлиқ «народ», мәктәп «школа», гөш, «мясо», йеза «село», лаза «красный перец», сот «суд, судья» и др. Эти и подобные им элементы настолько усвоены, что не всегда носители языка чувствуют их иноязычное происхождение. Не привлекать их в качестве терминов, как это делалось в 20-годах, было бы серьезной ошибкой.

2. В качестве новых терминов в языковой практике также употребляются слова иноязычного происхождения, но уже более позднего заимствования. Отличие их от указанной группы слов заключается в том, что они до недавнего прошлого употреблялись в основном в книжном языке и мало известны были для живого разговорного языка. К ним относятся слова в основном арабские и персидские, например: муһакимә «обсуждение, диспут», мутәхәссис «специалист», мусабиқә «соревнование», тәрәққият «развитие» и др. В воссоздании этих слов, уже

⁶³ Акад. В.В.Виноградов. Вступительное слово (на Всесоюзном терминологическом совещании в Москве). В кн.: «Вопросы терминологии», М., 1961. стр.

в известной степени позабытых носителями языка, сыграла определенную роль не только традиция уйгурского письменного литературного языка, но и влияние родственных ему языков, в частности узбекского, с которым уйгурский имеет генетическую близость и много общих черт.

3. Для создания новых терминов в уйгурском языке широко используются все словообразовательные приемы и способы. Наиболее продуктивными среди них являются аффиксальное словообразование и словосложение. Например: көмүконакчи «кукурузовод», миңчи «тысячник», ипәкчилик «шелководство», тилшунас «языковед», үст қурулма⁶⁴ «надстройка», су амбири «водохранилище», ишләп чиқиршиш «производство», йеза егилиги «народное хозяйство».

4. Наиболее распространенным приемом создания новых терминов в языке является калькирование. Кальками общепринято считать слова-термины, словосочетания или целые терминологические выражения, представляющие собой как бы точные копии, снимки с соответствующих иноязычных слов, словосочетаний и выражений, полученные путем точного перевода. Способом калькирования для создания терминов пользуются без исключения все языки.

Особенностью калькирования является то, что оно оперирует структурно-словообразовательными моделями и богатством лексического фонда не только собственного языка, но и языка, из которого заимствуются термины или терминологические понятия.

По своей семантической и структурно-словообразовательной природе кальки имеют следующие разновидности:

1. *Кальки-эквиваленты*. При калькировании обычно иноязычное слово переводится на родной язык соответствующим семантическим эквивалентным словом. Но «эквивалентность» здесь всегда относительна, так как в большинстве случаев значение последнего подвергается расширению, сужению или дифференциации. Например, ср. слова: боғуз «пролив» (геогр., анот.), қолтұқ «залив» (геогр. анот.), томур «корень» (линг., мат., биол.), боғум «слог» (линг.), тавуш «звук» (линг., физ., муз.) и др. Новые терминологические значения этих слов являются результатом их переносного или дифференцированного употребления. Очень часты случаи, когда в результате такой семантической гибкости слова намного расширяют сферу своего терминологического употребления. Например, слово баш, первоначально имевшее значения «голова» (человека или

⁶⁴ Согласно орфографическим правилам, разработанным в 1961 г., подобные составные термины пишутся раздельно.

вообще живых существ), «головка» (икки баш самсақ «две головки чеснока»), «начало» (дәрияниң беши «начало реки») и др. в результате внутреннего расширения значений выступает компонентом следующих терминологических сочетаний: баш инженер «главный инженер», баш министр «премьер-министр», баш қомандан «главнокомандующий», баш мүчә «главный член» (предложения), партияниң баш йоли «генеральная линия партии», баш штаб «генеральный штаб», баш мақалә «передовая статья, передовица», баш һәрип «заглавная буква», баш келиш «именительный падеж», бугдай беши (башақ) «колос», башламчилик «инициатива», башланғуч мәктәп «начальная школа», һөкүмәт башлиғи «глава правительства» и др.

2. *Кальки-сочетания.* При калькировании же сложных терминов каждая их значимая часть переводится соответствующим словом собственного языка. Например, сложный термин «Организация Объединенных Наций» калькируется как Бирләшкән Милләтләр Тәшкилати. Или: «боевой листок» жәңгәвәр варақ, «классовая борьба» синпий күрәш, «второстепенные члены» әгәшмә мүчиләр.

3. *Кальки-комбинированные сочетания.* Этот вид кальки образуется в том случае, когда одному или нескольким компонентам структурно сложных терминов не находим в уйгурском языке соответствующих эквивалентов и калькируемая часть комбинируется с советско-интернациональными словами. Например, «исторический материализм» – тарихий материализм. «Центральный Комитет» – Мәркәзий Комитет, «Герой Социалистического Труда» – Социалистик әмгәк Кәһримани, «канализационная система» – канализацион системиси и др.

Следует отметить, что как и при кальках-сочетаниях, так и при кальках-комбинированных сочетаниях термины образуются в строгом соответствии с грамматическими нормами уйгурского языка. Например, если в русском языке такие термины, как трудодень, пятилетка и др., образованы при помощи соединительного гласного *о*, а также формы родительного падежа и суффикса *ка*, то эти же термины в уйгурском языке составлены, согласно его грамматическим законам, при помощи синтаксической связи – примыкания и аффикса *лик*: әмгәк күн, бәш жиллик.

В условиях, когда русский язык стал языком межнационального общения для всех народов Советского Союза, заимствование русских, а через него и интернациональных терминов других языков является вполне исторически закономерным процессом. При современном

темпе развития культуры и экономики, науки и техники этот процесс носит более интенсивный характер, чем когда-либо. Поэтому советские уйгуры, как и другие народы нашей страны, при создании своей терминологической системы языка, обращаются к богатейшему фонду русско-интернациональных терминов, как ко второму, после родного языка источнику обогащения языка терминологической лексикой.

Добровольное заимствование, а не насильственное навязывание, советско-интернациональных терминов происходит во всех сферах научных знаний. С учетом общих тенденций к унификации и принципов минимальных расхождений интернациональных терминов в литературных языках народов СССР, советские уйгуры заимствуют их в соответствии с орфографическими и офоэпическими нормами русского литературного языка, что является большим сдвигом в терминоворчестве по сравнению с 20-ми годами, когда каждый языковед имел свой индивидуальный подход к этому вопросу. Унификация той части терминологического фонда, которая восходит к международной терминологии, достигла в языке значительных сдвигов благодаря новой письменности, принятой советскими уйгурами в 1948 г. В результате, за исключением небольшого количества слов, заимствованных уйгурами в дооктябрьский период (пәртүк «фартук», үстәл «стол», пәйтун «фаэтон», сот «суд»), и слов с морфологическими показателями рода и чисел (гезит «газета», минут «минута», шахмат «шахматы»), все советско-интернациональные термины в языке получили единое написание, хотя отклонения в произносительной норме имеют еще место (ср. биргадир – «бригадир», семәнт – «цемент», танка – «танк»).

В связи с заимствованием русско-интернациональных терминов большое теоретическое и практическое значение приобретает вопрос о передаче на уйгурском языке аффиксальной (префиксов и суффиксов) части этих терминов. При решении этого вопроса на практике часто приходится сталкиваться с определенными трудностями, связанными, с одной стороны, с особенностями лексико-грамматического строя и фонетической системы уйгурского языка, с его реальными возможностями или ограниченностью их, а с другой – с существующей общей тенденцией родственных языков к наименьшим расхождениям в системе терминологии и к ее унификации.

В результате этих обстоятельств иногда наблюдается непоследовательность, разноречивость и искусственная натянутость в системе терминологии.

Так, например, определенная часть русско-интернациональных терминов заимствуется уйгурами вместе с их морфологическими показателями как

одно лексическое целое: **-изм** (социализм, коммунизм), **-ист** (коммунист, декабрист), **-ик** (химик, математик), **-ир** (бригадир, банкир), **-лог** (филолог, антрополог), **-ном** (агроном, астроном), **-ант** (докторант), **-тура** (аспирантура, ординатура), **-ика** (автоматика, энергетика) и многие другие.

Определенный разряд аффиксов при советско-интернациональных терминах передается средствами уйгурского языка: **-ник** («колхозник» – колхозчи, «паравозник» – паравозчи), **-чик** («автоматчик» – автоматчи, «докладчик» – докладчи), **-щик** («арматурщик» – арматурчи), **-вед** («театровед» – театршунас), **-(из)ация, -(фик)ация** («коллективизация» – коллективләштүрүш, «советизация» – советләштүрүш, «радиофикация» – радиолаштуруш, «газификация» – газлаштуруш), **-ство** («авторство» – авторлук, «акушерство» – акушерлик, «учительство» – муәллимләр, «студенчество» – студентлар), **-щина** («обломовщина» – «обломовчилик», «корниловщина» – корниловчилик) и многие другие.

К третьей категории заимствованных терминов можно условно отнести такие, аффиксальная часть которых в одном случае переводится на уйгурский язык, а в другом – не переводится на уйгурский язык, а в другом – не переводится или параллельно допускается то и другое. Так, например, ср.: «телефонист» – *телефончи*, «гвардеец» – *гвардиячи*, «леннинец» – *ленинчи*, «стахановец» – *стахановчи* или: *комсомолец* (а не *комсомолчи*), *броненосец* (а не *броненосчи*), или: *баскетболист*//*баскетболчи*, *футболист*//*футболчи* и др.

Следует отметить, что префиксы в составе интернациональных терминов (антифашист, неоколониализм, монолог, биохимия, демобилизация, ультрафильтр и др.) на уйгурский язык не переводятся. Если же ими выступают префиксы русского языка (**до-**, **без-**//**бес-**, **под-**, **обще-** и др.), то они обычно передаются средствами уйгурского языка, которые зачастую носят описательный характер, например: «докапиталистическая формация» – капитализмға қәдәр формация, «беспартийный большевик» – партиядә йоқ большевик, «подкомитет» – кичик комитет, «подпрапорщик» – прапорщик ярдәмчиси и др.

Несмотря на определенные сдвиги в терминотворческой деятельности языка, мы все еще сталкиваемся с фактами, говорящими о практических трудностях создания единой и строго последовательной системы терминологии. К этим трудным моментам, требующим постоянных поисков и усовершенствований, а также научно обоснованных решений и дифференцированного подхода, с учетом специфики языка, можно отнести следующие:

1. Необходимость в новых терминах возникает в тех случаях, когда появляются в языке новые понятия, когда нужно заменить устаревший термин или избавиться от их многозначности и, наконец, когда следует устранить дублиеты или параллелизмы. Однако при реализации этого принципа мы сталкиваемся с некоторыми особенностями языка. Так, например, необходимо устранить один из вариантов параллельно существующих терминов, как: революция//инкилап, экономика//ихтисат, проект//лайиһә, аффикс//қошумчә, термин//аталғу, идеология//мәпкүрә, әһъәнә//дәстүр//традиция, двигатель//һәрикәтләндүргүчи, архитектор//бинакар, алфавит//елипбә, гуманизм//инсснпәрвәрлик, патриот//вәтәнпәрвәр и др.

Предпочтение в этих случаях отдается обычно терминам более распространенным и понятным широкой массе народа, а также точно передающим смысл терминологических понятий. Например, из этих первых двух пар языковая практика отдает предпочтение терминам революции и ихтисат, хотя инкилап и экономика все еще имеют параллельное с ними употребление⁶⁵.

Почему же в первом случае предпочтение отдается термину интернационального происхождения (революция), а во втором – термину арабского происхождения (ихтисат)? На этот вопрос можно ответить так. В первом случае социально-философский смысл понятия «революция» точнее и полнее передается интернациональным термином «революция», чем инкилап, имеющим значение, в арабском языке «переворот», а во втором случае просто сказывается сила языковой традиции, которая ставится в противовес даже тому, что термин экономика, как и революция, имеет международное употребление. Но, с другой стороны, термин ихтисат имеет свои недостатки: в терминологической системе он не всегда адекватен термину экономика и его производным формам в сочетаниях. Например: «экономический закон» – ихтисадий қанун, «экономичный» – ихтисатлиқ, «политэкономия» – сиясий ихтисат, «экономист» – ихтисатчи и др. Однако языку предстоит найти производные формы от ихтисат, соответствующие производным формам: экономизм, экономия, экономно, *экономично*, *экономичность*, *экономить* и т. д.

2. Окончательно нерешенным до сих пор считается вопрос о передаче на уйгурском языке суффиксов и окончаний имен прилагательных русского языка (-н-ый, -н-ая, -н-ое; -ск-ий, -ск-ал. -ск-ое; -ическ-ий, -ическ-ая, -ическ-ое).

65 Ср. Русско-уйгурский словарь. Под. ред. Т.Р.Рахимова, М., 1956, стр. 1119,1442; и Уйгурско-русский словарь. Под. ред. Ш.Кибирова и Ю.Цунвазо. Алма-Ата, 1961, стр. 85, 227.

Так, например, в практике языка форманты имен прилагательных (-ный, -ский, -ческий, -ический) в компонентах сложных терминов определительной конструкции передаются тремя способами: 1) путем их усечения и постановки определяемого компонента в именительном падеже («абсолютная величина» – абсолют микдар, «абстрактное понятие» – абстракт чүшәнчә, «оперативная группа» – оператив группа); 2) путем усечения окончаний и оформления определяемого компонента формой притяжательности («аварийная машина» – авария машиниси, «атмосферное давление» – атмосфера бесими; «телеграфное агентство» – телеграф агентлиги) и 3) при помощи аффикса -лик// -лик и постановки определяемого компонента в именительном падеже («районный совет» – районлуқ совет, «аналитический метод» – аналитикилик метод, «геофизический год» – геофизикилик жил).

Однако на практике, в силу существующей традиции, берущей свое начало от проекта К. Ашурова⁶⁶, все еще употребляется в определенной части сложных терминов т. н. французский аффикс «-ик», который, ввиду фонетической созвучности, ошибочно отождествляется с уйгурским аффиксом -лик// -лик (казахским -тық// -тік), образующим так же форму прилагательных: коммунистическая партия – коммунистик партия, империалистическая война – империалистик уруш и др. Эта форма не может быть принята языком, так как она, будучи не уйгурской по своему происхождению, не имеет тотальный характер и широкую сферу своего употребления. Поэтому язык в конце концов найдет необходимым заменить когда-то неправильно принятую форму «-ик» собственно уйгурским аффиксом -лик/ -лик, -луқ// -луқ, что обеспечит единую систему в структуре сложных терминов, образующихся путем комбинированного сочетания как на основе уйгурских, так и на основе заимствованных слов. Например: «грамматический строй» – грамматикилик (а не грамматик) курулуш, «социалистическая революция» – социалистик (а не социалистик) революция, «марксистское учение» – марксистлик (а не марксистик) талимат.

Языковая практика показывает, что, в целях системности, единообразия терминов слежкой конструкции, необходима определенная

⁶⁶ В указанном выше проекте терминологии наработанном К.Ашуровым, в частности, предлагалось: «В зависимости от контекста и употребления вместо аффиксов русского языка «-ический» или «-ский» будет принят наиболее распространенный в языках народов СССР и более удобный аффикс (французского языка) «-ик», образующий прилагательные». Например: *материалистический – материалистик, социалистический – социалистик, метафизический – метафизик, электрический – электрик, фактический – фактик, систематический – систематик* и др. (см. стр.21 указ. работы).

унификация и ограничение круга выполняемых функций отдельных грамматических форм уйгурского языка. В этой связи следует отметить, что самым перегруженным (семантически и грамматически) аффиксом уйгурского языка в настоящее время считается аффикс -лик// -лик. Помимо указанных выше функций, при его помощи передаются значения еще ряда аффиксов русского языка: -ство («дежурство» – новәтчилиқ), -вод-ство («хлопководство» – пахтичилиқ), -ка («пятилетка» – бәшжиллиқ), -ник («многоугольник» – көпбулуңлук), -изм («патриотизм» – вәтәнпәрвәрлик), -ность («активность» – активлик), -щина («обломовщина» – обломовчилик) и др. Это обстоятельство требует от языка разгрузки данного аффикса.

Разгрузка аффикса (-лик// -лик), по нашему мнению, должна проводиться как путем дифференциации выполняемых им функций, так и путем передачи некоторых из них другими грамматическими средствами языка, где это не противоречит законам и правилам. Так, в тех случаях, когда аффикс прилагательного -ный (-ная, -ное) в определительных компонентах сложных терминов непосредственно присоединяется к основам, имеющим форманты интернационального, международного происхождения (-цион, -цион-аль-, -аль-, -сив-, -тив-, -саль-, -галь-, -каль- и некоторые др.), то он, при образовании сложных терминов в уйгурском языке путем калькирования, должен быть опущен⁶⁷. а употребление аффикса -лик в подобных конструкциях допускается в исключительно редких случаях⁶⁸.

В русском языке	В уйгурском языке
-цион	цион-
-цион-аль-	-цион-ал-
-аль-	-ал-
-сив	-сив-
-тив	-тив-
-галь- – -ный// -ная// -ное	-гал- – нулевая форма
-саль-	-сал-
-каль-	-кал-

67 Орфографически эти форманты оформляются без мягкого знака.

68 Например: камери-лик музыка – камерная музыка, капитал-лик (иногда чоң) ремонт – капитальный ремонт и др.

Примеры:

реакцион-ный режим	– <i>реакцион режим,</i>
демаркацион-ная линия	– <i>демаркацион чегара,</i>
информацион-ное бюро	– <i>информацион бюро,</i>
иррациональ-ное число	– <i>иррационал сан,</i>
эмоциональ-ное выражение	
актуаль-ная тема	– <i>эмоционал ибарэ,</i>
либераль-ная буржуазия	– <i>актуал тема,</i>
интенсив-ное развитие	– <i>либерал, буржуазия,</i>
прогрессив-ная ассимиляция	– <i>интенсив тәрәққият,</i>
реактив-ный самолет	– <i>прогрессив ассимиляция,</i>
коллектив-ный договор	– <i>реактив самолет,</i>
консерватив-ная партия	
документаль-ный фильм	– <i>коллектив шэрт,</i>
континенталь-ный климат	– <i>консерватив партия,</i>
универсаль-ная машина	– <i>документал фильм,</i>
радикаль-ные меры	
интервокаль-ная позиция	– <i>континентал иқлим,</i>
	– <i>универсал машина,</i>
	– <i>радикал чарэ-тәдбирлэр,</i>
	– <i>интервокал позиция и др.</i>

Благодаря такой дифференциации мы получаем возможность передавать с помощью аффикса -лик//-лик (иногда в притяжательной форме: -лиги//-лиги) значение русского производного суффикса -ность, образующего имена существительные, обозначающие признак, отвлеченный от предмета. Например: «революцион-ность» – революцион-лик, «реакцион-ность» – реакцион-лик и др.

3. Пожалуй, еще не решенным на практике языка вопросом, имеющим косвенное отношение к терминологии, является вопрос о способах передачи родовых значений отдельных суффиксов русского языка (-ник//-ниц-а, -ист//-ист-ка, -щик//-чик//-щиц-а// -чиц-а, -вод//-вод-ка, -вед//-вед-ка, -ик//-ич-ка, -лян-ин//-лян-ка, -ич//-ич-ка, -сит//-сит-ка, -як//-яч-ка, -ск-ий// -ск-ая и др.), обозначающих специальности, принадлежности лиц (мужского или женского пола) к той или иной местности, городу, стране, нации, религиозной секте и т. д.

Трудность этого вопроса, естественно, объясняется спецификой уйгурского языка, в котором, как известно, отсутствует категория грамматического рода. Практически этот вопрос решается по-разному в зависимости от контекста. Исходя из русского оригинала, переводчики

обычно пытаются передать эту родовую разновидность в терминах, обозначающих специальности, с помощью аффикса -чи (по отношению лиц мужского пола) и -чи + киз или аял (по отношению лиц женского пола). Например: «отличник» – элачи, «отличница» – элачи киз, «ученик» – окуғучи, «ученица» – окуғучи киз, «телятник» – мозайчи, «телятница» – мозайчи аял (или киз), «дояр» – сеғинчи, «дойрка» – сеғинчи аял. Или с помощью аффикса -лик// -лик + слова киз (или аял) передается: «москвич» – москвалик, «москвичка» – москвалиқ аял, «киевлянин» – киевлик, «киевлянка» – киевлик аял, «одессит» – одессилик, «одесситка» – одессилик аял; или просто: «турок» – түрк, «турчанка» – түрк аяли, «узбек» – өзбэк, «узбечка» – өзбэк аяли и др.

Здесь очевидна, конечно, крайняя условность употребления слов киз (девушка), аял (женщина) как грамматических выразителей женского рода⁶⁹. Иногда этот вопрос решается самим контекстом, когда за словами, выражающими специальность человека или принадлежность лиц к тому или иному городу, местности, народу, нации и т. д., стоят фамилии и имена. Например: «Советский космонавт В. Терешкова...» – Совет космонавти В. Терешкова... «Известный дояр колхоза Курбан Палтушев...» – Колхозиниц атаклиқ сеғинчиси Курбан Палтушев...

Из этого следует заключить, что при решении этого вопроса надо придерживаться в основном следующих принципов: а) учет окружающей текстовой среды; б) избегание, где это только возможно, явно условного «обозначения» родовой принадлежности с помощью слов «киз», «аял»; в) следуя наметившейся в русском языке тенденции, постепенно надо освободиться от несвойственного, а следовательно, искусственного приема передачи в языке категории грамматического рода, например: *токарь, профессор, инженер, архитектор* и т. д.

4. Непоследователен принцип создания в языке сокращенных слов (аббревиатур). Хотя и было решено в 30-х годах о необходимости создания сокращенных слов не на основе собственно уйгурского языка, а путем заимствования непосредственно из русского языка⁷⁰, в настоящее время язык прибегает к тому и другому принципам, допуская тем самым терминологический разнобой.

Так, основную часть сокращенных терминов в уйгурском языке составляют аббревиатуры, образованные на основе русского языка путем побуквенного, слогового или смешанного (буквенно-слогового)

69 К. Ашууров. Указ. работа. стр. 27–28.

70 Там же, стр. 17–19.

сокращения: *СССР, КПСС, РСФСР, ТАСС, ВУЗ, ЦК, совхоз, райком, совнархоз, коминтерн, главлит, местком, профком, комсорг, парторг, профсоюз* и др. Причем многие из этих сокращенных слов в уйгурском языке в своей слагаемой основе просто совпадают с соответствующими сокращениями в русском языке: *ЧТЗ – Челябин трактор заводи, МТС – машина трактор станцияси, партком – партия комитети, компартия – коммунстлиқ партия* и др.

Однако наряду с этим принципом на практике параллельно допускается и принцип (в основном буквенного) сокращения на почве самого уйгурского языка. Например: *АҚШ – Америка Қошма Штатлири (США), БМТ – Бирләшкән Милләтләр Тәшкилати (ООН), БӘР – Бирләшкән Әрәп Республикаси (ОАР)* и др.

Какой же из этих двух принципов, кстати, имеющих место и в других тюркских языках, оправдает себя на деле, конечно, покажет будущее. Но наличие в языке таких параллельных приемов сокращения уже говорит об отсутствии принципа. В самом деле, какая надобность в одном случае брать русское сокращение, а в другом – уйгурское! Здесь принципиального и противоречащего духу языка ничего нет. Дело лишь в условности, как это имеет место в принципах орфографии. Указанные выше сокращенные слова на основе русского языка (*КПСС, СССР* и др.) воспринимаются языками как цельные терминологические понятия, как неразложимые термины (*КПССниң, КПССтин, КПССқа* и т.д.).

Поэтому практически целесообразнее все сокращенные термины, передающие названия стран, различных партий и организаций, военно-экономических блоков и союзов, агентств, компаний и других учреждений, имеющих международное значение, а также сокращенные советско-интернациональные и русские термины, получившие широкое распространение в нашей стране, заимствованные непосредственно из русского языка. Нет особой надобности создавать собственно уйгурские сокращения, когда такие термины, как ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры, *НАТО* – Северо-Атлантический союз, *СЕАТО* – Военный Блок Юго-Восточной Азии, *АДН* – Немецкое телеграфное агентство, одинаково звучат на многих языках мира. Исключением могут быть названия государств: *ОАР – БӘР – Бирләшкән Әрәп Республикаси* и др.

Несколько в ином аспекте должен быть рассмотрен вопрос о сокращениях, имеющих не научно-терминологическое, а местное номенклатурное значение, а также об условных сокращениях слов, к

которым обычно прибегают в целях удобства, краткости. Например: *ҚазПИ – Қазақ Педагогикалық Институты, ТәшМИ – Тәшкәнт Медицина Институты, «К.Т.» – «Коммунизм туғи», «К.А.» – «Колхозчилар авази»* и др.

5. Практика терминотворчества в уйгурском языке показывает, что при создании терминологии по всем отраслям знаний необходимо придерживаться основных принципов и общих правил, следует проявлять максимум гибкости и подходить к каждому конкретному случаю дифференцированно, использовать при этом до конца все возможности языка.

Так, в уйгурском языке мы имеем целый ряд слов, как дохтурхана, давахана, кесәлхана, шипахана, ағриқхана, дорихана. Дифференцируя значения, языковая практика привлекла их в качестве терминов, соответственно передающих следующие значения: ординаторская, поликлиника, диспансер или амбулатория, лечебница или санаторий, больница, аптека. Несмотря на такую внутреннюю возможность, иногда на страницах печати допускается употребление некоторых из этих терминов например: поликлиника, санаторий, аптека и т. д.

Возьмем другой пример. В уйгурском языке имеется слово маһир имеющее общее происхождение со словом мастер (< греч. Mastoras – мастер, ремесленник). Однако это не дает нам основания без разбора заменять им слово мастер, встречающееся в сложных терминах и терминологических выражениях. Здесь и нужно проявить необходимую гибкость с учетом специфики языка. Отсюда: балетмейстер (а не балет маһири), хормейстер (а не хор маһири), «мастер спорта» – спорт мастери (а не спорт маһири), но «мастер художественного слова» – бәдий сөз маһири, «мастер высоких урожаев» – чоң һосул елишниц маһири, или: часовой мастер – саат устиси. «золотых дел мастер» – зәргарчи и др.

Таковы основные положения и те недочеты терминотворчества в литературном языке уйгуров Советского Союза. Из этого следует, что в терминотворческом процессе уйгурского языка тесно сочетаются система его собственной терминологии с одной стороны, и общие системы интернациональных и заимствованных из русского языка терминов – с другой. При этом вся терминологическая система пронизана тенденцией максимального и исчерпывающего использования собственных ресурсов и потенциальных возможностей, смелого и добровольного заимствования советско-интернациональных терминов во всех необходимых случаях,

приводящего к взаимному сближению языков нашей страны и народов мира.

Имеющиеся недостатки, о которых мы говорили выше, требуют постоянного урегулирования, усовершенствования и унификации системы и принципов терминологии, издания отраслевых двуязычных и толковых терминологических словарей языковедами и специалистами – знатоками той или иной сферы научного знания.

О терминотворчестве в языке синьцзянских уйгуров

Как было отмечено выше, одним из основных языковых факторов, по которым можно судить о тенденциях дальнейшего развития общелитературного языка, является терминологическая работа.

Несмотря на то, что до установления народной власти в Синьцзяне на уйгурском языке выпускались ряд газет, журналов и различные книги, вопрос о создании терминологии и выработке ее научных принципов не был предметом специального изучения. Он впервые был поставлен только в 1954 г.⁷¹ в связи с принятием решения о реформе существующей письменности уйгуров, а также других народов Синьцзян-уйгурского автономного района. Лингвистические экспедиции по изучению диалектных особенностей уйгурского и других языков, проведенные со второй половины 1955 г., и обсуждение вопросов о языке и письменности на специальных совещаниях и конференциях, о чем сказано было выше, выяснили настоятельную необходимость всестороннего исследования процесса терминотворчества. Так была создана I Научная конференция по вопросам языка и письменности национальностей СУАР в августе 1956 г.

На этой конференции с докладом «Уйгурский литературный язык и вопросы создания его терминологии» выступил Имин Турсун, который осветил вопрос о формировании общего и единого уйгурского литературного языка, о состоянии терминологической работы в языке уйгуров Синьцзяна до 1955 года. Лексический состав уйгурского языка Имин Турсун рассматривает в двух группах: 1) слова и термины, употребляющиеся в языке с древних времен и составляющие его основное лексическое ядро; 2) слова и термины, заимствованные из других языков. Причем образование новых терминов из этой группы, как он утверждает, возможно, во-первых, путем расширения их семантического объема (қолтук «подмышка», боғуз «горло»), но как термины: Бохэй қолтуғи

⁷¹ Первый проект терминотворчества в уйгурском литературном языке Синьцзяна был опубликован в 1954 году.

«Бохэйский залив», Тайвэн боғузи «Тайванский пролив»), во-вторых, путем употребления в новых значениях («курултай» в значении «съезд») и, в-третьих, путем новообразований по существующим в языке моделям и способам (оқутқучи «преподаватель», тоқумчилик «текстильное производство»).

Вторую лексическую группу составляет иноязычный пласт уйгурского языка, который автором дифференцируется или как слова, уже усвоенные и признающиеся носителями собственно уйгурским;: (чай «чай», мата «материя», пул «деньги», чит «ситец», пәтнис «поднос»), или как слова, получившие некоторые семантические отклонения от их первоначального значения в языке-источнике (хәлик «народ», ихтисат «экономика», нутик «речь», идарә «учреждение»), или как слова, в известной степени усвоенные языком, но в то же время сохранившие определенные черты иноязычного происхождения (жоза «круглый стол», үстәл «стол», «стул», дәстихан «скатерть», бәсәй «вид капусты» и др.), или как слова, заимствованные языком за последнее время для выражения новых терминологических понятий (*конституция, республика, һоқуқ* «право», сиясәт «политика», қанун «закон», комитет, сот «суд», *прокуратура, физика, химия, диалектика, материализм, идеализм*). Полное подчинение заимствованных слов законам грамматики уйгурского языка рассматривается автором как результат устойчивости последней и положительное явление для развития литературной нормы.

Подвергая подобному анализу все положительные и отрицательные стороны терминотворческого процесса, докладчик обращает внимание на следующие вопросы: 1) на имеющиеся в языке тенденции безразборного заимствования или необоснованного отказа от необходимых иноязычных слов; в этой связи он предлагает вместо топлап, көпләп «оптовый» исконно уйгурское слово үлгүжә или вместо жәмғериш, дамба, жиң соответственно – чуғлаш, туған, базар; 2) в целях единообразия следует также отказаться от имеющихся терминологических дублетов и параллелизмов, созданных за счет диалектизмов (*соқа*, лит. – «соха», *сапан//буқуса//були//хвали*); 3) на неправильное, механическое употребление морфологических форм в структуре заимствованных слов (*телефонный аппарат, конкретный чарә, механический һәрикәт*); 4) на наличие нелогично построенных искусственных выражений и терминологических сочетаний (типа: *Саәт ремонт қилиши ишләтиқириши групписи* вместо *саәтчилик групписи* «артель по ремонту часов»).

Положительным моментом терминотворчества в языке синьцзянских уйгуров И. Турсун считает создание научно-технической терминологии, используя в этой области больше всего готовые советско-интернациональные термины».

Исходя из вышеизложенного, в языке синьцзянских уйгуров был принят следующий проект принципов терминологии:

«1. Исчерпывающим образом использовать богатство родного языка путем: а) развития и расширения семантического объема слов; б) употребления старых слов в новых значениях; в) образования новых производных слов, используя имеющуюся в языке лексическую базу и различные словообразовательные модели; г) умелого использования в качестве терминов диалектизмов, особенно профессионализмов.

2. Если для передачи новых терминологических понятий язык не находит в своем лексическом фонде соответствующих собственно уйгурских слов, то он может заимствовать их из других, в частности из китайского и русского языков.

3. Необходимо использовать в качестве терминов слова, заимствованные языком еще в далеком прошлом». Здесь же имеется оговорка: «однако не следует вводить в язык слова, которые употреблялись в уйгурском письменном языке XV–XIX вв. под влиянием чагатайского языка и все же не могли проникнуть в живой разговорный язык народа».

Итак, в проекте терминотворчества уйгурского литературного языка, принятом Комитетом по изучению языка и письменности СУАР КНР и опубликованном на страницах «Шин-жаң гезити» («Синьцзянская газета»), на первый план были выдвинуты принципы «максимального использования богатства родного языка»⁷². заимствования советско-интернациональных, а также китайских и русских терминов в соответствии с фонетическими и грамматическими законами уйгурского языка. Это говорит о том, что вопрос о терминотворчестве в литературном языке синьцзянских уйгуров в указанный период был решен в основном положительно и с правильных методологических позиций.

В этих принципах было ярко выражено стремление синьцзянских

⁷² Увлечение этим принципом привело даже к замене некоторых ранее заимствованных советско-интернациональных терминов вновь образованными терминами, например: *съезд* – *курултай*, *конференция* – *вәкилләр жигини*, *пленум* – *умуми жигин*, *митинг* – *аммиви жигин*, *федерация* – *бирләшмә*, *филиал* – *шивә*, *конституция* – *асасий қанун* и др., хотя такая попытка была не всегда последовательной; ср.: *запчасть*, *деталь*, *смета*, *отчет*, *делегация* (а *вәкил* – делегат). Эти примеры взяты из списка терминов, опубликованных вместе с проектом терминологии для предварительного обсуждения (см. «Шинжаң гезити», 1957, 11 дек.).

уйгуров как можно больше приобщиться к интернациональной терминологии и использовать многолетний опыт народов СССР, в том числе своих собратьев – советских уйгуров, в области терминологической работы. Так, в докладе И. Турсуна указывалось, что «экономика и культура великого советского народа, построившего социалистическое общество и счастливую жизнь, достигнутый им колоссальный прогресс во всех областях науки и техники, являются для нас лучшим образцом и оказывают благотворное влияние не только на развитие нашей экономики и культуры, но и благоприятствуют проникновению в наш литературный язык самых различных терминов, выражающих эти научные достижения».

Естественно, что подобный вполне разумный шаг, сделанный синьцзянскими уйгурами в языковом строительстве, в свое время исключительно радушно был принят советскими уйгурами, так как единство взглядов на терминотворческий процесс, на тенденцию и перспективу развития языка в целом является наилучшей гарантией формирования единой и общей для всего уйгурского народа нормы литературного языка.

Однако приходится констатировать, что этот, казалось бы, правильный курс и вполне разумное решение вопросов терминологии в языке синьцзянских уйгуров на II Лингвистическом совещании по вопросам языка и письменности, созванном в ноябре-декабре 1959 г., по некоторым соображениям были изменены, и вопросы терминотворчества получили совершенно иное освещение, что можно наглядно продемонстрировать на материале докладов, прочитанных Сайфутдином Азизи, Альхамом Ахтам, Абдуллой Закировым и др., опубликованных на страницах синьцзянских газет и журналов.

Так, в своем докладе «За содружество и сплоченность национальностей по упрочению великой победы социалистической революции в области языка и письменности» Сайфутдин Азизи, говоря о значении и задачах II Лингвистического совещания⁷³, подчеркнул, что в результате повсеместно проведенных обсуждений «были подвергнуты критике существующие некоторые ошибочные, реакционно-националистические взгляды и идеи по вопросам развития языков национальных меньшинств Синьцзяна, были выяснены разногласия между марксистско-ленинским мировоззрением и буржуазно-националистическими взглядами».

К подобным разногласиям и «реакционно-националистическим» взглядам в решении вопросов терминологии в уйгурском и других языках

⁷³ II Научное совещание было проведено в Пекине с 28 марта по 16 апреля 1958 г.

народов СУАР докладчик относит рассмотренные нами выше принципы терминологии, одобренные I Лингвистической конференцией в г. Урумчи (1956 г.).

В этих принципах, согласно которым термины должны были создаваться путем исчерпывающего использования богатства родного языка и заимствования советско-интернациональных терминов и т. д., докладчик усматривает неправильное, искаженное отражение объективного хода развития языков. Пути дальнейшего развития языков, в частности их терминологической системы, по мнению докладчика, должны быть определены не внутренними тенденциями этих языков, а внешними, факторами, влиянием языка господствующей нации; в условиях же Китая национальные меньшинства, в том числе и уйгуры, должны развивать свои языки, «опираясь только на язык китайцев», ибо они без помощи китайцев и благотворного влияния их языка якобы «не могут достигнуть свободы, равноправия и получить развитие».

В этой связи следует особо отметить одно обстоятельство. Мы уже ознакомили читателей с основными положениями проекта терминотворчества в уйгурском языке, принятого в 1956 г., в котором, кстати, предусматривалось заимствование наряду с советско-интернациональными терминами и терминов из китайского языка, т. е. китайский язык рассматривается как один из источников обогащения уйгурского языка. Выдвигая такой принцип, авторы указанного проекта стояли за то, чтобы не только сохранить имеющееся в лексике уйгурского языка большое количество китайских слов и терминов, заимствованных уйгурами в далеком прошлом, но и продолжить впредь подобное заимствование.

Однако нетрудно заметить, что многие из выступавших на I Лингвистической конференции (1956 г.) отстаивали принцип добровольности заимствования китайских элементов. По их мнению, китайские слова, как и русские слова и советско-интернациональные термины, должны быть приняты уйгурским языком не в целях вытеснения собственно уйгурских или ранее заимствованных арабско-персидских слов, а в целях пополнения и дальнейшего обогащения. Причем такое пополнение за счет китайских слов должно происходить естественным, а не насильственным путем, когда оно необходимо для языка.

Следует отметить, что подобные, казалось бы вполне резонные, высказывания определенной части уйгурских лингвистов в докладе

С. Азизи были подвергнуты резкой критике. Это и понятно. Идея «добровольности» в отношении китайского языка совершенно не устраивала многих «специалистов», которым было поручено решать проблемы языка малых народов. Этим и следует объяснить ряд положений, выдвинутых в докладе С.Азизи, которые можно привести лишь в порядке констатации. Так, например, в докладе красной нитью проходит идея о том, что единственным источником дальнейшего обогащения языков малых народов СУАР, в частности создания терминологии, должен служить только китайский язык. В связи со сближением народов в условиях Китая докладчик ставит также вопрос о необходимости в дальнейшем вытеснения из уйгурского языка давно бытующих и усвоенных слов иноязычного происхождения и замены их китайскими (*мәктәп* – *шүән* «школа», *рәис* – *жуши* «председатель», *коммуна* – *гуңши* и др.).

Конечно, с подобной установкой нельзя согласиться, т. к. она отрицает не только добровольный характер заимствования языком иноязычных элементов в частности, но и объективные закономерности его развития вообще; она игнорирует собственные возможности языка и его тенденцию развития.

Доклад А.Ахтама, председателя Комитета по изучению языков и письменностей народов СУАР «Вопрос об усвоении новых терминов», как и некоторые другие доклады, прочитанные на II Лингвистическом совещании по вопросам языка и письменности (1959 г.), затрагивает конкретные вопросы терминотворчества уйгурского языка. В нем подвергаются критическому анализу теоретические и практические «ошибки» языковедов, допущенные при первоначальной разработке принципов терминологии в уйгурском и других литературных языках народов СУАР.

По его мнению, эти «ошибки» сводятся в основном к тому, что в разработанных ранее принципах превалировала тенденция к заимствованию интернациональных терминов и под различными «предлогами» принижалась роль и значение китайского языка. Однако подобное мнение автора не всегда подтверждается убедительными аргументами. Его доклад по существу развивает основные положения доклада С. Азизи и докладов⁷⁴, представленных на двух лингвистических совещаниях в Пекине⁷⁵. Поэтому мы сочли нужным ознакомить читателей

⁷⁴ На этих совещаниях были заслушаны доклады Лю Цин, Бурхана Шахиди, Фу Мао-Цзы, Пэн Цзин, Са Кун-Ляо, Се Ху-чу и др.

⁷⁵ Имеются в виду II Лингвистическое совещание по вопросам языка по письменности

с содержанием этого доклада, реферируя его основные положения. И надо полагать, что специалисты-тюркологи, интересующиеся проблемой терминологии и закономерностями развития национальных литературных языков, найдут в этих принципах необходимый материал для творческих споров и широкого обмена мнениями.

Основные положения доклада А. Ахтама, по существу легшие в основу ныне действующих принципов терминологии литературного языка уйгуров Синьцзяна, сводятся к следующему:

1. «Для выражения малоизвестных широкой массе народа и не точно передаваемых понятий надо заимствовать термины прежде всего (подчеркнуто нами. – А. К.) из лексического состава китайского языка; причем эти термины должны быть написаны на основе китайского фонетического алфавита и орфографических норм, а также в соответствии с их звучанием в общелитературном китайском языке – путунхва».

2. Приемами заимствования или передачи китайских терминов и терминологических выражений должны быть: а) «звуковой перевод» (т. е. заимствование в китайском звучании без перевода на родной язык); б) «смысловой перевод» (т. е. перевод китайских слов и выражений соответствующими смысловыми эквивалентами родного языка); в) смешанный, звуковой и смысловой перевод»; здесь же указывается, что «китайские пословицы и поговорки лучше всего переводить, но можно заимствовать некоторые из них в китайском звучании».

3. Дальнейшие практические меры по созданию терминов, которые предлагаются в докладе, полностью исходят из указанных выше принципов, согласно которым китайский язык рассматривается как единственный источник терминотворчества в уйгурском языке. Эти принципы состоят из следующих моментов:

а) необходимо устранить существующие параллелизмы в терминах путем узаконения, например, таких терминов, как: лушйэн – вместо йол (генеральная линия партии), соответственно: гуңшэ – коммуна, жаһангирлик – империализм, жүмһүрийәт – республика, файвэн – сот (суд), ивәнжаң – сот башлиғи (председатель суда), Гунси – ширкәт (объединение, кооператив, товарищество);

б) необходимо заменить китайскими словами имеющиеся в языке термины советско-интернационального происхождения, которые еще не

нацменьшинств, состоявшегося в Пекине с 28 марта по 16 апреля 1958 г., и специальное совещание по вопросам лексикологии и составления словарей языков нацменьшинств КНР, состоявшееся в Пекине с 7 по 25 марта 1959 г.

получили широкого распространения в народе и создают определенную трудность в практическом употреблении⁷⁶: гувэн – советник, баңлэн – мухтар иттипак//конфедерация, жунфа – милитарист, жунфачилик – милитаризм, жэңчайвэн – прокуратура, жэңчажан – прокурор, хэйгвэн – таможня, зуңжуго – метрополия;

в) в тех случаях, когда имеет место параллельное употребление уйгурских и русско-интернациональных политических терминов, необходимо оставить уйгурские: *хитапнамэ – манифест, дэллал – компрадор, груһвазлик – фракциячилик, шэхсийэтчилик – индивидуализм, көрэк – парад* и др. Далее следует оговорка, что из этой категории терминов «пока нужно оставить» такие интернациональные термины, как: *демократия, социализм, капитализм*, и те, которые переведены на китайский язык «по их звучанию»: *нацизм – натсуй жуьйи, фашизм – фашиси жуьйи*;

г) различные военные термины (звание, должность, командование, управление и др.) должны быть заимствованы из китайского языка: *бэн – отделение, бэнжаң – командир отделения, шаңшав – полковник, луй–бригада* и др.;

д) промышленно-технические термины также должны быть заимствованы из китайского языка: *диявдукйвэн – диспетчер, жэңгуң – слесарь//чилдэнгар, туйтуужи – бульдозер//йэр түзлүгүчи машина, фадунжи – двигатель, фадийэнжи – генератор, сэййүжи – дизель, важужи – экскаватор, шуйдэнчи – аккумулятор, дазижи – хэт машинкиси* (пишущая машинка);

е) в тех случаях, когда в области культуры и просвещения употребляются как советско-интернациональные, так и китайские термины, предпочтение надо отдавать последним: *жиавлэньвэн – тренер, капйэн – карточка, жиаңши – лектор, жиавшу – профессор, боши – доктор (наук), йэнжйусо – илмий тэкишүрүш институту* (научно-исследовательский институт);

ж) термины философии по возможности должны быть заменены терминами, образованными на уйгурском языке: *гэжрибичилик – эмпиризм, үмитсизлик – пессимизм, екидичилик – федизм* но опять оговорка: «однако пока не надо трогать уже усвоенные языком международные термины, например: материализм, натурализм, метафизика, дуализм, диалектика»⁷⁷;

⁷⁶ В первом столбике приводятся предлагаемые термины.

⁷⁷ Там же.

з) «Научные термины, как правило, должны быть заимствованы из лексики китайского языка в их соответствующем звучании. Названия научных предметов также постепенно должны быть заменены китайскими названиями»⁷⁸; дэйшу – алгебра, жихешвэ – геометрия; снова оговорка: однако «названия некоторых предметов временно можно передавать вами собственного языка»⁷⁹: тарих – «история», *табиәт* «природа (зоология)», *һесап* – «математика», әдәбият – «литература»;

и) собственные имена и топонимические названия (за исключением имен и названий национальных меньшинств и их местностей) следует брать в китайском звучании на основе «путунхва», т. е. уйгуры и казахи СУАР должны писать и произносить так: Моськә – Москва, Ленингәлэ – Ленинград, *Аламуту* – *Алма-Ата*, *Ташигань* – *Ташкент*, *Суволофу* – *Суворов*, *Пида I* – *Петр I*, *Ялишаньда* – *Александр* и др.

Таково практическое решение вопроса терминотворчества в языке уйгуров Синьцзяна, к которому пришло II Лингвистическое совещание 1959 г. Из этого нетрудно понять, что принятые принципы терминотворчества направлены к тому, чтобы, во-первых, отвергнуть предпринятые уже положительные шаги в области терминологии уйгурского языка, во-вторых, не дать возможность синьцзянским уйгурам, казахам, киргизам, узбекам и другим народам последовать примеру своих собратьев в Советском Союзе в области создания единой терминологической базы; в-третьих, поднять роль китайского языка и доказать возможность заимствования из него другими народами СУАР терминов в самых различных областях знаний.

В связи с изложенным обстоятельством необходимо заменить, что в этих принципах терминотворчества никогда не ставился вопрос о категорическом отрицании или невозможности заимствования китайских слов другими языками. Ведь мы знаем, что китайские элементы, как и элементы других языков, встречаются в том же уйгурском, казахском, узбекском языках. Это вполне естественно, так как взаимообогащение языков при опеределенных их контактах оценивается как исторически необходимый и, пожалуй, неизбежный объективно-закономерный процесс. Поэтому речь должна была идти не о способности проникновения китайских слов в языки других систем или о степени проницаемости последних, как об этом постоянно говорилось в докладах, а, наоборот, о формах и условиях, при которых происходит возможное заимствование.

78 Там же.

79 Там же.

Из истории языкознания известны различные формы языках взаимоотношений, а также результаты, к которым приводят добровольные заимствования языком иноязычных элементов и насильственные ассимиляторские приемы навязывания элементов одного языка другому. В качестве примера должно сослаться, что и делают докладчики, на языки народов ССР, которые заимствовали большое количество интернациональных слов, а также терминов и за сравнительно короткий срок получили широкое развитие. Во всех языках заимствование слов и терминов из русского языка и через него происходило и происходит на совершенно добровольной основе. Об этом свидетельствуют, например, действующие принципы терминотворчества во всех национальных языках, в которых никогда не предусматривалось (если в этом нет необходимости) и, тем более, не настаивалось обязательное заимствование слов и терминов из русского языка.

Русский язык, выполняя функции языка межнационального общения народов СССР, не является обязательным государственным языком СССР. В.И. Ленин считал совершенно непозволительным, чтобы русский язык насильственно навязывали другим народам: «...Мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому, русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности»⁸⁰. Коммунистическая партия и Советское правительство строго следуют этому указанию И. Ленина.

В заключение следует отметить, что анализируемые нами выше принципы терминотворчества, разработанные II Лингвистическим совещанием 1959 г. на основе изложенных на нем докладов С. Азизи и А. Ахтама, по существу не отражают закономерностей и объективных тенденций развития уйгурского литературного языка. В этих принципах терминологии фактически столкнулись две крайности. С одной стороны, в процессе создания терминологической системы литературного языка совершенно не учитываются возможности и перспективы, богатство и гибкость собственного языка, в категорической форме запрещается доступ в язык советско-интернациональной терминологии, что, естественно, ведет к изоляции родственных языков народов СУАР и СССР, а с другой – единственным в своем роде источником создания терминов в уйгурском и других языках народов СУАР рассматривается китайский язык.

Таким образом, современный уйгурский литературный язык оказался перед фактом, когда в языке советских уйгуров наметились одни тенденции в области терминотворчества, согласно которым он будет развиваться за

⁸⁰ В.И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? Соч.т. 20, М.,1948, стр. 55.

счет максимального использования и усовершенствования собственных ресурсов. а также свободного приобщения к советско-интернациональной терминологии, тогда как в языке синьцзянских уйгуров, основной массы уйгурского народа, наметились другие тенденции, предусматривающие создание терминологии за счет китайских слов и выражений путем все большего их заимствования, с последующим вытеснением определенной части ранее принятых уйгурами и усвоенных советско-интернациональных терминов и выражений.

Все это, несомненно, соответствующим образом окажет свое влияние на общий процесс развития уйгурского литературного языка. Однако, несмотря на это, расхождения в терминологической лексике в языке советских и синьцзянских уйгуров пока еще незначительны.

Исследование по уйгурскому языку.

Издательство «Наука», Алма-Ата, 1965. с. 5-59.

Уйгурский (новоуйгурский) язык

§1. Современный уйгурский (новоуйгурский) язык является языком уйгурского народа, основная масса которого проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, а часть – на территории Советского Союза, главным образом в Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской ССР. Численность уйгурского населения в Китае, по данным переписи 1959 г., – 95 200 чел.

Этноним *уйгур* впервые появляется в древнетюркских надписях на надгробных камнях (VII–IX), найденных на р. Орхон в Монголии, а затем – в китайских источниках в форме *вэйвур*¹. Но в силу исторических причин, примерно после XV в., этноним *уйгур* постепенно исчезает из употребления, вместо него появляются названия уйгуров по месту их жительства – *қашқалиқ* «житель Кашгара», *турпанлиқ* «житель Турфана», *ақсулуқ* «житель Аксу», *йәкәнлик* «житель Яркенда» и т.д. Уйгуры, проживающие в долине р. Или, получили название *таранчи* («земледельцы») – по социально-бытовому признаку. Это название носили и уйгуры, переселившиеся в 1881–1883 гг. в пределы Семиреченской области России. Помимо этого в дореволюционной литературе уйгуры именовались и сартами, и татарами Восточного Туркестана, а китайцы их называли *хуэйминь* («мусульмане»), *хуэйцзу*, *хуэйхуэй*, *чантоу* («чалмоносцы»), монголы называли уйгуров *хотон* и т.д.

В 1921 г. На съезде представителей уйгурской интеллигенции Алма-Ате по инициативе С.Е.Малова при общем одобрении участников съезда

¹ См.: «Народы Средней Азии и Казахстана», II. М., 1963, стр. 489.

было восстановлено издавна бытовавшее название *уйгур* как общее название для всего уйгурского народа.

Современный уйгурский (новоуйгурский) язык относится карлукской группе языков. Образование уйгурского языка происходит в X–XI вв., в эпоху Караханидского государства, в результате взаимодействия западных и восточных тюркских языков, с одной стороны, и языков древних аборигенов Средней Азии – таджиков и других иранских племен – с другой. Дальнейшее развитие этого языка, особенно после караханидского периода, в связи с определенными историческими событиями, с перемещением культурных центров, с постоянным изменением этнического состава его носителей и его диалектной основы и т. д. не могло носить прямолинейного и непрерывного характера.

С XVII в. начинает складываться современный уйгурский литературный язык, формируются его характерные специфические черты. Хотя в нем и сохраняются некоторые традиции среднеазиатского литературного языка, он постепенно сближается с общенародным языком. Этот исторический процесс демократизации уйгурского литературного языка хорошо прослеживается в произведениях уйгурских поэтов и писателей XVII–XIX вв. Хиркити, Новбати, Зелили, Абдрейима Низари. Моллы Шакира, Моллы Билала и др. Но процесс этот был очень замедлен в силу ряда исторических причин.

Социальный и национальный гнет, довлевший над коренным населением Восточного Туркестана в продолжение трех столетий, низвел его на положение одного из самых отсталых народов Центральной Азии. Это сказалось и на развитии уйгурского языка. Поэтому о литературном языке уйгуров в дореволюционный период мы можем говорить несколько условно. Ибо он, при сплошной безграмотности уйгурского населения как в Синьцзяне, так и в царской России, как письменный литературный язык был менее распространен, чем литературный язык, бытовавший в устном народном творчестве.

Октябрьская социалистическая революция явилась решающей исторической вехой в формировании и бурном развитии современного уйгурского письменного литературного языка на основе общенародного языка при сохранении им некоторых положительных традиций языка уйгурской письменной литературы прошлых столетий.

Современный уйгурский литературный язык имеет единую диалектную основу и в одинаковой степени обслуживает обе части

уйгурского народа – и уйгуров СССР, и уйгуров Синьцзяна. Однако в силу различной языковой среды, разнобоя в принципах орфографирования и терминотворчества, наличия разных алфавитов и т.д. уже наметились некоторые своеобразные тенденции развития в языке синцзянских уйгуров, с одной стороны, и в языке советских уйгуров – с другой.

Советские уйгуры представлены двумя группами: семиреченской и ферганской. Семиреченские уйгуры является в своей основной массе носителями илийского говора, одно из опорных говоров уйгурского литературного языка; они сохранили национальную самобытность своей культуры и языка. Ферганские уйгуры в значительной мере смешались со своими соседями-узбеками, а их язык, впитав в себя много элементов узбекского языка, успел в известной степени ассимилироваться.

Диалекты синцзянских уйгуров представлены тремя группами: центральной, южной и восточной.

Литературный язык уйгуров СССР, которому и посвящен данный очерк, является единым национальным языком для всего уйгурского населения нашей страны. На этом языке интенсивно развивается многожанровая уйгурская советская литература, издаются художественно-политическая и научно-популярная литература, учебники и газеты, организуются радиопередачи, функционирует национальный театр, осуществляется начальное и среднее образование.

Уйгуры еще в VIII в. имели свою письменность, в основу которой, вероятно, лег новосогдийский алфавит. Начиная с XI в. они стали широко пользоваться письменностью на основе арабской графики, хотя в некоторых районах Средней Азии, а так же в Ганьсуйской провинции Китая (желтые уйгуры) продолжали пользоваться древнеуйгурской письменностью вплоть до начала XVIII в.

Арабской письменностью уйгуры СССР пользовались до 1930 г., а синьцзянские уйгуры пользуются ею и в настоящее время. С 1930 по 1946 год советские уйгуры пользовались латинизированным алфавитом, а затем ими был принят новый уйгурский алфавит, разработанный на основе русской графики.

Для передачи специфичных для уйгурского языка фонем дополнительно к русскому алфавиту принято 8 графических обозначений: *э, жс, қ, ң, ө, ү, ә, һ*.

Изучение современного уйгурского языка было начато в основном во второй половине XIX в. как за рубежом, так и в России. Несмотря на то, что зарубежные ученые-уйгуроведы – А.Лекок, М.Хартмани,

Г.Ракетт, К.Менгес, Г.Ярринг и др.² – проделали значительную работу, основная заслуга в изучении современного уйгурского языка принадлежит отечественным и советским ученым. Одним из первых среди русских тюркологов, занимавшихся изучением уйгурского языка в дореволюционный период, был акад. В.В.Радлов. В ряде его фундаментальных трудов нашли свое научное освещение многие вопросы истории, фонетической системы, лексико-грамматического строя современного уйгурского языка. Большую роль сыграли также специальные поездки Н.Ф.Катанова (1888–1892гг.) и С.Е.Малова (1909–1911 гг., 1913–1915 гг.) к уйгурам китайского и русского Туркестана и Ганьсуйской провинции Китая для изучения их языка.

Большая работа по изучению уйгурского языка проделана в советский период (С.Е.Малов, А.К.Боровков, К.К.Юдахин, В.М.Насилов, Н.А.Баскаков, Э.Н.Наджин, Э.Р.Тенишев, И.Исмаилов, К.Мелиев, А.Шамиева, К.Хасанов и др.). В г. Алма-Ате, при академии наук КазССР, недавно создан специальный Отдел уйгуроведения, который занимается планомерным изучением уйгурского языка.

Фонетика

§ 2. В современном уйгурском языке насчитывается 8 гласных фонем – *a, ə, e, o, ø, y, ʏ* употребляющихся в собственно уйгурских словах, и 2 фонемы – *ə, ʏ* встречающихся в словах, заимствованных из русского языка.

Классификация гласных

	Негубные		Губные	
	Широкие	Узкие	Широкие	Узкие
Задний ряд	<i>a</i>	<i>ʏ</i>	<i>o</i>	<i>y</i>
Передний ряд	<i>ə, ə</i>	-	<i>ø</i>	<i>ʏ</i>
Индифферентные	<i>e</i>	<i>u</i>	-	-

Специфичные гласные фонемы уйгурского языка имеют следующую артикуляционную характеристику.

a – более открытый, чем русский *э*; в уйгурском языке *ə* имеет более частое употребление, чем в некоторых других тюркских языках. Он

² Полные библиографические данные см. в конце очерка.

встречается как в корневых словах (*йәр* «земля», *йәл* «ветер»), так и в аффиксах (*бәл-әк* «отдельно», *өзи-чә* «по-своему»). С помощью *ә* в уйгурском языке образуются мягкие варианты некоторых аффиксов (*-лар/-ләр*, *-да/-дә*, *-га/-гә*). Гласный *ә* в уйгурском языке может быть в одном слоге с такими заднеязычными согласными как *қ*, *ғ*, *х* (*қәдам* «шаг», *ғәзнә* «казна», *хәт* «письмо»), тогда как подобное непосредственное соседство в ряде тюркских языков не допускается.

e – полуширокий гласный, в уйгурском языке он не имеет дифтонгондного оттенка, но в зависимости соседства глубокозаднеязычных *қ*, *ғ*, *х* или переднеязычных *к*, *г* он приобретает двойкий оттенок. В собственно уйгурских и ранее заимствованных арабско-иранских и китайских словах гласный *e* дальше первого слога обычно не употребляется (*бегиз* «шило», *бедә* «клевер», «люцерна»).

и – исторически возникло в результате конвергенции контрастирующих пар гласных *ы* и *і* в одной индифферентной фонеме. При соседстве с заднеязычными согласными гласный *и* может иметь более задний оттенок (*қиз* «девушка», *қиг* «навоз», *әқил* «ум», «рассудок»), а в сочетании переднеязычным *к*, *г* может иметь передний оттенок (*кир* «заходи», «грязь», *гиләм* «ковер»). В конечном открытом ударном слоге *и* – долгий (*алди* «он взял») и, наоборот, наиболее краткий редуцированный оттенок отмечается в соседстве с сонорными и глухими согласными (*бир* «один») или в безударной позиции (*егиз* «рот», но *ағзи* «его рот» – редукция до нуля звука).

o – произносится без дифтонгондного оттенка. Исторически он восходит к древнеуйгурскому *ä* (ср. *төгә* <*mävä* «верблюды», *сөймәк* <*sävämäk* «любить»). В современном уйгурском языке в составе односложных закрытых слогов он имеет более краткий оттенок (*кәк* «синий», *кәл* «озеро»), а в безударном положении – редуцируется и произносится почти как узкий закрытый *ү* (*чүшүр* <*чөшүр* «пельмени», *тушүк* <*төшүк* «дыра», «отверстие»). Долгий оттенок *ө*, как и других гласных, появляется в тех случаях, когда исторически или орфоэпически выпадает один из соседних согласных (*кәпә* <*кәрпә* «теплое одеяло», *тәмәт* < *төһмәт* «поклон»). Звук *ө* в уйгурском языке встречается во всех позициях слова.

у – исторически восходит к древнетюркскому *uɣ* > *uv*. В окружении глухих и сонорных согласных *у* обычно произносится с кратким оттенком (*үч* «три», *күл* «зола»). В результате действия губной гармонии гласный *у* выступает иногда комбинторным вариантом гласного *ә* (*жүрәк* «сердце» – *жүрүгүм* «мое сердце»). При выпадении соседствующего сонорного *р*, звук *у* произносится как широкий гласный *ө* того же ряда (*көмүр* > *көмө*

«уголь», *төмүр* > *төмөр* «железо»). Гласный *ү* в безударном положении подвергается редукции и выпадает (*көңүл* «желание» – *көңли* «его желание»).

§ 3. В современном уйгурском языке насчитывается 26 согласных звуков – *б, в, г, г, д, ж, жс, з, й, к, қ, л, м, н, ң, п, р, с, т, ф, х, һ, ц, ч, ш, щ*.

Специфичные согласные фонемы уйгурского языка (*жс, қ, г, ң, һ*) имеют следующую артикуляционную характеристику.

жс – представляет собою сочетание *джс*. В речи уйгуров он произносится близко к произношению звуко сочетания *дч*, чем и объясняется функционирование его в некоторых случаях в качестве фонематического варианта звука *ч* (*бала-чака/бала-жақа/бала-дчақа* «дети», «домочадцы», *биринчи / биринжси / бириндчи* «первый»). В своем сравнительно частом (по сравнению с *жс*) употреблении звук *жс* имеет некоторую позиционную ограниченность: допускается соседство со всеми гласными уйгурского языка, но дальше второго слога он почти не употребляется (*жаңжун* «генерал-губернатор», *жән* «бой», «битва», *жигдә* «джида», *жүжә* «цыпленок»).

қ – употребляется во всех позициях слова. В зависимости от качества сочетающих гласных (широких или узких), *қ* приобретает твердый или мягкий оттенки (*қара* «черный», *қорққанчақ* «трус», *қәғәз* «бумага», *қелин* «толстый»). В некоторых фонетических условиях согласный *қ* переходит в проточный согласный глухой *х* (*тоқмақ* > *тохмақ* «колотушка», *ақ терәк* > *ах терәк* «береза») или в звонкий *г* (*қулақ* «ухо», но *қулиги* «его уши», «его уши»).

Классификация согласных

		Губно-губные	Губно-зубные	Зубно-альвеолярные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Гортанные
Сонорные	Смычные носовые	<i>м</i>		<i>н</i>			<i>ң</i>	
	Проточные плавные			<i>л</i>	<i>й</i>			
	Дрожащие				<i>р</i>			

Шумные	Смычные	Звонкие Глухие	<i>б</i> <i>п</i>		<i>д</i> <i>т</i>		<i>г</i> <i>к</i>	<i>қ</i>	
	Проточные	Звонкие Глухие		<i>в</i> <i>ф</i>	<i>з</i> <i>с</i>	<i>ж</i> <i>ш,щ</i>		<i>г</i> <i>х</i>	<i>һ</i>
	Аффрикаты	Звонкие Глухие		<i>ц,ч</i>		<i>жс</i>			

г – встречается во всех позициях уйгурских слов (*газ* «гусь», *қоғун* «дыня», *тағ* «гора»).

ң – несколько отличается от узбекского литературного *ng* своим более чистым произношением (ср. узб. *йэнги* – уйг. *йеңи* «новый»). Фонема *ң* не употребляется лишь в абсолютном начале слова. В зависимости от качества соседних противопоставленных по мягкости и твердости согласных пар звук *ң* приобретает широкий или узкий оттенок (*таң* «равно», «равный», *таң* «раннее утро», *тоң* «мерзлая земля», *төңгә* «большое железное кольцо», *туң* «бочка», *туңдук* «окно на потолке избы, юрты»). Звук *ң* в безударных слогах подвергается редукции (*бизниңки* > *бизники* «наш»).

һ – по сравнению с другими тюркскими языками имеет более частое употребление, особенно в заимствованиях из арабского и иранских языков (*һесап* «отчет», «счет», «задача», *һунәр* «ремесло», «мастерство», *баһар* «весна», *дәрһал* «тут же», «сразу»). В конечной позиции *һ* встречается лишь междометных словах (*аһ*, *еһ*, *уһ*, *паһ*), а в арабско-иранских заимствованиях он обычно опускается (*никаһ* > *ника* «брак», «брачный акт», *гунаһ* > *гуна* «вина», «виновность»). В интервокальной позиции *һ* обычно выпадает (*мәһәллә* > *мәлә* «деревня», «местность», *наһайити* > *найити* «особенно», «очень»). В различных фонетических условиях он чередуется с согласными *х* (*мәһтий/мәһтий* «тайный», «секретный») и *й* (*илахим/илайим* «как бы», «что бы»), а в отдельных случаях он возникает перед начальными гласными (*айдимақ* > *һайдимақ* «гнать», «гонять», *ашкара* > *һашкара* «ясно», «определенно», *үшиқитмақ* > *һүшиқитмақ* «свистеть»).

§ 4. *Слоги* в уйгурском языке делятся на открытые, полузакрытые и закрытые:

- 1) открытые слоги – а) Г: *а-на* «мама», *а-ка* «старший брат», *и-ни* «младший брат»; б) С+Г: *ча-на* «сани», *ка-ла* «корова», *та-ла* «поле», «степь»;
- 2) полузакрытые слоги – а) Г+С: *он* «десять», *өз* «свой», *ал-тун* «золото», *ақ-ча* «деньги», *ой-на* «играй»; б) Г+С+С: *арт-мақ* «навьючить», *өрт* «пожар», *ейт-қуз-мақ* «заставить говорить»;
- 3) закрытые слоги – а) С+Г+С: *таш* «камень», *қил* «делай», *пай-пақ* «чулок», «носок»; б) С+Г+С+С: *шарт* «договор», «условие», *дәрт* «болезнь», «недуг», *тарт-мақ* «тянуть» и др.

Заемствование русских интернациональных слов и терминов, имеющих иную структуру слогов, способствовало появлению в уйгурском языке новых типов слогового сложения – а) С+С+Г: *про-ле-та-ри-ат*; б) С+С+Г+С: *клуб*, *трам-вай*; в) С+С+Г+С+С: *грамм*, *фронт*; г) С+С+С+ Г: *стра-то-сфе-ра*, *стро-фа*; д) С+С+С+Г+С: *шпрот*, *штраф*; е) С+Г+С+С: *литр*, *метр*.

Динамическое ударение в уйгурском языке имеет два силовых полюса: слабый и сильный. Слабое ударение, фиксируемое на первом слоге слова, является постоянным, тогда как основное ударение, фиксируемое на последнем слоге, является подвижным и по мере нарастания слога путем аффиксации, передвигается на конец слова, например: *мурәккәп* «сложный», *мурәккәп-ләш* «осложнение» (имя действия), *мурәккәп-ләш-түр* «осложняй», «сделай сложным», *мурәккәп-ләш-түр-мәк* «осложнять что-либо».

Ударение является подвижным также во всех китайских и русских словах (*чәңзә* «жердь», *чәңзи-гә* «жерди»; *техника* – *техники-дин* «от техники»), а также в уйгурских словах, имеющих ударение на первом или предпоследнем слоге, например: *қанчә* «сколько», *наһайити* «очень».

Исключение из этого общего правила составляют некоторые заимствованные слова из арабского, персидского языков, в которых ударение носит постоянный характер (*бала* «беда», *бала-га* «беде», *бала-дин* «от беды»).

Служебные элементы языка (послелогии, модальные слова, частицы) или принимают на себя самостоятельное ударение или же обслуживаются ударением самостоятельных слов, например: *әң* *яхиш*, *бәкму* *убдан* «самый хороший», *мән-гу* *билмәттимән*, *сән-чу?* «я-то не знал, а ты что?», *сан-сериқ* «желтый-прежелтый», *немә* *үчүн* «за что», *калди-му?* «пришел ли?» *келә-му?* «придет ли?».

§ 5. *Гармония гласных* (сингармонизм) в уйгурском языке проявляется благодаря наличию трех взаимопротивопоставленных по мягкости и твердости пар гласных *а – ә*, *о – ө*, *у – ү* и двух нейтральных

в этом отношении гласных звуков *e, u*. Этот закон, носящий в отдельных родственных языках абсолютный характер, в уйгурском языке отражен непоследовательно. По степени проявления гармонии гласных уйгурский язык занимает промежуточное положение между сингармоническими, например киргизским, и несингармоническими, например узбекским, языками.

Небная (палатальная) гармония хорошо прослеживается не только в многосложных собственно уйгурских (например: *адаш* «товарищ», *эгэр* «если», *кодаң* «яма», *терэк* «тополь»), но и в иноязычных словах, которые в силу этого фонетического закона, перестраиваются путем сдвига отдельных гласных корня, либо в сторону палатальности, либо в сторону гуттуральности: *амма* «однако», *асас* «основа» (произносятся: *аймма айсас*). По признаку твердости и мягкости присоединяются к корням двухвариантные аффиксы (-га/-гә, -қа/-кә, -да/-дә, -та/-тә, -а/-ә, -ар/-әр, -қан/-кән, -ган/-гән, -мақ/-мәк, -лар/-ләр и др.).

Если же принцип сингармонизма в самой основе слова не соблюден, то аффиксы, присоединяемые к ней, обычно уподобляются последнему слогу (*қәдди-қамәт* «стан» – *қәдди-қамәтлик* «солидный», «с хорошей фигурой»; *адәм* «человек» – *адәмгә* «человеку», *әтрап* «окрестность» – *әтрапта* «вокруг», «кругом»).

Следует отметить, что действие закона небной гармонии в уйгурском языке не всегда последовательно. Отклонение от него наблюдается не только в основах заимствованных слов из несингармонических языков (например: *әза* (араб.) «член», *мәнтаң* (кит.) «отвар», «вода, в которой варилась лапша»), но и в аффиксах, присоединяемых к основам собственно уйгурских слов, например: *иш-қа* «делу», *тил-га* «языку», *жип-қа* «нитке».

Нейтральными же по отношению к небной гармонии являются некоторые стабилизовавшиеся местоименные аффиксы (-*мән*, -*сән*, -*силәр*), аффиксы уподобления (-*дәк*/ -*тәк*) и аффиксы в составе арабско-иранских слов (-*кәш*, -*ваз*, -*пәз*).

Губная (лабиальная) гармония относительно последовательно проявляется как в разложимых, так и в неразложимых двусложных основах (*отун* «дрова», *орун* «место», *түзүм* «строй», *бузук* «испорченный», «избалованный», *күнлүк* «зонт», *өмүр* «жизнь»).

Действие губной гармонии в третьем и последующих слогах в уйгурском языке носит непоследовательный характер. Оно находится в зависимости от целого ряда фонетических причин, таких как наличие

или отсутствие губных гласных, ударность или безударность, открытость или закрытость последнего слога, количество и качество согласных на стыке между корнем и аффиксом и т. д., например: *түнү- гүнү / түнүгүни* «вчера», *қулуғум / қулигим* «мой уши», *жүрүгүм/жүригим* «мое сердце», *қоллунулуш/қоллинилиш* «применение»³. Непоследовательный характер губной гармонии чаще наблюдается в многосложных основах, например: *өз-ләш-тур-үв-ал-мақ* «освоить», *суга-ш-тур-үв-әт-мәк* «размазать». Поэтому не приходится говорить о соблюдении единого звукового комплекса, как это имеет место в некоторых тюркских языках, например: кирг. *түлкүнү* «лису» (вин. пад.).

Закон *обратного влияния гласных* (регрессивная ассимиляция), благодаря которому многие односложные и реже двусложные слова приобретают иной фонетический облик, является характерной особенностью уйгурского языка. Причина этого явления кроется прежде всего в передвижении или сохранении основного ударения в корне слов. Так, при присоединении к односложным основам аффиксов с узким негубным *и* широкие гласные основы *а, ә* как правило переходят в узкий негубной *е*, например: *баиш* «голова» – *беиши* «его голова», *нан* «хлеб» – *неиши* «мой хлеб», *бар* «иди» – *беириң* «идите», *бәт* «лицо» – *бети* «его лицо».

Обратное влияние узкого *и* в двусложных основах ограничивается рамками некоторых исторически сложившихся лексем, например: *белиқ* «рыба» (обшетьюрк. *балық*), *ериқ* «арык» (обшетьюрк. *арық*), *егир* «тяжелый» (обшетьюрк. *агир*).

Однако в языке встречается масса односложных слов как иноязычного происхождения (араб., иран., кит., русск.), так и собственно уйгурских, которые не подчиняются этому закону, например: арабско-иранские: *сан* «число» – *сани* «его число», *шан* «величие» – *шани* «его величие», *кар* «дело» – *кари* «его дело»: китайские: *шаң* «поле» – *шаңимиз* «наше (засеянное) поле»; хаң «шахта» – *хаңини* «их шахту»; русские: *газ* – *гази* «его газ», *зал* – *залида* «в зале», *лак* – *лакиң* «твой лак»; уйгурские: *бәш* «пять» – *бәшиге* «пяти» (дат. пад.), *зак* «саксаул» – *закини* (вин. пад.), *бәс* «пары» – *бәси* «его пары», *сал* «плот» – *сали* «его плот» и др. Некоторые односложные основы просто «избегают» сочетания с аффиксами с узким гласным *и*, что затрудняет различение омонимов, например: *там* «стена» – *теми* «его стена», но *там* «вкус» – *тами* «его вкус», *тәр* «пот» – *териң* «твой пот», но *тәр* «физиономия» – *тәриң* «твоя физиономия».

³ В существующей орфографии в таких случаях принято писать *қулигим, жүригим, қоллинилиш*.

Обратное влияние и нейтрализуется в тех случаях, когда между широкими гласными *a*, *ә* и узким *и* образуется барьер из двух и более согласных, например: *ал-ди* «он взял» (*a* не *ел-ди*), *кәт-кин* «уходите» (*a* не *кет-кин*), *шәрт-тин* «из договора» (*a* не *шерт-тин*). Регрессивная ассимиляция не наблюдается и в тех случаях, когда в качестве узкого гласного и выступает редуцированный безударный *и*, например: *ана* «мать» – *аниси* (но не *ениси*) «его мать», *бала* «сын» – *балиси* (но не *белиси*) «его сын».

Влияние на предшествующий широкий *ә* оказывает и сам *ә*, хотя это влияние носит чисто эпизодический характер, например: *бәр* «дай» – *бер-әм-ду* «отдаст ли он?», *кәт* «уходи» – *кет-әл-миди* «он не мог уйти»; *кәч* «ночь», «вечер» – *кеч-ә* «вечером». Влияние гласного *ә* аффикса на *ә* корня нейтрализуется при образовании между ними барьера из двух или более согласных, например: *йәт-күзмәк* «достичь», но: *йет-әму* «достигнет ли», «хватит ли?».

Обратное влияние губных гласных *у*, *ү* на широкие гласные корня *a*, *ә* при котором последние соответственно переходят в *o*, *ө* в основном встречается в структуре исторически сложившихся двухсложных лексем, например: *қомуш* «камыш», *йоруқ* «светлый», *қошуқ* «ложка», *төшүк* «дыра», «отверстие» (ср. казах. *қамыс*, *жарық*, *қасық*, *тесік*).

Редукция гласных в уйгурском языке является результатом переноса основного ударения и образования безударного слога. Она проявляется в основном в следующем: а) в значительно кратком произношении узкого гласного и в двусложных словах (*б'рақ* «только», «однако», *шәр'қ* «восток», *вақ'ра* «кричи»); б) когда широкие гласные *a*, *ә* последнего слога основы попадают в позицию между слабым и сильным ударением (*алма* «яблоко» – *әлми-сі* «его яблоко», *көйнәк* «рубашка» – *көй-ниг-ині* «его рубашку», *ойла* «думай» – *ойлу-дүм* «я подумал», *жүрәк* «сердце» – *жүрүг-үм* «мое сердце»); при дальнейшем наращении аффиксов редуцированный гласный второго слога сохраняется, например: *кәл* «приходи» – *кел-и-вер-әм-сиз* «будете ли вы посещать постоянно?»; в) в безударных слогах двусложных основ (*сиңил* «младшая сестра – *сиңлим* «моя младшая сестра», *орун* «место» – *орни* «его место», *қаригай* «сосна» – *қарғийи* «его сосна»).

В случаях, когда редукция достигает «нуля звука», слогаобразующий узкий *e* в первом слоге чередуется с широким гласным *a* или *ә* (*серик* «желтый» – *сарғай-мақ* «желтеть», *бегир* «печень» – *бағр-им* «моя печень»). К разновидностям редукции можно отнести и такие случаи,

когда беглый гласный *и* в позиции между двумя *л* при экспрессивном произношении выпадает, что не отражается на письме: *балла* (орфогр. *балилар*) «дети», *калла* (орфогр. *калилар*) «коровы».

Редукции не подвергаются конечные гласные основы в словах с постоянным ударением на последнем слоге (*дава* «лечение», *даванің* «лечения»).

Ассимиляция согласных в уйгурском языке наблюдается на границе двух соседних согласных и не оказывает, за редким исключением, влияния на другие ряды согласных слова. Ассимиляция бывает полной (*язса*>*ясса* «если писать», *ишчи*>*ишши* «рабочий») и неполной (*ташқа* «камню», *таг-дин* «из гор»), прогрессивной (*от-қа* «огню», *от-тин* «из огня»; *күз-гә* «осени», *күз-дин* «из осени»; *кәт-кин* «уходите», *кәт-сун* «пусть уйдет») и регрессивной, которая, по сравнению с прогрессивной, в уйгурском носит более регулярный характер, например: *таг* «гора» – *таққа* «к горам», *бәг* «бек» – *бәккә* «к беку», *заво[т]қа* (орфогр. *заводқа*) «к заводу», *керә[г]лик* (орфогр. *керәклик*) «нужный») *а[ш]қуч* (орфогр. *ачқуч*) «ключ», *жири[г]димәк* (орфогр. *жириқдимәк*, «выбирать крупных»), *А[х]су* (орфогр. *Ақсу*), *Мура[д]бәк* (орфогр. *Муратбәк*).

Прочие фонетические явления. В зависимости от различных фонетических условий в структуре слова могут происходить а) всевозможные чередования согласных: *китап* «книга» – *китави* «его книга», *аяқ* «нога» – *айиғим* «мои ноги», *жавап* «ответ» – *жавабән* «в ответ»: б) стяжение и изменение корня: *мана бу* > *маву* «вот этот», *мана шу* > *мошу* «вот этот», *мана шуниңдәк* > *маштақ* «вот так вот», *мана шу йәр* > *мәшә* «в это место», *болуп тур* > *бопту* «ладно», *барар еди* > *ба-ратти* «(он) пошел бы», *бәр-ип-әтти* > *беривәтти* «(он) отдал», *ишляй ал-майду* > *ишләлмәйду* «(он) не может работать»; в) наращение и вставка: *кино(р)и* «его кино», *тоху* «курица» – *тоху(р)ум* «моя курица», *су* «вода» – *сү(й)и* «его вода»; г) выпадение: *бар му?* > *баму* «есть ли?», *орма* > *ома* «жатва», *кәлсәңчу* > *кәсәңчу* «приходи же», *хәлиқ* > *хәк* «люди», *хойла* > *Гола* «двор».

Морфология

§ 6. *Имя существительное* в уйгурском языке имеет категории числа, принадлежности, падежа.

Единственное *число* в уйгурском языке выражается самой основой имен существительных без каких-либо грамматических форм. Показателем множественности является *-лар/-ләр*: *колхозчилар* «колхозники», *әмгәкчиләр* «трудящиеся».

Категория принадлежности выражается притяжательными аффиксами: 1 л. – ед.ч. *-м/-им/-ум/-ум, -рим/-рум*; мн. ч. *-имиз/-умиз/-үмиз, -римиз*; 2 л. – ед. ч. *-ң/-иң/-уң/-үң, -риң*; мн. ч. – *ңыз/-иңиз/-үңиз, -риңиз, -ңлар*; 3 л. – ед. и мн. ч. *-и, -си, -ри*. Например:

Единственное число

				<i>алмилирим</i>
1 л. <i>анам</i>	<i>қизим</i>	<i>қолум</i>	<i>пальторум</i>	«мой
«моя мать»	«моя дочь»	«моя рука»	«мое пальто»	яблоки»
2 л. <i>анаң</i>	<i>қизиң</i>	<i>қолуң</i>	<i>пальторуң</i>	<i>алмилириң</i>
3 л. <i>аниси</i>	<i>қизи</i>	<i>қоли</i>	<i>пальтори</i>	<i>алмилири</i>

Множественное число

1 л. <i>анимиз</i>	<i>қизимиз</i>	<i>қолумиз</i>	<i>пальторумиз</i>	<i>алмилиримиз</i>
2 л. <i>аниңиз</i>	<i>қизиңиз</i>	<i>қолуңиз</i>	<i>пальторуңиз</i>	<i>алмилириңиз</i>
<i>анаңлар</i>	<i>қизиңлар</i>	<i>қолуңлар</i>	<i>пальторуңлар</i>	<i>алмилириңлар</i>
3 л. <i>аниси</i>	<i>қизи</i>	<i>қоли</i>	<i>пальтори</i>	<i>алмилири</i>

Система склонения в уйгурском языке представлена шестью падежами, характеризующимися соответствующими морфологическими формами и синтаксическими функциями.

1) Основной падеж – основная форма имен существительных.

2) Родительный падеж выражает собой соотнесенность или принадлежность одного предмета другому, что обычно передается с помощью аффикса *-ниң*, требующего оформления определяемого им слова притяжательным аффиксом *-си* (после гласного) и *-и* (после согласного), например: *кочиниң кәңлиги* «ширина улицы», *мәктәпниң китапханиси* «библиотека школы». Но иногда в подобной конструкции определяющее имя может стоять и в неоформленном родительном падеже, например: *колхоз беги* «колхозный сад», *тошқан териси* «заячий мех».

3) Дательный (или направительный) падеж указывает предмет или лицо, на которое направлено действие, т. е. конкретизирует объект действия. Существительное в дательном падеже оформляется аффиксом *-қа/-кә, -га/гә*, например: *мәктәпкә* «в школу», «школе», *кочиға* «на улицу».

4) Винительный падеж указывает предмет или явление, на которое обращено (направлено) то или иное действие, т. е. уточняет имя, управляемое переходными глаголами, как их прямое дополнение; имеет аффикс *-ни*, например: *Мухпулни* «Мухпула», *күчүмизни* «нашу силу».

5) Местный падеж указывает место, время и условие, при которых

совершается или совершится действие. Существительное в местном падеже оформляется аффиксом *-да/-дә, -та/-тә*, например: *бағда* «в саду», *сандуқта* «в сундуке».

б) Исходный падеж указывает предмет, лицо, которые являются исходным пунктом начала действия, имя в дательном падеже оформляется аффиксами *-дин/-тин*, например: *Алмутидин* «из Алма-Аты», *өйдin* «из дома», *иштин* «с работы».

Основные способы именного словообразования – морфологический и синтаксический.

1) Имена существительные образуются от именных основ посредством следующих аффиксов: *-чи* – *өтүкчи* «сапожник», *ялғанчи* «лжец», *чақчақчи* «шутник»; *-лиқ/лик, -луқ/лүк* – *башлиқ* «руководитель», *бәшлик* «пятерка», *яхишилиқ* «доброта», *айлиқ* «зарплата»; *-чилиқ/-чилик* – *ипәкчилик* «шелководство», *деханчилиқ* «земледелие», *әрзәнчилик* «дешевизна»; *-даш-дәш* – *замандаш* «современник», *вәтән-даш* «соотечественник»; *-хана* – *китапхана* «библиотека», *аишхана* «столовая».

Следующие аффиксы являются малопродуктивными: *-лақ* – *ботлақ* «годовалый верблюжонок», *тайлақ* «двухгодовалый верблюжонок»; *-хор* – *қаңхор* «кровопийца»; *-ваз* – *кәкликваз* «любитель боя куропаток»; *-дар* – *тәрәпдар* «сторонник»; *-мән/-вән* – *һүнәрмән* «ремесленник», *бағвән* «садовник»: *-кар/-гәр* – *пахтикар* «хлопкороб», *жәодигәр* «колдун»; *-шунас* – *тилишунас* «языковед», *иәриқишунас* «востоковед»; *-пәрзәр* – *инсанпәрвәр* «гуманист», *вәтәнпәрвәр* «патриот»; *-стан* – *қәбирстан* «кладбище»; *-дан* – *шамдан* «подсвечник», *күлдан* – «пепельница»; *-зар* – *гүлзар* «цветник».

Имена существительные образуются от глагольных основ посредством следующих аффиксов: *-гуч/-гүч, -күч/-күч* – *бөлгүч* «делитель», *қирғуч* «скребок»; *-қучи/-күчи, -гүчи/-гүчи* – *язгүчи* «писатель», *оқутқучи* «учитель»; *-үм/-үм, -им/-м* – *боғүм* «слог», *өлүм* «смерть», *тизим* «список», *тохтам* «постановление»; *-ук/-үк, -ак/-әк, -ик, -к/-к* – *утук* «выигрыш», *кетик* «простокваша», *ятақ* «общезитие», *баяқ* «краска», *тирәк* «подпорка».

Следующие аффиксы являются непродуктивными: *-қа/-кә, -га/-гә* – *асқа* «вешалка», *күлкә* «смех», *сүпүгә* «веник»; *-ма/-мә* – *тартма* «выдвижной ящик стола», *қолланма* «руководство», *бөлмә* «комната», *сүзмә* «творог»; *-мақ/-мәк* – *қуймақ* «оладьи», *илмәк* «крючок»; *-қун/-күн* – *учқун* «искра», *кәлкүн* «наводнение»; *-муш/-мүш/-миш* – *турмуш* «жизнь», «быт»; *өт.мүш* «прошлое».

2) Синтаксическим способом образуются слитные, парные и парно-повторные слова.

Слитные существительные большей частью образуются путем сочетания: а) двух существительных: *бәлбағ* «пояс», *ташпақа* «черепашка»; б) прилагательного и существительного (и наоборот): *ақсақал* «аксакал», *қарарүк* «слива»; в) существительного и глагола (и наоборот): *башкесәр* «головорез», *янартағ* «вулкан»; г) числительного и существительного, числительного и глагола: *тоққузкөз* «крестец», *бәшатар* «пятизарядная винтовка»; д) двух глаголов: *елисатар* «спекулянт», *бесивалди* – название одного из сортов дыни.

Парные имена существительные имеют следующие разновидности: а) синонимные – *чарә-тәдбир* «мера», «мероприятие»; *тоху-туман* «домашние птицы»; б) антонимные – *келим-кетим* «посетители», *алғу-бәргү* «взаимообмен»; в) выражающие определенный класс предметов: *өрүк-мейиз* «сухофрукты», *пистә-бадам* «фисташка и миндаль».

Парно-повторные имена существительные делятся на: а) идентичные повторы – *қора-қора қой* «отары овец», *ғулач-ғулач* «в несколько обхватов»; б) повторы-редупликации (рифмованные повторы) – *мөгә-чөгә* «разные фрукты», *қисти-қистаң* «толкотня», «теснота»; в) деформированные – *тарақ-туруқ* «стукотня».

§ 7. *Имя прилагательное.* Словообразование прилагательных происходит двумя способами – морфологическим и синтаксическим.

1. Прилагательные могут быть образованы путем присоединения к существительным, глаголам, наречиям следующих аффиксов: *-лиқ/-лик*, *-луқ/-лүк* – *ташлиқ* «каменистый», *гүллүк* «цветастый»; *-чан* – *ишчан* «работающий», *сөзчан* «словоохотливый»; *-чақ/-чәк*, *-чүк/-чүк* – *уялчақ* «стеснительный», *қизғанчуқ* «жадный», «ревнивый», *көңүлчәк* «сердобольный»; *-қ/-к*, *-иқ/-ик*, *-үк/-үк* – *қайнақ* «кипяченный», *созуқ* «продолговатый», *үзүк* «оторванный»; *-қур/-күр*, *-ғур/-ғүр* – *тапқур* «находчивый», *өткүр* «острый», *сәзгүр* «чувствительный»; *-қақ/-кәк*, *-гәк/-гәк* – *урушқақ* «скандальный», «драчливый», *үскәк* «бодливый», *тейилгәк* «скользкий»; *-қи/-ки*, *-ғи/-ғи* – *ахшамқи* «вечерний», *бултүқи* «прошлогодний», *ички* «внутренний»; *-сиз* – *сусиз* «безводный», *орунсиз* «неуместный»; *-ий/-вий* – *тарихий* «исторический», *мәдәний* «культурный», *мәнавий* «смысловой», *идеявий* «идейный»; *-күч/-күч*, *-ғуч/-ғүч* – *ақуч* «беловатый», *көкүч* «синеватый», *сағуч* «желтоватый», *қизғуч* «красноватый»; *-дәк/-тәк* – *оттәк* «подобный огню», «как в огне», *тағдәк* «подобный горе», «как гора».

Небольшая группа прилагательных образуется с помощью следующих непродуктивных аффиксов: *-мту*, *-ңғу/-ңғу*, *-қин/-кин*, *-гин/-гин*, *-чил* – *қарамту* «черноватый», «темноватый», *қараңғу* «темный», *көтрәңғу* «приподнятый», *әчил* «ловкий», *изчил* «последовательный».

2. Прилагательные образуются:

1) сочетанием двух прилагательных, первое из которых как бы усиливает или уточняет значение второго: *тум қара* «очень черный», *қениқ қизил* «темно-красный», *тоқ қизил* /ярко-красный», *ач сериқ* «бледно- желтый»;

2) путем удвоения или повторения основ прилагательных: *калта-қулта* «коротенький», *қиңғир-сиңғир* «кривой», *ала-була* «пестрый», «разноцветный», *түрлүк-түмән* «разнообразный»;

3) путем сочетания а) прилагательного и существительного с аффиксом *-лиқ/-лик*, *-лүк/-лүк*: *ширин сөзлүк* «сладкоречивый», *ақ үзлүк* «белолицый», *хуш пурақлиқ* «ароматный»; б) числительного и существительного с аффиксом *-лиқ/-лик*, *-лүк/-лүк*: *төрт жыллиқ* «четырёхлетний», *он сомлүк* «десятирублевый», *бәш күнлүк* «пятидневный»; в) существительного и существительного с аффиксом *-лиқ/-лик*, *-лүк/-лүк*: *өшкә сақаллиқ* «с козлиной бородой», *бугдай өңлүк* «цвета пшеницы», *қой көзлүк* «кареглазый»; г) прилагательного и существительного: *ачкөз* «жадный», «алчный», *көк көз* «синеглазый», *қаңша бурун* «горбоносый», *ақкөңүл* «открытый душой»; д) существительного с притяжательным аффиксом 3-го лица и прилагательного (или причастной формы глагола на *-ған/-гән*, *-қан/-кән*): *пәйли бузүк (адам)* «(человек) с плохим намерением», *бурни пучүк* «курносый», *үзи қелин* «бесстыжий», *көзи чәкчәйгән* «пуче-глазый».

Степеней сравнения прилагательных в уйгурском языке три:

1) Сравнительная степень образуется присоединением к прилагательным аффикса *-рақ/-рәк* – *қиммәт* «дорогой» – *қиммәтрәк* «дороже», *қара* «черный» – *қарарақ* «чернее».

2) Превосходно-усилительная степень образуется путем: а) синтаксического сочетания наречий с прилагательными – *әң күчлүк* «самый сильный», *хойма убдан* «лучший», *таза келишкән* «великолепный», *қәвәт татлиқ* «очень сладкий», *яман тар* «очень тесный»; б) синтаксического сочетания основы прилагательного, оформленного аффиксом родительного падежа, с прилагательным, оформленным аффиксом принадлежности 3-го лица – *яхшиниң яхисиси* «хороший из хороших»; в) повторения основы прилагательного с усечением первого компонента до одного слога с последующим замыканием его звуком *п* – *суп-сүзүк* «очень прозрачный», *қат-қаттиқ* «очень твердый».

3) Уменьшительно-оценочная степень образуется с помощью частицы *-қина/-қинә, -гинә/-гинә*: *ақ* «белый» – *аққина* «беленький», *кичик* «маленький» – *кичикқинә* «малюсенький», *татлиқ* «вкусный» – *татлиққина* «вкусненький».

§ 8. *Имя числительное*. Имена числительные количественные делятся на: простые – *бир* «одни», *икки* «два», *үч* «три», *төрт* «четыре», *бәш* «пять», *алтә* «шесть», *йәттә* «семь», *сәккиз* «восемь», *тоққуз* «девять», *он* «десять», *жигирмә* «двадцать», *оттуз* «тридцать», *қириқ* «сорок», *әллик* «пятьдесят», *а(л)тмиш* «шестьдесят», *йәтмиш* «семьдесят», *сәксән* «восемьдесят», *тохсән* «девяносто», *йүз* «сто», *миң* «тысяча»; составные – *он тө(р)т* «четыренадцать», *жигирмә бир* «двадцать один», *оттуз бәш* «тридцать пять», *йүз он* «сто десять», *(бир) миң бир йүз әллик бәш* «тысяча сто пятьдесят пять»; парные – *бәш – он* «пять – десять», *он – он бәш* «десять – пятнадцать».

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи аффикса *-нчи/-инчи*: *биринчи* «первый», *әлтинчи* «шестой», *йүз он бәшинчи* «сто пятнадцатый».

Собирательные числительные образуются при помощи аффикса *-лән/-үлән/-илән*: *иккилән* «вдвоем», *үчүлән* «втроем».

Разделительные числительные образуются при помощи аффикса исходного падежа *-дин/-тин*: *бирдин* «по одному», *үчтин* «по три».

Приблизительные числительные образуются посредством присоединения к количественным числительным аффиксов *-чә*: *ончә* «около десяти человек»; *-лиган/-лигән*: *онлиган заводлар* «десятки заводов»; путем удвоения: *бәш – алтә* «около пяти – шести», *қириқ – әллик* «в пределах сорока – пятидесяти» и посредством присоединения к форме дательного (направительного) падежа количественного числительного слов *қәдәр, йеқин*: *әлликә қәдәр* «около пятидесяти», *миңға йеқин* «около тысячи».

Дробные числительные образуются сочетанием числителя в основном падеже со знаменателем, оформленным аффиксом исходного падежа *-дин/-тин* (*бәштин бир* «одна пятая»), и сочетанием числителя в притяжательной форме 3-го лица единственного числа со знаменателем, оформленным родительным падежом (*иккиниң бири* «одна вторая»).

§ 9. *Местоимения* делятся на следующие разряды: личные, указательные, притяжательные, возвратные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные.

Личные местоимения: *мән* «я», *сән* «ты», *сиз* «вы», *у* «он», «она»; *биз* «мы», *силәр* «вы», *улар* «они».

Указательные местоимения: *у* «тот», *бу* «этот», *шу* «тот самый», *әнә* «вот тот». Все остальные формы указательных местоимений являются производными: *мону* < *мана бу* «вот этот», *мошу* < *мана шу* «вот этот самый», *әшу* < *әйнә шу* «вон тот», *әву* < *әнә бу* «тот самый».

Притяжательные местоимения образуются с помощью аффикса родительного падежа *-ниң* или аффикса *-ники*: *мениң* «мой», *униң* «его», *силәрники* «ваш».

Возвратные местоимения имеют одну основную форму – *өз* «сам», «свой», а все остальные формы образуются с помощью притяжательных аффиксов: *өзәм* «я сам», *өзәң* «ты сам», *өзиңиз* «вы сами», *өзи* «он сам», *өзимиз* «мы сами», *өзәңлар* «вы сами», *өзлири* «они сами».

Определительные местоимения составляет следующие слова и словосочетания: *барлиқ*, *барча*, *һәммә* «весь», *пүткүл*, *пүтүн* «весь», «целый», *һәр* «каждый», *һәр бир* «каждый», *һәр ким* «всякий», «каждый», *һәр қандақ* «всякий», *һәр қайсиси* «каждый».

Вопросительные местоимения: *немә* «что», *нәччә*, *қанчә* «сколько», *нәччинчи*, *қанчинчи* «какой», «который», *қайси* «который», *қайсиси* «который из них», *кимниңки* «чей».

Неопределенные местоимения образуются сочетанием слова *бир* с другими именами: *бир немә* «что-то», *бир қанчә*, *бир нәччә* «несколько», *бир мунчә*, *бир қатар* «некоторый», *бир талай* «порядочный (по количеству)».

Отрицательные местоимения образуются сочетанием вопросительных местоимений с препозитивной отрицательной частицей *һеч*: *һеч ким* «никто», *һеч немә* «ничто», *һеч қандақ* «никакой», *һеч қайси* «никто».

§ 10. *Глаголы* по своей структуре могут быть простыми (*ур-* «бить», «ударить», *кәл-* «приходить»), аффиксальными (*чиқар-* «исключать», *ойла-* «думать») и сложными (*жиртивәт-* «порвать»).

Аффиксальные глаголы в зависимости от принадлежности их основ к той или иной части речи распадаются на отглагольные и отыменные.

1) Отглагольные производные формы глагола представляют собою различные формы залога (см. ниже).

2) Отыменные производные глаголы образуются при помощи следующих аффиксов:

- ла/-лә – *майла-* «мазать», «смазывать», *башила-* «начинать»;
- а/-ә – *сана-* «считать», *түнә-* «ночевать»;
- ай/-әй – *азай-* «убавляться», *күчәй-* «усиливаться»;
- ар/-әр/-р – *ақар-* «белеть», *яшар-* «молодеть», *әскир-* «стареть»;

-иқ/-иқ, -уқ/-уқ – бирик- «объединяться», кечик- «опаздывать», йолуқ- «встречать», өчүк- «питать злобу»;

-сира/-сирә–сусира-«жаждать пить»,ялгузсира-«скучать в одиночестве»;

-иқа/-иқә/-қа – теңиқа- «удивляться», ечиқа- «проголодаться», утмоқа- «болеть гриппом»:

-гар/-гәр, -қар/-кәр– сугар- «напоить», «поливать», баишқар- «руководить»;

-ал/-әл, -ул/-үл, -л – йоқал- «исчезнуть», өрүл- «перевалиться»; -сит – тәңсит: у мени тәңситмәйду «он не считает меня равным себе»;

-син – азсин- «считать маловатым».

Структура глаголов может быть осложнена последовательным присоединением аффиксов: ховусиз-лан-дур- «обезопасить», аяқ-лаиш-тур-«завершить» и др.

Сложные глаголы образуются а) сочетанием смыслового и вспомогательного глагола (челип бәр- «сыграть», туруп тур- «постоять», «подождать»; ишиләп чиқар- «производить») и б) сочетанием именной основы с глаголом (раван бол- «отправиться в путь», арзу қил- «мечтать», «желать», яд әйлә- «вспоминать»).

В структурном отношении сложные глаголы могут состоять из двух, трех, четырех и более компонентов (например: чиқа алмай ятиду «не может выйти», ейтип берәлмәй қалди «не мог рассказать»), представляющих собою деепричастий и причастий. Причем, на стыке сочетающихся компонентов сложного глагола обычно происходят своеобразные фонетические изменения: кетәлмидим (<кетә алмидим) «не мог уйти», келиватиду (<челип ятиду) «идет».

Вспомогательные глаголы могут быть дифференцированы как собственно вспомогательные и функционально вспомогательные. К собственно вспомогательным глаголам относятся производные формы недостаточного глагола е- (еди, экән, емиш) и глаголы әтмәк, әйлимәк, которые характеризуются максимальной ндиоматичностью, полной сематической изоляцией; беривәт- (<берипәт-) «отдать», зар әйлимәк «рыдать», «горько плакать»; ейтаттим (<ейтар едим) «сказал бы (я)». К функционально вспомогательным глаголам относятся полнзначные глаголы, функционирующие как вспомогательная часть сложных глаголов (сетивалмақ «купить», чиқип кәтмәк «выйти», от алмақ «воспламениться», «завестись, (о машине)», таяқ йемәк «быть избитым»).

Вспомогательные глаголы *олтармақ, турмақ, ятмақ, журмәк* выражают характеристику действия, выраженного основным глаголом (*саат меңиватиду* «часы ходят», *оқуп журиду* «он учится»), а глаголы *бақмақ, қаримақ, көрмәк* выражают стремление, попытку совершить действие, выраженное основным глаголом (*байқап бақ / көрүп бақ* «посмотри», *кирип бақ* «попробуй зайти», *кийип қара* «попробуй надеть»).

Отрицательная форма глагола образуется двумя способами; путем непосредственного присоединения к глаголу частицы отрицания *-ма/-мә*, за которой следуют аффиксы сказуемости, деепричастия, причастия (например: *мән кәтмидим* «я не ушел», *сән кәтмәпсән* «ты, оказывается, не ушел») и путем сочетания причастной формы глагола на *-ған/-гән* со словами *йоқ, әмәс* (*мән у йәргә барған әмәс* «я туда никогда не ходил», *уни коргиним йоқ* «я его не видел»).

Переходные глаголы требуют постановки объекта в оформленном и неформальном винительном падеже (*өтүк тазилимақ* «чистить сапоги», *атни сугармақ* «напоить коня»), значение *непереходных глаголов* не связано с определенным объектом действия (*бол-* «быть», *қайна-* «кипеть»). При наращении залоговых аффиксов переходные глаголы становятся непереходными и наоборот, например: *тазила-* «чистить» – *тазилан-* «быть очищенным».

Категорию залога составляют пять залогов: действительный, возвратный, страдательный, взаимно-совместный, понудительный.

В форме действительного залога выступают все вепронзводные и производные глаголы, являющиеся как переходными, так и непереходными (*чиқ-* «выходить», *кәт-* «уходить», *көр-* «смотреть»).

Возвратный залог образуется с помощью аффикса *-н/-ин, -ун/-ун* (*таран-* «причесываться», *оран-* «закутываться», *кийин-* «одеваться»).

Страдательный залог образуется с помощью аффикса *-л/-ил, -ул/-ул* (*чайқал-* «плескаться», *ечил-* «открываться»).

Взаимно-совместный залог образуется с помощью аффикса *-ш/-иш, -уш/-үш* (*сөзләш-* «разговаривать (с кем-л.)»), *талаш-* «спорить (с кем-л.)»).

Понудительный залог образуется с помощью аффиксов *-дур/-дүр, -тур/-тур; -гуз/-гүз, -қуз/-күз, -т*. При одновременном употреблении двух, трех аффиксов понудительного залога при некоторых глаголах образуется так называемый вдвойне даже тройне понудительный залог, указывающий на то, что действие совершается через второе и третье

лицо (*ал-дур-гүз-* от *ал-* «взять», «брать», *түплә-т-түр-гүз-* от *түплә-* «переплетать»).

В системе спряжения уйгурского глагола грамматически дифференцированы личные формы изъявительного, повелительного, условного и желательного наклонений.

Глагол в формах *изъявительного* наклонения обозначает действие, совершающееся в трех временных плоскостях – в прошедшем, настоящем и будущем времени.

Прошедшее время изъявительного наклонения имеет несколько форм, передающих разнообразные оттенки временного значения.

1) Прошедшее определенное время образуется прибавлением к основе глагола аффиксов *-ди/-ти*, *-ду/-ту* и кратких личных окончаний:

Е д. число

Мн. Число

1 л. *-м*

-к/-к

2 л. *-ң, -ңиз*

-ңлар

3 л. —

—

Например: *кәлдим* «я пришел», *кәлдиң* «ты пришел», *кәлди* «он пришел», *кәлдуң* «мы пришли» и т. д.

2) Прошедшее причастное время по своему значению близко к прошедшему определенному времени, однако оно употребляется тогда, когда речь идет о событиях, с момента совершения которых прошел уже значительный промежуток времени, например: *мән көргән* «я видел», *у ейтқан* «он говорил» (в отличие от других тюркских языков в уйгурском эта временная форма обычно употребляется без показателей лица, обязательно сопровождаясь, однако, личным местоимением или именем).

3) Прошедшее предположительное время образуется присоединением к причастной форме глагола на *-ган, -гән, -қан -кән* аффикса *-ду(р)* и личных аффиксов (в полной форме):

Е д. число

Мн. число

1 л. *-мән*

-миз

2 л. *-сән*

-сиз

3 л. —

—

Например: *йазгандумән* «наверное, я писал», *йазгандусән* «наверное, ты писал», *йазганду* «наверное, он писал».

4) Прошедшее повествовательное время образуется присоединением

к деепричастию на *-n/-ип, -ун/-үн* вспомогательного глагола *тур-*, «стоять», который стягивается до аффикса *-ти/-ту*, и личных аффиксов; во 2-м лице единственного и множественного числа аффикс *-ти/-ту* выпадает, например: *йезиптимән* «оказывается, я писал» *йезипсэн* «оказывается, (ты) писал», *йезипту* «оказывается, он (илп они) писал(и)» и т. д. При присоединении к деепричастию прошедшего времени вспомогательного глагола *е-* в формах *екән (> кән), емиши (> миши)* и личных аффиксов образуются модальные формы того же времени, например: *мән йезиптимишимән* «якобы, я когда-то писал (сам я не помню)», *мән йезиптикәнмән* «оказывается, я действительно написал», *мән келиптикәнмән* «как будто я приходил». При присоединении к деепричастию прошедшего времени вспомогательного глагола *е-* в форме прошедшего определенного и личных аффиксов (в краткой форме) образуется временная форма глагола, выражающая действие, которое произошло в недавнем прошлом (значение включает оттенок некоторого сожаления); при этом аффикс деепричастия *-n > -в*, например: *мән келиведим* «я приходил», *биз келиведүк* «мы приходили»;

5) многократно-длительное прошедшее время образуется от причастия будущего времени на *-ар/-әр* и вспомогательного глагола *е-* в форме прошедшего определенного и личных (кратких) аффиксов, при этом оба глагола образуют единую стянутую форму, например: *язар едим > язаттим* «я обычно писал», *келәр еди > келәтти* «он обычно приходил».

Настоящее время изъявительного наклонения представлено следующими формами.

1) Настояще-будущее время образуется присоединением к деепричастию на *-а/-ә, -й* личных аффиксов, например: *мән мәктәптә оқуймән* «я учусь в школе».

2) Настоящее время данного момента образуется присоединением к деепричастию на *-n/-ип, -ун/-үн* смыслового глагола одного из четырех вспомогательных глаголов состояния – *ят-, жүр-, тур-, олтур* – в форме настоящего-будущего времени, например: *йезиватимән* (<*яз-ип- ят-а-мән*) «я пишу (в данный момент)», *ойнап жүрүдү* «он играет (в данный момент)». Настоящее время данного момента образуется также путем присоединения к инфинитивной форме глагола аффикса *-та/-тә*, например: *шәһәрдә йеңи биналар селинмақта* «в городе строятся новые здания».

Будущее время изъявительного наклонения представлено следующими формами.

1) Будущее неопределенно-предположительное образуется а) присоединением к причастию будущего времени на *-ар/-әр* личных

аффиксов (в 3-м лице аффикс не прибавляется), например: *мэн алармэн* «я, может быть, возьму», *сэн аларсэн* «ты, может быть, возьмешь», *у алар* «он, может быть, возьмет»; б) присоединением к деепричастию на *-а/-э, -й* аффиксов *-ди+/-ган +/-ду* и личных аффиксов, например: *мэн бар-и-ди-ган-ди-мэн* «я, может быть, пойду»; в) присоединением к основе глагола сложного аффикса *-гидэк/-гидэк* и личных аффиксов (в 3-м лице аффикс не прибавляется), например: *мэн баргидэкмэн* «я, может быть, пойду», *у калгидэк* «говорят, что он придет».

2) Будущее определенное время образуется а) присоединением к деепричастию на *-а/-э, -й* личных аффиксов, например: *язимэн* (<*язамэн*) «я напишу», *язисэн* «ты напишешь», *язиду* «он напишет»; б) присоединением к основе глагола сложного аффикса *-мақчи/-мәкчи* и личных аффиксов (в 3-м лице аффикс не прибавляется), например: *мэн ейтмақчимэн* «я скажу», *сэн ейтмақчисэн*, *у ейтмақчи*; в) сочетанием смыслового глагола в форме на *-мақчи/-мәкчи* с вспомогательным глаголом *е-* в форме прошедшего определенного времени, например: *мэн бармақчи едим* «я пойду», «я намерен пойти», *сэн бармақчи едиң*, *у бармақчи еди*.

Повелительное наклонение глагола во 2-м лице единственного числа выражается основой глагола (*яз* «пиши», *ишлэ* «работай», *ейт* «скажи»), другая форма образуется присоединением к основе глагола аффикса *-гин/-гин, -қин/-кин* (*язгин* «пиши», *ишлигин* «работай», *ейтқин* «скажи»). Вежливая форма образуется с помощью аффиксов *-ң/-иң, -уң/-уң, -сила*, например: *башлаң* «начинайте», *келиң* «приходите», *олта(р)сила* «садитесь». Форма 2-го лица множественного числа образуется с помощью аффиксов *-ң/-иң/-уң/-уң +/-лар*, например: *башлаңлар* «начинайте», *келиңлар* «приходите».

Форма повелительного наклонения 3-го лица единственного и множественного числа образуется путем присоединения к основе глагола аффикса *-сун*, например: *кэлсун* «пусть придет», *сөзлисун* «пусть говорит».

Условное наклонение представлено двумя временными формами.

1) Настояще-будущее время образуется присоединением к основе глагола аффикса *-са/-сэ* и личных (кратких) окончаний (в 3-м лице аффикс лица не присоединяется, во 2-м лице – аффикс *-ңиз* для вежливой формы единственного числа и аффикс *-ңлар* для формы множественного числа), например: *барсам* «если я пойду», *ейтсақ* «если мы скажем», *язсаң* «если ты напишешь», *алса* «если он возьмет», *күтсәңлар* «если вы будете ждать», *оқисиңиз* «если вы будете читать». Эта форма условного наклонения может выражать также просьбу, пожелание, а при

присоединении частицы *-чу* (в 1-м и 2-м лице) – убедительную просьбу, например: *мән ятсам* «я полежал бы», «мне хочется полежать»; *сән кәлсәң* «приходи ты» *сән кәлсәңчу* «приходи-ка ты, пожалуйста».

2) Прошедшее время условного наклонения образуется сочетанием причастия прошедшего времени на *-ган/-гән* смыслового глагола и вспомогательного глагола *болмақ* в форме настояще-будущего времени условного наклонения, например: *мән аңлиган болсам* «если бы я слышал», *сән аңлиган болсаң* «если бы ты слышал», *у аңлимиган болса* «если бы он не слышал».

Желательное наклонение представлено формами только 1-го лица, которые образуются посредством присоединения к основе глагола аффиксов *-ай/-ә й*, *-й* (ед. ч.), *-айли/-әйли/-йли* (мн. ч.), например: *мән барай* «пойду-ка я», *ишләйли* «давайте, поработаем».

Инфинитив в уйгурском языке образуется посредством аффикса *-мақ/-мәк*. Инфинитив в изолированном виде почти не употребляется, но может принимать аффиксы *-чи*, *-та* и др., например: *бармақчимән* «я намерен идти», *клуб селинмақта* «строится клуб».

Формантом *имени действия* в уйгурском языке является аффикс, *-иш/-иш*, *-уш/-үш*, например: *билиш* «знание» *оқуш* «учение». Если инфинитив больше отражает в себе свойства глагола, то в имени действия на *-иш* преобладают черты, присущие именам существительным: они склоняются и принимают притяжательные аффиксы. В процессе развития языка определенная часть имен действий перешла в разряд имен существительных, например: *курулуш* «строительство», *елиш-бериш* «взаимообмен», *чилиш* «борьба».

Причастия в уйгурском языке следующие:

1) причастие прошедшего времени – образуется от основы глагола при помощи аффиксов *-қан/-кән*, *-ган/-гән*, например: *ейтқан* «говоривший», *йәңген* «победивший», *берилгән* «данный», «преданный»:

2) причастие настоящего времени данного момента – образуется путем присоединения к деепричастию на *-п/-ип* смыслового глагола причастия прошедшего времени одного из вспомогательных глаголов *ят-*, *тур-*, *жүр-*, *олтар-* (при присоединении причастия глагола *ят-* образуются стянутые формы), например: *йезиватқан* (<*язип-яткан*) «пишущий», *ишләп жүргән* «работающий», *оқуп олтарған* «читающий»;

3) причастие настояще-будущего времени – образуется присоединением к деепричастию на *-а/-ә*, *-й* аффикса *-диган*, например: *баридиган* «идущий», *ишләйдиган* «работающий»;

4) причастие будущего времени – образуется присоединением к основе глагола аффикса *-ар/-әр, -р*, например: *келәр жыл* «будущий год» (от *кәлмәк* «приходить»).

Деепричастия в уйгурском языке следующие:

1) деепричастие, образующееся от основы глагола при помощи аффикса *-н/-ин, -ун/-ун* – выражает однократное действие, предшествующее другому действию или совершающееся одновременно с ним, например: *қара-* «смотреть» – *қарап* «посмотрев», *бар-* «идти» – *барип* «сходив», *көр-* «видеть» – *көрүп* «увидев»;

2) деепричастие, образующееся от основы глагола при помощи аффикса *-а/-ә, -й* (после гласного), например: *баралмидим* (<*бара алмидим*) «я не мог сходить»;

3) деепричастие на *-ғач/-гәч, -қач/-кәч* – выражает действие, совершенное непосредственно перед другим действием, например: *шәһәргә қайтқач көрдүм* «я увидел [это] после того, как вернулся в город». В отличие от других тюркских языков в уйгурском это деепричастие выступает наряду с деепричастиями на *-а/-ә* и *-у/-ин* в составе различных сложных глаголов, например: *алғач кәлдим* (= *елип кәлдим*) «я принес», «я захватил с собой»;

4) деепричастие на *-ғили/-ғили, -қили/-кили* – так называемое целевое, например: *көргили* «чтобы посмотреть», *көрүнгили* «чтобы показаться», *көрсәткили* «чтобы показать».

§ 11. Наречия по своей семантике делятся на: а) наречия времени – *бурун* «раньше», *һазир* «сейчас», *һемишиәм* «всегда»; б) наречия места – *әшәда* «там», *мәйәдә* «здесь», *жирақ* «далеко»; в) наречия образа действия – *дәруу* «сразу же», *аран* «еле», «с трудом», *уйғурчә* «по-уйгурски», *йәкму-йәк* «один на один»; г) наречия цели и причины – *әттәй* «нарочно», «специально», *шуңлашқа* «поэтому»; д) наречия степени – *аз* «мало», *жиқ* «много», *нургун* «много», *таһминән* «приблизительно», *анчила* «не очень».

Словообразование наречий происходит морфологическим и синтаксическим способом.

1) Наречия образуются путем прибавления к именам, глаголам и наречиям следующих аффиксов:

-чә/-ичә – *кечичә* «весь вечер», «всю ночь», *мениңчә* «по-моему», *һәзирчә* «пока»;

-лиги/-лиги, -луги/-луги – *язлиги* «летом», *күзлиги* «осенью»;

-лиққа/-ликкә, -луққа/-луқкә – *қишлиққа* «зимой», *чүшлүккә* «к полудню»;

-ун/-ун – *йошурун* «тайно», «тайком», *үстүн* «поверхностно»;

-гин/-кин – *қизгин* «горячо», *ғәмкин* «печально», «горестно»;

-гичә/-гичә, -қичә/-қичә – *кәчкичә* «до самого вечера», *елгичә* «до самой смерти», «всю жизнь»;

-лап/-ләп – *тағарлап* «мешками», *миңлап* «тысячами»;

-дин/-тин – *бирдин* «сразу»;

-ға/-гә, -қа/-кә – *алдига* «вперед», *зорға* «с трудом», «еле»;

-да/-дә, -та/-тә – *чүштә* «в полдень», *күндә* «ежедневно».

2) Сложные наречия по структурно-словообразовательным признакам делятся на: а) парные – *анда-санда* «иногда», «редко», *үзүл-кесил* «категорически»; б) парно-повторные – *аран-аран* «еле-еле», *сал-пәл* «чуть-чуть», *сөзмү-сез* «дословно»; в) слитные – *бүгүн* «бу кун) «сегодня», *бийил* (< *бужил*) «в этом году»; г) наречеобразные выражения – *йеқин арида* «на днях», *һәр күни* «ежедневно», *өз ара* «между собой», *күн ара* «через день».

§ 12. *Служебные части речи.* Послелогои могут быть дифференцированы на: а) собственно послелогои – *билән* «с», «вместе», «вместе с», *үчүн* «ради», «для», «за», «из-за»; б) отыменные послелогои – *башиқа* «кроме», «помимо», *арқилиқ* «через», «при помощи», «посредством», *бойичә* «по», «поэтому», *бурун* «раньше», *муватиқ* «и соответствии с»; *қәдәр* «около»; в) отглагольные послелогои – *көрә* «чем», «по сравнению с»; *бола* «ради», «для»; *тарта* «около», *қарап* «к», «по», «смотря».

Разнообразные функции послелогов (выражение отношения совместности и соучастия, сравнения и сопоставления, временных, количественно-определятельных, целевых, причинных отношений, отношении противопоставления, приблизительности, ограничения и т. д.) определяются в сочетании послелогов с именами, отглагольными именами и причастиями.

Союзы в уйгурском языке имеют следующие разновидности:

а) соединительные – *һәм, вә, билән, яна*; б) противительные – *бирақ- лекин, амма, амма-лекин*; в) разделительные – *йә, яки, нә, йәни*; г) повторительные – *йә, һәм*; д) сравнительно-сопоставительные – *қанчилик .. шунчилик; қандақ ... шундақ*; е) причинные – *сәвиви, чүнки, болғач*; ж) следственные – *шуңлашқа, шу сәвәплик, шуниң үчүн, һәттаки*; з) временные – *һели, техи, әңгизә, шу арида, шуниңдин кейин, шу чағда*; и) условно-уступительные – *әғәрдә, әғәр, һәтта, болса, тәғдирдә, һалда* и др.

Частицы в уйгурском языке делятся на:

1) собственно частицы: *-му/-ма* – *экәлдиңларму?* «принесли ли вы?»; *-ла* – *пат-патла* «очень часто», «частенько», *қизиқла адам экәнсиз* «странный вы человек», *валла қилип кәрунмәк* «блеснуть», *сәнла* «только ты», *мән барайла* «пойду-ка я»; *-ду/-ту* – *улар һелиғичә йетип барғанду* «наверное, они уже доехали»; *-чу* – *биз баримиз, силәрчу?* «мы едем, а вы?», *сәнчу, бармигин* «а ты, знаешь, не ходи»; *ейтмайчу?* «а почему бы и не сказать?»; *өйгә кәтсәнчу* «иди-ка ты домой»; *-а, -ә* – *алғина* «возьми-ка, пожалуйста»; *қойсиңиза* «да бросьте, пожалуйста»; *-ғу/-қу* – *әву келиватқан һаширғу* «это ведь идет Хашир», *айлиңдики ериққу* «арык же перед тобой»; *әтигәнрәк кәлсәнғу киноға бараттуқ* «если пришел бы ты пораньше, то мы сходили бы в кино»; *-де/-тә* – *шудә* «конечно, это»; *-зә* – *шуни ейтмивизә ...* «сказав это...»; *-қина/-ғина, -кинә/-гинә* – *иссиққина чай* «горяченький чай», *омаққина* «приятненький» *-ида/-идә* – *жиққида*: «очень много», *лиққида* «полным-полно»;

2) функциональные частицы: *һә* – *сиз русчә яхши билисә һә?* «ведь вы русский язык (букв. «по-русски») хорошо знаете?»; *һә, яна немә болди?* «что, опять случилось?»; *мә-мә, алғина китавиңни* «на, возьми-ка свою книгу».

§ 13. *Междометия* в уйгурском языке имеют следующие семантические разряды: 1) эмоциональные междометия – *nah-nah* выражает восхищение, удивление; *барикалла* передает одобрение, благодарность; *хәп* передает сожаление; *вайғәй* передает чувства тревоги, боли; 2) императивные (волевые) междометия: *хәтишүк, бәс* выражают призыв к тишине, *чув* – понукание лошадей, *тирт* – понукание ослов, *қуш тах* – отпугивание кур; 3) междометия бытового порядка: *хош* «до свиданья», *ләббәй* «я вас слушаю».

Подражательные слова. 1) Звукоподражательные слова: *шалдур-шулдур* – подражание шелесту, *хир-хир* – подражание смеху, *вичир-вичир* – подражание щебетанию, чириканию птиц, *гунту-гунтан*, – подражание барабанному бою. 2) Образно-подражательные слова: *опур-топур* – беспорядочное, хаотическое движение, *вал-вул* – блеск полированного предмета; *алақ-жалақ* – поблескивание глаз.

Синтаксис

§ 14. Способы выражения *синтаксических связей*. Интонация служит одним из элементов связи в словосочетаниях. Так, при объединяющей интонации, компоненты сочетания находятся в атрибутивных отношениях, а при разъединяющей интонации они вступают в предикативные отношения.

Порядок слов в словосочетаниях таков: определение всегда предшествует определяемому, прямое дополнение и обстоятельства

предшествуют управляющему глаголу, основным управляющим и завершающим предложение словом как правило выступает сказуемое, а все остальные зависимые от него слова (подлежащей, дополнение, обстоятельства) предшествуют ему. Такой обычный порядок слов в связи с перемещением логического ударения иногда нарушается и подвергается инверсии.

Способами морфологически выраженной синтаксической связи слов в уйгурском языке являются: а) согласование – *мениң қалимим* «моя ручка», *силәр студентсиләр* «вы студенты», *сән кәлмидиң* «ты не пришел»; б) управление глаголов и послелогов; в) примыкание – *манти қава* «тыква для манти», *қизил гул* «роза».

§ 15. По своей структуре *простые предложения* бывают: нераспространенными и распространенными, полными и неполными, личными и безличными. Простые предложения по цели и интонационным особенностям высказывания делятся на повествовательные, восклицательные, побудительные и вопросительные.

§ 16. В современном уйгурском языке имеются два типа *сложных предложений*: сложносочиненные и сложноподчиненные.

Сложносочиненные предложения, состоящие из двух и более равноправных предложений, по принципу связи составных компонентов делятся на: бессоюзные – *Мейман кәтти, өз қалди* «Гости ушли, остались свои»; союзные – *Қар қелин яғди, лекин су тоңлимиди* «Выпал обильный снег, однако вода не замерзла».

Сложноподчиненные предложения имеют следующие виды придаточных предложений:

а) условные – *Әгәр у чақирған болса, биз бараттуқ* «Если бы он пригласил, мы бы пошли»;

б) уступительные – *Йол тәс болсима, биз сәяһәтти давам қилдуқ* «Хотя путь был трудным, мы продолжили свое путешествие»;

в) определительные – *Сәнәмнің өзи ишләйдиган ишини биз иш беришкә тоғра кәлди* «Дело, которое должна была сделать Санам, пришлось выполнить нам»;

г) дополнительные – *Сениң немә демәкчи болғиниңни мән сезивамән* «Я чувствую, что ты собираешься сказать»;

д) временные – *Сән мәктәпни түгәткичә, мән институтни путирих* «Когда ты кончишь школу, я окончу институт»;

е) причинные – *Савут кәлгәчкә, мән театрға кәттим* «Поскольку пришел Савут, я пошел в театр»;

ж) целевые – *Кечикип қалмас үчүн, биз машинага олтуруп кәттик* «Чтобы не опоздать, мы поехали на машине»;

з) придаточное образа действия – *У худди мени биринчи қетим көргәндәк, маңа тикилип қарап қалди* «Он уставился на меня, будто видел впервые».

Лексика

§ 17-18. *Основные лексические слои* в словарном составе современного уйгурского языка следующие: исконно уйгурский общетюркский и заимствованный, каждый из которых имеет свои слои.

Исконно уйгурский слой составляют слова, которые нельзя отнести к общетюркскому пласту, ни к числу заимствованной лексики, в пример: *таңла* «рано утром», *сейса* «сейчас», *жик* «много», *уддул* «прямой, прямо», *әңгизә* «потом», *кәбри* «много» и др. Характерной чертой подобных слов является то, что они, имея общетюркский корень, сохранили в своем составе древне уйгурские словообразовательные форманты и зачастую выступают архаичной формой (синонимом) более позднего образования.

Общетюркский слой уйгурского языка включает в себя слова, встречающиеся во всех или во многих тюркских языках в том или ином фонетическом оформлении и семантическом употреблении, например *ата* «отец», *ана* «мать», *көз* «глаза», *қол* «руки», *бир* «один», *мән* «я», *сен* «ты», *ал* «возьми» и др.

В результате экономических, культурных и территориальных общений в уйгурский язык проникло большое количество иноязычных слов составляющих значительный процент его лексики. Наиболее характерными иноязычными заимствованиями являются арабизмы, фарсизмы, китаизмы и русизмы.

Проникновение арабско-персидских слов в уйгурский язык, начавшееся примерно с X века, первоначально было связано с экономическими взаимоотношениями уйгуров с арабами и персами, а в дальнейшем с проникновением ислама и мусульманской культуры в Восточный Туркестан, принятием арабского письма, распространением религиозных книг, открытием духовных школ и т. д. Процесс заимствования арабизмов (через персидский язык) и фарсизмов происходил особенно интенсивно начиная с XIV в. Установлено, что в словарном составе уйгурского языка арабизмы составляют примерно 33%, а фарсизмы – 7%. Они употребляются как в литературном, так и в общенародном уйгурском языке и выражают самые различные понятия, например: *китап* «книга», *тарих* «история», *милләт* «нация», *пән* «наука», «предмет», *гуна* «вина»

«грех», *саат* «часы», *сапраш* «парикмахер», *тава* «сковорода», *пахта* «хлопок».

Арабизмы и фарсизмы в уйгурском языке активно участвуют в словотворческих процессах, переплетаясь с элементами уйгурского, китайского, русского и других языков. Например: араб.-перс.-уйг. адәм-гәрчилик «человечность».

В настоящее время арабско-персидские слова уйгурским языком непосредственно не заимствуются. Хотя в процессе создания литературной нормы наблюдается с одной стороны, восстановление некоторых книжных элементов (*мусабиқә* «соревнование», *сәлбий* «отрицательный», *ижәбий* «положительный»), а с другой стороны – они же вытесняются неологизмами, русизмами и интернациональными терминами, например: *революция* вм. *инқилап*, *проект* вм. *лайһә*.

Торгово-экономические и политические взаимоотношения китайцев с уйгурами, особенно интенсивно происходившие с момента завоевания китайцами Восточного Туркестана (1756–1758 гг.), способствовали проникновению в уйгурский язык значительного числа китайских слов. Они, как и другие иноязычные элементы, полностью подчиняются законам развития уйгурского языка. К ним относятся слова, обозначающие предметы домашнего обихода, овощеводства и административные термины, например: *жәза* – «низкий круглый стол», *туң* «бочка», *чәйдә* «соломорезка», *саңза* «хворост», *яңиу* «картофель», *газир* «вид гороха», *ямул* «присутственное место», *даңза* «список», «запись» и др.

В настоящее время в язык уйгуров Спньцзян-уйгурского автономного района КНР китайские слова стали проникать в большом количестве, вытесняя соответствующие арабско-персидские и русские: *шушуе* вм. *мәктәп* «школа», *дашуе* вм. *университет*.

Русские слова начали проникать в уйгурский язык примерно со второй половины XIX в. в связи с проникновением российского капитала в Восточный Туркестан и благодаря тесному общению уйгуров с русским населением после переселения их в пределы России в 1881–1883 гг. Это были в основном слова из области бытовой лексики (например: *каравәт* «кровать», *чит* «ситец», *үстәл* «стол», *дога* «дуга») и административной терминологии (*сот* «суд», *болус* «волостной управитель»).

Интенсивное заимствование уйгурами Советского Союза русских слов происходит после Октябрьской социалистической революции и оказывает благотворное влияние на развитие уйгурского языка.

Краткие сведения о диалектах

§ 19. В настоящее время специальными исследованиями, проведенными в 1955–1957 гг. под руководством Института языков нацменьшинств АН КНР при участии и советских специалистов, установлено, что в качестве самостоятельных диалектов можно выделить лишь язык хотанцев и лобнорцев, а языки кашгарских, илийских, хамийских, аксуйских, яркендских, турфанских уйгуров, отличающиеся друг от друга незначительными расхождениями, главным образом в области фонетики и лексики, следует считать говорами одного так называемого центрального диалекта, который и служит опорным диалектом уйгурского литературного языка. В основу же литературного произношения принята произносительная норма илийских уйгуров. Таким образом, мы имеем следующую *классификацию диалектов* уйгурского языка:

1) северо-западный или центральный диалект, который объединяет говоры: а) турфанский, б) кучарский, в) аксуйский, г) кашгарский, д) яркендский, е) илийский, ж) урумчинский, з) комульский, и) карашарский, к) корлинский;

2) восточный, или лобнорский, диалект;

3) южный, или хотанский, диалект.

Языки же саларов и желтых уйгуров, которые некоторые исследователи относили к числу диалектов («наречий») уйгурского языка, в настоящее время считаются самостоятельными языками.

Восточный, лобнорский диалект в фонетическом отношении характеризуется: а) сильным действием закона прогрессивной и регрессивной ассимиляции (*қыз-зар* «девушки», *лоп-туқ* «лобнорец», *унус-са* «если забудет»); б) нерегулярностью закона обратного влияния узкого и на предшествующие широкие гласные *а, ә* (*баиш-имға* «голове», но *кел-ип*, а не *кәлип* «приходя»); в) отсутствием явления редукции гласных (*пайдасиз* «бесполезный», *анаси* «его мать»); г) последовательным чередованием *р/й* (*тийик* вм. *тирик* «живой», *бикәй* вм. *бекар* «напрасно», *бий* вм. *бир* «один»); д) заменой литературного *а* в первых слогах гласным *е* (*мен* вм. *мән* «я», *йейдин* вм. *йәрдин* «из земли») и др.

В лексике встречаются очень много диалектных синонимов, например: *синек* «муха», *сөйөк* «красный», *сарагу* «глухой», *сарза* «жеребенок».

Южный, хотанский диалект в фонетическом отношении характеризуется: а) наличием широких *а, ә* в конечном ударном слоге (*оян* вм. *оюн* «игра», *угал* вм. *огул* «сын», *үтәк* вм. *өтүк* «сапоги»); б)

чередованием *p/й* (*бий / бир* «один», *қуйутто / қурутуду* «сушит»), *в/з* (*жсува / жсуга* «шуба», *жсуван / жсуган* «молодая женщина») и др.

В лексическом отношении хотанский диалект характеризуется обилием китайских заимствований и наличием слов, говорящих о специфике быта и хозяйственной жизни хотанцев (*агынақ* «большие сережки», *мунақ* «виноград с длинными ягодами», *әнжү* «солома с зернами», *қамишүк* «рот», *наматманчилик* «выделывание кошмы»), а также слов, отличающихся от литературной нормы своей семантикой и формой, например: *қонақ* «кукуруза» (литер. *көмүқонақ*), *қисмақ* «силос для птиц» (литер. *қилтақ*), *муга* «сюда» (литер. *мәйәгә*), *нурғун* «скалка» (литер. *ноғуч*).

К грамматическим особенностям можно отнести: а) наличие очень употребительной причастной формы на *-ғулук/-күлук*: *барғулук* «намеривающийся отправиться куда-нибудь»; б) наличие формы *атти* (<*-ар еди*): *барытты* «хотел бы он пойти», а также образование формы 1-го лица настояще-будущего времени с помощью глухого *т* – остатка вспомогательного глагола *тур-* «находиться», «стоять»: *әгә тигитмән* «выхожу замуж», *алатмис* «мы берем» и др.

Центральному диалекту свойственны нормы общелитературного уйгурского языка. Говоры центрального диалекта (кашгарский, турфанский, илийский и др.) имеют свои, главным образом фонетические и лексические, отличительные черты, которые постепенно нивелируются в процессе выработки единой литературной и орфографической нормы.

Общими же фонетическими признаками этого диалекта в частности являются: а) паатализация и переход *т > ч* (*тиш > чиш* «зуб», *түш > чүш* «сходи»); б) редукция и обратное влияние узкого *и* на предшествующие широкие гласные *а, ә*, хотя в этом отношении кашгарский диалект имеет много исключений и т. д.

В лексическом плане указанные говоры характеризуются наличием слов с разной семантической окраской, например: кашг. и илийск. *дада* «отец», турф. *дада* «дедушка», а в значении «отец» – *ата*.

К грамматическим особенностям, например турфанского говора, можно отнести наличие формы *өзлә, өзләниң, өзләдин* (вм. литер. *өзәң* «сам», *өзәңларниң* «ваших», *өзәңлардин* «от вас») или *бармақчидәкмән* (вм. литер. *барғидәкмән* «как будто поеду я»).

Следует отметить, что указанные различия между говорами интенсивно нивелируются, особенно в уйгурской письменной литературе. Так, кашгарец хотя и говорит: *у шәһәрдә жүрәпто* «он ходит в городе»,

у өтиқини қийәпто «он надел сапоги», но пишет: у шәһәрдә жүрүпту, у өтуғини қийипту.

Текст

В действующей орфографии

Адәттә, адәмләр кичигидинла қандақту бир мутәхәссислик егиләшни арзу қилиду. Бәзилриниң муәллим яки врач болғуси кәлсә, бәзилриниң инженер болуп, тағ-денизларни көзгүси келиду. Әнди бәзи бирлири болса, тракторист яки комбайнер болуп, колхоз-совхозларниң паянсий етизликлирида кәһриманларчә иш кәрсәткүси келиду.

Ярмәһәмәт Әхмәтовни жуқарқи ейтилғанларниң һеч бири қизиктурмапти. Униң мәхсити асман бошлиғида өз әркичә пәрваз қилип жүргән һава кемисини егиләш еди.

(С. Мәшуров. Лачин. Йәттә жиллиқниң изи билән)

В фонетической транскрипции

Әдәттә|әдәмлә кичигидинла қандахту бир мутәхәссислик егиләшни арзу қылыду || бәзилриниң муәллим|яки врач боғусы кәсә | бәзилриниң инженер болуп | тағ деңизлани көзгүси келиду || әнди бәзи бирлири боса | трактарис яки камбайнер болуп|калхоз сафхозланиң пайансыз етизликлирида кәһриманлачә иш кәсәткүси келиду || йармәһәмәт әхматофни жуқақы ейтилғанланиң һәч бири қызыхтумапти || униң мәхсити | асман бошлуғуда өз әркичә пәрваз қылып жүгән һава кемисини егиләш еди ||

Перевод

Обычно люди с детства мечтают приобрести какую-то специальность. Одни хотят стать учителем или врачом, другие желают стать инженером, пройти по горам и океанам (в поисках богатства земли). Некоторые же стремятся, став просто трактористами или комбайнерами, по-геройски трудиться на безграничных хлебных полях колхозов и совхозов.

Ничто из этого не интересовало Ярмухаммеда Ахметова. Его целью было научиться управлять воздушными кораблями, свободно парящими в воздушном пространстве.

Библиография

Ашуров К. Йеңи уйғур әдәбий тилиниң термин ижатчилиқ асаслири. Ташкәнт, 1937.

Баскаков Н. А. Очерк грамматики уйгурского языка. – В кн.:

Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

Илиев Э., Сәдвақасов Г. Уйғур тилиниң имла лугити. Алмута, 1963.

Исмаилов И. А. Уйғур тилиға рус тилидин кирип өзашкән созләрниң фонетикалық вә морфологиялық өзгиришлири һәккидә. – Вопросы казахского и уйгурского языкознания, Алма-Ата, 1963.

Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

Кайдаров А., Сәдвақасов Ф., Талипов Т. Һазирки заман уйғур тили. I қисим . Лексика вә фонетика. Алмута, 1963.

Малов С.Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. – Изв. Русского Комитета для изучения Ср. и Вост. Азии. С116., 1912, сер. II, № 1.

Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. М. – Л., 1954.

Мелиев К.М. Имена действия в современном уйгурском языке. М., 1964.

Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

Насилов В. М. Типологические черты уйгурского языка. – Труды МИВ, 1946, сб. 3.

Новгородский В. И. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, т. VI. Наречие таранчей. СПб., 1886.

Садвақасов Г. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1956.

Сайфулин Ч. Г. Уйгур имласиниң асаслири. Алмута, 1957.

Сәдвақасов Ф. Уйғур әдәбий тилиниң имла қайдилири. Алмута, 1961.

Талипов Т. Уйғур тили фонетикасиға дайр қискичә мәлумат. Алмута, 1958.

Талипов Т. Уйғур шевилиринин әдәбий тәләппузға нисбәтән фонетикалық умумий характеристики. – Изв. АН КазССР, серия филол. и искусство. 1959, вып. 3.

Тарасенко Р.Ф. Примыкание в уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1950.

Тенишев Э. Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. – Тюркологические исследования. М. – Л., 1963.

Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ц. Цунвазо. Алма-Ата. 1961.

Шамиева А.Ш. Новый уйгурский алфавит и орфография на основе русской графики. Проект. Алма-Ата, 1946.

Юдахин К.К. Уйгурско-узбекские языковые связи. – Изв. АН КазССР, серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. I.

Jarring G. Materiales to the knowledge of Eastern Turki. I. Texts from Khotan and Yarkand. Lund, 1946; II. Texts from Kashar, Tashmaliq and Kucha. Lund, 1948; III. Folklore from Guma. Lund, 1951; IV. Etymological and Historical Texts from Gurna. Lund, 1951.

Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund-Leipzig, 1933. *Jarring G.* An Eastern Turki-English Dictionary. Lund, 1964.

Le Coq A. Sprichwörter und Lieder aus der Gegend vor Turfan, mit einer aufgenommenen Wörterliste. Leipzig-Berlin, 1911.

Le Coq A. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan. Leipzig, 1928.

Menges K. Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan aus dem Nachlab von W. Th. Katanov herausgegeben. – SPAW, Phil. – hist. Kl., Bd XXX–XXXII. 1933.

Raquette G. Eastern Turki grammar. Practical and theoretical, with vocabulary. – MSOSw, Bd. XV–XVII, 1912–1914.

Raquette G. English-Turki dictionary based on the dialects of Kashgar and Yarkand. Lund, 1927.

Языки народов СССР, Том II. Тюркские языки, Москва, 1966. с. 363-386

Особенности стилистического употребления синонимных и вариантных фразеологизмов в уйгурском литературном языке

Говоря о стилистических возможностях фразеологизмов, С.К.Кенесбаев отмечает, что они «в любом языке имеют различное назначение: большая (если не подавляющая) часть фразеологических единиц (включая, первым делом, пословицы и поговорки) выполняет специфические стилистические функции, то есть выражает экспрессивные оттенки... Нужно, чтобы исследователь-языковед четко представлял себе необходимость разграничения лексического значения, с одной стороны, употребления и стилистической функции словосочетаний – с другой»¹.

Попытка развить эту мысль на материале современного уйгурского литературного языка ставит нас перед необходимостью всесторонней характеристики особенностей стилистического функционирования синонимных и вариантных фразеологизмов, которым ученые все еще мало уделяют внимания.

¹ С.К.Кенесбаев. К вопросу об экспрессивно-стилистических функциях фразеологизмов (на материале казахского языка). Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966, стр. 29.

Несмотря на то, что работа по исследованию стилистических особенностей фразеологизмов в художественной литературе² несколько оживилась в тюркологии, особенно за последние годы, в связи с более усиливающимся интересом советских языковедов к проблеме общей стилистики в литературных языках народов СССР вопрос о стилистических особенностях структурно-семантических разновидностей (синонимных, вариантных, параллельных и дублетных) фразеологизмов в тюркских языках все еще остается одним из актуальных, требующих всестороннего изучения.

Наличие в уйгурском литературном языке синонимных объединений фразеологизмов, где синонимический ряд достигает от двух до пяти и более фразеологизмов, а также фразеологизмов, имеющих такое же количество вариантов, создает исключительно широкую возможность для развития стилистической системы, так как стилистика (в сфере устойчивых словосочетаний) в своем практическом проявлении есть не что иное, как выбор наиболее точного и нужного варианта из множества других.

Исследование синонимных и вариантных фразеологизмов с точки зрения их стилистического употребления приобретает актуальность еще тем, что литературный язык в период своего бурного развития закономерно активизирует внутренний процесс выработки функциональных стилей, то есть «целесообразных способов отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности целей, назначения и содержания речи»³.

Активизация фразеологического богатства общенародного языка и введение его в обиход литературного употребления во многом зависят от степени развитости письменной традиции художественной литературы: чем больше бывает фразеологических синонимов и вариантов в обращении, тем больше они получают стилистическую шлифовку и дифференциацию.

Первым вопросом, связанным с особенностями стилистического употребления фразеологических синонимов и вариантов, то есть со способом отбора и комбинирования фразеологизмов, следует признать вопрос о возможности их взаимной замены в том или ином контексте, ситуации речи в зависимости от цели, назначения и содержания высказывания.

Понятия синонимичность, вариантность и дублетность в сфере фразеологизмов, на наш взгляд, не всегда тождественны понятию их

2 К.Ю.Алиев. Стилистические особенности фразеологии в художественной литературе. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966 и др.

3 В.В.Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. ВЯ, 1955, № 1, стр. 82.

взаимозаменяемости в любом контексте и ситуации речи. Замена одного фразеологизма другим на практике происходит далеко не механически, а зависит от ряда условий и закономерностей стиля.

На основе этого же принципа можно возразить против категоричности утверждения некоторых авторов⁴, которые понятие синонимичность связывают с понятием обязательной взаимной замены.

Как подсказывают факты уйгурского языка, всякая взаимная замена фразеологических синонимов и вариантов относительна, и стилистическая целесообразность подобной замены в конечном счете определяется различной степенью полноты отражения ими содержания мысли в нужном аспекте. И в зависимости от этого такая замена фразеологических синонимов и вариантов может носить преимущественно частичный характер.

Абсолютно полная взаимозаменяемость фразеологизмов может быть в языке в том случае, если между ними имеются не только полная семантическая тождественность, но и соответствие экспрессивно-эмоциональных оттенков и стилистических окрасок и, наконец, если они обладают одинаковой частотой употребления в речи и особенностью сочетаться с тем или иным контекстом.

В случае же нарушения этих условий замена фразеологизмов будет уже неполной. А поскольку такие абсолютно тождественные фразеологические синонимы и варианты в языке встречаются очень редко, то мы вправе считать взаимозаменяемость в сфере указанных разрядов фразеологизмов явлением относительным.

В языковой практике мы больше всего имеем дело с синонимическими объединениями фразеологизмов, в которых замена одной единицы другой может быть стилистически обусловленной. Так, например, три фразеологизма из одного синонимического ряда: «экилидинадашқан||ешәк мийисини йегән||қип-қизил саран», хотя и близки по своему значению – «набитый дурак, безумец», но имеют разные стилистические окраски, относятся к разным категориям выразительных средств. Первый из них по своим функциональным признакам относится к нейтральному стилю и употребляется как в просторечье, так и в художественной литературе, тогда как последние два обладают свойством «сниженного» стиля и преимущественно употребляются в живой, разговорной речи.

Эмоциональность и экспрессивность свойственны и лексическим, и фразеологическим единицам языка и являются как бы результатом

4 В.П. Фоворин. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953, стр. 23.

поэтического, образного мышления языкового коллектива, ибо «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»⁵. Они очень близки между собой и часто сопутствуют друг другу, чем и объясняется их смешение. Между тем понятие эмоциональность не тождественно понятию экспрессивность. Более или менее приемлемое научное определение получили эти понятия в трудах Е.М.Галкиной-Федорук⁶ и ее последователей, которыми эмоциональность и экспрессивность рассматриваются не как основное значение слова или фразеологизма, а как неотъемлемая часть этого значения, его дополнительный семантический оттенок. Они придают лексико-фразеологическим единицам особую выразительность, образность и тем самым усиливают и активизируют их воздействующую роль в языковом общении.

Эмоциональность – эта чувственная субъективная оценка предмета, действия и явления окружающего нас мира – всегда сопутствует значению фразеологизма.

Отношение человека к предметам и явлениям окружающего нас мира и оценка их могут иметь характер – безразличный, умеренный и резко выраженный – и содержать оттенок одобрения или осуждения или протеста, иронии или едкой насмешки и др.⁷ Семантические взаимоотношения синонимных и вариантных фразеологизмов не только выражают общее, сходное в признаках предметов, явлений и действий, но и указывают на их различную интенсивность, эмоциональность, обобщенность, а также образность воспринимаемого явления, признака предмета и т. д. Так, например, выражение «қосиғи ачмақ» (проголодаться) в семантическом отношении равноценно выражению «ичи (или мэйдиси) қараңғулашмақ» (сильно проголодаться; досл.: внутренность его потемнела). Но эти выражения далеко не идентичны по своим эмоциональным окраскам: первый фразеологизм менее экспрессивен, чем второй; первый относится к нейтральному стилю, а второй – к обиходно-разговорному; в значении первого фразеологизма преобладает констатирующий оттенок, тогда как в значении второго – оттенок усиления, сгущения стилистическо-эмоциональной окраски сообщаемого факта.

5 В.В. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

6 Е.М. Галкина-Федорук. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. М., 1958, стр. 107–121.

7 З.Г. Ураксин. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Автореф. Уфа, 1966, стр. 9.

Или другой пример: состояние опьянения человека в уйгурском языке⁸ может быть выражено фразеологизмами «мәс (болмақ) –ғәқ мәс (болмақ) ||шир кәйп (болмақ) ||вәлләй (болуп кәтмәк)». Но они выражают уже разное состояние опьянения и соответственно имеют разную стилистическо-экспрессивную окрашенность. Так, «ғәқ мәс» указывает состояние сильного опьянения (в результате чрезмерного употребления спиртного), «шир кәйп (или кәйпә)» – блаженствующее состояние (в результате опьянения), «вәлләй болуп кәтмәк» – от опьянения потерять рассудок, не стоять на ногах.

Эти оттенки фразеологизмов всегда учитываются и соответствующим образом используются при стилистической дифференциации речи. Последний вариант – «вәлләй болуп кәтмәк» – ввиду своей чрезмерной эмоциональной насыщенности преимущественно относится к разговорно-просторечному стилю. В художественных произведениях он может приобрести особенность индивидуальной речи персонажей для выражения оттенка фамильярности.

Перечислить всевозможные экспрессивно-эмоциональные и модально-оценочные оттенки фразеологизмов и соответственно стилистически дифференцировать их не представляется возможным. Это можно сделать только в специальном исследовании. Но сказать несколько слов по поводу того, как достигаются экспрессивность и эмоциональность, образность и стилистическая окрашенность фразеологизмов, пожалуй, надо.

В специальных исследованиях указывается, что экспрессивность, эмоциональность, образность и метафоричность достигаются в результате метафоризации (бөрә жугисини кийгән||ичидә тоңғуз қатириған), сравнения (таңға чишләвалғандәк||ағзиға су қуйғандәк||белиқ жутувалғандәк), гиперболизации (атиғи йәр ярмақ||даңқи аләмгә йәтмәк), лексико-грамматического повторения, удвоения отдельных компонентов (сөз десә, сөз, бөз десә, бөз алидиған; йемигә йәм, демигә дәм болмақ), перифраз на основе табу и эвфемизма и т. д. Употребление в фразеологизме этимологически затемненных слов и других архаичных элементов также придает ему различную стилистическую окраску. «Архаизмы и историзмы, диалектизмы и заимствованные слова, просторечные и книжные элементы, как и синонимические варианты фразеологизмов, придают ему экспрессивность в общем процессе языка и речи»⁹.

⁸ Ср. выражения в русском языке: быть пьяным вдрызг ||... вдрызг ||... в дым ||... в стельку ||...в доску и т. д.

⁹ С.К.Кенесбаев. Указ.раб., стр.30.

Но наиболее характерным приемом придания значению словосочетания переносности и идиоматичности является «сочетание обычно не сочетаемых слов».

Подобные фразеологизмы, образованные на основе «необычных» (с точки зрения действующих норм языка) сочетаний, обладают исключительной продуктивностью и составляют львиную долю всего фразеологического богатства литературного языка.

В стилистическом использовании фразеологических синонимов и вариантов исключительная роль принадлежит контексту и авторской индивидуальности и манере словоупотребления. По этому поводу В.В.Виноградов пишет: «Анализ лексической и фразеологической синонимии, свойственной литературному языку, может расширяться в сторону изучения индивидуальных, субъективных, вызываемых задачами сообщения или условиями контекста способов употребления разнообразных слов и выражений в синонимическом смысле или в качестве членов одного семантического ядра»¹⁰.

Роль контекста, в котором употребляется тот или иной фразеологизм, может быть рассмотрен двояко. В одном случае фразеологизм может оказать влияние на контекст, изменив его стилистическую окраску, усилив и оживив динамику повествования, а в другом, наоборот, контекст может повлиять на фразеологизм, его значение, эмоционально-экспрессивные оттенки и структуру.

В первом случае фразеологизм, специально подобранный из имеющихся вариантов или синонимического ряда, употребляется в своем собственном значении со свойственными ему оттенками экспрессии и эмоции. Здесь содержание высказывания и значение фразеологизма как бы взаимно обуславливают и дополняют друг друга.

Во втором случае в соответствии с законами художественно-индивидуального восприятия, воспроизведения и осмысления действий, явлений и предметов окружающего мира фразеологизм может приобрести некоторый дополнительный оттенок значения или стилистическую окраску.

Собственное же значение фразеологизма, закрепленное за ним и осознанное данным языковым коллективом, составляет его (фразеологизма) специфическую особенность, которую иначе можно назвать стилистической оппозицией. Такие стилистически специализированные (или противопоставляемые) элементы фразеологизмов относятся к объектам изучения лингвистической стилистики.

10 В.В.Виноградов. Указ. раб., стр. 64.

Что же касается новых или дополнительных значений фразеологизмов, обусловленных тем или иным контекстом или подсказанных определенной ситуацией речи, то они уже относятся к привнесенным признакам фразеологических единиц. Эти признаки фразеологизмов противопоставляются к их собственно стилистическим, специализированным элементам и считаются объектом исследования стилистики художественной литературы, которая больше интересуется художественным осмыслением слова, его образным перевоплощением, трансформацией основного значения или его синонимического варианта¹¹. Стилистическое же использование автором таких возможных изменений в семантической природе фразеологических синонимов и вариантов в конечном счете относится к особенностям индивидуального образного мышления и составляет элементы, из которых формируются структура стиля писателя или литературного жанра, направления¹². Но, с другой стороны, наличие стилистически специализированных (оппозиционных) элементов в структуре фразеологизма и возможность их изменения (переосмысления) в соответствии с содержанием тех или иных высказываний или согласно требованиям контекста и т. д. лишней раз доказывают об их взаимообусловленности и перекрещивании задач лингвистической стилистики и стилистики художественной литературы. Говоря об аналогичных случаях, вышеупомянутые ученые пишут: «Все это подтверждает сложное переплетение, взаимопроникновение фактов, явлений, относящихся к лингвистической стилистике и к стилистике художественной литературы, отражая тем самым сложный, диалектически противоречивый характер самой действительности, многогранной жизни общества»¹³.

Особенности стилистического употребления фразеологических синонимов и вариантов больше всего обнаруживаются в художественной литературе, так как «художественные произведения представляют собой специфичный участок языка, где наиболее ясно и многообразно обнаруживается выразительная или экспрессивная роль языка»¹⁴.

Однако следует отметить, что степень употребляемости фразеологизмов в художественных произведениях далеко не

11 П.А.Азимов, В.В.Виноградов, Ю.Д.Дешериев, И.Ф.Протченко. Актуальные проблемы развития стилистических систем современных литературных языков народов СССР. Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966, стр. 8

12 Там же.

13 Там же, стр. 8–9.

14 С.К.Кенесбаев. Указ. раб., стр. 28–29.

одинакова. Это находится в прямой зависимости с одной стороны, от жанра художественных произведений и индивидуальной манеры словоупотребления писателя, а с другой – от типов, разновидностей самих фразеологизмов: от степени эмоциональной окрашенности, экспрессивной насыщенности и других специфических черт членов одного и того же семантического ядра или варианта фразеологизмов.

Факты же исследуемого языка показывают, что фразеологизмы чаще всего обнаруживаются в произведениях юмористического и сатирического характера, в которых, как правило, высмеиваются недостатки и теневые стороны общества, человеческие пороки, пережитки прошлого и т. д. Автор в этих случаях, выражая свое отрицательное отношение, обычно подбирает из множества возможных синонимных и вариантных фразеологизмов в языке те, которые более экспрессивны и эмоциональны и обладают сильным воздействием на читателей. Стилистическим средством выражения желаемой мысли могут быть использованы все разновидности фразеологизмов. Но, как говорят факты, большей частотой употребления пользуются не пословицы и поговорки (из-за своей структурной сложности), а именные (жигитниң гүли, молла мөшүк, сиркиси су көтәрмәйдиған, зәминәмниң төри), именно-глагольные (такилап кәтмәк||калачқа олтурғузмак, пақиси қанғичә||пухани қанғичә) сочетания и сравнительно-метафорические выражения (ейикқа допакыйгүзгәндәк||ярашқандәк) кигиз (жуң) пайпаққа һаһал қакқандәк||калиға ақ тоқум тоқуғандәк).

Зависимость частоты употребления фразеологизмов от их структурной особенности хорошо прослеживается в сфере синонимичных или вариантных пословиц и поговорок уйгурского языка, где в выборе нужного варианта большое предпочтение отдается при одинаковой эмоциональной насыщенности, тем пословицам и поговоркам, которые в структурном отношении являются простыми или менее громоздкими. Исходя из этой закономерности надо полагать, что из трех следующих синонимных вариантов фразеологизмов последний имеет сравнительно частое употребление:

Болидиған он йешида баш болур,
Болмайдиған қирик яшта яш болур.
Адам болидиған бала йешидин мәлум,
Галди-гулдуң – бешидин.
Бала кичигидин билинәр,

Терә – кулиғидин (т. е. настоящего человека можно определить еще в молодости).

Стремление к краткости и сжатости выражения приводит авторов иногда к структурной модификации пословиц и поговорок. Так, например, в уйгурском языке есть пословица: «Қарға билесиға: «Бир карап, икки чоқи» десә, балиси: «Икки карап, бир чоқи» дәпту» («Ворона своему птенцу сказала: «Один раз оглянись, а два раза клюнь». А птенец ответил ей: «Нет, два раза оглянись, один раз клюнь»). Речь здесь идет о бдительности.

Эту пословицу З. Самади употребляет так: «Сән билән бизгә, Өмәржан, – давам қилди Өхтәм, – бир чоқуп икки қарашқа тоғра келиду. Күзәттә сәнғу дәймән?» («Нам с тобой, Умаржан, – продолжал Ахтям, – придется смотреть в оба» (досл.: «Один раз клюнуть, а два раза оглянуться»). Ты, кажется, дежуришь?»).

Как мы видим, выражение «бир чоқуп икки қараш» (в значении «быть очень бдительным») является частью приведенной пословицы. Но несмотря на это, она в данном контексте прекрасно сохранила свою семантическую преемственность и придает речи особый экспрессивно-эмоциональный оттенок.

Частоту употребления фразеологизмов нельзя связывать только сложностью их структуры. Очевидно, здесь не безразличен и характер сочетаемости фразеологизмов с окружающим контекстом. В этом отношении пословицы и поговорки также отличаются от именно-глагольных идиоматических словосочетаний и сравнительно-метафорических выражений. Они в структурном отношении более консервативны и вводятся в речь (контекст) чаще посредством определенных словоформ (...дәп, ...дегәндәк, ...дегән, ...дәйду) и синтаксических конструкций. Например: «Алтунниң қәдрини зәтгар билиду» дегәндәк, тамакиниң қәдрини тамака чәккән әрдин сорап көргин» («Ком. туги»); «Яш кәлсә, – ишқа, кери кәлсә, – ашқа дәп, алдиға ақ пәртуқ тартивалған Зорәм қазан бешини қолиға алди» («Ком. туги»); Хәлиқ: «Көз – корқак, қол – батур дәйду... һеч вәқәси йоқ...» («Ком. туги») и др.

Однако это не значит, что пословицы никогда не подвергаются структурным изменениям. Они иногда вводятся в речь без всяких трафаретных словоформ, т. е. непосредственно формой их замыкающих компонентов. Например: «Бәш қол б и р д ә к болмиғинидәк, адәмләрниң мүжәз-хулқиму һәр хил» («Ком. туги»).

(«Точно так же, как не бывают пять пальцев одинаковых, характеры людей тоже разные»).

Иногда пословицы могут быть подвергнуты некоторой авторской переработке, где при этом не нарушается их семантическая цельность.

Например: «Он тоху билэн учуғдатсиму, патманлап киргән ағрикни мискаллап чиқириш мумкин эмэс» («Ком. туги»). («Болезнь, которая пришла целыми батманами¹⁵, невозможно вывести мискалями¹⁶, хотя и совершишь обряд заговаривания при помощи десятка кур»).

Несмотря на это, все же пословицы, по сравнению с поговорками, менее подвержены структурным изменениям, что соответствующим образом сказывается на характере их стилистического употребления в языке.

Несколько по-другому обстоит дело в этом отношении с поговорками. Они менее консервативны и для них совершенно не обязательны перечисленные выше трафаретные словоформы. Это объясняется прежде всего их спецификой. Они, будучи образным словесным речением, не имеющим вполне сложившихся, законченных стилевых форм, отличаются своей предельно краткой и в то же время все охватывающей образностью¹⁷. Сравнительная подверженность поговорок структурным изменениям при введении их в речевую ситуацию со всей очевидностью показывает, что они по своей природе являются как бы частью речи, наиболее удачно сложенным и особо выделяющимся по своей образности отрезком целого высказывания. Например: «Шуниң үчүн арисалдиликта, у якқа тартса, өкүз өлиду, бу якқа тартса, һарву сунидиған эһвал ичидә, нә «яқ», нә «макул» дәп жавап беришәлмәй олтуришатти бәгләр» (З. Самади). («Поэтому и беки сидели в такой нерешимости: туда повернет – умрет вол, сюда повернет – сломается телега, и не могли сказать ни «да», ни «нет»).

Часто употребительными из фразеологизмов в подобных речевых ситуациях считаются именные и именно-глагольные устойчивые словосочетания типа: кетәр жаһанниң қари; пәләкниң гәрдиши; чашқан бурнини қанатмиған; мөшүк аптапқа чиқмайдиған; хемиға янмақ – хемирдин янмақ; ағзини жуммақ – жәһилини басмақ. Они ввиду своей структурной легкости, гибкости свободно вводятся в речь и также свободно вступают в самую различную синтаксическую связь с

15 Батман – старинная мера веса у тюркских народов.

16 Мискаль – иранская мера веса, равная 4,64 г.

17 В.П.Анипин. Мудрость народов. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961, стр. 15.

текстуальным окружением. Это хорошо видно из следующих примеров употребления фразеологизмов, где они настолько органически вплетены в ткань речи, что трудно даже поддаются восстановлению их исходные формы: «Силәрниң белиңлар чинду, һә? Кейин қарғожини қоювәтсәңлар болмайда! – дәп чеқишти Әхтәм, қалған жигитләргә» (З.Самади). («Как вы крепко держитесь? Потом уже нельзя отдаться на произвол судьбы!» – так шутил Ахтям с оставшимися джигитами); «Бу – һазирқи учиға чикқан қимивазларниң бири, Шақир гаң дегән киши еди» (Нур Исраил). («Это был человек, по имени Шақир, гаң¹⁸ – самый азартный игрок на сегодняшний день»), или «Бу вацфуни мән сиздин яхши билимән: күлидин чикқан чатақчи» («Тарим»). («Этого Вангфу я лучше вас знаю: он – в высшей степени скандалист»).

Синонимные и вариантные пословицы и поговорки, идиоматические и метафорические словосочетания уйгурского языка могут также подвергаться внутренней стилистической дифференциации и по некоторым общим признакам. В этом отношении любопытно мнение С. К. Кенесбаева, который считает, что «стилистическая фронтальность» в большей степени присуща пословицам и поговоркам, тогда как среди остальных фразеологизмов, в большинстве своем эквивалентных слову (в силу семантической и структурной особенности последних), встречаются выражения стилистически нейтральные¹⁹.

Под «стилистической фронтальностью» пословиц и поговорок в данном случае понимается употребление их во всех видах функциональных стилей: они употребляются во всех жанровых разновидностях стилей художественной литературы, публицистике, научно-популярной литературе и даже в стиле самых серьезных общественно-политических произведений классиков марксизма-ленинизма. Исключение может быть лишь в отношении стиля научно-технической литературы и официально-деловых бумаг.

Что же касается других типов фразеологизмов, то они в зависимости от степени эмоциональной насыщенности, экспрессивной выразительности, образности, идиоматичности и т. д. могут быть ограничены рамками более конкретных разновидностей стиля. Но большинство из них, как правильно было отмечено выше, в стилистическом отношении являются нейтральными.

Такова стилистическая природа фразеологических синонимов и вариантов с точки зрения общезыковых норм. Это есть объективная

18 Гаң (сталь) – прозвище человека.

19 С.К.Кенесбаев. Указ. раб., стр. 29.

сторона вопроса. «В стилистическом использовании фразеологизмов, – пишет С.К.Кенесбаев, – как и других языковых напластований, важное значение имеют объективный подход говорящего (или пишущего), конкретная ситуация, контекстуальные условия и др.»²⁰.

Однако для объяснения особенностей стилистического употребления фразеологических синонимов и вариантов немаловажное значение имеет и субъективная сторона вопроса, которой в отдельных исследованиях по стилистике отдается большее предпочтение, а иногда индивидуальная особенность реализации стилистических возможностей фразеологизмов, то есть понятие «стиля» того или иного писателя подменяется понятием «стилистика» вообще. Так, например, И. Е. Аничков пишет: «Идиоматизм, поговорка и пословица – явления стиля, предметы рассмотрения стилистики, науки, изучающей в речи индивидуальное и субъективное»²¹.

Как бы то ни было, роль писателя, поэта, публициста, ученого и всех других, кто говорит и пишет на данном языке, в стилизации и внутренней дифференциации фразеологизмов поистине огромна. Различная степень использования фразеологизмов в речи, выбор соответствующего фразеологического варианта или синонима, от которого зависит стиль речи – ее изысканность или фамильярность, цветистость или безликость, вычурность или сниженность, ясность или витиеватость и т. д. – в известной степени характеризуются умением и мастерством художника слова. Именно в выборе наиболее нужного и уместного для данного случая варианта или синонима фразеологизмов, лучше и точно характеризующего речевой стиль героя или общий тон повествования, проявляются вдумчивость и умение автора видеть и ощущать не только полноту семантического объема синонимных объединений и вариантных фразеологизмов, но и самые тончайшие оттенки их значения и нюансы экспрессивно-стилистических окрасок.

Так, например, в уйгурском языке в значении пользоваться, воспользоваться благами чего-нибудь употребляются следующие фразеологизмы: *һалавитини көрмэк*, *меғизини чакмақ*, *кәнтини чакмақ*. Первый из них не обладает особым экспрессивным значением и в стилистическом отношении нейтрален, тогда как второй и третий характеризуются исключительной образностью и насыщенностью эмоционально-экспрессивных оттенков, что и делает их очень употребительными в живой разговорной речи. Они также часто

20 Там же, стр. 29.

21 *И.Е.Аничков*. Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов. В кн.: «Проблемы фразеологии». М.–Л., 1964, стр. 41.

привлекаются писателями и публицистами для индивидуализации языка персонажей и придания речи и повествованию особой стилистической окраски и образности. Обратим внимание, как употреблены эти фразеологизмы: «Әндиликтә бу тәйяр һалавәтләрниц меғизини кимләр чеқиватиду?...» (З. Самади) («Кто же пользуется теперь готовыми благами? (Досл.: «Кто же разбивает ядра плода?»); «Әгәр курандин һеч болмиғанда бирәр сөрини һәжиләп болсиму оқалиғинимдиғу, һай-һай, қәнтини чақаттимдә» («Ком. туги»).

Из этого текста видно, как авторы не только чувствуют все тонкости эмоционально-экспрессивных окрасок фразеологизмов, но и умеют уместно и свободно реализовать и интерпретировать их в речевой ситуации.

Надо заметить, что в первом случае выражение «меғизини чақмақ» подверглось авторской переработке (ср. «һалавәтләрниц меғизини чақмақ»), что контаминируется с синонимным ему выражением «һалавитини көрмәк» и характеризует индивидуальную особенность речи персонажа – представителя народа, руководителя восстания Аскара. Во втором случае выражение «қәнтини чақмақ» не только придает речи образность, но и усиливает, сгущает эмоциональную окраску повествования. Оттенок усилительности здесь также связан с употреблением междометного повтора «һай-һай!»

Иногда мастера художественного слова не только широко используют в своих произведениях фразеологизмы в их обычной традиционной форме, но в ряде случаев и обновляют их, создавая синонимные, структурные варианты. Подобная авторская переработка общеупотребительных формул в фразеологизмах носит самый различный характер и по-разному развивает в существующих фразеологических единицах ряд новых значений и стилистических оттенков.

Возьмем, например, лексико-фразеологический ряд синонимов и вариантов: «һөрмәтлимәк – һөрмәт қилмақ || һөрмәт билдүрмәк || һөрмәт әйлимәк || һөрмәт бәжа кәлтүрмәк» (уважать, оказать почести). Они хотя и являются вариативными разновидностями одного и того же фразеологизма, но в стилистическом отношении далеко не идентичны. Первые два (һөрмәт қилмақ || һөрмәт билдүрмәк) могут быть отнесены к нейтральному стилю. Третий (һөрмәт әйлимәк) бросается в глаза своей книжностью, он в основном употребляется в поэзии высокого стиля. Что же касается четвертого варианта (һөрмәт бәжа кәтурмәк), то он тоже отличается от первых двух своей принадлежностью к книжному

стилю. Обратим внимание, как он звучит в контексте: «Ишик аста ечилип, ишик аға бәг кирип кәлди. У үн чикармәй, оң қолини көксигә қоюп, бешини үч кетим төвән әгди. Бу Мәстүригә һөрмәт бәжә кәлтүрүш вә Хализатниң пәрманини йәткүзүш бәлгүси еди» (З. Самади) («Дверь чуть приоткрылась и вошел ағабег²². Он, молча положив правую руку на грудь, три раза поклонился. Это был жест оказания почести Мәстуре и знак сообщения о приходе Хализата»).

Употребление этого фразеологизма в авторской ремарке вызвано в целях подчеркивания торжественности придворной обстановки, в который выполнение всяких традиционных правил и канонических ритуалов считается обязательным. Поэтому употребление писателем выражения «һөрмәт бәжә кәлтүрмәк» вместо обыденного «һөрмәт қилмақ» вполне оправдывается стилем общего повествования.

В художественных произведениях очень часто мы обнаруживаем стремление автора к образности мысли и максимальному усилению смысла самих фразеологических единиц. Для этого иногда прибегают к введению в состав фразеологизма дополнительных лексических элементов и грамматических форм, как бы создавая тем самым варианты устойчивых словосочетаний. Например²³: «Миң гулиниң [техи] бир гүли ечилмиған» («Еще молод, все впереди»); «Чава йеген [оғри] мөшүктәк» (досл.: «Как кошка-воровка, съевшая сальник»); «Танавини [жиптәк] тартмақ» (досл.: «Натянуть ему ноздри, как натягивают веревку, т. е. показать Кузькину мать»); «Қолиға су[-му] қуюп берәлмәйду» (досл.: «Не может даже полить воду ему на руки, т. е. его мизинчика не стоит») и др.

Отметим еще одну особенность авторского употребления фразеологизмов – контаминацию, которая больше характеризует индивидуальную сторону стиля, чем общезыковые закономерности стилистической системы.

Так, иногда писатели и поэты, сохраняя известный в народе смысл той или иной пословицы или поговорки, переделывают их так, что их мы узнаем только по отдельным отрывкам, разбросанным по всему тексту. Например, в уйгурском языке есть поговорка: «Бөдининиң өйи йоң, нәгә барса, –»витвалдақ» (досл.: «У перепелки дома нет, куда пойдет, там и кричит «витвалдақ»)), что характеризует людей, которые из-за своего легкомысленного образа жизни не имеют постоянного пристанища. Об

22 Ишик ағабек – вроде швейцара при дворцах царей и их вельмож.

23 В квадратные скобки заключены возможные варианты авторского нововведения.

этом же говорит, например, и поговорка: «Ал бир бөдөнө, мекемеси жок» («Она перепелка, своей канцелярии у нее нет»)²⁴.

Основываясь на этом общеизвестном смысле поговорки, Х. Абдуллин в своем романе «Жутдашлар» («Односельчане») подвергает ее следующей контаминации: «Вапасиз келиниңдин хэт алдим, дада. У энди шәһәрдә турмақчи болпту. Мәйли, у эсли ярилишидин шундақ бир йеник, макансиз куш болуп яритилган экән. Мәйли, витвалдақ²⁵ қәйэргә барса барсун» (стр. 9) («Папа, я получил письмо от твоей непостоянной снохи. Теперь она решила жить в городе... Пусть будет так, она оказалась от роду такой легкомысленной, подобной птице, которая не имеет постоянного пристанища. Пусть, куда хочет, туда и идет эта перепелка»).

Подобная контаминация фразеологических единиц в языке – не единичный случай. Ею пользуются писатели и поэты там, где она необходима для решения той или иной стилистической задачи: для придания речи образности и избежания однообразных повторений исходных форм фразеологизмов. Чем больше фразеологическая единица органически вплетена в ткань речи, тем больше она приобретает жизненную силу и лучше воспринимается читателем.

В заключение следует сказать, что синонимные и вариантные фразеологизмы в уйгурском литературном языке представляют исключительно большой практический интерес с точки зрения стилистического употребления. Здесь стилистика имеет дело со сложным семантическим взаимоотношением синонимных, вариантных фразеологизмов, стилистическая дифференциация которых связана не только с их оппозиционными признаками, но и с субъективным отношением к ним носителей языка, индивидуальной манерой словоупотребления отдельными писателями и поэтами, а также оценкой и исчерпывающей реализацией всех функционально-стилистических возможностей фразеологизмов.

*АН КазССР Институт Языкознания
Исследование по тюркологии. Алма-Ата, 1969. с. 155-171.*

Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики

Фонетика, по мнению авторитетных ученых, является относительно стойкой категорией при взаимодействиях разноструктурных языков.

²⁴ К.К.Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1966, стр.156.

²⁵ «Витвалдақ» Вуйгурском языке получило переосмысление и понимается как синоним слова *бөдунд* хотя в основе образования этого слова лежит звуковая ассоциация (см.: К.К.Юдахин. Киргизско-русский словарь, 150).

Заемствование фонем, звуковых комплексов и различных фонетических закономерностей одного языка другим относится обычно к явлениям очень редким.

Несколько иное положение в этом отношении занимают тюрко-монгольские языковые связи, где фонетическое сходство языков настолько велико, что его нельзя считать результатом обычных взаимовлияний. Такое сходство в области фонетики, лексики и грамматики большинство ученых объясняет их генетическим родством, что трудно оспаривать, не имея достаточных оснований на это.

Однако всякое родство языков должно быть определено системой общих признаков, соответствием и последовательным проявлением основных языковых законов внутри данной системы.

Имеющиеся же в распоряжении алтаистики сведения, которые могли бы охарактеризовать фонетическое родство тюркских и монгольских языков, по нашему мнению, пока еще скудны и фрагментарны.

Между тем алтайская гипотеза настоятельно требует от тюркологов и монголоведов углубленного изучения конкретных языков с целью установления и определения степени родства. Причем не следует игнорировать то, что уже достигнуто в этой области.

Так, к общемонголо-тюркским фонетическим явлениям специалисты относят, например, образование дифтонгов и долгот, Е. И. Убрятова считает, что «образование заместительных долгот в словах монгольского происхождения оказало воздействие на образование заместительных долгот и дифтонгов в основах и аффиксах тюркского происхождения.

Начатое в недрах монгольского языка, оно протекало в основном уже в якутском языке по правилам, выработавшимся в этом языке, возможно, усилив аналогичный процесс в тюркских корнях и аффиксах»¹. Появление долгот и дифтонгов в тюркских языках под монгольским влиянием находит себе косвенное подтверждение и в территориальном распространении этих явлений, которое хорошо прослеживается на этно-лингвистической карте современных тюркоязычных народов, таких, как якуты, тувинцы, алтайцы, хакасы, киргизы, интенсивнее и более длительное время, чем другие, общавшихся с монгольскими племенами.

Влияние монгольского языка на фонетику тюркских языков не ограничивается только этим. Специалисты предполагают, что сохранение **дь** в начальной позиции и **ч** в начале и середине слов в некоторых тюркских языках (ср. алтайский, хакасский, уйгурский и др.), переход конечных **с, ш, з**

¹ Е.И.Убрятова. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960, стр. 6.

в некоторых словах и аффиксах тюркского происхождения в т², соответствие с~h³ (ср. башкирский) и др. произошли благодаря влиянию монгольских (в частности, бурятского) языков. Например, отражение последнего явления прослеживается в некоторых монгольских лексических заимствованиях в киргизском языке. Так, Б. М. Юнусалиев, говоря о киргизском слове салаа – разветвление, развилина, рукав (реки), промежуток между пальцами, пишет, что оно, «по всей вероятности, заимствовано из того монгольского диалекта, в котором начальный согласный с, а не фарингальный спирант h, как в бурят-монгольском»⁴. Автор этим примером (ср. с письм.-монг. салага, халх.-монг. салаа, бур.-монг. халаа и др.) еще раз доказывает преемственность в развитии вторичных долгот в киргизском языке, тогда как в соседнем, казахском языке это явление не имеет места. Объясняя причину сохранения долготы в монгольском (сала>салага)⁵ и киргизском (салаа) языках, он приходит к выводу, что предки современных казахов заимствовали это слово в форме сала (без долготы) через посредство «киргизо-алтайского языка», где уже к этому времени развилась вторичная долгота (салаа, а не салага)⁶:

При определении тюрко-монгольской языковой связи в области фонетики большое значение имеют звуковые соответствия в этих языках. Например, соответствие звуков й~ж~дж, которое, кстати, послужило признаком для деления тюркских языков и диалектов на йокающую, жокающую и джокающую группы, имеет место и в диалектах монгольского языка, в частности, ахиритский и булагатский диалекты обладают признаком йоканья⁷. Среди тюркских языков йокающим является современный уйгурский язык.

Следует отметить, что наличие этого частного фонетического явления в тюркских и монгольских языках дает возможность в какой-то мере определить языковую принадлежность тюркских заимствований⁸ в монгольском и, наоборот, монгольских в том или ином конкретном тюркском языках. Возьмем, например, следующие тюркские слова в монгольских языках: монг. яр, бур.-монг. яра – рана, язва, болячка; бур.-монг. ярлаг – ярлык, бирка, вывеска; монг. ял – вина, преступление;

2 Там же, стр. 7.

3 Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 88.

4 Б.М.Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I. Фрунзе, стр. 213–214.

5 По утверждению Б.Я.Владимирцова, процесс образования долгот в монгольском языке завершился на рубеже XIV–XV вв. (см. его «Сравнительную грамматику...», стр. 241).

6 Б.Юнусалиев. Указ. работа.

7 Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I. М., 1953, стр. 18.

8 Здесь речь идет только о заимствованных, а не об общетюрко-монгольских или общеалтайских элементах.

бур.-монг. яла – штраф, пеня, ялан – плешина, голое место, шрам, не зарастающий шерстью, и др. Эти же слова имеются и в уйгурском языке: яра – рана, болячка, ярлиқ – ярлык, ханская грамота, указ; яла – обвинение (ложное); ялаң – голый, обнаженный, которые по признаку йоканья больше сходны с указанными тюркскими заимствованиями в монгольских языках и тем самым дают основание предполагать, что они взяты монгольским языком в фонетическом оформлении уйгурского, узбекского и других языков с признаком йоканья.

Такие тюркские заимствования в монгольском языке, как джолга –встречаться, свидеться, поселить (от именной основы джол – дорога, путь), джерліг – дикий, полевой (от корня джер – земля); джака – край, берег, воротник, граница (от глагольной основы джак – приблизиться, подходить) ; в письм.-монг. джаліда – пылать, воспламениться (ср. калм. zald – id.), джарчила – известить, оповещать (от основы жар//джар – объявление) и др., наоборот, говорят освоей принадлежности языку с фонетическим признаком джоканья или жоканья.

На основании фонетического облика таких слов в монгольском языке, как *туз*⁹ – знамя (уйг. *туз* – id.), *тағ* – плато, плоская вершина горы (уйг. тағ – гора), туших//тушаа – пути (уйг. чушақ – id.), будаг – краска, краситель (уйг. бояқ – id.), тала – степь, поле (уйг. тала – id.), тарвас – арбуз (уйг. тавуз – id.) и др., можно определить, из какой именно группы (кипчакской, огузской, карлукской) тюркских языков заимствованы эти слова монголами. Если языкам кипчакской группы, в том числе казахскому, свойственна форма *ту*, *тау*, *тұсау*, *бояу*, а карлукской группе, в том числе уйгурскому, – *туғ*, *тағ*, *чушақ*, *бояқ*, нетрудно предположить, что подобные слова в такой форме могли проникнуть в монгольские языки и фонетически быть освоены ими в результате непосредственного контакта прежде всего с уйгурами и узбеками.

Известно, что уйгурский язык отличается от некоторых родственных ему тюркских языков сохранением спиранта **h** как в заимствованных арабо-персидских элементах, так и в словах общетюркского корня. Это видно и из следующих сравнений: каз. ара – пчела; пила (уйг. һәрә – id.); каз. ықылық – икота (уйг. һеқиқ – id.).

Аналогичное явление мы обнаруживаем в монгольском языке периода XII–XIV вв. Оно особенно хорошо прослеживается в словаре

⁹ Надо полагать, что слово *туз* монголы заимствовали из тюркских языков. Во времена Чингис-хана монголы говорили не *туз*, а *сулдэ*. Например, знамя, которое установлено перед конусообразной юртой, где до последнего времени хранился прах Чингис-хана в Ордосе, называется *хара сулдэ* «черное знамя». Это знамя, по утверждению специалистов, является подлинным, сохранившимся со времен Чингис-хана (см.: С.Д.Дылыков. Эджен-хоро. В сб.: «Филология и история монгольских народов». М., 1958, стр. 232).

«Мукаддимат ал-адаб», где спира́нт **h** в начальной позиции встречается в большом количестве слов. Это было одинаково характерно как для разговорного языка, так и для языка квадратной и монгольской письменности, использующей уйгурскую графику.

Такая особенность, как и многие другие фонетические черты монгольского языка древнего периода, безусловно, должна быть принята во внимание при изучении уйгурско-монгольских языковых взаимоотношений. Наличие спира́нта **h** в начальной позиции слов, где он в других тюркских языках почти не встречается, наталкивает на мысль о том, что употребление спира́нта **h** в начале большего количества слов монгольского языка в XIII–XIV вв. связано с уйгурской письменной традицией, с навыками письма грамотных уйгурских писарей, (переписчиков и различного рода чиновников, служивших в те времена у монголов¹⁰ и владевших, видимо, в одинаковой степени монгольским и уйгурским языками.

Об этом же говорит, например, дошедшая до нас двуязычная уйгурско-монгольская рукопись¹¹, в которой обнаруживается сильное смешение уйгурско-монгольских языковых элементов, а также сходство и идентичность почерка и техники письма двух частей рукописи, что даже до некоторого времени затрудняло определение принадлежности ее к тому или иному языку. Высказанное выше мнение можно подтвердить следующими аргументами: во-первых, употребление спира́нта **h** в анлауте более или менее последовательно прослеживается в памятниках уйгурского языка XII–XIX вв. и по сей день считается вполне живым явлением; во-вторых, такое употребление было широко распространено в монгольских памятниках XIII–XIV вв., однако на новейшей стадии языкового развития оно уже не наблюдается и сохранилось лишь в языках, относящихся стадильно к упомянутым памятникам.

Так, в словаре «Мукаддимат ал-адаб» встречается тюрко-монгольское слово *һалағ* – ладонь, в Лейденском глоссарии – *һалға*, а в современном монгольском *алға* – *id.*¹² Это слово в тюркских языках¹³ орфографически оформлено так: алт., кирг. *алакан*, каз., каракалп. *алакан*, уйг. *аликан*. Однако в силу языковой традиции, как и во многих других словах типа һәкүз//өкүз – вол, һайдимак//айдымақ – гнать, погнать и др.,

10 *А.К.Боровков*. Оттура Азия хәликлириниң мәдәний турмуш тарихида уйгурларниң туткан орни. «Шәрһк һәкикити», 1943, № 2–3, стр. 4–5 (на араб. шрифте).

11 Имеется в виду «Золотоордынская рукопись на бересте» (М. – Л., 1941), где уйгурская часть рукописи до сих пор остается не изученной.

12 «Монгольско-русский словарь». Под редакцией *А. Л. Лувсандэндэва*. М., 1957.

13 Слово *алакан/аликан* встречается не во всех тюркских языках.

в живом произношении уйгуров в начале этого слова обычно появляется оттенок гортанного **h**.

Наблюдения над уйгурско-монгольскими параллелями и заимствованиями¹⁴ позволяют выделить ряд лексических групп, где уйгурские слова являются или адекватными монгольским, или отличаются от них своей фонетической структурой при идентичности или близости общей семантики.

Но следует оговориться, что фонетическое сходство сравниваемых лексических параллелей имеет относительный характер. Оно зависит от того, с каким именно из множества монгольских языков (письменно-монгольским, ойрот-монгольским, бурят-монгольским, халха-монгольским), не говоря уже о диалектах, сравнивается уйгурский язык. В подтверждение высказанной мысли приведем примеры¹⁵:

1. Уйгурско-монгольские параллели, совпадающие в фонетическом отношении при идентичности или близости их семантики: уйг. ой – мысль, дума, намерение → монг. ой – способность, ум, разум, память (бур.-монг. ойн – id.); уйг. мал – скот → монг. мал; уйг. бал – мед → монг. бал, уйг. манан – туман → монг. манан, (бур.-монг. манаа, мананг); уйг. ой – впадина, выемка, ложбина → монг. ой – лес, бор, роща; уйг. аң – звери, дичь, дикие животные → монг. ан(г); уйг. төл – приплод, молодняк → монг. тол (бур.-монг. тул) и др.

2. Уйгурско-монгольские параллели, где монгольский вариант выступает в усеченной форме, а уйгурский – в полной или наоборот (по отношению к другим тюркским формам): уйг. бөрәк – почки (орган) → монг. боор; уйг. ант – клятва → монг. ангай; уйг. мәң → родимое пятно, родинка → монг. мәнгә; уйг. бай – богатый, богач → монг. баян; уйг. миң – тысяча → монг. мянга; уйг. өң – цвет, окраска (о материн) → монг. онго и др.

3. Уйгурско-монгольские параллели; различающиеся между собой выпадением конечного гласного (а, э, у) в монгольских словах и сохранением его в уйгурском: уйг. нохта – недоуздок → монг. ногт; уйг. бөкә – силач, борец → монг. бох; йг. мүчә – конечности, часть тела → монг. мөч; уйг. буйла – кляп; деревянная палочка, вдеваемая в ноздри верблюда, вола → монг. буйл; уйг. буқа – бык-производитель → монг. бух; уйг. кайғу – горе, беда, несчастье → монг. гай и др.

14 А.Кайдаров. Маңғул вә уйгур тиллирига ортак сөзләр һәккидә, газета «Коммунизм туғи», 1966, 11 декабрь.

15 После уйгурских слов (с переводом) даны слова из собственно монгольского литературного языка по указанному словарю, в некоторых случаях – из других монгольских языков. Если значение монгольских слов не совпадает со значением уйгурских, дается их перевод.

4. Уйгурско-монгольские параллели, которые различаются между собой по признаку неустойчивости конечного **н**, что в монгольских словах иногда влечет за собой и изменение всей основы (напр., морь>морин – лошадь):

а) конечный **н** в монгольских словах выпадает, а в уйгурских сохраняется: уйг. жэрэн – джейран →монг. зээр; уйг. тайган – борзая, гончая собака → монг. тайга; уйг. дөнэн – четырехлетка (о лошади) → монг. дөнө – четырехгодовалый бык и др.;

б) конечный **н** (иногда ан, эн, ен, **ин**, он, **ун**, үн) в монгольских словах употребляется факультативно, тогда как в структуре уйгурских слов он – постоянный элемент или отсутствует вообще: уйг. сэлкин – легкий ветерок →монг. салхин; уйг. орун – место, постель →монг. ор(он); уйг. орда – орда, дворец →монг. орд(он); уйг. олжа – добыча, трофей – монг. олз(он) – находка; уйг. талқан – толокно – монг. талх(ан) – хлеб печеный, порошок и др.

5. Уйгурско-монгольские параллели, различающиеся между собой метатезой гласных и согласных звуков и звуковых сочетаний в структуре односложных, двусложных и трехсложных основ: уйг. су – вода →монг. ус//ус(ан) – вода, река; уйг. сүт – молоко →ойр.-монг. усн (при суп в монглит. яз.); уйг. тасма – тесьма (ременная) →монг. тасам – тесемка; уйг. чэкмэн – сукно, суконный халат →ойр.-монг. цемген; уйг. түнүк – верхнее отверстие избы, юрты →письм.-монг. тогоно; уйг. малахай – малахай, шляпа → ойр.-монг. махла – шапка, шляпа, головной убор и др.

6. Уйгурско-монгольские параллели, где различие отмечается в редуцированности монгольских двусложных слов: уйг. бөдүнэ – перепел, перепелка →монг. бүтнэ; уйг. йемиш – плоды, плод, фрукты, ягоды → монг. жимш; уйг. жүрэк – сердце →монг. зурх//зурхэн и др.

7. Уйгурско-монгольские параллели, различающиеся между собой выпадением неустойчивых согласных (**л**, **р**, **н**, **к** и др.): уйг. зуғуй – завистливый →монг. зулуйч – льстивый, вкрадчивый; уйг. яш өсмэ →молодое поколение →монг. нас освор (ср. каз. жас өспірім); уйг. почак – горох →монг. буурцах и др.

8. Уйгурско-монгольские параллели, различающиеся между собой позиционными соответствиями гласных (**а~о**, **о~а**, **э~о**, **о~э**, **э~э**, **у~а**, **у~и**, **у~о**): уйг. солихай – левша →монг. солхой – левый (о руке); уйг. хотун – жена, женщина →монг. хатн – княгиня, дама, госпожа; уйг. отар – отара, выпас скота, гурт →монг. отор; уйг. сэгэк – чуткий →монг. соргог; уйг.

мәңгү – вечный, бессмертный → монг. монх; уйг. өләң – осока → монг. олон; уйг. төмүнэ – большая игла → монг. тэвнэ; уйг. төгә – верблюд → монг. тэмээ; уйг. мэргән – меткий стрелок → монг. мэргән – чемпион по стрельбе из лука, меткий стрелок, мудрый, прозорливый; уйг. тәкши – ровный, гладкий → монг. тэгш; уйг. бәл – талия, пояс, спина, косогор → монг. бәл – косогор, подножие, склон горы; уйг. булғун – соболь → монг. булга(н); уйг. булуң – уголок, угол → монг. булан; уйг. шүмәмәк – сосать → монг. шимәх; уйг. төмүр – железо → монг. томор и др.

9. Уйгурско-монгольские параллели, имеющие различие в позиционной (в начале, середине и конце) разновидности фонем или их оттенков. При этом под фонетической разновидностью мы имеем в виду следующие звуковые соответствия, которые, по существу, могут быть объяснены особенностями артикуляционной базы этих языков, (**к~х, к~г, к~нг, к~ғ, к~х, г~г, г~х**): уйг. сақал – борода → монг. сахал – борода, усы; уйг. сокур – слепой → монг. сохор; уйг. тақа – подкова → монг. тах (бур.-монг. таха); уйг. қуймақ – блины → монг. хуймағ; уйг. адақ – конец; адақки – последний → монг. адаг; уйг. амрақ, амрағим – моя любовь → монг. амраг; уйг. яйдақ – неоседланный (о лошади) → монг. зайдан(г); уйг. шаллақ – неаккуратный, безалаберный → монг. салан; уйг. зак//закзак – саксаул → монг. заг; уйг. каж – упрямый → монг. гаж – аномалия; гаж буруу – ненормальный, капризный; уйг. текә – козел → монг. тэх – дикий горный козел (хал.-монг., бур.-монг. тэхэ, ойр.-монг. теке, тек); уйг. кепәк – отруби → монг. хэвэг; уйг. туғ – знамя → монг. туг; уйг. сирға – клипсы → монг. сийх и др.

10. Уйгурско-монгольские параллели, различающиеся между собой чередованием согласных твердого и мягкого рядов и других артикуляционно близких фонем (**т~д, т~г, й~г, п~б, п~в, в~б; б~й, г~з, г~в, н~ң, н~нд, н~м, з~ж, ж~з, т~ж, т~з, с~ш, з~ч, ч~з, ш~ч, ч~ц, ч~ж, ч~ст**): уйг. бүркүт – орел → монг. бургэд; уйг. түр – вид, облик, форма → монг. дур уйг. севәт – плетеная корзина → монг. сэвэг; уйг. чиймайлимақ – разрисовать, начертать → монг. чимәгләк – разрисовать, разукрасить, оформить; уйг. пүтүн – целый → монг. бутән; уйг. тупрақ – почва, земля → монг. товрог; уйг. түп – корень, основа → монг. тов – центр; уйг. алван – налог, подать, обложение, служба, натуральная повинность → монг. албан; уйг. товук – лодыжка, щиколотка → монг. тойг; уйг. егә – обладатель, хозяин, владелец → монг. эзән; уйг. сугақ – штукагурка → монг. шаваг; уйг. қашаң – тупой, ленивая лошадь → монг. хашин; уйг. чин – твердый, плотный, крепкий → монг. чинд (чанд); уйг.

эн – метка (в виде надреза на ушах скота) →монг. им; уйг. төркүн – родня замужней женщины →монг. торхом; уйг. сэгзү – чутье →монг. сэжиг; уйг. сүзмэк – цедить →монг. сэжих; уйг. ганжуға – горока →монг. ганзага; уйг. жут – падеж, повальная смертность скота в гололедицу →монг. зут; уйг. жэз – латунь, гильза →монг. зэс – медь; уйг. китиқ – щекотка →монг. гижиг – чувствительность к щекотке; уйг. түс – вид, внешность, цвет кожи; уйг. тэхсэ – блюдо, тарелка →монг. тагш; уйг. зарланмақ – роптать, сетовать, горевать →монг. чарлах; уйг. чүш – сон, сновидение →монг. зууд(эс); уйг. чөл – пустыня →монг. цол; уйг. чоғ – горячий уголь →монг. цог; уйг. чак – подпорка, сошка, нога →монг. цах; уйг. чекилған – молния →монг. цахилгаан; уйг. чим – дерн →монг. жим; уйг. өч – мечь, мщение →монг. ост и др.

11. Уйгурско-монгольские параллели, различающиеся между собой соответствием звуков, имеющих отношение к т. н. явлениям ротацизма, ламбадизма, а также йоканья, жоканья и джоканья: уйг. бояқ – краска →монг. будаг; уйг. ял – грива →монг. дэл; уйг. йелин – вымя → монг. дэлэн; уйг. ялвурмақ – умолять, просить →монг. залбирах – молиться; уйг. йүз – сто →монг. зуу(н); уйг. бар – есть, бытность →монг. бий; уйг. аран – еле, чуть-чуть →монг. арай; уйг. кой – овца →монг. конь; уйг. яш – молодой возраст →монг. нас; уйг. архар – архар →монг. аргаль; уйг. лачин – сокол →монг. начин; уйг. мөлдүр – град →монг. мондор; уйг. аман – благополучный →монг. амар; уйг. боз – сивый (о масти) →монг. бор; уйг. мозай – теленок →монг. бяруу(н) – годовалый теленок; уйг. өзи – он сам →монг. оороо и др.

12. Долгие фонемы в монгольских словах передаются в уйгурском языке краткой фонемой различного качества (**а~аа, а~оо, э~аа, о~оо, о~уу, ө~өө, у~оо, у~уу**); уйг. каша – изгородь, ограда, забор →монг. хашаа(н); уйг. тай – годовалый жеребенок →монг. даага(н); уйг. йорға – иноходец, иноходь →монг. жоргоо; уйг. чэк – граница, грань, межа, рубеж, предел →монг. зааг; уйг. тоз//тозаң – мучная пыль, пыльца →монг. тоос(он); уйг. доғдақ – дрофа →монг. доодог; уйг. қорай – сухой кустарник – монг. куурай.

13. Дифтонги в монгольских словах соответствуют уйгурским кратким фонемам (**а~ай, а~ав, у~ав, а~уй**); уйг. тохла – ягненок (более шести месяцев) →монг. тохлай; уйг. арпа – ячмень →монг. арвай; уйг. досақ – мочевого пузыря →монг. давсаг; уйг. зак – щель, зазор →монг. завсаг; уйг. туз – соль →монг. давс; уйг. доға – дуга, круг →монг. дугуй – круг, колесо и др.

14. Долгие гласные в монгольских словах передаются в уйгурском

языке дифтонгами, даже трифтонгами (**ав~уу, ир~уу, ага~аа, аву~уу, үйэ~оо, уг~уу, үг~ээ, ақ~аа, эн~оо, үйэ~оо**): уйг. ялқав – лентяй, ленивый →монг. залхуу, залхаг – ленивый нерадивый; уйг. йолавчи – путник →монг. жуулч; уйг. ғалжир – бешеный (о собаке) →монг. галзуу – бешенство, водобоязнь, бешеный, беснующийся, сумасшедший; уйг. тағар – большой мешок →монг. таар; уйг. қирғауул – фазан →монг. кургуул; уйг. сүйәм – вершок →монг. соом; уйг. буғдай – пшеница →монг. буудай; уйг. буғра – верблюд-производитель →монг. буур; уйг. түгмән – мельница¹⁶ →монг. тээрмэн; уйг. чушак – путы →монг. тушаа; уйг. өртән – пожарище → монг. ортоо; уйг. күйә – сажа →монг. коо и др.

На основании приведенных примеров можно сделать некоторые выводы:

1. В уйгурско-монгольских параллелях, в том числе и в общеупотребительных заимствованных словах, обнаруживается много общих фонетических особенностей, а порой и поразительных сходств. Однако эти сходства не являются последовательными и системными и не позволяют пока сделать окончательное заключение в пользу теории о генетическом родстве тюрко-монгольских языков.

2. Наблюдаемые звуковые соответствия и чередования в уйгурско-монгольских параллелях косвенно подтверждают существующую точку зрения о длительных и самостоятельных путях развития тюркских и монгольских языков и их фонетических систем. Звуковые соответствия (см. табл. 1, 2, 3) и сочетания, усечение или наслоение отдельных звуков (звукосочетаний), а также явления метатезы и редукции – все это характеризует специфическую особенность каждого из языков, приобретенную им в связи с тенденцией развития артикуляционной базы и фонетической системы.

Таблица 1

қ~х	қ~г	қ~к	к~х	к~г	г~х	х~г
-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Таблица 2

б~м	м~б	п~б	в~б
б~п	м~п	п~м	в~м
б~в	м~в	п~в	в~п

ч~ц	жс~ч	жс~ч	з~ч	т~ч
-----	------	------	-----	-----

¹⁶ Этимологическая реконструкция возможна: түгмән (түгүр//тәгир//тийыр) (выпал р, стяжение үгү в ү).

Таблица 3

ч~жс	жс~жс	жс~ц	з~ц	т~жс
ч~з	жс~з	жс~з	з~жс	т~ц
ч~т	жс~т	жс~т	з~т	т~з

3. Соответствия звуков **й~р, й~з, й~д** в уйгурско-монгольских параллелях (табл. 4), рассматриваемые обычно как явления ротацизма¹⁷; ламбадизма и др., по нашему мнению, относятся к более общим явлениям, уходящим своими корнями в глубокую древность. Эти явления, в большей степени сохранившиеся в тюркских языках и послужившие в свое время основанием для деления их на д-язык, з-язык, й-язык, йокающие, жокающие языки и т. д., оставили свои «следы» в любом из тюркских языков (ср. каз. құдық – колодец, *құй – наливать, *қоз құю – наливать чего-то), которые этимологически восходят к историческим соответствиям **й||д||з**, хотя каждое из них является особенностью фонетической системы тюркских языков.

Таблица 4

й~з	з~й	д~й	р~й	н~й
й~д	з~д	д~з	р~з	н~з
й~р	з~р	д~р	р~д	н~д
й~н	з~н	д~н	р~н	н~р
й~жс	з~жс	д~жс	р~жс	н~жс

4. В уйгурско-монгольских параллелях научный интерес представляют соответствия кратких и долгих фонем, с одной стороны, и долгих фонем, дифтонгов, трифтонгов – с другой. Происходили определенные сдвиги в структуре фонем в тюркских языках, в том числе и уйгурском, в основном под влиянием монгольских языков.

Мы наблюдали, что уйгурский язык, которому вообще не свойственны долгие фонемы¹⁸, по-своему реализовал это влияние монгольского языка: а) монгольские долгие фонемы и дифтонги в уйгурском языке передаются обычно краткой фонемой (ср. **а~аа, а~ай, а~ав**) того же качества, тогда как в подобных случаях, например в киргизском, тувинском, алтайском и некоторых других языках, мы имеем, как правило, долгие фонемы; б) монгольские дифтонги и долгие фонемы в уйгурском реализуются также и краткой фонемой иного качества или же звуковым (из двух, реже из трех звуков) комплексом (ср. **ав~уу, га~оо, аву~уу, э~аа**).

5. Несмотря на указанные различия монгольского и уйгурского языков

17 Из этих возможных вариантов в уйгурско-монгольских параллелях встречаются только подчеркнутые нами соответствия звуков.

18 За исключением нескольких слов (*саат, таам* и др.) **употребление** заместительных долгот гласных не наблюдается (ср. *саат – часы, а в монг. сад – время*).

и на непоследовательность моментов их сходства и расхождения, мы склонны все же признать, что уйгурский язык в фонетическом отношении имеет много общего с монгольским и в ряде случаев стоит к нему ближе, чем, скажем, к якутскому и чувашскому языкам.

Исследования по уйгурскому языку. Кн.2.

Алма-Ата, 1970. с. 57-67

О фразеологических вариантах в уйгурском языке

Исследование фразеологических вариантов и их языковой природы представляет определенный научный интерес. Однако на материале тюркских языков, в том числе и уйгурского литературного языка, этот вопрос еще мало изучен.

Особенности фразеологических вариантов, отличающие их от смежных категорий устойчивых словосочетаний, позволяют выявить скрытые возможности языка, его стилистическое многообразие.

До последнего времени ученые, занимавшиеся исследованием фразеологизмов, основывали свои суждения главным образом на материале собственно идиоматических оборотов, оставляя без внимания пословицы и поговорки, которые благодаря разнообразию форм и структурных типов могут значительно расширить наше представление о фразеологизмах вообще.

Стремление языковой коммуникации к более полному и последовательному выражению мыслей, к точному определению и конкретизации многообразных предметов и явлений действительности закономерно вызывает к жизни различные лексико-грамматические варианты одних и тех же фразеологизмов, образующиеся путем комбинаторного варьирования их отдельных компонентов, а также внутренней перестройки конструктивных элементов.

Поскольку фразеологические варианты возникают в связи с насущными потребностями языка, их нельзя относить к числу избыточных явлений, приводящих к тавтологии, ибо они служат средством обогащения выразительных возможностей речи. Появление в языке фразеологических вариантов связано с приданием фразеологизмам характерной функционально-стилистической нагрузки. В этом их отличие от таких смежных типов словосочетаний, как «синонимные параллели», «структурные синонимы», «идеографические синонимы» и т.д.

В специальных работах, посвященных сущности и специфике фразеологических вариантов, классификации их основных признаков

и критериев дифференциации, мы находим самые противоречивые суждения¹. Так, например, основываясь на материале узбекского языка, Ш.Рахматуллаев выдвигает ряд критериев, определяющих механизм варьирования фразеологических единиц. По его мнению, эти критерии с некоторыми оговорками могут быть приемлемыми и для уйгурского языка. Автор считает, что фразеологические варианты в узбекском языке образуются путем «разрастания» фразеологизма и лексико-грамматических изменений в его структуре². Варианты одного и того же фразеологизма объединяются между собою общностью источника, единством образа и семантических значений, а также наличием обязательного лексического компонента, повторяющегося в каждой из модификаций. Ш. Рахматуллаев полагает, что единство значений, варьирующихся фразеологизмов не исключает наличия в них некоторых семантических и стилистических различий. При этом варьирование, как правило, не влечет за собой перехода фразеологизма из одного вариантного ряда в другой. Иного мнения придерживается З.Г.Ураксин, рассматривающий этот вопрос на материале башкирского языка. «Под вариантностью во фразеологии понимается, – пишет он, – изменение морфологического облика компонентов словосочетания или же полная замена одного компонента другим. Если такая перемена состава не приводит к изменениям в семантическом или стилистическом отношении, то данные словосочетания будут называться вариантами, если замена компонентов и их грамматических форм приводит к некоторым смысловым или стилистическим сдвигам, то они признаются структурными синонимами»³.

Таким образом, семантические и стилистические «сдвиги» или «отклонения» во фразеологических вариантах в одном случае (У.Ш. Рахматуллаева) рассматриваются как закономерные вариации фразеологизмов, тогда как в другом (у З.Г. Ураксина) – они квалифицируются как признаки наличия структурной синонимии.

Правильная точка зрения может быть установлена на основе всестороннего анализа возможных структурных изменений и модификаций при образовании фразеологических вариантов в каждом конкретном языке. Факты уйгурского языка свидетельствуют о том, что фразеологические варианты, как правило, образуются в результате изменения или «замене-

¹Подробнее см. монографию Ш. Рахматуллаева «Узбек фразеологиясининг базий масалалари». – Тошкент, 1996. – с. 132–144.

² ² Ш.Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 145.

³ З.Г. Ураксин. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Автореф, канд. дисс. Уфа, 1966.

ны» либо фразеологизма в структуре отдельных лексических компонентов, либо грамматических форм, либо того и другого. В первом случае мы имеем дело с лексическими вариантами фразеологизмов, во втором – с грамматическими, а в третьем – с лексико-грамматическими. Остановимся подробнее на анализе лексических вариантов.

Прежде чем перейти к рассмотрению лексических фразеологических вариантов, необходимо сказать об одной терминологической неточности в связи с употреблением слов «изменение» и «замена» применительно к варьирующимся лексическим компонентам фразеологизма. Например, возьмем следующие лексические варианты⁴: *mājdānā čikarmak* || *mājdānā atmak* || *mājdānā k'ältürmək'* «вывести (что-либо) на арену». Можем ли мы в данном случае говорить, что один лексический компонент фразеологизма заменен другим? Допустим, что это так, тогда неизбежен вопрос: какой именно компонент заменен и каким? А для этого необходимо знать, какой из этих вариантов возник раньше, и почему следует принимать за исходную форму *mājdānā čikarmak*, а не *mājdānā k'ältürmək'*. Поскольку ответить на этот вопрос не представляется возможным, в подобных случаях вместо термина «замена» оправданнее пользоваться термином «варьирование».

Рассмотрим примеры варьирования лексических, (глагольных или именных) компонентов во фразеологизмах:

öç	
änt almak «метить, отомстить»	
intikam	
rāxās	
hoşijar	bolmak «быть бдительным»
sak	
	ājlimāk
zar	žiyilimak «рыдать, горько плакать»
	kaxsimak

В первых двух случаях постоянно повторяющимися компонентами являются глаголы *almak*, *bolmak*, а варьирующимися компонентами выступают имена: *öç*, *änt*, *intikam*, *rāxās*, *hoşijar*, *sak*, которые в данных сочетаниях и вне их близки между собой в семантическом отношении. В третьем случае, наоборот, варьирующимися компонентами выступают глаголы *ājlimāk'*, *žiyilimak*, *kaxsimak* (в сочетании с именем *zar*), между которыми уже столь явная семантическая связь не прослеживается. Од-

4 Здесь и далее между фразеологическими вариантами ставятся две вертикальные черточки.

нако это не мешает им на основе контекстуально-переносных значений образовывать варианты фразеологизмы, выражающие одну общую мысль. Если в первых двух примерах варьирование лексических компонентов оправдывается их синонимичностью, то мотивы варьирования в последнем примере не могут быть объяснены чисто семантическими или грамматическими отношениями сочетающихся элементов.

Лексические варианты фразеологизмов. Структурное многообразие фразеологизмов в известной степени объясняется тенденцией к варьированию их лексических элементов, что наблюдается в уйгурском языке почти во всех типах устойчивых словосочетаний.

Лексические варианты фразеологизмов, как и грамматические, возникли отнюдь не случайно. В основе их лежит жизненная потребность в воспроизведении одной и той же мысли путем различных структурных вариантов, во избежание назойливых повторений. С другой стороны, лексические варианты, хотя и сохраняют общность семантики и смысловую тождественность, все же в зависимости от контекста приобретают различные оттенки художественной выразительности и эмоционально-экспрессивной окрашенности, что придает речи определенную стилистическую характерность.

В связи с этим следует выяснить семантическое соотношение варьирующихся лексических компонентов фразеологизма: обязательны ли для них единство образа и тождественность семантических значений? Многие ученые (Н.А. Кирсанова, А.В. Кунин, Г.И. Крамаренко, З.Г. Ураксин, Ш.Рахматуллаев и др.) считают синонимичность и семантическую близость варьирующихся лексических компонентов основным условием образования структурных разновидностей фразеологизмов.

Как свидетельствуют факты уйгурского языка, это условие не всегда обязательно. При образовании лексических вариантов фразеологизма возможны и другие случаи комбинаторных изменений, они могут выходить за рамки чисто синонимических связей и не переходя в другие разряды фразеологизма, сохранять тождественность семантики и образа.

Для наглядности приведем ряд примеров из уйгурского языка с варьирующимися лексическими компонентами, между которыми семантическая связь имеет различные отношения и градации.

1. В качестве варьирующихся компонентов выступают фонетические дублеты слов:

puşman

jemäk' «сожалеть (о чем-нибудь)

puşajman

xizil

bolmak «оказаться в неловком положении»

xizalät

pärviş

kilmek «ухаживать, выращивать»

pärviriş

maxarini

äzmäk»разбить, сплющить

морду»

xamarini

Варьирующимися компонентами здесь выступают фонетические дублиеты слов, возникшие в результате употребления разных грамматических форм заимствованных слов, нейтральных к их семантике (xizil || xizalät), а также вследствие фонетических деформаций: усечения (puşman || puşajman), выпадения звуков (pärviş || pärviriş), метатезы (xamar || maxar) и др. Один из этих дублиетов иногда считается литературно-орфографическим (puşajman; xizälät, pärviş, xamar), а другой – разговорным (puşman, xizil, pärviriş, maxar), хотя и тот и другой могут самостоятельно встречаться в составе устойчивых словосочетаний: «k'ejink'ipuşman – özänğä düsmän дословно: «позднее сожаление – самому же враг»; puşajmanni alidiyan kaça jok || puşajmanni alidiyan kaçatepilmas дословно: «увы, очень сожалею»; pusajman pajda bärmäs дословно: «сожаление не поможет».

2. В качестве варьирующихся компонентов выступают лексические синонимы с ясными номинативными значениями:

mäsxirä

bolmak «осрамиться, опозориться»

şärmändä

rängi

ösmäk «измениться в лице,
сильно побледнеть»

öji

Каждый из этих лексических вариантов фразеологизма в одинаковой степени употребителен и выражает одно и то же понятие, различаются они лишь эмоционально-экспрессивными оттенками.

3. В качестве варьирующихся компонентов выступают семантически близкие слова, связь между которыми определяется не только их абсолютными значениями, но и переносно-контекстуальным содержанием: *tumšiyini äzmäk'* || *burnini äzmäk'* «разбить морду»; *dokurini čikarmak* || *dokurini k'örsätmäk'* «показать волчий оскал»; *k'äntini čakmak* || *meüzini čakmak* «добраться до существа дела»; *hal tartmak* || *majtartmak* «жеманиться, смотреть искоса, стесняться»; *päs k'almä* || *bosk'almä* «не сдавайся»; *bojun tavlik kilmak* || *kažlik kilmak* || *tärsalik kilmak* «упрямиться, проявить неуступчивость» и др.

Эта разновидность фразеологизмов имеет наибольшее распространение в языке. В зависимости от семантической природы варьирующихся и повторяющихся компонентов подобные типы фразеологизмов (преимущественно именно-глагольные словосочетания) всегда тяготеют к фразеологическим синонимам. Но поскольку фразеологизмы могут быть синонимичными в полном смысле этого слова, лишь тогда, когда при различных структурных элементах они выражают одно и то же понятие, указанные случаи зачастую рассматриваются как промежуточная категория между вариантами и синонимами фразеологизмов, которую принято называть «структурным синонимом фразеологизма».

Для того чтобы определить, куда отнести подобные разновидности фразеологизмов, к лексическим вариантам или к структурным синонимам, — необходимо детально разобраться в семантической природе их составных элементов. Очень важно уяснить, является ли варьирующийся лексический компонент стержневым словом, какова роль глагольного компонента и какую семантическую нагрузку он несет, основную или второстепенную.

Таким образом, необходимым условием для образования лексических фразеологических вариантов является обязательное варьирование одного из двух компонентов синонимичности или семантической близости. Помимо этих двух условий, некоторые ученые⁵ считают необходимым и третье — одноплановость и единство образа фразеологических вариантов.

Действительно, часто в основе семантики варьирующихся

5 Ш.Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 189.

лексических компонентов лежат очень схожие образные представления. Это обычно происходит в тех случаях, когда варьирующиеся компоненты являются синонимами или близкими по значению словами. Например: *kujrukni tik'ivätmäk'* || *kujrukni xada kilmak* «удрать, показать пятки»; варьирующиеся глагольные компоненты *xada kilmak* и *tik'ivätmäk'* – семантически соотнесены. Что же касается вариантных фразеологизмов: *po atmak* || *pahta atmak* дословно: «стрелять из пушки, стрелять ватой (т.е. лгать, врать)», *salkin karimak* || *üstün karimak* || *üzä karimak* || *atustidin karimak* || *sus karimak* «относиться, смотреть поверхностно», где варьирующимися компонентами выступают слова, семантическая близость которых обусловлена структурой только данных фразеологизмов, и вне которых они обычно теряют всякую смысловую соотнесенность, то здесь об одноплановости или тождественности образов говорить не приходится. В основе каждого из этих фразеологизмов лежат разные «образы», которые при общности семантики имеют различную эмоционально-экспрессивную окраску и стилистически даже могут быть противопоставлены друг другу.

Следовательно, одноплановость образа в варьирующихся компонентах фразеологизма является не строго обязательным, а лишь относительным условием создания лексических фразеологических вариантов. Соотнесенность образа определяется на основе ассоциации образных представлений носителей данного языка и учета всевозможных переносно-метафорических значений варьирующихся компонентов, устойчивых словосочетаний.

Игнорирование этих признаков структурно-семантических разновидностей фразеологизмов часто приводит к смешению вариантности со структурными типами фразеологических синонимов.

Лексические варианты пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки, как одна из разновидностей фразеологизмов, до сих пор в плане их лексического варьирования в тюркских языках не рассматривались. Между тем их сложная структура и исключительное разнообразие лексического состава и семантических оттенков представляют не меньший научный и практический интерес, чем рассмотренные выше типы фразеологизмов – именно-глагольные идиоматические выражения.

Как уже отмечалось, варианты разновидности у й г у р с к и х пословиц и поговорок находятся в прямой зависимости от их структурных особенностей. Если в именно-глагольных двух и трехкомпонентных идиоматических выражениях мы встречались с варьированием в основном

одного или, реже, двух лексических элементов, то в пословицах и поговорках подобные элементы выступают иногда как целый лексический ряд или целые структурные компоненты.

В уйгурском языке различаются следующие случаи вариационных изменений пословиц и поговорок:

1. Варьирующимися компонентами пословиц и поговорок выступают односоставные лексические синонимы с ясным номинативным значением: *rämğä išänmä, räsiz žürmä || paiğa išänmä, palsiz žürmä* дословно: «Гаданиям не верь, но и не пренебрегай гаданием» (*räm* и *pal* – синонимы); *namratniñ bir tojıını – bir baj bolıını || kămbäyalniñ bir tojıını – bir baj bolıını* дословно: «Бедному один раз насытиться, что стать богачом на час, что разбогатеть» (*namrat* и *kămbäyal* – синонимы); *ömäk'lik' istniñ kujruyi ögä || ömäk'lik' istniñ kujruyi diñ* дословно: «У дружелюбной собаки хвост торчком» (*ögä* и *diñ* – синонимы); *özäñni bāk' tut, hoşnañni oğri tutma || ösäñni māk'k'äm tut, hoşnañni oğri tutma* дословно: «Будь сам бдительным, и не (придется) обвинять соседа в воровстве» (*bāk'* и *māk'k'äm* – синонимы); *kuruk tağar tik' turmas || kuruk tağar örä turmas* дословно: «Пустой мешок стоймя стоять не будет» (*tik'* и *ögä* – синонимы) и пр.

Безусловно, подобные пословицы и поговорки должны быть отнесены к фразеологическим вариантам. Синонимы, выступающие в качестве варьирующихся компонентов этих разновидностей фразеологизмов, ничего нового в их семантику не привносят; не происходит заметных сдвигов и в их стилистической окраске.

2. Варьирующимися компонентами пословиц и поговорок выступают близкие по значению слова: *bärmäs kizniñ seliği eği || bärmäs kizniñ tojıını suir* «за девушку, которую не хотят отдать (замуж), дорого запрашивают» (*selik* и *tojluk* – относительно близкие слова); *šamal bolmisa, dăräk iyañilinajdu || šamal čikmisa, dăräk eyañlimajdu* дословно: «Без ветра дерево не колышется» (*čikmisa* и *bolmisa* – относительно близкие слова); «*jok*» *desä, «jetip jājmän» dāptu || «jok» desä, «jetip ičimän» dāptu* дословно: «Говорят: «ничего нет – отвечает: «буду лежа кушать» (*jemäk'* и *ičmāk'* – семантически близкие слова) и др.

Как и в предшествующих типах фразеологизмов, замена относительно близких по значению слов не приводит к существенному изменению семантического облика каждого из вариантов фразеологизма, и они вполне могут заменять друг друга, отличаясь лишь незначительными стилистическими оттенками.

3. К указанному типу фразеологических вариантов примыкает ряд пословиц и поговорок, в которых варьирующимися компонентами выступают в одном случае слово, а в другом – именно-глагольное перифрастическое или парное словосочетание, равноценное ему по своему значению. Например: k'ündizi sözlisañ, öp-čörängä bak, k'eçisi sözlisañ, kulakka kulakni jak || k'ündizi söz kilsañ (gäp kilsañ) öp-čörängä bak, k'eçisi söz kilsañ (gäp kilsañ), kulakka kulakni jak дословно: «Если разговариваешь днем – оглядывайся, если разговариваешь ночью – ухо к уху прикладывай» (ср.: sözlimäk' || söz kilmak || gäp kilmak) и др.

По нашему мнению, они также являются разновидностями фразеологических вариантов, но с более ярко выраженной стилистической окраской связанной с дополнительными оттенками (описательность, образность, усиление и обобщенность) в значениях варьирующихся компонентов – именно-глагольных и парных сочетаний.

4. К четвертому типу фразеологических вариантов можно отнести пословицы и поговорки, имеющие полную и эллиптическую конструкции: nemä tärsañ, šuni orijsän || terijsän – orujsän дословно: «Что посеешь, то и пожнешь || посеешь – пожнешь»; bexil bajdin pul almak – petir nandin kil almak || bexildin pul almak – petirdin kil almak дословно: «У жадного богача выпрашивать деньги то же, что вытаскивать волосинки из лепешки (из пресного теста)»; aččik aldida žürsä, äk'il k'äjnidä žürär || aččik – aldida. ak'il – k'äjnida дословно: «Если гнев идет впереди, то ум идет следом || гнев – впереди, ум – следом» и др.

Пропуск отдельных компонентов в структуре пословиц и поговорок происходит вследствие стремления говорящего к краткости и лаконичности. Надо отметить, что в уйгурском языке эта традиция особенно развита. Подавляющее большинство уйгурских пословиц и поговорок наряду с полной имеет эллиптическую форму; эллиптические варианты пословиц и поговорок в зависимости от контекста, могут иметь конструктивные варианты. Так, например, в некоторых из них опускается повторяющееся в конце двуступенчатого слово – редиф. Это считается для уйгурского языка вполне закономерным явлением, хотя оно сопровождается обычно нарушением общей эвфонической стройности рифмующихся строк: пословиц и поговорок. Например:

Dost žigitip ejtidu,
Düşmân – k'öldürüp.

Дословно: «Друг скажет (правду), заставляя плакать, а недруг – скажет (об этом же) с насмешкой».

Balañniñ ojñiñiniya bak,
Kaziniñniñ – kajnisly.

Дословно: «Следи за игрой своего ребенка и кипением своего казана».

В этих фразеологических единицах опущены (во вторых строках двустишия) редифные слова, (ejtidu, bak).

В тех случаях, когда редифные слова опускаются в обеих строках двустишия, семантическая нагрузка, которую они несут, определяется контекстом всего фразеологизма.

Baj – seýinyanda.

K'ambäyäl – tapkanda.

В данной пословице, надо полагать, опущено редифное слово jäidu «кушает». Следовательно, она может быть переведена: «Богатый (ест), когда ему хочется, а бедный – когда находит (нищу)».

Такие усеченные фразеологизмы эллиптической конструкции зачастую употребляются в языке параллельно с их полными исходными формами, создавая тем самым варианты одних и тех же пословиц и поговорок:

Полные варианты:

Baj bajya bakar,

Su sajya akar.

Эллиптические

варианты:

Baj – bajya,

Su – sajya.

Дословно: «Богач (тянется) к богачу, вода (течет) в ложбину (в смысле: руку моет)»;

Alyanda «bismilla» däjdu.
Bärgändä, – «astaxpiralla» däjdu.

Alyanda, – «bismilla»
Bärgändä, – «astaxpiralla».

Дословно: «Когда берет, говорит: «бисмилла»⁶, когда отдает – «астахпиралла»⁷».

Говоря об аналогичных случаях в русском языке (например: «голод не тетка, пирожка не подсунет» – «голод – не тетка»; «хлопот полон рот, а перекусить нечего» – «хлопот полон рот»), Н. М. Шанский отмечает, что «почти во всех случаях такая трансформация лексического состава

6 «Бисмилла» восходит к арабскому «во имя аллаха» и произносится верующими по религиозному ритуалу при любом начинании.

7 «Астахпиралла» восходит к арабскому «прости господи» и употребляется верующими для выражения чувства недоумения, недовольства, сожаления.

фразеологизма сопровождается также и его структурной перестройкой»⁸.

Факты уйгурского языка в какой-то степени также подтверждают это положение. Например:

Biligi joyan birni jeñär
Bilimi toluk – miñni

Biläk'lik' – birni,
Bilimlik – miñni.

Дословно: «У кого полное (мощное) предплечье, победит одного, кто полон знанием – победит тысячу».

Однако было бы неверно утверждать, что в уйгурском языке все пословицы и поговорки, подвергшиеся эллипсису, испытали структурную перестройку. Во многих случаях явление эллипсиса, касаясь лишь отдельных компонентов пословиц и поговорок, не ведет к их внутренней перестройке или изменению грамматической структуры в целом. Поэтому подобные разновидности пословиц и поговорок с полным основанием можно отнести к разряду вариантных фразеологизмов. Другими словами, различие между сокращенным и полным вариантами пословиц и поговорок заключается в их стилистической окраске и применении. В этом отношении прав Н.М.Шанский, который указывал: «В результате сокращения устойчивые сочетания слов становятся более выразительными в стилистическом отношении и удобными с точки зрения их использования в динамичном но своему существу разговорном языке»⁹.

Как свидетельствуют факты, в уйгурском языке полные лексические варианты пословиц и поговорок характерны для письменно-литературного языка, а краткие варианты более свойственны стилю разговорной речи, всегда тяготеющему к лаконичности. Но бывают случаи, когда отдельные пословицы и поговорки претерпевают в письменном языке такие изменения, что воспроизвести их исходные формы почти не представляется возможным. Но это относится уже к области авторской переработки и контаминации, что выходит за рамки фразеологических вариаций¹⁰.

В связи с изучением эллипсиса в структуре уйгурских пословиц и поговорок необходимо отметить две их особенности.

В одном случае лексически усеченные типы пословиц и поговорок не сохранили своих полных, исходных вариантов, и трудно восстановить те элементы, которые были подвергнуты эллипсису. Например:

⁸ Н.М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 107.

⁹ Н.М. Шанский. Указ. раб., стр. 107.

¹⁰ А.Т. Кайдаров. Особенности стилистического употребления синонимичных и вариантных фразеологизмов в уйгурском литературном языке. «Исследования по тюркологии», Алма-Ата, 1909; стр. 164–171.

Jaxšiya – iŝarät,
Jamanya – ouvalduz.

Дословно: «Хорошему (достаточен) – намек, а плохому (необходима) – большая игла»¹¹.

Jaxšiya – jaydäk',
Jamanya – daydäk'.

Дословно: «К хорошему (отнесись) подобно маслу (т. е. ласково), к плохому (отнесись) подобно пятну (т. е. грубо)».

Jat – jegičä,
Tukkan – ölgičä.

Дословно: «Чужой (с тобой) пока ест, а родственник (с тобой) до самой смерти».

В другом же случае имеется возможность проследить процесс эллиптического упрощения: наличествуют полные, неполные и краткие варианты фразеологических единиц.

Полный вариант	Неполный вариант	Краткий вариант
Jamanya jolima, jalisi žukar, Kazanya jolima, karisi žukar.	Jamanniñ žukar, Kazanniñ – karisi.	jalisi Jamanniñ – jalisi, Kazanniñ – karisi.

Перевод полного варианта: «К плохому не подходи – беды не оберешься, не прикасайся к казану – вымажешься».

5. В сфере фразеологических единиц уйгурского языка иногда происходят более сложные изменения, которые затрагивают их структурно-композиционные стороны и придают семантическому ядру дополнительные оттенки. Такое изменение обычно происходит в разной речевой ситуации и, конечно, имеет свои определенные стилистические мотивы. Так в структуре отдельных пословиц и поговорок иногда происходит расчленение, раздвоение или, наоборот, объединение двух относительно самостоятельных фразеологических единиц. Например:

Jamanniñ jaxšisi bolıciä,
Jaxšiniñ jamini bol;
Karmukniñ deni bolıciä,
Buđajniñ samini bol.

¹¹ В скобки заключен перевод предположительного значения опущенного или отсутствующего компонента пословиц и поговорок.

Дословно:

«Чем быть хорошим среди плохих,
Лучше быть плохим среди хороших;
Чем быть зернышком плевела,
Лучше быть соломой пшеницы».

Данная пословица как четверостишие приводится¹² в прессе и в художественной литературе, но встречается она и в форме двух самостоятельных двустиший.

Оставляя в стороне вопрос истории образования этой пословицы, отметим, что она может восприниматься и как единое целое, и как два структурных элемента, сочетающихся по принципу параллелизма благодаря общности их семантики. Практика языка допускает употребление каждого компонента в отдельности (*jamanniñ jaxšisi bolyıça, jaxšiniñ jamini bol || karmukniñ deni bolyıça, buydajniñ samini bol*), создавая тем самым параллельные варианты сложной фразеологической единицы. Эти варианты в семантическом отношении выступают как равнозначные части целого, хотя параллелизм образец, лежащий в их основе, может придавать свои оттенки в разных стилистических контекстах.

Объединение и разделение фразеологизмов в языке обусловлены различными внутренними мотивами. В зависимости от самостоятельности варьирующихся компонентов они могут образовывать ряд структурных типов. Например:

*Etiñ harsa, döngä çap,
Ussisañ, talkan kap ät.*

Дословно: «Если конь твой устал – скачи в гору,
Если ты хочешь пить – поешь толокна».

В данном случае объединение двух самостоятельных фразеологизмов произошло на основе соотнесенности образа и общности семантического противопоставления. Немаловажным фактором в образовании таких типов фразеологических единиц является созвучность рифмующихся строф. Это хорошо видно из пословицы:

*Zamana – zorniñ,
Tamašä – korniñ;
Manta – aiñmomixorniñ,
Belik – torniñ.*

12 Э.Н. Наджип. Уйгурский язык. М., 1954, стр. 64.

Дословно: «Эпоха– (принадлежит) сильным.

Увеселенье – (для) слепых:

Манты – (для) любителей паровых пельменей.

Рыба – (принадлежит) сети».

Но в языковой практике, и в противоположность приведенным выше примерам, часто происходит расщепление некогда цельной фразеологической единицы. Это по всей вероятности, обусловлено тенденцией к избавлению от структурно громоздких фразеологизмов и стремлением к предельной лаконичности выражения.

Как свидетельствуют факты уйгурского языка, расщепление целого на его компоненты получило широкое распространение, причем в языке закрепляется первый компонент структурно сложных пословиц и поговорок, а второй и следующий за ним компоненты во многих случаях приобретают факультативность употребления или вовсе не используются самостоятельно.

Возьмем, например, пословицу:

Adäm-adäm bilän,

Pistä-badam bilän.

Дословно: «Человек (хорош) с человеком, фисташка (хороша) с миндалем». В языковой практике, особенно в устной речи, в основном употребляется ее первая часть – Adäm-adäm bilan, тогда как вторая часть (Pistä-badam bilän) не имеет самостоятельного употребления. Или:

Ärzän gösniñ šovisi tetimas,

Ärzän malniñ – iligi¹³.

Дословно: «У дешевого мяса бульон невкусен,

У дешевого скота костный мозг невкусен».

В этом примере, в отличие от предыдущего, компоненты могут употребляться факультативно.

Как бы то ни было, для фразеологической лексики уйгурского языка характерны варианты пословиц и поговорок, которые в одном случае выступают как целое, включающее составные части, а в другом – как части (самостоятельные, факультативные и несамостоятельные) единого целого.

В отличие от указанных выше типов лексико-структурных фразеологизмов в особую группу следует выделить уйгурские пословицы и поговорки, варьирующиеся компоненты которых имеют различные значения, хотя от этого их общая семантика не нарушается:

а) варьирующимися компонентами выступают слова разного

13 См.: «Уйгур макал вә тәмсиллири».

значения: Kizim, saña ejtaj, k'elinim sän tiñša дословно: «Дочка, я говорю тебе, а ты, сноха, слушай» || Oylum, saña ejtaj, k'elinim, sän tiñša¹⁴, дословно: «Сынок, я говорю тебе, а ты, сноха, слушай»; Kolida bäs tijini jok, töginiñ cişini sanaptu дословно: «В руках (т. е. в наличии) нет и пяти копеек, но считает зубы верблюда» || Kolida jättä tijini jok, töginiñ cişini sanaptu, дословно: «В руках (т. е. в наличии) нет и семи копеек, но считает зубы верблюда»; Ustixan jegän işt, ölgicä xujini taştımaptu дословно: «Собака, съевшая кость, до самой смерти не оставляет свою привычку» || Tasma jegän işt ölgicä su xujini taşlimajdu дословно: «Собака, съевшая тесьму, до самой смерти не изменит своему нраву» и др.;

б) варьирующимися компонентами выступают слова и словосочетания разного значения: Ötk'än ömir – akkan su дословно: «Проходящая жизнь – проточная вода» || Ötk'än ömir – öčk'än k'ül дословно: «Прожитая жизнь – прогоревший уголь (пепел)»; İşt egisi bilän k'üclük' дословно: «Собака сильна при хозяине» || işt ugisida k'üclük' дословно: «Собака сильна в своей конуре»; Gäp desä, altä eşak'k'ä žük' дословно: «А разговору-то ноша для шести ослов» || Gäp desä, altä tayar дословно: «А разговору-то (целых) шесть мешков»; Gäp üzdä jaxşı, kavapzixta дословно: «Хорошо говорить в лицо, (хорошо готовить) шашлык на вертеле» || Gäp üzdä jaxşı, ussultüzdä дословно: «Хорошо говорить в лицо, а танцевать (хорошо) – на ровном месте» и др.;

в) варьирующимися компонентами выступают структурно-составные элементы пословиц и поговорок, представляющие собой самостоятельные фразы: Sän salar, män salar, aška роçakni k'im salar дословно: «Ты положишь, я положу, кто же (все-таки) положит горох в суп» || Sän salar, män salar, atka çöpni k'im salar дословно: «Ты положишь, я положу, кто же (все-таки) положит коню сено»; Aүrikni bus öltirär, iрlasni – nas дословно: «Больного убивает чад (от горящего масла), а нечистоплотного – неопрятность» || Aүrikni bus öltirär, ärni nomus öltirär дословно: «Больного убивает чад, а мужчину убивает честь»; Žugañniñ muңgizi içida дословно: «У тихони рожки внутри» (в смысле: «В тихом омуте черти водятся») || Јaman uјniñ muңgizi içidä дословно: «У плохой коровы рожки внутри (спрятаны)» и др.

Если исходить из общей семантики приведенных выше пословиц и поговорок, то они вполне могут быть отнесены к разряду лексико-структурных вариантов. Следовательно, строгая синонимичность варьирующихся компонентов, как это имело место в идиоматических

¹⁴ Этот вариант зафиксирован в книге Э.Н. Наджипа «Уйгурский язык», М., 1954, стр. 55.

выражениях, для вариантов пословиц и поговорок не является обязательным условием, хотя несоотнесенность образа, структурная и семантическая многоплановость всегда сопровождаются дополнительными эмоционально- экспрессивными оттенками, что представляет исключительный интерес с точки зрения их стилистической оппозиции¹⁵.

«Советская тюркология», Баку, №2. 1970. с. 70-81.

Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе.

Итоги и проблемы

Уйгуроведение как самостоятельная отрасль тюркологии и востоковедения, занимающаяся изучением материальной и духовной культуры уйгурского народа, имеет довольно солидную историю, которая делится на две равнозначные по объему, но далеко не одинаковые по результативности эпохи: дооктябрьскую и послеоктябрьскую. Первый этап характеризуется становлением и сложением уйгуроведения как самостоятельной научной дисциплины, у колыбели которой стояли многие отечественные и зарубежные ученые, заложившие своими трудами научную основу уйгуристики в широком смысле этого слова.

Благодаря их трудам в структуре комплексной по своей природе уйгуроведческой науки довольно четко складывается уйгурская лингвистика, которая свое дальнейшее всестороннее развитие получает в советскую эпоху. Изучение проблем уйгурского языка в советское время отличается от дореволюционных, преимущественно спорадических, исследований своим планомерным и поступательным характером развития, сочетанием теоретических разработок с насущными вопросами языковой практики уйгуров.

Не умаляя значения и роли трудов дореволюционных ученых-уйгуроведов в развитии уйгуристики в нашей стране, следует отметить, что уйгурское языкознание в современном его понимании является плодом нашей советской действительности. Это объясняется рядом объективных обстоятельств.

Первой причиной того, что уйгурское языкознание, как и уйгуроведение в целом, сформировалось как научная дисциплина и получило небывалое развитие именно в Советском Союзе, где проживает незначительная часть уйгурского народа, является победа Великого Октября, которая дала не только свободу всем малым народам бывшей

15 Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 150–171. Советская тюркология, № 2.

царской окраины, но и создала необходимые условия для расцвета их материальной и духовной культуры, научного изучения их истории, языка и литературы.

Во-вторых, язык советских уйгуров, несмотря на их географическую разрозненность, был признан одним из 130 равноправных языков малых и больших народов нашей многонациональной Родины, и благодаря правильной ленинской национальной политике он именно в советскую эпоху получил права гражданства как национальный письменно-литературный язык в числе ныне функционирующих в СССР 70 литературных языков.

В-третьих, развитие уйгурского языкознания теснейшим образом связано с развитием и небывалыми успехами тюркологической науки в советскую эпоху, неотъемлемой частью которой оно является, с усовершенствованием методологии и методики исследований.

В-четвертых, характерной особенностью развития уйгурского языкознания на данном этапе является значительное расширение объекта и тематики исследования, продиктованное насущными практическими потребностями культурной жизни советских уйгуров: созданием письменности, определением статуса литературного языка, изучением живой речи и языковых категорий и т. д. Если до революции изучение вопросов уйгурского языка и письменных памятников в основном зависело от личных научных интересов отдельных ученых-энтузиастов, то в советский период проблемы уйгурского языкознания решались в плановом порядке в таких научных центрах, как Москва и Ленинград, Ташкент и Алма-Ата. Исключительно важным фактором в развитии уйгурского языкознания и уйгуроведения в целом явилось функционирование в системе Академии наук КазССР с 1946 г. научной ячейки, превратившейся ныне в большой комплексный отдел – Отдел уйгуроведения, который по праву считается единственным в своем роде центром уйгуроведческой науки в Советском Союзе.

И последнее, что необходимо отметить в числе объективных факторов развития уйгурского языкознания в нашей стране, это исключительно большой научный интерес ученых к языку уйгуров и его древним и средневековым письменным памятникам, а следовательно, и привлечение большого числа ученых-уйгуров, работающих главным образом в Казахстане и республиках Средней Азии и исследующих самые различные вопросы уйгурского языка. В области уйгурского языкознания плодотворно работает большой отряд уйгуроведов, и сегодня мы, подводя итоги пройденному этапу развития уйгу-

роведения, должны констатировать, что их научные поиски и труды в своей совокупности определяют успехи этой науки, а творческие планы, которыми они живут, – ее дальнейшее поступательное развитие.

Надо отметить, что подведение итогов пройденного этапа развития уйгурского языкознания отнюдь не отчет о проделанной работе ученых-лингвистов во всех ее подробностях. Говоря о наиболее важных этапах развития и разработки научно-практических проблем уйгурского языкознания, мы ставим перед собою цель прежде всего как можно яснее представить перспективы дальнейшего развития этой науки, наметить ее наиболее важные и первостепенные проблемы и мобилизовать, координировать в известной степени разрозненные научные силы уйгуроведов Советского Союза в целях их успешного решения.

В развитии уйгурского языкознания в советский период можно усмотреть два этапа: довоенный и послевоенный. Первый этап характеризуется преимущественно мероприятиями и исследованиями практического назначения. Так, например, в 20–40-х гг. основные усилия местных уйгурских языковедов были направлены на создание и усовершенствование письменности, на разработку научных основ уйгурской орфографии и принципов терминотворчества, на создание учебников и учебных программ для уйгурских школ, на формирование единых литературных норм уйгурского языка в местах его функционирования: в Узбекистане, Казахстане, Киргизии и Туркмении. Уйгуроведы Москвы и Ленинграда в этот период занимались главным образом созданием учебных пособий, словарей и первых научных грамматик. В частности появились «Учебник уйгурского языка» А.К.Боровкова (1935), «Очерк грамматики уйгурского языка» Н. А. Баскакова (1939), «Уйгурско-русский словарь» Н.А.Баскакова и В. М. Насилова (1939), «Грамматика уйгурского языка» В.М. Насилова (1940), «Хрестоматия уйгурского языка» К. К. Юдахина (1948), «Хрестоматия по уйгурской литературе» В. И. Новгородского (1947), «Разговорник уйгурского языка» Х.Р. Рахимовой и З. А. Киселевой под ред. Т. Р. Рахимова (1950) и др.

Эти труды послужили теоретической базой для создания самых различных школьных нормативных грамматик и учебных пособий и словарей. Наиболее важным результатом первого этапа развития уйгурского языкознания, таким образом, было: создание (сначала на основе латинской, а затем русской графики) унифицированной уйгурской письменности (1947), основ орфографии и разработка общих принципов терминологии, а также решение довольно сложного вопроса, связанного с определением статуса литературного языка советских уйгуров и его диалектной базы.

В решении всех этих вопросов в свое время местным уйгурским языковедам большую помощь оказали ученые Москвы и Ленинграда, прежде всего С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков.

Многочисленные труды С. Е. Малова по изучению уйгурского языка и его диалектов, публикации памятников древнеуйгурской письменности занимают в истории уйгуристики особое место и дают основание считать его по праву главой советского уйгуроведения. С.Е.Малов, внесший неоценимый вклад в развитие уйгуроведения в советский период, отличался тонким знанием как языка уйгурских памятников, так и живых уйгурских наречий, для изучения которых он дважды ездил на родину уйгуров в Восточный Туркестан. В отличие от своего учителя акад. В. В. Радлова – художника больших полотен и крупных мазков, С. Е. Малов был, как образно и метко заметила его ученица проф. Е. И. Убрятова, мастером тщательно отделанной миниатюры, поражающей блеском и тонкостью работы. С.Е.Малов участвовал в научно-практических конференциях по вопросам уйгурской письменности, орфографии, терминологии и литературного языка, проходивших в 20–30-е гг. в Ташкенте, Самарканде и Алма-Ате, помогая местным уйгурским языковедам в решении научно-теоретических вопросов языкового строительства.

Создателями первых научных грамматик и грамматических очерков, первых учебных и двуязычных словарей были проф. К. К. Юдахин, В.М.Насилов, Н. А. Баскаков.

Надо отметить, что многочисленные исследования по уйгурскому языку Н. А. Баскакова, выдающегося ученого-тюрколога нашей страны, имеют для истории советского уйгуроведения исключительно важное значение. Достаточно вспомнить, что еще в 1928 г. Н. А. Баскаков первым из советских ученых, приехав в Среднюю Азию, стал изучать живой разговорный язык пржевальских уйгуров. Полевые записи его, сделанные во время этой экспедиции, опубликованы издательством «Наука» Казахской ССР в Алма-Ате в этом году, и представляют собой ценный источник по изучению диалектных особенностей языка, советских уйгуров.

Второй, послевоенный, этап истории уйгурского языкознания характеризуется бурным развитием, общей интенсификацией научных исследований по всем основным его разделам и направлениям. Он характеризуется не только большим объемом печатной продукции, но и глубиной разработки актуальных научно-практических проблем уйгурского языка, его фонетической системы, грамматического строя,

лексического богатства, диалектных особенностей, его истории, литературно-исторических памятников и т. д.

И надо отметить, что такое фронтальное исследование языковой структуры в плане диахронии и синхронии, а также удовлетворение насущных потребностей языковой практики, сознательное регулирование языкового процесса, упорядочение его письменно-орфографических, орфоэпических, лексико-грамматических норм, обеспечение их коммуникативной пригодности и т. д. – все это стало возможным благодаря функционированию в системе АН КазССР научного центра – Отдела уйгуроведения, занимающегося вот уже более 30 лет разработкой этих проблем.

1. Исследования в области истории и диалектологии уйгурского языка

Всем известно, что уйгуроведение возникло в связи с обнаружением в Восточном Туркестане богатейшей коллекции древнеуйгурских письменных памятников и их изучением в России и за рубежом. Много было сделано в этой области отечественными тюркологами еще в дореволюционный период. Эта добрая научная традиция получила в советский период свое дальнейшее развитие. Эстафету исследования языка памятников древнеуйгурского письма от своих предшественников принял С. Е. Малов, опубликовав в 1928 г. (с некоторым дополнением) ценнейшую рукопись своего учителя акад. В.В.Радлова «Памятники уйгурского языка», а в 1951 г. – свой фундаментальный труд «Памятники древнетюркской письменности», в котором немало места отведено и уйгурским памятникам. Надо сказать, что появление этого труда ознаменовало собой как бы новый этап исследований древнетюркских, в том числе и древнеуйгурских, а также средневековых арабописьменных памятников.

Так, ближайший ученик С. Е. Малова, ныне виднейший тюрколог нашей страны Э. Р. Тенишев в 1953 г. издал свой «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск». Другой ученик С.Е.Малова также виднейший ученый-тюрколог А. М. Щербак в 1959 г. опубликовал две работы: «Грамматический очерк языка тюркских текстов из Восточного Туркестана X–XV вв.», и ««Огуз-наме», «Мухаббат-наме» (памятники древнеуйгурской и староузбекской письменностей)». В 1963 г. проф. В. М. Насилов опубликовал свое исследование «Древнеуйгурский язык». В числе аналогичных трудов по орхонике, енисеике, уйгуристике

и средневековым арабописьменным памятникам можно было бы назвать ряд трудов И. А. Батманова, А. К. Боровкова, С.Г. Кляшторного, Э. Н. Наджиба, Д.М. Насилова, Л. Ю. Тугушевой и др.

Примечательно то, что с появлением этих трудов значительно возрос научный интерес к изучению тюркских памятников в союзных и автономных тюркоязычных республиках. В числе местных ученых, вносящих посильную лепту в изучение орхоно-енисейских, древнеуйгурских письменных памятников, можно назвать, например, Г. Айдарова, А. Аманжолова, М.Томанова, М. Ахметова, К. Дыйханова, С. Кудайбергенова, А. Раджабова, И. Шервашидзе, А. Есенгулова, Н. К. Антонова, З. Мухамедову, М.Маматкулова.

Говоря об истории уйгурского языка, нельзя обойти молчанием вопросы преемственности его исторического развития, связи его с языком отдельных письменных памятников древности, его места в общей классификации тюркских языков. По этим вопросам мы имеем немало ценных высказываний С. Е. Малова, Н. А. Баскакова, И. А. Батманова, Э. Р. Тенишева, Э.Н.Наджиба, А. Т. Кайдарова, Г. Ф. Благовой и др. Однако считать проблему окончательно решенной нельзя. Она требует специального исследования.

Изучение исторического процесса становления и формирования современного уйгурского литературного языка, как известно, теснейшим образом связано с изучением общенародного языка уйгуров и особенностей их живой разговорной речи с последующим определением его диалектной базы. Начало диалектологическим исследованиям в Восточном Туркестане было положено еще в дореволюционный период С. Е. Маловым во время его двукратной поездки в эту страну, а затем они продолжены Н. Ф. Катановым, Н. Н. Пантусовым и др.

Богатый диалектологический материал по языку уйгуров Кашгарского оазиса в 30-х гг. был собран, а позже опубликован (1946, 1948, 1951) в нескольких томах шведским ученым проф. Г. Яррингом. В 50-х гг. во время своего пребывания в СУАР КНР Э. Р. Тенишев собрал богатейший диалектологический материал по языку синьцзянских уйгуров и опубликовал предварительные итоги этой работы. Вопросами изучения особенностей живого разговорного языка синьцзянских уйгуров занимались в свое время и местные уйгурские языковеды Имин Турсун и А. Гаппарова.

Несколько особняком стоят исследования Э. Р. Тенишева по сарыгюгурскому и саларскому языкам, явившиеся результатом его

научной командировки в СУАР и опубликованные уже в виде отдельных монографий.

Объектом многолетних исследований уйгуроведов были особенности общенародного языка советских уйгуров, живущих на территории Казахстана и трех среднеазиатских республик: Узбекистана, Киргизии и Туркмении. Вышеупомянутая работа Н.А.Баскакова по языку прииссыккульских уйгуров была началом этого дела. Особенности живой разговорной речи советских уйгуров на территории Казахстана и Узбекистана в свое время интересовались Е. Поливанов, К. Юдахин, В.Решетов, А. Мухаммади, С. Шакирджанов и др., а в 50-х гг. Л. Аганина исследовала особенности языка уйгуров Чиликского района Алма-Атинской области.

Но основательное, планомерное изучение языка уйгуров этих регионов было начато казахстанскими уйгуроведами путем неоднократных экспедиционных выездов, организованных Отделом уйгуроведения.

Среди опубликованных монографических исследований по диалектам современного уйгурского языка особое место занимает монография А.Т.Кайдарова «Развитие современного уйгурского литературного языка. Часть 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка», опубликованная в 1969 г. В этой книге рассматривается общенародная основа уйгурского языка во всех его диалектных проявлениях.

Изучению языковых особенностей двух больших групп в этнолингвистическом составе советских уйгуров, определению их взаимоотношений и преемственных связей с соответствующими говорами – семиреченского с илийским, ферганского с кашгарским – посвящена совместная работа А.Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова, издание которой планируется в Москве.

Результатом многолетнего изучения особенностей языка уйгуров Ферганской долины явилась монография Г. С. Садвакасова в двух томах «Язык уйгуров Ферганской долины» (1970, 1976). В этой работе впервые рассматривается исторический процесс взаимодействия уйгурского языка с близкородственным узбекским языком данного региона. Ферганский говор со всеми его особенностями рассматривается как самостоятельная диалектная единица в системе уйгурских диалектов. При этом положении семиреченский говор вполне объективно сыграл доминирующую роль в формировании литературного языка.

2. Исследование грамматического строя уйгурского языка

В истории уйгурского языкознания особое место занимают исследования грамматического строя языка. Имеются в виду не школьные грамматики, которые обладают своей спецификой, а грамматики научные, систематические. К числу таких работ прежде всего можно отнести двухтомную коллективную монографию на уйгурском языке «Современный уйгурский язык. Лексика, фонетика, морфология, синтаксис» (Алма-Ата, 1963, 1966). Естественно, созданию этого труда предшествовало, как было уже отмечено, «здание грамматик и грамматических очерков Н. А. Баскакова, В. М. Насилова, А. К. Боровкова и др., а также публикации ряда научных статей и трудов уйгуроведов, посвященных отдельным грамматическим категориям, в частности категориям вида (В. М. Насилова), именам действий (К. Малиев), аффиксальному словообразованию (Г. Садвакасов), частицам (А.Т. Кайдаров. И. Мусазаев), наречию (О. Джамалдинов), способам примыкания (Р. Ф. Тарасенко), синтаксическим функциям причастия (Е.И.Ушаков), вопросам синтаксиса (Ю. Цунвазо, И. Семятов), сложным глаголам (Ш. Кибилов).

В области научного исследования строя современного уйгурского языка большой известностью пользуется книга Э. Н. Наджиба «Современный уйгурский язык», опубликованная в серии «Языки народов мира» на русском и английском языках (М., 1960).

Тем не менее грамматический строй уйгурского языка ждет своего более глубокого и систематического исследования.

3. Исследования по уйгурской лексикологии и лексикографии

Лексикология и лексикография – самые большие разделы уйгурского языкознания, по которым успешно ведутся исследования. Назовем несколько лексикологических работ, выполненных в 50-х гг.: «Китайские элементы в уйгурском языке» В. М. Новгородского (1951), «Русско-советско-интернациональная лексика в современном уйгурском языке» И. А. Исмаилова (1953), «Слитные существительные в уйгурском языке» Г. Садвакасова (1958), «Парные слова в современном уйгурском языке» А. Т. Кайдарова (1958), «Устойчивые словосочетания в современном уйгурском языке» Ч. Г. Сейфуллина (1953), «Персидско-таджикские заимствования в уйгурском языке» Х. Насырова (1972), «Профессиональная лексика уйгурского языка» Ш. Баратова (1975). Говоря о лексикографических работах по уйгурскому языку, мы прежде всего должны указать на издание ряда двуязычных

– уйгурско-русских и русско-уйгурских – школьных орфографических словарей и глоссариев разного характера. После известного «Уйгурско-русского словаря» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1939), если не считать изданного до него в Стамбуле «Уйгурского словаря» А. Джафароглу, в 1952 г. в Пекине вышел «Уйгурско-китайско-русский словарь» Бурхан Шахиди, составленный на основе вышеуказанного «Уйгурско-русского словаря». В 1955 г. в Алма-Ате под ред. Ю. Цунвазо и А. Шамиевой увидел свет первый «Русско-уйгурский словарь» для синьцзянских уйгуров на арабском шрифте, а спустя год в Москве под ред. Т. Рахимова был издан более полный «Русско-уйгурский словарь» (30 тыс. слов). В 1961 г. под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо в издательстве АН КазССР вышел «Уйгурско-русский словарь» (16 тыс. слов), в 1968 г. в Москве издательством «Советская энциклопедия» выпущен «Уйгурско-русский словарь» Э. Н. Наджипа (33 тыс. слов) на арабском шрифте с русской транслитерацией. В 1970 г. в Москве было осуществлено издание своеобразного словаря «Китайские элементы в современном уйгурском языке» Т. Р. Рахимова.

Даже беглое перечисление лексикологических и лексикографических работ, выполненных за полувековой период развития уйгурского языкознания, говорит о том, что в этой области проделана значительная работа. Однако наша информация будет неполной, если не сказать о большой и кропотливой работе языковедов Отдела уйгуроведения по созданию двухтомного толкового словаря современного уйгурского языка. Подготовкой и изданием этой фундаментальной работы как бы завершается этап лексикографической фиксации словарного богатства уйгурского языка.

4. Исследование фонетико-фонологической системы уйгурского языка

Помимо В. В. Радлова, Г. Ракетта, Г. Ярринга фонетическая система уйгурского языка и его диалектов рассматривалась в трудах Т. Талипова «Развитие фонетической структуры уйгурского языка» (1972), «Гласные звуки уйгурского и казахского языков» (1968) и во множестве статей. В последнее время уйгурское языкознание пополнилось интересной монографией М. И. Трофимова «Фонетические процессы в слове в современном уйгурском языке» (1978). Вопросы уйгурской фонетики в известной степени затрагиваются также в специальных разделах вышеназванных трудов Э. Н. Наджипа, А. Т. Кайдарова, Л. Аганиной, Г. Садвакасова.

Однако интересная по своей природе и отличающаяся от

аналогичных систем родственных языков своеобразными особенностями фонетическая система уйгурского языка заслуживает большего внимания исследователей. Особенно интересна уйгурская фонетика в плане ее исторического развития.

5. Решение практических проблем уйгурского языка

К практическим (прикладным) проблемам уйгурского языка относятся прежде всего вопросы алфавита, орфографии, пунктуации, терминологии, которые в совокупности регулируют процесс развития письменной и устной речи, повышая ее культуру, и способствуют стабилизации и нормализации литературного языка. Они получили научное осмысление и теоретическое обоснование в работах А. Шамиевой и К. Хасанова по алфавиту на основе русской графики, Г. Садвакасова и Ч. Сейфуллина по орфографии, И.Исмаилова и А. Кайдарова по терминологии и др.

Таковы в общих чертах итоги и результаты научно-практических исследований по уйгурскому языку, проведенных усилиями целой плеяды ученых-уйгуроведов на протяжении полувекового периода становления и развития уйгурского языкознания в нашей стране.

Из приведенного обзора проделанной работы становится очевидным не только то, чего мы достигли, но и то, что следует поставить на повестку дня и решить общими усилиями. В этой связи, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на следующие общие и конкретные проблемы уйгурского языкознания и сообразно им определить свои задачи и пути перспективного развития этой науки:

1. Дальнейшее более глубокое и всестороннее исследование закономерностей развития грамматического строя, фонетической системы и лексического состава современного уйгурского языка с целью создания обобщающего монографического труда «Строй уйгурского языка» (на рус. яз.).

2. Изучение истории уйгурского письменного литературного языка дооктябрьского периода на основе анализа языка богатейших памятников уйгурской классической литературы средневековья, что несомненно прольет свет на вопрос о преемственности развития уйгурского языка в разные исторические эпохи, о роли языка классической литературы уйгуров в формировании различных региональных литературных языков народов Средней Азии в позднем средневековье.

3. Более интенсивное исследование лексического богатства уйгурского языка в плане диахронии и синхронии, а также создание больших лексикографических трудов, в частности: толкового словаря современного уйгурского языка, словаря уйгурской классической литературы, диалектологического, терминологического и других отраслевых и двуязычных словарей; усовершенствование существующих орфографических словарей.

4. Исследование процесса взаимодействия и взаимовлияния уйгурского языка и других родственных и неродственных языков в условиях длительного контактирования, а также роли великого русского языка в развитии и обогащении уйгурского языка, процесса двуязычия и многоязычия среди различных слоев уйгурского населения в регионах их проживания.

5. Планомерная подготовка научных лингвистических кадров как на местах, так и в научных центрах Ленинграда и Москвы.

АН КазССР институт языкознания отдел уйгуроведения Актуальные проблемы советского уйгуроведения Материалы I республиканской уйгуроведческой конференции. Алма-Ата, 29-31май 1979. с. 17-27. (соавт. Э.Н. Наджиш, Г.С.Садвакасов)

Уйгуроведение в Казахстане

История уйгуроведения делится на две равнозначные по объему, но далеко не одинаковые по результативности эпохи: дооктябрьскую и послеоктябрьскую.

Первая – это период сложения уйгуроведения как самостоятельной отрасли востоковедческой науки, занимающейся изучением материальной и духовной культуры уйгурского народа. У колыбели уйгуроведения стояли такие отечественные и зарубежные ученые, как Н. М. Пржевальский, М.В.Певцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ч. Ч. Валиханов, П. К. Козлов, И.Н.Березин, Н. И. Ильминский, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, Н.Ф.Катанов, Н. Н. Пантусов, С. Е. Малов, Ю. Клапрот, Н. Вамбери, Р. Шоу, Н. Витакер, А. Лекок, В. Банг и многие другие, которые своими трудами заложили основу уйгуроведения в широком смысле этого слова.

Во второй, советский, период уйгуроведение получило свое дальнейшее всестороннее развитие. Изучение уйгуроведческих дисциплин, куда прежде всего входят история и этнография, языки литературы уйгуров, а также освоение письменно-литературных памятников в отличие от дореволюционных, преимущественно опорадических, исследований приобретает вполне

плановый и систематический характер. Усовершенствовались сам метод и методология исследования, значительно расширилась тематика уйгуроведческих проблем, разработка которых прежде всего диктовалась практическими потребностями культурной жизни советских уйгуров.

Успехи уйгуроведческой науки в послеоктябрьский период определяются коллективными усилиями советских ученых, которые, продолжая лучшие традиции наших отечественных тюркологов, подняли уйгуроведение на новую ступень развития. Если до революции изучение вопросов истории и этнографии, языка и литературы уйгурского народа в основном исходило из личных научных интересов отдельных ученых-энтузиастов, в советский период исследование уйгуроведческих проблем стало делом общественного значения и рассматривается как неотъемлемая часть общей проблемы культурного строительства в нашей стране. В решении ее важную роль играют национальные кадры – ученые, работающие в республиках Средней Азии и Казахстане, число которых с каждым годом увеличивается.

Вопросами уйгуроведения в настоящее время занимаются некоторые зарубежные ученые, в их числе профессор Гуннар Ярринг, с которым мы имеем сегодня приятную встречу.

Как было отмечено в докладе Н. А. Баскакова, центром уйгуроведческой науки в Советском Союзе является Отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР, с деятельностью которого я и хочу ознакомить присутствующих.

Основная масса советских уйгуров обитает в Казахстане. В уйгурских школах десятки тысяч детей обучаются на родном языке, в республике функционирует уйгурский театр, на уйгурском языке издаются учебники и учебные пособия, художественная и периодическая литература, организованы радио и телепередачи. Все это явилось объективным условием создания в Казахстане уйгуроведческого центра, который в настоящее время превратился в комплексную научную организацию, способную разработать практически важные и теоретически актуальные вопросы уйгурского языка, литературы и истории.

Отдел уйгуроведения, в котором сосредоточена основная часть уйгуроведов республики (более 20 человек), в настоящее время занимается разработкой таких проблем, как «Развитие уйгурского литературного языка в советскую эпоху», «Толковый словарь уйгурского языка» (в 2-х томах), «История уйгурской литературы и фольклора», «Современный быт и культура уйгуров республик Средней Азии и Казахстана» и др.

Подводя итоги своей многолетней научно-исследовательской и практической работы в области уйгурского языка, литературы, истории и этнографии, ученые-уйгуроведы Казахстана могут сказать, что некоторые проблемы уже решены. Отдельные их стороны получили достаточно широкое освещение в многочисленных научных статьях, сборниках, монографических исследованиях и других трудах уйгуроведов не только нашего отдела, но и Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе и т. д. Мы имеем в виду прежде всего труды по уйгурскому языку и языковым памятникам: С. Е. Малова, К. К. Юдахина, А.К.Боровкова, В.М.Насилова, Н.А. Баскакова, Э. Н. Наджипа, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака, С.Г.Кляшторного, А. А. Кокляновой, Р. Ф. Тарасенко, Л. А. Аганиной, Е.И.Ушакова, В. И. Новгородского, Т. Р. Рахимова, Л. Г. Серовой, К.Ашурова, А. Ш. Шамиевой, И. А. Исмаилова, К. М. Мелиева, Г.Садвакасова, Т. Т. Талипова, Ч. Г. Сейфуллина, Ю. Цунвазо, О.Джамалдинова, Ш. В. Кибирова, М. Агламовой, Л. Я. Минц и др.; по истории и этнографии уйгуров – В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама, Л.И.Думана, Д. И. Тихонова, А. К. Кибирова, И. В. Захаровой, Р. Ходжаевой, Н. В. Дьяконовой, Э. М. Мамедовой, М. Кутлукова, М. Н. Кабирова, В.П.Юдина, Г. Бахамова, Ю. Г. Барановой, С. К. Ибрагимова, А.Г.Малявкина, Ю. А. Зуева, В. Н. Моржанова, Г. Исхакова и др.; по уйгурской литературе и литературным памятникам – У. М. Маматахунова, А.А. Валитовой, Ю.З. Ширвани, К. Х. Хасанова, М. К. Хамраева, К.Тохтамова, Р. Кадири, М. Абдурахманова, П. Сабитовой, С. Моллаудова, Ю. Мухлисова, Р. Сабитова, М. Алиевой и др.

Из-за краткости сообщения трудно дать исчерпывающую характеристику деятельности вышеперечисленных ученых-уйгуроведов, научной значимости и роли их трудов в развитии советского уйгуроведения. Поэтому мы, исходя из задач данной встречи, позволим себе более подробно рассказать о научной деятельности Отдела уйгуроведения в области разработки языковой проблемы и осветить некоторые итоги научных работ по исследованию процесса становления и дальнейшего развития современного литературного языка советских уйгуров.

Как мы уже говорили, уйгурское языкознание в послеоктябрьский период прежде всего исходило из практических потребностей культурной жизни советских уйгуров. Поэтому усилия ученых-уйгуроведов Москвы, Ленинграда и местных уйгурских языковедов в первые десятилетия после Октября были направлены на решение наиболее насущных, практически неотложных вопросов языкового строительства: на создание национальной

письменности, разработку орфографии и принципов терминотворчества, а также на формирование единых литературных норм для всего уйгурского населения Советского Союза.

Этот этап развития уйгурского языкознания (1930–1940 гг.) в Узбекистане и Казахстане завершается появлением унифицированной уйгурской письменности (на базе латинской, затем русской графики), основ орфографии и принципов терминологии, а также созданием учебных пособий и нормативных грамматик на родном языке учащихся-уйгуров. В эти годы вышли в свет следующие пособия: «Учебник уйгурского языка» А.К.Боровкова (1939), «Очерк грамматики уйгурского языка» Н. А.Баскакова (1939), «Уйгурско-русский словарь» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова (1939), «Грамматика уйгурского языка» В. М. Насилова (1940), «Хрестоматия уйгурского языка» К. К. Юдахина (1948) и др.

Вышедшие труды помогли не только подготовить специалистов по уйгурскому языку, но и правильно теоретически освоить национальными кадрами, работавшими в области языкознания, природу родного языка, они способствовали созданию на этой основе нормативных грамматик для уйгурских школ. Правильно была решена проблема единого литературного языка советских уйгуров при непосредственном участии таких ученых, как С.Е. Малов, К. К. Юдахин, И. А. Батманов, В. В. Решетов и др. Неоднократно созывались по этому вопросу лингвистические конференции в Алма-Ате, Ташкенте, Самарканде.

Ко второму этапу развития уйгурского языкознания в советскую эпоху можно отнести послевоенный период, который характеризуется значительным развитием научных исследований в области лексикологии и лексикографии, фонетики и грамматики, истории и диалектологии, литературного языка и письменных памятников.

Так, лексикологическими и лексикографическими работами, выполненными языковедами Отдела уйгуроведения или при их непосредственном содействии, являются «Русско-уйгурский словарь» (Москва, 1956), «Русско-уйгурский словарь» для синьцзянских уйгуров (Алма-Ата, 1955), «Уйгурско-русский словарь» (Алма-Ата, 1961), «Орфографический словарь уйгурского языка», составленный А. Илиевым и Г. Садвакасовым (Алма-Ата, 1963). В настоящее время коллектив авторов Отдела работает над составлением двухтомного «Толкового словаря современного уйгурского языка», подготовлен к печати «Русско-уйгурский терминологический словарь», охватывающий

наиболее употребительные термины по основным отраслям научно-технических, общественно-политических знаний.

Значительная работа проделана и в области грамматики: опубликованы сотни статей на самые различные темы по грамматике, защищены десятки диссертаций и опубликованы монографии и брошюры. Результатом многолетней работы является двухтомный коллективный труд «Современный уйгурский язык» (первый том вышел в 1963, а второй – в 1966 г.), в котором впервые на уйгурском языке на основе широкого фактического материала получили всестороннее систематическое описание грамматический строй, фонетика и лексика современного уйгурского литературного языка.

В последние годы ведется более углубленное изучение вопросов фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, диалектологии и истории становления и развития уйгурского литературного языка. В этой связи, например, можно назвать исследования кандидата филологических наук Т.Талипова в области уйгурской фонетики, кандидата филологических наук Г. Садвакасова – в области диалектологии языка советских уйгуров, кандидата филологических наук О. Джамалдинова и Ш. Кибирова – по словообразованию, кандидата филологических наук Ю. Цунвазо и И.Семятова – по синтаксису, Ш. Баратова – по профессиональной лексике, К.Турдиевой – по языку уйгурской периодической печати.

В течение ряда лет я работаю над изучением уйгурских диалектов в их отношении к литературному языку советских и синьцзянских уйгуров. Некоторые результаты этих исследований уже опубликованы¹. Чтобы излишне не повторяться, позволю себе в тезисном порядке изложить лишь некоторые моменты своих наблюдений по данному вопросу.

Как известно, советские уйгуры, переселившиеся в пределы России из Восточного Туркестана во второй половине XIX в., являются выходцами из южных районов, т. е. Кашгарии, и северных, Илийского края. Следовательно, они являются носителями двух наиболее характерных в лингвистическом отношении говоров (по существующей классификации – диалектов)² общенародного уйгурского языка.

Илийские уйгуры в основном живут в Казахстане и группами – на территории Туркмении и Киргизии. Уйгуры же из южных

1 *А.Кайдаров*. Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминовтвораства. Сб.: «Исследования по уйгурскому языку», кн. I. Алма-Ата, 1965, стр. 5–59.

2 *Э.Н.Наджип*. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 9; *Э.Р.Тенишев*. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. В сб.: «Тюркологические исследования», М. – Л., 1963, стр. 136 и сл.

районов Восточного Туркестана, т. е. кашгарские уйгуры, расселились в Ферганской долине Узбекистана. Поэтому в этно-лингвистической литературе принято делить советских уйгуров на семиреченскую и ферганскую группы, хотя такое деление условно.

Географическое положение, культурно-экономические связи и этнолингвистическая среда, в которой оказались уйгуры-переселенцы в силу известных исторических причин, наложили отпечаток на их язык. В результате язык уйгуров Узбекистана претерпевает влияние узбекского языка, Казахстана – влияние казахского языка, Киргизии – киргизского, уйгуров Туркмении – туркменского, оказывая обратное влияние на языки окружающего местного населения.

Однако степень взаимного влияния уйгурского языка и языков соседних тюркских народов далеко не одинакова. Так, уйгуры семиреченской группы, живущие на территории Казахстана, больше сохранили национальную самобытность и чистоту своего языка, чем уйгуры, живущие на территории Киргизии и Туркмении.

По-иному звучит язык уйгуров ферганской группы: он не просто подвергся сильному влиянию языка узбекского населения, но в известной степени узбекизировался.

Изменения, происшедшие в языке советских уйгуров со времени их переселения в пределы России, в разных группах и даже внутри одной группы различны. Это может быть объяснено объективными причинами и некоторыми чисто этнолингвистическими факторами. Например, интенсивный процесс ассимиляции языка уйгуров Ферганской долины прежде всего объясняется этнической и языковой близостью уйгуров – выходцев из южных районов Восточного Туркестана с узбеками Ферганской долины. Язык узбеков этих районов, в свою очередь, подвергся влиянию уйгурского языка, о чем часто упоминается в диалектологических исследованиях узбекских языковедов.

Причину сохранения чистоты своего языка уйгурами семиреченской группы можно объяснить прежде всего компактностью расселения уйгуров и численным превосходством их. Говоря о влиянии киргизского и туркменского языков на язык местных уйгуров, мы наблюдаем обратное: уйгуры в этих районах представлены мелкими группами среди сплошного киргизского или туркменского населения.

Эти обстоятельства привели к дифференциации кашгарского и илийского говоров, усугубили моменты их расхождения, что явилось

в свое время одним из главных препятствий создания единого литературного языка для советских уйгуров и выдвинуло ряд практически сложных вопросов, связанных с определением диалектной основы этого языка. Одни считали необходимым взять за основу язык ферганских уйгуров, т. е. кашгарский говор, другие, наоборот, – язык семиреченских уйгуров, т. е. илийский говор. Было и третье предложение – создать два параллельно действующих литературных языка, которые могли бы служить соответствующим группам советских уйгуров.

Вопрос этот в 20–30-е годы неоднократно ставился на повестку дня ряда научно-лингвистических конференций и вызвал горячий спор среди уйгурской интеллигенции и ученых-уйгуроведов. В обсуждении его активное участие принимали такие крупные тюркологи, как С. Е. Малов, К. К. Юдахин и др. Однако в результате всестороннего научного анализа природы указанных говоров и общенародного уйгурского языка было признано необходимым создать единый литературный язык для всего уйгурского населения Советского Союза на основе обоих говоров. Это несколько компромиссное решение, как показала языковая практика, дало свои положительные результаты: уйгурский литературный язык, представляющий как бы синтез лучших элементов вышеуказанных двух говоров, в условиях социалистической действительности получил свое дальнейшее развитие.

Решение вопроса о создании единого литературного языка для всего уйгурского населения Советского Союза имело большое политическое значение, и, кроме того, в чисто лингвистическом отношении оно сыграло положительную роль. Во-первых, такое решение положило конец существовавшему в то время попыткам некоторой части местной интеллигенции создать два литературных языка и тем самым воспрепятствовать закономерному процессу объединения говоров в общий литературный язык. Во-вторых, опыт создания единого письменного литературного языка советских уйгуров помог разработать по тому же образцу общелитературный письменный язык в Синьцзяне, где различные диалекты и говоры общенародного уйгурского языка в то время не получили еще литературного оформления.

Итак, говоря о диалектной основе литературного языка советских уйгуров, можно с полным основанием утверждать, что она представляет собой синтез двух говоров – кашгарского и илийского, которые к настоящему времени приобрели некоторые своеобразные черты, отличающие их от соответствующих говоров языка синьцзянских

уйгуров. Однако анализ уйгурского литературного языка показывает, что степень участия указанных двух говоров в формировании и дальнейшем развитии литературных норм далеко не одинакова: доминирующую роль в литературном процессе все же сыграл язык уйгуров семиреченской группы, т. е. илийский говор с кульджинским произношением.

Такое же явление мы наблюдаем и в языке уйгуров на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, где основой общелитературного языка является центральный диалект, объединяющий в себе языки уйгуров всей северо-западной части страны, в том числе такие городские говоры, как яркендский, кашгарский, аксуйский, кучарский, кульджинский, карашарский, урумчинский, турфанский, корлинский и комумский³. При изучении диалектов и диалектологических материалов, собранных специальной экспедицией, организованной по всему СУАР, некоторые ученые пришли к выводу, что современный литературный язык синьцзянских уйгуров базируется на кашгарском, илийском и турфанском говорах центрального диалекта, а нормой произношения признается кульджинское.

Эти данные подтверждают то мнение, что как советские, так и синьцзянские уйгуры в настоящее время пользуются общим литературным языком, функционирующим в разных условиях и на основе разных письменностей. Единство литературного языка обуславливается прежде всего единством диалектной основы и доминирующей ролью в этой основе языка илийских уйгуров.

Говоря о наличии единого уйгурского литературного языка и перспективах его дальнейшего развития в разных условиях, мы должны сделать некоторую оговорку. Несмотря на различие письменностей и письменно-орфографических канонов, литературный язык советских и синьцзянских уйгуров до последнего времени (т. е. до 60-х годов) в процессе своего формирования и развития имел много общих моментов, благоприятствовавших сближению и выработке единых литературно-стилистических и орфоэпических норм. Общность наблюдалась и в терминотворческом процессе: синьцзянские уйгуры широко пользовались советской и интернациональной терминологией, которая проникла в их язык в результате обмена художественно-публицистической, общественно-политической, научно-технической, учебно-педагогической и периодической литературой и радиоинформациями.

К чисто языковым факторам, обуславливающим расхождение между указанными вариантами литературного языка, можно отнести кроме

3 См. указ. работы Э.Н.Наджиба и Э.Р.Тенишева.

письменной традиции и терминологической лексики влияние окружающей языковой среды: китайского языка на язык синьцзянских уйгуров и русского – на язык советских. Не безучастны в этом вопросе и диалекты общенародного языка. Так, например, уйгурский литературный язык в СУАР, нивелируя и сглаживая различия между диалектами и говорами общенародного языка, испытывает на себе их воздействие. Нельзя не отметить все более усиливающуюся роль кашгарского и яркендского говоров в формировании опорного центрального диалекта и в дальнейшем развитии и усовершенствовании норм литературного языка, тогда как роль ферганского говора, имеющего преемственную связь с языком уйгуров южных районов, в развитии литературного языка советских уйгуров постепенно сводится на нет. Нам трудно сейчас предугадать, какими станут в будущем литературные языки этих двух частей уйгурского народа. Но ясно то, что наметившиеся уже тенденции в их развитии отнюдь не будут способствовать их сближению.

Что касается письменно-литературного языка советских уйгуров, то он уже в основном сложился и переживает процесс дальнейшего развития и стилистической дифференциации, уточнения и усовершенствования орфографических и орфоэпических норм. Он стал языком художественной литературы во всех ее жанровых разновидностях, языком техники и общественной мысли, языком периодической печати, педагогического и культурного воспитания трудящихся масс, языком науки. Уйгурский письменный литературный язык имеет наддиалектный характер и функционирует как единый литературный язык для всего уйгурского населения Советского Союза.

Так можно коротко охарактеризовать современный уйгурский литературный язык. Но эти общие выводы, сделанные на основе проведенных нами исследований, не исчерпывают, конечно, проблем уйгурского языкознания. Это лишь начальный этап научного осмысления и теоретического обобщения исторического процесса и путей развития уйгурского языка.

Перед уйгурскими языковедами Казахстана стоит очень много актуальных проблем, среди которых наиболее важными являются, на наш взгляд, следующие:

1. Более обстоятельное изучение диалектных особенностей языка советских уйгуров и процесса их нивелировки под влиянием развивающегося письменного литературного языка.

2. Исследование процесса взаимовлияния уйгурского языка и других родственных языков в условиях социалистической действительности, а

также роли русского в развитии и обогащении уйгурского языка, явлений двуязычия и многоязычия среди различных слоев уйгурского населения.

3. Изучение истории уйгурского письменного литературного языка дооктябрьского периода на основе имеющейся богатой коллекции письменных памятников историко-филологической литературы, что, несомненно, прольет свет на вопрос о преемственности и роли т. н. языка уйгурской классической литературы (или старойуйгурского языка) в формировании и развитии среднеазиатского письменного литературного языка (или языка «тюрки») как раннего (XIV–XVI вв.), так и позднего (XVII–XIX вв.) периодов. С этим же вопросом связано изучение процесса демократизации старойуйгурского языка во второй половине XIX в. и становления новойуйгурского литературного языка на основе общенародного языка и языка устного народного творчества, при этом сохраняются некоторые традиции языка уйгурской классической литературы.

4. Исключительно большой научный интерес представляет изучение на основе экспериментальных данных фонетической системы уйгурского языка, которая обладает рядом особенностей, отличающих ее от фонетической системы других родственных языков и характеризующихся своей архаичностью.

5. Важное значение имеют сбор и запись говоров уйгурского языка с последующей лексикографической и лексикологической обработкой.

Следует подчеркнуть, что успешное решение всех этих проблем зависит не только от уйгуроведов Казахстана, но и от активного участия ученых Москвы, Ленинграда и Ташкента. Молодым исследователям – местным национальным кадрам – крайне необходима всесторонняя квалифицированная помощь таких наших аксакалов, как К. К. Юдахин, В.М.Насилов, Н. А. Баскаков, Э. Н. Наджип и др., с именами которых тесно связаны успехи и достижения советского уйгуроведения.

В заключение хочется отметить, что встреча ученых-уйгуроведов, организованная в Москве Институтом языкознания АН СССР, несомненно, сыграет свою положительную роль в деле дальнейшего развития лингвистики в нашей стране и послужит как бы подготовительным этапом для проведения в будущем специальных уйгуроведческих конференций, где, вероятно, будут обсуждаться наиболее актуальные проблемы уйгуроведения и перспективы его дальнейшего развития.

Исследование по уйгурскому языку. №2. 1970. с. 21-30.

К проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов

Изучение вопроса о тюрко-монгольских языковых связях вообще и взаимоотношениях уйгурского языка с отдельными монгольскими языками в частности непосредственно связано с историей этих народов.

Контакты тюркских и монгольских племен и народов, прослеживающиеся с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня, носят не только исторический, но и этнолингвистический характер. Однако было бы ошибочным думать, что все тюркские языки имеют в одинаковой степени преемственные связи с общей тюрко-монгольской языковой основой, поскольку факты каждого тюркского языка указывают на свои определенные связи с монгольскими языками, которые отличают его от других родственных ему языков или сближают их.

Определенный интерес в этом отношении представляет вопрос о конкретных языковых контактах уйгуров и монголов на основе общности их территорий, социально-политических и государственных отношений и т. д.

Об этом свидетельствуют не только исторические источники и письменные памятники, отражающие общность их материальной и духовной культуры, но и языковые факты. Причем общие элементы этих языков по своему происхождению относятся к наиболее древним временам и отражают в себе диахронический аспект развития взаимоотношений. По мере приближения к современности тюрко-монгольские связи от языка к языку приобретают региональный характер, а монгольские влияния на тюркские языки и наоборот носят уже локальный, эмпирический характер, ограничиваясь рамками межязыковых или междиалектных контактов.

Древнейшие связи уйгурского языка с монгольскими восходят к алтайской языковой общности.

Взаимоотношения уйгуров и монголов в древнетюркскую (V–X вв.) и среднетюркскую (X–XV вв.) эпохи, когда тюркские и монгольские языки полностью дифференцировались и приобрели самостоятельность, характеризуются уже конкретными языковыми данными из орхон-енисейских и древнеуйгурских письменных памятников, найденных на территории Монголии.

Итак, с V в. до второй половины IX в. наметились два хронологически преемственных этапа в развитии уйгурско-монгольских языковых связей: тукуюский и древнеуйгурский. Следующий этап

можно отнести к периоду со второй половины IX в. до конца XII в. (древнеуйгурский союз племен пал под натиском киргизов и основная часть уйгуров перекочевала на современную территорию Восточного Туркестана и образовала там новое государство). Этот период (условно восточно-туркестанский) характеризуется временным прекращением прежних тесных контактов уйгурского и монгольского народов. Однако с XIII в. в связи с завоеванием Чингисханом Средней Азии уйгуры снова попадают под власть монголов. Причем об этом завоевании существуют разные мнения. Так, одни авторы¹ считают, что страна уйгуров была захвачена монголами в результате кровопролитной войны, тогда как другие² утверждают, что уйгурский идикут добровольно признал власть Чингисхана, что больше соответствует действительности.

Период завоевания монголами Восточного и Западного Туркестана и других азиатских стран и образования на этих территориях ряда государств (Чагатай и Чагатаидов, а с конца XIV в. – Тимура и Тимуридов) оказал огромное влияние на развитие тюркских языков. Этот период (условно монгольский, XIII–XIV вв.) представляет определенный научный интерес для изучения тюрко-монгольских языковых взаимодействий.

Наиболее характерной особенностью взаимоотношения языков тюркских и монгольских племен в указанный период является то, что язык покорителей страны не мог подменить и окончательно вытеснить язык покоренных народов. Он также не мог занимать положение господствующего государственного языка, как случается иногда в подобных исторических ситуациях. Наоборот, язык монгольских завоевателей быстро смешался с языком разнообразной в этнолингвистическом отношении массы тюркоязычных племен Средней Азии, а затем полностью растворился в нем.

Однако с точки зрения истории развития современного уйгурского языка более важной стороной тюрко-монгольских языковых взаимоотношений в XIII–XIV вв. и в последующие периоды является не историческая сторона вопроса, а характер и результаты языковых контактов. В этой связи уместно говорить о так называемом монгольском суперстрате в уйгурском языке. Эти контакты привели не только к заимствованию огромного количества монгольских слов, но и в известной степени определили тенденцию дальнейшего развития многих тюркских языков, в том числе и среднеазиатского литературного языка «тюрки».

1 Карганов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь М., 1966. С.8.

2 Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.; С.57–59.

На последующих же этапах развития вплоть до второй половины XVII в. непосредственного влияния монгольских языков на уйгурский не наблюдалось, если не считать контакты уйгуров с могулами³, приводившие к смешению их языков.

Однако уже ко второй половине XVII в. Восточный Туркестан снова попадает под власть новых завоевателей – монголоязычных джунгар. Господство джунгар здесь продолжалось около 80 лет и пало в результате их поражения цинско-маньчжурскими войсками⁴. В этот период уйгуры в условиях политической зависимости вступают в непосредственный контакт с ойрот-монголами (калмыками) – завоевателями страны, что в известной степени отразилось и на их языке. Многие слова и термины в уйгурском языке, связанные с государственным строем, администрацией, чинами и званиями должностных лиц, а также топонимические наименования на территории Илийского края и юго-восточных районов Казахстана (*Довун, Гомба, Ачиноқа, Чарин, Чонжа, Дурбұлжин, Ғалжат, Моңғұлқұрә, Ебинур, Сүйдүң* и др.) имеют ойрот-монгольское происхождение.

Непосредственный контакт с монголоязычными племенами уйгуры имели и после падения джунгарского господства в Восточном Туркестане, т.е. в период Цинской империи (1679–1858 гг.), которая фактически заменила власть джунгаров.

В период господства Цинской империи в Восточном Туркестане уйгурско-монгольская языковая связь не прекращается и долго еще поддерживается в результате соседства уйгуров с монголоязычными племенами (ойротами, кошаутами, чахарами, элеутами и т. д.). Вместе с уйгурами в Илийском крае по сей день живут оставшиеся в регионе маньчжуроязычные племена (сибо, солоны), большинство которых является двуязычным. Они помимо собственно маньчжурского языка⁵ практически хорошо владеют, как и дунгане, уйгурским и другими тюркскими языками.

Таковы основные исторические этапы уйгурско-монгольских языковых контактов.

3 Об этническом происхождении могулов см. *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Изв. АН КазССР Сер. Обществ. Наук. 1965. Вып.3. С. 52-65.

4 *Кабиров М.Н.* Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951. С.19.

5 Собственно маньчжурский язык фактически был «утерян» в период их господства в Китае и цинские завоеватели приняли китайский язык. Сохранился этот язык в своем прежнем облике только у сибо и солонов в синьцзяне.

Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики

Заимствование фонем, звуковых комплексов и различных фонетических закономерностей одним языком из другого относится к наиболее редким явлениям в системе взаимодействий разноструктурных языков.

Несколько иное положение в этом отношении занимают тюрко-монгольские языки, отличающиеся значительным сходством в области фонетики, а также лексики и грамматики. Большинство ученых рассматривают это как результат их генетического родства. К общим тюрко-монгольским фонетическим явлениям специалисты относят, например, образование дифтонгов и долгот. Появление долгот и дифтонгов в тюркских языках под монгольским влиянием хорошо прослеживается на этнолингвистической карте современных тюркоязычных народов. Это прежде всего языки таких народов, как якуты, тувинцы, алтайцы, хакасы, киргизы, которые длительное время непосредственно общались с монгольскими племенами.

Влияние монгольского языка на фонетику тюркских языков не ограничивается только этим. Специалисты предполагают, что сохранение *дь* в начальной позиции и *ч* в начале и середине слов в некоторых тюркских языках (алтайском, хакасском, уйгурском и др.), переход конечных *с*, *ш*, *з* в некоторых словах и аффиксах тюркского происхождения в *Т^б*. соответствие *с~h⁷* (ср. башкирский яз.) и другие фонетические явления произошли также благодаря контакту с монгольскими (в частности бурятским) языками.

При определении тюрко-монгольских языковых связей в области фонетики значительный интерес представляют имеющиеся в этих языках звуковые соответствия. Так, например, соответствие звуков *й ~ ж* ~ *дж*, послужившее признаком деления тюркских языков, и диалектов на йокающую, жокающую и джокающую группы, имеет место, например, и в диалектах монгольского языка. Так, ахиритский и булагатский диалекты обладают признаком йоканья⁸. Йоканье наблюдается в современном уйгурском языке.

Очень важно в этой связи отметить, что наличие этого частного явления в

6 *Убрятова Е.И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-манчжурским. М., 1960. С.7.

7 *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. 1953. Т.1. С.88.

8 Там же. С.8.

тюркских и монгольских языках дает нам возможность определить тюркские заимствования⁹ в монгольском языке и, наоборот, монгольские заимствования в том или ином тюркском языке.

Наблюдение над уйгурско-монгольскими лексическими параллелями и заимствованиями¹⁰ позволяет нам выделить ряд лексических групп, где уйгурские слова или адекватны монгольским или отличаются от них своей фонетической структурой при близости или идентичности общей семантики.

Однако здесь следует оговориться: фонетическое сходство или отличие сравниваемых лексических параллелей в известной степени носит относительный характер, так как каждый из монгольских языков (письменно-монгольский, ойрот-монгольский, бурят-монгольский, халха-монгольский), не говоря уже о диалектах, может иметь свойственные только ему фонетические особенности.

Поэтому мы после уйгурских слов (с переводом) приводим слова из собственно монгольского литературного языка¹¹ и только в редких случаях прибегаем к фактам других монгольских языков. Когда же значения монгольских слов не совпадают со значениями соответствующих слов в уйгурском, мы даем их перевод. Наблюдаются следующие уйгурско-монгольские параллели:

1) совпадающие в фонетическом отношении при близости или идентичности их семантики: уйг. *ой* «мысль, дума намерение» ~ монг. *ой* «способность, ум, разум, память» (бур.-монг. *ойн*), уйг. *мал* «скот» ~ монг. *мал*, уйг. *бал* «мед» ~ монг. *бал*;

2) отличающиеся тем, что монгольский вариант выступает в усеченной форме, а уйгурский – в полной или наоборот (по отношению к тюркским формам): уйг. *бөрәк* «почки» ~ монг. *боор*, уйг. *ант* «клятва» ~ монг. *ангай//анд* «побратим», уйг. *мәң* «родимое пятно, родинка» ~ монг. *мэнгэ*;

3) различающиеся выпадением конечного гласного (*а, э, у*) в монгольских словах и сохранением его в уйгурских: уйг. *нохта* «недоуздок» ~ монг. *ногт//ногто*, уйг. *бөкә* «силач, борец» ~ монг. *бох*, уйг. *мүчә* «конечности, часть тела» ~ монг. *мөч*;

4) различающиеся по признаку неустойчивости конечного *н*, что в монгольских словах иногда влечет за собой и изменение всей основы (напр. *морь – морин* «лошадь»):

конечный *н* в монгольских словах выпадает, а в уйгурских

⁹ Здесь речь идет только о лексических заимствованиях.

¹⁰ *Қайдаров А.Т.* Маңғул ва уйғур тиллириға ортак созлар пәққидә//КТ.11.12.66.

¹¹ монгольско-русский словарь/ Под ред. Лувсандэндэва м., 1957.

сохраняется: уйг. *жэрэн* «джейран»~монг. *зээр*, уйг. *тайган* «борзая, гончая собака» ~ монг. *тайга* и др.;

конечный *н* (иногда *ан, эн, ен, ин, он, ун, үн*) в монгольских словах употребляется факультативно, тогда как в структуре уйгурских слов постоянный элемент: уйг. *сэлкин* «легкий ветерок» ~ монг. *салх(ин)*, уйг. *орун* «место, постель» ~ монг. *ор(он)*, уйг. *алтун* «золото» ~ монг. *алт(ан)*;

5) различающиеся метатезой гласных и согласных звуков и звуковых сочетаний в структуре односложных, двусложных и трехсложных основ: уйг. *су* «вода» ~ монг. *ус // ус(ан)* «вода, река», уйг. *сүт* «молоко» ~ ойр.-монг. *усн* (при *сун* в монг. лит. яз.), уйг. *тасма* «тесма» (ременная)» ~ монг. *тасам* «тесемка»;

6) различающиеся редуцированностью монгольских двусложных основ: уйг. *бөдүнэ* «перепел, перепелка» ~ монг. *бутнэ*, уйг. *йемиш* «плоды, плод, фрукты, ягоды» ~ монг. *жимши*, уйг. *жүрэк* «сердце» монг. *зурх // зурхэн* и др.;

7) различающиеся выпадением неустойчивых согласных (*л, р, н, қ и др.*): уйг. *зугуй* «завистливый» ~ монг. *зулгуйч* «льстивый, вкрадчивый», уйг. *яш өсмэ* «молодое поколение» ~ монг. *насөсвөр//насу осбурі* (ср. каз. *жас өспірім*), уйг. *почақ* «бобы, горох» ~ монг. *буурцах* и др.;

8) различающиеся позиционными соответствиями гласных (*а~о, о~а, ә~о, о~ә, у~а, у~и, у~о*), уйг. *солихай* «левша» ~ монг. *солхой* «левая (о руке)», уйг. *хотун* «жена, женщина» ~ монг. *хатн* «княгиня, дама, госпожа» уйг. *отар* «отара, выпас скота, гурт»~монг. *отор*;

9) различающиеся позиционной (в начале, середине и конце) разновидностью фонем или их оттенками. При этом под фонетической разновидностью понимаются следующие звуковые соответствия, которые по существу могут быть объяснены особенностями артикуляционной базы этих языков (*қ~х, к~г, к~нг, қ~х, г~г, г~х*): уйг. *сақал* «борода» ~ монг. *сахал* «борода, усы», уйг. *соқур* «слепой» ~ монг. *сохор*, уйг. *тақа* «подкова» ~ монг. *тах* (бур.монг. *таха*);

10) различающиеся чередованием согласных твердого и мягкого ряда и других артикуляционно близких фонем (*т~д, п~б, п~в, в~б, б~й, г~з, г~в, н~ң, н~нд, н~м, з~ж, т~ж, т~з, с~ш, ч~з, ш~ч, ч~ц, ч~ж, ч~ст*): уйг. *бүркүт* «орел» ~ монг. *бүргэд*, уйг. *түр* «вид, облик, форма» ~ монг. *дүр*, уйг. *севәт* «плетеная корзина» ~ монг. *сэвэг*;

11) различающиеся соответствием звуков, имеющих отношение к так называемым явлениям ротацизма, ламбдаизма, а также йоканья,

жоканья и джоканья: уйг. *бояқ* «краска» ~ монг. *будаг*, уйг. *ял* «грива» ~ монг. *дэл*, уйг. *йелин* «вымя» ~ монг. *дэлэн*.

Первослоговые долгие фонемы в монгольских словах в уйгурском языке передаются обычной фонемой как разного, так одного итого же качества (*a ~ aa, a ~ oo, o ~ уу, o ~ oo, y ~ oo, y ~ уу*): уйг. *тай* «годовалый жеребенок» ~ монг. *даага(н)*, уйг. *чэк* «граница, грань, межа, рубеж, предел» ~ монг. *зааг*, уйг. *тоз//тозаң* «мучная пыль, пыльца» ~ монг. *тоос(он)*.

Сочетания гласного и согласного в монгольских словах соответствуют уйгурским кратким фонемам (*a ~ ай, a ~ ав, y ~ ав, a ~ уй*): уйг. *тохла* «ягненок (более шести мес.)» ~ монг. *тохлай*, уйг. *арпа* «ячмень» ~ монг. арвай, уйг. *досақ* «мочевой пузырь» ~ монг. давсаг.

Долгие гласные в монгольских словах передаются в уйгурском языке различными сочетаниями гласных и согласных (*ав ~ уу, ир ~ уу, ага ~ aa, аву ~ уу, үйэ ~ oo, уч ~ уу, уч ~ ээ, ақ ~ aa, дд ~ oo, уйд ~ oo*): уйг. *ялқав* «лентяй, ленивый» ~ монг. *зал-хуу/залхаг*, «нерадивый», уйг. *йолавчи* «путник» ~ монг. *жуулч*, уйг. *галжир* «бешеный (о собаке)» ~ монг. *галзуу* «бешенство, водобоязнь, бешеный, беснующийся, сумасшедший».

Уйгурско-монгольские параллели и заимствования в области морфологии

Нет необходимости доказывать, что наличие общих или сходных грамматических категорий является надежным критерием определения генетического родства языков¹². Это свойственно и для тюрко-монгольских языков. Выявление генетически тождественных и заимствованных элементов в области грамматического строя этих языков должно занимать центральное место в исследовании проблем алтаистики.

Однако в тюркских языках имеются такие факты в области морфологии, о которых уже никак нельзя говорить как о межъязыковых заимствованиях. И в этом отношении каждый из тюркских языков располагает материалом, способствующим выяснению как общих вопросов тюрко-монгольской языковой связи, так и деталей в области их морфологии.

Итак, обращаясь к фактам морфологии современного уйгурского литературного языка, считаем целесообразным сравнивать их с соответствующими фактами монгольского языка по всем грамматическим разрядам.

¹² Смирницкий А. Н. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955. С. 48.

Имя существительное. Основная масса уйгурско-монгольских параллелей и заимствований относится к именам существительным. Определенный интерес для изучения этой категории представляют ее грамматические показатели.

Аффикс отыменного словообразования уйг. *-лик//лик//-лук//лук* в монгольских языках (*-лиг//лэг*) встречается не только со словами, заимствованными из тюркских языков (*тэрлэг* «халат, чапан» от тюрк, *тэр* «пот», *баялиг* «богатство» от тюрк, *бай* «богатый, богач»), но и активно функционирует в них, образуя новые слова от основ монгольских слов. Например, бур.-монг. *бэлэлиг* «перстень, кольцо» от *бүлэ* «пояс».

Аффикс *-қ//к//-ақ//эк//уқ//ук*, образующий имя от глагольных основ, считается одним из древних и продуктивных аффиксов в тюркских языках. В монгольских языках также много слов, образованных при помощи этого аффикса. Производящей основой этих образований за редким исключением выступают слова тюркского происхождения или слова, этимологически объяснимые на тюркской основе: монг. *буда-* «красить» (тюрк, *боя-* «красить»), *хоног* «гость» (тюрк, *қон-* «ночуй»), бурят, *хоринг* «запрет» (тюрк, *қори-* «защищать, запрещать»), *хабшаг* «щипцы, клещи» (тюрк, *қап-* «хватать, сжать, закрывать»).

Следующие аффиксы словообразования (ввиду трудности определения их языковой принадлежности) можно отнести к категории общетюрко-монгольских формантов.

Аффикс *-чи*¹³ (в монг. *-чи//чин*), бур.-монг. *-ша(-иш//шо)* в одинаковой степени распространен в тюрко-монгольских языках и является стабилизовавшимся словообразовательным формантом имен существительных. Он обозначает людей по роду занятий или профессий, склонность или приверженность людей к чему-либо, состояние или положение и т. д. Имена существительные образуются посредством данного аффикса от имен существительных, прилагательных и отглагольных производных именных основ (т. е. от слов «третичного образования»). В уйгурском языке встречаются слова с аффиксом *-чи*, в основе которых лежат корни монгольского происхождения, вернее слова, необъяснимые на почве тюркских языков. Например, уйг. *егичэ* «старшая сестра», монг. *эгч*, бурят, *эгшиэ* «сестра» и др.¹⁴

13 Природа конечного *-н* в монг. словах и аффиксах все еще остается окончательно не выясненной. Но интересно то, что этот факультативный элемент в монгольских языках приобретает свойство семантической дифференциации, образуя фактически два варианта аффикса *-ча//чин*, которые в связи отпадением или сохранением конечного *-н* выражают двойкий оттенок значения. Ср.: монг. *усч* 'пловец' ~ *усчин* 'водовоз', *хоньч* 'овцевод' ~ *хоньчин* 'пастух, чабан', *адууч* 'конеvod' ~ *адуучин* 'табунщик' (см.: Дондуков У.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ. 1964. С.17-18).

14 Дондуков У.Ж. Ш. Указ. Раб., 1908. С.7-16.

Такую же картину мы имеем и в монгольских языках. Например, *отачи* «врач», встречающееся в монгольских (бур.-монг. *отоша* «лекарь») языках, по утверждению Г.Н. Рамстедта¹⁵ является уйгурским словом, образованным от корня *от* «трава, лекарственное растение, сено».

Аффикс *-м/-ум/-үм/-им/-эм* встречается во всех тюрко-монгольских языках: уйг. *чүшүм* «прибыль, приход», *билим* «знание», *еқим* «течение». В монгольских языках производящей основой служат слова как чисто монгольского происхождения, так и общетюрко-монгольские: бурят, *урэм* «сверло, бурав» от *урэхэ* «точение», *тохом* «потник седла» от монг. *тохохо*-«седлать, тюрк. *тоқи*-

Аффикс *-мак/-мэк*, образующий отглагольное имя, встречается в тюркских и монгольских языках (ср. уйг. *чақмақ* «кремень» и др.). В монгольских языках производящей основой таких образований служат монгольские и общетюрко-монгольские слова: монг. *хуймах* «олады, блины» от тюрк. *қуй*- «лить», бурят, *хаамаг* «загородка» от *хааха*- «закрывать» (ср. *қамақ* «арест»), *зуурмаг* «тесто» от *зуураха* «месить тесто» (ср. *жузурмақ*-) и др.

В группе общетюрко-монгольских аффиксов выделяются и такие, которые встречаются в структуре лишь отдельных уйгурских слов и топонимических названиях. Некоторые из них внешне совпадают с аффиксами уйгурского языка. К ним относятся следующие:

Аффикс *-ган//гән//гун (>-гана)* в монгольских языках образует преимущественно названия растений по их характерным признакам (ср. монг. *улаагана* «красная смородина» от *улаан* «красный»), в уйгурском языке встречается в составе нескольких слов: *қариғун* «карагана» от *қара* «черный», *бөлжиргән* «ежевика», *жулғун* «кустарниковое растение».

Аффикс *-дай//тай* образует в монгольских языках (*-дай//дэй//дой*) названия диких и домашних животных, птиц, производящей основой которых служат преимущественно образно и звукоподражательные слова [ср. бурят, *улаандай* «косуля» (от *улаан* «красный»), *моодэй* «теленок» от *моо* (звук, издаваемый рогатым скотом)]¹⁶.

Аффикс *-жин* (бурят. *-лжсан//лжэн*) встречается в составе некоторых топонимических названий в местах, где живут уйгуры: *Дүрбүлжин*, *Қорғалжин*.

Аффикс *-ган* образует в монгольских языках (бурят, *-гаан*) от глагольные производные новы: *хубилгаан* «перерожденец, святой человек» от *хубилха-*

¹⁵ Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаурчинского говора/ Пер. С нем. СПб., 1908.С.7.

¹⁶ Дондуков У.Ж.Ш. Указ. Раб. С. 21.

«изменяться», *сахилгаан* «молния» от *сахилха-* «сверкать (о молнии)»; уйг. *чекилган* «молния», *шувурган* «метель, пурга, выюга», *сүтлигән* «молочай» и др.

Аффикс *-лан// -лән*, образующий в монгольских языках отглагольные имена (*-лан// -лән*), в уйгурском и некоторых других тюркских языках функционирует как словообразовательный аффикс, но не является продуктивным.

Аффикс *-қай// -хай* встречается в структуре отдельных заимствованных слов из монгольских языков: *малихай* «головной убор, шапка», *тоқай* «лес».

Имя прилагательное. Как в тюркских, так и в монгольских языках имя прилагательное считается малодифференцированной категорией и определенные его разряды образуются при помощи общих тюрко-монгольских аффиксов.

Аффикс *-лиқ// -лик* (монг. *-лиг*): бур.-монг. *торголиг* «шелкообразный», *тумэрлиг* «железистый», хамарлиг «носатый». Этот аффикс считается заимствованным из тюркских языков.

Аффикс *-қай* (монг. *-хай// -кай// -гэй// -гей*): *хазгай* «кривой» от *хазайх* «скривиться, покоситься», *уранхай* «рваный» от *урагдах-* «разорваться». Этот аффикс в уйгурском и некоторых тюркских языках встречается лишь в структуре отдельных слов и топонимических названиях: уйг. *паңқай* «глухой», *һаңғирқай* «зияющий, кругом открытый», *тәскәй* «теневая сторона», *кунгәй* «солнечная сторона», *Чулукқай*, *Хонухай* (назв. местности), *чақчиқай* «смотрящий с выпученными глазами», *солихай* «левша», кирг. *Жанарқай*, *Капчагай* (назв. местности) и др.

Аффикс *-қи// -ки* функционирует и в тюркских и в монгольских языках: уйг. *бугунки* «сегодняшний», *озақи* «позапрошлогодний», *өгунки* «позавчерашний». В письм.-монг. *erteki* «ранний» от *erte* «рано»¹⁷.

Имя числительное. К общим тюрко-монгольским числительным можно отнести только уйг. *миң* «тысяча», монг. *мянга*, бур.-монг. *мянган*, письм.-монг. *minyan* «тысяча» (МА. С. 441).

К общим тюрко-монгольским аффиксам образования числительных можно отнести следующие:

Аффикс *-нчи// -инчи* (иногда *-нжи// -инжи*), образующий порядковые числительные в письменномонгольском языке в форме *-ci// -cin*¹⁸: *tabuncin* «пятый», *dolanci* «седьмой» и др. (МА. С. 142, 303).

¹⁷ *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. М.; Л., 1938. Т.I-II. С. 165. Далее по тексту: М.А.

¹⁸ *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М., 1962. С. 138-139 (перевод с польского).

Аффикс *-лан //үлән//-илен*, образующий в уйгурском языке собирательные числительные (напр.: *иккилән* «вдвоем», *үчилән* «втором», *төртүлән* «вчетвером»), функционирует и в монгольских языках: бурят, *табуулан* «впятером», *зургаалууган* «вшестером», монг. *хоеулан* «вдвоем» ит.д.

Наречия. В способе образования наречий в тюркском и монгольском языках имеется также ряд схожих моментов, ср. бурят. *-да//дээ//доо* (*хододоо* «всегда, постоянно, часто», *дандаа* «сплошь, рядом, все время»), *-та//-тэ* (*гансата* «сразу, одновременно», *нэгэнтэ* «однажды», уйг. *анда-санда* «иногда», *күндә* «ежедневно», *һазада* «если», *наганда* «изредка»), образованные при помощи аффикса местного падежа.

Наиболее интересным в отношении истории развития тюрко-монгольских языков являются наречия, образованные при помощи аффиксов направительного падежа: более древнего *-ра//-рә//-ри* и современного *-қа//-кә, -га//гә*. Ср. бурят, *дээрэ* «наверху» от *дээ*, *ойро* «вблизи» от *ой-*, *дооро* «внизу» и др., где производящей основой являются монгольские слова, тогда как в структуре аналогичных уйгурских слов обнаруживается сдвоение указанных аффиксов, причем архаичный аффикс замыкает более современный: *ташқири* «наружу, вне», *илгири* «вперед, раньше», *ичкири* «вовнутрь»¹⁹ и др. Причина такого наслоения остается пока еще не выясненной.

Местоимения. О полном совпадении тюркских и монгольских местоименных слов трудно, конечно, судить. Но сходство между отдельными местоимениями (личными, указательными и др.) имеется. Ср. уйг. *мән* «я»~письм.-монг. *би*; *сән* «ты»~письм.-монг. *чи*; *биз* «мы»~письм.-монг. *бида*; *бизни* «нас»~письм.-монг. *бидани* и др.

Сходство отмечается и в системе склонения и в притяжательных формах местоимений: уйг. *меники* «мое» ~ бур.-монг. *миниши*; *сеники* «твое» ~ монг. *чинийк*; *уники* «его, ее» ~ монг. *уунийх* и др.

Категория принадлежности. Как известно, форма притяжательности в тюрко-монгольских языках образуется при помощи частицы *-ки* с ее вариантами. В уйгурском, как и в других тюркских языках, она присоединяется к основе слов посредством окончаний родительного и местного падежей. По утверждению В.Котвича, «монгольский литературный язык не знает соединения суффикса *-кі* с родительным падежом и вместо *-кі* использует другой суффикс: *-хай, -кеі*»²⁰.

¹⁹ Исключение составляют слова *нери* 'дальше', *бери* 'сюда, ближе'.

²⁰ Котвич В. Указ. Раб. С. 119.

Аффикс *-ки* в монгольских языках употребляется также после родительного падежа, но окончание родительного падежа здесь монгольское, которое неизвестно в современных тюркских языках. Заметим, что в уйгурском языке притяжательный аффикс *-ки* при личных, указательных местоимениях и других именах часто опускается, приобретая своеобразную факультативность. Ср. уйг. *бу меники* «это мое», *у сеники* «то твое» ~ *бу мениң, у сениң*. В монгольских языках такого явления не наблюдается.

Отрицательные формы. Аффикс отрицания *-сиз* в тюркских языках, присоединяясь к именам и именным формам, образует прилагательные отрицательного качества. Этот аффикс встречается и в монгольских языках, особенно в письменных памятниках средневековья – *da busiz* «без соли» (МА. С. 137).

По утверждению ученых-алтаистов, этот аффикс считается тюркским, который заимствовал монгольский язык. В. Котвич предполагает, что аффикс *-сиз* «проник и в монгольский язык, где несколько изменил свою форму, поскольку монгольский язык, если не считать некоторых диалектов, вообще не знает звука *з*, особенно в исходе слова»²¹, т.е. в монгольском языке он употребляется в сокращенной форме без конечного *-з* (*-си// -ши*): монг. *бусу* > *бу* + *сиз* (или *бу+ши*) «не этот, иной, нет».

Чередование *з~р* и выпадение конечного *-з* в аффиксе *-сиз* являются предметом специального исследования²².

Категория множественности. Как известно, монгольские языки имеют ряд показателей множественности: *-с* (*эрэс* «мужчины»), *-т* (*хатут* «женщины»), которые образуют множественное число не только от собственно монгольских и тюрко-монгольских слов, но и от слов, заимствованных из арабского и иранских языков.

Уйгурскому языку, конечно, не свойственны эти формы. Но бесспорно то, что в таких словах, как *якут, бурят, телеут, қират* (*қир+ат*), *тимурит, караханит* и др., присутствует окончание мн. числа монгольского языка.

Монгольский язык заимствовал тюркский аффикс мн. числа *-лар// -лэр* и употребляет его (*-лар// -нар// -нэр*) не только при именах, но и при глаголах: *дел* «шуба», *деллер* «шубы», *абалаба-* «охотился», *абалабалар* «охотились»²³.

21 Там же. С.127.

22 Там же. С. 123-137

23 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С.134.

Склонение. Много общего между уйгурскими и монгольскими языками и в области парадигмы склонения и падежных окончаний. Отметим лишь два случая совпадения падежных форм (примеры из письменно-монгольского языка). Местный падеж: *sehertu* «в городе» (МА. С. 109).

Другой формой, сближающей уйгурский и монгольский языки, является древний направительный падеж *-pa// -пу*, который, употребляясь преимущественно с местоимениями и другими именами, образует наречия, указывающие направление действия. В тюркских же языках он (*-pa// -пу*)²⁴ больше не функционирует и встречается только в структуре застывших наречных форм: уйг. *жуқири* «вверх, ввысь», *ташқири* «вовне», *ичқири* «вовнутрь».

Глагол. Как известно, глагол является наименее проницаемой категорией морфологического разряда.

Несколько иначе обстоит дело с глаголами в рассматриваемых языках, поскольку в них имеется большое количество общих тюркомонгольских глагольных основ как первичного, так и вторичного образования.

Общие тюрко-монгольские параллели в области глагола можно сгруппировать как отыменные, отглагольные производные основы и отглагольные образования имен общего корня.

Отыменные глагольные основы с общим корнем: бур.-монг. *балталха*, хал.-монг. *балтдах*- «бить молотом, ковать, бить топором» – уйг. *палтилмақ*- «рубить, разрубить топором», монг. *сийрэгиих*- «редеть, становиться редким, негустым»~ каз. *сиректену*-, монг. *услах*- «орошать, поить водой, оросительный» ~ уйг. *сугармақ*, *уссимақ*- «захотеть пить».

Отглагольные производные основы с общим корнем: монг. *магтах*- «хвалить»~уйг. *махтимақ*- (от *махта*-), монг. *онгох*- «линять, блекнуть, менять цвет»~уйг. *оңмақ*- (каз. *оңу*- от *оң*-), монг. *торох*- «рожать, рождаться (о человеке)»~уйг. *төрәлмәк*- «зарождаться, зародиться» (*төрәлмә* «зародыш» от *торә*-).

Словообразование. Говоря о морфологической структуре уйгурско-монгольских параллелей и заимствований, мы уже отметили наиболее характерные и общие элементы морфологического словообразования по частям речи.

Сходства словообразовательных процессов, наблюдаемые в тюрко-монгольских языках, могут быть объяснены прежде всего общностью типологической структуры этих языков, главным обра-

²⁴ *Наджип Э.Н.* Современный уйгурский язык. М., 1960. С.57.

зом агглютинирующим характером словопроизводства или способа выражения грамматического значения²⁵.

Однако сравнительное изучение способов морфологического словообразования в уйгурском и монгольском языках на основе идентичных или схожих фактов показывает, что внешние общие моменты словопроизводства в этих языках не всегда совпадают с их внутренним механизмом.

Таким образом, сравнение производных основ в тюрко-монгольских языках, образованных аффиксацией, выявляет, с одной стороны, формально совпадающие общие корневые морфемы, а с другой – общие производящие основы, которые не только не совпадают, но и не имеют четких морфологических границ или формальных признаков разграничения.

Близость уйгурского и монгольского языков в области словообразования не ограничивается только морфологическими рамками. Поразительное сходство обнаруживается и в семантических приемах словообразования, особенно в образовании парных и повторных слов во всех их разновидностях.

Ниже приводятся парные и парно-повторные слова, в которых имеется общий уйгурско-моигольский элемент (один или два компонента).

Парные слова:

бурят-монгольские уйгурские

аха дуу «братья» *ака-ука*

аяга тибаг «посуда» *аяқ-тавақ*

гар хул «руки, ноги, конечности» *пут-қол*

Парно-повторные слова:

бурят-монгольские уйгурские

чихэр михэр «сахар и прочее» *шәкәр-мәкәр*

арих марих «водка и прочее» *һарақ-марақ*

булэг булэг «группы, кучки» *бөләк-бөләк* «в отдельности»

Очень много парно-повторных слов образуется от образно- и звукоподражательных слов²⁶.

²⁵ О понимании сущности агглютинации и агглютинативного характера алтайских языков среди ученых имеются разногласия. См. об этом подробнее *Суник О.Н.* Проблема агглютинации в алтайских языках. М., 1960. С. 11.

²⁶ *Цыдендамбаев Ц.Б.* Изобразительные слова в бурятском языке. // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С.136-151; *Шагдаров Л.* Изобразительные слова в современном бурят-монгольском языке. Л., 1958 и др.

Уйгурско-монгольские гомогенные производные основы

Историческая связь тюркских и монгольских языков хорошо прослеживается и в морфологической структуре производных образований. Встречается много лексических параллелей, где в качестве производящей основы выступают общие для уйгурского и монгольского языков слова, имеющие в то же время совершенно разные производные морфологические формы. Например, уйг. *я* «лук» употребляется как отдельно (*алдим ябилән оқни* «взял я лук и стрелу»), так и в парном сочетании *оқ-я* (орф. *оқия*) «лук и стрела, лук». Это же слово как производящий корень образовало ряд производных основ, семантически мало дифференцированных, но распространенных в тюркских и монгольских языках: каз. *садақ*, хакас. *чажак*, письм.-монг. *сагадаг* «колчан», хал.-монг., ойр.-монг. *сайдаг*, *саадаг*, бур.-монг. *һаадаг* «колчан для стрелы». Во всех этих словах мы имеем один общий корень в следующей фонетической градации: *я/яй/ая/жаа/са/саа/сага/сая/ча/һаа*, среди них наиболее древним является, очевидно, йотированный вариант, с возможным чередованием звуков: *й//жс//ч//с//һ//*.

Во всех тюркских языках слово *я* (*саа/жаа*) воспринимается как имя. В казахском языке, например, производная форма *садақ* на данном этапе его развития не осознается как разложимая основа: *са+дақ*.

В монгольском языке употребляются также следующие слова: *ул* «подошва, подметка, основание, базис», *ул төмөр* «железный обруч (о колесе)», *чарганы ул* «полозья саней», *улавч* «стелька, подстилка (для обуви)», *улгүй* «без подошвы, перен. беспочвенный, необоснованный», *уллага* «подшивать подошвы драгвой» и др. Корень и производные от его основы можно сравнить с уйг. *ултан* «подошва», *ултан төмүр* «железный обруч», *һул* «фундамент, основание», каз. *ұлтарақ* «стелька, подстилка». Везде мы имеем дело с одной и той же корневой морфемой: *ул//һул*.

Таким же образом можно сравнивать следующие уйгурские и монгольские корневые слова: бур.-монг. *сасали* «жертвенные брызги» ~ уйг. *чач-* «брызгать»; бур.-монг. *хурээ* «лопата» ~ уйг. *күрәк/гүжәк* (от *күрә-* «сгребать»); монг. *асрамд* «забота, уход, опека», *асралт* «заботливый», *асрагч* «няня, воспитатель, опекун, покровитель» ~ уйг. *асра-* «кормить, содержать, ухаживать, выращивать» и т. д.

Уйгурско-монгольские лексико-семантические параллели и заимствования

В лексике современного уйгурского литературного языка значительный процент составляют тюрко-монгольские напластования. Этот слой, как мы уже говорили, преимущественно состоит из лексико-семантических параллелей, восходящих в конечном счете к общей тюрко-монгольской языковой основе. Менее значительная часть общей лексики относится к разряду заимствований тюрками, в том числе и уйгурами, из монгольских языков, монголами из тюркских языков.

При тематическом анализе общей уйгурско-монгольской лексики выявляется прежде всего большое сходство и общность слов и терминов, связанных с человеком и его основной производственной деятельностью на различных этапах общественного развития. Она охватывает все стороны общественно-политической, культурно-экономической жизни уйгуров и монголов и отражает в себе специфические стороны жизни (быт, обычаи, религиозные представления, оценку природных явлений и родственных отношений, применение орудий производства и средств труда и т.д.), характерные для исторического прошлого этих народов. Например, слова, связанные с животноводством, широко употребляются в современном казахском языке, но отсутствуют в уйгурском литературном языке: каз. *азбан* «кастрированный жеребец» ~ письм.-монг. *асаман* «имеющий одно детородное яйцо»; каз. *атан*//*атан туйе* «кастрированный верблюд» ~ бур.-монг. *атан тэмэн*; каз. *тұсақ* «овца (до одного года)» ~ хал.-монг. *зусаг* «двухлетний» (о козах и овцах); каз. шар: *бұқашар* «бык кладеный» ~ хал.-монг. *шар*, бур.-монг. *сар*, ойр.-монг. *цар* «вол» и др.

Эта группа терминов является результатом территориального интенсивного общения казахов с монгольскими племенами, особенно с ойрот-монголами, у которых скотоводство было основной формой хозяйства.

Что же касается уйгурского языка, то в нем значительную часть общей тюрко-монгольской лексики составляют слова, связанные с государственным управлением, названиями военно-административных должностей, различных чинов и системой налогообложения. Некоторые из этих общих терминов иногда встречаются, например, в языке уйгуров. Ср. уйг. *қошун* – монг. *хошигу*, *хошун*, уйг. *черик* ~ монг. *цериг*, *цэриг*, *церж* «войско» и др.

Семантическая природа тюрко-монгольской лексики. Говоря о семантической природе монгольских слов в уйгурском языке, следует

отметить, что они в основном совпадают по всем своим номинативным значениям. Однако встречаются слова, которые в результате семантического развития приобрели в разных языках разные значения, а иногда совершенно противоположные. Например уйг. *омақ* «миловидная (о женщине)» ~ монг. *омог* «надменность, гордость, высокомерие»; уйг. *зерэк* «прозорливый, проницательный, смелый» ~ бур.-монг. *зээрэг* «пугливый (о животных)».

Определенный разряд обиходных уйгурско-монгольских слов характеризуется наличием в одном языке нескольких семантических значений, тогда как в другом – только одного из них. Например уйг. *бөкә* «силач, борец», монг. *бох* помимо этого значения имеет «прочный, крепкий».

Иноязычный слой в общей тюрко-монгольской лексике. Общий иноязычный слой для уйгурского и монгольского языков составляют элементы главным образом китайского, маньчжурского, арабского и иранских языков, а также русско-интернациональные термины и слова, которые интенсивно стали проникать в эти языки после Октябрьской революции.

Пути проникновения иноязычных элементов в тюрко-монгольские языки вообще и в уйгурский, монгольский языки (или в диалекты, легшие в основу этих литературных языков) в частности могут иметь много общих и конкретных моментов, требующих специального изучения. Так, например, китайские элементы в уйгурский и монгольский языки могли проникнуть в результате непосредственного контакта этих народов с китайцами в разные исторические эпохи.

Маньчжурские элементы в уйгурском языке могут быть результатом как прямого контакта уйгуров с маньчжурами (собств. маньчжурами, сибо, солонями), так и посредством монгольских племен.

Несколько иной характер имеет процесс проникновения арабских и персидских элементов в уйгурский и монгольский языки, которые в уйгурском рассматриваются как результат длительного исторического контакта уйгуров с ираноязычными народами, а через них с арабами как распространителями мусульманской религии во всей Центральной Азии.

Монголы же могли заимствовать арабские и иранские элементы только с XIII по XIV в. в результате более близких контактов, а в последующие эпохи – через тюркоязычные народы.

Общие китайские элементы: уйг. *бәсәй* «капуста» ~ монг. *байцай*, уйг. *ван* «князь» ~ монг. *ван* «князь, король», уйг. *кава* «тыква» ~ монг. *гуа* «тыква, бахчевые культуры».

Необходимо отметить, что соотношение китайских элементов в уйгурском и монгольском языках далеко не одинаково. Как позво-

ляют нам судить существующие словари, китайских слов в уйгурском гораздо больше, чем в монгольском литературном языке.

Общие маньчжурские элементы. Определенный слой общей тюрко-монгольской лексики в уйгурском языке составляют элементы маньчжурского языка вообще и языка сибо и солонов в частности. Из-за неимения словарных источников маньчжурские лексические элементы уйгурского языка мы сравниваем с соответствующими элементами нанайского языка^{27.1}. Например: уйг. *гаң* «сталь» ~ нанайск. *ган* «сталь», уйг. *мәргән* «меткий стрелок» ~ нанайск. *мәргән* «сказочный герой», уйг. *егичә* «старшая сестра» ~ нанайск. *эчә* «старшая сестра». Немало общих маньчжуро-монгольских слов мы наблюдаем и в казахском языке: каз. *анда*: *құда-анда* «кумовья, родня» ~ нанайск. *анда* «друг, приятель», каз. *өлексе* «падаль» ~ нанайск. *уликсә* «мясо», каз. *қоңырсық* «неприятный запах» ~ нанайск. *хонгорси* «пахнущий гнилью, вонючий» и др.

Общие арабские и иранские элементы. Арабские и иранские элементы в монгольских языках²⁸, как мы уже говорили, могут быть рассмотрены как заимствования письменно-монгольским языком и заимствования отдельными монгольскими языками в более поздние эпохи через посредство соседних народов.

Из числа общих для монгольского и уйгурского языков арабо-иранских лексических заимствований можно указать на следующие: уйг. *батур* (ир) «богатырь, бесстрашный» ~ монг. *батар* «богатырь, герой, витязь», уйг. *шекәр* (ир) «сахар» ~ монг. *чихэр* «сладость», уйг. *канаәт* (ар) «удовлетворение, удовлетворенность» ~ монг. *ханах* «быть довольным, удовлетворенным, получать удовольствие».

Общие русские и интернациональные термины и слова: уйг. *инженер, импорт, камера, касса, кабина* и др. ~ монг. *инженер, импорт, камер, касс, кабин* и др.

Тематическая классификация общей тюрко-монгольской лексики. Ниже приводятся общие для уйгурского и монгольского языков слова, которые распределены нами по их тематическому содержанию. В монгольской части приводятся факты ряда родственных монгольских языков, переводы которых даются только в том случае, если они отличаются от переводов в уйгурском языке.

27 Нанайский язык, который относится к тунгусо-маньчжурской семье языков, обстоятельно исследован в трудах В.А. Аврорина (см. Грамматика нанайского языка. М.; Л.; 1959).

28 О тюркских и монгольских элементах в новоперсидском языке см: Derfer G. Turkischen und Mongolischen elemente im Neopersischen. Band I. Mongolischen elemente im Neopersischen. Wiesbaden, 1965; Band II Türkischen elemente im Neopersischen. Wiesbaden, 1965.

Термины родства: уйг. *ака//ага* «старший брат» ~ *аха* (письм.-монг., хал.-монг.), *ах* (ойр.-монг.); уйг. *егичэ* «старшая сестра» ~ *егечи* (письм.-монг.), *эгэшиэ* (бур.-монг.), *эгч* (хал.-монг.), *экч* (ойр.-монг.); уйг. *бажа* «свояки, мужья сестер» ~ *база* (письм.-монг., бур.-монг.), *баз* (хал.-монг.).

Названия частей тела человека: уйг. *пақалчэк* «голень» ~ *багалуқ* (письм.-монг.), *багалцак* (ойр.-монг.) «кисть руки»; уйг. *бал* «талия, поясница, спина» ~ *бал* (письм.-монг.), *бел*, *белкуусн* (ойр.-монг.), *бэлхуус* (хал.-монг.), *бэлхууһэ(н)* (бур.-монг.).

Слова, характеризующие человека, его качества: уйг. *кекэч* «заика, косноязычный» – *хелекей* (письм.-монг.), *хэлкий* (хал.-монг.), *хэлэй* (бур.-монг.), *келке* (ойр.-монг.); уйг. *маймақ//майтұқ* «косолапый, кривоногий» ~ *майга* (хал.-монг.), *маяа* (бур.-монг.), *маагак* (ойр.-монг.); уйг. *мәң* «родинка, родимое пятно» ~ *мэнгэ* (письм.-монг.), *мэнгэ* (бур.-монг., ойр.-монг., хал.-монг.).

Названия предметов одежды и материала из которого они изготовлены: уйг. *пәшимәт* «бешмет» ~ *бушимуд* (ойр.-монг.) «легкое верхнее платье молодых людей»; уйг. *бөз* «бязь, мата, ситец» ~ *бос* (хал.-монг., ойр.-монг.) «текстильный товар, материя, мануфактура, ткань»; уйг. *пәләй* «перчатки, рукавицы» ~ *бегелей* (письм.-монг.), *бәэлий* (хал.-монг.), *бәэләй* (бур.-монг.), *беела* (ойр.-монг.).

Названия предметов ремесла, материальной культуры, домашней утвари: уйг. *палта* (перс.) «топор» ~ *балт* (хал.-монг.), *булта* (бур.-монг.) «молот, кувалда»; уйг. *полот* (перс.) «сталь» ~ *болод* (ойр.-монг.), *болд* (хал.-монг.), *булад* (бур.-монг.); уйг. *бурга* «сверло, бурав» ~ *бургу* (ойр.-монг.), *бургы* (бур.-монг.).

Слова, связанные с жилищем: уйг. *босуға* «порог» ~ *босога* (письм.-монг.), *босого* (хал.-монг., ойр.-монг.), *босоһо*, *боһоого* (бур.-монг.); уйг. *қотан* «отара, овчарня, скотный двор, загон» ~ *хотон* (ойр.-монг., бур.-монг.) «группа юрт, стойбище скота», *хото* (хал.-монг.) «город, стойбище».

Названия продуктов питания: уйг. *боза* «буза» (род хмельного напитка) ~ *боза* (бур.-монг.), *боз* (ойр.-монг.) «барда, густая масса, оставшаяся после перегонки молочной водки»; уйг. *қийма* «мясной фарш» ~ *химе* (письм.-монг.), *хим*, *химе* (хал.-монг.) «род колбасы», *қишме* (ойр.-монг.) «кишка, начиненная мелкорубленным мясом».

Названия домашних животных и птиц: уйг. *улақ* «тягло, тягловый скот» ~ *улага*, *улаа* (письм.-монг.) «подвода; пикет» (где можно проезжающим брать лошадей и экипажи), *улаа нэхэх* (ойр.-монг.) «почтовая гоньба», *улаашан* (бур.-монг.) *улагачи* (письм.-монг.), *улаач* (хал.-монг.) «почтарь, ямщик; подводчик».

Названия диких зверей и птиц: уйг. *арслан* «лев», *аслан* «котенок» ~ *арслан*, *арсалан*, *арсала* (письм.-монг.), *эрслэн* (хал.-монг., ойр.-монг.); уйг. *ейиқ* «медведь» ~ *айдуу* (ойр.-монг.), *отог* (хал. монг.) *отеге*, *отегуу* (письм.-монг.); уйг. *болун* «соболь» ~ *булга(н)* (бур.-монг., хал.-монг.).

Явления, связанные с космогонией: уйг. *жил* «гол» ~ *жил* (письм.-монг., хал.-монг., ойр.-монг.), *жэл* (бур.-монг.); уйг. *тэнри* «бот» ~ *танри* (письм.-монг.), *тэнгэр* (хал.-монг.), *тэнгэри* (бур.- монг.), *тенгр* (ойр.-монг.) «небо, небеса, небесный свод»; уйг. *Чолпан* «Венера» ~ *цолбон* (письм.-монг.), *цолмон* (хал.-монг.), *цолван* (ойр.-монг.), *солбон(г)* (бур.-монг.) «планета Венера, утренняя звезда».

Названия географических понятий: уйг. *арал* «остров» ~ *арал* (во всех монг. языках); уйг. *даван* «перевал, горный проход, возвышенность» ~ *дабаган* (письм.-монг.), *даваа(н)* (хал.-монг., ойр.- монг.), *дабаан*, *даба* (бур.-монг.) «переваливать»; уйг. *қир* «склон, косогор» ~ *хира* (письм.-монг.) «предгорье, склон, скат горы», *хяр* (хал.-монг.), *хяра* (бур.-монг.) «гребень горы; возвышенность».

Названия растений, трав, фруктов: уйг. *бугдай* «пшеница, хлеб» ~ *богудай* (письм.-монг.), *буудай* (хал.-монг.) *будаа* (бур.-монг.); уйг. *қаригай* «сосна» ~ *харгай* (письм.-монг.) «лиственница,» *харгай* (ойр.-монг.); уйг. *үжүм* «виноград» ~ монг. *узээм* (хал.-монг.), *узум* (ойр.-монг.).

Термины, связанные с общественным строем (администрация, управление, чины, должности и т. д.): уйг. *аймақ* «округ, край; удел, княжество», (уст.) «племя, народность» ~ *аймаг* (бур.-монг., хал.-монг.), *аамг* (ойр.-монг.); уйг. *әнчә* «доля в имуществе (движимом и недвижимом)» ~ *умчи* (письм.-монг.) «часть, пай, доля, наследство», *омчи* (хал.-монг.), *умсә* (бур.-монг.) «собственность», *онч* (ойр.-монг.) «доля в наследстве»; уйг. *нөкәр* «свита» (ист.) ~ *нокэр* (письм.-монг.) «друг, товарищ; муж», *нукэр* (бур.-монг.) и др.

В области изучения тюрко-монгольских языковых связей алтаистами сделаны и делаются серьезные шаги. Однако вопрос этот все еще остается проблематичным.

Говоря о конкретных взаимоотношениях современного уйгурского литературного языка (преемственность которого с древне-уйгурским очевидна) с монгольскими, следует отметить одно очень важное, с нашей точки зрения, обстоятельство.

Все то, что составляет уйгурско-монгольский общий лексико-грамматический слой, не есть только результат предполагаемой общности и генетического родства тюрко-монгольских языков, восходящих к так

называемым алтайской и хуннской эпохам. Определенная часть тюрко-монгольских параллелей в уйгурском языке является также заимствованиями в результате непосредственных и длительных контактов уйгуров с монгольскими народами в древнетюркскую (V – X вв.), среднетюркскую (X – XV вв.), а также последующие эпохи.

Следовательно, общий уйгурско-монгольский лексико-грамматический слой нужно дифференцировать как а) восходящий к общей тюрко-монгольской языковой основе, б) напластование, образованное в результате длительного исторического контакта уйгуров с монголами, в) иноязычное (иранское, арабское, китайское) лексическое наслоение, в одинаковой степени проникшее в эти языки.

Первый слой, характеризующийся глубоким проникновением во все сферы языка, представлен в основном словарном фонде и выступает преимущественно в качестве производящих корневых морфем, от которых в уйгурском языке образовано множество гомогенных производных основ.

Второй слой составляют монгольские заимствования в уйгурском языке, характеризуется он относительной подвижностью. Эта часть лексики в зависимости от развития общей системы языка постоянно обновляется и меняет свой состав. Так, монгольские заимствования либо переходили в разряд историзмов или архаизмов, либо полностью вытеснялись новыми словами. Причем это явление выражено неодинаково, например, в языке уйгуров и уйгуров Синьцзяна. В последнем некоторые монгольские слова, перешедшие в языке советских уйгуров в разряд историзмов и архаизмов, все еще находятся в употреблении, что можно, пожалуй, объяснить их соседством и наличием уйгурско-монгольской языковой среды.

Третий слой, составляющий общую лексику как для уйгурского, так и для монгольского языков, представляют собой заимствованные слова из других языков. Их значительно меньше, чем слов первого и второго слоев, и составляют они в уйгурском и монгольском языках совершенно разную пропорцию.

В настоящее время из-за отсутствия непосредственных контактов в язык уйгуров Советского Союза монголизмы не проникают. Однако это нельзя уже сказать в отношении языка уйгуров Синьцзяна, где они все еще имеют с монголами (пока никем изученный) локальный контакт.

«Исследования по уйгурскому языку».
–Алма-Ата: Наука КазССР.1988. С. 6-25.

Ұйғыр терминологиясы жөнінде

И.В.Сталин өзінің «Марксизм және тіл білімі мәселелері» атты тарихи еңбегінде тілдің қоғам дамуының барлық дәуірінде бірдей өмір сүретін, қоғам мүшелерінің бәріне ортақ қоғамдық құбылыстарының қатарына жататынын ашып берді.

«...Тіл, – деп үйретеді Сталин жолдас, – атап айтқанда оның сөздік құрамы, үздіксіз дерлік өзгеру күйінде болады. Өнеркәсіп пен ауыл шаруашылығының, сауда мен транспорттың, техника мен ғылымның үздіксіз өсуі тілден сөздік қорын, солардың жұмысына қажетті жаңа сөздермен, сөйлемшелермен толықтырып отыруды талап етеді. Сондықтан тіл, осы қажеттерді тікелей өтей отырып, өзінің сөздік қорын жаңа сөздермен толықтырады, өзінің грамматикалық құрылысын жетілдіреді».

Қоғам өмірінің әрбір дәуірі, әрбір тарихи кезеңі де тілге белгілі бір өзгерістер енгізіп отырады. Бұл өзгерістерді, тарихи даму кезеңдеріне сәйкес әралуан лексикалық пластары бар ұйғыр тілінің сөздік құрамынан да көруге болады.

Ұйғыр тілінің лексика құрамындағы келелі өзгерістер совет дәуірінде, әсіресе, сталиндік бесжылдықтар кезеңінде болды. Оның сөздік қоры социалистік өмірден туған жаңа ұғымдарды беретін жаңа сөздермен, терминдермен және сөз тіркестерімен ұдайы толығып, бай түсті.

Ұйғыр тілінің байып, дами түсуіндегі орыс тілінің маңызына ерекше тоқтап өту қажет. Орыс тілі – жер жүзіндегі ең бай тіл, өскелең социалистік мәдениетті, оның ұлы табысы – ленинизмді жасаушы ұлы халықтың тілі. Орыс тілі – туысқан ССРО халықтарының, олардың бірі ұйғыр халқының тілін байытудың сарқылмас бұлағы.

Орыс тілінен енген: совет, партия, коммунист, комсомол, социализм, коммунизм, колхоз, совхоз т. с. көптеген сөздер ұйғыр тілінің лексикалық қорына мүлдем сіңісіп, практикалық қарым-қатынастың тікелей құралына айналып отыр. Бұл сөздер тек советтік отанда ғана емес, одан тыс елдердің де қалың бұқарасының аузына көп тараған, әрі түсінікті, әрі сүйікті сөздеріне айналды. В.И. Ленин ерекше мақтанышпен: «Біздің орыс сөзі «Совет» ең көп тараған сөздердің бірі, ол тіпті басқа тілдерге аударылмайды да, барлық жерде орысша айтылады» деген болатын.

Бірақ совет өкіметінің алғашқы жылдарында буржуазияшыл ұлтшылдар, пантюркистер мен панисламистер ұйғыр тілінің сөздік құрамына енген, көпшілік қабылдаған орыс және халықаралық термин

сөздерді ығыстырып, оларды ескірген, не көне сөздермен, немесе көңілге қонымсыз, қолданудан қалған араб-парсы элементтерімен ауыстырғысы келді. Сөйтіп, орыс тілінің игілікті әсерін, ерекше маңызын жоққа шығармақшы болды. Әрине, бұл сияқты кері кеткен, зиянкестік тенденцияны зерттеушілердің алдына қойған мақсаты: ұйғыр халқы мен ұлы орыс халқының арасындағы экономикалық және мәдени қарым-қатынасты үзу еді.

Орыс және халықаралық термин сөздерді орыс тілінде қалыптасқан формасында алудан бас тартқан ұлтшылдар, оларды мына сияқты ойдан шығарылған «жаңа сөздермен» ауыстырғысы келді: трактор – «*гүлдүрқоши*», велосипед – «*шайтанчақ*», социализм – «*тәң яшаиш*», «Советская власть» – «*кеңәш һөкүмити*» т.с.

Бірақ халық ұлтшылдардың бұл сандырағына ермей, жаңа ұғымдарды дәл бере алатын советтік және халықаралық термин сөздердің өзін артық деп тапты. Буржуазияшыл ұлтшылдардың зиянды, теріс теориясының күлі көкке ұшты. Ұйғыр тілі жаңа сөздермен, алдымен советтік, халықаралық терминологиямен толығып, баи түсті. Ұйғырлардың ұлы орыс халқымен бірге социалистік құрылыстың барлық саласында, еліміздің экономикалық, саяси және мәдени тұрмысын өркендете түсу күресіне белсене қатынасуының нәтижесінде ұйғыр тілі ғылым мен техниканың барлық саласынан көптеген терминдерді қабылдап отыр. Мысалы: *диалектика*, *материализм*, *биология*, *астрономия*, *журнал*, *экскаватор*, *канал*, *агроном*, *комбайн*, *бригадир*, *парторг*, *МТС*, *профсоюз* т.с.

Жаңа сөздердің енуімен қатар, кейбір: *болус*, *старишин*, *молла*, *курвеши* сияқты сөздер көнеріп, қолданудан шығып қалды. Бірқатар сөздердің бұрынғы мағыналары өзгерді. Мысалы, *йолдаш* (жолдас), *күрәш* (күрес) деген сөздер саяси-элеуметтік жаңа отенкаларға ие болса, *Вәтән* (Отан), *әмгәк* (еңбек), *муқаддәс* (священный – ардақты) деген сөздердің мағынасы бүгінгі таңда мүлдем өзгеше.

Осындай көптеген сөздерді қабылдауға ұйғырлар екі принципті негіз етіп ұстайды: **біріншіден**, жаңа ұғымдарды беретін терминдерді ұйғыр тіліне дәлме-дәл аудару, **екіншіден**, егер тілде дәл аударуға келмесе, орыс тіліндегі айтылуы күйінде қабылдау. Сөйтіп, тіліміздегі терминдерді: орыс тілінде қалыптасқан күйінде алынған терминдер (*конференция*, *демократия*, *конституция*, *забой*, *звено*, *заряд*, *маевка*, *субботник*, *воронка*) және ұйғыр тіліне аударылған баламалы терминдер: *үстки қурулма* (қондырма), *сүрәт* (темп, қарқын), *бәшжиллиқ* (бесжылдық), *қочақ девлити* (қуыршақ мемлекет), *қозғулаң* (қозғалыс), *һөкүмранлиқ*

(билеп-төстеушілік), *тәрғибат* (насихат), *тәшвиқат* (үгіт) – деп екі сала етіп қарауға болады.

Сонымен қатар, көптеген туынды, қоспа және қысқарған терминдер ұйғыр тілінің грамматикалық тәсілдері негізінде жасалып, қалыптасып отырғанын көреміз. Мысалы: *диалектикалық материализм* (диалектический материализм), *хияли социализм* (утопический социализм), *ишләп чиқириш құрал-әсвәплири* (орудия производство) т.с.

Осы фактылардың бәрі ұйғыр тілінің өсіп-жетілгендігіне, оның лексика құрамының әлдеқайда баи түскендігіне айқын дәлел бола алады.

Әйткенмен, ұйғыр тілінің терминін жасауда елеулі-елеулі кемшіліктер де жоқ емес. Ол кемшіліктерді, сайып келгенде, терминологияның ғылыми тұрғыдан зерттелінбей келгендігінің, орыс тілінен енген терминдерді аударуға және оларды қолдануда тиянақты принциптің болмауының салдары деп қарауға болады.

Айта кететін нәрсе, терминдерді әркімнің әртүрлі аударып, өз беттерімен қолданып жүруі. Мұның өзі оқушыларды шатастырады. Мысалы: «экономика», «экономический закон» кейбір шығармаларда: «*иқтисад*», «*иқтисади қанун*» деп аударылса, басқа шығармаларда: «*экономизм*» – «экономизм», «*экономисты*» – «экономистар», «*политэкономия*» – «политэкономия» деп берілген. Егер біз «экономика»-ны «*иқтисад*» деп, «экономический закон» ды «*иқтисади қанун*» деп алған болсақ, «экономисты», «политэкономия» деген терминдерді де ұйғырша аударып, «*иқтисадчилар*», «*сәяси иқтисад*» деп неге алмаймыз?

Егер «*иқтисад*», «экономизм», «экономия» (топливы) тағы сол сияқты «экономияға» байланысты тума терминдердің баламалылығына жарамаса, онда неге барлық жерде «экономика»-ның өзін алмаймыз? Сол сияқты, «художественная литература» әдетте «*гәзәл әдебият*» болып аударылады. Ал «художественные произведения»-ның «*художествалиқ әсәрләр*» болып аударылуы қисынсыз тәрізді.

Көпшілік жағдайда, жаңа ұғымдардың атаулары араб-парсы элементтерімен беріліп, олардың халықтың ұғуына қиын, түсініксіз екені ескерілмейді.

Мысалы, кейінгі уақыттарға дейін «революция» – «*инқилап*», «съезд» – «*курултай*», «теория» – «*нәзария*» деп, ал *нәзар* «союз» – «*иттипақ*», «прогресс» – «*тәрәққийәт*», «патриот» – «*вәтәнпәрвәр*» деп алынып жүр. Мұндай жағдайларда халықаралық терминдерді орыс тілінде қалыптасқан формасында алған тиімдірек сияқты. Кейде ұйғыр тіліндегі балама термин енген түбірлес, туынды және мағынасы жағынан жақын 3-4 терминнің

орынбасары ретінде қолданылады. Мысалы: «грамматический строй» – «*грамматикалық қурулуш*», «строительство» – «*қурулуш*», «структура языка» – «*тілнің қурулуши*», сол сияқты, «производить» – «*ишләп чиқарамақ*», «производство» – «*ишләп чиқариши*», «производительные силы» – «*ишләп чиқариши кучлири*», «производственные предприятия» – «*ишләп чиқариши орнулири*» болып аударылады. Осындай «бірбеткей» аударманың нәтижесінде өте ыңғайсыз сөйлемшелер туады. Сондықтан осы тәрізді тума, әсіресе, қоспа терминдерді аударуға өте шеберлікпен қарау қажет. «Частная собственность» дегенді ұйғырша «*шәхси мүлүк*» деп аударуға болса, ал «собственность из средства производства» дегендегі «собственность»-ті «*мүлүк*» деп аударуға келмейді. Міне, осындай ұйғыр тілінде алынған балама терминдер орыс тілінен енген терминдердің кездесетін барлық контекстінде бірдей ауыстыра алмай, жалпы мағынасына нұқсан келтіретін жағдайда ғана жоғарыдағыдай әртүрлі термин алу керек болады. Кейбір аударма шығармаларда, әсіресе, оқулықтарда, советтік және халықаралық терминдерді ұйғыр тіліндегі баламаларымен қабаттап, қатарластыра қолдану практикасы бар. Әрине, бұл да терминология принципіне жат нәрсе. Мысалы: *өтунүш* (петиция), *топулаң* (мятеж), *жилнамә* (летопись), *тоқулаң* (баррикада) т.б.

Терминология жасаудағы тағы бір негізгі кемшілік – ана тілінің байлығын сарқа пайдаланбау. Мысалы, *масса* (*массовая стачка*), *корабль*, *село*, *луч* (*света*), *мощность* сияқты көптеген сөздер ұйғыр тілінде баламасы бола тұрса да, аударылмайды. Әрине, бұл сияқты термин сөздерді В.И. Лениннің шет тілден енген сөздерді орынсыз қолданудың қажетсіздігі туралы айтқан сындарын негіз ете отырып, аударғанымыз жөн болады.

Орыс және халықаралық термин сөздердің ұйғыр тіліндегі орфографиясында да кемшіліктер жоқ емес. Мысалы, «революционный», «грамматический» формасында айтылған терминдердің жазылуы бірде «*грамматикалық*», «*революциялық*», бірде «*грамматик*», «*революцион*».

Сол сияқты, екі дауыссыз «*лл*»-дың қатар келген жерінде, олардың арасына «*ь*» (жінішкелік белгісін) қойып жазу да ұйғыр орфографиясына үйлеспейтін нәрсе. Мысалы, *рентабельлік*, *формальлік*, *қорабильлири* сияқты.

Ұйғыр халқының әдеби тілі ұлы орыс халқының тілі мен мәдениетінің игілікті әсерінің арқасында ұдайы дамып өсуде, советтік және халықаралық термин сөздермен баи түсуде. Ол – үгіт-насихаттың ең күшті құралы, ол арқылы ұйғыр халқы ғылым мен техниканың жаңа табыстарымен танысады. Марксизм-ленинизм классиктерінің мәңгі өлмес шығармаларын, партия мен

үкіметіміздің күнделікті қаулы-қарарларын ұйғырлар өзінің өсіп жетілген, орамды ана тілінде оқып үйренуге мүмкіншілік алып отыр.

Биылғы жылы Қазақ ССР Ғылым академиясының жанындағы ұйғыр-дүнген мәдениеті секторының инициативасы бойынша қазіргі ұйғыр тілінің орфография, терминология мәселелерін талқылау мақсатымен тұңғыш рет мәслихат шақырылмақшы.

Бұл мәслихаттың алдына қойған негізгі мақсаты – орыс тілінен енген советтік және халықаралық термин сөздерді қолданудағы, аударудағы бүгінге дейінгі болып келген талас мәселелерді шешіп, елеулі кемшіліктердің бетін ашу. Сөйтіп, бұл мәслихат ұйғыр әдеби тілінің ғылыми терминологиясын жасау, терминдерді сұрыптау, белгілі бір жүйеге келтіру сияқты игілікті істің бастамасы болмақшы. Бұл маңызды істе ұйғыр мұғалімдері ұйғыр әдеби тілінің ғылыми терминологиясын жасауға атсалысуға тиіс.

«Қазақстан мұғалімі», 11 октябрь 1953.

Арабизм и иранизм, употребляющиеся в уйгурских пословицах и поговорках

Включение иноязычных лексических заимствований в структуру идиоматических выражений, пословиц, поговорок и др. видов устойчивых словосочетаний не исключительное свойство уйгурского языка. Подобное явление в различной форме и степени распространения имеет место и в других тюркских языках, причем в сферу фразеологического употребления привлекаются без исключения все иноязычные элементы, в том числе и арабизмы, иранизмы.

Поэтому своеобразный интерес в этом плане может представлять степень активности и частоты употребления арабизмов и иранизмов в каждом конкретном языке. Надо сказать, что уйгурский язык в этом отношении занимает среди других тюркских языков особое место. Обилие арабизмов и иранизмов и их глубокое проникновение в область образных и устойчивых фразеологических единиц, выражающих самые различные понятия, начиная от сложных и общих мировоззренческих, философских категорий, кончая обыденными явлениями быта, в уйгурском языке не идут ни в какие сравнения с аналогичными фактами многих тюркских языков. Исключение может составить лишь современный узбекский язык, в котором также в большом количестве представлены арабизмы и, особенно, иранизмы.

В качестве иллюстративного материала можно привести сотни и сотни уйгурских пословиц и поговорок самой различной структуры, относящихся к различным сферам жизни и быта уйгурского народа:

родина и любовь к родине, труд и трудовая деятельность народа, дружба и братство, обычаи и традиции народа, родственные отношения и гостеприимство, любовь и коварство, старость и молодость, бдительность и ротозейство, знание и невежество, животный и растительный мир и т.д. – таков далеко неполный перечень понятий и представлений, получивших свое отражение в этих пословицах и поговорках.

Надо отметить, что употребление арабизмов и иранизмов в пословицах и поговорках не относится к числу простых и обычных фактов функционирования заимствованных иноязычных элементов в языковую ткань образных и метких выражений, какими являются пословицы и поговорки, прежде всего свидетельствует о прочном их освоении и активном употреблении носителями языка, что, конечно, могло случиться только в результате длительного исторического, культурного контакта и взаимного обмена материальными и духовными богатствами арабоязычных и ираноязычных племен и народов с уйгурами Восточного Туркестана.

Трудно нам судить о количестве и объеме семантики, а также частоте употребления арабизмов и иранизмов в структуре уйгурских пословиц и поговорок, т.к. они еще полностью не собраны (и вряд ли это возможно) и опубликованы. Тем не менее, мы попытались на основе анализа уже опубликованного небольшого сборника уйгурских пословиц и поговорок¹ дать некоторое общее представление о формах бытования и функционирования арабизмов и иранизмов в пределах зафиксированных пословицах фразеологизмов. Так, например, сборник включает в себе всего 2207 пословиц и поговорок, которые в свою очередь составляют 3500 стихотворно-пословичных строк. По нашему предварительному подсчету во всех этих пословицах и поговорках в общей сложности употреблено 4506 слов арабского и иранского происхождения (с учетом повторяемости отдельных лексических единиц от двух до 5 раз). Следовательно на каждую пословичную строку в среднем приходится по 1-1,5 арабских и иранских лексических элементов.² Обратимся к фактам:

Ана жутуң аман болса,
Рәңги-ройиң саман болмас

Жапа күрмей, салават йоә,

¹ Уйгур макал вә тәмсиллири. Уйгурские пословицы и поговорки. Составили и перевели Г.Садуақасов и Ш.Кибиров. Отв. редактор А.Т.Қайдаров. Алма-Ата, “Наука”, 1978.

² Примеры из этого сборника

Инаә болмай, саадәт йоә

Иш иштәйни ачиду

Сәвәп әил – тәләп әил

Дехан болсаң, шудигәр әил,

Молла болсаң, тәкрар әил

Балилиә үй – гулстан,

Балисиз үй – зимстан

Из әериса, әази болур,

Үеригиму рази болур

Хаманда уруә әалдур,

Дуняда – нәсил

Адәм гулдин назук, таштин әаттиә

Бехилдинпул алмаә –

Петир нандн әил алмаә

Давуз йоған – бир нан йоә,

Сәллә йоған – иман йоә

Маәтанма гораз –

қунириң аз

ншкигә жан әайғуси,

Иассапә-яғ

Сехиниң бәргиси кәлсә,

Бехилниң ичи ағирипту

Шамалниң алды-әуюн,

Жедәлниң алди-оюн

Яхшиниң – *шарапители*,

Яманниң – *касапители*

Мәртни мәйданда сина

Күчүк басмас *ширниң* изини,

Еси бар билиду *гәпниң* түзин

Икки *тил* урушса, оттурида *жин* үләр

Пули бар – *залим* киши,

Пули йоә – *алим* киши

В приведенных нами уйгурских пословицах и поговорках все подчеркнутые слова являются арабизмами и иранизмами, которые вполне освоены носителями языка и самостоятельно употребляются в их языковой деятельности. К тому же, во всех этих примерах арабизмы и иранизмы, несмотря на то, что в структуре пословиц и поговорок передавались из поколения в поколение в основном устно, все же относительно больше, чем в некоторых родственных языках, сохранили свои исходные, книжные формы и номинативные значения языка-источника.

Таким образом, в приведенных нами выше 20 уйгурских пословицах и поговорках, произвольно взятых из упомянутого сборника, употреблено 50 лексических заимствований, из которых 25 составляют арабизмы и 22 иранизмы (не считая трех повторений), т.е. они представлены в данных примерах в равных соотношениях.

Арабизмы: *аман* благополучный, благополучно, благополучие; целый, невредимый; *жапа* мука, мучение; *салават* – благодать, блаженство; *саадәт* счастье, удача; *иштәй* аппетит; *сәвәп* – повод, причина; *тәләп* требование; *тәқрар* повторение, повторный; *сази* – кади, кадий; *рази* – довольный; согласный; *дуния* – мир, вселенная; *нәсил* – порода; *адәм* – человек; *иман* – вера (в бога), вероисповедание; *сассан* мясник; *сехи* – щедрый, тароватый; *шамал* – ветер; *жедәл* – скандал, ссора, спор; *шарапәт* – честь, благородство; *касапәт* – пакость; *мәйдан* – площадь, поле брани; *жин* – черт, бес; *алим* – ученый; *залим* – тиран, изверг, деспот, угнетение, подлый.

Иранизмы: *рәңги-рой* цвет лица; лицо; *дехан* деханин, крестьянин; *шудигәр* перепаханное поле; *молла* мулла; *гулистан* – цветник, цветущий

край; *зимстан* – зима; *хаман* – ток, гумно; *гул* – цветок; *назук* – нежный; слабый; *бехил* – жадный, алчный; скряга; *пул* – деньги, капитал; *нан* – хлеб; *давуз* (<*дәрваза*) – ворота, ворота; *сәллә* – чалма, *гөраз* – петух; *сунәр* – ремесло, искусство; *жан* – душа; *мәрт* – щедрый; *шир* – лев; *гәп* – речь, разговор; *тил* – слон.

Как видно, на каждую уйгурскую пословицу или поговорку приходится по два с лишним арабо-иранских лексических заимствований. Однако, это дает объективную картину в какой степени и объеме функционируют в уйгурском языке арабские и иранские заимствования, если учесть, что есть немало пословиц и поговорок, в которых подобные элементы вообще не встречаются или, наоборот попадают и такие, которые состоят из одних арабизмов и иранизмов, если не брать во внимание грамматические формы связи компонентов или необходимые глагольные связи.

Например:

Шәмби – шикар,

Йәқиәми – бекар.

Перевод: «суббота – охота, а воскресенье – безделье (о людях, которые ничего не делают, любят праздную жизнь)».

әрәздин гәрәз туғулар,

Бегәрәздин – мерәз.

Перевод: «от корыстолюбивца рождается корыстолюбивец, от беспристрастного (бестолкового) рождается ханжа (злой)».

Жинниң әәсти шаптулида.

Перевод: *досл.* «у черта злость вызывают персики (в значении: у кого что болит, тот о том и говорит; *или* у черта на уме персики)».

Зеди пәсниң зили пәс.

Перевод: «у кого низкое происхождение, у того и понижен дух (настрой, требование, настроение)».

Давагәр сус кәлсә, әәзи-мутийәм.

Перевод: «Когда истец медлителен, то судья (кади) – мошенник (делает подлости)».

Гуман иманни әачуруп

Перевод: *досл.* «подозрение подрывает даже веру в бога».

Ахмаәниң дости тола,

Пиязниң пости тола

Перевод: «у глупца много дружков, у лукавицы много кожурок».

әиллиә үзини әйиплар

Надан – достини

Перевод: «умный себя порицает, а невежда друга обвиняет».

Жәйил – душмән,

әәил – дост

Перевод: «гнев – враг (человека), а разум – друг».

Нет надобности здесь комментировать подчеркнутые нами арабизмы и иранизмы, из которых по существу и составлены эти пословицы и поговорки. Они настолько освоены уйгурами, что не вызывают никаких затруднений и барьеров как в употреблении, так и в взаимном понимании. Они в одинаковой степени функционируют как в письменном литературном языке, так и в устной разговорной речи уйгуров.

Употребление арабизмов и иранизмов в структуре различных словосочетаний уйгурского языка. Аналогичную картину мы наблюдаем так же и в области различных типов фразеологизмов, устойчивых и свободных словосочетаний. Без преувеличений можно сказать, что почти 80% всего лексического заимствования из арабского и иранского языков образуют в уйгурском языке именно-глагольные словосочетания, в числе которых немало и устойчивых фразеологических единиц.

Надо отметить, что многочисленные сочетания именных основ арабского и иранского происхождения с собственно уйгурскими глаголами, функционирующими как вспомогательные, составляют в языке его огромную потенциальную возможность и богатство, при помощи которых выражаются самые различные значения и оттенки всевозможных действий, связанных с семантикой лексических заимствований. Так, например, только при помощи вспомогательного глагола *әилмаә* в уйгурском образовано сотни именно-глагольных словосочетаний от основ арабо-иранского происхождения; вот некоторые из них: *ажизлиә әилмаә* «проявлять слабость»; *гәп әилмаә* «говорить, разговаривать»; *арзу әилмаә* «сильно желать (о чем-то)»; «мечтать»; *ахта әилмаә* «кастрировать»; *әләм әилмаә* «досаждать, досадить»; *баян әилмаә* «излагать, изложить»; *бесәрәмжан әилмаә* «привести в беспорядок»; *бәрпа әилмаә* «возводит воздвигнуть, сооружать»; *бозәк әилмаә* «сделать козлом отпущения»; *вапа әилмаә* «быть верным, отвечать добром»; *вәдә әилмаә* «обещать, договариваться»; *жилвә әилмаә* «доказывать, доводить до логического конца»; *далвай әилмаә* «угрожать, наводить ложный страх»; *елан әилмаә* «объявлять, разглашать»; *етибар әилмаә* «придавать значение»; *етираз әилмаә* «взрывать, протестовать»; *етирап әилмаә* «признавать, выразить свое признание»; *жәри әилмаә*

«реализовать»; *зайд әилмаә* «тратить напрасно»; *ижазәт әилмаә* «позволять, позволять, разрешить»; *ижабәт/ижавәт әилмаә* «принять, допускать»; *ижра әилмаә* «исполнять, приводить в исполнение»; *ижарә әилмаә* «арендовать»; *илтимас әилмаә* «просить, упрасивать»; *илтижа әилмаә* «просить, упрасивать»; *интикам әилмаә* «дать возмездие, рассчитаться»; *инсап әилмаә* «удовольствоваться малым»; *йәксән әилмаә* «сравнивать с землей»; *дажлик әилмаә* «упрямствовать»; *кәшип әилмаә* «сделать открытие, изобрести, изобретать»; *кәсәяд әилмаә* «заставить признаться, согласиться»; *әобул әилмаә* «принимать»; «зачислять» и др.

Все это говорит о том, что современный уйгурский язык, являющийся естественным продолжением уйгурского классического письменно-литературного языка средневековой, испытал на себе сильное влияние арабо-ираноязычной литературы того же периода в условиях формирования литературных языков народов Средней Азии.

Насущные вопросы развития уйгурской культуры

(Письмо в редакцию)

Великая Октябрьская социалистическая революция создала все условия для небывалого расцвета культуры братских народов советской страны, в том числе и уйгур. За годы советской власти ранее обездоленные уйгуры, проживающие в основном в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях нашей республики, неузнаваемо выросли в экономическом и культурном отношении. Если раньше среди уйгурского населения царила сплошная неграмотность, то сейчас во всех районах, где проживают уйгуры, открыты начальные, семилетние и средние школы. Более 10.000 детей учатся на своем родном языке. Панфиловское педагогическое училище и уйгурское отделение при Тургенском педагогическом училище ежегодно готовят десятки учителей для сельских школ. Многие уйгурские девушки и юноши занимаются в высших учебных заведениях страны.

За годы советской власти выросли кадры уйгурской интеллигенции: врачи, инженеры, ученые, писатели, артисты, агрономы.

Одним из фактов, красноречиво свидетельствующих о культурных достижениях советских уйгур, является организованный при Академии наук Казахской ССР сектор уйгуро-дунганской культуры, который занимается изучением истории, литературы, этнографии и языка уйгурского народа.

Непрерывно растущий уровень культуры уйгурского народа, его духовных запросов выдвигает ряд неотложных задач, требующих разрешения. Мы имеем в виду, прежде всего, вопросы народного образования.

В республике работают 25 уйгурских семилетних школ. Они выпускают ежегодно около тысячи учащихся. Однако в средних школах и отделении при Тургенском педучилище по подготовке уйгурских учителей не могут принять всех выпускников семилетних школ. Причем обучение в этих школах и педучилище ведется на казахском языке. Учащиеся, занимавшиеся вплоть до VII класса на уйгурском языке, встречаются в средней школе с большими трудностями. Это отражается и на успеваемости и на качестве учебы. На низком уровне ведется в уйгурских школах преподавание русского языка.

Назрела необходимость организовать новые уйгурские средние школы, повысить качество преподавания русского языка. Министерство просвещения республики обязано решить этот вопрос положительно. Для этого есть все возможности.

Основная масса уйгурского населения давно уже ликвидировала свою неграмотность. Но этим задачи органов народного образования не исчерпываются. Среди взрослого населения еще есть малограмотные. К сожалению, этот важный участок работы за последние годы выпал из поля зрения районных и областных отделов народного образования.

Министерство просвещения, открыв при Казахском педагогическом институте уйгурское отделение языка и литературы, не позаботилось о налаживании плодотворной работы отделения, не обеспечило его преподавателями, не занималось и подбором учащихся. Отсутствие руководства подготовкой специалистов уйгурской литературы, истории и языка, разумеется, в какой-то мере отражается и на развитии этих наук. Так, сейчас в республике нет ни одного научного сотрудника и аспиранта, специализирующегося по уйгурской литературе.

В нашей стране широкое распространение получили труды классиков марксизма-ленинизма. Братские народы изучают их на своем родном языке. Советские уйгуры не имеют на своем родном языке таких жизненно необходимых книг, как «Краткий курс истории ВКП(б)», Краткая биография И. В. Сталина. Республиканские издательства не выпускают политической и научно-популярной литературы на уйгурском языке.

В Казахском издательстве художественной литературы за последние годы не выпущено ни одной детской книги на уйгурском языке, хотя в издательстве имеется для этой цели специальный редактор. Непонятен сам принцип подбора художественных произведений для детей-уйгур. Неизвестно, например, по каким соображениям было исключено из плана 1952 года издание на уйгурском языке романов М. Горького «Мать», Н.Островского «Как закалялась сталь».

Союз советских писателей Казахстана мало уделяет внимания молодым уйгурским писателям. В секции уйгурских писателей, организованной еще в 1950 году, не ведется никакой работы. Поэму молодого поэта И.Изимова, написанную два года тому назад, обсудили здесь только недавно.

Мало занимаются вопросами развития уйгурской культуры журналы «Әдебиет және искусство» и «Халық мұғалімі». Между тем в редакцию журнала «Халық мұғалімі» поступает много статей, рецензий, методологических советов учителей – уйгуров. Но они не находят места на страницах журнала. Так, статья аспиранта Г. Садвакасова о языке лежит в редакции с мая 1951 года.

В каждом уйгурском селе есть радио. Понятно желание уйгурских колхозников слушать передачи на родном языке. До войны в Республиканском комитете радиосвязи был специальный отдел уйгурских передач. Во время войны этот отдел был ликвидирован. Между тем организация концертов, литературных, сельскохозяйственных, детских и прочих передач на уйгурском языке необходима.

Этим, на наш взгляд, важным вопросам дальнейшего развития культуры уйгурского народа, национальной по форме, социалистической по содержанию, должно быть уделено необходимое внимание.

Казправда, 16.05.52 (Соавт. Н.Мансуров).

Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке*

Выпадение согласных звуков и связанные с этим изменения фонетического облика слова и его словоформ наблюдаются почти во всех тюркских языках¹, однако в каждом из них это явление имеет свои особенности. Особое положение занимает современный уйгурский язык. От других тюркских языков он, по нашим наблюдениям, отличается: 1) составом неустойчивых согласных; 2) относительной регулярностью выпадения некоторых из них; 3) фонетическими условиями выпадения; 4) различными изменениями в структуре слова и словоформ, возникающими вследствие указанного выпадения; 5) традиционным отражением этого явления в орфографии литературного языка.

Следует отметить, что выпадение согласных или неустойчивость их положения в определенных позициях в слове и словоформах при

1 Н.К.Дмитриев. Неустойчивое положение сонорных *p, l, n* в тюркских языках. – В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч.1. Фонетика. М., 1955, стр. 279-280; *его же*. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. – Там же, стр. 281-288; Э.В.Севортян. Выпадение согласных в южных тюркских языках. – Там же, стр. 289-292; С.К.Кенесбаев. Фонетика. – В кн.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 58-118; Т.Талипов. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972 и др.

произношении относятся к характерным фонетическим особенностям тюркских языков древнего происхождения. Но поскольку выпадение звуков, как таковое, происходит в сфере устной речи и непосредственно связано с особенностями произношения, то оно, естественно, не нашло достаточно полного и систематического отражения в дошедших до нас письменных памятниках. И все же письменную фиксацию неустойчивости отдельных сонорных согласных можно встретить в «Диване» Махмуда Кашгарского, в «Кутадгу билиг» Юсуфа. Баласагунского, «Алтун ярук», уйгурских юридических документах и других письменных памятниках VIII–XIII вв. Так, например, относительно регулярное выпадение сонорного *r* в «Диване» Махмуда Кашгарского наблюдается главным образом в абсолютном конце слова (в показателе условного наклонения *-sar>-sa*: *barsa* «если пойдет», в форме древнего направительного падежа *-ra||-ru*: *sanar>sana* «тебе»), в местах стечения согласных и перед сонорным (в показателе множественного числа: *ašlarka<ašlarka* «кушаньям, пищам»; в структуре сложных образований: *bilän<birlän* «вместе, с» и др.). Сам же Махмуд Кашгарский эти случаи выпадения объясняет особенностями устной речи тюркоязычных племен разных регионов и их стремлением к облегченному произношению тех или иных звукосочетаний проявляется по-разному. Все это затрудняет установление общих универсальных закономерностей выпадения согласных не только для всех тюркских языков, но даже в пределах одного из них.

В полной мере это относится и к современному уйгурскому языку. Кажущаяся регулярность или последовательность в выпадении каждого из согласных в этом языке часто нарушается, причем в совершенно одинаковых фонетических условиях, что часто не поддается объяснению. Так, например, слово *қағу* «ворона» в устной речи уйгуров, как правило, произносится *ка:уа* с выпадением сонорного *r* непосредственно перед согласным *у*. Однако в совершенно идентичной позиции, например, в слове *қағи* «слепой», согласный *r* не выпадает. Точно также в односложном слове *бар* «есть, имеется» конечный *r* обычно неустойчив, тогда как в слове *тар* «струна» в той же позиции этот согласный не выпадает. Таких примеров очень много².

Следовательно, здесь оправданно говорить не столько о строгих или абсолютных закономерностях выпадения согласных, сколько о его наиболее типичных случаях. В уйгурском языке к ним относятся:

1. Выпадение согласных в словах и словоформах: в первых, вторых, третьих и последующих слогах.

² Г. Садвакасова. О некоторых свойствах сонорного *r* в современном уйгурском языке. – В сб.: «Исследования по уйгурскому языку», кн. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 68-77.

2. Выпадение согласных в конце конечного слога слова или словоформы³:

ka:<kar «снег», ärva:<ärvah «дух, душа умершего», kkä:<kääl «приходи», okamsä:<okamsän «будешь ли ты читать, учиться?», o:<ov «охота», täx<täxt «престол» и др. Исключение из этого правила составляет среднеязычный сонант *j*, заменяющий неустойчивый фарингальный *h* и не выпадающий в исходе слов: ištāj «аппетит» вм. ištāh и др.

3. Одновременное выпадение двух, трех и более неустойчивых согласных в структуре одного и того же слова или словоформы. При этом выпадающие согласные могут быть как однородными, так и разнородными; например, в словоформе kima:vazla:<kimarvazlar «игроки в азартные игры» одновременно выпадают два *r*, в словоформе dos:lani<dostlarni «наших друзей» – глухой *t* и сонорный *r*.

4. Выпадение в фонетической структуре одного и того же слова разных неустойчивых согласных, что приводит к образованию фонетических вариантов этого слова, например: šähär «город»> šähä:||šä:r||šä: и др. Иногда на месте выпавшего неустойчивого согласного, например, фарингального *h*, появляется другой согласный, например, сонант *j*: gajida<gahida «иногда»; Tahir>Tajir (имя собственное); zäh>zäj «сырость»; ärvah>ärvaj «дух», mehman>mejman «гость». Подобного рода субституции, как отмечал в свое время С.Е. Малов, являются особенностью уйгурских диалектов Кашгарии. Например:

Atam bamu bu šäjiṅdä,
 Anam bamu bu šäjiṅdä...
 «Есть ли отец в этом городе,
 Есть ли мать в этом городе...»

– так начинается кашгарская песня. Здесь šäjiṅdä<šähäriṅdä «в вашем городе» является результатом замены *h*>*j* выпадения *r*.

5. Выпадение как таковое присуще всем лексико-грамматическим категориям слов, иначе говоря, оно отмечается как в структуре корневых и производных основ, так и в структуре различных словоформ, включающих все морфологические (словообразовательные) показатели, служебные элементы, частицы и т. д.

³ Выпадение согласного в абсолютном начале слова – для уйгурского языка явление не типичное. Что же касается слов с начальным фарингальным *h* типа hoda«муравейник», härä «пила»; oca, hašk'arä «разоблачение», halka «серьги» и др., которые иногда произносятся и без *h*, то это явление другого порядка и не связано с выпадением начального *h*.

6. Выпадение согласных в одинаковой степени присуще как собственно уйгурским, так и заимствованным словам и грамматическим формантам.

Наряду с указанными выше наиболее типичными случаями неустойчивости согласных выпадение каждого из них имеет свои характерные особенности, хорошо прослеживаемые при дифференцированном их рассмотрении. Так, например, сонорный *r* в устной речи уйгуров выпадает преимущественно в середине слова непосредственно перед согласными и в абсолютном конце слова и словоформы: ä:män<ärmän «полынь», ja:mak<jarmak «китайская медная монета», ä:k'ilimäk<ärk'ilimäk «баловаться, вести себя вольно», jö:gmäčgül<jögimäčgül «вьюнок», čamyu<camyur «редька», tömü<tömür «железо». Фарингальный *h* также чаще всего выпадает в абсолютном конце слова и словоформы, например: guna<gunah «грех, вина», guva:<guvah «свидетельство» и т. д. В середине же слова *h* выпадает, в отличие от *r*, в основном в интервокальном положении, например: ba:nä<bahanä «причина, повод», na:l<nahal «подковка для обуви», ba:tur<bahadur «богатырь». Однако в некоторых случаях *h* выпадает и в позиции перед сонорными и звонкими согласными: me:man<mejman||mehman «гость».

Сонорный *l* выпадает главным образом в односложных, двусложных и многосложных основах: a:ma<alma «не бери», k'elämidi<k'elä + almidi «не смог прийти» и др. Аналогичные особенности присущи и другим неустойчивым согласным, выпадение которых также имеет свою специфику.

Отличительной чертой рассматриваемого фонетического явления в уйгурском языке является то, что некоторые неустойчивые согласные, выпавшие при определенных фонетических условиях, могут восстанавливаться при соответствующем изменении этих условий. Так, например, в произношении слова *bar* «иди» или «есть» конечный сонорный *r* обычно выпадает: *bar*>*ba:*. Но он может восстановиться, оказавшись в интервокальном положении с присоединением к слову *bar* аффикса деепричастия *-a* или лично-временного показателя *-du*: *baridu* «он пойдет». Такое явление можно проиллюстрировать на примере однокорневых производных основ:

Kančä čevär bolsañmu sän oma uruška,

Äplašmäjdu kolda oyaq ujkusizlikta...

«Каким бы ты мастером жатвы ни был,

Не выспавшемуся трудно управлять серпом...»

(И. Саттаров)

В данном примере представлены три однокорневые производные основы: *o:ta* «жатва», *oɣuʃ-* «производить жатву» и *oʋak* «серп», где в роли морфемы выступает один и тот же глагол *oɣ-* «жать, косить». В словах *ota*, *oʋak* выпадает сонорный *r*, что зафиксировано и в письменности. Однако выпадения *r* в слове *oɣuʃ* (имя действия от *oɣ-*) не происходит, ибо здесь этот звук находится в интервокальном положении.

Данная особенность свойственна, пожалуй, только уйгурскому языку.

Выпадение согласных нередко приводит к различным изменениям в фонетико-морфологической структуре слов, что, в свою очередь, влечет за собой и изменения в их семантике и стилистических функциях.

Структурная модификация слов в результате выпадения согласных носит различный характер в зависимости от того, происходит ли это выпадение в «чистом виде» или влечет за собой выпадение других соседних звуков или целого звукосочетания. В результате часто образуются стяженные, эллиптические формы слов (*äxäx<;är+xälik* «мужчина»), возникают геминаты (*bommajdu<bol+maj+du*) и вторичные долготы, появляются трансформированные варианты слов и их дублиеты и т. д.

Изменения эти бывают иногда настолько сложными, что указанные слова трудно поддаются фонетической и этимологической реконструкции без привлечения сравнительных данных из других родственных языков или языка-источника. Приведем несколько примеров: *samsak* «чеснок» – каз. *saɣymsak*; *koʃak* «кукла» – каз. *kuɣɣʃak*; *ömčuk* «паук» – каз. *ömek'si hekik'* икота – каз. *ukuɣyk*; *mälä* «село, квартал в селе» – иран. *mähäl- lä* и др.

Неустойчивость положения согласных и их регулярное или нерегулярное выпадение соответствующим образом отражаются и фиксируются в письменно-литературном языке уйгуров. При этом здесь сталкиваются противоборствующие тенденции: с одной стороны, действие фонетических закономерностей развития устной речи уйгуров, а с другой – тенденция к нормализации и регламентации письменного языка с превалирующей опорой на морфологический, но не фонетический принцип. Определенное влияние имеет и историческая преемственность письменных традиций языка уйгурской классической литературы.

В письменном языке уйгуров прослеживается неустойчивость указанных выше восьми согласных в самых различных разрядах слов. Такие слова, как *aslan* «лев», *oʋak* «серп», *taʋak* «расческа», *tavuz* «арбуз», *tatuk* «шрам», *körtük* «мост», *ʃova* «бульон», *bora* «циновка», *kalıyäs* «ласточка», *amut* «вид

груши», dölät «государство» и др., имеют вполне застывшую форму и в таком виде зафиксированы в орфографических словарях. Согласно правилам орфографии, в написании отдельных разрядов слов выпадение согласных не отражено, однако на практике такие слова пишутся двояко и даже в нескольких вариантах: zärgärçi||zägäçi «золотых дел мастер», joluvçi||joluçi «путник», bekar||beka «напрасно», sijir||serä «корова» и др.

Таким образом, выпадение согласных как особенность устной речи постоянно оказывает влияние на письменный язык, создавая в какой-то момент определенные трудности в языковой практике. Упорядочение этого своеобразного процесса имеет не только чисто практическое, но и теоретическое значение, особенно в период стабилизации устных и письменных норм национального литературного языка.

«Советская тюркология». №6, Ноябрь-декабрь. 1973.

Уйғур тили аталғушунаслиғиниң бәзи бир мәсиллири

СССРниң парчилиниши вә сабиқ иттипақдаш жумһурийәтләрниң истиқлалийәткә еришип, мустәкил дәләт болуп қурулушиға бағлиқ илғәрки СССР хәлиқлириниң аң-сәвийәсидә өзлириниң келип чиқишиға, тарихиға, маддий-мәнивий мәдәнийитигә, тилиға болған қизиқишлар жиддий түс алса, миллий әнъәнилири билән урп-адәтлирини қайтидин тикләп, уларни заман тәливиғә лайиқ жанландурушқа қаритилған интилишлири очуқ байқалмақта.

Шундақ жиддий мәсилләрниң бири у, миллий тил проблемисидур. Мәсилән, Қазақстан Жумһурийитидә қазақ яшлириниң 40 проценти өз ана тилини билмисә, билсиму чала-пула билсә қазақ тили өзиниң 50кә йеқин жәмийәтлик функциясиниң пәқәт ончисиниңла хизмитини атқурғанлиғи мәлум. Өз ана тилини билмигән хәлиқниң кәлгүси тәғдири немә болмақ?! Бу, әлвәтгә, СССР дәлети тәрипидин 70 жил мабайнида жүргүзгән тил һәққидә сәяситиниң нәтижисидә шәкилләнгән жәрияндур. Бу тәхлиттики көплигән тил мәсилиси бойичә қийинчиликларни илғәрки Кенәш Иттипақи хәлиқлириниң һәммиси дегидәк мәлум дәриждә баштан кәчүрмәктә буниңдин Мустәкил Дәләтләр һәмдотлуғида яшаватқан уйғурларму истисна әмәс. Бир мақалида һазирқи заман уйғур тилиға айт һәммә мәсилләрни һәл қилиш, әлвәтгә, мүмкин әмәс. Шуңлашқиму биз кейингә қалдурушқа болмайдиған нәзәрийәвий һәм әмәлий әһмийти зор проблемлиридин аталғу-термин мәсилиси тоғрисида пикир вә тәклиплиримизни йорутушқа һәрикәт қилип көрәйли.

Бир һәқиқәт барқи у: йеңи нәрсини яхшилап қуруш үчүн өтмүштиқи

камчиликларни яхши билиш керәк вә уларни кәлгүсидә тәқрарлимаслик лазим. Униң үчүн мәсилиниң тарихини яхши билишимиз шәрт. Шуңлашқа заманивий уйғур тили аталғушунаслиғиниң шәкиллиниши вә тәрәкқий этиш жәрияни һәккидә қисқичә тохтилип өтәйли.

Һазирки заман уйғур әдәбий тили, уйғур хәлиқиниң баштин кәчүрүватқан һазирки тарихий әһвалға бағлиқ, икки дөләт шараитида тәрәкқий әтмәктә: ШУАР ХХР (7 млн. ошук) вә Оттура Азия вә Қазақстан зимиинида (300 миңға йеқин).

Бу һаләт һазирки заман уйғур әдәбий тилиниң шәкиллинишигә вә кәлгүси тәрәққиятиға мәлум дәрижидә өз тәсирини йәткүзди вә Шинжаң-Уйғур Автоном Районидики һәм Мустәқил Дөләтләр һәмдостлуғидики уйғурларниң әдәбий тилида икки вариантниң пәйда болушиға елип кәлди. Келип чиқиши бир тил болсиму, уйғур әдәбий тилиниң икки вариант сүпитидә тәрәкқий этиши һәр хил лингвисткилик вә әкстралингвистикилик амилларға, атап ейтқанда икки хил йезиқ-имла әһвәнисигә (әрәп вә славян графикаси), йетәкчи шевиләрниң тәләппуз нормисиға, һәр бир дөләтниң өзигә хас тил сәяситиға вә шундақла терминшунаслиқ саһасида аталғу һасил қилиш йлмий принципларға мунасивәтлик.

Дәрһәқиқәт, һазирки дәвирдә бу бөлүнмәс бир әдәбий тилниң аталғушунаслиқ системисидики икки вариантниң ШУАР уйғурлириниң вә МДҺ уйғурлириниң аталғушунаслиғиңиң – можутлиғини тәкитләшкә тоғра келиду. Икки вариантниң аталғу ижатчилик усуллири билән принциплириға қисқичә тохтилип өтәйли.

I. Шинжаң уйғурлириниң тилидики аталғу ижатчилиғи

Һәр қандақ тилниң аталғушунаслиғи дөләтлик тил сәясити билән жәмийәт тәрәққиятидики ижтимаий өзгиришләрни әң бурун өзидә әкис етидиған «сәзгүр» қатлими болуп һесаплиниду. 30-жилларниң башлирида Шинжаң уйғурлириниң аталғушунаслиғи өзигә хас лексикилик васитилирини пайдилиниш арқилиқ шәкилләнди (буниңға бурун кирип өзләшкән әрәп-парис сөзлириму кириду): курултай, төмүр йол, пирқә (партия), бәйнәлмиләл, (интернационал), бәяз (бир нәччә шаирниң шеирлар топлими) вә һаказилар. Кейин пәйдин-пәй уларниң тилиға рус вә бәйнәлмиләл аталғуларму киришкә башлиди. 40-жилларда һакимийәткә Гоминдаңниң келишигә бағлиқ сәясәт өзгирип, қайтидин йәнә әрәп-парис сөзлири қоллинишқа башланди. Аталғу ижатчилик жәрияни стихиялиқ һалда, өзи боларчилик йөнилиштә болди. 1949-жили

хитай инқилавиниң ғалибийити билән йеңи түзүмниң орниши түпәйли «Кеңәш Иттипақиниң тәжрибисини пайдилиниш» вә «улуқ коммунистик ака билән достлукқа» қаритилған сәясәт үстүнлүк алди. Мошу дәвирдә кеңәш уйғурлири тәрипидин хәйрихәһлик ярдәм сүпитидә рус, казак, өзбәк вә башқа СССР хәлиқлири билән чәт әл әдәбияти нәмунилиридин нурғунлиған бәдий вә илмий-аммибап китаплар көп миқдарда тәржимә қилинип, Шинжаңға әвәтилишкә башланди. Мәсилән, Жумһурийитимизниң Миллий пәнләр академияси Мәркизий илмий китапханисиниң надир әсәрләр фондида 40–50-жиллири тәржимә қилинған әдәбиятлар теһи сақланмақта. Буниндин ташкири, мэдәний мунасивәтләрниң ипадиси сүпитидә йәнә икки журнал: Қазақстанда «Қазақ ели» кейин «Йеңи һаят», Өзбекстанда «Шәриқ һәқиқити» нәшир қилинди. Һалбуки, кеңәш уйғурлири мәзкүр китапларни оқушқа муйәссәр болалмиди, чүнки у әсәрләр әрәп графикисидә бесилған болуп, пәкәт ШУАР уйғурлириға беғишланған еди. Оттура ва башланғуч мәктәпләргә беғишланған дәрисликләр асасән кеңәш уйғурлириниң ижадий зиялилири тәрипидйк йезилған. Бу амиллар, әлвәттә, мәлум дәрижидә әдәбий тилниң жуқурида зикир қилинған икки вариантиниң йеқинлишишиға сәвәп болди. Амма бу икки журнал асасән аммибап нәшир болғанлиқтин, асасий хәлиқ тилиниң һәммә байлиғини толук әкис етәлмәслиги тәбийий нәрсә. Иккинчи тәрәптин, мундақ кәң даиридики мэдъәний алмаштуруш ишлири, болупму тәржимә әдәбиятлар 40 – 50-жиллири ШУАР уйғурлириниң аммивий һалда рус тилини үгинишигә зимин тәйярлиған еди. Шу нәрсә мәлумки, бу мәсилиләр у вақитта Хитай һөкүмити тәрипидин һәртәрәплимә қоллап-қувәтләнған. 1954-жили сентябрьдә болған умумхәлиқ вәкиллириниң қурултейи ХХЖ хәлиқлири тиллирида аталғушунаслиқ жәриянини руслаштуруш һәққидә мәхсус қарар қобул қилип, кәң йол ачқан еди. Амма-лекин-тил әмәлиятидики келишмәсликләр билән аталғушунаслиқтики һәр хиллиқниң болушиға қаримай, пүтүн бир аталғушунаслиқ системисини вә униң илмий принципирини ишләп чиқиш кәби муһим мәсилиләр бир қетим болсиму муһакимә қилинған әмәс. Уйғур әдәбий тилиниң аталғу ижатчилик мәсилиси ХХЖ ШУАРдики уйғур вә башқа хәлиқләр тәрипидин ишитиливатқан йезикқа ислаһат жүргүзүшкә бағлиқ дәсләп 1956-жили Үрүмчи шәһиридә ШУАРдики аз санлиқ милләтләрниң тил вә йезиқ мәсилисигә беғишланған I илмий конференцияда қаралған еди. Униңда И.Турсунниң «Уйғур тилиниң әдәбий тили вә аталғушунаслиғини яритиш мәсилиси» тоғрилиқ доклади тиңшилип, уйғур әдәбий тили тәрәққиятиниң вә аталғуларниң илмий принципирини таллаш һәм қоллиниш йоллири көрситилди.

У дәвирдики аталғу ижатчилиғиға болған мунасивәт рус тили вә шу арқилиқ қобул қилинған европа тиллириға айт өзләштүрмиләрниң Шинжаң вә кеңәш уйғурлириниң аталғушунаслиғиға хас умумийлиқтин ибарәт еди. ШУАР уйғурлириниң әдәбий тилида та һазирки күнгичә кәң қоллинип келиватқан русбәйнәлмиләл аталғулар, бирикмиләр, сөзму-сөз вә қисмән тәржимән қилинған сөз вә ибариләр; мәсилән: республика, империализм, конференция, прокуратура, депутат, секретарь, банка, танка аэродром, кадр, авиация объект, догма, пролетариат, ушшак буржуазия, характер, консул, духовой оркестр в.б.шуниң ярқин испадисидур. Бу кеңәш уйғурлириниң тилидики аталғу ижатчилик жәрияниниң паалийәтчанлиғи вә униң Шинжаң уйғурлириниң тилиға йәткүзгән тәсириниң бир көрүнүшидур.

Ваһаләнки, 50-жилларниң ахирлирида ХКП сәяситиниң өзгириши, йәни очуктин-очук жүргүзгән милләтчилик вә шовинистик иш-һәрикәтлири ХХЖдики аз санлиқ милләтләрниң тил мәсиллири бойичиму өзиниң сәлбии тәсирини йәткүзгәнлиги мәлум. Аз санлиқ милләтләрниң тил-йезиғиға беғишланған II дәләтлик конференция (1959, Бежин) билән ШУАР йезиқ вә аталғушунаслиқ мәсиллири бойичә чақирилған II кеңәштә (1959, Үрүмчи) Хитай Коммунистик партиясиниң тутқан йеңи сәясити толук тәстиқләнди. Бу сорунларда доклад билән сөзгә чикқан С. Әзизий, Ә. Әхтәм в.б. I конференциядә қобул қилинған аталғу ижатчилик принциплрини қаттиқ тәнқит астиға алди. Һәтта уларни «реакцион-милләтчилик» принциплар дәп аташти. Натиқлар тәрипидин хитай транскрипциялик алфавитиға асаплинип, латинлаштурулған йеңи уйғур алфавитиниң лайиһиси тәклип қилинди. Шу нәрсини очук ейтишимиз керәкки, һәммә тилшунас алимлар билән ижадий зиялиләр вәкиллири аз санлиқ милләтләр тил мәсиллисиниң бу һалда һәл қилинишиға нарази болди. Шуңлашқа мутәхәссис, зиялилар арасида «немә үчүн уйғурлар өзиниң милли алфавити сүпитидә хитайчә латинлаштурулған транскрипциялик алфавитни қобул қилиши керәк яки немә сәвәптин хитай элементлирини өзләштүрүш принципи ихтиярий болмай, мәжбурий теңилиду?» дегәнгә охшаш соалтәәжүпләр яңриши һәқлиқтур. Бу вә буниңға охшаш нурғунлиған соалларға йеңи сәясәтниң тәшәббускарлири төвәндикичә жавап бәрди: «хәнзу тилиға беқиниш: «тиларниң қошулуши», «ортақ амилларниң көпийиши», «аз санлиқ, милләтләр хәнзу тили һесабиға бейииду» дегәнгә охшаш хата қарашлар чикти. Буниң нәтижисидә һәтта мәктәп дәрислиқлиридики «һесап», «тил-йезиқ» кәби асасий чүшәнчиләр хитай тилидики «суәншу», «йуйвин»

дегән сөзләр билән алмаштурулди, Ваһаләнки II конференциядә кобул қилинған аталғу ижатчилик принциpleri вақит тәққазасиға жавап берәлмәй, өзиниң һәм илмий, һәм әмәлий жәһәттин ярамсиз екәнлигини көрсәтти.

70-жилларниң ахирили ХКП өзиниң тутқан йолида бурилиш ясап, өзгириш қилишға бағдиқ аз санлик хәлиқләр мәсилисиму бир кәдәр ижабии йешимләргә еришти. Төрт груһ паалийитиниң сәлбий ақивәтлирини объектив баһалиған Мәркәзий Комитет новәттики III Пленумниң II чақиришида партияниң ихтисадий, сәсий вә идеологиялик ролини ишләп чиқти. Пленумда шуниндәк пән вә техника, жүмлидин, тил саһасидики тәтқиқат ишлириғиму көп көңүл бөлүнди. Әң муһими, милләт вә тилларниң тәң хоқуқлуқ принциpleri етирап қилинди.

Умумий III Пленумниң қарарлирини башчиликқа алған һалда 1978-жили Үрүмчи шәһиридә ШУАРдики тил мәсиллири бойичә конференция болуп, аталғуларниң төвәндики шәкиллиниш принциpleri кобул қилиниду: 1) әмәлиятни чиқиш қилиш; 2) тилниң ички қанунийити бойичә иш көрүш; 3) аммиңи нәзәрдә татуш. Мана шуниндин башлап ШУАРда аталғушунаслиқниң шәкиллиниш мәсилигә диққәт бөлүнүп, аталғу ижатчилик мәсилиси әң муһим ишларниң биригә айланди.

1986-жили Бежин шәһиридә Умумхитай бойичә аз санлик милләтләрниң тил вә йезиқ мәсилисигә беғишланған III илмий конференция болди. Аталғушунаслиқ саһаси бойичә кәлгүсидә ХХЖ хәлиқлири аталғушунаслиғиниң өз ара бир-бирини бейитишқа қаритилидиғанлиғи алаһидә тәкитләнсә, иккинчидин, Мао үгәткәндәк, аммиңи тилини көпләп ишлитип, хәлиқ ара аталғулардин пайдилиниш лазимлиғи көрсетилиду.

1986-жили октябрь ейида Үрүмчи шәһиридә ШУАР хәлиқлириниң тил вә йезиқ мәсиллиригә беғишланған I кеңәш чақирилип, униңда 1978-жилқи Пленумниң асасий қарарлири техиму илгири сүрүлсә, 1978-жили II кеңәш мәжлисидә «Аталғулар хизмитини яхши ишләп, икки мәдәнийәт қурулушини йәниму илгири сүрәйли» дегән мавзуда ШУАР парткоминиң муавин кативи, ШУАР аталғушунас комитетиниң рәиси Жанабил доклад билән сөзгә чиқиду. Докладта аталғу ясап асасән 1978-жили қобул қилинған умумий принципни йетәкчиликкә елиш алаһидә тәкитлинип, униң бу жәриянидики асасий мәнбәлири көрситилди: 1) тилниң өз васитилири, шуниндәк шевиләргә аит сөзләр билән конириған сөзләрни вә жанлик тил элементлирини кәң даиридә қоллинишқа мүмкинчилик яратти; болупму аталғу ясаштики лексика-семантикилик усулни күчләндүрүп, сөз мәналириниң кәнийишигә яки

өзигиришигә алаһидә көңүл бөлүни; 2) чәт тилларға, биринчи новәттә, хәнзу вә европа тиллириға аит аталғуларни өзләштүрүш тәвсийә қилинди.

Шинжаң уйғурлириниң аталғу ижатчилиғидики принциплар билән мәнбәләрниң тәрәкқий етиш йолини тәһлил қилғинимизда төвәндики хуласигә келишимиз мүмкин: 1) уйғур тилиниң ички васитилири паал вә үнүмлүк қоллинилмақта, нәтижидә наһайити оңушлук, йеңи аталғулар барлиққа кәлмәктә; *үналғу* – «магнитофон», *синалғу* – «телевизор», *қиралғу* – «стиральная машина», *музлатқу* – «холодильник», *чайдан* – «термос», *һавадан* – «форточка», *тоқдан* – «аккумулятор», *санлиқ мәлумат* – «статистика», «*бағирдақ*» М.Қәшқәрийиниң «Дивану лүғәтит түрк» китавидин елинип, русчә «бюстгальтер» мәнәсидә ишләткән вә шуниңға охшашлар:

2) аталғушунаслиқ лексика, болупму илим-пәнниң бәзи саһалири бойичә келип чиқиши жәһәттин бир хил әмәс. Мәсилән, мәмурий- территориялик бөлүнүшләр, һәрбий, сәяси техиникилик, тиббий аталғулар асасән хәнзу тилидин қобул қилинип, өзләштүрүш арқилиқ тәрәкқий әтмәктә: *шаңшияв* – «полковник», *жаңжуң* – «генерал», *шаңвей* – «капитан», *шүжи* – «катип», *зуқли* – «баш министр», *гуңси* – «ширкәт», *лушән* – «партия сәясити», *питән* – «тәңқит», в.б. 3) һазирқи вақитта Шинжаң уйғурлири аталғушунаслиғиниң тәрқивидә 50–60-жиллири қобул қилинған 3 миндин ошукрус вә бәйнәлмиләл аталғулар өз хизмитини муваппәк ийәтлик атқурмақта.

Бу һал уйғур әдәбий тили икки вариантиниң аталғушунаслиқ лексикисидики бәзи умумийлиқниң можутлиғини көрсәтсә керәк. Рус тилидин киргән мәзкүр сөзләр уйғур тилиниң фоно-морфологиялик алаһидиликлирини һесапқа алған һалда өзләштүрүлгән, йәни булар һәммә саһада учришиду: *пунайка* – «фуфайка», *журнал*, *партком*, *айдром*, *пәлта* – «пальто нөл «ноль», *пар* – «батарея», *сөзлүк амбири* – «словарь- ный запас», *укол*, *экскурсийә* в. б.

Шуниң билән биллә уйғур яки рус вә хәнзу тиллириға мәнсүп жанлиқ вә әдәбий тилдики лексикалиқ дублетлар кәң даиридә қатар қоллинивериду: *институт* – шөйүән, *университет* – *дашуе*, *кассет*-дәй в.б.

Әң муһими, аталғу ижатчилик паалийитиниң һәммә әмәлий вә муһим мәсилелири назарәт астида болуп, у ШУАР хәлиқлири тил-йезиқ комитети йенидики Аталғуларни келиплаштуруш-беқиштуруш комитети тәрипидин рәтлинип туриду. Аталғу комитетиниң Шинжаң бойичә һәммә шәһәрләрдә вә Бежиндиму өзиниң шөбилири болуп, айрим тармақлардики аталғуларниң келиплаштуруш ишини елип бериш үчүн саһалар бойичә мәхсус комиссияләр қурулған. Шундақла Тил-

йезик комитетиниң мәтбуат оргини – «Тил вә тәржимә» намлиқ журнали болуп, униң сәһипилиридә аталғу иждтчилиғиниң нәзәрийәвий вә әмәлий мәсиллири бесилса, «Аталғулар учури» рубрикисида Комитет тәрипидин тәстиклинип, қоллинишқа тәвсийә қилинған аталғулар тизими берилиду.

II. МДҖ уйғурлири тилидики аталғушунаслиқ, проблемилриниң һәл қилиниши

1917-жили инқилап ғалибийәт қазинип, кеңәш һакимийити орнитилғандин кейин барлиқ жайларда саватсизлиқни йоқитиш бойичә күрәш башланди, бу һәрикат уйғур; аһалисиниму өз ичигә алди. 1918-жили Верный (һазирқи Алмута) шәһиридә уйғурлар үчүн дәсләпки педагогика училищесиниң, 1919-жили йеңи усулдики мәктәпниң (кейин у Сопи Зәрват нами билән аталған) ечилиши, 1922-жили уйғур тилица «Кәмбәғәлләр авазиниң» гезитиниң вә «Биринчи чамдам» мәжмуәсиниң тәсис қилиниши, дәрисликләр билән оқуш кураллириниң нәшир қилиниши, йеңи жәмийәтлик түзүм һадисилири чүшәнчилириниң уйғур тилиға кириши ижтимаий-сәясий аталғуларниң күчлүк тәрәққий етишигә асас болди.

Шу дәвирдики аталғушунаслиқ проблемилри кеңәш уйғурлириниң умумий әдәбий тилиниң нормиси тоғрилиқ он жил (20 – 30-жиллар) давам қилған муназирагә бағлиқ қаралған. Бу тоғрилиқ мундақ бир етиварлиқ факт можут. «Кәмбәғәлләр авазиниң» 1922-жили 6-февральда чиққан дәсләпки саниға «Қәшқәр-таранчи тилида чиқидиған гезит» дегән чүшәндүрмә бесилған болуп, у пәқәт 1925-жилниң апрель ейидин «Уйғур тилида чиқидиған гезит» дәп өзгәртилгән.

«Кәмбәғәлләр авазиниң» гезитиниң 1922-1925-жиллардики санлирини тәһлил қилғинимизда шуни көрүш мүмкинки, йеңи түзүмниң һаятқа қудрәтлик еқим болуп кирип келиватқан чүшәнчилири билән әмәлиятға мунасиб эквивалентлар таллап елинған, уйғур тилиниң ички ресурслридин өз аталғулири кәшип қилинған (әрәп-парис тиллиридин илгири киргән сөзләрни мошуларға қошумиз) вә қериндаш түркий тиллардин елинған: йоқсул – «пролетариат», *гүлдүрқош* – «трактор», вақирғақ – «репродуктор», *қизил милиқ* – «помидор», *басқу* – «ударение» (имладики), *улақлар* – «частица», *нәһви* – «синтаксис», *жака* – «объявление», дәпри – атеист, *әжнабилиқ* (чәткә берилиш, ана тилиниң роһиға қарши бериш), *сәрмаидар* – «капиталист», *шора* – «совет», *кәпәт* – «кризис», *түгирәк* – «кружок», *истилап* – «термин», *дегилик* – «активист», *әңгимә* – «рассказ», *баяннамә* – «доклад», *ат-жәни* – «имя-фамилия»,

жаһангир – «империализм», *гезит айғақчиси* – «селькор газеты» *желик* – «товариш» аб.

Тәрәккий етиватқан социалистик жәмийәт, СССР халиқлири тиллириниң рус-кеңеш – бәйнәлмиләл асасидики аталғулар һесабиға «риважлиниш вә бейиш» умумийүзлүк тенденцияси уйғур аталғушунаслиғидиму өз әксини тапти. Йәнә шу «Кәмбәғәлләр авазини» гезитиниң 1925 – 1931-жиллардики тили рус тилидики аталғуларниң наһайити нурғун, тамамән асассиз һалда киргүзүлгәнлигини испатлайду. Пәкәт айрим сөзләрлә әмәс, һәтта пүтүнсүрүк ибариләрму кобул қилинди вә өз әйничә тәржимә қилип берилди. Шу жилларда киргүзүлгән аталғуларниң алаһидилиги шуниндин ибарәт едики, барлиқ аталғулар вә аталғулуқ ибариләр уйғур тили тәрипинин фоно-морфологиялик өзләштүрүшкә беқиндурулди: *исчотвот* (счетовод) – «һесапчи», *тратвуар* (тротуар) – «пиядә киши маңидиған йол», *ультиматум* (ультиматум) – «қәтғий тәләп», ленинизм – «Ленин үгәткән йол», *вагзал* (вокзал) – «отһарву тохтайдигән йәр», *доверинск* (доверенность) – «ишәнч хети», *калликтив* (коллектив) – «ортақчилик» *членвзнос* – «әзалиқ, бәдили», *там гезит*, *әмгәк книжкиси*, *сотсиалчилик чепиши*, *қулакниң агенти*, *трактур истансиси* (МТС), *жавапкәр хәтчи*, *һәйғәт тәһририйә* – «редколлегия» в.б.

Шуни тәкитләш керәкки, тил қурулуши мәсиллири, жүмлидин, имла вә аталғушунаслиқ, гезит сәһипилиридә қизғинлиқ билән муһакимә қилинди. Көплигән алимлар, язғучилар, жәмийәт әрбаплири тил проблемлири бойичә өз пикир вә тәклиплирини оттуриға қойди, мәсилән: С.Е. Малов, А. Мухәммәдий, Л. Әнсәрий, С. Шакиржанов, А. Розибәқиев, Абдуғопур. Амма аталғушунаслиқ мәсиллири әң кәскин һәм әмәлиятта һәл қилинмиған әмәлий проблема петичә қаливәрди. Шунлашқиму у 1925-жили Алмута шәһиридә өткүзүлгән муәллимләр кеңәшмисидә, шундақла Оттура Азия вә Қазақстан уйғур зиялилириниң I Илмий-тилшунаслиқ конференциясидә (Сәмәрқәнт, 1928) йәнә муһакимигә қоюлди. Мәзкүр конференция кеңәш уйғурлириниң әрәп йезиғидин латинчигә көчүши мунасивити билән чақирилған еди. Әнди 1930-жили Алмутида имла вә аталғушунаслиқ мәсиллири бойичә өткүзүлгән II Уйғур тилшунаслиқ конференциясидә А. Мухәммәдий аталғуларни кәшип қилишниң алтә принципини тәклип қилди. Буларни өз әйничә көрситип өтәйли.

1. Өз тилимиздин луғәт ясиғанда, тилимизниң өз хусусийәтлири көз алдида тутулсун.

2. Ясалған аталғулар әмгәкчи пухраға уқумлуқ болсун.
3. Аталғуларның қайси бирлири өз тилимизда болмиса, башқа турк халикләрдин елиңсун.
4. Әрәп, парс тиллиридин кирип кәткән аталғулар өз тилимизниң қайдиллиригә боюн сунсун.
5. Буниндин кейин әрәп, парс аталғулири елинмисун.
6. Европа аталғулириниң түри шу бойичә елинип, қошумчилири уйғурлаштурулсун («Кәмбәғәлләр авазии», 1930, 30-май № 26, 333).

Алдин-ала ишлинип чикқан мәзкур принципларниң мукәммәл әмәслиги вә бу мәселидә йәкдиллиқниң йоқлуғи сәвәвидин 1934-жили Москва шәһиридә Илмий кеңәшниң аталғушунаслиқ комиссиясиниң мәжлисидә К.К. Юдахин тәрипидин ишлинип чикқан «Кеңәш уйғурлири әдәбий тилида аталғуларни кәшип қилиш принциплириниң» илмий асастандурулған лайиһиси қаралди. 1937-жили болуп өткән III Уйғур тилшунаслиқ конференциясидә Қ. Ашуровниң «Йеңи уйғур әдәбий тилидики аталғуларни кәшип қилишниң асаслири» тоғрилиқ докладида К.К. Юдахинниң лайиһиси техиму риважландурулди. Қ. Ашуровниң лайиһисидә шундақ дәп көрситилгәнки, аталғуларни ижат қилғанда «жанлиқ уйғур тилиниң лексикалиқ байлиғиға» асаслиниш, шундақла: «кеңәш можудатида қоллиниватқан бәйнәлмиләл аталғулар» һесаваға әмәлгә ашурулуши лазим. Мана мошу асасни тәшкил қилғучи икки принцип кеңәш уйғур аталғушунаслиғиниң техиму тәрәққий етишидә асасий йөнилишни бәлгүләп бәрди.

40 – 50-жилларда уйғур әдәбий тили аталғуларниң хилму-хиллиғи, наениқ, налайиқ аталғуларниң көплиги билән испатлиниду, буниң өзи тилшунасларниң мәхсәткә мувапиқ ишиниң йоқлиғидин болди. Биринчидин, мәзкур дәвирдики уйғур тили аталғушунаслиқ системисини мукәммәлләштүрүш зөрүрийитиниң пишип-йетилгәнлиги, иккинчидин, қериндаш түркий тилларда аталғуларни ясаш бойичә тәҗрибә топланғанлиғи, нәзәрийәвий қолланма, әдәбиятиниң наһайити нурғун болуши 50-жилларда аталғушунаслиқ ишиниң йәнә жанлинишиға ярдәм қилди. Шундақ қилип, 1958-жили ижадий зиялиләр билән муәллимләрниң кеңәшмисидә А.Т. Қайдаров тәрипидин ишлинип чикқан аталғушунаслиқниң илмий принциплири тәклип қилинди.

А.Т. Қайдаровниң «уйғур тилида аталғулар ясашниң асасий принциплири тоғрилиқ» доклади асасида «Коммунизм туғи» гезитида «Уйғур әдәбий тилида аталғуларни ясаш принциплириниң» лайиһиси елан қилинди. Лайиһидә тәкитләнгәнки, уйғур аталғушунаслиғини

ярителишнїң вә бейитишниң асасий икки мәнбәси уйғур тилиниң барлиқ ресурслири билән имканийәтлирини толук пайдилиниш вә кеңәш-бәйнәлмиләл аталғулирини елиштин ибарәттур; аталғуларни яшаш жәрияниниң барлиқ тәрәплири тәптишлик билән қоллинилиши ләзим, сөз яшаш, сөз кураштуруш, әйничә тәржимә қилип елиш (калька), өзини елиш, аддий вә мурәккәп кеңәш-бәйнәлмиләл сүпәт аталғуларни ипадиләш, рус тилидики айрим қошумчиларниң мәнәсини бериш, қисқармиларни (аббревиатура) яшаш.

Дөләт аталғулар комитети йенида 1958-жили 16-сентябрьдә уйғур секциясиниң қурулуши уйғур аталғулар түзүмини техиму мукәммәлләштүрүштә ижабий роль ойниди, у аталғуларни тәртипкә селиш, бир хиллаштуруш вә стандартлаштуруш бойичә ишларни уйғунлаштурди. Әпсуски, кейинирәк бу секция өз ишини тохтитип қойди, шундақ қилип яхши башланма башланған петичила қалди.

60-жилларниң оттурисидин башлап та бүгүнки күнгичә уйғур аталғушунаслиғи проблемилрини һал қилиш бойичә мәхсәткә мувапиқ планлиқ иш жүргүзүлмиди. Шуниң нәтижисидә мошу күнләрдә наениқ, келәңсиз аталғулар наһайити нурғун, гезит вә журнал сәһипилиридә, китапларда, радио вә телевидениедә аталғуларниң һәр хил қоллиниливатқанлиғини көримиз. Ахирки жилларда сабиқ СССРдики барлиқ түркий хәлиқләрдә өз миллий аталғушунаслиғини яритишқа болған әмәлий қизғинлиқ можут болуп турғанда, биздә бизниң тилимизда иш өзи боларчилиққа қоюп берилгән, аталғу яшашта һәқиқий анархия вә «ижадийәт» һөкүм сүрмәктә. Шуни тәкитләш керәкки, бүгүнгә қәдәр қазақ аталғулар жиғиндисидә бәйнәлмиләл аталғуларниң 30 проценти қазақниң өз сөзлири билән алмаштурулди, әнди рус тили арқилиқ киргән аталғулар қазақ тилиниң фонорморфологиялиқ қанунлириға бойсундурулған һалда өзләштүрүлмәктә: зауыт (завод), тауар (тавар), Ресей (Россия), Еуропа (Европа) в.б.

Мошу күнләрдә, бизниң пикримизчә, мону төвәндики мәсиләләр дәрһал әмәлий һәл қилинишни күтүп туриду: уйғур тилиниң өз ресурслиридин мүмкин қәдәр толук пайдилиниш, башқа түркий тиллар тәҗрибисидин пайдилиниш, аталғуларни башқа тиллардин елиш вә қобул қилип елинған аталғуларни өзләштүрүш проблемиси: имла вә орфоэпия.

1. Уйғур тилиниң өз ресурслиридин мүмкин қәдәр толук пайдилиниш: бу жәһәттин биз шинжаңлиқ кәсипдашлиримизниң тәҗрибисидин пайдилинишқа йүз тутушимиз һажәт. Шишқаң уйғурлириниң аталғулирини пайдилиниш МДҺ уйғурлири аталғулар лексикисини

уйғурларның өз вә умумтүркий элементлар асасида риважландурушқа вә бейитишқа ярдәм қилиду, чүнки уйғур хәлқиниң асасий қисми пайдилиниватқан умумхәлиқ тили һәммә жәһәттин бай дур, вә, әң муһими, можут болуп турған пәрикләрни йоқитишқа бир пүтүн заманивий уйғур әдәбий тилиниң умумий аталғулар түзимини мукәммәлләштүрүшкә ярдам қилиду.

2. Башқа түркий тиллар тәҗрибисидин пайдилиниш: бу мәсилә бизгә аталғу ясашта әң жиддий вә жавапкәрлик амил болуп һесаплиниду. Түркий хәлиқләрниң миллий аталғушунаслиғини шәкилләндүрүш жәрияниға йеңичә яндишиш йүз бериватқан бүгүнки шараитта аталғу ясаштики хилмухиллиқ қалаймиқанчилиғини йоқитиш мәхситидә аталғулар лексикисида бир пүтүн умумтүркий аталғулар лексикиси түркүмини һасил қилиш һажәттур, әйнә шундақ қилғанда илмий вә илмийаммибап түркийшунаслиқ әдәбият һәммигә чүшинишлиқ вә һәммигә пайдилинишқа асан болатти, һәм ахирки нәтижидә түркий хәлиқләрниң аталғулар түркүмини өз ара бейитишқа вә риваждандурушқа ярдәм қилатти. Түркий хәлиқләрниң аталғушунаслиғидики мошу вә башқиму нәзәрийәви и вә әмәлий проблемларни һәл қилиш үчүн Анкара шәһирдики (Түркия) Түркий хәлиқ ара һәмқарлиғи агентлиғи йенида мошу йөнилишгә иш елип баридиған аталғушунаслиқ алимларниң уйғунлаштуруш групписи қурулмақта.

3. Аталғуларни башқа тиллардин қобул қилив елиш вә елинған аталғуларни өzlәштүрүш шәртлири: бу мәселидә диффенциация вә һәд-чәктин чиқмаслиқ һажәт. Буниндин 50 – 60 жил илгири йүз бәргән әһвалдикидәк һәддидин ешип, һеч еһтияж болмисиму, тилни кеңәш-бәйнәлмиләл аталғулири билән мәйнәтләштүрүшкә болмайду. Зөрүрийәткә қарап, тилни тазиләш, қедимий уйғур аталғулирини әксигә кәлтүрүш вә йеңидин ясаш керәк. Дәрвақә, биз кеңәш дәврдики «большевик», «совет», «колхоз», «совхоз» вә башқа аталғуларни һеч қачан алмаштурулмайдиганлиғимиз ениққу. Шундақла биз илмий-техникилиқ аталғулар, тәбиий пәнләр аталғулири ичидики көплигән бәйнәлмиләл аталғулирини бирдинла чиқириветәлмәймиз, амма вақти кәлгәндә бу йәрдимду дурус йол тепишқа тоғра келиду.

Аталғуларни өzlәштүрүш мәселиси: шу нәрсә шүбһисизки, аталғуларни өzlәштүргәндә уларни уйғур тилиниң фоно-морфологиялик қанунлириға беқиндуруш лазим. Бу тәләп йеңи өzlәштүрүлидиған аталғуларғиму, шундақла бурун өzlәштүрүлгән сөzlәргиму тәәллуқ. Аталғуларниң имласи тоғрилиқ мәсилә һәл қилинмиди, у умумән имла вә йезиқ проблемисиға бағлиқ.

Биз бу мақалимизда һазирқи заман уйғур әдәбий тилида аталғучилик проблемисиниң һәқәдәр мурақкәп вә көп қирлиқ екәнлигини көрситип өтмәкчи боливедук.

Мәһһур әждатлиримиз Мәһһмут Қәшқәрий вә Йүсүп Хас һажиплардин бизгә улук вә гөзәл тил мирас болуп қалған екән, әнди биз өз әвлатлиримизгә бай вә ронақ тапқан әдәбий тилни тапшуруп беришимиз керәк. Тилимизниң бүгүнкиси билән келәчиги көп жәһәтләрдин аталғучилик проблемилариниң муваппәқийәтлик һәл қилинишигә бағлиқ, шуңлашқиму аталғу ясаш жәрияни алимларниң вә мутәхәссис тилшунасларниң дайимлиқ диққәт мәркизидә болуп, шулар тәрипидин тәртипкә селинип туруши һажәт. Мана мошу мәхсәт билән биз Қазақстан Жумһурийити МПА Уйғуршунаслик институтини асас қилған һалда Уйғунлаштурғучи аталғучилиқ комитетини қурушни, униң ишигә муәллимләрни, тәржиманларни журналистларни, алимларни, илим-пәнниң һәр хил саһалириниң мутәхәссислирини жәлип қилишни мәхсәткә муваппәк дәп һесаплаймиз. Мошундақ Комитетини қуруш тоғрилиқ II Уйрушунаслик конференциясидә қарар елинған еди, бирақ у әмәлгә ашурулмай қалди. Асасий пәнләр бойичә тәйярланған «Уйғур тили терминология луғити» нәшир қилиниши лазим.

Аталғуларни бир хиллаштуруш вә стандартлаштуруш, умумән аталғучилиқ жәриянини тәртипкә селип, тәңшәп туруш бир пүтүн заманивий уйғур әдәбий тилини бир изгә селип, нормиллаштуруш ишида наһайити чоң роль ойниған болар еди.

*(Соавт. Г. Семәтова).
«Уйғур Авази», 6 июнь 1994.*

Уйғур әдәби тилиниң тарихи тәрәққиятигә бир нәзәр

Уйғур әдәби тилиниң тарихи тәрәққияти һәққидә, болумпу һазирқи заман уйғур әдәби тилиниң шәкиллиниш процесси һәққидә илми тәкшүрәшләрниң аз екәнлиги мәлүм. Шуңлашқиму бу мәсилә үстидә пикир елишиш әмәли әһмийәткә егә вә униңгә пәкәт марксизм тил илминиң нуқтәи нәзиридин қариғандила, йәни уйғур тилиниң тәрәққиятини шу тилни яратқучн вә шу тилда сөзлигүчи уйғур хәлқиниң тарихи билән диалектикилиқ бирлиқтә қариғандила тоғри жавап беришкә болуду.

Марксизм тил илми, тилли бир дәвирниң әмәс, бәлки бир нәччә дәвирниң мәһсулати дәп қарайду. Узақ дәвирләр давамидики тәрәққиятида тил дайимән бейип, силиқлишиду вә мукәммәллишиду. Шуңлашқиму әдәби тилиниң һасил болуп, шәкиллиниши әйнә шу тилиниң умуми тәрәққияти билән чиң бағлиқ.

Уйғурлар V әсирләрдә соғдиларниң йезиғини қобул қилип, уни өзләштүргән. Бу йезикниң мәйданға келиши билән бағлиқ уйғур йезиқ тилиму тәрәкки етишкә башлайду. Уйғур тилида, уйғур йезиғи билән йезилған көплигән дини-мистицилик вә дидактикилик әсәрләр, жүмлидин хитай, тибәт вә башқа тиллардин тәржимә қилинип елинған бут вә мани тәлимамлирини баян әткүчи дини китаплар яритилған. Дини әдәбиятниң, йәни йезиқ тилиниң риважлинишида VIII әсирдин тартип Шәрқи Түркстанда кәң рәвиштә тарифан ислам дини билән кәлгән әрәп йезиғиму мәлүм роль ойниған еди. Әрәп йезиғи байиқи уйғур йезиғини сүрүп чиқиришқа башлайду. Лекин у Шәрқи Түркстанниң мәркизи қисимлирида XIV–XV әсирләрдә әрәп йезиғиға орун бәрсиму, бәзи жайларда, жүмлидин Ганьсу өлкисидә яшайдиған сериқ уйғурларниң (уйғу) бутханилирида та XVIII әсиргичә ишлитилип келиду. Мана шундақ әрәп вә кона уйғур йезиғиниң қатар ишлитилиши нетижисидә уйғур тили йеңи формисида хели риважлиниду. Лекин йезиқ тилиниң өзи теһи әдәби тил эмәс, у пәкәт әдәби тилниң шәкиллинишигә имканийәт бериду. Йезиқ тили асасида шәкилләнгән әдәби тил умуми хәлиқ тилиниң мүкәммәлләшкән түри болуп, өз дәрижисигә йетиши үчүн узақ дәвирни керәк қилиду. Мәсилән, уйғур йезиғи V әсирдә мәйданға кәлгән болсиму, лекин кедимки уйғур әдәби тили бирнәччә әсирләр өткәндин кейин, йәни академик В. В. Радловниң тәхмин қилиши бойичә, пәкәт VIII–X әсирләр давамида шәкиллиниду.

Әдәби тилниң риважлинишида вә мүкәммәллишишидә дәләтниң пәйда болуши вә хәлиқ мәдәнийитиниң тәрәкки етишиму чоң роль ойнайду. Мәсилән, кедимки уйғур әдәбн тилиниң X әсирдин кейинки давирләрдә чапсан сүр'әт билән риважлинишида Шәрқи Түркстанда X–XII әсирләрдә күчлүк Караханилар дәлитиниң пәйда болуши вә шуниңға бағлиқ уйғурларниң мәдәнийәт саһасидики мувәппәқийәтлириму чоң роль ойниғанлиғи мәлүм. Мана мошу дәвирләрдә пүтүн Шәриктә шөһрәт қазанған кедимки уйғур әдәбиятиниң нәмунилири қатарифа – Баласағунлук Юсуп Хас-һажип тәрипидин йезилған (XI) «Қутадғу билик» дастаны, тилшунас уйғур алими Мәһмут һүсәйин оғли Қәшқәри түзгән (XI) «Дивани луғәт әт түрк» китаби вә башқилар кириду. Бу әсәрләрниң тили шу дәвир тәрәққиятинин дәрижисидин елип қариганда бай, әвришим болғанлиғини көрүмиз. «Қутадғу билик» дастаниниң тили һәққидә Шәриқшунас И. И. Бертельс мундақ дәп язиду: «...китапниң асаси қиммити пәкәт униң бәдиилигидила эмәс, бәлки шуниң билән биллә тил түзүлүшини тәпсили рәвиштә бәлгүләшкә имканийәт бәргүчи XI әсир әдәби тилиниң чирайлиқ үлгүси болушидинму... ибарәтдур».

Қараханилар дәвриде Қәшқәр әң муһим мәдәни вә илми мәркәзләрниң биригә айлиниду. Мәһмут Қәшқәриниң сөзи билән ейтқанда «хан мәликилириниң вә шагиртлириниң әң чирайлиқ тили» болған қәшқәр шевиси дөләт тилиға айлиниду вә әдәби тилниң риважлинишида мәлүм роль ойнайду. Бу дәвирдики мукәммәлләшкән вә өз камалитигә йәткән кедимки уйғур әдәби тили дини вә бәдии әсәрләрдила ишлитилип қоймай, бәлки дөләт-идарә ишлиридиму кәң рәвиштә ишлитилиду. Униңға мошу вақитқичә сақлинип кәлгән бәзи Ноқуқи һөжжәтләрдики көплингән аталғуларниң, айрим сөз-ибариләрниң бир шәкилдә дегидәк ишлитилиши делил болалайду. Бу, биринчидин, әдәби тилниң жанлиқ хәлиқ тилиға йеқинлашқанлиғини көрсәтсә, иккинчидин, униң мәлүм бир нормиға селинип пухта рәсмиләшкәнлиғини исбатлайду.

Қараханилар дөлитиниң гумран болуши вә Чиңғизханниң Оттура Азиягә бесип келиши билән бағлиқ XII әсирдин кейин уйғур тили тәрәққиятида йеңи тарихи дәвир башланди дәп тәхмин қилишқа болуду.

Әсирләр дәвриде һөкүмранлиқ жүргүзүп кәлгән Чиңғизхан әвладлириниң мәдәнийәт дәрижиси уйғурлардин хелә төвән болди. Уларниң Оттура Азиягә йәткүзгән вәйранчилиғи вә мәдәнийәт жәһитидин қалақлиғи уйғур мәдәнийитиниң, шу жүмлидин уйғур әдәби тилиниң кәлгүси тәрәққиятиға сәлби тәсир көрсәтти. Көп вақитларғичә уйғур тилида әдәби әсәрләрниң яритилмай келишиму мана шуниң сәвәплири дәп ейталаймиз.

Сақлинип кәлгән әдәби ядикарлиқларға қариғанда, XV әсирдин кейинки дәвирдә уйғур әдәби тилиниң йәнә риважлинишқа башлиғанлиғини көрүмиз. Бу дәвирдики уйғур әдәби тили жуқурида ейтилған кедимки уйғур әдәби тилидин хелә пәриқ қилинатти. Униңға икки түрлүк сәвәп болди. Биринчидин, тил тәрәққияти нетижисидики өзгүрүшләр сәвәп болса, иккинчидин, XV–XVI әсирләрдә Оттура Азиядә түрки хәликләргә отақ кона өзбәк тили (яки чағатай тили) дәп аталған йеңи әдәби тилниң мәйданға келиши вә униң уйғур әдәби тилиға көрсәткән чоң тәсириму сәвәп болди.

Түрки тилларниң асасида вә әрәп-иран элементлирини кәң йосунда пайдилиниш арқилиқ шәкилләнгән бу йеңи тилда Шәриқ классик әдәбияти тәрәққи етишкә башлайду. Рабғузи, Әтайи, Сәккаки, Лутфн, Навайи вә башқа мәшһүр шаирларниң бәдии әсәрлири әйнә шу классик әдәби тил асаснда яритилип, униндин Оттура Азия хәлиқлириниң һәммиси дегидәк пайдилинип кәлдн.

Бу дәвирдики болған уйғур әдәбиятиниң мәлүм вәкиллиридин һесаплинидиған Мутрибә, Әдип Әхмәт Йүгнәки, Мүһәммәт Или вә башқиларниң әсәрлири бәдии услуби вә тили жәһитидин шу классик әдәбият үлгиси билән вә әдәби тил нормиси билән йезилғанлиғини көрүмиз. Өз тәрәққиятиниң иккинчн дәвридики уйғур әдәби тили мана мошу хусусийәтлири билән исбатлиниду. XVI–XVII әсирләрдә наһайити тәрәкқи әткән тил болуп һесаплиниду.

Оттура Азиядики бу классик әдәби тилниң тәсиридии болған ақивәт уйғур тилида узақ вақитларғичә, һәтта XIX әсирниң иккиичи йеримида вә XX әсирниң бешида яшиған мәшһүр уйғур шаирлири Хусләт, Муса Сәйрами, Молла Билал, Сейит Мүһәммәт вә башқилар тәрипидин ижад етилгән бәдии әсәрләрниң өзидиму сақлинип кәлгәнлиғини көрүмиз.

Мәсилән, андақ тәсирни Сейит Мүһәммәтниң «Шәрһи шикәстә» поэмисидин елинғаи мону бир парчидин байқашқиму болуду:

Издәгәйләр бирнәччә адәмләр ки әнжимәнд

Ушбуларниң мүһәббити көңлүмгә пәшәнд.

Намурат у хәстә бисәк жиғлиғайлар дәртмәнд,

Бәлни мәккәм бағлибан, ғәйрәт қилип һиммәтмәнд;

Ғәндәлипдәк бағ ара иалә қилмиш мән бу күн.

Уйғур тилиниң умуми тәрәққиятиға бағлиқ алаһидә тохтулуп өтүдиған мәсилиниң бири – һазирқи замай уйғур әдәби тилиниң шәкиллиниши. Бу мүрәккәп мәсилә һәққидә биз өзимизниң шәхси пиқримизнила изһар қилмақчимиз.

Бизниң пиқримиз бойичә, Совет вә Шинжан уйғурлириниң ишлитип келиватқан һазирқи заман әдәби тили, уйғур тилиниң умумн тәрәққияти жәһитидии елип қариганда, униң үчинчи дәврини тәшқил қилиду. XII әсирдики кедими уйғур вә XVII әсирдики кона уйғур әдәби тили бир-биридии хелә пәриқ қилиниду. Шунинға охшаш өткән 3–4 әсир давамидики тәрәққияти нетижисидә уйғур тили көп өзгүрүшләргә дучар болуду. Шу сәвәптин бүгүнқи уйғур әдәби тилини XVIII әсирдики тил билән бир дәп қарашқа мүмкин әмәс. Лекин у өтмүштики уйғур тилидин мутлақ бөләк тилму әмәс.

Һазирқи заман уйғур әдәби тили кона уйғур тилиға хас хусусийәтләрни, жүмлидин асаси луғәт фонди билән грамматик қурулушини өзидә сақлап, лекин болупму луғәт тәркиви жәһәттин чоң өзгүрүшләргә дучар болған вә кона тилға қариганда мукәммәлләшкән бай тил. У умуми хәлиқ тилниң асасида, хәлиқ еғиз ижадийитиниң бай ғәзнисидин толук пайдилиниш нетижисидә һасил болуп, кейинқи

йерим әсир давамида шәкиллиниватқан тилдур. Уйғур әдәби тили хәлиқ мәдәнийитиниң тәрәққилинишигә бағлиқ нурғунлиған йеңи сөз вә ибариләрни һасил қилиш вә көплигән илми-техникилиқ, ижтимаи-сәјси аталғуларни чәттин қобул қилиш арқилиқ өсүп рәсми тилға айланмақта.

Һазирқи заман уйғур әдәби тили сән'әт вә әдәбиятниң, маарип вә мәтбуат ишлириниң тәрәққиятиға бағлиқ умуми хәлиқ тили сүпитигә егә болмақта. Униң көпчилик хәлиққә чүшүнүшлүк болуп, жанлиқ тил билән жипсиллишип келиши, тил мәдәнийитимизниң өсүшини ипадиләйду.

Һазирқи заман уйғур әдәби тилиниң совет уйғурлири вә Шинжаң уйғурлири үчүн бир пүтүн умуми отақ тил экәнлигидә һечқимниң талиши йоқ. Лекин у қайси шевә асасида шәкиллиниватмақта дегән соал көп мулаһизиләрни, талашларни мәйданға чиқириси мүмкин.

Марксизм тил илми нүқтәи нәзиридин қариганда, әдәби тил умуми хәлиқ тилиға хас хусусийәтләрни өзидә толарақ ипадилигүчи вә тәрәққи етиш тенденцияси бесимрақ болуп кәлгән бир яки бирнәччә өзара йекин шевиләрниң асасида шәкиллиниши мүмкин.

Мәлүмки, уйғур тилиму бирнәччә мәнәлли шевиләрни өз ичигә алиду. Лекин уларниң қайси пешқәдәм вә һазирқи заман уйғур әдәби тилиниң шәкиллинишидә асас болмақта, дегән мәсилә бойичә мошу вақитқичә пикир бирлиги йоқ вә у һәқтә илми тәкшүрәшләрму аз.

Бизниң шәхси пикиримизчә, һазирқи заман уйғур әдәби тилиниң шәкиллинишигә асас болуваққан Или мәнәлли шевиси вә Ғулжа тәләппузидур. Әдәби тил өзиниң шәкиллиниш процессида, әлвәтгә, Қәшқәр, Турпан вә башқиму мәнәлли шевиләрниң ижаби тәрәплиридин толук пайдилиниши қануни нәрсә, вә у шу йосунда уйғур жамаәтчилигигә бирдәк хизмәт қилидиған бир пүтүн тил сүпитигә егә болуши мүмкин.

Уйғур әдәби тилиниң шәкиллинишидә Или шевисиниң асас болуваққанлиғига делил сүпитидә шуни ейтишқа болудики. Или вилайитидә яшап келиватқан уйғурлар тарихи жәһәттин елип қариганда умуми Шинжаң өлкисидики уйғурларниң вәкиллиридин тәшқил болған. Шуңлашқиму уларниң тили умуми уйғур тилиға хас хусусийәтләрни өзидә толарақ ипадиләйду. Совет уйғурлири болса Шинжандики уйғурлар көпчилигиниң пәкәт бир қисмила вә улар асасән Или шевисиниң вәкиллиридин һесаплиниду.

Ейтип кетиш керәкки, бир пүтүн уйғур әдәби тилиниң тәрәққиятида һәр икки қисимниң яшаватқан муһити вә сәјси вәзизәтлири әкис етилиши қануни һадисә. Совет уйғурлириниң тилида, мәсилән, социалистик өзгүрүшләргә нисбәтән пәйда болған йеңи уқумларни ипадиләш үчүн нурғун йеңи сөз-ибариләр рус тилидин кирмәктә.

Йәкүнләп ейтқанда, һазирки заман уйғур әдәби тили қайси мәһәлли шевә асасида шәкилләнмәктә дегән мәсилиниң беши очуқ әмәс, у көп тәкшүрәшни керәк қилиду. Лекин Советләр Союзида вә Хитай Хәлиқ Республикасида орнутулған социалистик түзүм, паравән турмуш уйғур хәлкиниң икки қисми арасидики иктисади вә мәдәни алақиниң мүстәһкәмлинишигә бағлиқ уйғур әдәби тилиниң қәлғүси тәрәққиятиниңму тәғдири бир екәнлигидә вә бирлиқтә риваждиниғаниғида һечкимниң гумани йок.

«Коммунизм туги», 13июнь 1957.

Жиддий ойландуридиған мәсилеләр

Қазақстан Пәнләр академияси йеңидики Уйғуршунаслиқ бөлүминиң илмий һадимлиридин тәшкил тапқан комплекслиқ экспедиция өткән жилниң сентябрь—октябрь айлирида Панфилов, Челәк, Уйғур районлирини арилап, шу йәрләрдә яшиғучи уйғурларниң тил вә әдәбияти, тарихи, мәдәнийити вә иктисади бойичә илмий ишларға даир материлларни топлап қайтти. Шуниң билән бир қатарда экспедиция әзалири, болупму дәрисликләрниң авторлири уйғур мәктәплирини зиярәт қилип, улардики тәлим-тәрбийә ишлири, хусусән, дәрисликләр, программа вә башқа оқуш кураллири билән йеқиндин тонушти. Шундақла маасип ишлириға бағлиқ нурғун мәсилеләр үстидә муәллимләр билән пикир елишти.

Муәллимләр билән болған сөһбәтләрдә жиддий ойлинидиған, мүмкин қәдәр чапсанирақ һәл қилиниши зөрүр мәсилеләр төғрилиқ көп парәң болған еди.

Дәрисликләрниң оқуғучиларниң билим дәрижисигә йешиға қарап йезилиши, уиндики материалларниң раван, аддий, чүшинишлиқ тилда берилиши, тәрбийәвий әһмийәткә егә болуши оқуш-тәрбийә ишиниң яхши йолға қоюлушиға имкан бериду, әлвәттә. Мошү тәләпләр нуктәий нәзиридин қариғанда, һазирки күндә мәктәпләр үчүн нәшир қилиниватқан дәрисликләрниң сапаси қандақ?

Мәлумки, оқуғучиларни коммунистик роһта тәрбийиләштә әдәбиятни оқутушниң әһмийити наһайити зор. Әдәбият пәнигә қоюлидиған тәләпләрму башқичә, уни оқутуш усул-методиму айрим алаһидиликләргә егә. Буни дәрисликләрниң авторлириму, методистларму, муәллимләрму яхши билиду.

Уйғур мәктәплири үчүн нәшир қиливатқан әдәбият дәрисликлириниң көпчилиги жуқуридики сөзсиз. Лекин, шундақ болушиға қаримай, чиқариливатқан бәзи әдәбият дәрисликлиридә жиддий камчиликларға

йол қоюлмақта. Бу камчиликларниң келип чиқиши әң алди билән программа түзгүчи йолдашларниң, шундақла авторларниң дәрисликләрдә берилидиған материаллар үстидә пухта ойланмайдиғанлиғиниң, шу дәрисликләр арқилиқ билим алидиған яш-өсмиләрниң аңсәвийә дәрижисини, йешини вә башқиму хусусийәтлерини көздә тутмайдиғанлиғиниң ақивити дәп қарашқа тоғра келиду.

Оқуғучиларни коммунистик роһта тәрбийиләшкә қаритилған, уларда яхши хисләт, Бәтәнгә болған муһәббәт, вәтәнпәрвәрлик һистуйғуларни ойғитишқа һажәт материаллар билән бир вақитта бәзидә пессимистик роһқа егә вә һәр қандақ ашуқ-мәшүк нахша-қошақларниңму та шу кәмгичә орун елип келиватқанлиғи һәққидә муәллимләр наһайити орунлуқ пикирләрни изһәр қилди. Мәсилән, 9-синип үчүн түзүлгән әдәбият хрестоматиясидә:

Нахша ейтимән, ярим,
 Аңлиғин дилиң билән.
 Бәш күнлүк бу өмрүмин
 Өткүзәй сениң билән (91-бәт).
 Тал ичидин таллап алдим,
 Тали чоканим, сени.
 Гүл ичидин гүлләп алдим,
 Гүл сәбдарим, сени.
 Худайимға налә қилип,

Тиләп алдим мән сени (96-бәт), – дегәнгә охшаш қошақларни учритишқа болиду. Маливай сәккиз жилиқ мәктивиниң муәллими З. Ибдиминов бу тәхлиттики муһәббәт қошақлириниң яш әвлатни тәрбийиләштики зәрәрлиғини, уларниң һеч қандақ тәрбийәвий әһмийәткә егә эмәс экәнлиғини алаһидә тәкитләп өтти.

Панфилов шәһири С. М. Киров намидики он жилиқ уйғур мәктивиниң тил вә әдәбият муәллими Г. Рәһимкуловму: «Әдәбият дәрисликлиридә берилгән бәзи бир шеир, поэма вә парчиларниң идеявий – бәдийлиғи тәвән: шеирларниң толиси риторика, қуруқ сөзлүк болуп, уларда бәдийлик, образлиқлиқ наһайити сус; һазирқи күндә йүз бериватқан әжайип вақиәләр конкрет фактлар асасида тәсвирләнмәй, бәлки абстракт рәвиштә ипадилиниду. Дәрисликләргә киргүзүлгән бәзи проза әсәрлириму оқуғучиларға һеч лайиқ эмәс: уларда көп сөзлүк, узундин-узун қалаймиқан жүмлиләр, сүнһий йосунда йеңи сөз ясаш, қуруқ баянлаш әһвалири учрайду; оқуғучиларни гөзәлликкә, әмгәккә,

вәтәһпәрвәрликкә, фантазиясиниң өсүшигә дәвәт қилидиған әсәрләр йокниң орнида» дегән һаһайити тоғра пикирини ейтти.

Мәлумки, кейинки вақитларда биздә уйғур классик әдәбияти билән мәшғуллиниш һаһайити күчлүк. Бундақ интилиш уйғур әдәбияти программиси һәм дәрисликлиридимү өз ипадисини тапмақта. Әлвәттә, бу қануний һадисә, чүнки уйғурлар өтмүштә һаһайити бай мәдәний, әдәбий мирасқа егә болған хәлиқләрдин һесаплиниду. Әдәбиятимизниң бу бай ғәзниси билән яш әвлатлиримизни тонуштуруш, шу әдәбиятниң чоң, салмақлиқ тарихидин уларға тегишлик мәлумат бериш мәктәпләрниң вәзиписи екәнлиги сөзсиз.

Лекин бу тәрбийәвий әһмийити бар вә шәрәплик мәсилиниң иккинчи тәрипинимү унтумаслиғимиз ләзим. «Классик әдәбиятни оқутуш керәк» дегән банә биланла 10 әсир давамидики әдәбиятниң пүтмәс-туғимәс вә хилму-хил гәбнисини бирдинла яш балиларниң алдиға қоюш яки шу әдәбият һәққидики теһи илмий жәһәттин йетәрлик ишләнмигән фактларни, ишләнсимү пәқәт айрим кишиләрниң илмий лабораториясидин жирақ кәтмигән әдәбият тарихини бирдинла оқуғучиларға тәғдим қилиш тәжрибиси айрим қолайсизлиқларни мәйданға кәлтүрүватқанлиғини көрушкә болиду вә бу мәсилә һәққидики бәзи муәллимләрниң пикирлирини қоллап-қувәтләшкә тоғра келиду.

Уйғур классик әдәбиятини өтүшкә бағлиқ мәктәп әмәлиятида байқиливатқан бәзи қийинчиликларниң келип чиқиш сәвәви, бизниң байқишимизчә, биринчидин, «Уйғур классик әдәбияти» бойичә униң 10 әсирдин ошук дәвирдики тарихи вә һаһайити нурғун әдиплириниң ижадийити, әсәрлири қарилиду, лекин бу материалларни өтүштә муәллимниң қолида дәрисликтин башқа һеч нәрсә йоқ; иккинчидин, тил-услуги жәһәтидинмү анчила әстетикалиқ вә тәрбийәвий әһмийәткә егә болмиған әсәрләрни чүшинишмү, чүшәндүрүшмү тәс. Мәсилән, буниңди 5–10 әсир илгири яшиған бизниң кедимий бовилиримизниң:

Юмитти аһар бәг, ажун өдрүми,
Уқушлуғ, билиглиг, будун көдрүми;
Өзи әтти, тузди, көр әл күн иши,

Тақима тиләр әрди, өдрүм киши, – дегәнгә охшаш мисралирини 15–16 яштиқ балилар яхши чүшиниду, бу әсәрләрниң мәзмунини, тил-услугини, бәдийий маһийитини толук уқиду, дегәнгә ким ишиниду?

Шунимү ейтип өтүш керәкки, уйғур классик шаир-язғучилириниң әсәрлири теһи толук һаләттә китапханларға мәнсүп әмәс, уларни оқуп

чүшиниш үчүн керек болғай мэхсус луғат һәққидә та шу күнгичә һеч ким ойланғини йоқ.

Бу пикирләрдин чикидиған хуласә шуки, уйғур классик әдәбиятини оқутқанда, унин атақлиқ вәкиллиринила вә уларниң әң яхши, тәрбийәвий әһмийәткә егә әсәрлирини таллавелиш керәк; XVII әсирдин илгәрки вақиттики классик әдәбият әдиплири һәққидики мәлумат талаш болғанлиқтин, у обзор сүпитидә берилсә, тәләпкә мувапиқ болиду; шунлашқа классик әдәбиятни оқутуш мәсилисигә үзә қаримастин, униңға жиддий, оқуш-тәрбийә, дидактика нуктәий нәзиридин қараш лазим. Бу мәсилә кәлгүсидә мәктәпләрниң он жил оқуш муddитигә өтүшигә бағлиқ йеңи программа түзүштә Қазақ ССР Маарип министрлигиниң вә Педагогика пәнлири институтиниң алаһидә көңүл бөлүшини тәләп қилиду.

Буниңға охшаш камчиликларни уйғур тили дәрисликлиридиму байқашқа болиду. Уларни асасән үч топқа бөлүп қарашқа болиду: 1. Тилниң нәзәрий мәсиллиридики камчиликлар. 2. Тилниң конкрет фонетика, лексика-грамматикалиқ фактлирини тәһлил қилиштики нуксанлар. 3. Методикалиқ жәһәтттин әвәтилгән қалаймиқанчиликлар.

Мәсилән, VI–VII синиплар үчүн йезилған «Уйғур тили грамматикисида» (1963-жил) та мошу күнгичә рәвиш билән сүпәт бир изға селинмай, арилишип келиватиду. Авторлар тәрипидин әвәтилгән мундақ камчиликларни һәр дайим байқап, у тоғрилиқ өз ара пикир елишип, районлуқ гезитләрғиму йезип туридиған тәжрибилиқ муәллимләр (Панфилов, Чоң Ақсу, Ақтам в. б. мәктәпләрдә) аз әмәс. Мәзкүр дәрисликтә «У йотқанғиму, жугиғиму оринип бақти, лекин барғансири музлап кәтти» (18-бәт) қатарлиқ жүмлини бирдә бағлиғучи билән бағланған қошма жүмлә десә, «Әнвәр мени көрди, бирақ тонумиди» (100-бәт) дегәнгә охшаш жүмлиләрни бирдә бир хил мучилиқ жүмлиләр ләп қарайду. Мана буниңға охшаш бир егиси вә бир нәччә хәвири бар жүмлиләрниң йә бир хил мүчилик жүмлә йә бағлиғучилиқ қошма жүмлә дәп қарап, мәктәп грамматикалириға ениқлиқ киргүзидиған вақит йәтти. VII–VIII синиплар үчүн нәшир қилинған «Уйғур тили грамматикисида» (1962-жил) болса «Вақтида бериш үчүн, биз алдирап кетип бараттуқ» дегән жүмлиниң беқинди жүмлиси баш жүмлиниң мэхситики көрситиду дейишниң орниға, сәвәвини көрситиду дегәнгә охшаш хаталиққа йол қоюлған (7-бәт).

Уйғур елипбәси тоғрилиқму муәллимләр бир қатар тәңқидий пикирләр ейтти. «Елипбәдики байқалған камчиликлар һәққидә немишкә

өз вақтида ейтмидиңлар?» дегән соалға Қорам сәккиз жиллик вә Кәтмән он жиллик мәктәплириниң муәллимлири Н. Гайитов, Т. Незимов: «Биз илгири нәшир қилинған елипбә һәққидә өзимизниң тәнқидий пикирлиримизни йезип, «Коммунизм туғи» гсзитигә әвәткән едук. Әтималим, авторлар шу пикирләрни нәзәргә алған болуш керәк, 1964-жнли нәшир қилинған елипбә хелә яхши йсзилипту. Лекин буниңдиму камчиликлар йок әмәс», дәп ейтти. Улар елипбәдә берилгән рәсимләрниң рус, қазақ елипбәлиридикигә охшаш рәңдик болуши, рәсимләрниң текстларға мувапиқ ясилиши, текстларниң программиларға бағлик, һәр пәсилгә лайиқ берилиши, тәбиәт һадисилириниң тоғра вә дәл ипадилиниши яш-гөдәкләргә 1-синиптин башлапла әстетикалик тәрбийә бериштә наһайити чоң әһмийәткә егә экәнлигини алаһидә тәкитләп өтт. Мәсилән, «Елипбәниң» 40-бетидә әтияздики бағниң мәнзириси, 44-бетидә қишниң күни чана ойнаватқан балилар берилсә, башқа бәтләрдә (4,50, 51) бараңлик, үзүмзарлик, гүлзарлик в. б. язниң мәнзирилири йәнә тәқрарлиниду. Бума методика жәһәттин анчила мувапиқ болмиса керәк.

Камчиликлар пәкәт дәрисликләрдилә болмай, бәлки программилардинму тепилиду. Бу һәққидә муәллимләр мундақ дәйду: 1) программа берилгән саат аз, өгүлидиған материал нурғун; 2) айрим мавзулар бойичә саатлар тоғра тәхсим қилинмиған; 3) программа билән дәрисликләр арасида уйғун кәлмәйдиған жайлар бар; 4) саватсиз жүмлиләр, орунсиз сөзләрму учрайду в.б. Буниңға охшаш камчиликларниң болуши, биринчидин, муәллимләрниң авторлуққа көпирәк жәлип қилинмайватқанлиғидин; иккинчидин, дәрислик авторлириниң мәктәп һаятидин хәвири аз болушидин; үчинчидин, дәрислик вә программа авторлириға, редакторларға вә тәржимапларға жуқури тәләп қоюлмиғанлиқтин; төртинчидин, оқуш қураллириниң кампания сүпитидә алдирашлиқ йезилип, шу пәнни яхши билидиған мутәхәссис-рецензентларға берилмәслигидин, дәп қарашқа тоғра келиду.

Оқуғучиларға пухта билим бериштә қандақ болмисун камчиликларға «парчә-пурат» яки «ушшақ-чүшәк» мәсилә дәп бепәрвалиқ билән қарашқа болмайдиғанлиғи ениқланди. Мошуниңға бағлик «Мәктәп» нәшриятидин чиқирливатқан дәрисликләрниң умумән мәдәнийити һәққидиму орунлуқ пикирләр ейтилди. Растини ейтсәк, та мошу күнгичә дәрисликләрниң сапа-сүпити, саватлиқ-саватсизлиғи, уларда кетии барған имлә вә пунктуация хаталири, стиль-услуп камчиликлири, шундақла техникалик безәшкә бағлик камчиликлири һәққидә һеч бир йәрдә рәсмий сөз болған әмәсти. Китап чиқарғучи редакторларму, шу китаптин

пайдиланғучи муәллимләрму бу қамчиликларға үгинип қалғанликтин, уларға пәрвасизлик билән қарал кәлгән еди.

Бу тәхлиттики саватсизликларниң «Жазушы» нәшрияти тәрипиндин чиқириливатқан һәр қандақ бәдий эсәрләрдә һәдди-һесапсиз тола екәнлигини бүгүнки күндә ейтмаслиққа болмайду. Чүнки яш өсмиләр оқуп, билим вә тәрбийә алидиған әдәбий китаплар саватлиқ, заманивий илғар тәләпләргә мувапиқ чиқиши керәк. Бу нәшрият хадимлириға адәттики ейтилип жүргән пикир әмәс, бәлки яш әвлатлар намыдин қоюлидиған қәтгий тәләп!

Уйғур мәктәплири үчүн тәржимә қилинған дәрисликләрниң вә башқа ярдәмчи қуралларниң тәржимә сапасиму һәр қачан оңушлуқ боливәрмәйду. Уларда тәржиманниң өз ихтияри билән бузулған жүмлиләрни, рус оригиналини тоғра чушәнмәслиқтиң әвитилгән хаталарни, тил-услужий мүжүмәллиқни, ениқсизлиқни в. б. шуниңға охшаш қамчиликларни пат-патла учритишқа болиду. Мәсилән, 3-синипниң «Оқуш китавидики» «Николай Михайлович Пржевальский» дегән мавзунинда тәржимисини алайли. «В начале пятой экспедиции...» дегән жүмлә «Төртинчи қетим экспедициягә барған чағда...» дәп тәржимә қилинған.

Бәргән дәрисләрниң сапалиқ, балиларға уқушлуқ, өзләштүрүп елишқа йеник болуши көпинчә көргәзмилиқ қуралларға бағлиқ екәнлигини, муәллимләр, маарип ишиға мунасивәтлик педагогика вә методика саһасида ишләватқан Алмутидики илмий хадимларниң һәммиси яхши билиду. Лекин мошу муһим мәсилә тоғрилиқ шу кәмгичә һеч кимниң убданирақ ойланмиғини вә һеч қандақ нәтижиниң йоқлиғи кишини һәжәпләндүрүп қойиду. Қайси мәктәпкә барсинизму, қайси муәллим билән сөзләшсинизму, «һеч қандақ көргәзмилиқ қурал йоқ» дегән параңни аңлайсиз. «Рус, қазақ балилири үчүн, – дәйду Маливай сәккиз жиллиқ мәктивиниң илмий мудири Р.Үзәрбекова, – тил вә әдәбият, физика, химия, биология вә башқа пәнләр бойичә ишләнгән бнр убдан көргәзмилиқ қуралларни көрүш мүмкин. Лекин немә үчүндүр, уйғур мәктәплири мошу кәмгичә бу қураллардин мәһрум болуп кәлмәктә».

Биз арилап чиққан бәзи мәктәпләрдә тил вә әдәбият пәнн бойичә көргәзмилиқ қуралларни муәллимләрниң өзлири ясап пайдилинидекән. Әлвәтгә, бу «йоқтин яхши» дегәндәкла иш. Чүнки у иш һәммила муәллимниң қолидин келивәрмәйду. Муәллимләр ясиған көргәзмилиқ қуралларниң ичидә оқуғучиларниң диққитини өзигә жәлип қилғидәк, ойлинип ишләнгән, саватлиқ йезилғини наһайити аз учрайду.

Бизниц пикримишчә, айрим әдәбий эсәрләргә, грамматика қайдилиригә, елипбәдики һәрипләргә беғишланған, шундақла биология,

тарих, һесап в. б. пәнләр бойичә ишләнгән көргәзмилик қуралларни уйғур мәктәплири үчүнмә тәйярлайдиған вақит йәтти вә бу мәсилидә мунасивәтлик мәһкимиләр патирақ тәшәббускарлиқ көрсәтсә, Қазақ ССР Маарип министрлигиму қоллап-қувәтләйду дәп ойлаймиз.

Айрим пәнләр бойичә, болупму уйғур тили бойичә, ярдәмчи қуралларниң йоқлиғима муәллимләрни қийип әһвалда қоюп кәлмәктә. Чүнки ярдәмчи қурал өткән дәрисни мустәһкәмләш үчүн, язма ишларни вақти-вақтида жүргүзүп, оқуғучиларниң билимини техиму тәрәққий әттүрүш үчүн хизмәт қилиду.

– 1958-жили болуп өткән уйғур тили вә әдәбияти муәллимлириниң республикилик кеңәшмисидә, – дәйду Маливий сәккиз жилик мәктәвиниң муәллими Н. Иминова, – Маарип министрлиги уйғур мәктәплири үчүн ярдәмчи қуралларни (диктант, изаһәт в. б. топламларни) нәшир қилишқа қарар кобул қилған еди. Әпсуски, башланғун синиплар үчүн диктант топлими, жуқури синиплар үчүн изаһәт, диктант, пунктуация көнүкмиләр топлими охшаш ярдәмчи қураллар мошу күнгичә нәшир қилинмай келиватиду. Биз, тил вә әдәбият муәллимлири, язма ишлирини жүргүзүштә гезит вә китаплардин лайиқ текстларни изләп аварә болимиз, бәзидә лайиқ текстларни тапалмай қийнилип кетимиз вә буниңға вақит нурғун кетидекән. Бизгә экспедиция эзалирп «V—VIII сипинлар үчүн көнүкмилзп топлими чиқти» дәйду, бирак биз уни теһи көрмидук.

Ярдәмчи қуралларниң бир түри – русчә-уйғурчә вә уйғурчә-русчә мәктәп лугити. Бу лугәтләр уйғур балилириниң ана тили билән рус тилидин өткән материалларни оңушлуқ өзләштүрүши, икки тилни бирдәк үгиниши, тил байлиғини өстүрүши үчүн наһайити һажәт. Бу мәсилә һәққидиму ойлинидиған вақит йәтти вә мундақ лугәтләрни чиқиришқа биздә һазир һәммә шәрт-шарайтлар бар. Мәсилә пәкәт шуии уюштурушта, бу мәсилиниң муһим екәнлигини һис қилишта.

Башланғуч уйғур мәктәплиридә бизниң миңлиған яш өсмилимиз окуп, билим алмақта. Уларниң кәлгүсидә инженер, архитектор, қурулушчи вә башқа мутәхәссисликни яхши егиләп кетишигә асас болуп һесаплинидиған наһайити һажәт, лекин мошу кәмгичә көңүл бөлүнмәй келиватқан мәсилиниң бири – һөсни хәт (пропись) мәсилиси. Һөсни хәт оқуғучиларниң каллиграфиясини яхшилаш билән бир қатарда, уларни, умумән, сизик мәдәнийитини ашурушқа үгитиду. Амма бу әһмийәтлик мәсилигиму мошу кәмгичә көңүл бөлүнмәй келиватиду. Раст, мошу йеқинда I-синип үчүн һөсни хәт чиқирилди (Уларниң теһи оқуғучиларниң

қолиға тәгмигини өз алдиға гәп). Бирақ һәсни хәт II–III синипларниң балилири үчүнмү керәк әмәсмү? Уларни йәнә 3–4 жил күткүзүшниң өзи ечинарлиқ әһвал.

Мошу кәмгичә һәсни хәтниң болмай кәлгәнлигиниң ақивити тоғрилиқ бизгә муәллимләр толук ейтип бәрди. Мәзкүр ярдәмчи куралниң йоқлиғидин, мәсилән, уйғур балилириниң каллиграфияси рус, қазақ балилириниң калиграфиясигә қариганда назар. «Биз қазақча йезилған һәсни хәтләрдинму пайдилинип көрдүк, – дәйду Байсейит йезисидики И. Тайиоров намидики сәккнз жилиқ мәктәпниң илмий мудире С. Амиров. – Лекин унима баштин-аяқ пайдилинишқа болмайдекән чүнки уинда айрим уйғур тилиға хас һәрип (ж) вә тавуш бирикмилири (йо, йе, йә), тола вә аз ишлитилидиған һәрипләрниң алаһидиликлири әскә елинмиған.

Оқуғучиларға эстетикелиқ тәрбийә бериштә нахша, музыка вә һәр хил оюн-тамашиләрниң зөрүрлиги һәммигә мәлүм. Лекин бу саһадиму толуватқан камчиликлар бар. Атап ейтқанда, биздә мошу күнгичә нахша текстлири билән нота топламлири йоқ. Барлиқ мәктәпләр русчә вә қазақчә нахша-нота китаплиридин пайдилиниду. «Лекин уйғур балилириниңму вә ана тилида нахша ейтип, уссул ойниғиси келиду», – дәйду Түгмән он жилиқ мәктивиниң муәллими О. Нәзәрова. Бу наһайити орунлуқ тәләп. Бу тәләпниң асасән шаирлиримиз билән композиторлиримизға ейтиливатқанлиги чоқум.

Шуңлашқа уларниң, миңлиған уйғур балилириниң тәливиғә жавабән, уйғур музыка әсваплириға лайиқ нота вә текстларни, қисқа-қисқа (1–2 пәрдилиқ) пьесиларни йезип бериши һәжәп әмәс. Әлвәттә, бу топламлар башланғуч синип оқуғучилири үчүн бурун чиққан нахша текстлиридәк, «ярим», «көйдүм-өчтүм», «ашиқ болдум» о.чшаш яш балиларға налайиқ қошақ-бейитлардин хали болуши керәк, дәп ойлаймиз.

Кейинки жилири «Жазушы» нәшрияти тәррипидин мәктәп йешиғичә вә мәктәп йешидики балилар үчүн бир мунчә рәсимлик китапчилар нәшир қилинди. Бу шәрәплиқ ишқа дәсләп тутуш қилип, өз үлүшини қошуватқан шаир-язғучиларға алқиш ейтишқа тоғра келиду. Чүнки бу китапчилар балиларниң аң-сәвийәсини көтириштә, уларниң дуния тонуш вә көз қаришини шәкилләндүрүштә наһайити чоң роль ойнайду.

Әгәр бу тәхлиттики рәсимлик китапчилар һәқиқәтән яхши йезилған болса, улардики «гәдәк қәһриманлар» чоңларниң тилида әмәс, бәлки оқуғучиға гәдәкләрниң «әйни өз тилида» сөзләп бәрсә, мундақ китапчиларни балилар зоклинип оқуйду, чоң тәсир елип, мәңгү есида сақлайду. Бунинға бир мисал кәлтүрәйли. Биз, экспедиция әзалири,

Айдарли йезисида яшиғучи қошақчи вә һекайичи Қурбанов Қасимкамни издәп ойигә бардуқ. Қизик сөһбәттин кейин Қасимкам өзиниң 7–8 яшлардики қизни кичкиревелип, «кени, қизим, ақаңларға билгиниңни ядлап бәргинә» дегәндә, омақ қиз дәрру қәддини раслап, шаир Һ. Искәндәровниң «Көк тайчиғидикн» ақ коза тоғрилиқ шеирни зоклинип ейтип кәтти. Мана шундақ шеирларниң көпирәк болуши балилар һаятини қанчилик гөзәллигән болар еди.

Әпсуски, балилар үчүн нәшир қилинватқан бәзи рәсимлик шеирий китапчилар балиларға керәклик роһий озукни берәлмәйватиду, уларниң идеявийлиги, бәдийлиги төвән. Шунлашқиму начар йезилған китапчилар балиларни ойландурмайду, уларниң аң-сезимиғә тәсир қилмайду. Мәсилән, Илья Бәхтияниң «Пайдисини биләмсән» дегән кичикләр үчүн нәшир қилинған китавини алайли. Бу китапта автор балиларға һайванларниң пайдилиқ яқлиричи ейтмақчи болиду:

Балисиға рәһимлик,
Мозийини көрдүңму?!
Терисиму пайдилиқ,
Аяқ-кийим болиду.
Сән соригән ат мону,
Улақ болар минсәңму.
Адәмләрниң дости бу.

Гөши татлиқ, йесәңму, – дәйду. Мана буни окуған 9–10 яшлиқ балида қандақ ой-пикир пәйда болуши мумкин? Буни окуған балида малға болған муһәббәт әмәс, бәлки вәһшилиқ, яман туйғу ойғанмамду!?. Абдуллинниң «Кулан жийрән» китапчиси кичик вә мәктәп йешиғичә болған балиларға аңчә хас бплмиған тилда йезилсиму, униңда балилар қизикидиған фактлар нурғун. Лекин һәр қандақ фантазияниң мәнтиқийлик болуши, йәни «ялғанни растәк қилип ейтиш» шәрт. Шунлашқә «Жийрән тайчакниң мәңгүлүк музлар үстидә әркин учуп жүрүши...», «Түлкиниң уни әгәштүрүп әкетиши...», «Текиләрниң бөриләргә қарап етилиши...» охшаш вақиәләргә балиларни ишәндүрүш тәс, дәп олаймиз.

Шунлашқә балилар үчүн әсәр язғучилар бундақ пикирләрни алдирашлиқ ейтиштин, китап чиқириштин илгири, «йәттә өлчәп, бир кесиш керәк», уларниң йешини, психологиясини в. б. алаһидиликлирини яхши билиши лазим.

Балиларға беғишланған китапларниң бәдий безәклири полиграфиялик ишлиниши тәрәплиригиму чоң тәләпләр қоюлиду. Мәсилән, 1961-жили балиларға чиқирилған «Яш достларға» шеирлар

топлимини алайли. Униңда көзгә ташлинидиган бәзи рәсимләргә қарап әстетикалик зәвқ елиш мүмкин әмәс. Китапниң 21-бетидики кәптәр ала қарғиға охшап қалған. Уни пәқәт шеирни оқуп, кәптәр дегили болиду. «Садир палван» қиссисиниң муқависидики сурәт палванға әмәс, һәжвий сурәткә охшап қалған в. б.

Балилар оюниға кәлсәк, йеқинда «Жазушы» нәшрияти М. Зулпиқаров топлиған «Биз шундақ ойниған(?)» дегән китапчини чиқарди. Лекин бу китапниң қандақ мәхсәтни алдиға қойидиганлиғини, балилар оюниму яки балилар оюнн һәққидики илмий тәкшүрүшму – чүшиниш тәс. Бир йәрдә текст берилсә, бир йәрдә оюнниң ижтимаий келип чиқиши, идеяси мулаһизә килиниду. Балилар үчүн чиқирилған китапчә болғандин кейин, у балиларға лайиқ болуши керәк еди.

Муәллимләр билән болған сәһбәтләрдә методика һәққидә, жүмлидин тәжрибилиқ, илғар муәллимләрниң иш тәжрибисини тәрғип қилиш, республика вә союздики илғар мәктәпләрниң прогрессив методлирини уйғур мәктәплиридә кән қоллиниш мәсилиси тоғрилиқму яхши пикирләр ейтилди.

Уйғур мәктәплиридә барлиқ һаятини яшларни тәрбийиләшкә беғишлиған, өз ишини пухта билидиган, методикилик тәжрибиси мол муәллимләр аз әмәс. Уларниң иш тәжрибилирини, баһалиқ пикирлирини муәллимләр жамаитиниң оттурисиға қоюп, мулаһизә қилсақ, яхши яқлиридин пайдилансақ, әлвәттә, убдан болар еди. Амма бу әһмийәтлик ишқка мошу кәмгичә толук көңүл бөлунмәй келиватиду. – Бунинға әң алди билән Облуслуқ муәллимләр билимини мукәммәләштүрүш вә Педагогика пәндири институтлирида ишләйдиған хадимлар әйиплик. Улар өз тәрипидин уйғур тили вә әдәбиятини, шундақла башқа пәнләрни оқутуш жәриянидики муәллимләрниң яхши иш тәжрибилирини тәрғип қилиш мәсилисини алаһидә Маарип министрлигиниң алдиға қойдиму? Қойған болса, әлвәттә, әһвал мунчилик осал болмағти.

Раst, өткән жили Республикалик педагогикалик оқушқа катнашқучи муәллимләрниң докладлири ротатор усули билән чиқирилип, мәктәпләргә әвитилди. Биз бу дәсләпки «әмгәк» биләнму тонуштуқ. Уни, баш-айиғи арилишип, бәтлири алмишип түпләнгәнликтин, пайдилиниш һеч мүмкин әмәс: Уни шу петичә методикилик кабинетларда топа бссип ятиду. Муәллимләрниң иш тәжрибисигә беғишланған дәсләпки топламға шундақму қарамду, уни типография усули билан бесип беришкә болмағтиму?

Буницдин 6–7 жил илгири «Халық муғалими» (һазирки «Қазақстан мектеби») журналида уйғурчә бөлүм тәшкил қилинип, униңда пат-патла

мақалилар бесилип туратти. Лекин, немә үчүндур, һазир бу журналниң бәтлиридә уйгурчә мақалилар бесилмайдиган болуп қалди. Муәллимләр мошуниң сәвивини билгүси келиду. Қазақ ССР Маарип министрлигиниң йенидики методикилик кабинет тәрипидин һәр жили қазақ тили, әдәбияти, тарихи в. б. пәнләр бойичә онлиған методикилик брошюралар, муәллимләргә ярдәмчи курал сүпитидә айрим китапчилар чиқирилип кәлмәктә. Методикилик кабинетниң мошу мүмкинчилигиниң уйғур муәллимлириму пайдиланса болмамду? Әгәр болса, биз шүни мошу вақитқичә немишкә билмәй кәлдук, кәлгүсидә бу ишқа ким раһбәрлик қилиш керәк? Мана буларму муәллимләрниң ой-пикирлиридур. һәқиқәтәнму, бу мәсиләләрни һәл қилидиган вақит йәтти.

Муәллимләр билән болған сөһбәтләрдә уларниң бизгә алаһидә тәкитләп ейтқан нәрсиси шуки, у мәктәпләрни һажәт дәрисликләр билән тәминләш мәсиләсиниң наһайити осал екәнлиги. һәқиқәтәнму, айрим мәктәпләрдә дәрисликләр наһайити аз болуп, балиларға йетишмәйду. һәтта 20–30 оқуғучиға 5–6 китаптинла келидиган мәктәпләрму йәк әмәс.

Оқуш-тәрбийә ишиға тосқунлуқ қиливатқан бу чоң камчилиқниң сәвиви немидә? Буниң биринчи сәвиви дәрисликләрниң наһайити аз нусхида чиқирилишида, йәни «Мәктәп» нәшрияти йенидики уйғур редакцияси өзиниң вәзиписини пәқәт дәрисликләрни чиқирип бериш биләнла чәкләп, амма шу дәрисликләргә херидар оқуғучиларниң контингентидин, өсүш процессидин бехәвәр болуп келишидә. Шуниниң нәтижәсидә бәзи дәрисликләр оқуғучиларға толук йетип, һәтта складларда сақлиннп ятса, бәзи дәрисликләр биринчи жилила тарқилип кетип, иккинчи жили зади тапқили болмайду.

Әнди чиққан китапларниң өз вақтида оқуғучиларниң қолиға тәгмәй, районму-район, йезиму-йеза, «сәйлә қилип» жүрүшигә, бәзи магазинларниң складлирида сесип-чирип, топа басқан һалда айлап-жиллап йетип қелишиға гунакар, әлвәттә, облуслуқ вә районлуқ истималчилар жәмийәтлири дәп билиш лазим. Сода хизмәтчилириниң китап содисиға, болупму мәктәпләрни һажәт дәрисликләр билән өз вақтида тәмин қилиш мәсиләсигә наһайити жавапкәрсизлик билән қарап кәлгинигә буниңдин кейин чидашқа болмайду. Буни пүткүл муәллимләр болуп, йәрлик партия, совет тәшкилатлири қәтһий назарәт астиға елиши керәк.

Иезиларни арилип жүрүп биз, экспедиция эзалири, көпчиликкә наһайити керәк уйғурчә китапларниц магазинниц қараңғу булуңлирида, покәй астида жиллап чаң бесип ятқинини көрдүк. Мәсилән, асасән уйғурлар туридиган Дардамту йезисидики магазинда «Уйғур мақал вә тәмсиллири», «Уйғур хәлиқ қошақлири», «Турпан тәвәсидә» охшаш китаплар вә һәр қандақ дәрисликләр болақлик бойичә яшиқләрниц астида йетипту, чүнки уларға беғишланған тәкчиләрдә икки қатар «боз йорғилар» тизилишту.

Бу әһвал китап содисини жиддий қолға елишни тәләп қилиду.

Бу жуқурида ейтқанларниц һәммисила муәллимләр тәрипидин болған пикир, тәләп-тиләкләр.

Шуни ейтип кетиш керәкки, мәзкүр тәләп-тиләкләрниц муваппәқийәтлик һәл болуши мәлум дәрижидә шу муәллимләрниц өзлиригиму бағлик. Шуңлашқиму биз уларниц өзлиригиму айрим тәләпләрни қоюшқа һәқлик.

Мәктәп һаяти билән тонушуш жәриянида биз өз ишиға пухта қарайдиган вә өз пәнини мукәммәл билидиган илғар, тәжрибилик муәллимләр билән бир қатарда наһайити пассив, өз мутәхәссислигигә бепәрва қарайдиган, ижадий өсүшкә, өз билимини арттурушқа интилимәйдиган муәллимләрни учраттук. Йошурушниң һажити йок, дәрисинн берип чиққандин кейин өз тирикчилиги биләнла болуп, билимини толуктуруш, дәрискә пухта тәйярлиниш мәсилисигә анчила көңүл бөлмәйдиган, өйидә бир-икки дәрисликтин башқа китап тутмайдиган муәллимләрму бар. Әлвәттә, бундақ муәллимләрни яш әвлатқа тегишлик билим, тәрбийә бериду дәп ейтиш тәс.

«Оқуш-тәрбийә мәсилилири үстидә өз ара пикир елишиш, айрим нәзәрий вә методика мәсилилири бойичә издиниш, өзлириниң иш тәжрибиси һәққидә гезит-журналларға йезиш, коллективта доклад қилиш бизниц муәллимләр арасида наһайити аз учрайду» дегән И. Тайиров намидики сәккиз жиллиқ мәктәпниц директори Т. Турдиев йолдашниң пиқригә бизма қошулимиз.

Һәқиқәтәнму, биз жуқурида тохтилип откән камчиликларни шу муәллимләрниц өзлири өз вақтида паш қилип, унцға жәмийәт пнқрини жәлип қилған болса, бу йетишмәсликләр һәққидә тегишлик орунларнн хәвәрдар қилса, муәллимләр өзлиригә болған тәләпни күчәйтип, оқуш-тәрбийә ишиға пүтүнләй берилип ишлисә, мәзкүр камчиликларға йол қоюлмиған болар еди.

Әлвәттә, биз бу мақалида мәктәп, маарип ишлиридики һәммә мәсилиләрни толук йоруталмидук ейтилмиған нәрсиләр йәниму

бар. Бу тоғрилик муәллимләр өз пикирлирини изһар қилиду, дәп ишинимиз.

Коммунистлар партияси вә Совет һөкүмити муәллимләргә чоң ғамхорлуқ қилмақта. Чүнки улар бизниң келәчигимиз – Коммунистик жәмийәтниң улук бенасини курғучи яшларниң устази вә тәрбийичисидур. Бу, әлвәттә, улардин муәллим дегән улук вә муқәддәс намни һәр қачан пак тутушни тәләп қилиду.

Жуқуридики пикримизни йәкүнләп ейтқанда, уйғур мәктәплириниң бүгүнки әһвали көплигән оқуш-тәрбийә мәсилилири үстида маарип хадимлири билән авторлар коллективиниңму, шаир-язғучиларниңму, композитор вә алимларниңму, мәтбуат вә нәшрият хадимлириниңму жиддий ойлинишини вә конкрет чарә-тәдбирләр көрүш аркилик у мәсилиләрниң һөддисидин чиқишини қәтғий тәләп қилиду. Бу тәләп – һаят тәливи, заман тәливи.

Коммунизм туги, 3 февраль 1965.

(Совет. И.Семәтов)

ОҚУЛЫҚТАРҒА БЕРІЛГЕН БАҒА

Жүсіп Хас-Хажиб Баласағын

Жүсіп Баласағынның XI ғасырдың екінші жартысында, дәлірек айтқанда 1069-1070 жылдарда жаратылған поэтикалық ұлы еңбегі «Құтадғу білік» - бізге жеткен түрік тіліндегі көркем әдеби шығармалардың ішіндегі ең көнесі болып табылады.

Әлем әдебиетінің асыл мұраларынан саналатын «Құтадғу білік» туралы алғашқы хабар XIX ғасырдың бірінші ширегінде пайда болды. Қазір шығыстанушылар оның үш нұсқасына ие. 1913 жылы Наманган қаласында табылғаны әрі ең толық нұсқасы қазір Ташкентте, Әбу Райхан Бируни атындағы Шығыстану институтының қолжазбалар қорында сақтаулы.

Жүсіп Баласағынның «Құтадғу білігі» шығыстанушылардың зерттеу объектісіне айналғалы бері неміс, түрік, орыс, өзбек тілдеріне, жуырда ұйғыр тіліне аударылды. 1983 жылы Москваның «Ғылым» баспасынан «Благодатное знание» деген атпен А.С.Ивановтың аудармасында орыс тілінде шықты. Бұл оның орыс тіліндегі тұңғыш толық аудармасы.

«Құтадғу білік» - түркі халықтарына ортақ қазына. Бұған оның авторы Жүсіп Баласағынның кітап алғысөзінде ескерткеніндей, «түрік сөзімен жазылған тұңғыш кітап» екендігі дәлел. Ал Жүсіп Баласағынның Жетісу өлкесінде туып өскендігі мұнан гөрі тереңірек ойға бастайды. «Құтадғу білікті» зерттеген атақты түркологтардың бірі академик В.Радлов Баласағын қаласының Жетісуда болғандығын айтқан. Қазіргі белгілі шығыстанушы, жоғарыда аталған «Благодатное знаниеге» жауапты редактор болып, соңғысөз жазған академик А.Н. Кононов та Жүсіп туып өскен Баласағынды «жанана мәліметтер бойынша Жетісудан, Шу өңірінен іздеу керек» дейді. Не дегенде де Жүсіптің өз еңбегін осында бастап, Қашғарда аяқтағаны «Құтадғу біліктің» аудармашысы А.С.Ивановтың асыл мұраны қазіргі түрікмен, қазақ, карақалпақ және қырғыз тілдеріне аудару» қажеттігін атап көрсетуі де біздің қазақ әдебиетшілері мен ғалымдарына ой салуы тиіс.

Қалай болғанда да қазірге дейін неміс, түрік, өзбек, орыс, ұйғыр тілдеріне аударылған мұрамызды өз тілімізде оқитын мезгіл жетті. Оны, әрине, мүмкіндігінше түпнұсқадан аударған абзал. Бұл жөнінде «Құтадғу біліктің» толық жолма-жол аудармасын және 180-ге тарта

төрттіктерінің (рубаиларының) әдеби аудармасын 1971 жылы басып шығарған өзбек бауырларымыздың бастамасы үлгі боларлық. Осы екі еңбекті де жүзеге асырған өзбек филологы Каюм Каримов шығыстанушы түркологтардың қатарынан лайықты орын алып отыр.

Міне, осы тұрғыдан келгенде, әдебиетші, журналист, жас акын Ислам Бейсебаевтың К.Каримов тәржімалап, түпнұсқаның транскрипциясын қатар жариялаған Жүсіп рубаиларын (Юсуп Хос Хожиб. Құдатғу билик. Туртликлар. Тошкент, 1971) аударып жүргені қуана құптарлық іс. Мен Ислам аудармаларымен танысып шықтым. Оның бұл ісі табыссыз да емес. Кей төрттіктерде Ислам түпнұсқаға өзбекше аударылғандағыдан да дәл келеді. Демек, түпнұсқа мен түрік тектес тілдегіні салыстыра отырып аударуы жемісті деген сөз.

Жүсіп Баласағын мұрасын қазақ оқырмандарына таныстырудағы тағы бір жақсы қадамды қуаттап, мұның өзі болашақ игілікті үлкен іске елеулі үлес болса деген тілек білдіремін.

«Қазақ әдебиеті», 18 шілде 1986.

Исследование языка Абая

Роль великого казахского поэта-демократа второй половины XIX в. Абая Кунанбаева в становлении и развитии казахского литературного языка трудно переоценить. Благодаря Абаю новый казахский литературный язык поднялся на новую, более высокую степень своего развития. В своих произведениях Абай не только использовал сокровища народной разговорной речи, но и мастерски обогатил и демократизировал новый письменно-литературный казахский язык. В этом отношении литературная деятельность Абая во многом перекликается с деятельностью таких выдающихся тюркских поэтов и писателей, как М. Ф. Ахундов, Г. Тукай, Махтумкули, Фуркат, Билал Назым и др., также сыгравших исключительную роль в формировании и демократизации родных письменных литературных языков: азербайджанского, татарского, туркменского, узбекского, уйгурского.

Основу образности и выразительности языка Абая, несомненно, составляла многовековая самобытная народная поэзия, богатство и своеобразие ее лексики. Вместе с тем Абай умело использовал в своем творчестве традиционные элементы письменно-литературных языков других тюркских народов Средней Азии и Казахстана. Абай не только разработал нормы литературного казахского языка, но он выступил также и как реформатор фразеологической системы и поэтического синтаксиса.

Абай очень высоко ценил общественную функцию языка и глубоко верил в могучую силу родного языка в устах народа:

Tolyany toksan kvzyl til,
Söjlejmin deseñ, öziñ bil...
(Abaj, «Segiz ajak»)
‘О, могучий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!..

Все эти вопросы нашли многостороннее и глубокое освещение в диссертационной работе старшего научного сотрудника Института языкознания АН КазССР Сыздыковой Рабиги Галиевны, опубликованной в двух ее книгах «Язык произведений Абая» (Алма-Ата, 1968) и «Синтаксический строй стихотворений Абая» (Алма-Ата, 1971) и представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Защита состоялась 25 мая 1971 г. на заседании большого Ученого совета Казахского государственного педагогического института имени Абая (г. Алма-Ата).

Диссертационная работа Р.Г.Сыздыковой получила высокую оценку официальных оппонентов – члена-корреспондента АН КазССР Г.Г.Мусабаева, д-ра филол. наук, проф. А. И. Искакова и д-ра филол. наук, проф. Г. С. Амирова, а также неофициальных оппонентов академика АН КазССР С.К. Кенесбаева, д-ра филол. наук, проф. З. А. Ахметовича.

Члены Ученого совета проголосовали за присвоение Р. Г. Сыздыковой ученой степени доктора филологических наук.

Советская тюркология. Академия наук СССР, Академия наук Азербайджанской ССР. Баку-1971. №3. 19 стр. (Соавт. Уюкбаев И.К.)

Уникальный лексикографический труд

В конце 1957 г. Национальное издательство Китайской Народной Республики фотомеханическим способом издало малоизвестный еще в научном мире пятиязычный маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский словарь¹ анонимного автора, датируемый второй половиной XVIII века.

¹ Официальное название рукописи словаря – «Цин вэнь цзянь», что означает «маньчжурский словарь». Следует заметить, что термин «вэнь цзянь», в отличие от обычных алфавитных словарей типа «Мин вэнь». «Цин вэнь», означает особый род словарей, в которых все слова и словосочетания классифицируются соответственно различным понятийным категориям. В целях удобства пользования словарем Издательство сочло нужным оставить на обложке более простое его название, которое на пяти языках гласит: «Пятиязычный маньчжурский словарь».

Словарь перепечатан с оригинала одной из двух рукописей, хранящихся в библиотеке музея Гугун в Пекине. Рукопись, написанная пером («мый») на бумаге («сюань цзы»), состоит из 6 переплетов, 36 частей, 2563 страниц, и при перепечатывании распределена в три тома. Второй аналогичный экземпляр рукописи словаря до передачи его в библиотеку Гугун хранился во дворце Цзин ян; третий экземпляр находится в настоящее время в Британском музее в Лондоне². Как предполагает Хуан Минь-синь эта рукопись могла попасть к англичанам лишь во время вторжения в Пекин союзной армии восьми государств в 1900 г.

Пятиязычный словарь снабжен предисловием о структуре и системе построения словаря. Большую научную ценность представляет собой послесловие (автор Хуан Минь-синь) где приводятся исторические факты из китайских первоисточников, которые, несомненно, послужат отправным пунктом при дальнейшем изучении этого словаря как в языковом, так и в этнографическом аспектах.

Сведения об авторе рукописи изданного словаря, а также о времени его написания в научной литературе почти отсутствуют. Поэтому Хуан Минь-синь вполне уместно прибегает к сопоставительному изучению уже известных маньчжурских многоязычных словарей³ созданных по распоряжению и при непосредственном участии государственных правителей (например, Кан Си, Цэнь Лун) времен Цинской династии в Китае. Сравнивая эти словари, автор приходит к заключению, что маньчжурский язык как государственный язык Цинской династии составляет основу всех словарей аналогичного типа, кроме того в них хорошо прослеживается единый принцип классификации понятий и подачи слов и словосочетаний. «Пятиязычный маньчжурский словарь» представляет собой дальнейшее развитие трехязычного, четырехязычного словарей с прибавлением к ним уйгурского текста переводов маньчжурского словника, причем, как утверждает Хуан Минь-синь, словник последнего имеет общую лексическую и структурную основу со словником «Двухязычного маньчжурско-китайского словаря», написанного на 36 году императорского престола Цэнь-Луэя (1771) и изданного типографским способом через 12 лет.

2 Об этом см. «Supplemental Catalogue of Chinese Books and Manuscripts in the British Museum», London, 1903.

3 В таблице приводятся данные о следующих словарях: 1. «Маньчжурский словарь» (1708); 2. «Маньчжурско-монгольский словарь» (1717); 3. «Двухязычный маньчжурский словарь» (1771); 4. «Трехязычный маньчжурский словарь» (1779); 5. «Объединенный четырехязычный словарь» (?) 6 «Четырехязычный маньчжурский словарь (?)»; 7. «Пятиязычный маньчжурский словарь». (?)

Создание «Пятиязычного маньчжурского словаря», как и других многоязычных словарей этого типа, было продиктовано чисто практическими целями: для облегчения работы по переводу ханских распоряжений и приказов, для изучения языка народов, населявших обширную территорию зависимых владений, и улучшения, тем самым, налога - сбора торговых и прочих контактов. Таблица, в которой приводятся данные о многоязычных словарях, свидетельствует о том, что пополнение словаря тем или иным языковым материалом происходило не одновременно, а постепенно, по мере завоевания новых стран. Так, видимо, был внесен в «Пятиязычный маньчжурский словарь» уйгурский текст, включение которого совпало со временем завоевания маньчжурами (начиная с 1759 г.) Восточного Туркестана. Это обстоятельство позволяет выяснить вопрос о времени написания данного словаря. В этом отношении предположительное датирование его второй половиной XVIII в. не вызывает особых возражений, но запрос о точном времени его написания и об авторах остается открытым и требует дополнительного его изучения специалистами всех пяти языков, причем внимание исследователей следует обратить на два обстоятельства.

Во-первых, как в двуязычных, трехязычных и четырехязычных словарях при составлении «Пятиязычного маньчжурского словаря» был привлечен коллектив авторов⁴ – прекрасных знатоков языка. Об этом свидетельствует, в частности, уйгурская часть словаря. Охват большого количества лексического материала, точность дифференциации значений слов, словосочетаний и последовательность в их передаче на письме и, наконец, выдержанность грамматических норм дают основание думать о высокой грамотности составителей и об их знании тонкостей родного языка.

Во-вторых, вопрос о времени создания «Пятиязычного словаря» должен быть изучен в тесной связи с историей императора Цэнь Луня, так как он, как и его предшественники, проявлял большой интерес к созданию многоязычных словарей: издавал распоряжения, способствующие развитию лексикографической работы, непосредственно участвуя в редактировании словарей, занимался практическим изучением тех или иных неродственных языков.

Словарные статьи, расположенные на каждой странице в четыре ряда по горизонтали и восемь рядов по вертикали, читаются слева направо, сверху

⁴ Например, в первой тетради рукописи «Трехязычного маньчжурского словаря» дан список составителей из 95 человек. Здесь же указываются фамилии руководителей и редакторов в отдельности по каждому языку. См. Послесловие словаря, стр. 66.

вниз, 1 ряд – маньчжурский словарь, написан на маньчжурском письме, перенятом у монголов; 2 ряд – тибетский словарь, написан тибетским письмом и, с учетом расхождения между орфографией и орфоэпией. Он дублирован как слоговой (3 ряд), так и звуковой (4 ряд) транскрипцией; 5 ряд – монгольский словарь, написан монгольским письмом, перенятым в свою очередь у уйгуров. Ввиду широкой распространенности этого письма в маньчжурской династии как маньчжурский, так и монгольский тексты не транскрибированы; 6 ряд – уйгурский словарь, написан арабским письмом и транскрибирован уйгурским письмом (7 ряд); 8 ряд – китайский словарь, написан иероглифическим письмом без транскрипции.

Весь лексический материал пяти языков дублирует друг друга и, по существу, является взаимным переводом одного языка другим. Поэтому материал только одного языка может дать представление о структуре словаря в целом. В этом отношении значительный интерес для тюркологов представляет уйгурская часть словаря, которая, как и другие части, включает в себя около 18000 слов и словосочетаний.

Нужное слово или словосочетание можно отыскать при помощи «ключа» к словарю, который объединяет названия и оглавления 52 отделов, 276 разделов и 522 частей. Если отделы включают в себе наиболее общие родовые понятия, например, «асманниң сэр жамғи»⁵ – отдел астрономии, «чағ сағәтниң сэр жамғи» – отдел о времени года, «йәрниң сэр жамғи» – отдел о почве, «ярликниң сэр жамғи» – отдел указов, распоряжений, «бәк қоядиган сэр жамғи» – отдел об учреждении должностных лиц, «нағчәниң сэр жамғи» – отдел мелодии, «хәт өргәнишниң сэр жамғи» – отдел о грамотности, «кишиниң сэр жамғи» – отдел о человеке, «араба мәпәниң сэр жамғи» – отдел о телегах и паланкинах, «йәйдиған нимәләрниң сөр жамғи» – отдел о продуктах питания, то разделы объединяют видовые понятия, входящие в то или иное родовое понятие. Например, отдел органов управления, администрации («ясақниң сэр жамғи») состоит из следующих тринадцати разделов: 1. «Ясақниң қисми» – раздел администрации. 2. «Сақтайдуған марайдиған қисми» – раздел патрулирования, слежки. 3. «Нш күчнин қисми» – раздел о службе. 4. «Ушақ мәшақатниң қисми» – раздел мелких затруднений. 5. «Иш қиладуған қисми» – раздел занятий. 6. «Албан йибәргән қисми» – раздел командировок. 7. «Нобәтлайдиған йүрәдуған қисми» – раздел очередности и хождения. 8. «Урушуп талашадиған қисми» – раздел драки и ссор. 9. «Дова қилип қистайдиған қисми» – раздел тяжбы, судеб-

⁵ Уйгурские примеры приводятся нами в современной графике уйгурского языка, а их русский перевод соответствует китайскому переводу в данном словаре.

ных дел. 10 «Қийн қистағниң қисми» – раздел наказаний по уголовному делу. 11. «Урадуған соқадуған қисми» – раздел о драках. 12. «Ғафу клип кичирадуған қисми» – раздел амнистии, освобождения. 13. «Сийлап нәси’әт қиладуған қисми» – раздел утешения, успокоения.

Каждый раздел состоит из нескольких частей, с которых, группируются самые близкие связанные между собою понятия. Так, раздел астрономии («асманниң қисми») имеет 7 частей, которые дифференцируются по общему содержанию и конкретному значению входящих в них слов, форм слов и словосочетаний. Приведем несколько примеров из каждой части. I часть: «асман» – небо, «көк асман» – синее небо, «сүзүк асман» – чистое, прозрачное небо, «қаранғу мараңғу» – рассвет, «гугум» – сумерки, «саманчи йоли» – млечный путь, «шуғлә» – блеск, свет, «сайә» тень, «күн олтуруду» – солнце заходит, «жиң түш» – ровно полдень, «күн котаңлади» – образовался ореол вокруг солнца; II часть: «юлдуз» – звезда, «хәрбин юлдуз» – полярная звезда. «йорук юлдуз» – благовещее светило, «йети юлдуз» – семь звезд Северной Медведицы, «қабис юлдуз» – одна из пяти полярных звезд, «тофрақ юлдуз» – Сатурн, «чолпан», «сәнду юлдуз», «ақ юлдуз» – Венера, «ай йолдаш юлдуз» – комета луны и др.; III часть: «қала юлдуз» – созвездие, «киши юлдуз» – южная полярная звезда, «кор юлдуз» – Волопас, «рошән юлдуз» – Полярная звезда и др.; IV часть: «булут» – облако, «шәфәк» – заря, «булут улашмади» – облако рассеялось, «туман» – туман, «туманланди» – затуманило, «чақилғак» – молния и др.; V часть: «ямғур» – дождь, «таблиқ ямғур» – приятный дождь, «тамчи» – капель, «сиркиләп яғаду» – дождь моросит, «тутук күн» – пасмурный, день, «кош козә чикти» – появилась радуга и др.; VI часть: «ақ шибә нәм» – белая роса, «кирав» – иней, «қар» – снег, «липлип қар» – хлопья снега, «қонақ қар» – снег-крупка и др.; VII часть: «манан» – густой туман, «куюн» – вихрь, «шамал қопти» – поднялся ветер, «сүрүч шамал» – прохладный вестер, «пәс шамал» – слабый ветер, «боран» – буран, «қара боран» – бурный ветер, смерч и др.

Таков принцип построения и структура словаря. Привлеченный фактический материал в словаре свидетельствует о богатстве лексики представленных языков и позволяет судить о степени развитости этих языков того времени, о характере словообразовательных и словоизменительных категорий и т. д. Большой интерес представляет словарь и для историков, этнографов.

В заключение следует отметить огромную, заслугу китайских товарищей, которые столь образцовым изданием уникального лексикографического памятника XVIII в. открыли возможность глубже исследовать процессы исторического развития языков. А сравнительно-сопоставительное изучение лексического материала маньчжурского, монгольского и уйгурского языков, с генетических связей которых все еще идет спор, внесет некоторую ясность в проблему «алтаистики».

Академии Наук Казахской ССР. Вестник.

- Алма-Ата, №2. 1960

К.М.Мусаев. Лексикология тюркских языков^{1*}

Рецензируемая монография – одно из крупных исследований по тюркской лексикологии, где подводится итог многолетним поискам в области лексики отдельных тюркских языков и рассматривается ряд общих вопросов, традиционно представленных в диахронических и этимологических трудах. Это структура и семантика корня, отношение лексики древних и средневековых памятников к современным тюркским языкам, контакты тюркских языков с различными языками мира, алтайская гипотеза. Большое внимание уделено и таким нетрадиционным и слабо разработанным проблемам, как лексико-семантическая дифференциация и интеграция тюркских языков, их взаимодействие на уровне литературной и диалектальной лексики. Значительное место отводится также вопросам развития лексики тюркских языков в советскую эпоху, топонимике и антропонимике.

Многолетний опыт исследователя-лексиколога², а также теоретическое осмысление фактов ряда современных тюркских языков дали возможность автору не только суммировать и обобщить разрозненные, а порою и противоречивые высказывания предшественников, но и изложить собственные суждения о сложном историческом процессе развития лексики этих языков, наметить перспективу дальнейших разысканий. Примечательно и то, что к исследованию привлечен огромный фактический материал не только живых и мертвых тюркских языков, но и монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских, картвельских, дравидийских, семитских и индоевропейских, что представляет тюркский

1* Москва: Наука, 1984. - 230 с.

2 Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

языковой мир во всей полноте и во всех сферах его взаимовлияний с языками сопредельных регионов.

Книга состоит из небольшого введения и 10 глав, в которых рассматривается ряд проблем и вопросов, связанных между собой общей идеей. Во введении отмечается, что еще далеки от завершения работы по сбору и систематизации лексического богатства многих тюркских языков, публикации и интерпретации лексики письменных памятников, недостаточно разработаны эффективные методы исследований. Но то, что уже сделано в трудах ряда поколений тюркологов и в собственных исследованиях К.М.Мусаева, достаточно, чтобы убедиться в реальности построения тюркской лексикологии как самостоятельной дисциплины. Это становится возможным также благодаря близости тезауруса базисной лексики и грамматического строя тюркских языков, общности тенденций их развития, чего нельзя наблюдать в индо европейской или финно-угорской лексикологии.

Интересны мысли автора и относительно классификации тюркских языков. Из всех существующих классификаций он избрал, как нам думается, самую рациональную, в которой языковые особенности максимально коррелируют с ареальным принципом – с расселением носителей тех или иных языков на огромном пространстве тюркской ойкумены. Сравнительное исследование лексики тюркских языков привело ученого к выводу, что «в лексическом и семантическом отношении существует обширная центральная группа, куда входят главным образом кипчакские языки в разных ситуациях с охватом юго-западных (огузских), южных (среднеазиатских, карлукских), восточных (сибирских) тюркских языков, т. е. существует как бы группа-ядро, расположенная географически в центре тюркских языков, которая контактирует с другими тюркскими языками, расположенными по краям этой группы» (с. 32). В дальнейшем автор пытается установить более или менее строгие критерии различения упомянутых групп по лексико-семантическим признакам и провести дифференциацию языков внутри групп, что приобретает существенное значение для углубленных лексикологических и семасиологических штудий. Так, произведенное исследователем деление кипчакских языков на северную, восточную и западную группы (с. 202) используется для разработки совершенно новой тюркологической дисциплины – сравнительного кипчаковедения, – основоположником которой можно по праву считать автора рецензируемой книги. К.М.Мусаев справедливо отмечает, что изучение процесса

лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков имеет большое значение не только для тюркологии и в целом алтаистики, но и «для финно-угроведения, славистики, иранистики и т. д., объекты исследования которых имели непосредственные контакты с тюркскими языками» (с. 32).

В разделе, посвященном этимологическим исследованиям, дается детальный анализ четырех этимологических словарей общетюркского охвата – Г. Вамбери, М. Рясанена, Дж. Клосона и Э. В. Севортыяна, рассматриваются достоинства и недостатки каждого из них, отмечается их значение для дальнейшего развития этимологических поисков. Некоторые замечания представляют интерес не только для тюркской, но и для общей этимологии, например, о различении задач этимологического словаря семьи или группы родственных языков и отдельного языка (с. 110), о необходимости включения в этимологические словари незначительных частей речи (с. 112–113) и др. Автор рассматривает такие важные вопросы, как состав словника этимологических словарей, способы подачи дериватов, форма заглавного слова (например, у М. Рясанена – тюркская сравнительная лексика, у Дж. Клосона – древнетюркские слова, у Э. В. Севортыяна – преимущественно слова юго-западной группы тюркских языков т. д.), и в свою очередь выдвигает задачу создания третьего вида этимологического словаря (кроме общетюркских и словарей отдельных тюркских языков) – регионального. Что же касается конкретных этимологий, то они щедро рассыпаны по страницам книги К. М. Мусаева, хотя среди них встречаются и спорные. Например: сближение там. теу «тело», тюрк. боу «рост», хак. Pos «сам» и англ. body «тело» (с. 152); возведение к тюркскому этимону кавказских и общеславянских наименований саней (с. 154); поддержка марровской этимологии: абх. á-лаш-а, русск. лошадь, чуваш. лаша – лаја и нем. Ross «конь» (с. 155) и др.

Определенное место отводит автор анализу глагольно-именной омонимии – явлению, распространенному в тюркских языках. В тюркологии укрепилось мнение, согласно которому существуют синкретичные корни двух типов – первичные, восходящие к ранней эпохе нерасчлененности частей речи, и вторичные, образовавшиеся в результате позднейших морфологических процессов – конверсии, перерасположения, опрощения, осложнения, выравнивания производных форм (из новейших работ см.³). Исследователи, признающие наличие

3 Гаркавец О. М. Тенденції розвитку первинного дієприслівника на -А в тюркських мовах на Україні.— Мовознавство, 1985, № 1.

первичных синкретичных корней, неизбежно приходят к выводу о том, что многие тюркские корни являются самостоятельными словами и что число таких слов по мере углубления в предшествующие периоды развития языков увеличивается. Но К. М. Мусаев не поддерживает идею первичного синкретизма и потому отрицает лексическую самостоятельность тюркского корня (с. 99).

Один из разделов главы, посвященной контактам тюркских языков с другими языками мира, называется «Некоторые особенности общеалтайских синкретичных корней» (с. 142–147), но алтайский синкретизм рассматривается только в части этого раздела (с. 143–145), остальная часть трактует проблему лексики, общей для тюркских, монгольских, а также тунгусо-маньчжурских языков в целом. И здесь к фактам алтайского синкретизма автор относит тунг.-маньч. аңа «пасть и казах, аңқау «разиня»; тюрк. аз «мало, немного», казах, әрең «едва-едва», монг. арай, тунг.*аран* «едва» (с. 143–144). Сюда же можно было бы отнести и уйг. аран «еле, едва». Признается, в частности, алтайский характер синкретизма корня бар: *бар- «быть», бар «сущее, имеющееся налицо» (с. 144), хотя автор весьма скептически относится как к мнению о наличии первичных синкретичных корней в общеалтайском, так и к идее алтайской языковой общности в целом.

Придавая большое значение древним контактам тюркских языков с другими родственными и неродственными языками, К. М. Мусаев все же с большим сомнением трактует возможность генетических связей тюркских языков в урало-алтайских и ностратических масштабах. Именно поэтому подобного рода связи рассматриваются автором в специальной главе «Контакты тюркских языков с другими языками мира» (с. 119–162), что, естественно, снимает возможную научную полемику на эту тему. Общность тюркских и иберийско-кавказских языков в названиях зуба и руки, в формах личного местоимения 1-го лица и указательного местоимения, в звучании отрицательной частицы – все это и многое другое автор склонен объяснять только древними контактами (с. 160–161). «Также проблематичным остается генетическое родство алтайских языков с японским, несмотря на то, что еще в XIX в. было «доказано» это родство», – пишет автор (с. 124). Новейшие изыскания в этой области, как явствует из указанной цитаты, игнорируются.

О развитии лексики тюркских языков написано немало научных трудов как в отечественной, советской, так и зарубежной тюркологии.

Тем не менее в книге К. М. Мусаева мы находим целый ряд интересных сведений и свежих мыслей, подкрепленных конкретными примерами из тюркских (преимущественно из казахского) языков, в которых читатель легко обнаруживает общетюркские черты, идет ли речь о приобретении словом нового значения (ср. казах. мүше «часть тела; член организации, коллектива»), архаизации отдельных слов и словосочетаний в советскую эпоху (ср. казах. қызыл әскер «красноармеец») или о смысловой дифференциации преимущественно в заимствованных словах [ср. казах. өкімет «власть», үкімет «правительство», казах. оқиға «событие (крупное)» и уақиға «происшествие»].

Весьма содержательны сведения о кальках и заимствованиях из русского языка, об экспрессивной роли русских вкраплений в тюркскую речь (с. 180), о путях становления терминологии тюркских языков. Автор выделяет три основных этапа в развитии лексики литературных тюркских языков Советского Союза (1917–1941 гг., 1941–1960 гг., после 1960 г.).

Мы уже упоминали о том, что труд К. М. Мусаева поражает обилием и разнообразием материала, привлеченного из тюркских литературных языков и диалектов, из древних памятников тюркской письменности, из языков других семей. На этом фоне особенно заметно редкое обращение к богатейшему зарубежному тюркскому языку – турецкому, – на котором говорит ныне около 40 млн. человек. Ввиду этого книга не имеет надлежащей социально-лингвистической ориентации. Она неизбежно усилилась бы, если бы развитие лексики тюркских языков Советского Союза (с. 162–181) было сопоставлено с развитием турецкого языка. Было бы весьма поучительно соотнести различные источники обогащения лексики (русский язык – в тюркских языках СССР, французский и английский – в турецком языке), рассмотреть зависимость развития лексических систем от общественного устройства: социалистического – в нашей стране, капиталистического – в Турции, дать оценку пуристическим тенденциям в официальных турецких кругах, ведающих культурой и просвещением⁴ и мн. др.

Надо сказать, что монографическая работа К. М. Мусаева не лишена некоторых недостатков, неточностей и опечаток.

⁴ Кононов А. Н. Реорганизация турецкого лингвистического общества. Новое научное общество. – СТ, 1984, № 3, с. 75 и сл.

Так, в главе «Лексика диалектов в ее отношении к языкам» автор пишет, что диалекты, как правило, образуются в результате распада общенародного языка (с. 46). Между тем это – только один из возможных путей (причем не самый частый) возникновения диалектов. Достаточно вспомнить об объединении северных и южных диалектов при образовании современного немецкого языка, карлукских, огузских и кипчакских диалектов в составе узбекского языка и т. д. Случаи, когда «народ, говорящий на своем диалекте в быту, пользуется литературным языком другого народа», не «редки», – как утверждает автор (с. 49), – а довольно часты. Так, карелы пользуются финским литературным языком, носители иранских языков Памира – таджикским литературным языком, носители южнобережного диалекта крымско-татарского языка (огузского) – литературным крымско-татарским (кыпчакским) языком и т. д.

Неясно также, почему принятие европейского календаря должно повлечь за собой устранение старых названий дней недели, заимствованных из персидского языка? (с. 168); почему казах. *ұлық* «господин», би «судья, урядник», ояз «начальник уезда» и мн. др. (с. 168 сл.) являются архаизмами, а не историзмами?

«Непроизводные опонимы-корни, – читаем мы на с. 188, – в языке встречаются сравнительно мало. Большинство из них закрепилось уже не как топонимы, а как топонимические термины, например су «вода, река», тағ // тау «гора», көл // гөл «озеро» и т. д. Из этого явствует, что су, тағ, көл некогда были топонимами, что вряд ли соответствует действительности.

В книге встречаются и тривиальные, избыточные суждения, например, о том, что лексическое смешение тюркских языков происходит на стыке языков и, преимущественно, их диалектов (с. 35); о том, что изолированному диалекту, как и общенародному и литературному языку, «присущи такие явления, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, архаизация, неологизмы, разные типы фразеологических устойчивых словосочетаний...» (с. 39) и др.

Желая подчеркнуть близость тюркских языков в лексическом отношении, автор пишет, что «фонетическое отклонение наблюдается лишь в некоторых языках» (с. 18; см. также с. 25, 34, 39 и др.). Но стоит ли неоднократно напоминать о бесспорных фонетических соответствиях только для того, чтобы повторить, что казах. алма, узб. олма, турецк. elma «яблоня» (с. 18) представляют одну лексему,

или такие слова, как аяк «нога», ат «лошадь», баш «голова» (с. 39) являются общетюркскими?

Отметим также некоторые неточности и опечатки, особенно досадные в лингвистической работе. Так, в главе «Структура и семантика корня» (с. 82–104) при описании структурных разновидностей корней типа ГС автор допускает смешение примеров разного порядка: некоторые из них при «Г + сонантах»: и : р // *ер // ěр // әр «мужчина, муж, герой» (с. 94) повторяются также и при «Г+смычных»: ер // *ĕр // ер // әр «мужчина» (с. 95) и др. На с. 91 мы читаем: «с аффиксальными нарушениями» вм. «наращениями», на с. 153 – «индоевропейцами» вм. «индоевропейцами», на с. 206– «родители-казаки» вм. «родители-казахи», на с. 125 – опечатка в названии цитируемой книги: «Атлантика» вм. «Алтаистика». Встречаются в книге и фразы, не совсем удачные в стилистическом отношении, например «...с другой стороны, нельзя отрицать сильное влияние на чувашский язык и быт татарского быта и, вообще, татарских языков и тюркской культуры на чувашскую культуру и быт» (с. 206). На с. 219: «...имя Борис было заимствовано славянами из разных диалектов в формах: Боришь, Борисъ, Бориль. В статье И. Г. Добродомова, на которую ссылается автор, написано: «...имя Борисъ было трижды заимствовано славянами из разных древних болгарских диалектов: Борисъ, Боришь, Бориль»⁵.¹ В разделе «Антропонимика» (на с. 211) замечены неточности в переводах ряда имен. Автор пишет: Азизи «Почетный, Святой», надо – Азиз «сильный, могущественный, дорогой»; имя Аббас переведено «лев» вм. правильного «хмурый, суровый», имя Мухаммад – «самый прославленный» вм. «хвалимый, достойный восхваления»; Азим / Асим не варианты одного и того же антропонима, а два самостоятельных имени, образованных от разных корней с разными значениями: «великий» и «защищающий», и др.

Однако, несмотря на указанные недостатки, еще раз отметим: монографическое исследование К. М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» является весомым вкладом в советскую тюркологическую науку.

Академии Наук СССР
«Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1987. с. 166-169.
(Соавт. Копыленко М.М.)

⁵ Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонимию. – В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 236.

К.М.Мұсаев. Түркі тілдерінің лексикологиясы^{1*}.

Түркология ғылымында соңғы жылдарға дейін лексикология, әсіресе тарихи және салыстырмалы лексикология салаларының өзге салалардан көп кенжелеп, іргелі зерттеулердің, мардымсыз аз жарияланып келе жатқандығының әр түрлі себептері бар: түркі тілдерінде әр ғасырда, әр регионда дүниеге келген ескерткіштердің толық зерттеліп бітпеуі, қазіргі түркі тілдері мен диалектілерінің лексикалық байлығын түгел қамтитын сөздіктердің әлі аздығы, сөз мағынасы мен өзгеріске бейімді түбір тұлғаларына көп көңіл бөлмеу, жалпы лексикологиялық зерттеулердің тиімді әдіс-тәсілдерінің айқындалмауы т. б. Әрине, бұдан лексикология саласында зерттеулер мүлде жоқ деген ұғым тумаса керек. Жекеленген проблемалар бойынша диссертациялар қорғалып, ұлт тілдерінде оқулықтар жазылды, мақала жинақтары² мен Б. М. Юнусалиев³, Н. К. Антонов⁴, Т.М.Гарипов⁵ секілді белгілі ғалымдарымыздың еңбектері жарияланды. Дегенмен, түркі тілдерінің салыстырмалы лексикологиясы бойынша еңбек жазып⁶ оның лексика-семантикалық ұқсастықтар мен айырмашылықтарын анықтау арқылы түркі тілдерін өзара топтастыру, региондарға бөлу (классификациялау), оны зерттеу методтары мен принциптерін айқындау мәселесіне алғаш үлес қосқан москвалық қазақ ғалымы, белгілі түрколог, филология ғылымдарының докторы, профессор Кеңесбай Мұсаев еді. Ғалым бұл кітабында аз зерттелген батыс қыпшақ тілдер тобының (қарашай – балкар, құмық, қырым татарлары және қарайым тілдері) лексикасын салыстыра зерттеу арқылы жалпы қыпшақ тілдерінің даму тарихынан көп мағлұматтар берген еді. Бұл еңбекті ғалымдар қауымы зор ілтипатпен қабылдап, ол туралы орталық ғылыми басылымдарда жылы лебіздерін білдірген еді.

Енді міне араға оншақты жыл салып К. М. Мұсаевтың жаңа зерттеуі – «Түркі тілдерінің лексикологиясы»⁷ атты көлемді

1* Москва: Ғылым, 1984. -227 б.

2 Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

3 Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959.

4 Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

5 Гарипов Т. М. Структурно-семантический глоссарий тюркских языков Урало-Поволжья. Уфа, 1979; *Он же*. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

6 Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (западная группа). М., 1975, с. 357.

7 Бұдан былай бұл еңбектің беті ғана көрсетіліп отырады.

монографиясы біздің қолымызға тиіп отыр. Бұл екі еңбек бірінен-бірі туындайтын жалғас дүние. Бұл саладағы ойын қорыта келе ғалым: «Когда говорят, что язык представляет собой кладовую истории народа – его носителя, прежде всего имеется в виду лексика, которая непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не может показать нам условия жизни народа так полно, как лексика» (12-6.), – деп тілдің лексикалық байлығын жан-жақты зерттеудің маңызын ерекше атап көрсетеді. Түркі тілдерінің тарихи және салыстырмалы лексикологиясына арналған зерттеу еңбектердің әлі де сирек жазылып жүргендігін айта келіп, бұл ділгерліктің себебін ғалым: «Сравнительное исследование лексики играет значительную роль при решении проблемы наиболее точной и тонкой генетической классификации тюркских языков... Сравнительное исследование лексических и семантических схождений и расхождений тюркских языков окажет несомненную услугу при установлении относительной хронологии дифференциаций групп тюркских языков, при выяснении исторических условий их формирования и взаимодействия, выявит особенности автономного развития отдельных языков» (14-6.), – деп көрсетуі өз еңбегінің алдына қойған мақсаты мен шешуге тырысқан түйінді мәселелердің программасы десек қателеспейміз.

Түркі тілдерінің грамматикалық құрылысы жағынан өз ара ұқсас, жақын болуы олардың салыстырмалы-тарихи грамматикасын жасауда үлкен қиыншылықтар тудырып келе жатқандығы мәлім. Осы орайда ғалым түркі тілдерінде айрықша көзге түсетін лексика-семантикалық айырмашылықтарды нақтылы мысалдарды талдау арқылы көрсетуге тырысады. Мәселен, ол барлық түркі тілдері мен диалектілерінде қолданылатын ағаш атаулары (*ағаш, терек, дарақ, тоғай* т. б.) мен жан-жануарларға қатысты сөздерді (*қой, сиыр, доңыз, шошқа* т. б.) салыстыра зерттеу арқылы бұл тілдердің ұқсастығы мен айрықша белгілерін саралай келіп: «Сравнительное исследование лексики тюркских языков показывает, что в лексическом и семантическом отношении существует обширная центральная группа, куда входят главным образом кыпчакские языки в разных ситуациях с охватом юго-западных (огузских), южных (среднеазиатских, карлукских), восточных (сибирских) тюркских языков, т. е. существует как бы группа-ядро, расположенная географически в центре тюркских языков, которая

контактирует с другими тюркскими языками, расположенными по краям этой группы» (32-б.), – деген тұжырым жасайды.

«Түркі тілдерінің өзара қарым-қатынасы»(33-43-бб.), «Диалектілік лексика және оның тілдерге қатысы» (43–61-бб.) деген келесі тарауларда зерттеуші жоғарыдағы тұжырымдарын одан әрі тереңдете түседі. Мыңдаған жылдар бойы төсекте басы, төскейде малы қосылып, мидай араласып кеткен түркі халықтары тілінің дамуын, тарихи іздерін, ауыс-түйісін тағы да сол лексика-семантикалық ұқсастықтар мен айырмашылықтардан іздейді. Мәселен, башқұрт тілінің оңтүстік говорына жататын башқұрт-қыпшақтары тіліндегі көптеген жергілікті ерекшеліктердің қазақ тіліне тәндігін көрсетсе (34-б.), ал Өзбекстанның Тамды ауданында тұратын қазақтар тіліндегі «арпаған» «пырей», «қаны» «дверь», «қат» «омната», құлауыз «пустомеля» т.б. сөздердің (37-б.) көне тілден сақталып қалған архаизмдер екендігін дәлелдейді. Ғалым түркі тілі диалектілерін лексикалық тұрғыдан зерттеу барысында тарихи диалектологияға көп көңіл бөлу керектігін, әсіресе түркі тілдерінің қоршауында, бөгде системалы тілдердің әсерінен оқшау қалған диалектілерді зерттеудің маңызын баса көрсеткен. Осы орайда, қазақ тілінде айрықша оқшау тұрған диалектілердің болмау себебін қазақ халқының әдет-ғұрпындағы ертеден келе жатқан жеті атаға дейін қыз алып, қыз беріспеу дәстүрінен іздеуі қызық та тың тұжырым (58-б.).

«Жазба ескерткіштері лексикасының түркі тілдеріне қатысы» (61–82-бб.) атты тарауда да К. Мұсаев үлкен лексиколог-ғалым ретінде келелі пікір айтады. Ол түркі халықтарының ортақ мұрасы – көне және ерте ғасыр ескерткіштерінің тілін зерттеудің тиімді әдіс-тәсілдерін сөз ете келіп, ғалымдарымыздың, әсіресе ұлттық республика оқымыстыларының көп жағдайда көне мұраларды бір ұлттың, бір тілдің меншігіне теліп, одан өз ана тілінің «көне», «байырғы» формаларын көргісі келетін кейбір ұшқары да жаңсақ пікірлерін орынды сынайды. Зерттеуші өз пікірін көне ескерткіштер лексикасын барлық түркі тілдері мен диалектілерінің нақтылы фактілерімен жан-жақты салыстыра отырып (мысалы, М. Қашқари «Сөздігі» мен қазіргі өзбек тілінің арасындағы айырмашылықтарды) дәлелдейді.

Келесі «Түбірдің құрамы мен мағынасы» (82–105-б.), «Этимологиялық зерттеулер»(105–119-б.) және «Түркі тілдерінің жержүзі тілдерімен байланысы»(119–162-б.) атты тарауларда ғалым тарихи лексикологияның өзекті мәселелерін – түбір сөз проблемасын, этимологияны, кірме сөздер табиғатын арнайы сөз етеді. Талай

ғасырлық тарихы бар түркі тілдерінің лексикасын тек салыстырмалы, синхронды тәсілмен ғана емес, сонымен қатар тарихи, диахронды тұрғыдан зерттеудің де үлкен мәні бар екенін айтады. Зерттеуші соңғы жылдардағы түркология ғылымының қол жеткен табыстарына сүйене отырып, түркі тілдеріндегі бір буынды түбір сөздердің түрлері туралы байқауларын ортаға салады. Мысалы: «В ряде тюркских языков в начале слова или корня отсутствуют некоторые «чистые» гласные; например, в казахском чистые [o], [ø], [e] не могут употребляться в анлауте. Поэтому орфограммы *ол* ‘он’, *өр* ‘подъем’, *ел* ‘народ’ соответственно произносятся [wol], [wög], [iel]. Это явление, недостаточно исследованное в тюркских языках, может пролить некоторый свет на историю структур корней типа ГС, СГС» (87-6.), – деуі шынында да тың пікір.

Қазіргі түркі тілдеріндегі көне түбірлердің белгілерін айта келе, автор бір буынды түбірлердің структуралық типтері Г, СГ, ГС, СГС, СГСС, ГСС екенін дұрыс көрсетеді. Олардың дәуір өткен сайын мүжіліп, тозуымен қатар, грамматикалық элементтерді қабылдау арқылы күрделеніп отыруын мойындаса да, ең көне түркі түбірінің тұлғалық ерекшелігін анықтауды мақсат етіп қоймайды.

Түркологияда зерттелмей келе жатқан мәселенің бірі – түркі тілдерінің өзара әсерімен қатар, өзін қоршаған не іргелес өзге тілдермен тарихи қарым-қатынасы еді. Міне осы салада алғашқы рет жан-жақты пікір айтып отырған проф. К. М. Мұсаев деп білеміз. Бүкіл Евразия континентінің ортасында ұлан-ғайыр алқапты алып жатқан түркі халықтары көптеген басқа тілдес халықтармен ғасырлар бойы көршілес болып келуі бұлардың тілдеріне де өз әсерін тигізбей қойған жоқ. Бұл мәселені көтерудің мәні де, міне, осы байланысты ашуға барып саяды.

Ал этимологиялық зерттеуге арналған тарауын (105–119-б.) алсақ, онда автордың әр жылдары жарияланған түркі тілдерінің этимологиялық сөздіктеріне шолу жасаумен ғана шектелгені байқалады. Мұндай ұзынсонар шолуды біз еңбектің топономика, антропонимика мәселелеріне арналған тарауларынан да кездестіреміз. Түркі тілдерінің совет дәуіріндегі дамуы, әрине, тек осы салаларға ғана байланысты еместігі көпшілікке мәлім. Кітаппен мұқият танысып шыққанда автордың бұл соны да терең зерттеуін «Түркі тілдерінің лексикологиясы» деп атаудан гөрі «Түркі тілдері лексикологиясының мәселелері» деп атауы дәлірек болар еді-ау деген ой келеді.

Қорыта айтқанда, К. Мұсаевтың бұл жаңа еңбегі – советтік түркологияға қосылған үлкен үлес. Бұл еңбекті біз тек тіл мамандарының

ғана емес, сонымен қатар ана тілінің, жалпы түркі тілдерінің көне тарихы мен бүгінгі қалпын білуге жаны құмар білікті де білімді жандардың қызыға оқып, зор мағлұмат алатын іргелі зерттеу деп есептейміз.

Қазақ ССР ҒА Хабарлары.

Тіл, әдебиет сериясы, 1985. № 3. 65-67 б.

(Ғ.Әнеспен бірге)

Қ. Есенов. Қазақ тіліндегі күрделенген сөйлемдер^{1*}

Проблему синтаксиса сложноподчиненного предложения в тюркских языках нельзя считать достаточно разработанной хотя бы потому, что такие весьма схожие по своей внешней структуре категории, как простые распространенные члены предложения и синтаксические обороты сложных предложений, все еще в научной литературе не разграничиваются и продолжают оставаться объектом полемики ученых-синтаксистов. Изучение характерных и своеобразных особенностей распространенных членов предложений и различных типов синтаксических оборотов на примере одного или ряда родственных тюркских языков, с нашей точки зрения, представляет определенный научный интерес и может способствовать правильному решению данной проблемы. Монография Х. Есенова «Осложненные предложения в казахском языке» характеризуется актуальностью и новизной постановки и трактовки проблемы, имеющей общетюркологический интерес.

Следует отметить, что осложненное предложение, включающее в себя перечисленные выше синтаксические конструкции, до сего времени не являлось объектом специального изучения казахских языковедов, не видевших в нем отдельной синтаксической категории. Автор рецензируемой книги на основе скрупулезного анализа фактов не только казахского, но и других родственных языков, а также результатов сравнительно-исторических и типологических исследований рассматривает осложненное предложение как высшую фазу простого распространенного предложения.

Согласно классификации Х. Есенова осложненное предложение состоит из двух дифференцированных синтаксических конструкций, названных им *айқындауыштық қосалқы сөйлемдер* (пояснительно-добавочные предложения) и *синтаксистік оралымдар* (синтаксические обороты).

Пояснительно-добавочные (лучше – дополнительные) конструкции, в свою очередь, включают в себя: обособленное приложение, вводное предложение, вставное предложение и предложение с однородными членами.

¹ * Қазақ ССР-ның «Ғылым» баспасы. Алматы, 1974, 196 б.

Все эти типы предложений объединяет общность их функции в предложении, выражающаяся в определении, уточнении и пояснении содержания основного ядра предложения. Они, как правило, обособляются.

По некоторым своим структурным особенностям пояснительно-дополняющие конструкции имеют иногда нечто общее с моделями сложноподчиненных предложений, хотя и различаются между собой характером передачи субъектно-предикативных отношений. Учитывая сложность, а порою и спорность этого вопроса, автор подробно характеризует сходство и различия указанных синтаксических единиц.

Обратимся к авторской интерпретации языковой природы обособленного приложения в составе осложненного предложения. Действительно, это приложение как бы уточняет и дополняет основное значение опорных слов главного предложения, осложняя при этом и его структуру, во многом напоминаящую структуру сложноподчиненных конструкций. Так, предложение *Barlyq žastar , sajat qyzyruyna qyzumen berilse de, Abajdyŋ endigi aqyndyq bujruuyn yntalaj tosty* (М. Ауэзов) ‘*Вся молодежь, хотя и со страстью предалась веселью и развлечениям, однако с нетерпением ждала продолжения поэтического наставления Абая*’ автором рецензируемой книги рассматривается как осложненное простое предложение с обособленным приложением (выделено курсивом), поясняющим и уточняющим основной субъект *barlyq žastar* ‘*вся молодежь*’.

Следует отметить, что подобное обособленное приложение некоторыми казахскими лингвистами обычно квалифицируется как самостоятельная синтаксическая единица, а предложение в целом – как сложноподчиненное. Если же основным критерием определения сложноподчиненных предложений считается наличие в них не менее двух предикативных центров, то приведенное выше предложение, как правильно замечает автор, не отвечает этим требованиям, и поэтому оно должно быть отнесено к разряду простых осложненных предложений. В этом нагляднее можно убедиться, если перестроить обособленное приложение следующим образом: *Barlyq žastar, sajat qyzyruyna qyzumen berilgen žastar, Abajdyŋ endigi aqyndyq bujruuyn yntalaj tosty* ‘*Вся молодежь, которая со страстью предалась веселью и развлечениям, с нетерпением ожидала продолжения поэтического наставления Абая*’. Этот пример ясно показывает, что осложненное предложение, как правило, организуется вокруг одного субъектно-предикативного ядра при наличии в его составе дополнительно-уточнительных конструкций, характеризующихся обычно как обособленные приложения.

Заслуживает внимания и теоретическая разработка Х. Есеновым вопроса о вводных и вставных конструкциях. В казахском языкознании изучение вводных слов и вводных словосочетаний занимает значительное место. Однако предложения, повторяющие в какой-то мере модели придаточного, рассматриваются автором рецензируемой книги столь углубленно впервые. Изучение природы вводного предложения, в свою очередь, позволило выявить дифференциальные признаки так называемого вставного предложения, являющегося, по сути дела, одной из разновидностей вводного. При разграничении этих предложений автор прежде всего учитывает выполняемую ими функцию и особенности их употребления в структуре осложненного предложения. Так, например, если вводное предложение выражает отношение говорящего к основной мысли или повествованию, то вставное предложение вносит в него определенную конкретность, дополнение и уточнение. В работе это наглядно иллюстрируется на конкретных примерах: *Syrttan estilgen dybystarya qarayanda, qonaq üjde biraz adamnyң basy qalyp qalyan sujaqty* (С. Муқанов) ‘Судя по тому шуму и гаму, который был слышен на улице, было понятно, что в гостиной собралось уже много людей’. *Toryaj suvyn özennen tasyp išedi (özen Fajyrazhman üjinen žarty šaqyrymdaj žerde)* (М.Жумағалиев) ‘Водой Тургая пользуются, привозя ее из реки (река находится от дома Фаизрахмана на расстоянии около полкилометра)’. Как видно, структура первого простого предложения осложнена включением в нее вводной конструкции, а второго – вставной конструкции.

В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, структура некоторых простых осложненных предложений с однородными членами имеет много общего со структурой сложноподчиненных предложений, поэтому их разграничение иногда представляет определенную трудность. Автор монографии обстоятельно анализирует структуру обоих типов предложений и выдвигает собственные критерии их разграничения, позволяющие не допускать, по крайней мере, смешения простых осложненных предложений с уступительными придаточными предложениями, как это иногда наблюдается в научной литературе. К типичным осложненным предложениям с однородными членами автор относит предложения типа: *Al sesem orysqa küjeuge syqqanymen, көp zyl qazaq arasynda turyanymen, biraz žaydajda özbek saltyn qoldanatyn* (С. Муқанов) ‘Хотя моя мать вышла замуж за русского и долгие годы жила среди казахов, она в ряде случаев придерживается узбекских обычаев’.

Таким образом, на основе богатого материала казахского языка Х. Есенову удалось раскрыть в своей книге (стр. 21-64) закономерности процесса осложнения синтаксической структуры простого предложения путем включения в его состав разрядов так называемых пояснительно-дополнительных предложений (обособленное приложение, вводное и вставное предложения и предложение с однородными членами), выполняющих функции компонента, поясняющего и уточняющего содержание основного ядра осложненного предложения,

Осложненному предложению с синтаксическими оборотами посвящена вторая глава книги. По мнению автора, синтаксические обороты, как и указанные выше пояснительно-дополнительные предложения, выполняют в структуре осложненного предложения функцию составного компонента, дополняющего и раскрывающего содержание главного предложения. Однако в то же время в самом способе образования и употребления синтаксических оборотов автор обнаруживает ряд характерных черт, отличающих их от пояснительно-дополнительных конструкций. Это прежде всего проявляется в способе образования логического сказуемого синтаксических оборотов (зависимых компонентов), которое обычно передается формантами глагола условного наклонения, причастия, деепричастия и отглагольной формой. Поэтому обособление синтаксических оборотов в структуре предложения здесь представлено более четко, нежели в пояснительно-дополнительных конструкциях. Выделение синтаксических оборотов из основного предложения по этим, признакам сближает их с придаточным компонентом сложноподчиненного предложения. В этой связи рассмотрение автором синтаксических оборотов как одного из составных компонентов осложненных предложений следует признать вполне оправданным, тем более что до сего времени на материале казахского языка они не были объектом специального изучения.

Говоря о структурных взаимоотношениях синтаксических оборотов, автор правильно отмечает, что эти обороты в составе осложненного предложения занимают по отношению к его основному ядру различные позиции: в одном случае они тесно соприкасаются или смыкаются с определяемыми словами и не отделяются от них запятой, а в другом – стоят обособленно и отделяются запятой от основной части предложения. В связи с этими особенностями синтаксические обороты, в свою очередь, делятся автором на *қабыспалы оралым* (смыкающие обороты) и *жанаспалы оралым* (примыкающие обороты).

Каждый из этих оборотов характеризуется автором как с точки зрения структуры, так и способа образования. Так, смыкающий оборот в казахском языке образуется при помощи имен и причастия, являющихся завершающими элементами структурной основы всего оборота и связывающих его с основным костяком предложения. Приведем пример: *Žijdebaj men saj-salasy ayaška toly Orda tavy mundajlyq zor apatqa uzak žyldardan beri uşyrap körgen žok bolatyn* (К. Оразалин) ‘Жидебай и гора Орда, окрестности которой покрыты лесом, так давно не подвергались подобному большому стихийному бедствию’. Здесь выделенный курсивом оборот представляет собой в структуре осложненного предложения именной смыкающий оборот, раскрывающий содержание основного субъекта – грамматического подлежащего: *Orda tavy* ‘гора Орда’. Однако последний (*Orda tavy*) в то же время является опорным словом, «притягивающим» к себе смыкающий оборот. В качестве таких опорных слов могут выступать также имена, стоящие в косвенных падежах.

Смыкающий оборот чаще всего образуется при помощи причастного слова на *-уап*, употребляемого иногда в осложненной косвенными падежами форме. Все эти моменты в книге иллюстрируются конкретными примерами: *Ülken yza bojyn buyyp kelgen Qarataj Qunanbajya asa bir salqyn zilmen söjledi* (М. Ауэзов) ‘Каратай, всем существом которого владел яростный гнев, разговаривал с Кунанбаем презрительно холодно’. *Qulaq estigendi köz köredi* (пословица) ‘Что можно услышать, то можно и увидеть’. Во втором примере выступает причастное слово в осложненной форме.

Определенный интерес представляют наблюдения автора, касающиеся интонационного членения смыкающих оборотов. Этот вопрос имеет принципиальное значение для казахского языка, ибо некоторыми языковедами возможность интонационного членения развернутых членов предложения (үйірлі мүше) не признается. Не отрицая того, что отдельные разряды замыкающих слов-причастий употребляются в нулевой именительной форме и в произношении часто сливаются с определяемыми словами основного предложения, автор отвергает категоричность подобного утверждения. С нашей точки зрения, автор совершенно прав, утверждая, что смыкающий оборот в составе осложненного предложения зачастую выделяется характерной для него интонацией, требующей дальнейшего экспериментального изучения и описания. Обратимся к примерам: *Balasy žaqsy oqyuan Asan* | *bügin көңildenip отыр* ‘Асан, у которого сын учится хорошо, сегодня

сидит в хорошем настроении’. Как правильно отмечает Х. Есенов, в этом предложении смыкающий оборот (*Balasy žaqsy oquған*) с определяемым словом-подлежащим *Asan* довольно четко выделяется восходящей интонацией, тогда как последующая часть предложения произносится ровным повествовательным тоном. В тех случаях, когда смыкающий оборот образуется причастиями в косвенных падежах, разграничительная пауза приходится непосредственно на конец оборота: *Balasy žaqsy oquғанға* *!Asan бүгін көңildenip отыр.*

Таким образом, по мнению Х. Есенова, интонационное членение смыкающих оборотов, при котором в одном случае выделяется оборот вместе с определяемым словом, а в другом – лишь сам оборот, – характерная особенность осложненного предложения казахского языка. С этим выводом нельзя не согласиться.

Примыкающий оборот, в зависимости от образующих его формантов (деепричастия, причастия, условной и глагольной форм), подразделяется автором на четыре соответствующих подвида: деепричастный оборот: *Sol ertegilerdi тыңдап отырып, мен ұжықтар қалам* (С. Муқанов) ‘Слушая эти сказки, я засыпаю’; причастный оборот: *Sužyqtan көбірек žegen соң, Bajsejit азырақ көңildenip aldy* (С. Сейфуллин) ‘Вдоволь поевший колбасы (чужук), Байсеит заметно повеселел’; условный оборот: *Onymen іstesip sөjlesseң, anyq халық үнінде, муның дауғасын* (М. Ауэзов) ‘Если поговорить с ним по душам, то поймешь истинное горе и думы народа’; именной оборот: *Endi ilgeri basu üsin biz barlavşynуң иңір қарағұсын тосур отырмыз* (Г. Мусрепов) ‘А теперь, чтобы идти вперед, мы ждем, пока наступит темнота, желанная для разведчиков’. Все эти разновидности примыкающего оборота рассматриваются автором в сравнении с фактами других родственных языков.

В последнюю часть книги в виде приложения включен специальный раздел, посвященный описанию отличительных особенностей сложноподчиненных предложений в казахском языке, что объясняется тем, что в сравнении со сложноподчиненным предложением яснее выступают структурные особенности осложненного предложения, имеющего с ним некоторое внешнее сходство.

В рецензируемой монографии Х. Есенова имеются и некоторые недостатки. Прежде всего не все синтаксические категории, о которых говорит автор, получили в работе достаточно глубокое освещение. Не все структурно близкие синтаксические единицы в составе осложненного предложения в работе дифференцированно охарактеризованы. Это

относится, в частности, к вводным и вставочным предложениям, а также к разграничению обособленных приложений от вставных конструкций. По нашему мнению, в дополнительном исследовании нуждается языковая природа именных оборотов. В работе встречаются неудачные примеры, стилистические и терминологические погрешности. Несмотря на это, монографическое исследование Х. Есенова в целом оставляет хорошее впечатление. Работу обогащают привлеченные автором исторические материалы языка древнетюркских письменных памятников. Актуальность темы и новизна постановки и решения большого круга малоизученных, а порою и спорных проблем осложненного предложения, рассмотренных на богатом фактическом материале казахского и родственных тюркских языков, делают работу интересной и полезной для широкого круга специалистов.

*Академия Наук Азербайджанской ССР
Советская Тюркология. №2 март-апрель. –Баку. 1975.*

Ж.А.Аралбаев. Вокализм казахского языка^{1*}

В настоящее время в казахском языкознании четко определилась тенденция: наряду со всесторонним изучением актуальных проблем грамматики, лексикологии, истории и диалектологии казахского языка исследовать и его фонетику. При Институте языкознания Академии наук Казахской ССР создана Лаборатория экспериментальной фонетики, оснащенная новейшей аппаратурой, позволяющей проводить исследование фонетической системы казахского языка экспериментальным методом, обеспечивающим получение объективных данных.

Рецензируемый труд заведующего упомянутой Лабораторией экспериментальной фонетики Ж. А. Аралбаева является одним из первых научных исследований фонетики казахского языка с помощью новейшей электроакустической аппаратуры с применением современных методов лингвистического анализа. В книге Ж. А. Аралбаева всесторонне освещается природа вокализма казахского языка: определяется состав гласных фонем и их основные варианты, спектральный состав гласных звуков, прослеживается процесс развития вокализма и связанных с ним фонетических явлений, приводятся интересные сведения о морфологии казахского языка, сопоставляемые с фактами других родственных языков.

Следует отметить, что в настоящее время появилось множество лингвистических школ и направлений, использующих разнообразные

1 *Алма-Ата, 1970, 178 стр.

методы и приемы фонетических исследований. Характерно, что каждая из этих школ стремится выработать собственную терминологию для определения тех или иных понятий и категорий фонетики и фонологии, к сожалению, не всегда доступную даже для специалистов данного профиля, что в известной степени осложняет изучение существующих методов фонетических исследований. В этой связи работа Ж.А.Аралбаева приобретает важное научно-познавательное значение: она дает возможность казахским языковедам и широкому кругу тюркологов ознакомиться с различными воззрениями на те или иные вопросы фонетики и фонологии, помогает изучить и понять принципиальные основы различных методов лингвистического анализа ведущих направлений и школ как в Советском Союзе, так и за рубежом. С этой точки зрения интересно определение, данное автором понятию «фонема», являющемуся краеугольным камнем современной лингвистической науки, получившему в трудах известных отечественных и зарубежных языковедов разнообразные, а порою и противоречивые характеристики.

Надо признать, что современная наука о звуковой системе языка немислима без применения экспериментально-фонетических методов исследования речи. Приведенные в книге Ж.А.Аралбаева данные о выделении дифференциальных признаков ударных и безударных гласных казахского языка, полученные методом спектрального анализа, представляют несомненный интерес. Разработка этого вопроса велась под руководством акад. С. К. Кенесбаева при участии известных московских фонетистов Л.П.Блохиной и Р.К.Потаповой. Однако в комплексном его решении существенную роль сыграли результаты экспериментальных исследований, полученные автором в строгом соответствии с требованиями эксперимента. Для подбора 97 слов, включающих 14 моделей, ему пришлось провести тщательный анализ большого количества двусложных и трехсложных слов казахского языка, произвести записи на ферромагнитную ленту и организовать их прослушивание. Качественное выполнение эксперимента содействовало успешному решению сложных задач исследования казахской фонетики.

Данные спектрального анализа гласных казахского языка автор дополняет подробным описанием такого важного для характеристики гласных компонента, как длительность. Обработка данных экспериментальных исследований производилась методом вариационной статистики. Установлено наличие определенной

количественной редукции гласных в зависимости от их позиции в слове. В работе приводятся интересные сведения из области акустической фонетики.

Лингвистическая наука, изучающая языковые явления, на данном этапе развития неизбежно соприкасается как с различными смежными, так и точными науками. Поэтому не удивительно, что фонетический строй современного казахского языка начал изучаться при помощи математического анализа. Ж.А.Аралбаев, пользуясь методом математической статистики, определяет частотность или вероятность гласных фонем в казахском языке и информацию, которую несет каждая из этих фонем. Учитывая специфическую особенность фонетической природы тюркского вокализма, автор отдельно анализирует гласные начального и нена начального слогов, иллюстрируя каждую подсистему таблицами.

Важное практическое значение имеет сопоставительное изучение явлений в области вокализма казахского и уйгурского языков: довольно четко и дифференцированно выступают, например, позиционные оттенки и другие особенности гласных фонем казахского языка при сравнительной характеристике их с соответствующими гласными уйгурского языка. Значительное внимание в работе уделено вопросу об историческом развитии отдельных фонем. Из известных в прошлом теорий, рассматривающих причины всевозможных фонетических изменений в поступательном процессе развития системы звуков конкретных языков, Ж.А.Аралбаев считает наиболее приемлемой «теорию экономии», которая дает более аргументированное объяснение причины, подобных изменений. Автор, безусловно, стоит на правильных научных позициях, утверждая, что всякие фонетические изменения должны изучаться в единстве языка и речи.

В работе проводится тщательный фонологический анализ морфонологической структуры языковых единиц: основ и словообразовательных морфем. Автором затронут вопрос о сложной природе словесного ударения и определен круг актуальных фонетических и фонологических проблем, решение которых даст возможность специалистам правильно осмыслить и определить пути исторического развития казахского языка вообще и закономерности изменений его фонетической системы в частности.

Решение Ж.А.Аралбаевым ряда проблемных вопросов казахской фонетики на уровне современной лингвистической науки дает право считать его работу «Вокализм казахского языка» качественно новым исследованием в казахском языкознании. Вполне возможно, что отход автора от традиционного

толкования фактов и фонетических явлений может вызвать и возражения. Однако, несомненно, одно, что рецензируемая работа стимулирует дальнейшее углубленное исследование затронутого в ней вопроса.

Работа Ж.А.Аралбаева не лишена и отдельных недочетов. Как утверждает сам автор, книга рассчитана не только на специалистов-фонетистов, но и на широкий круг научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов. Однако насыщенность текста узкопрофессиональными терминами, большое количество формул и таблиц, не снабженных доходчивыми разъяснениями и толкованиями, в известной степени осложняет понимание сущности выдвигаемых научных положений. Автору необходимо было учесть, что его работа относится к числу немногих исследований по тюркской фонетике, ведущихся на основе применения экспериментальных методов, и поэтому ему следовало бы более четко разъяснить все «нововведения» и найти более доступные формы научной интерпретации фонетических законов, а также иллюстраций различного экспериментального материала (осциллограмм, спектрограмм и пр.).

Несмотря на перечисленные недочеты, книга Ж.А.Аралбаева – серьезное исследование в области казахской фонетики, содержащее много новых наблюдений и ценных, выводов о сложной природе, вокализма. Следует отметить исчерпывающее использование автором связанной с темой научной литературы как советской, так и зарубежной, что, несомненно, способствовало повышению теоретического уровня работы.

Академия Наук СССР. Советская тюркология, №2, 1971.

(Соавт. А. Джунусбеков)

Үлкен жұмыстың тырнақалдысы

Әдеби тілдің, оның әр стилінің нормасын сақтап, тілдік тәсілдерді шеберлікпен пайдалана білу мәселесін бір жағынан, нормативтік грамматика мен нормативтік лексикология қарастыратын болса, екінші жағынан, стилистика іздестіреді. Сол себептен стилистика саласына арналған зерттеу-талдауларға зәрулігіміз өзінен-өзі аян. Осы зәрулікті өтейтін бір кітап жақында қолымызға тиді. Ол – жоғарғы оқу орындары студенттеріне арналған оқулық.

Бұл – қазақ тілінің стилистикасына белгілі бір жүйемен тұтас курс ретінде сөз ететін тұңғыш еңбек. Демек, оның құндылығы мен кемістігі көп жағдайда осы тұңғыштығына, соныдан түскен алғашқы із екендігіне байланысып жатады. Стилистика мәселелері, оның зерттеу

объектілері мен методикасы қазақ тіл білімі былай тұрсын, жалпы отандық тіл білімінде әлі күнге дейін түбегейлі шешіліп, айқындалған емес. Сондықтан да бұл кітап жазылуында авторлар бірқатар қиындық көрсе керек-ті.

Бұл кітапта негізгі талданған мәселе – жазба әдеби тіл стильдері, оның ішінде көбірек көңіл аударылғаны көркем әдебиет пен публицистикалық стильдер. Бұл заңды да. Өйткені стилистиканың мақсаты дұрыс, әсем, әсерлі жазуға (немесе әдеби түрде сөйлеуге), мәнерлегіш тіл тәсілдерін стиліне қарай орынды пайдалануға үйрететін болса, қалың бұқара жиі пайдаланатын ең басты стильдерді молырақ сөз ету орынды болып шығады. Сөз етіп отырған оқулықтың құнды жері осы стильдердің әрқайсысына орынды мысал тауып, нормасы мен ауытқитын сәттерін көрсетіп бергендігінде.

Авторлар сын есімнің салыстырмалы, күшейтпелі, асырмалы шырай түрлері ғылыми стиль мен кеңсе (іс-қағаздар) стилінде аса сирек, көп реттерде тіпті тұлғалар екенін айқындап, бірер мысал келтіреді. Айталық, кеңсе қағазында (есеп, бұйрық тағы басқалар) «Заводтың бірінші цехы айлық жоспарды 12 процент артығырақ орындады» деп жазу стилистикалық қате болар еді.

Екінші мысал: авторлардың байқауынша, кеңсе мен ғылыми стильдерде автордың субъективтік көзқарасы, қатынасы көбінесе көрінбейтін болғандықтан, бұларда (М. Балақаев, Е. Жанпейісов, М. Томанов, Б. Манасбаев. «Қазақ тілінің стилистикасы». Алматы, «Мектеп» баспасы, 1966 жыл.) кішірейткіш мәндегі жұрнақты сөздер (ұзындау, қисықтау, қызғылт, сарғыш, босаң, сидаң, қоңырқай т.б.) қолданылмауға тиіс. Айталық, колхоздың ақпар қағаздарында, стилистикалық мәліметтерінде «Әрбір 10 сиырдан 10 бұзауқан алдық» деп жазу күлкілі болар еді, - дей отыра, бұл зерттеушілер ғылыми әдебиетте «кітапша», «бұтақша», «бозша» (торғай), «мишық» сияқты термин сөздер қолданылатындығын, бірақ бұлардағы кішірейткіш жұрнақтардың өз мәнін жоғалтып, нақты ұғымды білдіретін нақты термин жасап тұрғанын дұрыс көрсетеді.

Оқулықтың тұрқы мен объектілері дұрыс құрылып, дұрыс алынған. Мұнда авторлар орыс тілі стилистикасына арналған курстың (А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. 1965) құрылымын басшылыққа алғанын айтады. Соған қарамастан, «Қазақ тілі стилистикасы» орыс оқулықтарының соңынан ізбе-із кетпей, қазақ тілінің өз ерекшеліктерінен шығатын кейбір тақырыптар мен тәртіптерді

енгізген. Кітап авторлары әр алуан сөздіктердің әр түрлі стильдерді дұрыс танып пайдалануға септігі тиетінін айта келіп, қазақ тіліне қатысты күні бүгін қолымызға тиіп отырған сөздік түрлерін қысқаша сипаттап өткен. Сондай-ақ орыс оқулығына қарағанда, мұнда «Фразеология» деген бөлім өз алдына бөлек шығарылып, мольрақ талданған. Бұл да орынды тәрізді. Қазақ тілі – тұрақты сөз тіркестеріне өте бай тіл. Оның бұл қасиеті күллі түркі тілдерінің ішінен де ерекше көзге түседі. Авторлар бұл төл тұлғалардың аударма арқылы да толығып жатқанын әңгіме еткен.

Стилистиканың бұл оқулығы сырт қарағанда грамматика мен лексикология курсына ұқсайтын да сияқты. Бұл да заңды. Стилистика тек әрбір функционалдық стильдің ерекшелігін көрсетуде ғана емес, маңызды-маңызды тілдік амал-тәсілдердің әдеби нормасын білдіруді көздейді. Сондықтан оқулық авторлары сөз болатын әрбір категорияны грамматика, лексика оқулықтарындағыша баяндап беріп, содан кейін оның стильдегі қолданыстарын сөз етеді. Бірақ мұндай морфологиялық, синтаксистік категориялар грамматикалардағыдай түгел қамтылмайды. Сөз таптарының контексте қолданылу ерекшеліктерін біршама сәтті фактілермен талдап береді.

Оқулықта грамматика мен лексикология кітаптарында арнайы айтылмай жүрген пікірлер де бар. Мысалы, сөз мағынасының экспрессиялық өңі кейде сөздің тікелей өз мағынасынан келіп шығатын болса, басқа біраз сөздердің экспрессиялық бояуы қолданыла келе, белгілі бір контекстік қоршауға түскенде ғана көрінетіндігі кітапта қысқаша түрде арнайы сөз етіледі. Мысалы, әдеби нормадағы «қала», «заман» сөздерінің орнына көркем шығармада (әсіресе поэзияда) «шаһар», «замана» сөздері қолданылса, соңғыларынан пафостық әуен, поэтикалық сарын сезіліп, экспрессиялық бояуы қоюырақ шығады (49-бет). Біздің байқауымызша, бұл да қазақ тілі стилистикасының әлі қозғаусыз жатқан тың мәселелерінің бірі. Рас, оқулықтарда мұндай мәселелерге алғашқы барлау ғана жасалған, бірақ соның өзі де еңбекке әжептәуір ұтымды сипат беріп тұр.

Оқулық кемшіліксіз де емес. Ең алдымен, әрбір категорияға немесе сол категорияның бір стильде дұрыс, бұрыс қолданылуына келтірілген бірсыпыра мысалдар дәл емес. Мысалы, «қанжылату» мен қанды ауыз» дегендердегі «қан» сөзін емесе «ауылдық», «ауылдын» сөздері бір түбірдің бірі жұрнақты, бірі жалғаулы тұлғалары. Сондай-ақ «бармақпын», «бармақ едім» тәрізді баяндауыштық қызметте жұмсалатын морфологиялық тұлғалар көбіне-көп жазба тілге тән (133-бет) деген тәрізді үзілді-кесілді тұжырымға да келісе қою қиын.

Оқулықтың «Грамматикалық стилистика» атты II тарауы тәуір жазылған, мұнда – бұрынды-соңды айтылмаған көптеген жаңа байқаулар, тұжырымдар да бар. Дегенмен бұл бөлімді әлі де толықтыра түсуге болар еді. Әсіресе морфологиялық синтаксистік синонимдер кеңірек баяндалуы керек. Өйткені стилистиканың басты объектісінің бірі – синонимика. Сондай-ақ стильдік бояуға, әр алуан экспрессияға бай еліктеуіш сөздер жайлы оқулықта мүлдем айтылмаған. Күрделі ойды білдіруде жеке жазушылардың, әсіресе, журналистер мен аудармашылардың кейде қате жіберулері, бір жағынан, өз бастарының жауапсыздығынан болса, екінші жағынан, кейбір логика-грамматикалық және стилистикалық заңдылықтарды білмегендіктерінен, яғни тіл мамандарының әлі күнге дейін қалың жұртшылыққа оны дұрыс таныта алмауынан. Сондай-ақ қазақ тілінде құрмалас сөйлемдерді дұрыс құру тәсілдері де стилистика курсынан орын алуы қажет еді.

Кітап әрі оқулық, әрі стилистика туралы болғандықтан ба, тілі жатық, сөйлемдері ықшам. Сөйте тұра, бірді-екілі стильдік жағынан үйлесімсіз тіркестер, сөйлемдер кездесіп қалатыны сәл ыңғайсыз. Мысалы, 11 бетте «ал ауызша тілде тек адамның өзімен-өзінің жеке жеке сөйлесуі ғана монолог арқылы беріледі» дегенді оқимыз. Жалғыз адамның өзімен өзі сөйлеспейтіні белгілі емес пе? Сол сияқты «тұрақты сөз тіркестері стильдік мақсатта авторлық өңдеумен (!) қолданылады» (108-бет) тәрізді стильдік кедір-бұдырлар, кітап стилистика жайлы болғандықтан, мұндай кездеспегені жөн еді.

Қорыта келгенде, сөз етіп отырған оқулық қазақ тілі стилистикасынан дұрыс мағлұмат беретін, болашақ мұғалім, журналист, ғылым қызметкері болып шығатын студенттерге аса қажет, әрі пайдалы кітап. Бұл еңбек тек студенттер емес, мұғалімдерге, баспа қызметкерлеріне, жазушылар мен журналистерге де айтарлықтай көмек беретіні сөзсіз. Әрине, біз осы оқулықпен қазақ тілінің стилистика мәселелері толық зерттеліп, баяндалып болды деуден мүлде аулақпыз. Бұл – үлкен жұмыстың тырнақалдысы ғана.

*«Қазақстан мұғалімі», 2 июнь 1966.
(Р. Сыздықовамен бірге).*

Өмір талабына сай оқулық

Мәдениет, оқу-білім саласындағы барымыз бен жоғымызды, орын алып келе жатқан олқылықтарымыз бен қол жеткен табыстарымызды сөз еткенде, өресі биік бүгінгі өміріміздің деңгейін, сол өмірдің болашақ

тұлғасы – совет жастарының рухани талап-талғамын ескермеуге болмайды. Өйткені бүгінгі жастар ғылым мен техниканың мейлінше қарыштап дамыған, мәдениетіміздің барынша гүлденген дәуірінде жасаушы талғампаз ұрпақтар.

Сондықтан да жастардың тәрбиесі, оларға жүйелі де терең білім беру – бүгінгі таңда оқу-ағарту саласында қызмет етуші қауымды қатты толғандырып, ойландыратын күрделі де жауапты мәселелердің бірі. Осыған орай біздің республикамызда да кейінгі уақытта жедел қолға алынып, жіті істелініп жатқан игілікті істер аз емес. Осы іспетті істердің бастысы деп біз жаңа қабыданған оқу программаларына сәйкес қазақ мектептері үшін тыңнан жазылып жатқан, тіпті жазылып, қалың оқушы қауымның қолына тиіп үлгерген кейбір оқулықтарды атаған болар едік. Солардың бірі – өткен жылы «Мектеп» баспасынан шыққан доцент Әмеди Хасеновтің VIII класс оқушыларына арналған «Қазақ тілі» оқулығы¹.

Есімі оқырман қауымның оқулықтар мен оқу құралдарының авторы ретінде көптен таныс ұстаз-ғалым Әмеди Хасеновтің бұл кітабы жаңа программа негізінде жазылып, алғаш дүниеге келген соны әрі жаңа туынды болып саналады. Сондықтан бұл еңбекке қояр талабымыз да, талғамымыз да айрықша.

Жалпы оқулық атаулыға қойылатын талап, біріншіден, оқылатын пәннің ғылым-білім негізін терең де жүйелі түрде дұрыс түсіндіру, екіншіден, сол пәнді оқыту арқылы, оқушының сана-сезімін өсіретін, ой-өрісін кеңейтетін қызғылықты да тартымды мол мағлұматтар беру.

Бұл оқулықтың бұрынғы оқулықтардан басты айырмашылығы неде деген заңды сұраққа жауап беру үшін ең алдымен екі түрлі жағдайды аңғартқан мақұл. Біріншіден, оқулық VIII класс балаларына тіл туралы жалпы мағлұмат беріп, ана тілінің негізгі даму заңдылықтарын жетік меңгеруге үйретсе, екіншіден, сол алған теориялық білімді күнделікті өмірде дұрыс пайдалана білуге, сауатты оқып-жазуға баулиды, тіл мәдениетін арттыруға шақырады. Осыған сәйкес жаңа оқулықтың құрылысы, жүйесі, қарастырылған мәселелерінің мазмұны мен көлемі жағынан бұрынғы оқулықтардан бірқатар айырмашылығы бар. Мысалы, оқулық үлкен-үлкен бес тараудан тұратын болса, соның төртеуі, атап айтқанда, «Тіл туралы мәлімет», «Стилистика», «Қазақ орфографиясы мен орфоэпиясы» және «Байланыстырып сөйлеуді дамыту» сияқты тарауларды, бұрын-соңды сөз бола қоймаған мүлдем тың мәселелерді қамтиды.

¹ Ә. Хасенов. Қазақ тілі. VIII класқа арналған оқулық, «Мектеп» баспасы, Алматы, 1970, 203 бет.

«Тіл туралы мәлімет» деп аталатын осы алғашқы бөлімде автор жалпы тілдің шығу тарихы мен даму заңдылықтарын, тілдің мәні мен қоғамдағы қызметін сөз ете келіп, қазақ тілінің социалистік ұлт тілі, әдеби тіл іспетінде қалыптасуы мен оның совет дәуірі тұсында қарыштап дамуы жайында тұжырымды пікір айтып, осы күнге дейін мектеп оқушыларының назарынан тыс қалып келе жатқан көптеген күрделі де қызық мәселелерден мәліметтер береді. Осы бөлімде автор оқушыларына совет дәуірі тұсында қазақ тіл білімінің дербес пән ретінде қалыптасқандығын аңғарта келіп, оның тілдің жеке-жеке құбылыстарын (фонетикасын, лексикасын, грамматикасын) тәптіштеп тексеретіндігін және сол арқылы жалпы тіл дамуына, әдеби тілдің күн санап өсуіне, жүйеге келіп ширай түсуіне көмегін тигізіп отырғандығын сөз етеді.

Осы тұста айта кететін бір жәйт – ол автор соншама күрделі, ғылыми терең ұғымдарға анықтама-түсінік бергенде әдеттегі «академиялық толғаудан», сірескен сөз тізбектерінен әрдайым өзін аулақ ұстайды. Терең мағыналы ғылыми түсініктердің оқырман жүрегіне бірден жол тауып жатуы, біздің байқауымызша, тек автор тілінің жеңіл де жатық, тілдік қағидаларының дәл де тұжырымды болуына ғана емес. Бұл педагогикалық шеберліктің басқа да сыры бар екен: оқулықта автор жалаң баяндау мен құрғақ ережеге бой ұрудан көрі, тіл мәселелерінің көптеген мән-жайын, сыр-сипатын сол мәселелерге байланысты не тікелей қатысты қосымша материалдар арқылы ашып беруді мақсат етеді. Ал бұл материалдардың өзіне келсек, олар тіл тарихы мен сөз төркінінен сыр шертетін, халықтардың салт-сана, этнографиясы, географиялық, социологиялық жағдайын баяндайтын неше алуан қызығарлық фактілерден тұрады. Бұлардың бәрін автор негізгі тіл қағидаларымен шебер байланыстра білген. Бірде жаттығу, бірде тапсырма, бірде сұрау-жауап ретінде алма-кезек араласып отыратын бұл фактілерден тақырыптың автордың өзіне тән методикалық әдіс-тәсілдері де байқалып қалады. Мысалы, ұзын-сонар желісімен қабыстыра беруде оқулықтағы 9-жаттығуды алайық. Мұнда пролетариаттың ұлы көсемдері Маркстің, Энгельстің және Лениннің, көп тіл білгендігі туралы фактілер кетгірілген, Автор оқушыларына бұл жаттығуды «оқып шығып мазмұнын біліп алыңдар» деп кеңес береді. Өте орынды. Өйткені бұл материалдың тәрбиелік маңызын былай қойғанда, оны автор тілдің әлеуметтік, қоғамдық мәнін түсіндіру үшін де ретгі пайдаланып отыр.

Осы тәрізді материалды біз оқулықтың ұзына бойынан жиі кездестіреміз. Мысалы, «Қазақ тілі туралы мәлімет» деп аталатын параграфта ана тіліміздің құдіретті күші мен көркемділігі сөз болса, оны

автор Абай мен С. Мұқановтың тіл туралы айтқан тамаша өлеңдерімен тұжырымдайды. Ал енді осы параграфқа берілген 10-жаттығудан оқушылар С. Торайғыров пен қырғыз ақыны Б. Сарноғаеттың ана тілін сүйеге, жетік те жете білуге шақыратын жалынды сөздерін оқып ғибрат алады.

Оқулықты осылайша құру, біздің пайымдауымыз бойынша, оның құндылығын арттыра түсетін тәрізді.

Ә. Хасеновтің «Қазақ тілі» оқулығындағы сөз болатын әрі тың, әрі күрделі тараудың бірі – стилистика. Олай деуіміздің себебі: стилистиканың тексеретін объектісі жалпы әдеби тілдің көптеген мәселелерімен тығыз байланысты. Автор стилистиканы «тіл материалдарының мағынасына, әсеріне қарай пайдалана отырып, ойды дәл, анық және тартымды етіп жеткізе білу үшін қолданылатын құралдар туралы ілім» (38-бет) деп анықтай отырып, оның практикалық маңызын баса көрсетуге тырысады.

Шынында да, VIII класс оқушыларына стилистика бойынша дәйекті де терең білім беру үшін автордың жалаң ережелерден көрі нақтылы мысалдар мен жаттығуларды көбірек келтіріп, дағдыландыруын құптамауға болмайды. Өйткені тіл ұстарту өнері – өте қиын әрі қызықты өнер. Бұл өнерге жас ұрпақты үйрету, оның сырларын ашып, шешендікке баулу, шебер сөйлеуге үйрету, көп машықтануды талап ететін өте жауапты іс.

Екіншіден, стилистика бұрын-соңды өз алдына жеке пән ретінде мектепте оқытылған емес. Мектептерді былай қойғанда, ол жоғары оқу орындарының өзінде де тек кейінгі 3-4 жылдар ішінде ғана оқытыла бастады. Сондықтан болуы керек, бұл пән күні бүгінге дейін теориялық жағынан терең зерттеліп, әлі белгілі бір жүйеге түсе қойған жоқ². Бұл жағдай, әлбетте, мектеп оқулығын жасауда да көп қиыншылықтар туғызып отыр. Өйткенмен, оқулық авторы өз оқырмандарына стилистиканың көп мәселелерінің ішінен қажетті дегендерін ғана таңдап алып, тұжырымды ережелер арқылы дұрыс бере білген. Соның өзінде де 15 параграфтан тұратын. «Стилистика» тарауында стилистиканың көптеген мәселелері қамтылатындығы байқалады. Мұнда автор стиль және стилистика деген ұғымның не екенін, стилистика пәнінің қандай салалары бар екенін әдеби тіл мен тіл мәдениетінің өзара байланысын, стильдің түрлерін, тілдік құралдар және олардың стильге қатынасын тағы басқа мәселелерді сөз етеді. Сөз еткенде де, бұл ұғымдарды жас балалардың көңіліне қонарлықтай етіп, жеңіл тілмен, қызықты етіп баяндайды.

2 М. Балақаев, Е. Жанпейсов, М. Томанов, Б. Манасбаев. Қазақ тілінің стилистикасы, Алматы, 1966.

Орынды да шебер қолданылған мысалдар мен жаттығу текстері автордың теңеу, эпитет, метафора, метонимия, синекдоха сияқты көркем тіл тәсілдерінің мән-жайын терең түсінуге, оларды тәжірибе жүзінде, сөз саптау өнерінде толық меңгеріп, кәдесіне жаратуға үйрететіні сөзсіз. Сонымен бірге оқушылардың осылайша стилистика жүйесін үйренуі олардың әдебиет сабағынан алған білімін баянды етуге де, эстетикалық талғамының арта түсуіне де көмегін тигізетіні талассыз. Өйткені олар стилистика бойынша алып отырған теориялық тұжырымдарды, тіл шеберлігінің үлгісін өздеріне көптен таныс ақын-жазушылардың қаламынан туған ғажайып сөз кестелерінен тауып, үйреніп отыр. Айта кету керек, осыған орай тіл мен әдебиет пәндерін салыстыра, байланыстыра оқытса, тым тәуір болар еді. Өйткені шығарманың көркемдік ерекшелігі, жазушының тіл шеберлігі деген мәселелер көпшілік жағдайда сөз болып отырған стиль, стилистика мәселелерімен тонның ішкі буындай бір-біріне жақын, жалғас және тығыз байланысты дүниелер ғой. Онсыз шығарма жазуда әдебиет пен тілдің бірлігі сақталмақ емес. Осының салдарынан мектеп бітіріп келіп, жоғары оқу орындарына түсетін оқушылар өздерінің ойын әдеби шығарма негізінде бір сыдырғы дұрыс жеткізгенімен, көпшілік жағдайда тіл шеберлігі, сөз саптауы жетпей жатады. Бұл кемшіліктің арғы төркіні, сайып келгенде, осы күнге дейін оқушылардың стилистика, стиль өнерінен құралақан болып кетуінде жатыр, тіл мен әдебиеттің толысып, тоғысатын жерін дөп басып, соны үйретпей келуіміздің салдары.

Міне, осы тұрғыдан алып қарағанда, Ә.Хасеновтің «Қазақ тілі» оқулығындағы «Стилистика» бөлімі тіл мәдениетіне байланысты өте зәру мәселелерді программа талабына сай дұрыс сөз етеді.

Сонымен қатар бұл бөлімнің кейбір кемшіліктері де жоқ емес. Біріншіден, оқулықта тек лексикалық стилистика ғана сөз болған да, грамматикалық стилистика назардан тыс қалған. Автор тілдің морфологиялық және де синтаксистік құралдары «әдеби тілде дұрыс сөйлеп, дұрыс жаза білудің басты шарты» (89-бет), деп ескертсе де, бұл туралы арнайы талдау жасап, толық түсінік бермейді. Екіншіден, троптар мен фигуралардың «поэтикалық» және «тілдік» деп аталатын түрлерінің ара-жігі ажыратылмаған. Айталық, *қиындықтың тауы* поэтикалық метафора болса, *тауы шағылу* – тілдік метафора. Сондай-ақ, *тіршіліктің қазаны қайнау* – поэтикалық та, ал *қазаны қайнау* – тілдік. *Ақ бұлт* пен *ақ көңіл*, *қара ой* мен *қара ниет* те сондай. Міне, осылардың айырым белгілерін айтып, бір-біріне ауысу заңдылықтарын сөз ету керек еді. Бұл жөнінде автор оқулықтың келесі басылуында ойланар деп сенеміз.

Оқулықтың үшінші бөлімінде қазақ орфографиясы мен орфоэпиясының мәселелері әңгіме болады. Рас, орфография ережелері 5-7 класс оқулықтарында бұрын да зат есімнің емлесі, сын есімнің емлесі, біріккен сөздердің емлесі, қос сөздердің емлесі болып, әрбір грамматикалық категорияның тұтасында беріліп келді. Ал Хасеновтің оқулығында орфография ережелері дәстүрге айналған ереже бойынша емес, тұтас бір жерде, белгілі бір жүйе тәртібімен беріліп отыр. Автор қолданып отырған бұл әдіс, біздіңше, өзін толық ақтайтын сияқты. Себебі, бұл тәсіл оқушыларға орфография туралы және оның өз алдына тіл білімінің жеке саласы екенін мықтап түсіндірсе, екіншіден, материалдың бұлайша жүйелі түрде түгел қайталануы оқушылардың төменгі кластарда алған білімдерін әлі де пысықтай түсуге, олардың жазу тіліндегі маңызын толық түсінуге, жете меңгеруге мүмкіндік тудырып отыр.

Автордың орфография ережелерін белгілі принциптер бойынша (дәстүрлі принцип, морфологиялық принцип, фонетикалық принцип) топтап беруінің тағы бір тиімді жағы бар. Мәселен, бұрынғы орфография ережелері бойынша «сөз былай жазылады, сен де солай жазып машықтан, басқаша жазсаң, қате болады» деген түрде үйретіліп келген. Бұл әдіс өзін әр уақытта ақтай бермейді. Осыны байқаған автор ережелерді орфографиялық принциптерді қазық ете отыра үйрету тәсілін пайдаланады, яғни белгілі бір сөздің жазылу емлесі белгілі бір принципке байланысты екенін, ал ол принциптің белгілі бір заңдылыққа сүйенетінін тәптіштеп түсіндіреді және соған оқушылардың көзін толығымен жеткізеді. Бұл бөліммен танысқан оқушылар бүкіл қазақ жазуының үш қана принципке сүйенетінін жақсы біліп отыр. Ендігі жерде олар сол заңдылыққа сүйене отырып, өздері-ақ ережелерді пайдаға асыра алады.

Орфоэпия ережелері де мектеп оқулығында күн тәртібіне жүйелі түрде бірінші рет қойылып отыр. Оқулықтағы орфоэпия мәселелеріне арналған параграфты әңгіме етіліп отырған бөлімнің сүбелі мәселесі деп қарауға болады. Себебі дұрыс оқу мен дұрыс сөйлеудің қажетті екендігін автор нақтылы мысалдармен дәлелдеп берген.

«Қазақ орфографиясы мен орфоэпиясы» бөлімінде де жаттығулар өте көп. Жаттығулардың барлығының мақсаты бір болғанымен, оларды талдау әдістері әр түрлі. Бұл – оқулықтың жақсы жағы. Ал орфоэпия мәселелеріне арналған жаттығулар тым аз. Және ол жаттығулар бір ғана әдіспен берілген. Мәселен, кішігірім, бірнеше текст алып, оны транскрипциялап көрсетсе және ондай текстерді оқушылардың өздеріне транскрипциялатса, олардың беретін білімдік пайдасы аса түскен болар еді.

Ә. Хасеновтің оқулығындағы «Байланыстырып сөйлеуді дамыту деп аталатын бөлім де – тың бөлім. Бұл бөлім бүкіл оқулықтың қорытындысы іспеттес. Олай дейтініміз бұл бөлімде оқушылар өздерінің, тіл тарихынан, стилистикадан, орфография, орфоэпиядан, тыныс белгілерінен жыл бойы алған білімдерін өздігінен қолдануға мүмкіндік алып отыр. Бұл бөлімнің оқушылар үшін тиімділігі – ол оқушыларды әңгіме, шығарма, мақала, баяндама, рецензия, өмірбаян, хат, күнделік жазудың жөн-жобасымен таныстырады. Мұның өзі, сөз жоқ, оқушылардың ойлау қабілетінің дамуына әсер етіп, олардың өздері көріп-біліп жүрген нәрселерін дұрыс танып, олардан дұрыс қорытынды шығаруына көмектеседі, жазуға машықтандырып, сөз өнерінің алғашқы элементарлық әдістерін үйретеді. Дәл осы арада оқушыларға стилистикадан алған білімнің тым қажетті екендігі бір байқалады. Сөз мағыналарын дұрыс ажырату, керекті сөздерді дұрыс таңдап алу, ойды әсерлі, көркем етіп жеткізе білу сияқты стилистика қағидалары осы бөлімде оқушылар кәдесіне жарап отыр.

Біз оқулықтағы «Пунктуация» бөліміне арнайы тоқталмауды жөн көрдік. Себебі: бұл мәселе бұрынғы оқулықтарда да Ә. Хасенов тарапынан жазылып, біраз жылдардан бері мектептерде оқытылып, тиісті дұрыс бағасын алған болатын.

*«Қазақстан мектебі», № 3, 1971.
(Т. Қоңыровпен бірге)*

Проза тілі туралы зерттеу

«...Әдебиет шығармаларының тілін сөз ету ғылымдық дәрежеге жетпей келеді». Мақалада тілге тиек еткелі отырған еңбек – Е.Жанпейісовтың «Қазақ прозасының тілі» атты кітабы М.Әуезовтің осы сөзімен ашылған. Шынында да, әдеби шығарманың тілін ғылыми тұрғыдан талдау қазақ лингвистикасында соңғы аз ғана жылдар ішінде қолға алынып отыр. Бұл салада тәжірибесі мол – орыс лингвистикасы. Ал түркі тіл білімінде ол там-тұмдап, тиіп-қашты түрде әңгімеленгені болмаса, әлі де негізінен жүйелі түрде зерттелген емес. Е.Жанпейісовтың зерттеуі қазақ тіл біліміндегі осы бір олқылықты жетілдіруге үлкен себін тигізеді десек, артық болмас та еді.

Әриіе, тұтас бір жанр тілін алып зерттеу – жеке авторға тән шығарманың тіл ерекшелігін тексеруден әлдеқайда күрделі де қиын міндет. Филологияда кейінгі жылдары көркем әдебиет тілін зерттеу үстінде лингвистикалық стилистика мен әдеби стилистиканы тығыз байланыстыра отырып талдау керек дейтін пікір үстем. Жанпейісов

тұтас бір жанрды, Октябрь алдындағы және одан кейінгі, 1920-30 жылдардағы қара сөз үлгілерінің тілін осы қағидаға сүйене отырып талдайды. Басқаша айтсақ, біріншіден, «жалпы халық тілінің даму дәрежесін көрсететін материал ретінде, екіншіден шығарманың таза көркемдік ерекшелігін, образдылығын, суреткердің тіл шеберлігін, стилін айқындау тұрғысында» алып қарастырады. Сондықтан да болар, монографияның структурасын (құрылысын) жасауда автор, әдеттегі үйреншікті қалыпқа бой ұрмай, өзінше толғанып, тіпті жаңаша құрған.

Кітаптың алғашқы, кіріспе, бөлімінде автор бір топ мәселенің басын ашып алады. Мысалы, көркем әдебиет тілінің табиғатын, өзіндік сипатын айқындау үшін оны әдеби тілмен де, сөйлеу тілімен де, диалектизмдермен де жеке-жеке алып салыстырады. Сөйтіп, көркем әдебиет тілінің және әдеби тілдің әрқайсысының өзіне тән ерекшелігін, екеуінің өзара ортақ қасиетін, ұқсас жерін, сондай-ақ бір-бірінен айырылар тұсын жан-жақты талдап көрсетеді. Әдеби тіл мен көркем әдебиет тілі бізде дәл осындай бағытта, осындай аяда бұрын-соңды арнайы сөз болған емес. Бұл орайда әдеби тілдің, көркем әдебиет тілінің ауызекі сөйлеумен, жергілікті ерекшеліктермен ара қатысы жөніндегі талдаулары да көңіл аударады. Әдеби тіліміздің даму, үнемі толысып отыру, шыңдалу барысында көркем шығарма тілінің ролі мен әр алуан ғылым саласына, техника жаңалығына байланысты терминдердің үлесі бұрын қандай еді, енді қаншалықты дәрежеде деген бағытта да автор көп-көп нақтылы дәлелдер, салыстырма мәліметтер көтеріп, тың барлаулар жасайды.

Әдеби тіл тарихының әдетте әдебиет тарихымен байланысты құбылыс екені мәлім. Міне, осы себептен де автор әдеби тілді сөз ету тұсында әдебиет тарихын қай кезден бастау керектігі жөнінде кейінгі кезде айтылып жүрген үш түрлі көзқарасқа тоқтала келіп, «біздің байқауымызша, М.Мағауиннің пікірінде қисын көп» дейді, яғни жазба әдебиетіміздің тарихы XV ғасырдан басталады деген ойды орынды көреді. Бұған өз тарапынан бірнеше дәлел келтіреді. Онысы мамандарға ой саларлық та, құптарлық та сияқты.

Жанпейісов еңбектің осы кіріспе бөлімінде қазақтың алғашқы жазба түрдегі көркем проза тілі қандай негізде бой көрсетті, яғни проза алғаш көрінгенде әдебиет тілінің дәрежесі қандай еді деген мәселеге де айрықша көңіл аударады. Осының кепілі ретінде Бұқардан бергі ақындар шығармасын да әр түрлі тілдік құбылыстардың көркемдік құралы есебінде образ жасаудағы қызметінің қалай дамығандығына қысқаша

шолу жасайды. Зерттеушінің бұл тұстағы байымдаулары да ұтымды. Мысалы, проза алғаш бой көрсеткенге дейін көркем әдебиеттің өзінде-ақ кейбір грамматикалық тұлғалардың да ара-тұра белгілі бір стильдік қызмет атқарғандығын ашып көрсетеді. Мұндай грамматикалық тұлғалардың бірі – «мақ-мек» қосымшасы. Бұл туралы бұған дейін де әр кезде, әр түрлі еңбектерде айтылған болатын. А.К.Кононов оның екі түрлі (*ма-мен-қ*) аффикстің қосындысы екендігін ескерте келіп, бұған түрікпен тілінен ғана мысал келтіреді. Е.Жанпейісов қазақ тілінде де, татар тілінің диалектісінде де барын атап көрсетеді. Мысалы, «мақ-мек» тұлғасының «*ма-ме*» қалпында, яғни тұйық рай у формасының баламасы ретінде, фольклорда да *Жібек сынды жеңгеңді, Ап келмеге барамын; Сол болды себеп біздерге Байсын елінен шықпаға*). Алмаш жырларында да (*Шығып едік жерімнен Хан Жәңгірді көрмеге, Ішке толған мұңды зар Арызымды айтып бермеге*), Абайда да (*Азайып қуатым, Денем жүр көрмеге; Бір көрмеге тән-тәтті Қазаны мен албаны*) қолданылатындығына автор қазақ филологиясында бірінші көңіл аударады. Бір ғана осы «мақ-мек» тұлғасын қолданудағы стильдік ерекшелікті пайымдауда ғалымның қыруар әдебиеттерден қаншама мәлімет қарастырғанын, жан-жақты ізденгенін аңғару қиын емес. Еңбектегі әрбір тілдік құбылыстың сырына ол үнемі осылай ұқыпты тұрғыда, өте мол салыстырма деректер негізінде үңіледі.

Кітаптың келесі, екінші бөлімінде Жанпейісовтың өз алдына жеке сөз ететіні – Октябрь алдындағы проза тілі. Бұл дәуірде қазақ прозасы деп айтарлық қандай шығармалар бар еді, автор әуелі осыған жауап табады. Тіл мамандарының көпшілігіне әсіресе, жас зерттеушілерге есімі мәлім емес жеке авторларды, Октябрь алдында жазылған біраз прозалық нұсқаларды атап шығады. Бұл да еңбектің жаңалығы, құнды жағы.

Әрине, Октябрь алдындағы шығармалардың қай-қайсысы да М.О.Әуезов сөзімен айтсақ, фольклор пен жазба әдебиетінің жапсарында жазылды, сондықтан олар әрі ауызша, әрі жазба әдебиеттің күйін бірдей кешеді. Автор бұл кезеңдегі жазба түрдегі көркем қара сөз үлгілерінің тілін талдағанда, осы қағидадан шығады. Осыған орай әуелі проза тілінің алғаш Алтынсарин әңгімелерінде, Абай қара сөздерінде, «Капитан қызының» аудармасы мен «Көргенді бала, үлгілі ана», «Қыз көрелік» пен «Қалың мал», «Қамар сұлу» мен «Шұғаның белгісі» сияқты әр кезде пайда болған үлкенді-кішілі шығармаларда біртіндеп қалыптаса бастағандығын өте бай және алуан түрлі нақтылы деректер

негізінде тәптештей сөз етеді. Сонымен бірге ол осы кезеңдегі проза нұсқаларының тілінде кездесетін ауыз әдебиетінің элементтерін де саралап сарапқа салады.

«Октябрь алдындағы проза тілі» деген бөлімдегі тағы бір маңызды мәселе – кітаби тіл проблемасы. Лингвистикалық зерттеулерде бұл туралы пікірдің әр саққа саятындығы мәлім. Бұған автор, өкінішке орай, тым қысқа тоқталады. Бірақ, соның өзінде де кітаби тілдің түсінік-анықтамасы, оның табиғаты тіл ғалымдарының оған деген әр түрлі көзқарастары турасында түйіп-түйіп айтқан топшылаулары көңіл қоярлық.

Осы жерде мына бір мәселені ескере кеткен жөн. Мысалы, түркологияда кейінгі кезде шағатай әдеби тілінен басқа, өз алдына бөлек, Алтын орда әдеби тілі болды деген пікір бар. Әмір Наджиптің осы пікірін автор, Октябрь алдындағы проза нұсқаларының кейбір тілдік фактілері негізінде, өз тарапынан пысықтай түскен.

Еңбекте Октябрьге дейінгі прозалық шығармалардан әдеби тіл тарихына қатысты көптеген құнды материалдар келтіріледі. Және олар жалаң өздері ғана алынып талданбайды. Керісінше, автор осы аралықтағы «Адасқан өмір», «Топ жарған», «Бар оқиға» тәрізді поэзия үлгілерінің, «Малда болатын жұқпалы аурулар хақында», «Апат яки холера әңгімесі», «Ізгі Екатерина», «Айал жайында» әлпеттес көпшілік қолды аударма кітапшалардың, «Түркстан уалаятының газеті», «Дала уалаятының газеті», «Қазақстан», «Айқап» сияқты мерзімді баспасөздің тиісті материалдарымен ылғи салыстыра отырып талдайды. Мұндай саралауда мазмұнды пікір көп үңіле ізденуден туған монографияда ғана көрінетіні мәлім. Ал «Қазақ прозасының тілі» атты еңбектің барынша бағасын арттырып тұрған да, құнды ететін де – оның осы сияқты ерекшеліктері.

Кітаптың ғылыми талдауы жағынан да, материалының эртараптылығы және сонылығы жағынан да құндысы – соңғы бөлімі. Онда 1920-30 жылдардағы прозалық шығармалардың тілі қаралады. Прозалық шығармалар социалистік құрылыстың жедел дамуына байланысты өздерінің саны жағынан да, тақырып сипаты мен мазмұны бойынша да осы кезеңде қарыштап өсті. Демек, 20-30 жылдардағы ұлттық прозамыздың стилі, тілдік сапасы, көріктегіш-бейнелеу құралдары енді бұрынғы, совет өкіметі орнағанға дейінгі дәрежеде қалуы мүмкін емес еді. Бұл қазақтың проза тілінің қалыптасуын тездетті. Осы орайда автор проза тілінің қалыптасуын баяндайтын

көңіл толарлық бірнеше факторларды атайды. Олардың әрқайсысын жеке-жеке арнайы сөз етеді.

Осы тұста тілдік құбылыстардың әрқайсысының стильдік мүмкіндігі де, олардың өзара көркемдік байланысы да, авторлардың әр алуан суреттеулеріндегі үлкенді-кішілі көрініс немесе портрет жасау кезіндегі сөз қолданыс ерекшелігі де мұқият қарастырылған. Еңбекте, сондай-ақ, бұлардың қай-қайсысы да қазақтың көркем проза тілінің ең алғашқы даму барысын, біртіндеп қалыптаса бастау жағдайын көрсету ниетінде талданылады.

Кітапта проза тілінің қалыптасуын көрсету мақсатында келтірілетін дәлелдер бірсыпыра, әрі олар сан-қилы. Автор солардың бірі – 20-30 жылдардағы прозалық шығармалар тіліндегі сөз экспрессиясына, сөздің стильдік өңіне тоқталады. Ол экспрессиялық өңнің, экспрессиялық бояудың жеке сөздерге де, фразеологиялық орамдарға да, сөз тұлғаларына да, синтаксистік конструкцияларға да тән сипат екендігін еске ала отырып, осыларды жазушылардың өз шығармаларында қаншалықты орынды пайдалана алғандығын көптеген нақтылы дәлелдермен көрсетеді. Сондай-ақ жазушылардың тілінде сөзді стильдік өңіне қарай саралап қолдану принципі үнемі сақтала бермейтіндігі де айтылады. 20-30 жылдар әдеби тіліміздегі функционалдық стильдердің өз алдына толық даралана қоймай, бір-бірінен әлі де жігі ажырап болмаған кез еді. Сондықтан да автор бұл кезеңдегі прозалық шығармаларда әртүрлі стиль элементтерінің кейде аралас келіп отыруы осы жағдайға байланысты еді деп, дұрыс қорытынды жасайды.

1920-30 жылдар көлемінде романдар, повестер, әңгімелердегі ортақ төл сөз де, сюжеттің кейде кейіпкерлер арасындағы әңгіме арқылы дамытылуы да, диалог та, орыс тілінің ізі де, әр жазушының енді-енді көріне бастаған өзіндік стиль даралығы да, субъективтік сарын да, өлендік дәстүр де, ауыз әдебиетінің элементі де, тақырыптың әр тараптылығы да – бәрі проза тілінің тұтас бір жанрға тән сөз қолданыстың қалыптасуын, саралануын көрсететін факторлар тұрғысында талданады. Автор осылардың қай қайсысы жөнінде де тың пікір айтады. Осылардың әрқайсысына байланысты кітапта жеке-жеке қарастырылған тіл фактілері бұған дейін дәл осындай жүйеленіп, ойға түйген мақсатқа сай жинақталған емес. Бұл да Жанпейісов зерттеуінің артықша сапасы демекпіз.

Кітаптағы ең соңғы, көлемді тақырып «1920-30 жылдардағы проза тілі – әдеби тілдің даму көрінісі» деп аталады. Мұнда автор әдеби тіліміздің осы дәуірдегі қалыптасу тұрғысын проза тілінің материалы негізінде тәптіштей түседі. Осы ретте бірсыпыра грамматикалық тұлғаларды, толып жатқан жеке сөздерді, сөз орамдарының қолданылуындағы өзгешеліктерді бас-басына атап көрсетеді.

Бірінші сөз монографияның тілі турасында. Жазушы шығармасының тілі жайлы жазылған кейбір еңбектерде сұйық сөзуарлық, қисынсыз құрылған жел сөзге жиі жүздесетінбіз. Ал Жанпейісов кітабының тілін осы салада ізденіп, еңбектеніп жүргендердің біразы үшін үлгі боларлықтай десек, асыра сілтегендігіміз болмас. Автордың айтайын деген ойы айқын, ғылыми дәлелдері шебер жымдасып тұрады. Сондықтан да жеңіл оқылады, жетектеп отырады.

Еңбек мінсіз де емес. Біріншіден, кітаптағы екі үлкен (октябрь алдындағы проза тілі және 1920-30 жылдардағы проза тілі) – тарауға кіріспес бұрын олардың әрқайсысының алдында Қазақстандағы осы кезгі саяси-әлеуметтік жағдай, экономикалық және мәдени өсу жолдарына қысқаша шолу жасап алу керек еді. Екіншіден, есім көрсеткішін місе тұтқандықтан ба екен, еңбекте библиография жоқ.

Қорыта келгенде айтарымыз: бұл кітап – бір ғасырға жуық аралықтағы сан жағынан қыруар, сапа жөнінен әр салалы көркем проза нұсқаларының тілі туралы жазылған байсалды зерттеу. Мұны қазақ тіл білімінің соңғы жылдар ішіндегі елеулі табыстарының бірі деп батыл айтуға болады.

«Жұлдыз», №8. 1969.

Әскери атау сөздер әлемі

«Қазақ тілінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігі. Әскери іс»

Ана тілімізді іс жүзінде мемлекеттік тіл дәрежесіне көтеру жолында атқарылатын жұмыстардың ең маңыздысы терминология саласын жетілдіру екендігі баршамызға аян. Әсіресе, әскери ғылым саласы, әскердің күнделікті оқу жаттығуында көп қолданылатын атау сөздер еркін ене алмай келеді.

Жақында «Мектеп» баспасынан «Қазақ тілі терминдерінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігі, әскери іс» деген атпен шыққан кітап осы қажеттілікті өтеуге арналған құнды еңбектердің бірі. Қазіргі уақытта еліміздің қорғаныс саласындағы қатардағы сарбаздардан бастап, жоғарғы шенді командирлерге дейінгі, әскери оқу орындарының

курсанттың-тыңдаушыларынан бастап, бұл саланы оқытатын білікті ғалымдар мен мамандарға дейінгі қалың көпшіліктің сұранысына жауап бере алатын аталмыш сөздікке үңілер болсақ, авторлар ұжымының қаншалықты ыждахатылықпен, ұқыптылықпен қараған ізденісінің табы айқын сезіледі. Айталық қазақша басылымдарда *род войск, род авиации* деген тіркестер *әскер тектері, авиация тетіктері* түрінде беріліп жүр. Қазақ тілінің тілдік табиғатына жат мұндай тіркестер сөздікте *әскер (авиация) салалары* деген орынды баламасын тапқан. Кейбір сөздердің баламасы сараланып берілген. Пистолет, револьвер атауы сол күйінде қалдырылып, уккрытие сөздері оқпана деп аударылып жүрсе, сөздікте пистолет сөзіне тапанша деген балама беріледі де, револьвер атауы сол күйінде қалдырылып, уккрытие сөзіне таса деген балама алынған. Шындығында, бұл үшеуі де қызметі жағынан болғанымен, әрқайсысының өзіндік ерекшеліктері бар. Сөздерге берілген түсіндірме анықтама бұл ерекшеліктерді айқын көрсете алады. Бұрын бізде әдемі баламасы нақты табылмай, қиындық тудырып жүрген көптеген сөздер орайлы баламасын тапқан. Мысалы, *магазин – оқжатар, гильза – оқсауыт, маскировка – бүркеніш, дефиле – тар өтпе, боеголовка – оқтұмсық, фланг – қаптал, рукопашный бой – қоян қолтық ұрыс, развертывание – қанат жаю* т.б.

Тұңғыш шығарылып отырған аталмыш түсіндірме сөздікте тек қазіргі кезде әскер ісінде қолданылатын сөздерге ғана емес, қазақ халқы бұрын қолданған әскер, соғыс ісіне қатысты сөздерге де түсініктеме берілуі – құптарлық жайт. Мысалы, *ақберен, айбалта, аша, шоқпар, сүңгі, садақ, қалқан, қанжар, найза, наркескен* т.б. халқымыздың өткен тарихында қолданылған, қару-жарақ атауларының сөздікті құрастырушылар назарынан тыс қалмауы, бір жағынан еліміздің аталған саладан жинақтаған өзіндік тәжірибесі мен машығының бар екенін көрсете, екінші жағынан, оқырманның таным-түсінігін кеңейтіп, отансүйгіштік рухын қалыптастыруға тигізер ықпалы сөзсіз.

Осы орайда бұл іске Қазақстан Республикасы Әскери академиясы мен Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрлігінің Әскери-ғылыми орталығы, ҚР Ұлттық Қауіпсіздік комитеті мен Қазақтың мемлекеттік қыздар педагогика институтының мамандары мен ғалымдары сәтті тартылған екен.

Ал сөздікке енген 4000-нан астам термин мен анықтаманы түзеуге белсене атсалысқан полковник, техника ғылымының кандидаты Б.Қ. Байкеновтің, подполковник Д.Майхиевтің, ф.ғ.к Т.Ермекова мен Ж.Отарбекованың, педагогика ғылымының кандидаттары С.Дүйсенова мен Ж.Сүлейменованың сондай-ақ Ә.Ералиева мен Ә.Мұратовтың, М.Оспанованың есімдерін айту ләзім.

«Егемен Қазақстан». 25 қаңтар 2002.

Ауылшаруашылық терминдерінің сөздігі жөнінде

Ауыл шаруашылығының күшті қарқынмен дамуы тіліміздің сөздік құрамын байытпай тұра алмайды, себебі тіл өндіріспен тікелей байланысты.

С.Арзымбетов жолдастың 1952 жылы жарыққа шыққан орысша-қазақша ауылшаруашылық сөздігін осындай игілікті істің қатарында деуге болады. Әрине, бұл сөздік қазіргі қазақ әдеби тіліндегі ауылшаруашылық терминдерінің барлығын түгел қамти алған жоқ. Әйткенмен, күнделікті өмірімізде жиі кездесетін негізгі ауылшаруашылық атауларын сөздіктен табуға болады. Осының өзі де автордың көп жылдар бойы терминдерді ұқыптылықпен жинап, оларды белгілі бір жүйеге келтіріп сұрыптап, ерінбей еңбек етуінің айғағы сияқты.

Бұл сөздіктің Қазақстан жұртшылығы үшін, әсіресе баспасөз қызметкерлері мен аудармашылар үшін маңызының зор екені белгілі. Дегенмен, сөздіктің елеулі кемшіліктері де бар екенін айту керек.

Қазақ халқы ежелден-ақ мал шаруашылығымен шұғылдануда. Сондықтан да тіліміз мал шаруашылығына байланысты атауларға өте бай. Бірақ осындай тіл байлығын автор сарқа пайдаланбапты. Сөздік орыс тіліндегі терминдердің негізінде құрылғандықтан автор оларға қазақ тілінен дәл балама табуға көбірек көңіл бөледі де, әбден сіңісіп, қалыптасқан бірсыпыра атаулардың өнін айналдырады. Осының салдарынан көңілге қонымсыз, әдеби тілге қалыптаспаған және қалыптаса алмайтын жасанды «жаңа» атаулар келіп шыққан. Мысалы, сөздікте: «одногорбый верблюд – аруана; двугорбый верблюд – айыр түйе деп берілген. «Одногорбый верблюдтың» бірден-бір дұрыс баламасы «нар» тұрғанда «аруана» деп алудың керегі жоқ еді. Ал «двугорбый верблюдті» қазақтар «қос өркешті түйе» дейді.

Сондай-ақ, сөздікте орыс тіліндегі атауға берілген баламалардың көпшілік жағдайда дәлсіздігі, жобамен алынғандығы кездеседі. Мысалы: наседка – құрық тауық емес, күрік тауық, бадья – қауға шелек емес, қауға, решето – елеуіш тор емес, қалбыр, ботворез – пәлекескіш емес, жапырақ кескіш болып аталуға тиіс. Біз «пәлек» деп қауын мен қарбыздың сабақтарын

атаймыз. «Ботворез» деген машина мал азығы үшін капуста, қызылша т.б. жапырақтарын турау үшін жасалған.

Орыс тіліндегі терминнің мағынасын әржақты беру мақсатымен автор жергілікті атау сөздерді кейде орынсыз көп алған. Мысалы, орыс тіліндегі «загон» сөздікте: каша, әуле, қора, азбар, өріс, бір айналым жер, бір айдам жер деп жеті түрлі атаумен берілсе, оны азсынғандай, автор «загонка» ны – загонка, орам жер деп, неше саққа жүгіртіп, түрлендіре түседі. Мұндай фактілер көп-ақ. Сөздікте: пастух – бақташы, сиыршы, падашы; кенгуру – кенгуру, күңгір, кеңгура; избытие – молшылық, береке, абагшылық; прицеп – тіркеу, тіркелген, тіркеме; плуг – плуг, темір соқа, темір сабан; канал – канал, жарма, арна; улучшенный – жақсартылған, тумыш, туысат т.б.

Орыс тілінде «загоннын» екі мағынасы бар: бірінші, мал жайылатын жер – өріс; екінші, трактормен жырғатын бір айдам жер. «Прицеп» тіркеу әбзелінің аты, сондықтан оны «тіркеуіш» десе де болар еді. «Кенгуру» деген сүт қоректілер тобына жататын жабайы аңның аты. «Кенгуруді» аудармай-ақ сол қалпында алған дұрыс. «Пастухты – бақташы» деу жөн. Себебі «бақташы» деген ұғымға «сиыршы, қойшы, қозышы, бұзаушы» деген ұғымдардың барлығы кіреді. Изобилие – молшылық; плугты – плуг; каналды – канал; улучшенныйды – жақсартылған деп аударып, кейбір баламалыққа шек қойсақ дұрыс болар еді. Өйткені өмір практикасында осындай көп баламалықтың кейде пайдасынан да зияны басымырақ. Мысалы, «автопилка» сөздікте «автосуарғыш» (автомат суарғыш) деп берілсе, газеттерде «автосуат», «мал суаратын автомат», деп бір терминге төрт түрлі балама қолданылып жүр. Сол сияқты «подсолнечник» сөздіктегісіндей газеттерде де: «күнбағыс», «күнбағар», «айқабақ», немесе, «гусеничный трактор» – шынжырлы, жыланбауыр, қазтабан трактор болып түрліше алынып жүр. Біздіңше, «подсолнечник» – күнбағар; «гусеничный трактор» – шынжыр табан трактор; «автопилка» – автосуарғыш деп бір-ақ баламамен берілген жөн.

Терминдік сөзге мұндай көп балама беріп, қолдану терминдердің қалыптасуына жол бермейтін, әрі баспасөз қызметкерлері мен аудармашылардың, тіл мұғалімдерінің ісіне бөгет жасайтын нәрсе.

Екі я үш, не одан көп сөздерді біріктіріп біртұтас ұғымға ие болатын терминдер жасауда әр тіл өзінің грамматикалық құрылысына сай сөз жасаудың жүйелі тәсілдеріне сүйенеді. Ал орыс тіліндегі біріккен не күрделі терминдерді жасаудағы тәсілдерді қалай болса солай, қазақ тіліне қолдана беруге болмайды. Бірақ сөздіктегі көптеген атаулар дәл осылай болғандықтан құлаққа жағымсыз, көңілге қонымсыз болып шыққан.

Мысалы, «двустрочный сев» сөздікте: «қосқатаршалап себу», «қосқабаттап себу», «противоядие» – «антизэр» деп берілген. Бұл дұрыс емес. Өйткені «қосқатаршалап», «антизэр» деген обороттар қазақ тіліне тән емес. Біріншіде, «ша» жұрнағын орынсыз қолданса (шамасы бұл «қос қатарлап» болу керек), екіншіде, «анти» префиксі қазақ тілінде жаңа сөз жасау элементі болып саналмайды. Ол тек «антифашист» т.б. атаулармен біртұтас сөз ретінде ғана қазақ тіліне еніп отыр.

«Регулятор», «канал», «винт», «вевляка», «сеялка» т.с. ауылшаруашылық жұмыс саласында жиі қолданылатын, тілімізге сіңісіп кеткен терминдер. Оларға берілген баламалар бұлардың мағынасын толық бере алмайды.

Жаңа терминдер көпшілік жағдайда тілімізге газет, журналдар арқылы еніп, жұртшылық талқысына түсіп отырады. Олар көңілге қонымды, тілге жатық болып келсе, термин ретінде тез қалыптасады. Сондықтан терминологиялық сөздіктер жасағанда баспасөз бетіндегі халық талқысынан өткен, өмір практикасында өзін ақтай алған терминдік материалдарды негіз етіп алу керек. Олай болмаған жағдайда, сөздік өзінің алдына қойған мақсатын орындай алмайды. Мысалы, сөздікте: широкозахватный комбайн – кең алқымды комбайн; табаководство – темекшілік т.б. деп алынса, көптеген газеттерде: широкозахватный комбайн – кеңалымды комбайн; табаководство – темекі шаруашылығы деп орынды қолданылып жүр.

Қорыта келгенде, орысша-қазақша ауылшаруашылық терминдерінің сөздігі әлі де жақсарта түсуді, толықтыруды керек етеді. Өйткені, халқымыздың бүгінгі өскелең мәдениетінің ұлттық формасы – қазақ әдебиет тілінің байып, толығының келелі жолының бірі осы термин жасау болып табылады.

Қазақ терминологиясын тіл білімінің тұрғысынан жан-жақты зерттеп, ғылыми жүйеге салу, сөздіктер жасау – бүгінгі таңда өте маңызды мәселе.

*«Социалистік Қазақстан», 7 қаңтар 1954.
(М.Жақыпбековпен бірге)*

Энциклопедия шығару — өркениетті қадам

– Қай-қай елдің, мемлекеттің болсын өз даму деңгейі болады. Бұл сол елдің әдеби, мәдени, тарихи жетістіктерінен көрініс табады. Ал, энциклопедия шығару өркениетке қол созған мемлекеттің белгісі, алғашқы қадамы. Бұл орайда Қазақстанның осы саладағы қадамы он екі томдық Қазақ Совет энциклопедиясы арқылы жасалған болатын. Өз тәуелсіздігімізді алғалы бері тарихтағы ақтандақтар орнын ақиқат басып, аталмыш энциклопедия толықтырылып, жаңа заманның тиісті дәйектері қосылып шығарылуда. Бүгінде жаңа тарихымыздың барлық тұсы

қамтылған бұл жинақтың бесінші томы оқырман қолына тигені белгілі.

Қазір БАҚ туралы заңға сәйкес цензура алынып тасталып, баспагерлерге еркіндік берілді. Соның арқасында елімізде Атырау, Ақтөбе, Қызылорда, Маңғыстау, т.б. облыстардың энциклопедиялары қазақша, орысша да жарық көрді. Кейбір өңірлерде, тіпті ауданның энциклопедиялары да шыққанын көріп отырмыз. Міне, алдымызда лайықты үлгі бар кезде Алматы облысының арғы-бергісін қамтыған толайым энциклопедияның дүниеге келуі сарыға күткен жаңалық хәм қуанышты іс болды. Сөз реті келгенде барша жетісулықтарды руханияттағы осынау жаңа жетістіктерімен құттықтап қойғым келеді.

–Әбеке, тіліміздің ту ұстары ретінде айтыңызшы, “Жетісу” сөзінің қандай тарихи-этимологиялық мәні бар?

– Сөз қадірін білетін халқымыз ежелден біз туған өлкені “Жер жаннаты – Жетісу” деп атайды. Бұл – талассыз шындық. Расында да, осы атаудың өзенге немесе суға қатысты айтылуы қалай? Бұл мәселе әлі күнге дейін талас тудырып келеді. Бірқатары Балқаш көліне келіп құятын жеті өзеннің санынан шыққан десе, құятын сол жеті өзеннің өзін әрқилы айтады. Енді біреулер Балқаштан бастап Алакөлге дейін созылып жатқан жеті көлді де осы атауға жатқызады. Бір нәрсе анық. Ол – кезінде осы Жетісу ойпаты біртұтас теңіз суының орны болғаны. Мен бірде жолым түсіп, Маңғыстау өлкесіндегі әулие Бекет-атаға тәу етіп қайтқан болатынмын. Үлкен сай табанына бір шақырымдай төмен түсіп барады екен. Жүрегі, көңілі таза адамдар шаршамай түсіп-шығады. Сонда көрдім, қыр жиегіндегі ұлутас қабат-қабатымен жатыр... Соның бәрі мұның бір кезде теңіз табаны болғандығын білдіреді. Жетісудың да жері ойпаң, шөбі шүйгін, тау етегі болып келеді ғой. Яғни, тұтас алапты жауып жатқан ұлы теңіз тартылғанда су бассейндері бөлініп-бөлініп қалған болар. Әйтпесе, бұл өлкеде жеті емес, жетпіс өзен, бәлкім жеті мың бұлақ бар шығар. Сондықтан ірі көлемдегі жеті судың жиылып, бір арнаға қосылатын өлкесі екендігі анық. «Сулы ел – нулы ел», сондықтан да өлкеміз тауып айтылғандай нағыз жерұйық емес пе?!

Осынау Жетісу өлкесі жерімен ғана емес, елімен, тарихымен, қайталанбас өзіндік мәдениетімен де ерекше. Бұл өңір ежелден-ақ адамзат баласының өмір сүріп, қалыптасуына қолайлы, оңтайлы болған. Мұны ғалымдардың кейінгі зерттеулері де дәлелдейді. Көне дәуір мекенінде біздің заманымызға дейінгі II-III ғасырларда Қаңлы, Үйсін мемлекеттері ту тіккен. Ол ғана емес, сақ, ғұн, соғдылар деп аталған он бір мемлекеттің осы өлкеде қоныстанғаны анықталып отыр. Алатау

алқабындағы Жетісу жерінде Есік (Ысық) сақ қорғандарының тарихы Алтын адамы арқылы күллі әлемге әйгілі. Бүгінгі күнге дейін нешеме рет суыққолдылардың тонауына ұшыраса да бізге жеткен жәдігерлер бүгінде еліміздің мемлекеттік рәмізіне бекерге алынып отырған жоқ.

Өзім қазіргі Еңбекшіқазақ ауданында, яғни сол Есік қорғандарының іргесінде туып-өскендіктен де мақтанышпен айтып өтсем, сақ бабаларымыз қонысқа бұл мекенді бостан-бос таңдамаған. Сенбесеңіз барып көріңіз, ауасы қандай саф, сулары қандай тұнық, табиғаты қандай таза десеңізші!.. Тегі курорт пен шипажайымыздың қажеті шамалы. Қыстың күні де, жаздың күні де жанға жайлы, малға өріс өлке. Жалпы, бұрынғы көшпенді һәм жартылай отырықшы ата-бабаларымыз қоныс мәселесіне айрықша мән берген. Мысалы, Қызылорда мен Оңтүстік Қазақстан облысының шекарасындағы Сауран қаласын алайық. Ми қайнатар 50 градус аптап ыстықта да бұл жерде қоңырсалқын болып тұрады. Айтпақшы, Ысық – көне түркіден қазіргі тілімізге аударсақ, қасиетті, киелі деген сөз. Саха халқында «Ысық» деген той, мереке бар. Біздің кіші жүзде «ысық» деген ру бар. Міне, сақ бабамыз Есік, яғни Ысық мекенді сондай киелілігін біліп таңдаған. Қырғыздағы Ыстық көл де – киелі көл. Бір кезде Есік көлімен жалғасып жатуы да кәдік. Бір ғалымдар сол екеуінің жерасты да байланысы бар деп жатады. Осындай қасиетті орындар Алматы облысының өңірінде көптеп кездеседі. Әрине, баға жеткісіз байтақ өлкені қорғап қалу да оңай болмаған. Сондықтан қаншама қақтығыстар, қантөгістер болғандығына сақ қорғандары куә.

–Аталмыш энциклопедияда Жетісудың тарихы қаншалықты қамтылды?

– Жалпы, редакция алқасына кірген жігіттердің ешқайсысы да бекер адамдар емес. Танымал тарихшы ғалым, академик, жерлесіміз Кеңес Нұрпейісов бастаған бір топ маман Жетісуға қатысы бар тарихи оқиғалардың барлық тізбесін жасап, солардың бұлдыр емес, нақтысын ғана екшеп кіргізді. Кешегі кеңестік кезеңде айтылмай келген тарихи оқиғалардың шама келгенше барлығы қамтылды. Тіпті, бұрындары белгілі себеппен аталмай келген батырларымыз бен билеріміз, әулиелеріміздің есімдері де түгелімен енді. Бір сөзбен айтқанда, энциклопедия – дүдәмал мәселеге, түйткілді сауалға толыққанды жауап қой. Сондықтан да кез келген оқырман белгілі бір мәселеге байланысты біреумен таласып, дауласып қалғанда осы энциклопедияға биге жүгінгендей жүгінетін болады. Бұл орайда бір ғана мысал келтірейін. Кейінгі кезде бір топ орыстілді қауым Алматы қаласының құрылғанына 150 жыл толды деп даурығысты. Бұл – қаланың орнығу емес,

отарлау тойы екендігіне аталмыш энциклопедиядағы ғылыми түсініктер нақты жауап болып табылады. Сондай-ақ, бұл кітапқа облыс өңіріндегі арғы-бергі зиялы қауым алғаш рет жинақталды. Жергілікті тұрғындар, аборигендер де толыққа жуық қамтылып, кіргізілді. Бұған Археология және этнография институтының мамандары тартылды.

– Энциклопедияға кіргізілген жер-су атаулары мен зиялы қауымға қандай критерий қолданылды?

– Біз қолда бар энциклопедияларды салыстыра келе, ақылдастар алқасымен кеңесіп барып, елге белгілі жер-суларды, сондай-ақ, ел-жұртқа еңбегі сіңген азаматтарды мынадай критериймен кіргізуге келістік. Ұлы Отан соғысы Батырлары мен Социалистік Еңбек Ерлері толық қамтылса, сондай-ақ, әуесқой ақын-жазушылар мен өнер адамдары, ғылым кандидаттары берілетін болса, онсыз да қалың кітап қампайып кетеді екен. Сондықтан тек жетісулық азаматтардың шені жағынан генералдарын, атақ-дәрежесі жағынан ғылым докторларын, өнер адамдарынан шығармашылық одақ мүшелерін ғана енгізуді жөн санадық.

КСРО Батырлары мен Социалистік Еңбек Ерлерінің тізімдерін жарияладық. Ал, кейбір ұмытылып қалған жерлер болса бұл энциклопедия алғашқы қадам, алдағы уақытта қайта басылғанда толықтырылар деген тоқтамға келдік.

– “Жетісу» энциклопедиясының қолға алынуы қалай болды және шығарысқан зиялылар жөнінде айтсаңыз...

– Жоғарыда айтылғандай, бұл өркениетті қадам облыс әкімі Шалбай Құлмаханұлының туған өлкеміздің арғы-бергі тарихына, мәдениетіне деген түсінікті көзқарасы арқасында жүзеге асты. Ең алғаш осы мәселемен кіргенімізде бетімізді қайтармай, бірден қолдау білдіргеніне, кейіннен өзі де белсене көмектескеніне шығарушылар алқасы атынан алдымен алғысымызды жеткіземіз. Облыс әкімі де, оның маңындағы азаматтардың да қолдауы бізге жігер беріп, осынау қиын істі екі жылға жетер-жетпес мерзімде аяқтауға қамшы болды.

Бүгінгі жариялылық, демократия араласқан нарық жағдайында кез келген ауқымды жұмыс тендер арқылы жүргізілетіні белгілі. Сол сияқты энциклопедия шығару барысында да арнайы тендер жарияланып, оған белгілі бес-алты баспа қатысты. Олардың арасында да осы өлкенің белді де білікті азаматтары болды. Дегенмен, біздің топ бәйгені жеңіп алды. Сөйтіп, «бітер істің басына, жақсы келер қасына» дегендей, Ғарифолла Әнес деген танымал ғалым, баспагер азаматтың бастаған ісі баянды

болды. Тендерді жеңіп алуда оның бұрынғы Талдықорған облысының энциклопедиясын шығаруға кірісіп кеткендігі де себепші болды. Десек те, қайталап айтайын, облыс әкімі Ш.Құлмаханұлының түсінікті көзқарасы бізге айрықша міндет жүктегені белгілі. Сөйтіп, құрамында Ғ.Әнес, Е.Далбағаев, Е.Ерғожин, Ш.Құлмаханов, Т.Молдағалиев, К.Нұрпейісов, Н.Оразалин, Е.Рахмадиев, Қ.Сұлтанов тәрізді танымал азаматтар бастаған ақылдастар алқасы бар, 8 адамнан тұратын шығарушылар тобы білек сыбанып іске жарау торыдай топтанып кірісіп кетті. Бұл арада энциклопедияның өзіндік қиындық ерекшеліктерін айта кеткен жөн. Кез келген нәрсе туралы алақандай мәлімет болғанымен, оның әрбір сөзі мен цифры салыстырылып, тарихи дәлдікке негізделіп, әбден сүзгіден өтіп барып беріледі. Анықтаудың өзі оңай емес. Бір жыл немесе ай, күннің өзі үшін телефон шалып, тіпті сол жерге барып қайту керек. Өз көзінді жеткізбей тағы болмайды. Сондықтан архив ақтарасың. Бар мәліметтің өзін түпнұсқамен салыстырасың. Жоғарыдағы ақылдастар алқасымен бірнеше мәрте басқосу өткізілді. Міне, шағын нәрсе үшін соншама шұқшиятын жұмыстың осы ауыр да абыройлы түрін шығарушылар тобы екі жылға жуық мерзімде күндіз-түні қадалып отырып, ойдағыдай атқарып шықты деп ойлаймын. Сондықтан мені ақсақал деп алға салып, ауыр жүкті бірге арқаласқан әріптестерімнің барлығына бірдей батамды беремін. «Сіз тұрыпсыз тікейіп, біз тұрыппыз тікейіп, Жерге түскен қамшыны кім алады еңкейіп» дегендей, осы азаматтар бел шешіп кіріспесе кім кірісетін еді? Енді, міне ауқымды облыс көлеміндегі энциклопедия жарық көріп, «адасқанда – жұлдыз айдай, қарын ашқанда – көже майдай» дегендей, толымды да толайым кітап болып көпшілік талқысына ұсынылып отыр. Ең бастысы – жұртшылық туған өлкеміздің арғы-бергі тарихы менен кешегі кезеңін көріп, бүгінгісін біліп, болашағына болжау жасайтын болды. Әлде бір мәселеде дау туа қалса, «Жетісу» энциклопедиясын ашып ақтарып жіберіп, толыққанды жауап табатын болады. Сөйтіп «өтірік айтып пайда тапсаң, ақырында залал табарсың, рас айтып залал тапсаң, ақырында пайда табарсың» дегендей, дәлелді жауаппен өз ақиқатын қорғап алады.

Тағы бір айта кетер мәселе, облысымыз бен республикамыздағы, қала берді шетелдердегі өзге оқырмандар үшін осы энциклопедияны орысша, ағылшынша шығару – заман талабы. Мұны да ойластыру – алғы күннің еншісінде. Сондай-ақ, «Көп қараса, жоқ табылар» дегендей, кейбір қамтылмай қалған тұстар, «әттеген-ай» мәселелер, ұмыт қалған тұлғалар болса, кейінгі энциклопедияларда ескеріліп толықтырылады.

«Біткен іске сыншы көп» десек те, ең бастысы – бұл бағыттағы тың жол ашылып, сокпақ салынды. Соныға із түсті. Ендеше, руханият әлеміміздегі өркениет шамшырағындай жанып, келелі келешекке шақырған шежіре кітабымыз баршамызға құтты болғай!

*«Жетісу», 29 мамыр 2004.
(Сұхбаттасқан Қ. Әлімбек)*

Вклад в киргизское языкознание

Топонимика (шире ономонология) – одна из интереснейших областей лингвистической науки, имеющей исключительно важное научно-практическое и познавательное значение не только для самих носителей языка, интересующихся историей родного края, но и для всех, кто занимается проблемами топонимики народов и исторической лексикологии вообще.

Именно поэтому опубликованное монографическое исследование молодого киргизского ученого Кадырали Конкобаева, на мой взгляд, представляет собой весьма ценный научный труд в области ономонологии киргизского языкознания, выполненный им на высоком теоретическом уровне и на основе богатейшего языкового материала по топонимике Южной Киргизии.

Значимость и актуальность этого труда определяется, пожалуй, не только малоизученностью этого региона республики, но и своеобразной постановкой вопроса и его оригинальным решением. Так, в этом исследовании, прежде всего бросается в глаза обилие привлеченного к анализу и описанию топонимического материала, который характеризуется своей добротностью и достоверностью. Заслуживает внимания проделанный автором скрупулезный лингвистический анализ состава и структуры топонимов изучаемого региона с различных точек зрения. Интересны исторические, этнографические и этимологические пояснения автора отдельных топонимических названий, что и повышает ценность исследования и делает его читательным и увлекательным.

Это, пожалуй, первая крупная работа молодого исследователя. Но несмотря на это, она производит исключительно хорошее впечатление своим содержанием, методикой исследования и полученными результатами. Читая работу, нетрудно убедиться, что ее автор прошел хорошую школу, осведомлен во всей существующей литературе по исследуемой теме и довольно смело выдвигает свои собственные

положения и доводы. Он не только учитывает все то, что было сделано до него его предшественниками, но и в известной степени развивает их отдельные положения, вводит в научный обиход свежие языковые факты, сопровождая их собственными лингвистическими интерпретациями.

Надо отметить, что попытка автора определить в топонимии Южной Киргизии множество лексических – иранских, тюркских, арабских, монгольских, русских, тунгусо-маньчжурских и других напластований является весьма смелой, и такая топонимическая стратиграфия по всем хронологическим срезам лексики в тюркской ономонологической литературе проводится, пожалуй, впервые, и не безуспешно. Во всяком случае материалы и исследования I раздела книги, посвященные этому вопросу, за некоторым лишь исключением, убеждают нас в том, что в топонимической структуре Южной Киргизии действительно присутствуют разноязычные элементы, относящиеся к разным этнолингвистическим источникам и историческим эпохам. Анализ и интерпретация этих элементов позволяют ученому выявить далекие связи этого региона с историей различных этнических групп, племен и народов, с которыми в той или иной форме контактировали киргизы. Так, в одном случае эти топонимические названия отражают в себе элементы языка местного населения, т. е. тюркоязычного аборигена, в другом – перенесенными извне в результате переселения, исторических контактов и т.д.

Несомненный интерес для лингвистов представляет II глава книги, посвященная лексико-семантическому анализу топонимов Южной Киргизии. Мы здесь имеем дело с традиционной формой семантической классификации топонимов. Однако содержание и принципы их дифференциации выгодно отличаются от аналогичных исследований: в рассмотренных автором двух группах топонимов географические объекты соответственно, отражает непосредственную и опосредственную связь с практической деятельностью человека, наполненную информативно-этнографическим содержанием о занятиях киргизов-скотоводов, об их кочевом образе жизни, хозяйстве, обычаях и быте.

Анализ и описание богатого фактического материала топонимов Киргизии в этом плане несомненно проливает свет на гражданскую и культурную историю киргизского народа. Это как бы является своеобразным прочтением далекой истории народа по данным географических названий родного края, сохраненных в народной памяти и бережно передающихся из поколения в поколение.

III глава книги, посвященная описанию структуры географических названий изучаемого региона, а также приложенные словари топонимов и географических терминов, библиография, – все это придает академический характер исследованию и повышает его научную культуру.

Конечно, работа К. Конкобаева не лишена и некоторых недочетов и неточностей. Так, на мой взгляд, не все топонимы, которые совпадают по форме и содержанию с элементами языков народов Сибири (алтайцев, тувинцев, хакассов и др.), являются привнесенными извне или перенесенными на эту почву из сибирского региона. Такие географические термины как *арал*, *адыр*, *айдын*, *балкаш* и другие могли бы быть объяснены на собственно киргизской языковой основе или на основе соседних среднеазиатских тюркских народов.

Однако эти мои замечания не носят принципиальный характер и тем более, не могут умалить значение и научную ценность монографического исследования в целом, представляющего собой значительный вклад в киргизское языкознание.

Выше сказанное дает мне право горячо поддержать выдвижение молодого, способного, мыслящего ученого К. Конкобаева, на соискание премии Ленинского комсомола Киргизии, присуждение которой послужит большим стимулом для его дальнейшего творческого роста и вдохновляющим примером для научной молодежи республики.

«Комсомолец Киргизии», 20 октябрь 1981.

Проблемы казахской региональной лексикографии

11 февраля 1974 г. на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим отделом диалектологии Института языкознания Академии наук Казахской ССР Сарыбаевым Шора Шамгалиевичем на тему «Проблемы казахской региональной лексикографии».

В диссертации, являющейся первым монографическим исследованием в области тюркской региональной лексикографии, нашел освещение целый ряд спорных вопросов диалектной лексикографии, теории и практики составления диалектологических словарей.

Диссертант исследует характер и типы лексических различий диалектных слов и их отношение к другим лексическим категориям, взаимосвязь литературной и региональной лексикографии. Подробно рассматриваются им различные виды диалектологических словарей,

предлагается новый тип – литературно-диалектный словарь, реестровая часть которого должна содержать литературные слова, а в словарной статье – приводиться все их диалектные фонетические и лексические варианты.

В диссертации формулируются принципы построения диалектологического словаря казахского языка. В этой связи решаются проблемы отбора и подачи диалектной лексики в словарях, выявляются основные типы диалектной полисемии, дается классификация диалектной омонимии, определяется характер омоантонимов, устанавливаются отношения профессиональной, книжной, окказиональной, просторечной лексики к диалектным явлениям. Диссертантом разработаны принципы лексикографического оформления диалектно-литературных вариантов, диалектных омонимов и омоантонимов, диалектно-профессиональной лексики, диалектной полисемии и т. д.

Диссертационная работа Ш. Ш. Сарыбаева получила высокую оценку официальных оппонентов – члена-корр. Академии наук Казахской ССР М. Б. Балакаева, д-ра филол. наук, проф. Д. Г. Тумашевой и д-ра филол. наук Б. Ч. Чарыярова, отметивших ее важное теоретическое и практическое значение.

Ученый совет единогласно вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ш. Ш. Сарыбаеву ученой степени доктора филологических наук.

*Советская тюркология.
№ 3 май-июнь. Баку 1974.*

Результат многолетнего исследования карачаево-балкарского языка

На заседании объединенного Ученого совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР, состоявшемся 31 марта с. г., была обсуждена докторская диссертация доцента Кабардино-Балкарского государственного университета Аппаева Аскера Макаровича на тему: «Карачаево-балкарский язык и его диалекты».

Совокупностью многочисленных работ, представленных в качестве докторской диссертации, А.М.Аппаев как бы подводит итог своей многолетней работе в области изучения диалектов и народных говоров на территории Балкарии и Карачая в их отношении к сложившемуся карачаево-балкарскому литературному языку.

Карачаево-балкарский язык, представляющий в своей исторической основе язык двух национальностей – карачаевцев и балкарцев, – входит в состав кыпчакско-половецкой подгруппы тюркских языков и по своим фонетико-морфологическим особенностям очень близок к казахскому, кумыкскому и ногайскому языкам. В нем относительно четко сохранились древние черты половецкого языка.

В представленной к защите диссертационной работе получили отражение такие важные научно-практические вопросы, как классификация и внутреннее членение диалектов, их фонетическая и лексико-грамматическая характеристика, определение основы литературного языка.

С точки зрения как карачаево-балкароведения, так и общей тюркологии определенный научный и практический интерес представляет систематическая характеристика черекского, хуламо-безенгйского, чегемского, баксанского диалектов общенародного языка балкар и карачаевцев. Дифференциальными признаками классификации, по мнению исследователя, выступают главным образом фонетические, лексические и, реже, грамматические особенности этих диалектных единиц.

Исследование диалектов родного языка не является для А. М. Аппаева самоцелью. На основании изучения диалектных явлений на разных уровнях он пытается определить закономерности и процессы становления единого карачаево-балкарского литературного языка и дать оценку роли внешнесоциальных факторов в этом процессе. Не ограничиваясь рассмотрением всевозможных диалектных явлений с точки зрения норм литературного языка и сравнением конкретных расхождений и схождений между ними, он подвергает систематическому описанию фонетический и лексико-грамматический строй литературного языка, в котором все еще происходит процесс стабилизации и нормализации. Именно в этом живом процессе становления литературного языка автор усматривает его неразрывную связь с общенародной основой живого языка.

Среди трудов А. М. Аппаева по карачаево-балкарской филологии существенное место занимают также записи и публикации по устному народному творчеству балкар и карачаевцев.

Диссертационная работа А.М.Аппаева получила высокую оценку официальных оппонентов – чл.-корр. АН КазССР Г. Г. Мусабаева, д-ра филол. наук, проф.В. А. Исенгалиевой и акад. АН КазССР С. К. Кенесбаева.

Объединенный Ученый совет единодушно решил ходатайствовать перед ВАК о присвоении диссертанту ученой степени доктора филологических наук.

*Академия Наук Азербайджанской ССР.
Советская тюркология. Баку, №3. 1970.*

Қазақ әдеби тілі тарихының зерттелу жайы мен міндеттері

Ұлы Октябрь Социалистік революциясының жеңісі арқасында қазақ халқы ежелгі мұқтаждықтан, ұлттық езгіден, теңсіздіктен азат болып, орыс халқының және Советтер Одағындағы басқа да халықтардың көмегімен өзінің ұлттық мәдениетін, ұлттық әдеби тілін дамытуға мүмкіндік алды. Совет тұсындағы әдеби тіліміз бүгінде оқу, ғылым, мәдениет, баспасөз тіліне айналып отыр. Ол бұрын болып көрмеген қарқынмен дамып, кемелдене түсіп, өзінің шырқау биігіне жетті. Совет дәуірінде түрлі мәдени-ағарту, оқу орындарының ашылуы, халықты жаппай сауаттандыру бағытында жүргізілген игі жұмыстар, газет-журналдардың көптеп шығарылуы, аударма жұмысының дамуы, жер-жерде ұлттық мектептер мен театрлардың құрылуы, радио, телехабарлардың ана тілінде берілуі, ғылым салаларына байланысты оқулықтардың, көпшілікке арналған кітаптардың жарық көруі, іс қағаздарын жүргізу тәжірибеміздің өріс алуы, ғылым мен техниканың, мәдениетіміздің қарыштап дамуы – осылардың бәрі де қазақтың әдеби тілін жаңа сатыға көтеріп, оның қолданылу аясын мейлінше кеңейтті. Әдеби тіл барынша молықты, әртүрлі стильдік тәсілдер қалыптасып, жан-жақты дамыды.

Бірақ жазба әдеби тіл бүгінгі стиль жағынан қалыптасқан, грамматика, фонетика, лексика жағынан нормаланып, бір жүйеге түскен қалпына бірден жеткен жоқ. Ол ұзақ тарихи жолы, бел-белестері, өзіндік терең сыры бар күрделі құбылыс.

Ертедегі орыс ғалымдарының қазақ тілі жөнінде жазған еңбектерінің ішінде әдеби тілге қатысты болжам-пікірлер жоқтың қасы. В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Н. Ильминскийдің қазақ тілінің табиғи ерекшеліктері жайында айтқандары мен фонетика, грамматикаға қатынасты еңбектерінде, жасаған сөздіктерінде әдеби тіл нормалары жол-жөнекей ғана аталып өтеді.

Қазақ әдеби тілінің негізгі мәселелері соңғы 20 жыл, әсіресе кейінгі 10 жыл ішінде ғана арнайы сөз болып, оның дамуы, арнасы, дәуірлерге бөлінуі, оған қатысты нұсқалардың тілі жөнінде жеке мақалалар, монографиялық еңбектер жазыла бастады.

Әдеби тілдің күй-қалпы жайын сөз еткендер – І. Кенесбаев, Н.Сауранбаев, М. Балақаев, С. Аманжолов, А. Ысқақов, Ғ. Мұсабаев, Т. Қордабаев, Р. Сыздықова, Ә. Құрышжанов, М. Томанов, Қ. Өмірәлиев, С.Исаев, Б. Әбілқасымов, Е. Жанпейісов, Ғ. Қалиев, Е. Жұбанов, С.Хасанова т. б. зерттеушілер.

Қазақ әдеби тілі тарихын зерттеу көп жылдардан бері Тіл білімі институты жанындағы түркология мен тіл тарихы бөлімінің еншісінде болып келеді. Кейінгі 10 жыл ішінде бұл мәселеге арналған бірнеше монографиялық еңбектер мен мақалалар жинағы жарық көрді.

Әдеби тіл тарихын зерттеу мәселесінде 1960 жылдарға дейінгі кішігірім еңбектердің қатарында 1949ж. басылып шыққан проф. Аманжоловтың «Қазақтың әдеби тілі» атты кітапшасын және 1952 жылы жарық көрген проф. Ғ. Мұсабаевтың «Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии» деген еңбегін атауға болады.

Қазақ әдеби тілін зерттеу жұмыстары көбінесе Абай, Ыбырайдың тіл ерекшеліктерінен, жазба әдеби тілді қалыптастырудағы қызметтеріне байланысты болғаны мәлім.

Жазба әдебиет тілімізде кітаби дәстүр үстемдік құрып тұрған дәуірде, яғни әдеби тіліміздің бастапқы, балаң кезінде Абай мен Ыбырай өз шығармаларын Орта Азияға кең тараған кітаби тілде жазбай, ауыз әдебиет тілінің дәстүріне сүйене отырып, жалпы халықтық тілдің негізінде жазды, сөйтіп әдеби тіліміздің кейінгі қалыптасуына ықпалын тигізіп, оның дамуына жағымды әсер етті, жалпы халықтық тілді жазба әдебиетте қолданудың үлгісін көрсетті. Олар көркем әдебиеттің аса шұрайлы, әсем де өрнекті үлгілерін қалады, қазақ әдебиет тілінің іргесін бекемдеді. Әдеби тілді зерттеушілердің біразының әдеби тілді демократиялық бағытта қалыптастыруда зор еңбек сіңірген Абай мен Ыбырайды қазақ жазба әдеби тілінің негізін қалаушы деп тануының бір себебі осы болса керек. Құдайберген Жұбановтың 1930 жылдары жарық көрген «Абай – қазақ әдебиетінің классигі» деген еңбегінде әдеби тілдің пайда болуындағы Абайдың рөлі дұрыс көрсетілген болатын. «Абай ...әдебиет тілін тазартып, қазақ тілінің бар байлығын іске асыруға жол ашып, жазба әдебиет тілінің іргесін қалады»¹. Осы баға кейінгі зерттеушілер тарапынан қолдау тапты. Бұл жерде, әсіресе М. Әуезов, Қ. Жұмалиев, Н. Сауранбаев, І. Кеңесбаев, М. Балақаев, З. Ахметов, Х. Сүйіншәлиев, Е.

1 Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы, 1966. 305-6.

Ысмайылов т.б. зерттеушілердің мақалаларын атауға болады. Ал, 1960 жылдан бастап Абай, Ыбырайдың мұрасы үлкен монографиялық еңбектер дәрежесінде зерттеле бастады. Бұл ретте Қ. Жұмалиевтің «Қазақ әдебиеті тарихының мәселелері және Абай поэзиясының тілі» (1960), Р.Сыздықованың «Абай шығармаларының тілі» (1968), «Абай өлеңдерінің синтаксистік құрылысы» (1971), Қ. Мұқаметхановтың «Абай шығармаларының текстологиясы жайында» (1959), М. Мырзахметовтың «Мұхтар Әуезов және Абайтану проблемалары» (1982), Ә. Дербісәлиннің «Ыбырай Алтынсариннің жазушылық қызметі туралы» (1958), «Ыбырай Алтынсарин. Өмірі мен қызметі туралы» (1956), С. Хасанованың «Ыбырай Алтынсарин шығармаларының тілі» (1972) деген еңбектерін атауға болады. Міне, осы еңбектердің бәрі де – Абай мен Ыбырай тілінің әдеби тілді дамытудағы үлесін анықтауға бағышталған еңбектер.

Бізде тіл тарихын, оның ішінде әдеби тіл мәселелерін зерттеу барысында әдебиеттану ғылымы мен тарих ғылымын ұштастырып зерттеу жағы жетпей жатады. Ал, әдеби тіліміздің бүгінгі шыңы мен басып өткен жолының қыр-сырларын тек тарихи (историзм) тұрғыдан қарастырғанда ғана дұрыс тани аламыз. Өйткені әдеби тілдің дәуірленуі, оның нормалануы, стильдік тармақтардың пайда болу мерзімі т.б. мәселелер, әдетте, сол тілде сөйлеуші халықтың экономикалық, саяси-әлеуметтік жағдайларымен тікелей байланысты.

Әдеби тіл мәселелерін шешуде тілге тиек ететін нәрсенің бірі – әдеби нұсқалардың сыр-сипатымен байланысты. Ол үшін алдымен «қазақ әдебиеті» дейтін ұғым қай уақытта пайда болды, «кітаби» ақындар дегеніміз кімдер, ауыз әдебиетінің проза жанры болды ма, жоқ па деген сияқты мәселелерді шешіп алу керек. Мысалы, кейбір зерттеушілер (Қ. Өмірәлиев т. б.) қазақ халқының қалыптасуына ұйтқы болған ру-тайпаларда «түркі» деп аталған (VIII–XII ғ.) жазба әдебиет болды, ал XIV ғ. «ескі түркі» тіл үлгісінде бірлі-жарым көркем шығармалар жасалды, хандар арасында ресми хат жазу дәстүрі, хан шежірелерін жазу салты болды, бірақ қазақ әдебиеті солардың жалғасы ретінде дамыған әдебиет емес, олардан бөлек әдебиет дегенді айтады. Немесе, «жазба әдебиет», не «ауыз әдебиеті» деп айырмай, «әдебиет дегеннің бәрін бірлікте қарау керек» деген пікір де жоқ емес.

Әдеби тіл мәселелері көбінесе ертедегі әдебиет нұсқаларымен байланысты қарастырылып жатады. Әдебиетші ғалымдардың кейінгі 10–15 жыл ішінде біраз ақын-жыраулардың шығармаларын тауып, оларды жариялауы – әдеби тіл мәселесінің талас мәселелерін шешуге септігін тигізетін жайлар. Бұл тұста М. Әуезов, Қ. Жұмалиев, Ы. Дүйсенбаев, Ә.

Дербісәлин, Х. Сүйіншәлиев, М. Мағауин, М. Дүйсенов зерттеулерін атар едік.

Әдебиет үлгілері мен әдеби тіл мәселелерін ұштастыра, бірлестіре зерттеудің жақсы үлгісін біз Қ.Өмірәлиевтің еңбектерінен көріп жүрміз.

Дегенмен қазақ әдеби тілі тарихына қатысты зерттеулерден біз дұрыс та түбегейлі шешімдерден гөрі, қайшы пікірлерді, әртүрлі долбар, жорамалдарды, терминдік алауыздықтарды көбірек кездестіреміз. Мәселен, әдеби тілдегі жазба дәстүр туралы айтылып жүрген пікірлер әр алуан. Әдеби тілдің жазба дәстүрі күні кеше Абай, Ыбырайдан басталды деген пікір де, тіпті ол 1917–1920 жылдан кейін ғана басталды деген пікір де жоқ емес. Осыған орай әдеби тілдің тарихы түркі тілдес тілдердің жазба (көне) дәстүрімен астасып жатыр деушілер де, ауыз әдебиеті тілімен де, ауызекі тіл нормаларымен де ұштасқан көне қазақ әдеби тілі болды деушілер де жоқ емес. Түркі тілдерінің көне де ортақ мұрасы орхон-енисей жазба ескерткіштері де қазақтың халық тіліне де, әдеби тіліне де тікелей қатысты деген пікір айтылып келеді. Осындай ала-құлалықтың орын алуының басты себебі – «әдеби тілдің» шын мәніндегі ғылыми анықтамасының осы күнге дейін тек қазақ тіл білімінде ғана емес, 200 жылдық тарихы бар орыс тіл білімінің өзінде де талас-тартыс тудырып, қарама-қарсы пікірлер айтылып жүргендігінен болса керек. Басқаша айтқанда, әдеби тілдің статусын түсінуде бірауыздылық жоқ. Оны төмендегі пікірлерден де байқауға болады. «Өкінішке қарай, қазіргі заманғы орыс тіл білімін зерттеуде «орыс әдеби тілі» ұғымының жалпы жұрт қабылдаған анықтамасы жоқ»². Академик В.В.Виноградов бір топ орыс ғалымдарының әдеби тіл туралы бір-біріне жанаспайтын концепцияларын сөз ете келіп: «Әдеби тілдің анықтамаларында, түсініктемелерінде мұндай ала-құлалық орын алып отырғанда ХІХ ғасырдағы көркем әдебиет тілінің немесе әдеби тілдің эволюциясы жөнінде сөз қозғаудың өзі қиын»³ деген еді. 1930 жылы айтқан бұл пікірін кейін 1967 жылы В.В.Виноградов тағы қайталайды⁴. Орыс әдеби тілін көптен бері зерттеп жүрген Ф. П. Филин әдеби тілдің анықтамасы жайында да, оның айырым ерекшеліктері жайында да едәуір ала-құла пікірлерді атаған-ды⁵.

2 Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983. С.13.

3 Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л., 1930. С.16.

4 Соныкі. Проблема литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. С. 69-82.

5 Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Осыған карағанда әдеби тіл жайындағы біздің талас-тартыстарымызды дұрыс шешу үшін ең алдымен зерттеп отырған объектімізге ғылыми анықтама беріп, «әдеби тіл» категориясының не екенін ашып алуымыз керек. Тіл білімі дәстүрінде бұл көптен келе жатқан дәстүр. Ол үшін біз марксизм-ленинизм классиктерінің шығармаларына сүйенуіміз керек. Осыған орай Ф.Энгельстің: «Белгілі бір заттың бойындағы өзгерістерді зерттеумен шұғылдану үшін әуелі осы заттың өзінің не екенін білу керек...»⁶ деген пікірі ой салады. В. И. Лениннің мына сөзіне де ерекше көңіл аударған жөн. «Кімде-кім жалпы мәселелерді алдын ала шешіп алмай тұрып жекелеген мәселелерді қолға алса, оның әрбір қадам басқан сайын өзінен өзі еріксіз сол жалпы мәселелерге қалайда «тіреле береді»⁷. Әдеби тіл мәселелерімен шұғылданып жүрген қазақ тілі мамандарының біразы осы мәселелерді сөз еткенде, олар көп жағдайды «өзінен-өзі-ақ түсінікті нәрсе» деп қарайды да, оны талай саққа жүгіртіп, көбі «әдеби тіл дегеніміз не?» дегенге жауап бермейді. Сондықтан да әркім өз жорамалын шындық қағида деп ұсынғысы келеді. «XIX ғ. бұрын әдеби тіл болған жоқ» деушілер «әдеби тіл» деген атауды бір түрлі, «XIX ғ. дейін де әдеби тіл болды» деушілер оны басқаша түсіндіріп, бір құбылыстың өзін әртүрлі қарастырып, мәселенің дұрыс шешілуіне нұқсан келтіріп жүргендігін жасыруға болмайды. Сондықтан мұндай екі ұдай пікірдің бірін қолдап, екіншісін жоққа шығару үшін ең алдымен әдеби тілдің көп анықтамасының біреуіне тоқталып, оның өзіндік белгілерін анықтап алуымыз керек. Олай етпегенде, әркімнің пікірі өзінше дұрыс болып шығады. Егер біз қазіргі қазақ әдеби тілін «жазба әдебиет арқылы нормаға түсіп қалыптасқан, стильдік тармақтары жетілген, әлеуметтік қызметі әр алуан, халық тілінің жоғарғы формасы» деп анықтасақ, онда М. Балақаев, Т. Қордабаев, С. Аманжоловтың пікірі дұрыс болып шығады. Егер біз «әдеби тілді» «өңделген, сұрыпталған, нормаланған, жалпыға ортақ қасиеті бар, ауызекі сөйлеу тіліне қарама-қарсы қою арқылы танылатын тіл» деп анықтайтын болсақ, онда Р. Сыздықованың концепциясын мойындауымыз керек. Егер «Әдеби тіл дегеніміз әдебиеттің тілі, фольклор тілі – ауызекі әдеби тілдің үлгілері» деп түсінсек, онда Қ. Өмірәлиев пен Е. Жұбановтың пікірлері дұрыс болатын сияқты.

Рас, жазба дәстүрі бай Европа халықтары тілдерінің тарихы мен жазуы кенже қалған түркі тілдерінің тарихы бірдей емес. Сондықтан да оларменен түркі әдеби тілдерінің белгілері сайма-сай келмеуі мүмкін. Бірақ, олардың ортақтық жағы да жоқ емес қой, соны ескере отырып,

6 Маркс К., Энгельс Ф. Екі томдық таңдамалы шығармалары. Алматы, 1956. 2-т. 397-б.

7 Ленин В.И. Шығ.тол.жін. 1976. 15-т. 405-б.

әдеби тілдің жалпыға бірдей анықтамасын ұстануға да болатын сияқты. Мәселенің осы арасына келгенде, «әдеби тіл» категориясын анықтау үшін оларға тән ортақтық белгілер мен жеке тілдердің өздеріне ғана тән ерекшеліктерге сүйену принципін белгілеп алу қажет сияқты. Мысалы, қазақ әдеби тіл тарихын зерттеу барысында мына сияқты көптеген терминдер қолданылып жүр: «қазақ әдеби тілі», «қазақтың ұлттық әдеби тілі», «қазақтың ұлтқа дейінгі әдеби тілі», «қазақтың жалпыхалықтық тілі», «қазақтың жазба әдеби тілі», «қазақтың жалпы ұлттық тілі», «ұлттық дәуірге дейінгі әдеби тіл» т. б. Сонымен қатар әдеби тілді зерттеуге арналған еңбектерден біз мынандай атауларды да жиі кездестіреміз: «ауызша әдеби тіл», «ауыз әдебиет тілі», «ауыз әдеби тіл», «жаңа әдеби тіл», «ескі әдеби тіл», «ауызша сөйлеу тілі», «қарапайым ауызекі сөйлеу тілі», «төл әдеби тіл», «әдеби «тілдің «ауызша түрі», «әдеби тілдің жазбаша түрі», «қазіргі әдеби тіл», «жазба алдындағы әдеби тіл» т. т.

Қазақтіліоныңішіндеәдебитілтарихытуралыжазылғанәдебиеттерде «кітаби тіл» атауы жиі кездеседі. Зерттеушілердің көбі «кітаби тіл» деп араб-парсы, татар, башқұрт, өзбек т.б. тілдердің элементтері араласқан ортақ тілде жазылған нұсқалардың тілін атап жүр. Ә. Құрышжанов бұл тілдің осындай қоспалық сипатына қарап «қоспа тіл» деген атауды, ал Р. Сыздықова «құранды тіл» деген атауды қолданады. Ғ. Мұсабаев, Б. Кенжебаев «кітаби тіл» деген атауды шағатай тілінің синонимі ретінде қолданған. Сөйтіп, «кітаби тіл» деген атауға екі түрлі мағына жүктеп, бұл терминнің қолданылуын қиындатып алып жүрміз. Біздіңше, бұл атауды «орта азиялық түркі әдеби тіл», «шағатай тілі» мағынасының бір тармағы ретінде қазақ топырағындағы өзіндік қызметі мен ерекшелігіне сәйкес «қазақтың көне жазба әдеби тілі» деп атауды ойластырған жөн. Дәл осы қоспа элементтері көп, орта азиялық түркі әдеби тілінің дәстүрін сақтаған жазба нұсқалардың тілін зерттеуші Б. Әбілқасымов «көне жазба әдеби тіл» деп атап жүр. Жалпы қалыптасып, сіңісіп кеткен атауларды өзгерте бермеген жөн.

Қазақ әдеби тілі – пән ретінде көптен бері жоғары оқу орындарында оқытылып жүрген курс. Бірақ әр зерттеушінің бұл мәселе жөнінде өз пікірі барлығы, тіпті бір-бірінен алшақ топшылаулар айтып жүргендігі де белгілі. Әрине, бұл жағдай осы курсты оқытуда қиындық келтіріп жүр. Сондықтан, программа жасағанда, оқулықтар құрастырғанда авторлар тек өз пікірін уағыздай бермей, басқа зерттеушілердің де пікірлерін сөз етіп, объективті жағдайды ашып айтып, бұл мәселе жөнінде қанша

гипотеза, қанша долбар, болжамдар бар екенін көрсетіп, баяндап беруге міндетті.

Енді әдеби тіл туралы, оның анықтамасы, сипаты туралы тілші ғалымдар тарапынан айтылып жүрген пікірлерге толығырақ тоқталайық. С.Аманжолов былай дейді: «Нақтылы әдеби тіл дегеніміз көркем әдебиеттің тілі ғана емес, ол – ғылымның барлық саласын қамтитын, халыққа өнер-білім беретін, тәлім-тәрбие үйрететін баспасөздің тілі. Көркем әдебиеттің тілі – сол кең мағынадағы әдеби тілдің саласы ғана. Ал, әдеби тілдің негізі, базасы (қоры) болатын нәрсе – халық тілі, фольклор тілі екендігінде дау жоқ»⁸. Ол әрі қарай: «...біз қазақтың әдеби тілінің бастама үлгісі жазба түрде ХІХ ғасырдың өзінде-ақ қазақ тілін әдеби тілге айналдыруға атсалысты»⁹, – дейді. С.Аманжолов қазақтың әдеби тілінің негізін Абай, Ыбырайлар салды дегенде, олар халық тілін пайдалана отырып, қазақ тілін жаңа сатыға, жаңа сапарға жеткізуге әрекет істеді деп түсінеді. Автор Октябрь революциясынан бұрынғы қазақ тілі нағыз әдеби тіл болып қалыптаса алған жоқ дегенді айтады. Әдеби тіл жөнінде пікір айтушылардың бірі – М. Әуезов. Ол 1950 жылдары жарық көрген 5-6 мақаласында¹⁰ «әдеби тіл» мен «әдебиет тілі» атауларын бірде саралап, бірде синоним ретінде қолдана келіп, «әдеби тілдің әдеби процеспен, жазумен тығыз байланыста дамитынын, оның халық тілінің жоғары формасы екендігін айтады. Бір кезде әдеби тілдің жасалуын жеке-дара дарынды, атақтылардың аттарымен байланыстыру дағдыға айналған кезде Абай, Ыбырайларды мақтаудың реті осы екен деген тұрғыдан «әдеби тілді жасаушылар», «әдеби тілдің негізін қалаушылар» деген пікір үстем болғандығы белгілі. Осыған орай М. Әуезов «негізін қалаушы» деген үзілді-кесілді пікірді қолдамады. Ол: «...Абайдың алдындағы қазақ халқының көп ғасырдан келе жатқан мол эпостарындағы, ұзынды-қысқалы салттық, тарихтық жырларындағы шебер, көркем өлең үлгілеріндегі тілдерді ұмытуға бола ма? Оларда, немесе ХVІІІ ғасырда көпке жайылған жырлар тудырған Бұхарда, ХІХ ғасыр басында асыл, әсем, бай тілмен халықтық асқақ, ескек жырлар тудырған Махамбетте қазақтың әдебиеттік тілінің үлгі-өнегелері жоқ деуге бола ма?»¹¹, – деп жазды. Бірақ, М. Әуезов бұларды тікелей әдеби тіл

8 Аманжолов С. Қазақтың әдеби тілі. Алматы, 1949. 4-б.

9 Сонда. 9, 14-б.

10 М.Әуезовтің мына еңбектерін қараңыз: Қазақ әдебиеті тілінің мәселелері//Қазақ ССР ҒА Хабаршысы. 1951.№3; Қазақтың әдеби тілі туралы//Әдебиет және искусство. 1951, №4; Қазақ әдебиет тілінің кейбір мәселелері жайында//Коммунист. 1951, №3; некоторые вопросы развития казахского литературного языка//Литературная газета. 1951. 4 окт.

11 Әуезов М. Қазақ әдебиет тілінің кейбір мәселелері//Коммунист. 1951. №3. 21-б.

деп атамайды, әдеби тілге солар негіз болып еді ғой дегенді аңғартады. Одан әрі М. Әуезов «...қазақтың барлық өлкелеріндегі тіл байлықтары тұтасып, қосылып, біріккен ортақ мол қазына болмай тұрған кезінде ақындық еткен Абайдың шығармалары әдебиет тілінің түгел негізін құра қойды деуге сая ма?»¹²,– дейді. Сөйтіп, М. Әуезов «Абай өзінен бұрынғы әдебиет тілін халықтық әдебиет тілі сапасында өсіре, байыта, сұрыптай түскен және өз шама-шарқынша қазақ әдебиет тілін жасауда белгілі бір дәрежеде Қазақстанның көп өлкесінің тіл қазыналығын кеңінен пайдаланып, халықтың әдебиет тілін биік белге шығара түскен классик ақын дейміз»¹³– деп жазады.

Әдеби тіл проблемаларына көп көңіл бөлген тіл мамандары тобынан академик Н. Т. Сауранбаевты ерекше атауға болады. Ол: «Қазақтың әдеби тілі революциядан бұрынғы дәуірлерде (әсіресе, XIX ғасыр мен XX ғасырдың алғашқы екі он жылдығында) жасалып, белгілі бір жағдайда өмір сүрген»¹⁴ дей келе, автор бұл дәуірді «қазақ әдеби тілінің алғашқы адымы, нәрестелік дәуірі» деп атайды. Одан әрі автор «Қазақ әдеби тілінің революциядан бұрынғы дәуірін нәрестелік дәуір деп атауымыздың себебі мынада: жоғарыда айтылғандай, ақын-жазушылардың, кейбір публицистердің қазақ тілінде шыққан шығармалары, газет, журналдар, кітаптар жалпы қарапайым халықтың арасында кең түрде тарамаған, яғни оларды бұқара халық пайдалана алмаған, өйткені халық жаппай сауатсыз болды. Ол шығармаларды қазақтың тек оқымыстылары мен хат танытын азаматтары пайдаланған. Сонымен бірге, әдеби тілдің революциядан бұрын дүниеге келуіне ерекше еңбек сіңірген ақын, жазушылардың шығармалары дәл жазылған уақытта басылмай, кейінде ғана басылып шыққан»¹⁵ дейді. Оған мысал ретінде Абайдың шығармаларын келтіреді де, әдеби тілдің кейбір белгілеріне (жалпы халыққа ортақ болуы, түсінікті болуы, өзінің тұрақталған нормалары болуы) тоқталып, И. Т. Сауранбаев қазақ әдеби тілін мынандай үш дәуірге бөледі: 1) XIX ғасырдың екінші жартысына дейінгі дәуір; 2) XIX ғасырдың екінші жартысынан XX ғасырдың 20-жылдарына дейінгі дәуір; 3) Советтік дәуір. Бірақ Н. Сауранбаев қазақ әдеби тіл тарихы қай дәуірден басталатынын айтпайды. Бірақ, оның бірінші

12 Сонда. 21-б.

13 Сонда. 22-б.

14 *Сауранбаев Н.Т.* Қазақтың әдеби тілінің тарихын зерттеу туралы//Қазақ тілінің тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1960. 3-шығуы. 13-б.

15 *Сауранбаев Н.Т.* Проблемы казахского языкознания/Избранные труды. Алма-Ата, 1982. С.113.

дәуірін сөз ете келіп, әңгімені ауыз әдебиетінің нұсқаларынан, сондай-ақ «Алпамыс», «Ер-Тарғын», «Қозы-Көрпеш – Баян сұлу» эпостарынан бастауы, одан кейін кітаби тіл нұсқаларын, «Орта Азия түрік әдебиеті тілін» сөз етуі, оның үстіне «қазіргі заманда әдеби тілді жазу тұрғысынан ғана қарап анықтау дұрыстыққа жатпайды» деуіне қарағанда, ол әдеби тілді әріден бастап, бұл ұғымды кең мағынада түсінгенге ұқсайды. Енді бір еңбегінде автор «әдеби тіл деген жазумен байланысты болады»¹⁶– дейді. Ал келесі бір еңбегінде Н. Т. Сауранбаев қазақтың жазба әдеби тілінің ХІХ ғ. екінші жартысының соңында пайда болғанын, оның жалпы ұлттық дәрежеге Ұлы Октябрь революциясынан кейін көтерілгенін айтады¹⁷.

Ғ. Мұсабаев «әдеби тіл» деген ұғымға ғылыми-техникалық көркем әдебиет нұсқаларының тілі, мектеп, театр, радио, баспасөз жеке мемлекет мекемелерінде қолданылатын тіл енетінін және әдеби тілдің нормаланған, жалпыға бірдей түсінікті болуы шарт екенін айтады¹⁸: да, қазақ әдеби тілін тарихи тұрғыдан мынандай үш кезеңге бөледі: 1) Абайға дейінгі, яғни ХІХ ғ. екінші жартысына дейін – көне әдеби тіл; 2) ХІХ ғ. екінші жартысынан Октябрь революциясының алғашқы жылдарына дейінгі кезеңдегі жазу тілі–жаңа әдеби тіл; 3) одан бергі жердегі қазіргі әдеби тіл¹⁹. Бірақ, көне әдеби тілдің қашан басталатынын айтпайды. Әдеби тіл мәселелерін шешуде ерекше маңызы бар жұмыстардан 1984 ж. баспадан шыққан екі кітапты атап өтуге болады. Оның бірі – М. Балақаевтың «Қазақ әдеби тілі және оның нормалары» (Алматы, 1984) деген кітап та, екіншісі Р. Сыздықованың «ХVІІІ–ХІХ ғғ: қазақ әдеби тілінің тарихы», (Алматы, 1984) атты монографиясы. М. Балақаев өз кітабында қазақ әдеби тілінің қанша өзіндік ерекшеліктері, өзіне тән даму жолдары бола тұрса да, көп тілдерге ортақ процестерден шет тұра алмайтынын, оның даму процесінде, арналарында басқа әдеби тілдерге ортақ құбылыстардың барлығын атап көрсетеді. Кітапта кейбір авторлардың ағына айтылған сындар да бар. Осыған орай автордың пікіріне қарсы шығып, рецензия жазғандар да болды²⁰.

16 Сонда. 71-б.

17 Сонда. 222-223-б.

18 *Мусабаев Ғ.* Становления и развития казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии. На правах рукописи. Алма-Ата. 1952. С. 25-26.

19 *Мусабаев Ғ.* Қазақ әдеби тілін дамытқан эпопея//Қазақтың тұңғыш эпопеясы. Алматы, 1957.

20 *Қордабаев Т.* Өзінде бармен көзге ұрып//Қазақ әдебиеті. 1984. 16 ноябрь.

М. Б. Балақаев әдеби тілдің даму кезеңдерін 4 дәуірге бөледі. 1) XVIII ғасырдың орта тұсы мен XIX ғ. бірінші жартысы; 2) XIX ғасырдың екінші жартысы; 3) XIX ғасырдың басы (1900–1920); 4) Совет дәуірі (1940–1967). М. Балақаев, Е. Жанпейісов, М. Томановтың авторлығымен шыққан «Қазақ әдеби тілінің мәселелері» деген кітапта²¹ да осылай бөлінген. Ал М. Балақаев, Р. Сыздықова, Е. Жанпейісов авторлығымен жарық көрген «Қазақ әдеби тілінің тарихы» деген кітапта авторлар әдеби тілдің екі түрі болатынын («жазба әдеби тіл», «сөйлеу (ауызша) әдеби тіл») айта келіп, жалпы әдеби тілдің пайда болу мерзімі туралы былай дейді: «Қазақтың әдеби тілінің тарихын біз XIX ғ. екінші жартысынан емес, XVIII ғасырдан бастаймыз. Өйткені, халық тілінің жазба әдебиет ыңғайында нормаға түсе бастаған шағы және бірді-екілі стильдік құбылыстардың кіріс бере бастаған кезі, дәлірек айтқанда, әдеби тіл белгілерінің айқындала бастаған мезгілі – осы XVIII ғасыр және авторларының аты-жөні сақталған дәуір де XVIII ғасырдан басталады»²² Фольклор, мақал-мәтел, шешендік сөздерді, одан кейін пайда болған ақын-жыраулардың тілі әдеби тіл тудыруда едәуір рөлі, маңызы болса да, олар әдеби тілдің өзі емес деген пікір айтылады. Мысалы, М. Балақаев: «Әдеби тіл дегеніміз жазба әдебиет арқылы жүйелі қалыпқа түскен, стильдік тармақтары бар, қоғамдық қызметі әр алуан... жалпы халықтық тілдің ең жоғарғы формасы»²³ – деп көрсетеді. А. Ысқақов қазақ халқының даму тарихында 4 кезең бар екенін айта келіп: 1) көне түркі кезеңі (V–X ғасырлар); 2) орта ғасырлардағы түркі тілі кезеңі, яки қыпшақ қауымы кезеңі (X–XV ғасырлар); 3) қазақ тілінің өз алдына қалыптасу кезеңі яки қазақтың халықтық тілінің даму, қалыптасу кезеңі (XV–XIX ғасырлар); 4) жаңа кезең яки қазақтың ұлттық тілінің қалыптасу кезеңі (XIX ғасырдан бергі уақыт)²⁴ – деп жобалайды да, соңғы екі кезең тұсында да қазақтың төл әдеби тілі болды, ал үшінші кезеңдегі тілді «жалпы халықтық әдеби тіл» деп төртінші кезеңдегі тілді «ұлттық жаңа әдеби тіл» деп атауды ұсынады. Автор жаңа ұлттық әдеби тілді ішінара революциядан бұрынғы және революциядан кейінгі деп екіге бөледі. Автордың пікірінше, төл әдеби тілдің революцияға дейінгі кезеңінде қазақ даласында екі түрлі әдеби тіл «жарыса» өмір сүрді, оның бірі

21 Балақаев М. Жанпейісов Е., Томанов М. Қазақ әдеби тілінің мәселелері. Алматы, 1961. 56-б.

22 Балақаев М., Сыздықова Р., Жанпейісов Е. Қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1968. 10-б.

23 Сонда. 5-б.

24 Ысқақов А. Әдеби тіліміздің дамуы//Қазақ әдебиеті. 1962. 16 ноябрь

– жалпыхалықтық әдеби тіл де, екіншісі – сол кездегі үстем таптың өкілдері ғана, сауатты байлар мен қожа-молдалар ғана пайдаланған «түркі тілі», яғни «кітаби тіл» (құранды тіл). А.Ысқақовтың әдеби тілді дәуірлеу, олардың сипаты мен арналары жөнінде айтқан басқа да өзіндік пікірлері, ұсыныстары бар. Мысалы, автор ескі жасанды түркі әдеби тілден басқа тағы бір әдеби тіл болғанын айтады. Ол тіл кезінде латын тілінің бүкіл Европа елдеріне жайылғаны сияқты, қазақ жеріне тараған, әдеби тіл сипатында қызмет еткен араб тілі дейді. «Бұлардан басқа тағы бір әдеби тіл – ол әкелінді де емес, жасалынды да емес – қолтума байырғы төл әдеби тіл болды дейді автор. Оның өзін де А.Ысқақов екіге бөліп қарайды: 1) ауызша (ауызекі) түрі; 2) жазуша түрі²⁵.

Т.Қордабаевтың әдеби тіл жөніндегі пікірі С.Аманжоловтың пікіріне жақын, бірақ онша айқын емес, екіұшты мағынада қалып қойған. «Қазақ тілінің әдеби тіл болып қалыптасуына келетін болсақ, – дейді Т.Қордабаев, – оның негізі өткен XIX ғасырдың екінші жартысынан былай қарай қалана бастағанымен, шын мағынасындағы әдеби тіл дәрежесіне тағы да, тек Совет өкіметі тұсында ғана жеткенін көреміз»²⁶.

Р.Сыздықова өзінің «XVIII-XIX ғ. қазақ әдеби тілінің тарихы» деп аталатын құнды еңбегінде әдеби тіл тарихы үшін мәні де, маңызы да зор XVIII-XIX ғ.ғ. арнайы тоқталып, нақтылы материалдар негізінде әр дәуірдің әдеби тіліне тән сипатын, лексикалық, грамматикалық, стильдік ерекшеліктерін анықтауға көңіл бөледі. Әдеби тілді дәуірлеу мәселесіне байланысты автордың соны пікірлері көңіл аудартады. Автор XIX ғ. екінші жартысынан басталатын қазақтың төл жазба әдеби тіліне дейін оның ауызша тараған әдеби тілі болды деген пікірді ортаға салады²⁷. Р.Сыздықова бірқатар түркі халықтарына ортақ орта азиялық жазба әдеби тіл – «түркінің локальдық (қазақтық) әдеби тілі болды дейді. Бұл атау Ә.Қайдаровтың еңбегінде де қолданылған. Бұған кезінде қазақ топырағында пайда болған «Кітаби тіл» жатқызылды. Бұл таза шағатай тілі емес, қазақ, татар, шағатай тілдерінің қоспасы, яғни шұбар тіл. Р.Сыздықова «Ашып алар

25 *Ысқақов А.Ы.* Алтынсарин және қазақтың ұлттық әдеби тілі//Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары. Алматы, 1981. 35-б.

26 *Қордабаев Т.* Қазақтың әдеби тілі – Октябрьдің жемісі//Қазақстан мұғалімі 1957. 24 октябрь.

27 *Сыздықова Р.* XVIII-XIX ғ. қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1984. 14-б.

жәйттар көп» деген мақаласында мынадай қорытындыға келеді: «Сөйтіп, қазақтың тілі: ауыз әдеби тілі, жазба алдындағы әдеби тілі, жазба әдеби тілі деген түрлерге бөлінеді»²⁸. Осы мақаласында автор қазақтың жазба әдеби тілінің өзі орта азиялық түркі тіліне сүйенген «кітаби тіл» атанған түрі мен қазақтың қолтума жазба алдындағы әдеби тілінің жалғасы ретінде дамыған дегенді айтады. Р.Сыздықова XIX ғасырдың екінші жартысын жалпы қазақ әдеби тілінің емес, қазіргі әдеби тілдің басы дсп есептейді. Қазіргі қазақ әдеби тілінің жазба және ауызша түрі бар дей келіп, ол: «Тегі, «ауыз әдеби тілі» деген атау мен «ауызша әдеби тіл» деген терминдерді шатастырмау керек» дейді²⁹. Автор осы пікірін жалғастыра келіп, «Ауызша әдеби тілге әдеби тілдің ауызекі сөйлеуде қолданылатын түрін (жиналыстарда, радио, теледидарда, лекция оқығанда, сабақ бергенде т. б.) жатқызады да, ал «Ауыз әдеби тілі» деген атауды халық ауыз әдебиетінің тілін атау үшін қолдану керектігін айтады. Р.Сыздықова XV–XIX ғ. арасындағы ақын-жыраулар шығармаларын, ауызша тараған авторлы әдебиет шығармаларын профессионал әдебиет сатысына жатқызады да, оларды жазба әдеби тілден айырып алу мақсатымен оны «қазақтың жазба алдындағы әдеби тіл» (орысша «предписьменный») деген атаумен белгілеуді ұсынады; «Жазудың болу-болмауы, біздіңше, ақын-жыраулар тілін жазба тілден ажырататын бірден-бір белгі емес»³⁰ – дейді. Р. Сыздықова өзге тілдер жөнінде, әсіресе, орыс тілі жөнінде жазылған ғылыми әдебиеттерге сүйеніп, әдеби тіл болу үшін оның мынандай белгілері, сипаты болу шарт дейді: 1) «Өңделген, сұрыпталған, нормаланған тіл» болуы керек; 2) Қызметі жағынан сол халықтың өмірінде ұйымдастырушы, қоғам мүшелерінің басын қосушы, яғни жалпыға ортақ қасиеті болуға тиіс; 3) әдеби тіл бейәдеби құбылыстарға карама қарсы қою арқылы танылуға тиіс. Мысалы, әдеби тілді тану үшін оның карама-қарсысына қойылатын басты құбылыс-ауызекі сөйлеу тілі; 4) Әдеби тіл – қоғамның қолдану практикасында сыннан өткен, нормаларын қоғам санасы дұрыс деп қабылдаған және ол нормалар барша үлгілерге ортақ болуы шарт. «Осы межелерді нысанаға алып қарасақ, – дейді автор, – қазақтың тіліне «әдеби» деген атрибут – сапаны ұлттық дәуірге дейін де беруге болатын жайттар бар»³¹. Сөйтіп, Р.Ф.Сыздықова жазуды қазақ әдеби тілдің

28 Сыздықова Р. Ашып алар жәйттар көп//Қазақ әдебиеті. 1980. 28 март.

29 Сонда

30 Сонда

31 Сыздықова Р. Әдеби тілдің статусы//Қазақ ССР Ғылым академиясының Хабаршысы. 1979. №6. 54-б.

шартты белгісі деп қарайтын ғалымдардың пікіріне қосылмайды. Ондай белгілер тек қазіргі жазба әдеби тілге ғана тән белгілер деп есептейді.

Әрине, Р. Сыздықова ұсынып отырған белгілерге сүйенсек, әдеби тілді тым әріден, Абай, Ыбырайларға дейінгі неше алуан акын жыраулардың тілінен бастау керек болады да, оны жазба алдындағы әдеби тіл деп атауға тура келеді. Автордың пікірінше, қазақта халық ауыз әдебиетінен өзге, бірақ оған едәуір белгілерімен ұқсас келетін профессионал (кәсіби) әдебиет те өмір сүріп келді. Бұған ол авторлары бар мұраларды, яғни акын-жыраулар шығармаларын (Махамбет, Дулат, Марғасқа, Шернияз, Шортанбай т. б.) енгізеді де, олардың тілін жазба алдындағы әдеби тілге жатқызады. Автор жазба алдындағы әдеби тілдің халық ауыз әдебиеті тілі және жазба әдеби тілінен айырмашылықтары мен жақындықтарын, ортақтық элементтерін сөз етеді. Автордың ұсынысы бойынша Абайды қазақ әдеби тілінің негізін салушы емес, қазақтың байырғы, жазбаға дейінгі әдеби тілін жаңа сатыға көтеруші, оның жаңа кезеңін бастаушылардың бірі деп тану керек. Бұл пікір М. Әуезовтің пікірімен ыңғайлас. Осыған орай автор XIX ғасырдың екінші жартысы – жалпы қазақәдеби тілінің емес, қазіргі жазба әдеби тіліміздің басы деп тұжырымдайды. Сөйтіп, Р. Сыздықова әдеби тілді үш топқа бөліп қарайды: 1) ауыз әдеби тілі; 2) жазба алдындағы әдеби тіл; 3) жазба әдеби тілі. Соңғысын ішінара тағы екіге бөліп қарастырады: а) орта азиялық түркі әдеби тіліне сүйенген «кітаби тіл»; б) қазақтың қолтума әдеби тілі, яғни қазіргі жазба әдеби тілі.

Р. Сыздықова әдеби тіл атауын кең ұғымда қолданып, оның басын ауыз әдебиеті шығармаларынан бастайды. Бұл – өте батыл тұжырым. Біздіңше, бұл ұсынысты әлі де ойластыра түсу керек сияқты. Өйткені, әдеби мен бейәдеби категориясының ара жігі анық ажыратылмай қалу қаупі бар.

Қазақ Совет Энциклопедиясында «Қазақ әдеби тілі– халық тілінің стильдік тармақтары сараланған жоғары формасы» деген анықтама берілген (ҚСЭ, 1975, 6-том, 233-бет). Мұнда XVIII ғасыр мен XIX ғасырдың бірінші жартысы қазіргі әдеби тілдің алғашқы дәуірі деп есептелінеді де, оның тілдік үлгісі ретінде Бұхар, Ақтамберді, Тәтіқара, Махамбеттің әдеби мұралары аталады. Одан кейінгі XIX ғасырдың екінші жартысы әдеби тілдің екінші дәуірі, ал XX ғасырдың басы қазақ әдеби тілінің үшінші кезеңі. Октябрьден кейінгі дәуір совет кезеңі ретінде қарастырылады. Мұнда қазақ әдеби тілінің

екі түрі 1) жазба түрі, 2) ауызекі сөйлеу түрі сөз етіледі. Қазақ Совет энциклопедиясының 2-томында «бөгде әдеби тіл» деген термин Европа тілдері үшін латын тілі сияқты, «кірме тіл» деген ұғымды білдірсе, халықтың сөйлеу тілі негізінде жасалған әдеби тілді «төл әдеби тіл» деп қарайды.

С. Исаев «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу, даму кезеңдері»³² деген кітабында әдеби тілдің сипаты, қызметі, қалыптасу жолдары т. б. проблемаларды қамтыған. Автор қазақ әдеби тілінің қалыптасуын шартты түрде үш дәуірге бөледі: 1) қазақ халқының жеке халық болып қалыптасқанына дейінгі көне дәуір, яғни жалпы түркі әдеби тілі дәуірі; 2) қазақ халқының халық болып қалыптасқанынан кейінгі кездегі қазақ әдеби тілінің туып, даму дәуірі; 3) қазақ әдеби тіл дамуының советтік дәуірі.

Р. С. Әміровтың сөйлеу әдеби тілінің сыр-сипатын, өзіндік белгілерін синтаксистік тұрғыдан қарастыратын зерттеуінде: «Ауызша сөз: 1) ауызекі сөз; 2) лекция тілі; 3) шешендік сөз»³³ деп, «ауызша сөз» сөйлеу формасы деп түсіндіреді де, соның ішіндегі бір компоненті ретінде әдеби тілдің табиғатын бір қырынан көрсетсе, енді бір еңбектер әдеби тілді мерзімді баспасөз тұрғысынан сипаттауға арналған. Бұл жерде С. Исаевтың³⁴, Б. Әбілқасымовтың³⁵ т.б. монографиялық еңбектерін ерекше атаған жөн. Мәселен, Б. Әбілқасымов жоғарыдағы еңбегінде қоғамдық публицистикалық стильді, ресми іс қағаздары стилін, «кітаби тілге» тән стиль дәстүрін, жазба нұсқаларға тән орфографиялық дағды сияқты мәселелерді қарастыра келе айтқан пікірлерін жазба әдеби тілді зерттеуге қосылған едәуір үлес деп есептеу керек.

Б. Әбілқасымов «шамамен XV–XVI ғ. бастап қазақ авторлары бір жағынан «шағатай» немесе «түркі» деп атанған тілді пайдалана жүріп, екінші жағынан, өз шығармаларына қазақтың ауызша әдеби тілін арқау ету арқасында сол «түркі» әдеби тілінің тағы бір жергілікті түрін қалыптастырады» деген пікір айтады. Автор ол – қазақтың көне әдеби тілі еді, бірақ ол ауыз әдебиеті үлгілерінен бөлек қаралу керек дегенді айтады. «Сөйтіп,– дейді Б. Әбілқасымов, – қазақ

32 Исаев С. Қазақ әдеби тілінің қалыптасу, даму кезеңдері. Алматы, 1976. 51-б.

33 Амиров Р.С. Особенности синтаксиса разговорной речи. Алма-ата, 1972. С.9.

34 Исаев С. Қазақ әдеби тілінің совет дәуірінде дамуы. Алматы, 1973.

35 Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. Алматы, 1982. Сол автор. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, 1971.

қаламгерлері XVI ғасырлардан өткен ғасырдың екінші жарымына дейін қазақтың көне жазба әдеби тілінде ресми іс қағаздарын жазды, өзара хат жазысты, кейбір көркем әдебиет үлгілерін (қиссаларды) жазды»³⁶. Б. Әбілқасымов Абай, Ыбырайға дейінгі жазба әдеби тілді «қазақтың көне әдеби тілі» деп атайды. Яғни, біздің біраз зерттеушілеріміздің «кітаби тіл» деп жүргенін Б. Әбілқасымов «көне қазақ жазба әдеби тілі» деп атайық дейді. Оның пікірінше, бұрын қазақтың ауызша әдеби тілі болды, ол тілдің үлгісі алуан түрлі ауыз әдебиеті жанрларында, шешендік толғауларда сақталды³⁷. Сөйтіп, Б. Әбілқасымов «қазақтың ауызша әдеби тілі өз алдына, жазба әдеби тілі өз алдына дамып отырды» деп, оларды даралап қарауды ұсынатын сияқты. Ол қорыта келгенде, қазақтың жазба әдеби тілін үш кезеңге бөледі: 1) қазақтың көне жазба әдеби тілі (XVI ғ.-дан XIX ғ.-дың екінші жартысына дейін); 2) қазақтың жаңа жазба әдеби тілі (XIX ғ.-дың екінші жартысынан XX ғ.-дың 30-жылдарына дейін; қазақтың қазіргі әдеби тілі (XX ғ.-дың 30- жылдарынан қазірге дейін)³⁸.

Әдеби тіл мәселелерімен көбірек айналысқан ғалымдардың бірі – Қ.Өмірәлиев. Ол әдеби тіл жайындағы өз ойын: «Қазақ әдеби тілі тарихы қазақ әдебиеті тарихын сөз ету арқылы ғана сөз етілмек. Яғни қазақ әдеби тілі тарихы қазақ әдебиеті тарихының өзгеше үлгіде баяндалуы ғана»³⁹ «Әдеби тіл дегеніміз әдебиеттің өзі»⁴⁰ деп тұжырымдайды. Осы ойының дұрыстығын дәлелдей түсу үшін ол В. В. Виноградовтың «Әдеби тілді зерттеу, бұл сөздің кең мағынасында, әдебиетті зерттеумен тығыз байланысты», – деген пікіріне сүйенеді. Автор бұл жерде көркем әдебиет тілін әдеби тілдің ең негізгі арнасы, маңызды стилі деп қана қоймай, олардың арасына теңдік белгісін қойып, бір-біріне синоним ретінде қолданып отыр. Бұған қосыла қою қиын. Ал, В. Виноградовтың жоғарыдағы келтірілген сөзінен әдеби тіл – әдебиеттің өзі деген ұғым тумайды. В. Виноградов бұл жерде әдеби тілді зерттеу тек көркем әдебиет емес, жалпы әдебиетті зерттеумен тығыз байланысты екенін айтып отыр. Қ. Өмірәлиев Абайға дейінгі тілді ауызша әдебиет тілі деп атайды. «Әдеби тілді

36 Әбілқасымов Б. Қазақтың жазба әдеби тілінің тарихына қатысты кейбір мәселелер жайында // Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары. Алматы, 1981. 132-б.

37 Сонда 124-б.

38 Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. Алматы, 1982. 220-б.

39 Өмірәлиев Қ. Қазақ поэзиясының жанры мен стилі. Алматы. 1938. 207-б.

40 Сонда. 208-б.

жазбамен ғана байланыстыру бар халықтар үшін шартты емес⁴¹ дейді де, ол әдеби тілге мынадай анықтама береді: «Әдеби тіл – кең мағынада алғанда ауызекі сөйлеу тіліне қарама-қарсы тұрған, өзіндік жүйе-желісі, тақырыбы, формасы бар және өзіндік айту тәсілдері мен үлгілері, сөз өрнектері бар бір бүтін творчестволық туындының тілі; әдеби тіл – жеке бір индивидтің ақиқат жайды өз көңілінше ой қорытындысынан, пікір түйіндеуінен өткізіп барып, өзгеше бір үлгі-формада беру тілі. Ал, бұл тіл ауызша жасала ма, я жазбаша жасала ма? – ол шарт емес»⁴².

Көп жылдар фольклор тілімен шұғылданып келе жатқан Е. Жұбанов халық ауыз әдебиеті шығармаларының тілін ауызекі әдеби тілге жатқызды⁴³. Ол өзінің «Эпос тілінің өрнектері»⁴⁴ атты монографиясында «Эпостық жасампаз дәстүрі арқасында замана әуеніне талмай үн қосып отырған бұндай шығарма қазақ халқының ауызекі әдеби тілінің тамаша үлгісі ғана емес, сонымен бірге ол біздің кейінгі жазба әдебиет тілімізге де нәр берген арна»⁴⁵ дейді. Ал, «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары» (1981) деген жинақтағы редакция алқасының атынан жазылған кіріспеді былай делінген: «Қазақтың ұлт болып қалыптасуына дейінгі жазба әдеби тілін «ескі әдеби тіл» (XVIII ғасырдан XIX ғасырдың ортасына дейін), одан соңғы әдеби тілді «жаңа әдеби тіл» деп қарағанымыз жөн бе дейміз. Сонда XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басы ұлттық жазба әдеби тіліміздің қалыптасу дәуірі болады. Совет дәуірі – сол әдеби тіліміздің мейлінше өсіп, өркендеген, жетіліп кемелденген кезеңі болып есептеледі» (6-б.).

Көріп отырмыз, қазақ әдеби тілінің басталуын XIX ғасырдың екінші жартысы деп жүрген, оны Абай мен Ыбырай шығармаларынан, алғашқы қазақ газеттерінің шығуымен байланыстыратын пікір басымдау. Талас-тартыстың дені XIX ғасырдан арғы дәуірлердегі әдеби тілмен байланысты болып отыр. Басқаша айтқанда, бір топ зерттеушілер «әдеби тіл» ұғымын кең мағынада қолданса, енді бір топ зерттеушілер, әсіресе жазу, сызумен байланыстырушылар, бұл атауды тар мағынада қолданып келеді. Талас-тартыстың туу себебінің бірі –

41 Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М. 1967. С. 100.

42 Сонда. 208-б.

43 Жұбанов Е. Қазақ ауыз әдебиеті және әдеби тіл// Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары. Алматы, 1981. 145-б.

44 Жұбанов Е. Эпос тілінің өрнектері. Алматы, 1978.

45 Сонда. 163-б.

кейбір мамандар әдеби тіл тарихын, оның белгілі бір дәуірін жазу-сызумен байланыстырып, жазу мәдениетімен бірлікте қараса, енді біреулер әдеби тілді жазу-сызумен байланыстырмай, бұл ұғымға ауыз әдебиеті, халық творчествосының туындыларын да қатыстырады.

Қазіргі әдеби тіліміздің екі түрі (формасы) бар екенін зерттеушілер мойындап жүр. Оның бірі жазба әдеби тіл де, екіншісі әдеби тілдің ауыз екі сөйлеу түрі. Бірақ олардың пайда болу, генезистік арналарына келгенде ғалымдардың пікірі түйіспейді. М. Балақаев әдеби тілдің ауызекі сөйлеу түрі тек жазба әдебиетімен байланысты пайда болады десе, «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму Жолдары» деген кітаптағы беташар кіріспе мақаланы жазған редакция алқасының мүшелері: «әдеби тіл, бір қырынан алып қарағанда, жазба тілге тәуелді болса, екінші жағынан, одан әрі дербес бағытта қалыптасады, өз бетімен дамиды. Сондықтан, қазақ әдеби тілінің тарихын тек қазақ баспасөзінің шығу тарихына теліп қараудың қажеті жоқ сияқты»⁴⁶ деп жазады.

Тіл білімінде әдеби тіл категориясын жазумен байланыстыру идеясы басым екенін айттық⁴⁷. Орыс тіл біліміндегі сияқты бізде де әдеби тілді ең алдымен әдебиетпен, көркем әдебиетпен көбірек байланыстыру тенденциясы бар. Бұл, әсіресе, XVI–XVII ғасырлардағы ақын-жыраулардың тілін әдеби тіл үлгісі деп есептеуден аңғарылып жүр. Әрине, әдеби тілдің түрлі стильдік тармақтары бір кезде пайда болмайтыны белгілі. Егер ғылыми стиль, публицистикалық, ресми кеңсе стильдері кейін пайда болса, көркем әдебиет стилі сонау ауызша таралған ауыз әдебиетінің ертеректегі нұсқаларынан, ақын-жыраудың шығармаларынан бері келе жатқаны белгілі.

Әдеби тіл стильдерінің ішінде ең маңыздысы да, халық арасына кең тарағаны да, ең негізгісі де – көркем әдебиет стилін әдеби тілдің бас арқауы деп есептейміз. Бірақ, оларды әдеби тілдің өзі емес, әдеби тілдің бір тармағы, бір компоненті ретінде қарастыруымыз керек. Осы орайда әдеби тіл XIX ғ. екінші жартысында пайда болса да, оның көркем әдебиет стилі одан әлдеқайда бұрын пайда болғанын мойындау қажет сияқты. Сонда XVII–XVIII ғасырлардағы толып жатқан ақын-жыраулар әдеби тілдің бір тармағы – көркем әдебиет стилінде жазды дейтін боламыз. Қазіргі түркологиялық әдебиеттерде

46 Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары. Алматы, 1981. 5-б.

47 Қараңыз. *Будагов Р.А.* Проблемы изучения романских литературных языков. М., 1961; *Горшков А.И.* История русского литературного языка. М., 1965; *Левин В.Л.* История русского литературного языка. М., 1957; *Чикобава А.С.* Введение в языкознание М., 1953. Ч.1.

орта ғасыр ескерткіштерін белгілі бір халықтың әдеби тіліне теліп, меншіктеп қарау «модаға» айналып бара жатыр. Осыдан келіп «ескі өзбек әдеби тілі», «ескі азербайжан тілі», «ескі татар тілі» деген атаулар пайда болды. Қазақ зерттеушілерінің ішінде осы ыңғайда «қазақтың ескі әдеби тілі» деген атауды ұсынып жүргендер бар. Бірақ ол атау жоғарыда аталған азербайжан, өзбек ғалымдарының қолданып жүргендерінен өзгешелеу. Бұл ұғым XIV ғасырдан XIX ғасырдың ортасына дейінгі дәуірді қамтиды. Ал, орта ғасыр ескерткіштерінен бұрынғы VII–IX ғғ. көне, ескі түркі жазу нұсқаларының тілін қазақ әдеби тілінің тарихымен емес, жалпы қазақ тілінің тарихымен байланысты қаралуға тиіс дегенді ғалымдар дұрыс пікірге балайды. Жазба әдеби тілдің арналарына, қайнар көзіне келетін болсақ, бұл мәселеде де зерттеушілердің біраз пікірлері, ұсыныстары бар. Қазақ тілінің бірден-бір айқын айғағы, тарихи кепілі – ауызекі тілі мен бай ауыз әдебиеті. Олай болса, халық тілінің тарихын, әдеби тілдің өрісін ретроспектив тәсілімен үніле зерттеуіміз керек. Ауызша сөйлеу жүйесі де, фольклор тілі де жазба әдеби тілінен іргесі мүлде бөлек, алшақ дүние емес. Әлеуметтік, саяси өткен өмірдің қысылшаң-қыспағы, тауқыметі мол көне замандарда қазақ жазба мұра дегеннен кенде еді. Мұның есесіне мейлінше асыл қазына – ауыз әдебиеті ұрпақтан ұрпаққа кең тарады. Зерттеушілер әдеби тілдің қайнар көзі, арналары дегенде мынандай источниктерді ұсынып жүр:

1) ескі әдеби тіл материалдары (ақын, жыраулар поэзиясының тілі);

2) қазақтың революцияға дейінгі жазба әдеби тілінің материалдары;

3) қазақ ауыз әдебиетінің тілі. Совет дәуіріндегі әдеби тілді екі дәуірге бөліп қарау 1963 ж. Ш. Сарыбаевтың «1920–1930 жылдардағы әдеби тілдің тарихына қатысты кейбір мәселелер» деген мақаласынан басталады. Онда: «Әдеби тілдің 20–30 жылдардан кейінгі келесі дәуірі, біздіңше, орыс алфавиті негізінде жасалған жазуды қабылдау кезеңінен бастау керек сияқты»⁴⁸. – делінген. М. Балақаев, Р. Сыздықова, Е. Жанпейісовтің авторлығымен 1968 ж. басылып шыққан оқулықта «Қазақ әдеби тілі өзінің өзгеріске ұшырау, даму жолында Октябрьден кейін екі кезеңді басынан кешірді: бірі 1920–1930 жылдар арасындағы әдеби тіл; екіншісі 1940–1960 жылдар арасындағы әдеби тіл»⁴⁹. – делінген.

48 Сарыбаев Ш. 1920-1930 жылдардағы әдеби тілдің тарихына қатысты кейбір мәселелер (мерзімді баспасөз материалдары негізінде) // Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1963. 5-шығы. 18-б.

49 Балақаев М., Сыздықова Р., Жанпейісов Е. Қазақ әдеби тілінің тарихы. Университет

Енді әдеби тілдің негізі деген мәселеге келейік. Өздеріңізге белгілі, қазақ тіліндегі диалектілерді, говорларды топтауда әр түрлі пікірлер болып келді. С. Аманжолов оңтүстік, батыс, солтүстік-шығыс сияқты үш диалект бар деген қорытынды жасады, Ж. Досқараев болса, қазақ тілінде екі үлкен говорлар тобы бар деп көрсетті. Олар: 1) оңтүстік-шығыс говорлар тобы. (Шымкент, Жамбыл, Алматы, Талдықорған облыстары, Қызылорданың оңтүстік-шығыс аудандары); 2) солтүстік-батыс говорлары тобы (Орал, Маңғыстау, Гурьев, Ақтөбе, Қостанай, Қарағанды, Целиноград, Павлодар, Солтүстік Қазақстан облыстары, Қызылорда облысының батыс аудандары және Семей облысының солтүстік батыс аудандары). Н. Т. Сауранбаев (*ш~ч, д~л* дыбыстарының алмасуы негізінде) диалекттерді екі үлкен топқа бөлді: 1) Солтүстік-батыс облыстарындағы *ш, д* диалектілер тобы. 2) Оңтүстік және оңтүстік-шығыс облыстарындағы *ч, л* диалектілер тобы. Кейінгі зерттеулер мен экспедициялық материалдарға қарағанда, С. Аманжоловтың пікір говорларды топтастыруы жағынан шындыққа жақындайтын сияқты. Бірақ, бұл классификацияға біраз түзетулер енгізу керек. Мысалы, С. Аманжолов өз кезінде солтүстік пен шығысты қосып, солтүстік-шығыс диалектісі деп атаған. Қолдағы материалдарға қарағанда шығыс говорларының солтүстік говорлардан біраз айырмашылықтары бар екені анықталып отыр. Қазір қазақ тілінде төрт түрлі говорлар тобы айқын көріне бастады;

1) оңтүстік, 2) батыс, 3) шығыс және 4) орталық- солтүстік.

С. Аманжолов қазақ әдеби тілінің негізі солтүстік-шығыс диалектісі болды деген пікір айтқаны белгілі. Ол бір еңбегінде: «Әдеби тіліміздің жасалуы үшін оңтүстік, батыс диалектілері негіз болған жоқ, бұлардың байлығы соңғы кезде ғана халық шаруасының бірлесіп өркендеуі арқасында ғана көрініп отыр»⁵⁰ десе, тағы бір еңбегінде:

«Қазақтың үш жүзінен шыққан ақын-жазушылар біріне-бірі қайшы тілде, бірнеше бөлек диалектіде жазып, әрқайсысы өз беттерімен, өз білгендерімен шығармаларын таратуға тырысты⁵¹; - дей келіп, «Қазіргі қазақ әдеби тілге солтүстік-шығыс қазақтарының тілі негіз болды»⁵² - деген пікір түйді. Бұл пікірді ғылыми тұрғыдан дәлелді пікір дей алмаймыз.

пен педагогтық институттарының филология факультеттеріне арналған оқу құралы. Алматы, 1968. 188-189-б.

50 Аманжолов С. Қазақтың әдеби тілі. Алматы, 1949. 28-б.

51 Сонда. 24-б.

52 Аманжолов С. О диалектной основе казахского литературного языка//Изв. АН КазССР. Сер. Филологии и искусствоведения. 1955. Вып.3-4. С.18.

Ж. Досқараевтың пікірі бойынша бір кезде қазақ әдеби тілінің негізінде «д» және «ш» мен айтылатын говорлар жатса (батыс, солтүстік), енді әдеби тілге оңтүстік говорлары тірек болған⁵³. Ә. Нұрмағамбетовтің бұл мәселе жөніндегі пікірі С. Аманжоловтың пікіріне жақындай түседі: «Дәл қазіргі әдеби тілдің қалыптасуына қай жағынан болса да (фонетика, лексика, грамматика) республикамыздың белгілі бір аймағындағы тұрғындар тілі арқау, негіз болғандығы айқын, анық сезіліп тұр. Ол – республикамыздың орталық және солтүстік облыстарындағы қазақтар тілі»⁵⁴. Енді бір той ғалымдарымыз әдеби тіл бір диалектінің негізінде емес, жалпы халықтық тілдің негізінде жасалды деген пікір айтып жүр. Әдеби тілдің негізі жалпыхалықтық тіл болғаны, барлық диалектілер негізінде жасалғаны туралы пікір кейінгі уақытта ғана пайда болған жаңа пікір емес. Кезінде М. Әуезов, І. К. Кеңесбаев, М. Б. Балақаев т.б., ал қазір А. Ысқақов, Р. Сыздықова, С. Исаев т. б. ғалымдар тарапынан да қолдау тауып отыр.

Дүниежүзі тілдеріндегі диалектілердің сипаты бірдей емес. Кейбір тілдердің құрамындағы әр диалектіде сөйлейтін адамдар бірі-бірін түсінбейтін, немесе әрең түсінетін дәрежеде болуы мүмкін (мысалы, қытай тіліндегі диалектілер), кейбір тілдердегі диалектілердің өзара айырым белгілері сан жағынан көп болғандықтан, бір-бірінен айырмашылықтары бірден байқалып отырады. Енді бірқатар тілдердегі диалектілер монолиттілігін, бірлігін сақтап, олардың құрамындағы диалекті, говорлар бір-біріне тіпті жақын, бір-бірінен айырмашылығы аз болады. Әрине, тілдің монолиттілігі оның құрамында говорлардың орын алуын жоққа шығармайды. Қазақ тілі бірқатар басқа түркі тілдерімен (өзбек, азербайжан т.б.) салыстырғанда біртұтастығы (монолиттілік), тілдік ортақтығы жағынан әлдеқайда күшті. Ғалымдардың бірқатары әдеби тілдің негізіне белгілі бір диалекті тірек болуы шарт деген пікірге қосылмайды. Белгілі түрколог Е.И.Убрятова: түркі әдеби тілдерінің бәрі бірдей белгілі бір диалектіге негізделі бермейтінін айта келе, Якут халқының әдеби тіліне ешбір диалект негіз болмағанын, соған қарамастан бұл тіл өмір сүріп, әрі қарай дамып келе жатқанын, ол тілде жазылған бай әдеби мұра бар екенін сөз етеді⁵⁵.

Европа тілдері арасында да жеке диалект емес, барлық диалектілердің негізінде пайда болған әдеби тілдер бар. Мысалы, Г. В. Степанов Италияда өте күрделі ситуацияның орын алып отырғанын, ондағы әдеби тіл бір диалектінің емес, әр түрлі диалектілердің негізінде пайда болғанын айтады⁵⁶.

53 *Досқараев Ж.* [Жарыссөзде сөйлеген сөзі]// Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата. 1964. С. 199-200

54 *Нұрмағамбетов Ә.* Әдеби тілдің дамуында диалектілердің алатын орны// Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары. Алматы, 1981. 94-95-б.

55 *Убрятова Е.И.*[Жарыссөзде сөйлеген сөзі]// Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1958. С.136.

56 *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуации в странах романской речи.

Әдеби тілдің диалектілік негізін әр диалектіде сөйлейтін адамдардың бірін-бірі түсінбейтін диалектілердің арасы өте алшақ қытай тілі сияқты тілдерден, немесе диалектілердің бір-бірімен айырмасы күшті тілдерден іздеу керек. Өзбек әдеби тілінің негізі Ташкент пен Ферғана говорлары, азербайжан әдеби тілінің негізі шемахин-баку диалектісі болды деп есептейді зерттеушілер. Кейбір тілдер үшін әдеби тілдің диалектілік негізі керек те шығар. Өйткені бұл тілдердегі диалектілердің өзара айырмашылықтары күшті. Бір мысал келтіруге болады. Өзбек тілінің орфографиялық сөздігін жасау бір кезде Ферғана говорының өкілдеріне тапсырылған болатын. Осы сөздікті құрастыру үстінде Ташкент пен Ферғана өкілдері арасындағы сөздердің жазылуы туралы көп дау туып, әлі күнге дейін басылмай келе жатыр. Ал, қазақ орфографиялық сөздігін жасау үстінде мұндай диалектілік ерекшеліктермен байланысты (кейбір сөздердің жазылуы болмаса) мұндай дау болған емес. О. Нақысбековтың Көкшетау қазақтарының тілін зерттеуге арналған мақаласында шекейін (шейін), кигіз үй (киіз үй), мұрса (мұрша), бунақ (перне), құлақ нан (етке салатын нан), сарымсақ; (пияз), шөтке (есіктің ілгегі), т.б. жалпы саны 300-ден аса ерекшеліктер келтірілген⁵⁷.

Орталық-солтүстік диалектісінде фонетикалық, грамматикалық ерекшеліктер басқа диалектілерге қарағанда аздау. Ерекшеліктер аз, жоқтың қасы деп айтылғанда, ерекшеліктер мүлдем жоқ деуге болмайды. Оның үстіне О.Нақысбеков тек Көкшетаудың кейбір аудандарын ғана қамтып отыр. Қамтылмай жатқан аудандарда ерекшеліктердің болуы мүмкін ғой. Солтүстік-шығыс, Орталық-солтүстік говорлары әдеби тілдің негізі деп есептейтіндер, әдетте, оңтүстік, батыс облыстарында кездесетін грамматикалық, фонетикалық ерекшеліктерді дәлелге келтіреді. Бірақ, олар сан жағынан көп емес, бірен-саран екенін ескермейді. Ә. Нұрмағамбетовтің «Қазіргі әдеби тіліміздің лексикасы қазақ тілі диалектілеріне ортақ, барлығына тән ерекшеліктердің негізінде қалыптасқан»⁵⁸ – деген пікірі дұрыс, тек бұл жерде лексикамен шектелмей, грамматикалық және фонетикалық құбылыстарды да қоса айту керек еді. Бұл мәселе – өз алдына зерттеуді қажет ететін проблема.

Әдеби тілді зерттеуде алда тұрған алынбаған талай бел-белес, асулар бар. Әлі ашылмай, табылмай жатқан қыруар нұсқаларды М., 1976.

57 Нақысбеков О. Көкшетау экспедициясының материалдарынан// Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1960. 2-шығуы.

58 Нұрмағамбетов Ә. Әдеби тілдің дамуында диалектілердің алатын орны// Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен жолдары. Алматы. 1981. 92-б.

іздестіру жұмысын былай қойғанда, қолда бар мұралардың тілі толық зерттелмей келе жатыр. Мысалы, шығыс түріктерінің, яғни Қарахан әулеті билеген жерлердегі түркі тайпаларының тілінде жазылған ескерткіштер; Оғыз, әсіресе қыпшақ, тайпаларының тілінде жазылған шағатай, орта азиялық түркі жазба әдеби тілінде жазылған жарнамалар тілі т.б. Орта ғасыр ескерткіштерінің тілін зерттеу тек әдеби тіл тарихы үшін ғана, немесе жалпы қазақ, тілі тарихы үшін ғана емес, тарихи лексикология, тарихи фонетика мен диалектология, тарихи грамматикамен байланысты проблемалық мәселелерді шешу үшін де аса қажет. Одан кейінгі дәуірдегі ауыз әдебиеті, жазба ескерткіштерінің тілін газет, журнал мақалалары деңгейінде ғана зерттемей, жоспарлы түрде монографиялық дәрежеде зерттеу жұмысын үдете түсу керек. Мұнымен қатар текстологиялық ізденістерді кеңінен жүргізуді қолға алу керек.

Айта кету керек, қазіргі шығып жатқан көне мұраларымыздың кейбірі сенімсіздік тудырады. Өйткені баспадан шығарғанда олардың тілі осы күнгі нормаға сәйкес өңделіп, жөнделіп шығарылды. Бұл «өндеулер» мен «жөнделулер» зерттеушіні адастырады, теріс қорытынды жасатады. Сондықтан, тіл мамандары әдебиет зерттеушілерімен бірлесе отырып, текстологиялық жұмысты жандандыру керек. Әдеби тілдің әдеби болып аталуына негіз болатын әдеби тілдің әр алуан стильдері зерттелмей келе жатыр. Олар – ресми іс қағаздары стилі, публицистикалық стиль, ғылыми-техникалық әдебиет тілінің стилі, оқулықтар тілінің стилі, көркем әдебиет тілінің стилі, эпистолярлық стиль т.б. Соларды жан-жақты зерттеу жұмысы қолға алынуы керек. Әдеби тілдің арналарын құрайтын мол мұра әлі де болса жиналып зерттеліп болған жоқ. Еліміздің шет ел архивтерінде іздеу салып, ескі мұраны жинастыру мәселесін ғылыми жолға қоятын мезгіл жетті. Москва, Ленинград, Орынбор, Казан, Омбы қалаларындағы архив материалдарын ақтарып зерттеу керек. Әдеби тілдің диалектілік негізімен байланысты мәселелерді шешу үшін тарихи диалектология мәселелерін зерттеуді қолға алу керек. Жоғары оқу орындарында тіл тарихы оның ішінде әдеби тіл тарихы курсының ғылыми дәрежесін көтеру мақсатымен, студенттерді оқулықтармен қамтамасыз ету үшін «Тарихи фонетика», «Тарихи лексикология», «Тарихи морфология», «Тарихи синтаксис» атты еңбектерді бастырып шығаруға, бұрын жарық көрген еңбектердің сапасын жақсартуға ден қойған жөн.

Бүгінгі күн тәртібіне қойылып отырған әдеби тіл тарихының келелі мәселелерінің ғылыми тұрғыдан өз дәрежесінде дұрыс шешілмей келуі де, сайып келгенде, бұл саладағы зерттеу жұмысының әлі-күнге дейін кең өріс алмай келуіне байланысты болса керек. Кейінгі кезде ғана қолға алынып, күрделі еңбектердің жазылуы, ғалымдардың, жалпы көпшілік қауымының ана тілінің өткен тарихы мен болашағына жасап отырған қамқорлығы бұл саладағы барлық игілікті ісіміздің тек бастамасы ғана. Бұл мәселені жан-жақты зерттеудің мақсатын анықтап, оған бағыт-бағдар көрсету – конференциямыздың негізгі міндеті деп білеміз.

«Қазақ әдеби тілі тарихының проблемалары» атты ғылыми-теориялық конференция материалы; 10-35 б.

Алматы, Ғылым. 1987.

(І.Кеңесбаев, М.Балақаев, Ш.Сарыбаевтармен бірге)

Ауылдастар тағдыры

Белгілі ұйғыр жазушысы Хизмет Абдуллиннің «Жерлестер» атты романы Ұлы Отан соғысы тақырыбына арналған. Жекелеген әңгімелерді есепке алмасак, соғыс жылдарын суреттейтін көлемді туынды ұйғыр прозасында күні бүгінге дейін болған емес. Осы тұрғыдан келгенде аталмыш романның атқарар жүгі қаншалық екені әркімге-ақ түсінікті болса керек.

Майдан өмірін өз басынан өткеріп, соғыстың қаһарлы шындығын көзімен көрген қаламгер ерте ме, кеш пе, оқырман жұртшылықпен сырласары хақ. Бауырлас совет халықтарымен қатар ұйғыр халқының да басына түскен қиын-қыстау күндер, майдандағы жауынгерлердің жанқиярлығы мен қайтпас ерлігі, тылдағы қарапайым адамдардың қажыр-қайраты, жауға деген өшпенділік пен ұлы мақсат жолындағы арпалысқа толы күрес – осының бәрі жазушы жанына өз сәулесін түсіруге тиіс еді. Шынында да, Х.Абдуллин Ұлы Отан соғысының жекелеген эпизодтарына арналған көптеген шағын әңгімелер жазды. Міне, енді біздің алдымызда жазушының көлемді туындысы жатыр.

Автордың алға қойған негізгі мақсаты неміс фашист басқыншыларына қарсы жаппай күреске ұйғыр халқының қатысқанын көрсету ғана емес, осы күрестің адам айтқысыз қиындығын, жеңістің біздің еліміз үшін қаншалық қымбатқа түскендігін де көрсету болса керек. Оқ пен от астындағы майданмен қатар ауыр еңбекке толы тыл

өмірін де суреттеу жазушының өз тақырыбын кеңінен қамтуына мүмкіндік берген. Тылда жүрсін мейлі, соғыс даласында жүрсін мейлі, роман қаһармандары жалғыз-ақ мақсатпен тыныстайды, бір жағадан бас, бір жеңнен қол шығарып, ортақ жауға қарсы атой салады. Жазушы ойының сәтті шешімі де осында.

Автор совет халықтары арасындағы туысқандық, достық сезімдерді көрсетуге баса назар аударыпты. Дайын схема, жалаң декларация, әйтеуір солай болуға тиіс деген долбар жоқ. Бұл ретте жазушы бейнелеуіндегі ұйғырлар мен қазақтар арасындағы риясыз достық көңіл ерекше көзге түседі. Екі халықтың ежелгі достығы фашистерге қарсы күрестің қиын күндерінде бұрынғыдан ары шыңдалады.

Автор совет халықтары арасындағы осындай бірліктің, осындай достықтың арқасында ғана ортақ жауды жеңу мүмкін болғандығын көркем образдар арқылы шебер дәлелдеген.

Шалғайдағы «Бірлік» атты ұйғыр деревнясында басталған роман оқиғасын автор бірте-бірте майдан далаларына – Сталинград түбіне, Орел-Курск доғасына және ең ақырында құзғындар ұясының өзіне көшіреді. Міне осының бәрі авторға соғыс жылдарының шындығын кең масштабта қамтуға мүмкіндік берген. Романның сюжеті мен композициялық желісі кейіпкерлер образдарының ашылу процесімен тығыз байланысты екендігін аңғарамыз. Жазушы өзінің негізгі идеясын шығармадағы басты кейіпкерлердің бастан кешкендерін суреттеу арқылы жеткізген.

Романның бас қаһармандары – ұйғыр Әнуар, қазақ Қамбар. Бұлардың қай-қайсысы болмасын өз кескін-келбетімен, өзіндік жан дүниелерімен көрінген.

Әнуар – соғыстың алғашқы күндерінде-ақ әскер қатарына шақырылған бала жігіт. Халық жауының ұлы болғандықтан кемсіту, қорлаудың небір түрін көрген «күмәнді» жігіт азаматтық атымды ақтайтын кезең туды деген оймен майданға құлшына аттанады. Алайда жас кезінен теперіш көріп өскен Әнуардың бойында жасқаншақтық та жоқ емес еді. Өзінің адал ниетпен жасаған алғашқы адымында-ақ қиыншылық көріп, сәтсіздікке ұшыраған Әнуар бұрын баукеспе ұры болған Робик деген бұзақының ықпалына түседі де, майдан даласына бет алған жолынан тайқиды, Робикпен бірге әскерден қашады. Жалған документтер тауып алған Әнуар сағалап Алматыға келеді, бұдан соң өз ауылы Бірлікке барады. Алайда көп ұзамай қолға түсіп, айып

батальонына жіберіледі. Әнуар осы арада өзінің «досы» Робикпен қайта табысады: ол да ұзап кете алмаған екен.

Міне, айып батальоны ұрысқа кірді.. Соғыстың ащы шындығы суреткерлік шеберлікпен көрсетілген осы беттерді романның ең таңдаулы бөліктерінің бірі ғой деп ойлаймыз.

Сталинград... Өлім не өмір... Адам бойындағы жақсы қасиеттер осындай сәттерде көзге түспек. Әнуар мен Робик қайтер екен? Ар мен намыс жеңеді. Қанша дегенмен Советтік тәрбие сүйектеріне сіңген, өз Отанын жанындай сүйетін екі жас ерлікпен шайқасады. Робик ұрыста қаза табады да, Әнуар өзінің Отан алдындағы міндетін жұрт қатарлы орындауға мүмкіндік алады. Өз бөлімімен бірге Берлинге дейін барып, Рейхстагты алуға қатысқан, көптеген орден-медальдармен наградталған, соғыс біткен күні Москвадағы Жеңіс парадына қатынасқан Әнуар шығарманың аяғында өзінің туған ауылына, бейбіт еңбекке қайтып оралады. Романның бас қаһарманы өткен өмір өткелдері осындай.

Әнуардың ауылдасы әрі досы Қамбар тағдыры бұдан гөрі өзгешерек болады. Қамбар әуелде ұзақ уақыт бойы Совет Армиясының Моңғол Халық Республикасы жерінде тұрған резервтегі бөлімдерінде қызмет атқарады. Албырт жас ерлікті аңсайды, тезірек майдан даласына жетуді, басқыншылармен мейірімсіз алысуды армандайды. Алайда жазушы шығыс шекарадағы жағдайды суреттей келіп, қырағы кез бен қайратты қол бұл жақта да қажет екендігін көрсетеді.

Ақыры Қамбар да алдыңғы шепке шығады. Ол Берлин бағытында Шпрее өзені үшін болған шайқасқа қатынасып, ауыр жарақаттанады да, госпитальға түседі, сөйтіп жеңіс» сағаты сокқан сәтті операция столында қарсы алады.

Ұзақ уақыт емделудің нәтижесінде Қамбардың көз жанары қалпына келеді, бірақ ол мүгедек күйінде қалады: от шарпыған бет өзінің бар шырайынан айрылған еді. Ал ауылда сұлу Зухра бар. Қалыңдығы, Әнуардың қарындасы. Сүйгенім сырт айнарлар деп қорыққан Қамбар елге қайтпауға бекінеді. Алайда бұл ситуация өзінің сәтті шешімін табады. Оның себепкері сол Зухраның өзі болады. Сүйіктісінің шынайы махаббаты Қамбарды қайтадан қатарға қосады, өмірге сенім, бойына жігер береді.

Романдағы екінші қатардағы кейіпкерлердің бейнелері де есте қаларлық болып шыққан. Көз алдымызда Ханифа тәтей, Сүлеймен

атай, Рухсарахан, Зухра, Дәуіттер. Қиын-қыстау кезеңде тылда аш-жалаңаш жүріп жан аямай еңбек етіп, жеңіс күнін жақындатқан, міне, осылар сияқты қарапайым адамдар.

Ендігі бір шебер мүсінделген кейіпкер «Бірлік» колхозының бастығы Олады. Бұл күрделі характер. Өзінше қоғамға пайдалы адам болғысы келеді. Алайда басшылықтың ескі әдістерін қолданатын мұндай жанның пайдасынан зияны көбірек тиеді. «Бәрі майдан үшін, бәрі жеңіс үшін!» – деген ұранды жалаң айғайға айналдырып алған Оладының бойында Отанға берілгендіктен гөрі шолақ белсенділік басым. Біреуді нақақтан нақақ жәбірлеу, қарауындағы жұртқа зорлық-зомбылық көрсету оның стихиясы сияқты. Оладыға берілген мінездемедегі кейбір штрихтардан біз оның арының таза еместігін де білеміз. Сонау бір жылдары талай адал адам оның жаласының құрбаны болыпты. Алайда Олады сияқты жандардың адымы қысқа болып шығады...

Романды оқығанда автордың өзі суреттеп отырған өмірін жете білетіндігі аңғарылады. Туған жердің әсем табиғаты, ұйғыр халқының мәдениеті, салт-санасы, әдет-ғұрпына тәнті боламыз. Және осының бәрі жалаң экзотика емес, романның сюжеттік желісіне, кейіпкерлердің іс-әрекеттеріне қатысты көрсетілген. Соғыс көріністерінің суреттелуінде де жасандылық жоқ, автор майдан шындығын реалистік тұрғыдан бейнелеуге тырысады.

Міне осының бәрі жазушы шеберлігінің шыңдала түсуінің ғана емес, ұйғыр прозасының өсу, өрлеу үстінде екендігінің де айғағы ғой деп ойлаймыз.

ОҚУ-АҒАРТУ КӨКЖҮЕГІ

Как слово наше отзовется

– Если мировое языкознание имеет длительную историю, начинающуюся с древнеиндийской грамматики Панини, жившего в III веке до нашей эры, то казахское языкознание – детище Великой Октябрьской социалистической революции. Мы с благодарностью вспоминаем имена дореволюционных русских ученых Н. И. Ильминского, В. В. Катаринского, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, которых можно назвать пионерами изучения казахского языка. Это они впервые описали (в общих чертах) грамматический строй, фонетическую систему, лексику языка казахов, определили его место в ряду других тюркских языков.

Первые шаги казахского языкознания были продиктованы практическими побуждениями – составлением учебников и учебных программ для школ и открывающихся вузов. Необходимо было создать письменность для казахского языка: впервые за свою многовековую историю степной народ получил возможность приобретать знания. В решении этих насущных задач велика роль первого казахского профессора-лингвиста Х. Жубанова. Один из зачинателей казахского языкознания, он впервые дал оригинальное решение ряда проблем истории, исторической грамматики, этимологии казахского языка.

В 1946 году открылась Академия наук республики, возникла возможность планомерного изучения научно-теоретических проблем фонетики, лексикологии, грамматики. Казахская лингвистическая наука обогатилась трудами таких видных ученых, как С. Кенесбаев, Н. Сауранбаев, М. Балакаев, С. Аманжолов, Ж. Доскараев, Г. Мусабаев, А. Искаков. Проходит пятнадцать лет, и на базе Института языка и литературы создается два самостоятельных исследовательских центра: Институт языкознания и Институт литературы и искусства им. М. Ауэзова. Научная структура Института языкознания определена его целевыми задачами: вместо прежних шести отделов сейчас – 11: отдел грамматики казахского языка, тюркологии и истории казахского языка, культуры речи, диалектологии, лексикологии, лексикографии, ономастики, фонетики, терминологии и теории перевода, русского языка и социолингвистики и комплексный отдел уйгуроведения.

Сегодня казахская языковедческая наука обогатилась новыми направлениями исследования, она имеет все основные разделы, которыми представлено советское языкознание в целом. Одно лишь перечисление трудов казахских языковедов заняло бы очень много времени. За годы Советской власти выпущено в свет более 200 книг, более 100 словарей, не говоря уже о научных статьях (их несколько тысяч).

Казахскими языковедами выпущено множество словарей, имеющих прикладное значение, – терминологических, орфографических, двуязычных, синонимических, диалектологических, этимологических, фразеологических, персональных, алфавитно-частотных, иноязычных и т. д. Это наиболее значительное и, я бы сказал, плодотворное направление в казахском языкознании.

Несомненным достижением является составление и издание многотомного толкового словаря (коллектив авторов под руководством члена-корреспондента АН Казахской ССР профессора А. И. Исакова). В настоящее время готовится к выпуску 7-й том. Словарь фиксирует и опишет все лексико-фразеологическое богатство казахского языка, которое отражает материальную и духовную культуру казахского народа. Кстати, выпуск такого объемного толкового словаря осуществляется впервые в тюркологии.

Фундаментальным является «Фразеологический словарь казахского языка» академика АН Казахской ССР С. Кенесбаева, удостоенный в 1978 году Государственной премии Казахской ССР.

В лексикологических исследованиях получили освещение как общие, так и частные аспекты лексикологических проблем, рассмотрены семасиологические и историко-этимологические проблемы лексикологии.

Каждый год экспедиционные отряды нашего института отправляются для сбора полевых материалов в различные области Казахстана. Непременными участниками этих экспедиций являются сотрудники отдела диалектологии института. В итоге выявлены и монографически описаны почти все основные диалектные явления по всем регионам Казахстана. Казахские диалектологи под руководством профессора Ш. Сарыбаева участвуют в составлении диалектологического атласа тюркских языков. Впервые в тюркологии составлен

«Диалектологический словарь казахского языка», вылущены пять тематических сборников, десятки монографий и несколько сотен научных статей.

Ведутся исследования, связанные с научно-практическим урегулированием сложного процесса нормализации казахского письменно-литературного языка. Это исследования по культуре речи, по стилистике, по языку переводов художественных произведений.

Казахских ученых не могут не интересовать проблемы истории языка и письменных памятников. Исследования в этом важном направлении в ряде случаев перекликаются с проблемами общетюркологического и алтаистического порядка.

На огромной территории Казахстана сотни тысяч географических названий. Богатейший этот материал, содержащий много ценных для языковедов сведений, должен быть собран, систематизирован и научно описан сотрудниками отдела ономастики, руководимого доктором филологических наук Т. Жанузаковым.

Наиболее подвижной, изменяющейся частью лексики является терминология. Знание терминологического процесса важно для развития и обогащения литературного языка. Большую работу в этом направлении проводит Казгостерминком при Совете Министров республики. Однако без разработки научных основ терминотворческой деятельности во всем объеме, а не по отдельным отраслям науки, вне их связи данная проблема окончательного решения не получит. Такое решение и участие в создании серийных терминологических словарей – задача сотрудников отдела теории перевода и терминологии.

Более полувека живут и трудятся рядом представители разных национальностей на территории огромного Казахстана. Языком дружбы и взаимного общения является для них всех русский язык. Влияние его на структурно-функциональное развитие казахского и других языков является предметом исследований большой группы ученых Института языкознания. Права гражданства и активное развитие получило в казахском языкознании новое в советской науке направление – математическая лингвистика, исследующая проблемы машинного перевода и инженерного языкознания с помощью статистических, информационных и кибернетических методов. Исследования эти ведутся под руководством профессора К. Бектаева.

Интересно и плодотворно рука об руку с казахскими учеными в Институте языкознания трудятся и уйгурские языковеды Г. Садвакасов,

Т. Талилов, О.Донамалдинов, Ш. Баратов, Ш. Кибиров и другие. Десятки монографий, сборников, учебников, исследований по всем основным проблемам уйгуристики – таков общий итог их работы.

Можно с уверенностью сказать, что в институте трудится большой и зрелый отряд ученых, способный решать актуальные проблемы языкознания.

*«Ленинская смена», 1982. 22 декабрь.
(Беседовал Е.Керимбаев)*

Қыздарын құрметтеген ел едік

Қазақ үшін жоғары оқу орындарының ішінде Қазақтың мемлекеттік қыздар педагогикалық институтының орны ерекше, қасиетті де қастерлі. Олай дейтінім, өмірдің бар жақсылығы ананың атымен байланысты. «Отан ана», «жер ана», «ана тілі» секілді әрбір азаматқа аса қымбат ұғымдардың барлығы да ананың атымен байланысты. Қыздар институтында оқып, кәсіби білім алатын қыздарымыз – болашақ аналарымыз, олар тек жас ұрпақгың тәлім-тәрбиесіне тікелей үлес қосатын мектеп мұғалімдері ғана емес, сонымен бірге егеменді елдігіміздің бірден-бір кепілі – ана тілімізді ұрпақ бойына дарытушы ардақты жандар. «Ұл өссе – ұрпақ игілігі, қыз өссе – ұлт игілігі» дейтін халық даналығы мен Елбасымыз Н.Назарбаевтың «Қазақстанның болашағы – қазақ тілінде» деген уәли сөзі осының айғағы.

Институттың құрметті профессоры ретінде мен оған кейінгі кездерде жиі барып, оның ұжымымен араласып, студент, оқытушыларының кездесу, басқосуларына қатысып тұрамын. Сонда байқағаным, соңғы бір-екі жыл барысында институтта көптеген игілікті істер атқарылып, жаңа үрдіс қанат жайып келеді.

Айталық, өткен оқу жылынан бастап заман талабына орай институтта құрылымдық өзгерістер жүргізілді. Мұнда бұрынғы факультеттер мен бөлімшелер негізінде жаңаланып, төрт факультет (тарих-филология, жаратылыстану және бастауыш мектепте оқыту, экономикалық және мәдени қызмет көрсету, шетелдегі отандастарға арналған дайындық факультеттері), сондай-ақ жетім балалар үшін арнайы дайындық бөлімі қайта құрылыпты.

Бұл факультеттердің 23 кафедрасында еңбек ететін ұстаздар 39 түрлі мамандық бойынша дәріс береді екен. Жаңадан араб, ағылшын, неміс, қытай, корей тілі пәндері бойынша қос тілді

меңгеретін мамандар даярлау ісі қолға алынған. Демек, бұл шәкірттер болашақта мамандығы бойынша мұғалім, әрі аудармашы-референт болып еңбек ете алады деген сөз.

«Жетім көрсең жебей жүр» демекші, жоғарыда атағанымыздай, институт ұжымы өзінің әу бастағы міндетіне сай жетім өскен, жас қыздардың мамандық алуына мүмкіндік жасап, соған сәйкес білім мен тәрбие беруді қайта жандандыра бастаған. 1944 жылдары, институт алғаш ашылған тұста да, осындай қайырымдылық шаралары жүргізілгенін білеміз. Сол сұрапыл соғыс жылдарында қолға алынған алдыңғы аға ұрпақтың өнегелі істері бүгінде де жалғасын тауып отыр. Осы оқу жылында кең байтақ республикамыздың әр түкпірінен келген 200-ге тарта тұлдыр жетім қыздарымыздың, Білім және ғылым министрлігі мен ҚР Президенті жанындағы Отбасы және әйелдер істері жөніндегі ұлттық комиссия тарапынан құрылған арнаулы комиссия арқылы іріктеліп, жоғарыда аталған арнаулы дайындық бөлімінен білім нәрін, тәрбие тағылымын алып келеді.

Сондай-ақ институт қаржысымен әр түрлі мамандықта 15 жетім қыз мамандық алады екен. Оралман жастар үшін арнайы ашылған дайындық факультеті де үш-төрт жылдан бері шетелдік қандастарымыздың балаларын біздегі білім жүйесіне үйрету мақсатында дайындық шараларын тиянақты түрде жүргізіп отыр. 300-ге тарта қандастарымыз даярлық факультетін табысты тәмамдап, еліміздің басқа да жоғары оқу орындарына түсіпті.

Өткен 60 жылға таяу уақыт ішінде осы институтты бітірген мыңдаған түлектер Қазақстанның төрт бұрышында түгел, қоғамдық-мәдени өміріміздің сан алуан саласында қызмет атқарып, игілікті ісімен ел мерейіне бөленіп келе жатса, олардың болашақта атқаратын қызметі бұдан да ұлғая түспесе, кемімейді деп айта аламын. Тәуелсіз мемлекетіміздің елдігін танытатын, халқының тілін, ділін, дінін, ата дәстүрін біліп өсетін жас ұрпақтың болашақ тағдыры осы оқыған, маман, ұстаз аналардың қолында. Ахмет Байтұрсынұлының «Біз – кешегі заманның баласымыз, болашақтың атасымыз» деген пікіріне сәйкес, алдағы ғасырда бесігімізді түзеп, салауатты ұрпақ өсіргіміз келсе, ең алдымен ана есіміне байланысты барша рухани күшімізді қолдап, қуаттай білуіміз керек.

Жуырда Қазақстан Республикасының Президенті Н.Назарбаевтың бірқатар мемлекеттік жоғары оқу орындарына ерекше мәртебе беру туралы Жарлыққа қол қойғаны өзімізге белгілі. Бұл өте құптарлық

қадам екенін айта отырып, біз өз тарапымыздан осы оқу орындарының қатарына өзіндік, көпжылдық тәжірибесі бар, қалыптасқан үрдісі мен тәлім-тәрбие беру, маман дайындау үлгі-өнегесі, білім алуға қажетті оқу орны, кітапханасы, техникалық тұрмыстық жағдайы, құрал-жабдықтары бар, оқу-әдістемелік және компьютер техникасымен қамтамасыз етілген, сондай-ақ институт жанынан ашылған орта білім беретін лицей, колледж, гендерлік ғылыми-зерттеу институты, баспаханасы, мәдени-өнер орталығы бар, қоғамға аса қажетті, 6 мыңдай студенті, 378 оқытушы-профессоры бар осы бір қара шаңыраққа да ерекше статус (мәртебе) беру әбден орынды болар еді демекпіз.

*«Егемен Қазақстан»
31 шілде 2001.*

Араб, парсы тілдерін үйренудің ділгерлігі

Советтік Қазақстан жарты ғасыр ғұмырында мәдени өрісі кеңейіп, биік тұғырдан көрініп отыр. Бүгінгі таңда 350 мың студент оқып жүрген 43 жоғары оқу орны мен 199 техникум бар. Бұған қоса 25 мыңнан аса ғалым (бұлардың ішінде 350 доктор, 5000 шамасы ғылым кандидаты) жұмыс істейтін 168 ғылыми мекемені атасақ, соның өзі біздің шыққан биікті мегземей ме! Барға ырзамыз. Бірақ, бұған уақыт көңілі толмайды, оған қанағат еткізбейді. Мысалы, байқасақ, біздің ғалымдар күні бүгінге дейін халқымыздың орта ғасырдағы бай жазба мұраларының мұртын сындыра да алмай келеді. Осының сыры неде? Бұл сұраққа жауап беру үшін көкейтесті мәселенің басын ашу қажет.

Рас, өскелеңөмір талабына сай, соңғы жылдарда республикамыздың ғылыми-педагогикалық мекемелерінде халқымыздың рухани және дүниелік қазыналарын, атап айтқанда әдеби жазба мұраларын, ұлт тілдерінің тарихы мен даму жолдарын жан-жақты зерттеу жұмыстары жедел қолға алынды. Бірақ тереңнен ақтара, дөп анықтай зерттеу ісі асқан білімділік пен ғұламалықты, ең алдымен шығыс халықтарының, атап айтқанда, араб, парсы тілдерін жүйрік те жетік білуді талап етеді. Өйткені, халқымыздың даму тарихы, оның рухани және дүниелік байлығы көп ретте араб елдері халықтарымен тікелей байланысты. Біздің қолымыз жетпей отырған, атадан қалған бағалы жазба ескерткіштеріміздің көпшілігі сол тілдерде сөйлейді. Өкінішке орай, өзімізде, не өзге елдерде сақталған араб, парсы тілдеріндегі деректер мен халқымыздың тарихын паш ететін әр түрлі қолжазбалар

казынасы көрсетілген тілдерді білмегендіктен, білетін мамандарды жоғары оқу орындары мен ғылыми мекемелер дайындамағандықтан, дайындалған күнде де олардың өте мардымсыз, тапшылығынан, ғылыми тұрғыда кәдеге жарата алмай отыр, аз зерттеледі, аз емес-ау, зерттелмейді десе де болғандай. Бұл жөнінде көршілес отырған туысқан республикалардың (Өзбекстан, Азербайжан) айтарлық жетістіктерін көрсете кеткен абзал.

Жасыратыны жоқ, жоғары оқу орындарының филология (тарих) факультеттерінен ғылымға келіп қосылғандардың шығыстану қазынасынан мақұрым болуы, яки шығыс халықтары (араб, иран) тілдерін білмеуі, ол ол ма, жас филолог, тарихшыларымыздың кешегі 40-жылдарға дейін қолданылып келген араб, не латын жазуын оқи алмауының өзі біз жоғарыда көрсеткен жағдайдың салқыны демеске болмайды. Республикамыздағы ғылыми-педагогикалық және қоғамдық мәдени ұйымдардағы жас және орта буын ғалымдардың шығыс тану мен жалпы түркологиядан дайындығы мен икемінің болмауы қазақ халқының бай мәдени мұрасын байыбына бұрып зерттеуде, оның басынан кешірген тарихи даму жолын анықтауда көп олқылық тудырып келеді. Осы жағдайларға байланысты ғалымдарымыз бен педагогтарымыздың баспа бетінде пікір айтып, игілікті іске меззеуі өте заңды.

Жоғары оқу орындарында араб, парсы және басқа шығыс тілдерін білетін мамандар даярлаудың және олардың ғылыми-педагогикалық мекемелер мен мәдени ұйымдарға іс жүзінде қажет екендігін көрсетіп әр түрлі маман адамдар, соның ішінде тілші қауым республика газеттерінің («Қазақ әдебиеті», 2 және 23 октябрь 1970ж., «Лениншіл жас», 29 май 1968 ж.) бетінде ойларын ортаға салып, нақты ұсыныстар жасады. Біз бұл жолдастардың пікірлерін қостаймыз. Бұған негіз боларлық жайларды тұжырымдап көрсетсек, мынадай: Біз үшін араб, парсы тілі мамандарының қажеттілігі, ғылымымыздың оларға зәрулігі – бүгінгі таңда талас тудырмайтын мәселе. Мұндай мамандар араб, иран және түркі тілдеріндегі деректер мен қол жазбалар арқылы берілген тарих пен этнографияны, мәдениет пен әдебиетті, ауыз әдебиеті мен тілді, сондай-ақ М. Қашқари, Ю.Баласағұн, әл-Фараби, Қожа Ахмед Яссауи, Абу Хаиян тағы осылардай көрнекті ғалымдар мен ақындардың асыл мұраларын ана тілімізге аударып, әрі олар бойынша зерттеу жүргізу үшін ғылыми-зерттеу институттарына қажет. Екіншіден, шығыс тілдері мамандарын сол тілдерде қазақ тарихына

қатысты шыққан еңбектерді ретке келтіріп, оларды халық игілігіне жарататын республикалық архивтер мен кітапханалар, қолжазба қорлары мен кітап палатасында пайдалануға болады. Үшіншіден, араб, иран, т.б. шығыс тілдерін білетін мамандар аудармашы ретінде республикамыздағы шет елдермен байланыс достық қоғамы үшін де аса қажет. Төртіншіден ескі қолжазбаларды, әр түрлі заттарға жазылған жазуларды ретке келтіріп, әрі зерттеу мақсатында да аталған тілдер мамандары **тарихи-этнографиялық және өлкетану музейлері** мен кейбір **мәдени-ағарту мекемелері** үшін де керек. Сонымен бірге араб жазуымен жазылған ғылыми еңбектер, оқулық пен оқу құралдарын шығару кезеңдерінде баспа орындары мен баспаханалардың да арнаулы мамандарға мұқтаждығы әрдайым алдымыздан шығады да жүреді.

Әрине, араб, парсы, түрік т.б. шығыс халықтарының тілін білетін мамандар жоғары оқу орындарының қоғамдық факультеттеріне не үшін қажет екендігін айтып жатудың өзі артық.

Республика үкіметінің ілгеріректе қабылдаған қарарына сәйкес, жекелеген қазақ және ұйғыр мектептерінде араб, парсы тілдерін шет тіл ретінде оқыту қажеттілігін осы тұста айрықша айтқан жөн. Бұл ретте басқа туысқан республикалардың тәжірибесін қабылдауымыз қажет-ақ.

Бір ескертетін жәйт; аталған тіл мамандары қазақ жастары арасында қазір ештеп кездеседі. Бірақ, олар өзінің ана тілін жақсы біле бермейді, өйткені шығыс халықтары тілін Қазақстаннан тыс жерде оқыған ғой. Ал біздің университет оқытса, олар араб, парсы, қазақ тілдеріне бірдей жетік болар еді. Бізге керегінің өзі сол.

Араб, парсы, сондай-ақ түрік тілдерінің мамандарын даярлау мәселесін іс жүзінде шешу мақсатымен, біздің ойымызша, мына шараларды бірте-бірте іске асыру қажет деп білеміз:

1. Ең алдымен астанадағы жоғары оқу орындары мен Қазақ ССР Ғылым академиясының Тіл білім институтындағы тиісті мамандардың қатынасуымен Жоғары және арнаулы орта білім министрлігінің жанынан ұйымдастыру комиссиясын құрса, оған алда тұрған міндеттерді жүзеге асыру үшін қолдан келетін нақты мүмкіншіліктерімізді (кадр, қаражат, жай-жағдай, т.б. сияқты) тиянақтай түсу, соның негізінде барлық ұйымдастыру жұмыстарын жүргізу жүктелетіні белгілі ғой.

2. 1971-1972 оқу жылынан бастап-ақ С. М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетіндегі филология факультетінің жанынан араб, парсы, түрік (анатоли) тілдерін үйрететін үш топтан (әр топта 20 адамнан) тұратын **Шығыс тілдері бөлімін** құру қажет сияқты

(әрине, мұндай бөлімді құру үшін, оған жан-жақты дайындық жасау керектігі өзінен-өзі түсінікті).

3. Университет пен пединституттардың филология, тарих, заң, экономика, философия, журналистика және кітапхана факультеттерінде латын және арабтың соңғы рет өзгертілген жазуларын (жадит) міндетті түрде үйрететін курс ашып, оны оқулықтармен қамтамасыз етуі қажет деп білеміз.

4. Араб, парсы және түрік тілдерінің мамандарын даярлағанда олардың жалпы тюркология және шығыс тану пәндері бойынша жан-жақты білімдар болып шығуын ескерген жөн. Бұл ретте олардың оқу бітіргеннен кейін тек жоғары оқу орындары мен мектепте сабақ беру шеңберінде ғана қалып қоймай, ғылымның әр саласында (тарих, әдебиет, тіл философия, т.б.) зерттеу жүргізуі ықтимал екендігін ескеру қажет.

Болашақ мамандарды даярлаудағы негізгі өндірістік база республикадағы кейбір қазақ, ұйғыр мектептері болмақ. Бұл мәселенің түбегейлі шешілуі Қазақ ССР Оқу министрлігіне де тікелей байланысты. Жалпы алғанда, бұл іспетті игілікті істі жүзеге асыру жолында ат салысу, жан-жақты қамқорлық жасау – көкірегі сезімді әр азаматтың абзал борышы.

«Қазақ әдебиеті», 15 қаңтар 1971

Лингвистикалық «жедел жәрдем»

Тіл – байлық. Ол арқылы біз бір-бірімізбен сыр шертісіп, өзекті ойларымызды, алуан-алуан пікірлерімізді ортаға саламыз. Өмірдегі барша құбылыс осынау тіл арқылы өрнек тауып, өмірімізге еніп жатады. Әдетте қандай бір тілде болмасын сөйлей тұрып, оның түп-төркіні, келелі проблемалары, тілге байланысты қиындықтар, жетістіктер туралы ойлай бермейміз. Біз үшін ондайда тілдің практикалық жағы басым тұрады. Ал тереңірек үңілер болсақ, көңіл аударарлық құбылыстар, парасатты пайымдауды қажет ететін проблемалар мол екенін аңғарамыз. Тілдің осы бір екінші жағы тұтас әлем екенін сезінеміз. Тіпті кез-келген сөзді алып, оның этимологиясын, яғни шығу төркінін таразылап берудің өзі қаншалықты қызық.

Міне, осынау қиын да қызық мамандық иелерінің басын қосып, олардың жұмыстарына бағыт-бағдар беріп отыратын салықалы ғылыми орталық бар. Ол – Қазақ ССР Ғылым академиясының Тіл білімі ғылыми зерттеу институты. Алда-жалда тіліміздің кез-келген

проблемалары төңірегінде сөз қозғай қалсақ, сол орайдағы нақты ғылыми тұжырымдарды осынау орталықтан табамыз. Бүгінгі таңда институт коллективі жүргізіп жатқан жұмыстарды тізе берсе жалғасып кете берері ақиқат. Осыған орай қойған сауалдарымызға институт директоры-филология ғылымдарының докторы, профессор, Қазақ ССР Ғылым академиясының корреспондент мүшесі Әбдуәли Қайдаровтың қайтарған жауабы осыны аңғартады.

– *Әдетте «тамшыдан теңіз» дегендей Тіл білімі институты өз алдына жеке отау тіккен сонау 1961 жылдан бері атқарылған істер бірлі-жарым жандардың ғана емес, тұтас коллективтің жемісі. Институт қабырғасындағы әрбір ғалымның жекелей үлесі осынау мол теңізге құяр арна секілді. Осындай ортада күн сайын жаңалықтардың болып, тың дүниелердің туып жатары заңды. Сондықтан да жалпыны айтпас бұрын соңғы күндердің жемісі іспетті жаңалықтар төңірегінде сөз қозғасақ...*

– Әрине бүгінде жаңалыққа жаны құштар жандар көп. Былай қарағанда, біз еңбек етіп жүрген салада жарқ ете қаларлықтай оқыс жаңалықтар жоқ болуы да мүмкін. Өйткені тіліміз – ғасырлар бойы халқымызбен бірге жасасып келе жатқан, қалыптасқан құбылыс. Оны өз мақсатына орай бұра тарту – күнә. Дегенмен бізде де жаңалық пен жақсылық мол. Түптеп келгенде, бүгінгі таңда атқарып жатқан істеріміздің бәрі осы ұғымдарға саяды. Биылғы жылдың табалдырығынан өзіндік бір жаңалығымызбен аттадық. Ол – институтымыздың жанынан ашылған лингвистикалық жедел жәрдем қызметі. Мұндай қызмет еліміздің орталық қалаларында бар. Біз солардың тәжірибесін басшылыққа алдық.

Лингвистикалық жедел жәрдем. Бастапқыда оны кез-келген адамның ұғына қоюы қиын. Оның мәнін халыққа түсіндіруде, тәжірибені таратуда әлі де талай істер атқарылуы керек.

Қарап отырса, күн сайын телефон арқылы әртүрлі мекемелерден, жекелеген азаматтардан кейбір орысша сөздердің қазақ тілінде баламасы, не болмаса кез-келген бір сөздің түп төркіні, мән мазмұны, оның синонимдері жайлы сауалдар түсіп жатады. Лингвистикалық жедел жәрдем қызметінің басты міндеті де осындай сауалдарға нақты жауап беру.

– *Сонда оның жұмысы қалалық телефон жүйесінің анықтамалық қызметіне негізделетін болды ғой!*

– Иә, институттағы белді мамандар, ғалымдар кезектесіп телефонда отырады да, сырттан түскен сауалдарға қолма-қол нақты жауап қайтарады, не болмаса уақыт белгілеп, сол мерзімнің ішінде әлгі өтініш қанағаттандырылады. Бұл астанадағы ғалымдарымыз

бен жазушыларымызға, журналистер мен мамандарымызға, жалпы халыққа қажет дүние. Бүгінде бір сөздің өзін бірнеше түрлі жазып, айтып жүрміз. Белгілі бір ортада осы төңіректе даулы әңгімелерге де араласамыз. Міне, сондай сәтте телефон құлағын көтеріп, белгілі тұрақты номер бойынша «жедел жәрдемге» жүгінгенге не жетсін?

– *Мұның өзі шынында да сөйлеу, жазу мәдениетімізге, жалпы тіл мәдениетіне өлшеусіз үлес қосар дүние екен. Ал осынау қызметті ашу қажеттігі жалпы тіл мәдениетін көтерудегі қиындықтан туындап отыруы да мүмкін зой...*

– Бұл қызметтің күнделікті өмір талабынан туып отырғаны рас. Әйтседе ол «тіл мәдениеті төмендеп кетті» деген сөз емес. Қарыштап өркендеген заманымызбен бірге, ұлттық мәдениетіміз де, адамдарымыздың сана-сезім, ой-өрісі де өсуде. Ендеше бұл арада тіл мәдениетінің төмендеуі туралы сөз болуы мүмкін емес. Осы орайда жалпы бүгінгі сөйлеу, жазу мәдениетіміз жайлы азды-көпті айтып кеткен жөн.

Бір адам күніне қанша сөз сөйлейді, құлағымыз күніне қанша сөз қабылдайды? Санап шығу мүмкін емес. Бүгінде информация тасқыны өлшеусіз өсіп келеді. Күнделікті өмірімізде қанша сөз естиміз, оқимыз, көреміз. Осылардан байқалатын жай кейбір сөздерді жазудағы әр алуандық, сөйлеу кезіндегі тіл шұбарлығы. Ал мұны жоюға өткен жылы жарық көрген «Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі» септігін тигізсе керек. Тіл мәдениетін көтеру үшін әр адамның жеке басына жүк артумен бірге баспасөз бен көркем әдебиеттің жұмысына біршама тілек айтуға болады. Ең алдымен, бұқаралық информация көздерінің жұмысына, олардың тіл мәдениетіне нақты назар аудару қажет. Осы орайда айта кететін бір жай – институтымыздың ғалымдары алдағы уақытта осы мәселені тікелей қолға алуды ұйғарып отыр. Яғни олар радио, телевидениенің, кез-келген газет-журналдың белгілі бір уақыт аралығындағы материалдармен танысып, сол бойынша редакцияларға барып әңгіме өткізеді. Бұл баспасөздің тіл мәдениетіне септігін тигізер құбылыс.

– *Тіл мәдениеті туралы сөз қозғағанда бүгінгі жастар жайын ұмыт қалдыра алмасақ керек. «Түсінемін, бірақ сөйлей алмаймын» деп тұратын, ана тілін ұмытқан қыз-жігіттер аз кездеспейді бұгінде.*

– Мұның өзі социологиялық мәселе. Ана тілін білу – ана жүрегін, туған халқының табиғатын түсіну. Өз тілін ұмытқан жастардың көбеюі уақытша құбылыс. Оны жою үшін ұлттық тілдегі оқу, тәрбие орындарын көбейту қажет. Екінші жағынан, жалғыз ана тілін біліп, өзге тілді керек етпеу – үлкен қателік. Халқымыздың сан ғасырға бойлаған мәдени-рухани қазыналарынан сусындап өсу үшін көп тіл білген абзал.

Ол үшін бүгінде мүмкіндіктер мол. 1970 жылғы халық санағы бойынша қазақ халқының 41 проценті орыс тілін біледі екен. Қазір республикалармен салыстырғанда бұл көрсеткіш біршама жоғары болғанымен әлі де жақсартта түсуді талап етеді. Осы орайда өткен жылы институтымызда орыс тілін зерттеп, насихаттаумен айналысатын арнаулы бөлімнің ашылғанын айтқым келеді.

– Әрине, бұл институтта болып жатқан жаңалықтардың бірі ғана. Өткен жылы жоғарыда айтылған орфографиялық сөздік оқырман қолына тиді. Жуырда ғана екі томдық орысша-қазақша сөздіктің жарыққа шыққаны туралы естідік.

– Бұларға І. Кеңесбаевтың «Фразеологиялық сөздігі» мен институт коллективі дайындап жатқан он томдық «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінің» жарық көрген үш кітабын қосуға болады. Оларға халықтың сұранысы да жоғары. «Түсіндірме сөздіктің» соңғы томы 1982 жылы жарық көреді. Алдағы уақытта М. Әуезов шығармалары тілінің сөздігін құрастыру ойда бар. 65 мың сөзді қамтитын орысша-қазақша сөздіктің алғашқы кітабы 1978 жылдың соңғы күндері жарыққа шықты. Келесі жылы оның екінші кітабы және Москвадан көлемі 180-200 басылым табақтық қазақша-орысша сөздік жарық көреді. Ал қазақ тілінің тарихына, грамматикасына, басқа да мәселелеріне байланысты ғылыми зерттеулер өз алдына.

Иә, осынау орталықтың республика ғылымының дамуына, өркендеуіне қосар өзіндік үлесі зор. Институтта бүгінде Қазақ ССР Ғылым академиясының академиктері мен корреспондент мүшелері, 18 ғылым докторы, 50-ден астам кандидат еңбек етеді. Тіл ғылымының сан түрлі саласы бойынша жасалып жатқан жұмыстардың нәтижесін біз баспадан шығып жатқан ондаған, жүздеген кітаптардан да көріп жүрміз. Туысқан одақтас республикалардағы өзі тектес институттармен, шет елдермен байланыс, тәжірибе алмасу аясы күн санап кеңеюде.

Бір қарағанда, осынау ғылыми орталықтың өмірінде, зерттеу жұмыстарында жарқ ете қаларлық оқыс жаңалық бола қоймауы да мүмкін. Әйтсе де онда жақсылық пен жаңалық мол.

«Лениншіл жас», 24 қаңтар 1979.

(Сұхбаттасқан Б. Әбдіғазиев)

Болашағымызды осы бастан ойласақ...

1989 жылдың 22 сентабрінде Қазақ ССР Жоғарғы Советі «Қазақ Советтік Социалистік Республикасының тіл туралы заңын» қабылдады. Ол заңда: «Тіл – ұлттың аса ұлы игілігі әрі оның өзіне тән ажырағысыз белгісі», – делінген. Заңның 1-статьясы: «Қазақ

тілі Қазақ ССР-інің мемлекеттік тілі болып табылады» – деген мәртебелі тұжырымнан басталады. Мұндай заңның болуы, әрине, үлкен қуаныш. Алайда қай халықтың да ана тілін ешбір заң өз-өзінен дамытпайды, сол заңға сай сапалы әрекет жасай білетін адамдары дамытады. Демек, ең негізгі тетік заңның сөзінде емес, адамдардың өзінде. Дәл қазір біз: «Тілім менің!» – деп мақтана да аламыз. «Тілім менің!» деп өкінуге де бармыз: біріміз тілді дамытып жатырмыз, біріміз ұмытып жатырмыз.

1913 жылы Нобель сыйлығын алған атақты жазушы, үнді халқының ұлы перзенті Рабиндранат Тагор өзінің «Студенттерге арналған үндеуінде» 1905 жылы тілге қатысты былай депті: «Осыдан елу шақты жыл бұрын біз ағылшын тілінен қайда қашып құтыларымызды білмедік. Аудиторияларды былай қойғанда, үйде де ағылшынша сөйлеуді әдетке айналдырдық. Жолдастарымызбен кездесе қалсақ, ағылшынша сәлемдесіп, туған-туысқандарымызға ағылшынша хат жазуды өзімізге мәртебе санадық. Жиналыстарда халқымызға айтпағымыздың бәрін бөтен тілде жеткізу дәстүрге айналды. Ана тілімізді, еліміздің тарихын білмесек те, әдет-ғұрпын ұмытсақ та өзімізді патриот санадық». Осыдан 85 жыл бұрын үнді студенттеріне арналған бұл үндеуді бүгін біз қазақ студенттеріне арнасақ та болғандай. Өзгелерден үлгі алып, үйреніп өз ісімізді өрге бастыру – біздің жалпыхалықтық міндетіміз. Игі істің қуанышы болып өткен жылы республикалық «Қазақ тілі» қоғамы құрылды. Ол қоғамның бүкіл тіршілігі ел-жұрттың саналылығына ауыл мен қаладағы зиялылардың күнделікті қызметіне – бәріміздің халықтық махаббатымызға байланысты.

Тіл тағдыры Совет Одағында қазір тек қазақты ғана толғандырып отырған жоқ. Талайлар бірдей мұңдас Шығыстың тағы бір ұлы перзенті Шыңғыс Айтматов ССРО Жоғарғы Советінің сессиясында 1989 жылы ноябрьде сөйлеген сөзінде: «Әрбір ұлт мейлі ол үлкен болсын, кіші болсын, – мәңгілік болуды қалайды және бұл оның табиғи құқы. Ал бұл ол үшін сол халықтың тілі өз топырағында тамыр байлап, өмір сүруге тиіс, ал оның қасында өзге тілдер де онымен қатар көркейіп, гүлдене беруі керек», – деді.

Тіл тағдыры ел тағдырымен тікелей байланысты. Ел қамын әр сәт есімнен шығармаймын деген адам тіл қамын да әр сәт ұмытпауға тиіс. Сондықтан ұлттық тіліміздің сан қырлы мәселелерін оқырманмен ойласа отырып әңгіме қылу үшін, біз журналымыздың

осы санында «Тілім менің» атты жаңа айдар ашып отырмыз. Оған, қадірлі оқырмандар, өздерің белсене қатысар деген үміттеміз.

Партиямыздың қайта құру саясатының шұғыласымен халқымыз ана тілінің статусын алып отыр. Бұл – қазірше тек қағаз жүзіндегі мәселе. Бұл жағдайды одан әрі қарай тереңдетіп, дамыту үшін, нақтылы іске тікелей көшу үшін, қандай шаралар қолдануымыз керек?

Біздің болашағымыз жасөспірімдер болғандықтан, алдағы атқаратын игілікті ісіміздің бәрі мектеп оқушыларымен, ондағы сабақ беретін мұғалімдермен өте тығыз байланысты. Бірінші класқа келетін жас талапкер балабақшадан қабылданатын болғандықтан, бала сол өзі тәрбиеленген орында ана тілін жетік меңгеруі тиіс. Ол үшін ұлттық балабақша көбеюі керек. Өз үйінде бесік жырын тыңдап үйренген сәби тәрбиешінің қолына келген күннен бастап, таңғажайып ертегілерді ұйып тыңдап, ұлттық ойындар – қуырмаш, санамақ, сұрамақтармен бірге, жыл құстары, хайуанаттар жайлы сыры мол, сипаты терең халық ауыз әдебиетінен жақсы хабардар болуы керек.

Балабақшада жоғарыдағы айтылған үлгілі сөздермен «қоректенген» баланың ішкі жан дүниесі, сөзі, ісі, айналасындағы адамдармен қарым-қатынасы – бәрі ұлттық болатыны сөзсіз. Енді осы желіні үзіп алмай, арқауын әрі қарай жалғай беру үшін, баланың өз ана тілінде оқуы керек-ақ. Оқушы өз ана тілінде оқығанмен іс біте ме? Әрине, жоқ. Ол өз ұлтының дәстүрін, салт-санасын, әдет-ғұрпын, қарым-қатынасын, тарихын, этнографиясын, арғы-бергі әдебиетін өте жақсы меңгеруге тиіс. Әрине, бұл жағдай оңай шешіле салатын дүние емес. Баланың жан-жақты терең білім алуына білікті оқытушы қажет екендігіне сөз бар ма?!

Ұстаз өз оқушысының психологиясын жете білмесе де, оның мінез-құлқына, іс-әрекетіне баса көңіл аударуы қажет. Баланың бойына жас кезінен ізеттілікті, кішілікті, кісілікті, парасаттылықты сіңіре беру жақсы азамат болып өсуіне жәрдемін тигізері белгілі. Әсіресе оқушының өз ісіне нық, батыл болуымен бірге жігерлі, қайратты күрескер болуы – тек қара басына ғана емес, халқына аянбай еңбек етуіне де мол септігін тигізетін пайдалы дүние. Осы орайда Жүсіпбек Аймауытовтың Мәскеу шәһәрінен 1926 жылы жарық көрген «Жан жүйесі мен өнер таңдау» атты кітабына зер салсақ: «...Біреулер зеректігі, білімі аналардан артық болса да, өзіне сенімі аздықтан, жарқырап көзге түсуге, сөйлеуге, бірдеңені істеуге қорғанып тұрады. Бірдеңе жайын сөйлемек болса, шатаса бастайды, тілі күрмеледі, сөзі байлау-матаусыз шығып, ұялып-қызарып, кібіртіктеп тоқтап та қалады. Бір бөтен үйге кіріп келсе, жұрттың бәрі маған қарап

тұр екен деп ойлайды. Өзгелерге ерсі көрінетін бірдеңе істеп алам ба деп кипақтай бастайды, сөйтіп отырып, бір қателеспей, жаңылмай қоймайды. Ол қымтырылады, қысылады, жайдағы есінен айрылып қалады, онан жаман қатеден қатеге жолығады. Жүрсе, тұрса, бірдеңені қағып құлатып алады, не төгеді...» – десе, зерделі жазушы адам баласының бойындағы сенімсіздіктің қалыптасып, дағдыға айналуының үлкен індет екенін әдемі ашып беріпті.

Біздің ойымызша, еңсесі басылып, ұнжырғасы түскен мұндай оқушылар бүгін жер-жерде етек алып отырған аралас мектептерден көбірек шықса керек. Бүкіл он жылдық оқу орындарының қасынан бірекі кластан ғана тұратын жергілікті ұлт балаларын оқытудың жоғарыда айтқанымыздай, пайдасынан зияны мол. Осы себепті, аралас мектепті тоқтатып, қазақ балаларын бірыңғай өз алдына жеке, дербес оқытқан дұрыс.

Баланы бұрыннан келе жатқан ескі әдіспен оқытуға мүлдем болмайды, оның үстіне оқулықтың да қайта қарайтын, қайта жазатын жерлері аз емес. Бір ғана тарих пәніне тоқталсақ, мұнда халықтың басынан ғасырлар бойы өткен қайғылы уақиғалар, ел-жұртқа төнген ауыр жағдайлар тереңнен қамтылмай, бетінен ғана қалқып жазылған. Тағы бір қиыны, ел үшін еңбек еткен атақты шешендер мен ардақты батырлардың да іс-әрекеті, еткен игілікті ісі, үлгілі сөздері мектеп оқушыларына мүлде айтылмайды, сабақ ретінде өтілмейді. Тіпті оқушыларды айтпағанда, өз елінің тарихын мұғалімдер де толық біледі деп айту қиын. Ал жас ұрпақ кешегісін жан-жақты меңгермей, болашағына жарқын сеніммен қарай алмайды, өйткені бұрынғы ата-бабалар қандай ғажайып мұра қалдырды немесе нендей қателіктер жіберді, бұл жағдай алдағы уақытта олардың ескеретін, жадында сақтайтын басты мәселесі болуға керек.

Мектеп оқулықтарын қалай дайындаудың үлгісін Ахмет Байтұрсынов бұдан жетпіс сегіз жыл бұрын, яғни 1912 жылы әліппе бастырғанында әдемі лайықтап, жеңілінен ауырына, оңайынан қиынына қарай үйрету тәртібін қолға алыпты. Сөйтіп әліппенің өзімен-ақ жер-су, этнография, тақпақ, мақал-мәтел, өгірік өлең, үй жануарлары мен құс аттарына дейін үйретуге болатынын нақты мысалдармен дәлелдепті. Бір қызығы, мектеп жасындағы балалардың ұғымына лайықтап батаны да кіргізіпті. Бұл батаны оқығанда, жас буынның қызығып жатпап алатыны сөзсіз. Өйткені мұнда:

Тәңір берген несібең,
Тепкілесе кетпесін.
Желіңнің екі шетіне,
Тай шаптырса жетпесін,

– деген сол кездегі аттың жалында ойнайтын балалардың делебесін қоздыратын жолдар бар. Қазіргі уақытта, ақ нанды аяқпен таптап жүргендердің молайған шағында дастарханға бата беру керек-ақ, бұл – диқанның еңбегіне, сол салада жұмыс жасайтындардың табанақы, маңдай теріне деген құрмет пен алғыс деп білеміз.

Оқулық демекші, біздің оқу орындарында, әсіресе мектептерде ол өте жеткіліксіз, тіпті жетіспейді. «Мектеп» баспасының бүкіл республика оқу орындарын кітаппен қамтамасыз етуге мүмкіндігі жоқ. Осы себепті Оқу министрлігі жанынан тағы бір баспа ашылса, құба-құп болар еді.

Мағжан Жұмабаев 1923 жылы Ташкент қаласында жарық көрген «Педагогика» атты кітабында: «Еліміздің аз ғана жылдық ояну дәуіріне баға беру үшін алты алаштың баласы бас қосса, қадірлі орын мұғалімдікі» – депті. Өте орынды айтылған пікір. Алайда біздің дәл бүгінгі оқытушыларымыз осы айтылған бағаға сай ма? Жаны жайсаң, білікті кадр даярлау үшін, алдымен оқу орындарын жақсарту керек деп білеміз. Педагогикалық институтқа тек диплом алу үшін ғана түсетіндердің бар екенін жасырмай айтуға тиіспіз. Мұндайлардан не мектепке, не қоғамға, не мемлекетке қып-қызыл шығыннан басқа пайда жоқ. Дегенмен көптің ішінде аз да болса талантты мұғалімдердің бар екенін ашып айтқанымыз жөн. Алайда олардың даусы, ішкі айқайы алысқа жетпей тұншығып қалып отыр.

Міне осындай әр-әр жердегі озат оқытушылардың өзіндік оқыту методын, іс-тәжірибесін жинақтап, топтап кітап етіп таратып отырған жөн болар еді. Өйткені бүгінгі біздің ауыл мектептеріне ауадай қажет нәрсенің бірі – методика.

Бұл салада айта кететін бір жай, Ы.Алтынсарин атындағы педагогикалық-зерттеу институты қаншама жыл үлкен аппаратпен отырып, осы күнге дейін бір жібі түзу методист дайындамай-ақ келеді. Ал бірақ осы институт қызметкерлерінің бәрі дерліктей бірін-бірі мақтап, бірін-бірі жақтап, үстерінен шыбын ұшырмайды.

Бізге ұлттық мектеп керек. Ол үшін мұғалімнің бүкіл болмысы, сөйлеген сөзі, іс-әрекеті, ең аяғы жүріс-тұрысына дейін өз ұлтымыздың иісі аңқып тұруы керек. Ол біздің жырауларымыздың

толғауын, шешендеріміздің қанатты сөздерін, күйшілеріміздің ішкі толқындарын бойына барынша сіңірген, жан-жақты жетілген маман болсын. Бір сөзбен айтқанда, халықтың салт-дәстүрін, әдебиеті мен мәдениетін толық меңгерген оқытушы ғана ұстаз деген құрметті атаққа ие бола алады. Ұлы Абайдың тілімен:

«Ұстаздық қылған жалықпас,

Үйретуден балаға» деп ойымызды түйіндегеніміз дұрыс қой деймін... Сонда ғана біз өз ана тіліміздің абыройын арттыра аламыз.

«Парасат», 1990. №3

Міндет — мұғалім білімін арттыру

Бүгінгі таңда халыққа жаппай орта білім беру мәселесі ең басты міндет болып отыр. Осы міндетті жүзеге асырудың нақты шаралары КПСС Орталық Комитеті мен СССР Министрлер Советінің 1972 жылғы июнь айында қабылдаған «Жастардың жаппай орта білім алуына көшуді аяқтау және жалпы білім беретін мектепті одан әрі дамыту туралы» қаулысында айқын көрсетілген.

Қаулыда белгіленген шараларды орындау барысында мұғалімдердің атқаратын қызметі ерекше. Осы жағдай ескеріліп, озат мұғалімдерге «аға мұғалім», «мұғалім-методист» деген атақтар берілетіні айтылған. Үздік педагогикалық қызметі үшін мұғалімдерге «Мектепке еңбегі сіңген мұғалім», «Социалистік Еңбек Ері» деген атақтардың бұрыннан да беріліп келе жатқаны белгілі. Мұндай құрметті атақтарға ие болу үшін мұғалімдер орасан зор еңбек етуі керек.

Қазір республикамыздағы он мыңнан аса мектепте 168 мыңдай мұғалім сабақ береді. Ол мұғалімдердің білім дәрежесі, педагогикалық тәжірибесі, әрине бірдей емес. Бірқатар мұғалімдердің әлі де жоғары білімдері жоқ. Сондықтан олар оқу орындарында сырттан оқып, мұғалімдер білімін жетілдіру институттары ұйымдастырған курстарға қатынасып білімдерін көтереді. Жоғарғы дәрежелі педагогикалық білімі бар мұғалімдердің өздері де күн сайын білімін толықтырып отыру қажет.

КПСС Орталық Комитеті мен СССР Министрлер Советінің 1966 жылғы ноябрьде қабылдаған «Жаппай орта білім беретін мектептің жұмысын одан әрі жақсарту шаралары туралы» қаулысында жалпы білім беретін еңбектік, политехникалық мектептің басты

міндеті айқындалып, ондағы мұғалімдердің қызметі мен рөлі ашып көрсетілген-ді. Басқаша айтқанда, ғылыми-техникалық революцияның жағдайында жастарға жаппай орта білім беру, оларды жан-жақты тәрбиелеу, коммунистік мұраттарға баулу жолында мұғалімдердің алдына үлкен талап қойылды. Оның творчестволық еңбек етуі, жас жеткіншектерді бүгінгі күннің өскелең талап-тілегіне сай тәрбиелеуі талап етілді.

Мұғалімдер өздерінің мамандық білімдерін көтерумен бірге идеялық-саяси дайындығын да күшейте түсуге міндетті, өйткені олар оқушыларға білім, тәрбие берумен бірге олардың ғылыми көзқарасын да қалыптастырады. Оқушыларға әрі білім, әрі идеялық-саяси тәрбие беру мұғалімдердің басты міндеті болып саналады. Сондықтан да мұғалім өз пәндеріне байланысты ғылыми-педагогикалық еңбектерді оқып-үйренумен қатар күнделікті газет-журналдарды үзбей оқып отырғаны абзал.

Мұғалімдер үнемі немесе оқтын-оқтын болса да мектептен тысқары қоғамдық ұйымдардың жұмыстарына белсене қатысып отырады, ата-аналар арасында қыруар жұмыстар жүргізеді. Көптеген мұғалімдер «Білім» қоғамының мүшесі, лектор, насихатшы, саяси-хабаршы, үгітші болып істейді. Мұндай әлеуметтік жұмыстарды атқару үшін де көп білім керек.

Халық мұғалімінің рухани байлығы идеялық-теориялық біліммен ғана шектеліп қалмайды, ол оның өз мамандығын терең меңгерумен де, оқытып жүрген пәндерінің идеялық мазмұнын арттыра түсумен де тікелей байланысты. Бұл – идеялық-саяси білімді пәндік біліммен ұштастыру болып есептеледі.

Мұғалімдердің білімін көтеру ісіне облыстық білім жетілдіру институттарының атқарып жүрген қызметі ерекше көзге түседі: бұл институттардың ұйымдастырып жүрген ұзақ және қысқа курстардың оқу жоспарлары мен программаларында ғылым мен техниканың өзекті мәселелері, тіл, әдебиет, көркем өнердің ең маңызды табыстары туралы хабарлар беру көзделеді. Бұл курстарда лекциялар оқып, баяндама жасау үшін ғалымдар мен көрнекті мамандарды шақыру дәстүрге айналып отыр.

Алайда мұндай курстарда теориялық мәселелер бойынша лекциялар мен баяндамалар әлі де аз оқылады, педагогика мен психологияның соны табыстары жөнінде жеткілікті дәрежеде айтыла бермейді.

Әйтсе де мұғалімдердің білімін жетілдіру курстарының, методикалық маңызын айта келіп, мұғалімдердің жалпы педагогикалық мәдениетін, мамандық білімін өздігінен жүйелі түрде көтерудің де қажетті екендігін атап өткен жөн. Мұғалімнің әлеуметтік мінездемесі оның жалпы мәдениетінің, ой-өрісінің жоғары болуын талап етеді. Рухани байлықтарды игерудің түрлері көп-ақ. Мысал: кітаптарды, газет-журналдарды үзбей оқып тұру, кино, театр, музейлерді көру. Мұғалімдер бұл салада да алуан түрлі жұмыстар жүргізіп, оны педагогикалық дәстүрге, дағдыға айналдырып жүр. Жан-жақты дамыған білімді, мәдениетті, қабілетті мұғалім оқушыларының да жан-жақты дамуына игілікті ықпал тигізеді.

Ғылым мен техниканың өркендеуі мұғалімдердің алдына жаңа міндеттер қойып отыр. Мұғалім педагогикалық ғылымның табыстарынан мағлұматы мол, ғылыми-зерттеу жұмысына бейімді, ізденгіш, жаңашыл болуы қажет. Басқаша айтқанда, жаңа адамды қалыптастыру үшін мұғалім педагогикалық творчествомен шұғылдануға тиіс.

Мұғалім де зерттеушінің бірі. Оның еңбегі творчестволық сипатқа ие, мектеп өміріндегі заңды құбылыс болуы қажет. Методикалық шеберлікті жетілдіру, педагогикалық озат тәжірибені меңгеру, басқалардың тәжірибесін үйрене отырып, өз тәжірибесін арттыра түсу – осының бәрі мұғалімнің творчестволық еңбегіне жатады.

Бірсыпыра аудандарда мұғалімдердің озат тәжірибе мектебі ашылып отыр. Творчестволық еңбек адамнан қабілеттілікті, жан-жақтылықты, ізденімпаздықты талап етсе, педагогикалық творчество да мұғалімнен осыларды талап етеді. Дүние сырын, қоғамдық заңдылығын білуге құмарлық ғылыми-педагогикалық творчествоның негізгі шарты болып есептеледі. Педагогикалық кадрлармен жұмыс жүргізудің жаңа түрі болып саналатын бұл мектепте саяси, педагогикалық білім алу педагогикалық қызметтің практикасымен ұштасып отыруға тиіс. Ол мектептің мақсаты мұғалімдердің педагогикалық творчествосын дамыту, оқу-тәрбие жұмысын жетілдіру, педагогтың еңбегін ғылыми ұйымдастыруға көмектесу болады.

Педагогикалық творчествоның элементтері жүйелі түрде бақылаудан, эксперименттен, нақты материал жинаудан, талдау, жүйелеу, қорытудан құралады. Сондықтан да педагогикалық творчество мұғалімнің практикалық ісін педагогика ғылымымен

ұштастырудан пайда болады. Осылай еткенде, мұғалім жұмысының сипаты өзгереді, ол өз тәжірибесін жобалап, оны қалыптастырып жетілдіреді. Педагогикалық творчествоға әрбір мұғалімнің талаптануы керек. Осындай талаптанудың нәтижесінде мұғалімдердің алды өз тәжірибесін жинақтап, қорытып, диссертациялар жазып қорғады, көптеген мұғалімдер педагогикалық оқуларда құнды баяндамалар жасап, оларды баспа жүзінде жариялап та жүр. Мұның бәрін мұғалімдердің педагогикалық творчество мектептерінің берген жемістері деп тануымыз қажет.

Мұғалімдер тауып, ашып жатқан ғылыми-педагогикалық жаңалықтар аз емес. Мәселен, Түркістан орта мектебінің қазақ тілі мен әдебиеті пәнінің мұғалімі Жасыхан Өтепбеков жасаған «Орфографиялық сызғыш» пен «Морфологиялық дөңгелекті» атап өтуге болады. Бұл жөнінде республикалық газет бетінде мақала да жарияланды. Осы сияқты мектептердегі оқу-тәрбие жұмысының сапасынарттыруға атсалысып, өздерінің творчествосымен педагогика ғылымына үлес қосып жүрген мұғалімдер республикамызда аз емес.

Мұның бәрі де мұғалімдердің педагогикалық мәдениетін өркендетуге көмектеседі.

*«Октябрь туы», 3 январь 1973.
(И.Ұйықбаевпен бірге)*

Рахметова мектебі

«Шәкіртсіз ұстаз тұл» деген ғой, егер жолын құған шәкірті ибн Сина болмаса, Әбу Насыр әл-Фараби бабамыз еңбектерінің жаңа дәуірде бүкіл Еуропаға танылып, адамзаттың осы заманғы ғылыми түсініктерінің негізіне қалануы мүмкін бе еді?! Ғылым мен білімнің одан кейінгі даму тарихының өн бойынан да дәл осындай сабақтастықты, ұстаз бен оның шәкірттері ынтымағының жарқын үлгілерін көптеп кездестіруге болады. Қазақ қоғамы тарихындағы өркениет орталықтарына қатысты «Ясауи тариқаты», «Абайдың айналасы», «Алтынсарин мектебі», Сәтбаев мектебі, «Марғұлан мектебі» деген ұғымдардың ғылыми әдебиеттерде берік орныққаны бекер емес. Мұндай тұлғалар өнегесінің ұшқынын бүгінгі таңда білікті де бедсәлді ғалымдар маңына топтасқан ғылыми ортадан да байқауға болады. Қазіргі Қазақстан ғылымында тарихшылардың, мамандарының, математиктердің т.б. өзіндік орталықтары

калыптасқандығын бұл күнде ешкім жоққа шығара алмайды. Дәл осындай бір орталық әдістемеші педагогтар арасында да бар.

Алматы қаласында өткен Білім және ғылым саласы қызметкерлерінің республикалық съезінде сөйлеген сөзінде Президент еліміздің жоғары сыныптарға қажетті төл оқулықтарын жасау ісіндегі олқылықтарға сын айта келіп, 1-4 сыныптарға арналған оқулықтардың жасалып біткені туралы жылы пікір білдірді. Елбасымыздың бұл пікірі - республика мектептерінің бастауыш сыныптарын қысқа мерзімде отандық төл оқулықтармен қамтамасыз ете алған авторлар ұжымы мен баспагерлер еңбегіне берілген үлкен баға да болатын.

Кез келген еңбектің жарық көріп, халық игілігіне айналуы - бір бақыт, оның жоғарыдағыдай үлкен бағаға ие болуы ғылым адамының шығармашылық қуатын еселеп арттыратын зор қуаныш.

Шыны сол, қазір республикамыздың мыңдаған мектептерінде бүгінгі бүлдіршіндер - ертеңгі егемен еліміздің еркін азаматтарының сауатын ашып, тілін сындырып, ілім-білім әлеміне қадам басуына негіз болып отырған төл оқулықтарымыздың бастауыш сыныптарға арналған алғашқы легінің басым көпшілігін бір ғылыми орта өкілдері жасапты. Олар Алматы мемлекеттік университетінің бастауыш білім беру теориясы мен әдістемесі факультетінің (қазіргі психология және педагогика факультетінің бір бөлімінің) ұстаздар ұжымы екен. Ғылыми ортада бұл ұжымды ұзақ жыл бастауыш кластарда қазақ тілін оқыту теориясы мен әдістемесі кафедрасының меңгерушісі болған, бастауыш мектептерге арналған барлық оқулықтар мен оқу құралдарын сараптаудан өткізген республикалық ғылыми-әдістемелік кеңеске, осы саладан білікті мамандар даярлайтын диссертациялық кеңеске жетекшілік еткен, педагогика ғылымының докторы, профессор «Сағира Рахметова мектебі» деп орынды атайды.

Кезінде Орал педагогикалық институтын бітіріп, еңбек жолын Жанғалы ауданындағы орта мектептің оқытушылығынан бастаған, ұйымдастырушылық қызметімен жарқ етіп кезге түсіп, облыстық комсомол комитетіндегі бөлім меңгерушісінің орынбасарлығына дейін өскен, содан соң, журналист жұбайымен бірге Алматыға қоныс аударып, «Мектеп» (қазіргі «Рауан») баспасында қарапайым редактордан бөлім меңгерушісі қызметіне дейін көтерілген жас ғалымның мол өмірлік тәжірибесі, шығармашылық қабілеті мен

ерекше біліктілігі мамандар назарын бірден аударған еді. 1960 жылы жарық көрген, үшінші және төртінші кластарға арналған жаңа «Ана тілі» оқулығының жас авторының есімі содан бері, міне, қырық жыл бойы бастауыш сынып бүлдіршіндерінің тілін дамытып, қиялын ұштауға қызмет етіп келеді. Осы уақыт ішінде автордың өзі де өсті: тынбай еңбектеніп алғаш кандидаттық, содан соң докторлық диссертация қорғады, профессор атағын иеленді, сан мың маман педагогтар даярлап, топтасқан талантты шәкірттерінен қуатты ғылыми орта құра білді. Ал бастауыш сыныптың «Ана тілі» оқулығы да әр басылым сайын жаңарып, толыға түсті. Жалпы саны 160-тан астам ғылыми еңбек жариялап, есімі елге танылған педагог ғалым, шын мәнінде, республикамыздағы жаңа заманғы бастауыш білім берудің теориясы мен әдістемесі саласының білікті жетекшісіне айналды.

Оның «Бастауыш мектептерде қазақ тілін оқыту әдістемесі», «Бастауыш кластарда оқушылардың жазба тілін дамыту», «Бастауыш сыныптарда оқушылардың тілін ұстарту» және т.б. кітаптары еліміз жоғары оқу орындарындағы бастауыш сынып мұғалімдері даярланатын факультеттер студенттерінің негізгі оқулықтары қатарына қосылды. Егемен еліміздің бастауыш сыныптарға арналған жаңа буын төл оқулықтарын жазу жауапкершілігінің С.Рахметова бастаған авторлар ұжымына тапсырылуының міне, осындай табиғи заңдылығы бар еді. Талантты шәкірттері Т.Әбдікәрімова, П.Жаманқұлова, Б.Қабатаевалармен бірлесіп жаңа буын «Ана тілі» оқулықтары мен оларға қосымша әдістемелік кешенін жазуға жетекшілік еткен ұстаз тек өз саласымен ғана шектеліп қалмай, басқа да пәндердің оқулықтарын жасаушы шәкірттерінің жұмысына ақыл-кеңестерімен үлкен көмек көрсетіп отырды.

Ғалым Сағира Рахметқызының шәкірттерін бұл күнде Алтайдан Атырауға дейінгі кең байтақ еліміздің барлық ауылдары мен қалаларынан кездестіруге болады. Ұстаздарының жолын қуып, ғылыми-зерттеу жұмысымен айналысып жүргендері қаншама. Ұстаздары оларға бастауыш сынып балалары үшін оқулық жазудың, оқыту әдістемесін жасаудың өзіндік сырларын үйретуден бір жалыққан емес. «Бұл - білгеніңді ересектерге баяндап беру емес, бұл - балалардың өзіндік, психологиялық қабылдау ерекшеліктерін қатаң ескере отырып, қажетті білім мен дағдыны оларды қызықтыратындай, сонымен бірге тілі мен ойын дамытатындай, алға жетелейтіндей

оңтайлы әдіс-тәсіл таба білу» - дейді Сағира Рахметқызы. Содан соң, психология ғылымының, М.Жұмабаев пен Ж.Аймауытов еңбектерінің, Л.Выготский мен Б.Эльконин жаңалықтарының, В.Давыдов пен Ш.Амонашвили ойларының тереңіне бойлап, өзі қырық жыл бойы айналысқан қиын да қызықты әлемді шарлап кетеді. «Шынайы педагог қасиеті оның өз балаларының тәрбиесінен басталады» дейтіні бар кейде жымыып. Шәкірттері үшін бұл да сабақ. Ұстаздарының журналист М.Жантекиннің жары екенін, Әлия мен Ғалия, Темір (еліміздің Атом энергиясы жөніндегі ұлттық агенттігінің төрағасы Т.Жантекин) мен Қайрат (белгілі спорт шолушысы) сынды бүгінде елге танымал ұл-қыздардың анасы екенінен хабардар шәкірттері оның әр сөзінен үлгі-өнеге алғандай болады.

Отандық педагогика саласында өзіндік мектеп қалыптастырған ұстаздың айналасына жеке өмірлік өнегесімен де дәл осылай үлгі шашып жүруі табиғи заңдылық та болар, сірә.

«Егемен Қазақстан», 10 сәуір 2001.

МАЗМҰНЫ

Алғысөз.....	3
ТҮРКІТАНУ ЖӘНЕ АЛТАЙТАНУ.....	6
Түркология.....	8
Алтайстика.....	21
Түркітанудың бүгiнi мен ертеңi.....	22
Қыпшақтанудың бiр бұлағы – тiл.....	29
Түркітанудың жаңа көкжиектерi.....	35
Түркітану тұғыры биiк ғылым.....	43
Қазақ тiлiнiң қара шаңырағы және түркітану.....	45
Құлт слова у тюркских народов.....	56
Көне түркі жазба ескерткіштерi кiмге ортақ, кiмге тән?.....	63
ҰЙҒЫР ТІЛІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ.....	70
К вопросу о частицах в уйгурском языке.....	70
Орфография уйгурского языка.....	92
О новой уйгурской орфографии	109
Краткий грамматический очерк уйгурского языка.....	120
Фонетические закономерности уйгурского языка.....	121
Уйгурское языкознание за 40 лет.....	169
Ұйғыр әдеби тiлiнiң дамуына орыс тiлiнiң ықпалы.....	184
Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминовтвoрчества.....	191
Из истории современного уйгурского языка.....	192
Общая характеристика современного уйгурского литературного языка.....	197
Вопросы разработки научных принципов терминовтвoрчества в языке советских уйгуров.....	214

О терминотворчестве в языке синьцзянских уйгуров	234
Уйгурский (новоуйгурский) язык.....	244
Особенности стилистического употребления синонимных и вариантных фразеологизмов в уйгурском литературном языке.....	278
Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики.....	292
О фразеологических вариантах в уйгурском языке.....	303
Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе.....	318
Уйгуроведение в Казахстане.....	328
К проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов.....	338
Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики.....	341
Уйгурско-монгольские параллели и заимствования в области морфологии.....	344
Уйгурско-монгольские гомогенные производные основы.....	352
Уйгурско-монгольские лексико-семантические параллели и заимство вания.....	353
Ұйғыр терминологиясы жөнінде.....	359
Арабизм и иранизм, употребляющиеся в уйгурских пословицах и поговорках.....	363
Насущные вопросы развития уйгурской культуры.....	369
Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке.....	371
Уйғур тили аталғуш у наслиғиниң бәзи бир мәсилелири.....	376
Уйғур әдәби тилиниң тарихи тәрәққиятиға бир нәзәр.....	387
Жиддий ойландуридиған мәсилеләр.....	392
ОҚУЛЫҚТАРҒА БЕРІЛГЕН БАҒА.....	405
Жүсіп Хас-Хажиб Баласағын.....	405
Исследование языка Абая.....	406
Уникальный лексикографический труд.....	407
К.М.Мусаев. Лексикология тюркских языков.....	412
К.М.Мұсаев. Түркі тілдерінің лексикологиясы.....	419
Қ. Есенов. Қазақ тіліндегі күрделенген сөйлемдер.....	423
Ж.А.Аралбаев. Вокализм казахского языка.....	429
Үлкен жұмыстың тырнақалдысы.....	432

Өмір талабына сай оқулық.....	435
Проза тілі туралы зерттеу.....	441
Әскери атау сөздер әлемі.....	446
«Қазақ тілінің салалық ғылыми түсіндірме сөздігі. Әскери іс».....	446
Ауылшаруашылықтерминдерініңсөздігіжөнінде.....	448
Энциклопедия шығару – өркениетті қадам.....	450
Вклад в киргизское языкознание.....	455
Проблемы казахской региональной лексикографии.....	457
Результат многолетнего исследования карачаево-балкарского языка.....	458
Қазақ әдеби тілі тарихының зерттелу жайы мен міндеттері.....	460
Ауылдастартағдыры.....	482
ОҚУ-АҒАРТУ КӨКЖИЕГІ.....	486
Как слово наше отзовется.....	486
Қыздарын құрметтеген ел едік.....	489
Араб, парсы тілдерін үйренудің ділгерлігі.....	491
Лингвистикалық «жедел жәрдем».....	494
Болашағымызды осы бастан ойласақ.....	497
Міндет – мұғалім білімін арттыру.....	502
Рахметова мектебі.....	505

Қайдар Әбдуәли

Ғылымдағы ғұмыр

Редакторы: Т. Данияров

Дизайнері: Р.Арсланов

Беттеуші: Б. Қасымбекова

Теруші: М.Құсмолданова

ISBN 978-601-7174-45-3

“Сардар” баспа үйі
Алматы қаласы,
8 ы/а, 19а үй.
Тел.: 8(727) 249 68 05
e-mail: sardar777@list.ru

Шартты баспа табағы 32. Пішімі 60x90 ¹/₁₆
Офсеттік басылым. Қаріп түрі «Таймс» Таралымы 4000 дана